ЗАБЫТОЕ ПРОШЛОЕ
ОКРЕСТНОСТЕЙ ПЕТЕРБУРГА

ЗАБЫТОЕ ПРОШЛОЕ

ОКРЕСТНОСТЕЙ ПЕТЕРБУРГА

М. И. ПЫЛЯЕВА

Съ 104 гравюрами

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1889

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 18 апрѣля 1889 года.

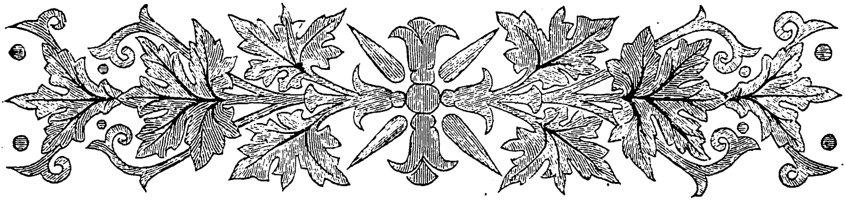
 Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 11—2

ОТЪ АВТОРА.

„Забытое прошлое окрестностей Петербурга“ составлено по различнымъ историческимъ источникамъ и по устнымъ преданіямъ, сохранившимся среди старожиловъ. Все это было провѣрено и сколько возможно исправлено. Писано же разновременно и отрывочно, безъ строгой системы, въ самой простой, такъ сказать, бесѣдной формѣ.

Какъ эти очерки составились, такъ я ихъ и перенесъ въ книгу, безъ передѣлокъ и безъ малѣйшей претензіи на ученую серьезность.

Если моя книга займетъ вниманіе читателей и хоть отчасти поможетъ имъ вспомнить или даже, можетъ быть, узнать „забытое прошлое“, то я достигъ моей цѣли и ничего другого не желаю.

ГЛАВА I.

Дачи на берегахъ Невы.—Число садовъ въ Петербургѣ.—Садъ протоіерея Самборскаго.—Случай во время войны со шведами.—Шутиха императрицы Матрена Даниловна.—Празднованіе дня Сампсонія Петромъ.—Королёва дача, Головинская дача, Строгановская дача.—Графъ А. С. Строгановъ.—Праздники въ его саду.—Гробница, статуи, библіотека и другія диковинки. — Черная рѣчка. — Будочникъ-философъ. — Заведеніе минеральныхъ водъ. — Ив. Ив. Излеръ и В. Н. Егаревъ. — Новая Деревня. — Графъ Бестужевъ-Рюминъ. — Елагинъ островъ. — Крестовскій островъ.—Домъ царевны Натальи.—Князь А. М. Бѣлосельскій. — Первыя увеселенія на Крестовскомъ.— Жоли Кантонъ. — Дачи Зиновьева, Нарышкина, графини Лаваль. — Нѣмецкій и русскій трактиры.— „Тоня подъ елями". — Куллербергъ. — Каменный островъ. — Графъ Головкинъ и его печальная судьба. — Жизнь цесаревича Павла Петровича на Каменномъ. — Церковь и кладбище мальтійскихъ кавалеровъ. — Инвалидный домъ. — Каменный при Александрѣ I. — Дачи вельможъ. — Каменноостровскій театръ; его первый и послѣдній смотритель.—Аптекарскій островъ.— Зелейный заводъ. —Садъ лекарственныхъ травъ.— Русскія батареи.—Подворье Ѳеофана Прокоповича.—Ботаническій садъ.—Барскія дачи.—Прежнія увеселительныя заведенія.

ЕРЕГА Невы съ островами, съ первыхъ лѣтъ существованія столицы, служили дачнымъ мѣстомъ петербургскихъ жителей. Здѣсь всякій, отъ знатнаго и богатаго и до немного зажиточнаго, избиралъ себѣ лѣтнее жилище; ряды красивыхъ дачъ, прикрытыя зеленью липы и березы, въ то время почти всплошную обрамляли живописные изгибы береговъ Невы.

Съ конца мая до сентября множество лодокъ сновало взадъ и впередъ по рѣкѣ; роговая музыка и пѣсни гребцовъ раздавались по ней всюду. По вечерамъ флотилія расцвѣчивалась разноцвѣтными фонарями и потѣшные огни отражались въ чистыхъ струяхъ величественной рѣки [1]).

Петербургъ въ Екатерининское время былъ весь опоясанъ садами. Въ послѣдующія царствованія всѣ эти огороженныя рощицы и лѣски были истреблены для возведенія обширныхъ построекъ

въ столицѣ. Теперь въ городѣ при домахъ почти нѣтъ садовъ, но еще въ 1836 году, по свѣдѣніямъ, изданнымъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, въ столицѣ числилось 1,688 садовъ; въ 1-й и 2-й Адмиралтейской частяхъ сады занимали одну двадцатую часть всего пространства, въ 3-й Адмиралтейской—одну десятую, въ Литейной—одну двѣнадцатую часть. Богаче всѣхъ была садами Петербургская: здѣсь ихъ пространство занимало половину земли; бѣднѣе всѣхъ садами были Охтенская и Каретная части.

Въ исходѣ прошлаго столѣтія, на концѣ Дворцовой набережной, близь нынѣшняго Литейнаго моста, стоялъ домъ съ превосходнымъ садомъ протоіерея Анд. Аѳан. Самборскаго (по имени этого домовладѣльца названъ существующій въ этой мѣстности переулокъ), духовника и наставника великихъ князей Александра и Константина Павловичей. Самборскій [2]) болѣе сорока лѣтъ провелъ на службѣ при миссіяхъ нашего двора заграницей, гдѣ считалъ одною изъ своихъ первыхъ обязанностей помогать совѣтами и указаніями русскимъ путешественникамъ. Особенно онъ отличался большими познаніями въ садоводствѣ и земледѣліи; онъ выписывалъ изъ-заграницы землянику, малину и другіе плодовые кусты и деревья. Изъ его сада въ Петербургѣ славились ягоды. Позднѣе Самборскій основалъ близь Царскаго Села, по дорогѣ въ Павловскъ, на дачѣ Александровкѣ, школу земледѣлія. Графъ М. М. Сперанскій обязанъ началомъ своей карьеры этому замѣчательному, по высокимъ своимъ достоинствамъ, протоіерею. Самборскій былъ знакомъ съ родителями Сперанскаго и зналъ будущаго государственнаго человѣка бѣленькимъ малюткой, бѣгавшимъ запросто босикомъ; Самборскій часто бралъ его на руки и звалъ въ шутку къ себѣ въ Петербургъ. Дружба Сперанскаго къ этому почтенному человѣку постоянно поддерживалась и даже и тогда не измѣнилась, когда роли прежнихъ знакомцевъ уже перемѣнились. Въ домѣ Самборскаго Сперанскій нашелъ себѣ невѣсту—англичанку Елисавету Стивенсъ; по семейнымъ преданіямъ, онъ былъ обвѣнчанъ въ церкви Сампсонія Страннопріимца, на Выборгской сторонѣ. Сперанскій до конца своей жизни не переставалъ посѣщать домъ своего друга и даже вблизи его купилъ себѣ домъ, на углу Сергіевской и Таврической; впослѣдствіи онъ купилъ другой, каменный, тоже на Сергіевской улицѣ, близь Моховой, въ которомъ и скончался. Начало же своей гражданской жизни Сперанскій положилъ въ маленькой квартирѣ въ Большой Морской, въ домѣ Куракина.

Вблизи сада Самборскаго съ 1738 года стояло зданіе Литейнаго двора, теперь сломаннаго для проведенія Литейнаго моста на Выборгскую. На этомъ зданіи красовался вензель императрицы Анны I, съ означеніемъ года построенія (1733). Вензель этотъ былъ снятъ при вступленіи на престолъ императора Николая: повидимому, начальство Литейнаго двора полагало, что это вензель Александра I [3]). Вокругъ этого зданія построена была лабораторія—послѣдняя возбуждала много опасеній, когда помѣщалась среди города; въ 1787 году она была переведена на Выборгскую, но и тутъ напугала весь Петербургъ. Тогда шла война со шведами. Непріятельскія дѣйствія происходили вблизи столицы. Въ городѣ явственно слышался громъ сраженія при Красной горкѣ. Вдругъ загорѣлась лабораторія [4]), и съ Выборгской стороны посыпались бомбы и гранаты: «Шведы! шведы!»—раздавалось въ столицѣ со всѣхъ сторонъ. Многіе стали выбираться изъ Петербурга. Одна барыня, застигнутая общею тревогою въ Гостиномъ дворѣ, поспѣшила сѣсть въ карету, закричавъ кучеру: «Скорѣе, погоняй, въ Москву!» Полиція съ трудомъ успокоила жителей города.

Эта шведская баталія, слышанная въ Петербургѣ, очень напугала шутиху императрицы, Матрену Даниловну. Послѣдняя прибѣжала въ испугѣ къ государынѣ со словами:

— Ну, матушка, хороша твоя роденька-то, хорошъ братецъ.

— Кто такой?—спросила Екатерина.

— Да королишка-то негодный шведскій, настращалъ меня на-смерть!

И начала его ругать всячески: такой, сякой, такъ что императрицѣ стало непріятно.

— О чемъ ты хлопочешь, сказала она.

— Да какъ же, отвѣчала шутиха,—я со страстей весь занавѣсъ свой испортила и разорвала.

Шутиха Матрена Даниловна Теплицкая была родомъ изъ ярославскихъ купчихъ,—государыня знала ее еще въ то время, когда была великою княгинею. Екатерина, хотя и не терпѣла шутовъ, но очень любила ее, держала у себя во дворцѣ: по разсказамъ, она черезъ нее узнавала многое. Теплицкая ходила въ платьяхъ императрицы, называла государыню «сестрицей», имѣла много брилліантовъ и каменный домъ въ Петербургѣ у Вознесенья. Послѣ, когда окончилась шведская война, король прислалъ императрицѣ въ подарокъ дорогіе серебряные сосуды, въ числѣ

1*

которыхъ былъ небольшой, изящной работы кувшинчикъ. Государыня призвала свою забавницу и сказала:

— Ну, Матрена Даниловна, ты вотъ все бранила, да бранила шведа-то; поди-ка погляди, что онъ ко мнѣ прислалъ.

— Хорошо, хорошо, а особливо этотъ кувшинчикъ; но хорошо, если прислалъ онъ это отъ добраго сердца, такъ исполать, а ежели не такъ, такъ чортъ его побери и съ ними.

— Да что ты такъ сердита, Матрена Даниловна, на твоего шведа?

— И, матушка, да вѣдь онъ нѣмецъ, а у насъ на Руси о нѣмцахъ такихъ мыслей были, что когда придетъ къ кому въ домъ нѣмецъ, такъ вымывали и вытирали и крюкъ дверной, за который онъ, растворяя дверь, хватался.

Слѣдуя по Невкѣ, на пути къ островамъ, въ старое время на Выборгской сторонѣ въ началѣ отъ города дачныхъ построекъ не встрѣчалось. Недалеко отъ берега здѣсь виднѣлся одинъ изъ древнѣйшихъ храмовъ Петербурга, построенный въ концѣ 1709 г. Петромъ, во имя преподобнаго Сампсона Страннопріимца. Церковь была заложена въ память дня побѣды подъ Полтавой надъ Карломъ XII. Въ 1710 году деревянный храмъ былъ освященъ и при немъ было устроено общее городское кладбище, какого тогда въ Петербургѣ еще не было: умершихъ хоронили при собственныхъ домахъ или у приходскихъ церквей. Голиковъ говоритъ, что Петръ, при учрежденіи здѣсь кладбища, руководствовался мыслью: преподобный Сампсоній былъ страннопріимецъ, а на петербургской землѣ поселились странники, люди пришлые; пусть они и покоятся подъ сѣнью страннопріимца.

Рядомъ съ православнымъ кладбищемъ было отведено мѣсто для погребенія христіанъ и другихъ исповѣданій. По приказу Петра, за мѣста погребенія денегъ не брали, а пожертвованія записывали въ книгу. Всей земли для кладбища, обнесенной каменной оградой, по сейчасъ здѣсь въ количествѣ 10,000 квад. саженъ. Кладбище это до царствованія Екатерины II служило главнымъ мѣстомъ погребенія для жителей Петербурга. На этомъ кладбищѣ, на южной сторонѣ храма, погребены: бывшій кабинетъ-министръ Артемій Петровичъ Волынскій и съ нимъ Хрущовъ и Еропкинъ.

Въ Сампсоньевъ день на Выборгской сторонѣ встарину былъ большой праздникъ, хороводы русскихъ бабъ и толпы чухонокъ здѣсь плясали подъ звуки балалайки до утра, веселье и празднество всегда тянулось три дня. Самъ же царь Петръ праздно-

валъ этотъ день передъ Сенатомъ на Петербургской сторонѣ; здѣсь съ разсвѣтомъ строились бомбардирская рота и полки гвардіи: Преображенскій и Семеновскій, затѣмъ и другіе полевые, составлявшіе петербургскій гарнизонъ. Въ шагахъ ста отъ Троицкаго собора ставилась большая палатка, гдѣ главнѣйшее духовенство служило обѣдню. Въ 8 часовъ утра императоръ со всею фамиліею выходилъ изъ лѣтняго дворца, садился на раззолоченный буеръ подъ вице-адмиральскимъ флагомъ, подъѣзжалъ къ крѣпости. У пристани здѣсь его ждали сенаторы и знатнѣйшее дворянство, въ разноцвѣтныхъ французскихъ кафтанахъ изъ узорчатаго свѣтлаго бархата или гродетуровыхъ съ серебряными или золотыми нашивками по борту. Царь былъ въ нарядѣ, какой носилъ въ день полтавской битвы—зеленомъ мундирѣ съ откладнымъ краснымъ воротникомъ, небольшими обшлагами того же цвѣта и черною портупеею черезъ плечо, къ которой привѣшенъ былъ кортикъ, въ зеленыхъ чулкахъ и старыхъ башмакахъ съ пряжками; съ прострѣленною шляпою въ одной рукѣ, взявъ въ другую эспонтонъ, онъ становился шагахъ въ тридцати отъ палатки. Въ сторонѣ стояли генералы, позади нихъ два подполковника гвардіи съ эспонтонами въ рукахъ, князь Меншиковъ и Бутурлинъ, за ними въ нѣсколько рядовъ офицеры; императрица съ придворными дамами становилась за рѣшеткою на возвышеніи. Во время молебствія царь, государыня и все войско стояли на колѣняхъ. При многолѣтіи громъ пушекъ и бѣглый огонь построенныхъ на площади полковъ оглашалъ воздухъ. По окончаніи молебствія, полки проходили церемоніальнымъ маршемъ мимо царя и Петръ послѣ возвращался во дворецъ; здѣсь, на берегу, знатнѣйшіе иностранцы приносили ему поздравленіе, царь нѣкоторыхъ цѣловалъ, другимъ пожималъ руки, затѣмъ всѣхъ присутствовавшихъ приглашалъ къ себѣ къ пяти часамъ въ Лѣтній садъ, гдѣ пиръ тянулся до ранняго утра.

Недалеко отъ церкви Сампсонія, на берегу Невки, въ сороковыхъ годахъ, славилось увеселительное заведеніе подъ названіемъ «Королёва дача». Здѣсь игралъ оркестръ «Конкордія» подъ управленіемъ капельмейстера Гюльмана, сюда пріѣзжало высшее петербургское общество слушать музыку и ѣсть со сливками малину, росшую на этой дачѣ и отличавшуюся вкусомъ и величиною. Буфетъ здѣсь содержалъ извѣстный Петербургу ресторатъ Доминикъ. «Королёва дача» была нынѣшній Павловскій вокзалъ въ миніатюрѣ.

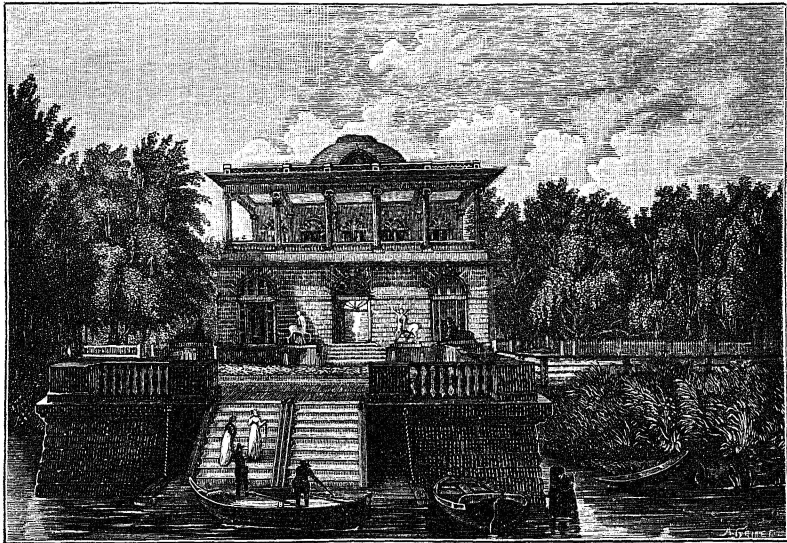
На мѣстѣ, гдѣ стояла въ Петровскія времена чухонская деревня «Торка», впослѣдствіи была воздвигнута «Головинская дача», принадлежавшая графу Н. И. Головину, сенатору, президенту главнаго почтоваго управленія и гофмаршалу при великомъ князѣ Александрѣ Павловичѣ.

Про этого Головина князь Безбородко пишетъ, что онъ былъ негодяй, а князь Вяземскій говоритъ, что онъ отличалъ людей только по платью, какъ они одѣвались. Головинъ былъ внукъ графа Ѳедора Алексѣевича, прославилъ имя свое болѣе на дипломатическомъ поприщѣ, нежели на военномъ. Головинъ былъ вторымъ генералъ-адмираломъ. На Головинской дачѣ, въ концѣ сороковыхъ годовъ и въ началѣ пятидесятыхъ, помѣщалась дача театральнаго училища. На этой дачѣ происходило не мало проказъ. Одно время даже начальство ставило особенный караулъ къ забору.

Начало нынѣшней Строгановской дачи положилъ С. Г. Строгановъ, купивъ у графа Рагузинскаго, въ 1743 году, загородный его дворъ; на мѣстѣ этомъ теперь находится постройка (Воронихинъ домъ), гдѣ помѣщается клубъ; для увеличенія дачи, въ 1772 году, сынъ прежняго владѣльца, графъ А. С. Строгановъ, прикупилъ домъ графа Я. А. Брюса съ землею около устья Черной рѣчки (оконечность нынѣшней Строгановой дачи) и вслѣдъ затѣмъ пріобрѣлъ еще мызу Мандорову у г-на Лунина на противоположной оконечности сада — гдѣ теперь „Аркадія“ и садъ Помпей.

Устройствомъ своимъ дача обязана графу А. С. Строганову. Это былъ вельможа открытаго и веселаго характера, за что и пользовался постояннымъ довѣріемъ трехъ вѣнценосцевъ. Графъ Строгановъ императоромъ Павломъ былъ назначенъ президентомъ Академіи Художествъ. Эта должность вполнѣ отвѣчала любви Строганова къ искусствамъ. Подобно Шувалову, онъ былъ прозванъ русскимъ меценатомъ. Графъ отличался благотворительностью, граничащею съ расточительностью. Екатерина II, представляя его австрійскому императору, сказала: «Вотъ человѣкъ, который цѣлый вѣкъ хлопочетъ, чтобъ разориться, но не можетъ!» Императрица вывела этого вельможу въ своей комедіи «Обольщенный», подъ именемъ «Родотова». Герой этотъ отличается большою расточительностью и широкимъ гостепріимствомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ выставленъ алхимикомъ и кабалистомъ. Послѣднее занятіе было любимымъ одно время у Строганова и онъ, по выраженію Державина: „дѣвицъ и дамъ магнизируетъ [5]), изъ камней золото варитъ“... и т. д.

Проводя лѣто вмѣстѣ съ дворомъ обыкновенно въ Царскомъ, Строгановъ по воскресеньямъ пріѣзжалъ на свою любимую дачу, отмѣченную его именемъ и воспѣтую Гнѣдичемъ въ идилліи «Рыбаки». Съ садомъ Строганова связано не одно воспоминаніе. Говорятъ, что деревья этого сада были не разъ свидѣтелями безчисленныхъ пламенныхъ признаній и клятвъ въ вѣчной любви дачниковъ, нарушенныхъ тотчасъ по переѣздѣ въ городъ. Въ былые годы въ садъ Строганова стекалась многочисленная публика.

Строганова дача. Съ картины Воронихина.

Самъ Строгановъ, какъ пишетъ въ своихъ запискахъ [6]) Гречъ, сидѣлъ съ своею компаніею на крыльцѣ и любовался картиною движущагося народа. Въ саду не было ни кофейни, ни трактира; графскіе люди продавали все съѣстное и питейное, и очень дешево, потому что запасались провизіею изъ графскихъ кладовыхъ. Въ одной сторонѣ сада была устроена галлерея для танцевъ; въ ней играла музыка. Изрѣдка графъ самъ открывалъ танцы, подавая руку первой дамѣ. Вокругъ галлереи были разбиты палатки, въ которыхъ можно было имѣть кушанье и напитки. Строгановъ во время празднества въ своемъ саду сидѣлъ одѣтый запросто, въ короткомъ казакинѣ или курткѣ изъ зеленой матеріи. Постоянными посѣтителями его были: графы

З. Г. Чернышевъ, А. В. Самойловъ, И. В. Завадовскій, А. А. Безбородко, П. А. Зубовъ.

Въ своемъ саду онъ принималъ императрицу Екатерину и разъ, въ 1796 году, далъ большой праздникъ шведскому королю Густаву IV и его дядѣ герцогу Зюдерманландскому. Нѣкогда вблизи отъ грота лежали камни на томъ мѣстѣ, гдѣ высокіе гости пили чай. У Строганова неоднократно бывали запросто императоры: Павелъ и Александръ I и императрица Марія Өеодоровна.

Существуетъ преданіе, что разъ, живя въ Таврическомъ саду, императрица Екатерина, не видя долго графа, приказала П. А. Зубову атаковать его дачу и, взявъ въ плѣнъ Строганова, привести его къ ней. Графъ узналъ объ этомъ, и быстро всѣ жители его усадьбы были вооружены, берега дачи были укрѣплены батареями, мостъ на Черной рѣчкѣ разломанъ и вельможа ждалъ только битвы. Зубовъ приплылъ съ своими егерями въ лодкахъ и не только не могъ исполнить порученія императрицы, но былъ посаженъ на мель со своими удальцами и принужденъ былъ сдаться на капитуляцію. Послѣ пира Зубовъ уже обманомъ завлекъ графа къ себѣ на лодку и тутъ, объявивъ его плѣнникомъ, доставилъ къ государынѣ.

Постройку зданія своей дачи, чистаго благороднаго стиля, какъ и разбивку всего сада съ канавками, прудами, горками, графъ поручилъ своему воспитаннику, извѣстному въ лѣтописяхъ русскаго искусства архитектору Воронихину. Просвѣщенный знатокъ художествъ не ошибся. Строганова дача одна изъ лучшихъ въ окрестностяхъ столицы и сохраняетъ посейчасъ характеръ настоящаго барскаго жилища старой русской аристократіи.

Въ саду у Строганова хранились замѣчательныя произведенія искусства: двѣ большія мраморныя статуи Геркулеса и Флоры Фарнезскихъ,—стояли онѣ по сторонамъ террасы дома; затѣмъ древняя фигура точильщика, обезображенная, впрочемъ, временемъ. При входѣ на берегу къ дачѣ лежало два сфинкса, а по бокамъ ступеней—два большихъ кинотавра, затѣмъ нѣсколько мраморныхъ вазъ, и на пруду передъ газономъ была фигура Нептуна съ трезубцемъ. Теперь нѣкоторыя изъ этихъ мраморныхъ фигуръ сняты съ мѣста. Но посейчасъ въ одной изъ аллей лежитъ древняя гробница; объ этой гробницѣ существуетъ много разсказовъ; полагаютъ, что это даже настоящая гробница Гомера. Вотъ что передаетъ объ ней самъ графъ Стро-

гановъ. «Въ первую турецкую войну (1770 г.), когда русское оружіе торжествовало на моряхъ, Домашневъ, русскій офицеръ, командовавшій дессантнымъ войскомъ, нашелъ на одномъ изъ Архипелагскихъ островокъ этотъ саркофагъ, привезъ его въ Россію и подарилъ мнѣ [7]). При видѣ этого памятника я не могъ не воскликнуть: не памятникъ ли это Гомера? Это стало переходить изъ устъ въ уста и, безъ всякаго другого основанія, всѣ заключили, что я владѣю гробницею Гомера».

Въ саду Строганова въ первое время была устроена библіотека. Всѣ посѣтители сада имѣли право ею пользоваться. Эта библіотека просуществовала не болѣе года. Съ нею произошелъ слѣдующій казусъ. Въ первый же день по открытіи, графу доносятъ, что не возвращено нѣсколько томовъ. Добродушный хозяинъ приписалъ это тому, что многіе, не успѣвъ прочитать книгъ, взяли ихъ съ собой для прочтенія на домъ. Въ другіе дни недочетъ оказался еще болѣе, къ концу лѣта недоставало уже многихъ сотенъ книгъ. Тогда только графъ закрылъ свою библіотеку.

Въ сороковыхъ годахъ, въ числѣ мячиковъ, обручей и другихъ развлеченій для дѣтей, были протянуты два каната: одинъ на высотѣ одного аршина и другой на два аршина. На этихъ канатахъ потѣшались дѣти, пробуя ходить какъ акробаты. За ними слѣдили два ливрейныхъ лакея—за искусство ходить по большому канату молодой акробатъ получалъ изъ рукъ графини подарокъ.

Въ Строгановомъ саду, помимо разныхъ любовныхъ rendez-vous, разыгрались нѣкогда двѣ кровавыя драмы: тутъ произведено было покушеніе на жизнь князя Мещерскаго, и въ другой разъ нанесено было шесть или семь ранъ такъ жестоко, что орудіе, напильникъ, осталось въ тѣлѣ молодой дѣвицы, сидѣвшей съ сестрой на скамейкѣ послѣ обѣдни, которую онѣ отстояли въ Каменноостровской церкви. Въ 1852 году въ Строгановскомъ саду, на горкѣ, приготовляла вафли въ своей пекарнѣ голландка Софья Гебгардтъ—жена содержателя впослѣдствіи Зоологическаго сада, до этого времени она держала свое вафельное заведеніе въ скверѣ Александринскаго театра.

Со смертію графа А. С. Строганова (онъ умеръ 27-го сентября 1811 года), на его дачѣ уже не было больше празднествъ. Жизнь только сосредоточивалась около Строганова сада по Черной рѣчкѣ. Въ эти годы крестьяне графа Головина стали отдавать свои грязныя хатки на лѣто нѣмцамъ и другимъ не-

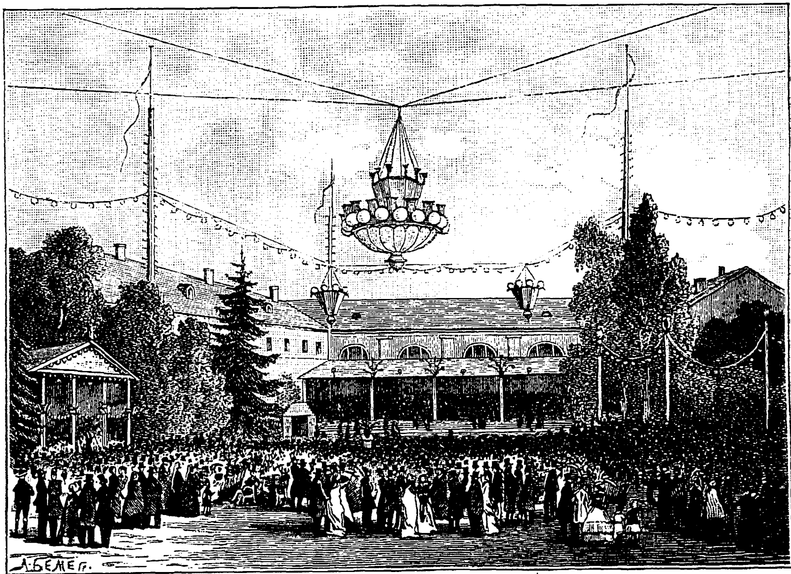
богатымъ жителямъ столицы. Эти дачки ходили въ то время за лѣто не дороже 25 р. Кухни при нихъ не были устроены: послѣднія помѣщались на берегу Черной рѣчки въ ямѣ, обведенной рогожами на шестахъ. Рядъ же красивыхъ дачъ здѣсь выстроился только въ сороковыхъ годахъ. Первыя такія дачи въ этой мѣстности были гг. Гамбса и Яковлева. Въ эти года, по выраженію фельетониста того времени, здѣсь вошла въ моду «чопорность и женировка», мужчинѣ прогуливаться въ фуражкѣ считалось уже неприличнымъ и дамы должны были являться на улицу «во всеоружіи».

Черная рѣчка прежде называлась «Сельцо Никольское», все населеніе этого сельца составляли крестьяне трехъ фамилій: Вдовины, Баулины и Дрожины. Самая красивая изъ дачъ на Черной рѣчкѣ, какъ мы уже говорили, была Яковлева; принадлежала она извѣстному въ свое время кутилѣ ротмистру Саввѣ Яковлеву. На этой дачѣ почти каждый день устраивались попойки, которыя нерѣдко творились и на берегу Невы, на тоняхъ. Публика обходила эту дачу, не смотря на частую музыку, пѣніе цыганъ и иллюминацію. П. Т. Образцовъ разсказываетъ, что во время его юности, въ этой мѣстности, близь прежней Ланской дороги, стояла будка, въ которой жилъ будочникъ семинаристъ изъ богословскаго курса тверской семинаріи, по волѣ митрополита Григорія сданный въ солдаты. Пріютившись здѣсь, онъ мирно проводилъ время, читалъ Виргилія и другихъ латинскихъ классиковъ. Въ такомъ занятіи разъ засталъ его бывшій въ то время директоръ департамента полиціи г-нъ Оржевскій. Удивленный такою неожиданностію, директоръ разспросилъ его, гдѣ онъ воспитывался и кто его родство. Изъ разсказа будочника оказалось, что послѣдній племянникъ директора. Съ этого времени судьба его измѣнилась: впослѣдствіи онъ былъ надзирателемъ сначала на Васильевскомъ островѣ, а затѣмъ въ Московской части.

Вблизи Новой Деревни, на землѣ графа Строганова, въ тридцатыхъ годахъ былъ выстроенъ вокзалъ заведенія искусственныхъ минеральныхъ водъ. По постройкѣ зданія, здѣсь была устроена эстрада, на которой два раза въ недѣлю по вечерамъ игралъ оркестръ музыки подъ управленіемъ капельмейстера Германа, который до этого игралъ въ Павловскѣ. Публика на вечера стекалась въ большомъ количествѣ; почти вся наша аристократія пріѣзжала сюда въ своихъ экипажахъ и каталась цугомъ передъ музыкальною эстрадою. Впослѣдствіи весь общир-

ный садъ, съ большими площадками и аллеями, былъ обнесенъ со всѣхъ сторонъ высокимъ заборомъ и взятъ въ аренду антрепренеромъ; за впускъ въ садъ стали брать плату. Въ числѣ нѣсколькихъ арендовавшихъ это заведеніе, въ концѣ сороковыхъ годовъ, прославился Ив. Ив. Излеръ; ранѣе этого Излеръ содержалъ небольшой кафе-ресторанъ на Невскомъ проспектѣ.

Во время Излера, здѣсь въ громадной залѣ появился превосходный оркестръ Ивана Гунгля и также сталъ пѣть славившійся въ то время цыганскій хоръ Ивана Васильева, съ пля-

Садъ искусственныхъ минеральныхъ водъ И. И. Излера.

сунью-старухою Матреною. Вскорѣ Излеръ сюда пригласилъ труппу гимнастовъ арабовъ-кабиловъ.

Когда холера появилась въ Петербургѣ, И. И. Излеръ, чтобы развлечь публику, всевозможными средствами сталъ заманивать ее въ свое увеселительное заведеніе. Это замѣтилъ императоръ Николай Павловичъ и самъ лично посѣтилъ минеральныя воды; здѣсь онъ долго любовался акробатическимъ представленіемъ кабиловъ и, уходя, присѣлъ въ одной изъ боковыхъ аллей на скамейку и, подозвавъ Излера, благодарилъ его за тѣ удовольствія, которыя онъ доставляетъ публикѣ своею дѣятельностью. Послѣ посѣщенія Излеръ получилъ въ подарокъ отъ импера-

тора три тысячи рублей. Осчастливленный посѣщеніемъ монарха, Излеръ, послѣ отъѣзда государя, предложилъ всей присутствовавшей у него въ заведеніи публикѣ по стакану шампанскаго.

Позднѣе, на горкѣ Излеръ устроилъ открытый театръ, гдѣ сталъ показывать входившія тогда въ моду живыя картины, затѣмъ появились фейерверки, разныя китайскія иллюминаціи, транспаранты и другіе потѣшные огни. Вошли также въ моду полеты воздушныхъ шаровъ: леталъ здѣсь Вейнертъ. Вскорѣ появились тирольцы и въ 1862 году запѣли исполнители французскихъ шансонетокъ. Первыми были пѣвцы г. и г-жа Валота — пѣли они извѣстный «Фолишонъ». Новый жанръ искусства вскорѣ пріобрѣлъ большую популярность. Цыгане и тирольцы были забыты, французская шансонетка покорила все. Стали давать отрывки изъ опереть. Въ 1869 году сюда прибыла пѣвица театра Folies-Bergères г-жа Нобль и въ первый разъ здѣсь была сыграна полная оперетка Оффенбаха «La Pericholе». «Заведеніе искусственныхъ минеральныхъ водъ» стало приходить въ упадокъ и даже приглашенная изъ Парижа г. Деккеръ-Шенкомъ знаменитая Тереза не привлекала уже публики. Былъ построенъ новый театръ Альгамбра, гдѣ разыгрывались разныя пародіи въ фривольномъ вкусѣ. Въ 1874 году явился новый арендаторъ В. Н. Егаревъ, и заведеніе стало вновь нравиться публикѣ. Съ 1876 года вокзалъ стоялъ пустымъ; 7-го августа на сценѣ концертнаго зала сразу въ четырехъ мѣстахъ показался огонь и, спустя часъ, отъ большого вокзала ничего уже не осталось. Черезъ годъ на Смоленскомъ кладбищѣ похоронили и Ив. Ив. Излера, творца вокзала и перваго насадителя у насъ французской оперетки и шансонетки.

Новая Деревня вмѣстѣ со Старой Деревней въ старину назывались «Каменный носъ» и также село «Графское Бестужево-Рюмино»; принадлежало оно извѣстному другу Бирона графу Алексѣю Петровичу Бестужеву-Рюмину. Жизнь этого вельможи богата приключеніями. Воспитывался онъ въ Берлинѣ, началъ службу съ изволенія Петра Великаго у ганноверскаго курфюрста, впослѣдствіи короля англійскаго, затѣмъ былъ отозванъ царемъ къ себѣ на службу, гдѣ былъ осыпанъ милостями. Послѣ Бестужевъ служилъ при императрицахъ Екатеринѣ I и Аннѣ, съ паденіемъ Бирона заключенъ былъ въ крѣпость Шлиссельбургъ, вскорѣ оправдался и получилъ свободу; при Елисаветѣ шестнадцать лѣтъ былъ у кормила правленія, затѣмъ арестованъ, выставленъ на поруганіе какъ «бездѣльникъ, клятвонарушитель,

Графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ.

Съ гравюры Бернигерота, сдѣланной съ портрета, писаннаго въ 1755 г. Преннеромъ.

измѣнникъ отечеству, состарѣвшійся въ злодѣяніяхъ и проч.», приговоренъ къ смерти, но прощенъ и отправленъ въ наказаніе въ ссылку въ свое село Горстово, гдѣ долго жилъ въ дымной избѣ, какъ простой мужикъ, нося лапти и простой тулупъ. Наконецъ дозволено ему было выстроить домъ, названный имъ «обитель печали». Ссылка его продолжалась до восшествія Екатерины на престолъ. Государыня возвратила ему всѣ ордена и чины. По словамъ современниковъ, Бестужевъ былъ очень образованъ, зналъ всѣ языки, очень трудолюбивъ, но вмѣстѣ гордъ, хитеръ и мстителенъ, неблагодаренъ и невоздержанной жизни. Въ медицинѣ извѣстны изобрѣтенныя имъ капли [8]), секретъ которыхъ императрица Екатерина II купила у него за тридцать тысячъ рублей.

Подъ конецъ своей жизни графъ Бестужевъ отличался большою набожностью. Онъ построилъ въ Новой Деревнѣ, въ 1762 г., для своихъ крестьянъ, переселенныхъ изъ разныхъ губерній, церковь во имя Благовѣщенія. Храмъ этотъ, въ 1803 году, пострадалъ отъ молніи, ударившей въ деревянный куполъ. Церковь, впрочемъ, не совсѣмъ сгорѣла, утварь и иконостасъ были спасены. Въ 1809 году онъ былъ возобновленъ помѣщикомъ Сергеемъ Саввичемъ Яковлевымъ, у котораго во время перестройки устроена была временная церковь на дачѣ. Въ церкви въ Новой Деревнѣ долго сохранялся колоколъ, на которомъ были изображены гербъ и медаль, выбитые въ честь Бестужева. На колоколѣ виднѣлась еще надпись, что его вылилъ колокольный мастеръ Дм. Евдокимовъ, а украшенія и надписи дѣлалъ свѣтлѣйшаго князя Бестужева крѣпостной слуга Прохоръ Невзоровскій, въ С.-Петербургѣ, въ 1765 году. Колоколъ этотъ, въ 1856 году, былъ перелитъ на новый, но тотчасъ же послѣ отливки разбился.

Новая Деревня впослѣдствіи принадлежала по частямъ гг. Шишмареву, А. А. Одинцову, Яковлеву и М. К. Сабиръ. Старая Деревня принадлежала г-жѣ Чернышевой. Прежнія крестьянскія избы теперь превращены въ загородные домики, нанимаемые городскими жителями. Здѣсь лѣтомъ нѣсколько годовъ стоитъ Кавалергардскій полкъ.

Елагинъ островъ, по положенію очень низкій и топкій, въ старину назывался «Мишинымъ»; длиною онъ въ двѣ версты, шириною до 200 саженъ. При Петрѣ на немъ стояла дача вице-канцлера Шафирова, потомъ она перешла къ графу Ягужинскому, отъ него поступила къ сенатору Алексѣю Петровичу Мельгунову, другу Ив. Ив. Шувалова. Въ его время этотъ островъ назы-

вался «Мельгуновскимъ». Здѣсь нерѣдко устраивались праздники или «пикники», на которыхъ бывалъ и Державинъ. Поэтъ воспѣлъ ихъ въ стихахъ [9]). Послѣ Мельгунова владѣлъ островомъ гофмейстеръ Екатерины II Иванъ Перѳильичъ Елагинъ, который и далъ острову свое имя, сохранившееся и по сейчасъ.

Елагинъ сдѣлалъ здѣсь болѣе всѣхъ своихъ прежнихъ владѣльцевъ; онъ обнесъ его землянымъ валомъ, по которому и провелъ дороги, въ болотистыхъ рощахъ выкопалъ пруды, канавы. У перевоза съ Каменнаго острова построилъ изъ камня набережную, на которой поставилъ 12 мѣдныхъ пушекъ для «увеселенія». Воздвигъ многіе памятники въ честь своихъ друзей-масоновъ [10]). Развалины этихъ монументовъ видны по сейчасъ на южной сторонѣ острова въ Англійскомъ саду. Въ числѣ памятниковъ здѣсь цѣлъ построенный въ память вице-канцлера графа Никиты Ивановича Панина. У Елагина былъ выстроенъ превосходный домъ съ большимъ зимнимъ садомъ. Садъ былъ длиною 30 саженъ и шириною въ восемь, видомъ онъ напоминалъ такой же въ Таврическомъ саду. Въ домѣ послѣдняго находился также богатѣйшій погребъ съ заморскими винами и затѣмъ еще былъ устроенъ великолѣпный буфетъ для пріѣзжихъ гостей.

Большіе праздники по большей части у него бывали по зимамъ. Елагинъ очень увлекался одно время тайными науками и былъ горячимъ адептомъ извѣстнаго Каліостро, который, въ бытность свою въ Петербургѣ въ 1779—1780 годахъ, даже жилъ въ его домѣ. Елагинъ съ юныхъ лѣтъ принадлежалъ къ русскому масонству; онъ первый получилъ званіе великаго мастера, съ подчиненіемъ лондонской ложѣ-матери. Въ его загородномъ домѣ былъ открытъ масонскій храмъ; кажется, послѣдній на Елагиномъ существовалъ еще при Мельгуновѣ, который тоже былъ массономъ.

По разсказамъ, Елагинъ имѣлъ много слабостей, кромѣ слабости къ женскому полу. Сохранилось преданіе, что, бывъ уже старикомъ у актрисы Габріелли въ гостяхъ, онъ вздумалъ дѣлать пируэты передъ зеркаломъ и вывихнулъ себѣ ногу, послѣ чего императрица позволила ему являться во дворецъ съ тростью и даже сидѣть въ своемъ присутствіи. Елагинъ пользовался этимъ правомъ, и разъ въ 1795 году, когда покоритель Варшавы Суворовъ имѣлъ торжественный пріемъ во дворцѣ, всѣ стояли, за исключеніемъ Елагина; Суворовъ это замѣтилъ, но императрица поспѣшила сказать ему:

— Не удивляйтесь, что Иванъ Перѳильичъ встрѣчаетъ васъ сидя: онъ раненъ, только не на войнѣ, а у актрисы, дѣлая прыжки.

Кстати и о другихъ слабостяхъ Елагина: онъ не любилъ, чтобы другіе ѣли въ то время, когда у него самого аппетита не было, ходили гулять, когда у него болѣла нога, и вообще дѣлали то, что иногда онъ самъ дѣлать былъ не въ состояніи. У него ежедневно былъ роскошный столъ и безъ гостей онъ никогда не ѣлъ. Если онъ чувствовалъ себя хорошо, тогда потчивалъ напропалую, выговаривая безпрестанно, что мало ѣдятъ и пьютъ; когда же у него не было аппетита или докторъ запрещалъ ему ѣсть, то говорилъ, какъ люди себя не берегутъ и безразсудно предаются излишеству въ пищѣ. Или, если кто ѣхалъ въ страстно любимый имъ театръ, котораго онъ былъ директоромъ, когда по нездоровью онъ не могъ присутствовать въ театрѣ, то Елагинъ начиналъ ворчать: «право, не понимаю этой страсти къ театру, что за невидаль такая? Добро бы что нибудь новое, а то все одно и то же, что вчера, то и нынче: тѣ же пьесы, тѣ же актеры и тѣ же кулисы».

Елагинъ, какъ говоритъ Лонгиновъ, былъ сотрудникомъ Екатерины II по нѣкоторымъ ея литературнымъ произведеніямъ, слагая иногда стихи для ея комедій и пр. Извѣстны въ старинныхъ рукописяхъ нѣсколько его эротическихъ стихотвореній и переводовъ изъ Пирона, написанныхъ имъ въ сотрудничествѣ съ Барковымъ; Елагинъ былъ главою славянофиловъ и писалъ иногда по-славянски; слогъ его современники ставили въ образецъ. Онъ перевелъ нѣсколько пьесъ для театра, при немъ учрежденъ первый русскій публичный театръ, основано театральное училище и открытъ Большой театръ. Послѣ смерти Елагина въ 1796 г., его островъ поступилъ къ графу В. Г. Орлову, послѣдній продалъ его, въ 1817 г., Александру I, который купилъ его и для житья императрицы Маріи Ѳеодоровны приказалъ архитектору Росси построить на немъ дворецъ. Въ 1818 году начата постройка и черезъ два года окончена. Дворецъ отличается простотою и легкостью стиля, и славится видомъ, открывающимся изъ оконъ его на Финскій заливъ. Александръ I любилъ проводить лѣто на Елагиномъ, гуляя отъ дворца по большой аллеѣ; здѣсь онъ назначалъ свиданія своимъ сановникамъ, толковалъ о важныхъ дѣлахъ съ министрами, и здѣсь же ему подавали просьбы просители.

Кажется, единственно на Елагиномъ островѣ еще встрѣчаются многовѣковые дубы и липы и есть деревья, посаженныя

руками императора Александра I и Николая Павловича. Въ прудахъ на Елагиномъ водится множество карасей.

Самою любимою прогулкою для петербургскихъ жителей считается оконечность острова, вдающаяся во взморье, между лѣснымъ берегомъ Крестовскаго и брандвахтою, находящеюся въ концѣ Старой Деревни. Мѣсто это называется «пуантомъ» и «стрѣлкою»; здѣсь на оконечности, на озеркѣ, существовалъ года три пловучій кафе-ресторанъ.

Князь Мещерскій въ одномъ изъ своихъ фельетоновъ приводитъ слѣдующую исторію Елагинской стрѣлки и причину, почему издавна этотъ маленькій клочекъ земли служитъ весною и лѣтомъ средоточіемъ петербургскаго high life'а. Причина эта — легенда чуть ли не конца сороковыхъ годовъ, и если, быть можетъ, она исторически не во всемъ вѣрна, то во всякомъ случаѣ она очень характерна какъ картина нравовъ того великосвѣтскаго общества, о которомъ теперь у насъ утратилось преданіе.

Была въ Петербургѣ въ большомъ свѣтѣ женщина, которую звали, и не безъ основанія, царицею салоновъ. Она была и красива, и умна, и обворожительна, и прелестна въ одно и то же время. Лермонтовъ ей посвятилъ стихи, въ которыхъ она характеризована какъ нельзя вѣрнѣе. Женщина эта была графиня С—ва.

Легенда повѣствуетъ, что графиня, которой принадлежала въ окрестностяхъ Царскаго Села Славянка, называвшаяся Графскою, собирала къ себѣ весь цвѣтъ петербургскаго общества лѣтомъ, и вечера у нея въ чудесномъ саду плѣняли до того всѣхъ, что вслѣдствіе этого Царское Село пустѣло. Тогда, чтобы прекратить эту конкурренцію и сохранить за Царскимъ Селомъ его прежнее оживленіе, императоръ Николай Павловичъ предложилъ графинѣ продать ему Графскую Славянку.

Предложеніе въ то время имѣло характеръ приказанія, какъ повѣствуетъ легенда; графиня подчинилась, но при этомъ, продавая, она будто сказала: «скажите государю, что ѣздили не въ Славянку, а къ графинѣ С—ой, и гдѣ бы она ни была, будутъ продолжать къ ней ѣздить».

Характерныя эти слова становятся еще характернѣе, если вѣрить легендѣ, въ виду рѣшимости гордой царицы Славянки осуществить ихъ на дѣлѣ.

Оставивъ Славянку, графиня поѣхала въ прекрасный вечеръ на Елагинъ островъ и доѣхала до той стрѣлки, гдѣ въ то время

пѣлъ только соловей и вторила ему унылая пѣснь рыбака со взморья... Ставъ на эту стрѣлку, она сказала: вотъ здѣсь будутъ пріѣзжать къ графинѣ С—ой...

И въ самомъ дѣлѣ, съ слѣдующаго дня начали пріѣзжать поклонники графини удостоиваться бесѣды съ нею, и дикій уголокъ Елагинскаго острова обращался въ блестящую гостиную со дня на день. Послѣ поклонниковъ потянули на стрѣлку любопытныя кумушки большого свѣта; за ними молодыя женщины, за ними дипломаты, а въ заключеніе и придворные, и въ то время, въ какихъ нибудь 2—3 недѣли, Елагинская стрѣлка стала мѣстомъ собраній для всего аристократическаго и элегантнаго общества Петербурга.

За то курьезенъ и даже смѣшонъ нынѣшній, лѣтъ сорокъ спустя, видъ Елагинской стрѣлки. Тѣнь графини царицы большого свѣта давно исчезла... Экипажей и бомонда какъ будто сто разъ больше. Mais ou sont les neiges d'antan? какъ говоритъ старая французская пѣсня. Кавалеры есть, но и жидовъ много; дипломаты есть, но и жидовъ много; грандъ-дамы есть, но и полу-дамы есть, и четверть-дамы есть; матроны есть, но и Матрены есть... но нѣтъ ни одного элегантнаго, умнаго кавалера, выходящаго изъ ряда, ни одной блестящей умомъ, съ плѣнительной прелестью великосвѣтской барыни.

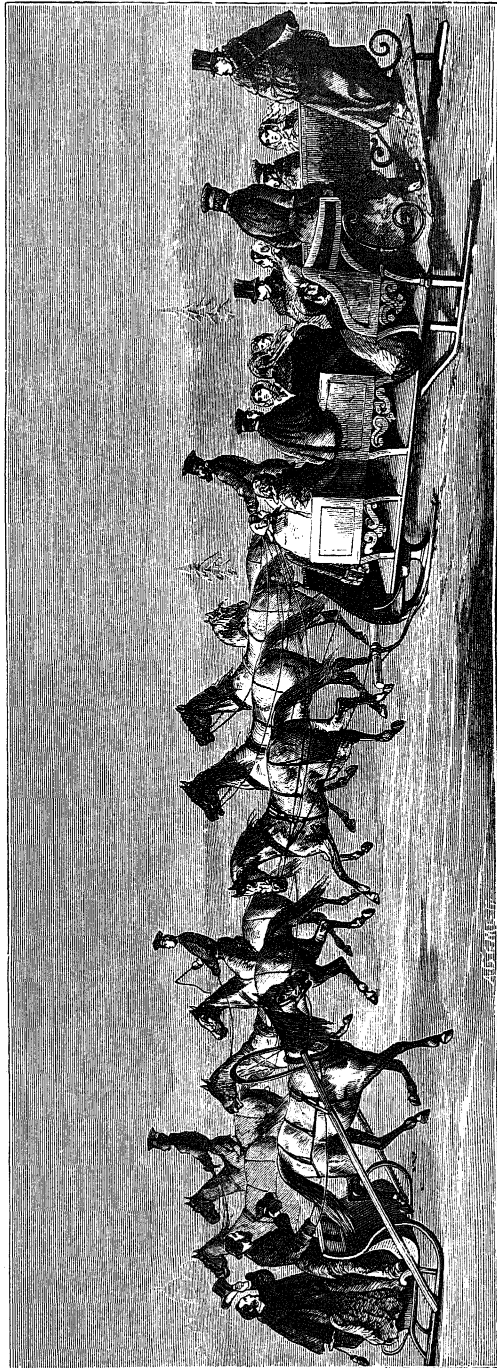
Въ царствованіе Николая Павловича Елагинскій дворецъ былъ обитаемъ августѣйшей фамиліей и тогда процвѣтали какъ лѣтніе, такъ и зимніе праздники. Во время лѣтняго пребыванія государя приходило сюда нѣсколько яхтъ и выстраивалось передъ дворцомъ. Днемъ онѣ разукрашивались флагами, а вечеромъ на нихъ зажигались огни и играла музыка. Гулянья на Елагиномъ островѣ сосредоточивались на площадкѣ, подлѣ моста, гдѣ гауптвахта, на которой караулъ держали всегда кавалергарды; здѣсь вечеромъ, вблизи каменной бесѣдки, играли два хора музыки, духовой и бальный, Кавалергардскаго полка. Вся наша знать собиралась на эти вечера и почти всегда появлялся и императоръ верхомъ или пѣшкомъ въ сопровожденіи императорской фамиліи.

На Елагиномъ бывало ежегодно два гулянья: 25-го іюня и и 1-го іюля; всѣ эти празднества носили характеръ народнаго. Устраивались палатки, трактиры, тысячи яликовъ приплывали къ берегамъ острова. Вечеромъ здѣсь зажигалась иллюминація, и затѣмъ гулянье кончалось большимъ фейерверкомъ, который зажигался прежде на Крестовскомъ, противъ Елагинскаго моста,

гдѣ дача Лаврова, а впослѣдствіи въ концѣ Крестовскаго, за яхтъ-клубомъ.

Заключительнымъ днемъ пребыванія царской фамиліи въ лѣтнее время, какъ говоритъ П. Т. Образцовъ [11]), былъ день св. Елисаветы, 5-го сентября, храмовой праздникъ Кавалергардскаго полка[12]). Въ этотъ день здѣсь, послѣ обѣдни, выстраивался передъ дворцомъ полкъ, затѣмъ служился молебенъ, по окончаніи котораго государыня, въ мундирѣ шефа полка, поздравляла полкъ съ праздникомъ и угощала обѣдомъ солдатъ. Въ этотъ вечеръ офицеры полка, въ честь своего шефа, давали великолѣпную серенаду. По берегамъ Елагина и Каменнаго острова зажигалась иллюминація, на берегу Каменнаго острова помѣщался роговой оркестръ, а на Елагиномъ — бальный.

На Каменномъ, противъ дворца, располагался таборъ цы-

Сани съ августѣйшей фамиліей.

ганъ въ національныхъ костюмахъ, съ кибитками и лошадьми, съ горящими кострами, бенгальскимъ огнемъ и т. д. По Невѣ плавали въ лодкахъ хоры пѣсенниковъ, а иногда и съ оперными пѣвцами и пѣвицами. Праздникъ заключался фейерверкомъ. Зимнія поѣздки императора Николая устраивались по программѣ, напоминающей поѣздки Екатерины II. Въ большія сани запрягалась восьмерка лошадей, государь садился съ семействомъ въ нихъ, позади этихъ саней привязывалось десятка два маленькихъ саней, въ которыхъ сидѣло, другъ къ дружкѣ лицомъ, по четыре человѣка мужчинъ и женщинъ. Дорога для этого поѣзда прочищалась отъ Зимняго дворца по срединѣ Большой Невы и Большой, Малой и Средней Невки, а когда Нева была въ полыньяхъ, то на Петербургскую—по Дворянской до Каменноостровскаго проспекта, отъ Строгановскаго моста, мимо инвалиднаго дома Павла I и по Каменному острову до ледяныхъ горъ, стоявшихъ противъ Елагина дворца. Когда ѣхали по рѣкѣ, то особыхъ приключеній не было, но когда по Петербургской, то не обходилось безъ нихъ и сидящіе то-и-дѣло вываливались въ снѣгъ. На горахъ самъ императоръ иногда вмѣстѣ съ другими катался на простыхъ рогожкахъ. При катаньи игралъ оркестръ музыки. Пить чай и грѣться заходили въ Елагинскій дворецъ.

Крестовскій островъ имѣетъ въ длину четыре, въ ширину полторы версты. Первыя постройки на немъ принадлежали царевнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ; домъ царевны находился напротивъ Аптекарскаго острова, гдѣ еще недавно стоялъ деревянный павильонъ, у котораго сходятся всѣ аллеи и просѣки, перекрещивающія островъ. По преданію, первая каменная постройка на этомъ островѣ имѣла форму Андреевскаго креста, да сверхъ того въ то же время здѣсь были сдѣланы въ непроходимомъ дремучемъ лѣсу двѣ просѣки, одна вдоль, другая поперегъ острова. Это-то, какъ увѣряютъ, и дало названіе острову «Крестовскаго»; по другимъ сказаніямъ, здѣсь будто былъ найденъ какой-то большой крестъ.

Существуетъ еще другое преданіе, что названіе его произошло отъ маленькаго озерка, находящагося посрединѣ острова и имѣющаго крестообразный видъ. Императрица Анна подарила Крестовскій фельдмаршалу Миниху. Впослѣдствіи, при Елисаветѣ, Крестовскій, вмѣстѣ съ мызой Гостилицой и другими отписными вотчинами Миниха, былъ пожалованъ государыней своему любимцу, Алексѣю Григорьевичу Разумовскому.

Отъ послѣдняго Крестовскій перешелъ къ его брату Кириллу Григорьевичу. Послѣдній здѣсь жилъ даже зимой и давалъ празднества, на которыхъ не разъ бывала и императрица. Такъ, 28-го января 1772 года посѣтила его здѣсь Екатерина съ большою свитою, и какъ гласитъ Камерфурьерскій журналъ: „обѣдать изволила, гдѣ за столомъ играла музыка на кларнетахъ и валторнахъ съ пѣніемъ русскихъ пѣсенъ тремя мальчиками". Сынъ послѣдняго владѣльца изъ Разумовскихъ, Петръ Кирилловичъ, послѣ смерти своей жены въ 1804 году, продалъ Крестовскій островъ князю А. М. Бѣлосельскому-Бѣлозерскому за 90,000 рублей.

Дѣдъ нынѣшняго владѣльца Крестовскаго острова, князь Александръ Михайловичъ, оберъ-шенкъ, бывшій посланникъ въ Дрезденѣ и Туринѣ, извѣстенъ былъ какъ вельможа глубоко просвѣщенный, отличавшійся любовью къ искусствамъ и дружбою съ Ж.-Ж. Руссо, Альбани, Вольтеромъ, Делилемъ, Мармонтелемъ, писавшими къ нему стихи, на которые имъ отвѣчалъ князь со всею любезностью француза лучшихъ временъ. Князь среди государственныхъ занятій занимался литературою, писалъ много французскихъ стиховъ [13]). Въ бытность въ Туринѣ посланникомъ, князь издалъ много гравированныхъ портретовъ русскихъ людей. Извѣстна также еще оперетка князя «Олинька» или первоначальная любовь,—село Ясное 1796 г. Въ Павловское время оперетку давали въ Москвѣ на частномъ театрѣ А. О. Столыпина. Пьеса эта вызвала не мало толковъ въ тогдашнемъ обществѣ, обладала она крупными нецѣломудренными шутками. Вскорѣ послѣ представленія пьеса была потребована къ императору. По просьбѣ Бѣлосельскаго, Карамзинъ передѣлалъ ее и въ очищенномъ видѣ, ночью, оперетка была предана печати въ деревенской типографіи и затѣмъ отослана въ Петербургъ. Князь Вяземскій въ своихъ запискахъ приводитъ нѣсколько эксцентричностей пера этого поэта вѣка Екатерины и царствованія Александра I. Вотъ одна изъ нихъ: ему разсказывалъ В. Л. Пушкинъ, что князь Бѣлосельскій читалъ ему однажды стихи, написанные имъ на смерть камердинера своего:

Подъ камнемъ симъ лежитъ признательный Василій:
Миръ и покой ему отъ всѣхъ земныхъ насилій...
И что есть человѣкъ?—Горсть пыли и водицы.

— J'aime cette водица, прерывая чтеніе, сказалъ съ умиленіемъ Бѣлосельскій.—Не правда ли, такъ, кажется, и видишь, какъ протекаютъ ваши дни?

Другой разъ, читая стихи объ одномъ историческомъ лицѣ, сказалъ онъ: «Другіе дѣлали худое, а онъ худо дѣлалъ хорошее».

Изъ устныхъ разсказовъ Бѣлосельскаго, Вяземскій приводитъ еще слѣдующій, помѣщенный въ запискахъ Далонвиля. Проѣздомъ въ Туринъ, князь заблудился въ Ліонѣ и никакъ не могъ найти гостинницу, въ которой остановился. Усталый и раздосадованный, остановился онъ передъ домомъ, блистательно освѣщеннымъ, откуда неслись звуки рѣчей и музыка. Онъ рѣшился войти въ домъ, назвалъ себя и просилъ дозволенія участвовать въ веселомъ торжествѣ. Хозяинъ, высокаго роста и дюжій мужчина, вѣжливо принялъ его и сказалъ ему, что очень радъ неожиданному посѣщенію его. Князь принялъ участіе въ танцахъ, а послѣ приглашенъ былъ сѣсть за ужинъ между хозяиномъ и другими гостями такого же плотнаго сложенія. Посреди самой веселости въ этомъ обществѣ отзывалось что-то суровое и тяжелое. Невольно сдавалося, что собесѣдники силятся развлечь себя отъ какихъ-то мрачныхъ думъ и непріязненныхъ воспоминаній: казалось, они не веселятся, а стараются временно позабыться изъ-подъ гнета вчерашняго и завтрашняго дня. Все это подстрекало любопытство князя и занимало его.

Между тѣмъ провожавшій его лакей, который гдѣ-то потерялъ его изъ виду и долго искалъ, показался, наконецъ, въ дверяхъ столовой и началъ дѣлать князю разные знаки и громко просилъ выйти къ нему: «Ваше сіятельство,— сказалъ онъ ему съ разстроеннымъ лицомъ и дрожащимъ голосомъ,—вы не знаете, гдѣ вы находитесь! Этотъ человѣкъ, который сидитъ рядомъ съ вами, по правую руку—ліонскій палачъ, а другой, сидящій налѣво, палачъ изъ Монпелье. Эти два исполнителя закона обвѣнчали дѣтей своихъ и празднуютъ ихъ свадьбу».

Хотя это было и ночью, но князь, добравшись до гостинницы, велѣлъ тотчасъ запречь лошадей въ свой дормезъ и немедленно выѣхалъ изъ города. Но долго еще послѣ того мерещились ему два сосѣда его и обезглавленныя тѣни несчастныхъ, которыхъ они на своемъ вѣку казнили.

Князь Бѣлосельскій при императорѣ Павлѣ, какъ старшій въ родѣ князей Бѣлозерскихъ изъ Рюриковичей, получилъ прибавочную фамилію Бѣлозерскаго. Своимъ огромнымъ богатствомъ онъ былъ обязанъ женѣ своей Аннѣ Григорьевнѣ, рожденной Козицкой. Отецъ ея былъ статсъ-секретаремъ Екатерины II и происходилъ отъ стариннаго, но бѣднѣйшаго рода, былъ женатъ на младшей дочери богача-купца Мясникова. Бракъ

князя Бѣлосельскаго тогда въ высшемъ обществѣ считался мезальянсомъ. Но, строго говоря, этого на дѣлѣ не было — родъ Козицкихъ нѣкогда гремѣлъ на Волыни богатствомъ и имѣніями, и одна изъ нихъ, яже во святыхъ Параскева, была основательница Почаевскаго монастыря.

Князь Александръ Михайловичъ и самъ былъ богатъ, отецъ его былъ женатъ на графинѣ Натальѣ Григорьевнѣ Чернышевой, одной изъ самыхъ богатыхъ невѣстъ въ то время въ Россіи. Старшій братъ его, князь Андрей Михайловичъ, женился въ 1779 г. на дочери богача Наумова. Отецъ послѣднему далъ въ приданое Кіасовскую волость, съ 4,000 душами крестьянъ. Впослѣдствіи эта волость была продана въ казну за 120,000 р. и, какъ разсказываетъ Болотовъ въ своихъ запискахъ, вся сумма денегъ была выплачена княгинѣ серебромъ. Всю эту массу денегъ повезли къ княгинѣ въ фурѣ, запряженной въ шесть лошадей.

Князь А. М. Бѣлосельскій, купивъ Крестовскій, исправилъ и украсилъ домъ, развелъ возлѣ него садъ, поселилъ нѣсколько крестьянъ противъ Елагина острова, назвалъ мѣсто «Чухонской деревней». Впослѣдствіи здѣсь былъ открытъ «Русскій трактиръ», особенно процвѣтавшій въ концѣ сороковыхъ годовъ и въ пятидесятыхъ, когда здѣсь ходилъ по большому канату извѣстный въ то время акробатъ Вейнертъ, у простонародія носившій названіе просто «Оськи»; этотъ Іосифъ Вейнертъ отличался необыкновенною неустрашимостью — онъ ходилъ всегда пьяный по высокому канату, нерѣдко съ связанными ногами, на десяти саженной высотѣ, неся на спинѣ въ корзинкѣ своего престарѣлаго отца, который разъ уже поплатился за свою храбрость. Старикъ Вейнертъ, однажды исполняя свое хожденіе по большому канату, уже приближался къ бесѣдкѣ, устроенной на ели, чтобы покончить представленіе, какъ вдругъ оступился и полетѣлъ внизъ, ударяясь по временамъ о встрѣчавшіеся сучья и вѣтви этого дерева. Старикъ былъ поднятъ замертво и только черезъ полгода оправился отъ паденія.

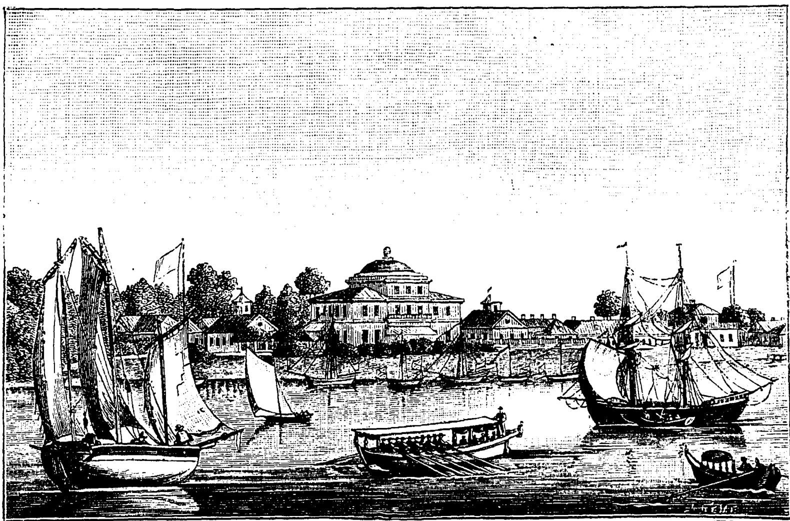
Одно время на Крестовскомъ, на берегу, была выстроена высокая деревянная башня съ трамплиномъ, съ которой съ гирями на ногахъ и съ факелами въ рукахъ кидался въ воду Вейнертъ и, пробывъ тамъ недолго, снова показывался, но уже въ другомъ костюмѣ, и выдѣлывалъ разныя штуки уже на поверхности воды. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ въ саду «Русскаго трактира» производила фуроръ хожденіемъ по канату и другими акробатическими штуками миловидная Эмма Братцъ.

На Крестовскомъ также пѣли арфянки и хорошій хоръ пѣсенниковъ Молчанова. Это мѣсто въ первое время сдѣлалось вожделѣннымъ мѣстомъ для нѣмцевъ и особенно для молодыхъ нѣмокъ, которыя наканунѣ каждаго лѣтняго воскреснаго дня уже усиленно твердили мужьямъ про «Крештовски» [14]).

Уголъ между Каменнымъ и Аптекарскимъ островами князь Бѣлосельскій тоже очистилъ отъ лѣса и построилъ тамъ горы, качели и другія увеселительныя приманки. Этотъ уголокъ уже въ 1802 году былъ воспѣтъ французомъ Торси во французскихъ стихахъ подъ именемъ «Жоли-Кантона». Здѣсь гуляла публика высшаго петербургскаго общества по широкой, усыпанной красноватымъ пескомъ дорожкѣ, обставленной зелеными деревянными скамейками. Въ это время въ петербургскомъ обществѣ входило въ моду пѣшеходство — самъ государь подавалъ тому примѣръ. Дорога шла по берегу Невы, на противуположной сторонѣ которой было нѣсколько изящныхъ дачъ камергера Зиновьева, графа Лаваля и Д. Л. Нарышкина, тогдашняго оберъ-егермейстера; на послѣдней дачѣ постоянно игралъ хоръ роговой музыки, на позолоченныхъ рогахъ, состоявшій изъ полусотни придворныхъ егерей,—этотъ хоръ славился стройностью своей игры. На дачѣ Нарышкина часто бывалъ императоръ Александръ I. Императоръ здѣсь проводилъ время почти каждый вечеръ; дачу Нарышкина онъ называлъ «Капуя» и часто прогуливался съ веселой хозяйкой въ раззолоченномъ катерѣ по Невѣ, въ сопровожденіи другого катера, везшаго весь хоръ знаменитой роговой музыки.

На берегу, противъ дачи Лаваль, стояли лѣтнія деревянныя горы, съ которыхъ безпрестанно слетали колясочки на колесцахъ, въ которыхъ сидѣли пары, — дамы помѣщались на колѣняхъ у мужчинъ. Напротивъ Зиновьевской дачи, гдѣ теперь стоитъ Крестовскій мостъ, стоялъ трактиръ, къ которому существовалъ тогда перевозъ отъ конца Зелениной улицы. Въ то время существовалъ обычай не входить въ трактиръ, а угощаться на лужку, противъ трактира, вафлями со сливками. Рядомъ съ трактиромъ стояла карусель для рыцарской игры. Молодые люди здѣсь, вооруженные палашами, на деревянныхъ коняхъ, рубили головы туркамъ, арабамъ и сшибали кольца, привѣшенныя на крючкахъ, и нанизывали ихъ себѣ на дротики. На Крестовскомъ островѣ, какъ въ частномъ владѣніи, было дозволено куреніе табаку, въ другихъ же дачныхъ мѣстахъ это строго преслѣдовалось полиціей и взыскивались большіе штрафы съ курильщиковъ.

Дача камергера Зиновьева, впослѣдствіи Кожина, имѣла очень красивый видъ. Береговая терраса была уставлена мраморными вазами съ росшими въ нихъ цвѣтущими гортензіями. Въ саду были огромныя липы и первыя въ Петербургѣ каштановыя деревья. Передъ дачей на берегу стояла шестивесельная красивая раззолоченная лодка съ великолѣпнымъ балдахиномъ, съ шелковыми занавѣсками и съ большимъ гербовымъ флагомъ наверху; гребцы и рулевой были одѣты въ широкихъ бѣлыхъ рубахахъ и такіе же шаровары, въ черныя лакированныя шляпы съ широкимъ галуномъ, съ перьями и лентами. Самого камергера

Дача Нарышкина.

В. Н. Зиновьева можно было всегда видѣть на дачѣ гуляющимъ. Онъ ходилъ по саду или сидѣлъ на террасѣ. Видомъ это былъ семидесятилѣтній старикъ, въ свѣтломъ драдедамовомъ фракѣ съ двумя звѣздами, въ напудренномъ парикѣ, съ косою въ шелковомъ кошелькѣ и съ большою тростью въ рукахъ. В. Н. Зиновьевъ былъ товарищъ по лейпцигскому университету Радищеву, Ушакову, Кутузову и другимъ 12-ти дворянамъ, посланнымъ заграницу для образованія Екатериной; женатъ Зиновьевъ былъ на дочери Дубенскаго, извѣстнаго духовника Елисаветы; онъ имѣлъ болѣе чѣмъ обезпеченное состояніе, былъ принятъ при дворѣ Фридриха Великаго, состоялъ въ перепискѣ съ гер-

цогомъ Фердинандомъ Брауншвейгскимъ — главой всѣхъ масонскихъ ложъ того времени; Зиновьевъ былъ самъ тоже масономъ. Онъ былъ въ большой дружбѣ съ графомъ С. Р. Воронцовымъ и княземъ П. Д. Циціановымъ. У него часто бывалъ и нашъ баснописецъ Крыловъ. Къ нему нерѣдко пріѣзжалъ на дачу и графъ Аракчеевъ въ своей неуклюжей зеленой коляскѣ на высокомъ ходу, запряженной въ рядъ четверкою крупныхъ артиллерійскихъ лошадей. Говорили тогда, что Аракчеевъ ѣздилъ шпіонить за Нарышкиной, которую не долюбливалъ.

Онъ слѣдилъ за ней съ балкона Зиновьевской дачи и затѣмъ съ разными прикрасами разсказывалъ о видѣнномъ своимъ друзьямъ. Въ свою очередь и Марья Антоновна Нарышкина чувствовала глубокую антипатію къ этому временщику и нелюбовь ея къ Аракчееву доходила до того, что имя его даже не произносилось въ ея присутствіи.

По берегу Крестовскаго острова, напротивъ описанныхъ дачъ, шла широкая дорожка, которая вела къ «тонѣ подъ елями», какъ ее называли тогда. Здѣсь въ свое время былъ превосходный ловъ ершей, а особенно лососовъ. Въ теплыя іюньскія ночи, или, вѣрнѣе, въ петербургское безночіе, здѣсь кутило богатое купечество и изъ улова рыбы варили уху на шампанскомъ.

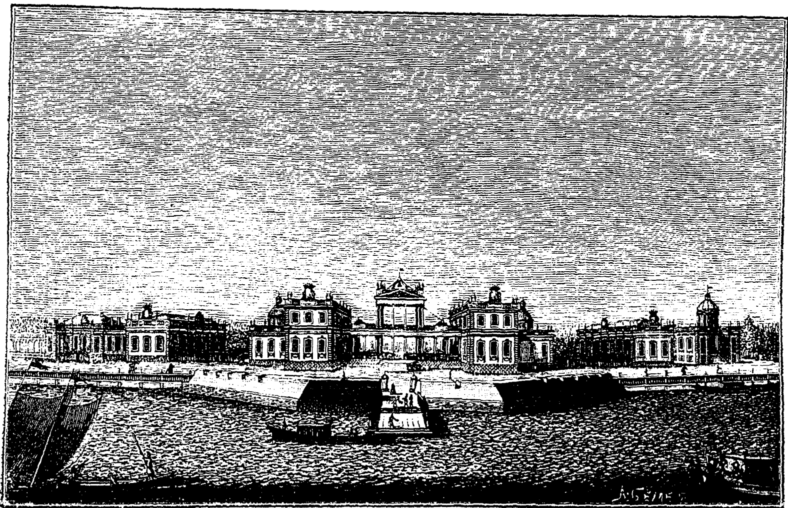
Въ 1815 году на Крестовскомъ показался первый пароходъ Берда. На него, какъ на диковинку, съѣзжалась смотрѣть публика. Называли его пироскафомъ.

Затѣмъ на Крестовскомъ, до семидесятыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, каждогодно петербургскіе нѣмцы праздновали «Иванову ночь», въ лѣсу, на мѣстѣ, называемомъ «Кулербергъ», бѣгая съ горы на гору и перепрыгивая черезъ рѣчку на Татарскій островъ [15]). Въ эту ночь какъ Нева, такъ Фонтанка, Мойка и Екатерининскій каналъ покрывались лодками и яликами, въ которыхъ гребцами засѣдали въ полосатыхъ тиковыхъ халатахъ мастеровые; ялики везли въ большихъ корзинахъ различную провизію. По прибытіи на Крестовскій, разбивались палатки, разводились костры, ставились самовары, варили кофе и иногда разливное пиршество длилось здѣсь два, три дня. Въ то блаженное время отсюда неслись звуки музыки и неприхотливыя пары подмастерьевъ, булочниковъ, сапожниковъ, портныхъ отплясывали экосезы и либеръ-аугустхены безъ устали до другого утра.

На Крестовскій островъ ведутъ мосты: съ Каменнаго, Елагина, съ Петровскаго и съ Колтовской. Послѣдній построенъ

только въ 1849 г., съ Петровскаго же острова въ 1840 г. Строителемъ этихъ мостовъ былъ Бетанкуръ.

Въ 1863 г. на Крестовскомъ поселился С.-Петербургскій рѣчной яхтъ-клубъ. Первый флагъ свой онъ выкинулъ 21-го мая 1860 г., въ Новой Деревнѣ на дачѣ Шишмарева, а до этого времени три года онъ помѣщался въ Старой Деревнѣ, противъ Елагина дворца. Сосѣдство клуба видимо оживило эту прежде необитаемую мѣстность и теперь почти на версту берегъ обстроился дачами. Крестовскій не разъ подвергался сильнѣйшимъ пожарамъ.

Каменноостровскій домъ графа Бестужева-Рюмина.

Красивѣйшій изъ петербургскихъ островов, занимающій уголъ при раздѣленіи Невки на Большую и Малую и съ запада отдѣляющійся отъ Елагина острова Среднею Невкою и отъ Крестовскаго протокомъ Крестовкою—называется «Каменнымъ». Островъ имѣетъ въ длину до 800 саженъ, въ ширину—до 300. Названіе Каменнаго, какъ предполагаетъ Рубанъ, онъ получилъ оттого, что близь острова, въ Малой Невкѣ, лежитъ въ водѣ большой камень, который виденъ изъ воды и производитъ не малую струю на водѣ. «Къ этому еще», добавляетъ Рубанъ, «сперва на этомъ островѣ лежало много каменьевъ, отъ коихъ онъ и Каменнымъ слыветъ».

По своему положенію, Каменный островъ очень низокъ и часто заливается водою; въ наводненіе 7-го ноября 1824 года

онъ былъ залитъ водою болѣе чѣмъ на сажень. Каменный островъ въ Петровскія времена принадлежалъ канцлеру графу Головкину, который имѣлъ тамъ противъ Аптекарскаго острова загородный домъ—единственное тогда зданіе на всемъ островѣ. Есть преданіе, что Головкинъ получилъ этотъ островъ въ 1703 году, 17-го мая, послѣ разбитія въ устьяхъ Невы флотиліи шведскаго вице-адмирала Нумберса. Въ этотъ день Петръ пожаловалъ ему и Андреевскую ленту. Головкинъ, Гавріилъ Ивановичъ, происходилъ изъ бѣдныхъ алексинскихъ дворянъ; онъ обязанъ своимъ возвышеніемъ Натальѣ Кирилловнѣ Нарышкиной, съ которой былъ въ родствѣ и у которой служилъ ранѣе при дворѣ. Близкій царю Петру, онъ съ нимъ сдѣлалъ почти всѣ его походы.

Головкинъ былъ скроменъ, дѣятеленъ, остороженъ, искусенъ въ дѣлахъ дипломатическихъ, мужественъ въ битвѣ, деликатенъ въ обращеніи и держалъ себя съ иностранными послами съ большимъ тактомъ. Онъ любилъ придерживаться старыхъ обычаевъ. По словамъ Дюка де-Лиріа, «его упрекнуть ни въ чемъ нельзя». Но несправедливое рѣшеніе дѣла Искры и Кочубея въ пользу гетмана Мазепы навсегда останется упрекомъ памяти графа Головкина, извѣстнаго, кромѣ того, еще своею необычайною скупостью и такою же любостяжательностью.

По смерти Петра, графъ Головкинъ ловко умѣлъ лавировать между опасными интригами тогдашнихъ царедворцевъ и пережилъ превратности петербургскихъ карьеръ, мирно смеживъ очи въ своемъ дворцѣ, а не въ снѣгахъ Березова или Собачьяго острога [16]), въ которомъ его сынъ, М. Г. Головкинъ, бѣдствовалъ болѣе 15-ти лѣтъ, по волѣ императрицы Елисаветы, выходя изъ дома не иначе, какъ въ сопровожденіи двухъ конвойныхъ съ ружьями, споря съ мѣстными казаками за рыболовныя межи въ Колымѣ и каждое воскресенье, являясь въ приходскую церковь, гдѣ разъ въ годъ онъ былъ обязанъ, выпрямясь и скрестивъ на груди руки, выслушивать какую-то бумагу, а за ней увѣщаніе священника. Головкинъ, по преданію, былъ задушенъ своими дворовыми людьми, соскучившимися такъ долго пребывать въ невольной ссылкѣ; убійство произошло во время обѣдни, когда жена его, Екатерина Ивановна [17]), рѣдкая, добродѣтельная, святая женщина, добровольно послѣдовавшая въ ссылку за мужемъ, была въ церкви.

Похоронивъ тѣло своего мужа въ сѣняхъ своей хижины, она обратила ихъ въ часовню и не покидала ее ни днемъ, ни ночью. При свѣтѣ лампады, налитой рыбьимъ жиромъ, читала она надъ

могилой мужа Псалтирь и пламенно желала умереть на родинѣ, подлѣ супруга. Такое желаніе графини было доведено до императрицы Елизаветы и вскорѣ воспослѣдовало позволеніе на перевезеніе тѣла графа Головкина. Вдова-графиня раздарила среднеколымлянамъ всѣ свои вещи и деньги и, обливъ воскомъ трупъ своего покойнаго мужа, доставила прахъ въ Москву, гдѣ его и похоронила въ Георгіевскомъ монастырѣ (теперь приходская церковь на Большой Дмитровкѣ), свято и честно исполнивъ до конца высокую обязанность жены.

Гавріилъ Ивановичъ Головкинъ.

Съ неизданнаго гравированнаго портрета изъ собранія Бекетова.

Графъ М. Головкинъ былъ истинный патріотъ и искусный министръ, ненавидѣлъ Бирона и Остермана, владѣлъ хорошимъ образованіемъ, отличался прямотою, добрымъ сердцемъ и большимъ гостепріимствомъ, но любилъ предаваться лѣни и нѣгѣ и иногда не былъ чуждъ гордости, упрямства, настойчивости и злости.

Послѣ Головкина Каменный островъ поступилъ къ графу Бестужеву-Рюмину, который, какъ говоритъ Георги (см. его Описаніе Петербурга), на украшеніе Каменнаго употребилъ великія издержки, провелъ поперегъ острова рвы, выкладенные камнемъ,

развелъ голландскій садъ, ниже по Большой Невкѣ устроилъ тоню, которую гуляющіе могли на счастье закинуть; плата за тоню колебалась отъ 50 коп. до 1 руб. 50 коп. Здѣсь же устроенъ былъ «вокзалъ» съ нѣсколькими комнатами, гдѣ желающіе могли кушать уху, пить медъ и т. д. Процвѣтаніемъ своимъ Каменный островъ обязанъ императору Павлу I, къ которому послѣдній поступилъ, когда онъ былъ еще наслѣдникомъ престола; здѣсь цесаревичъ любилъ проводить лѣто. Въ 1775 году онъ построилъ дворецъ, сохранившій по сейчасъ свою первобытную наружность. Во дворцѣ было комнатъ не болѣе тридцати и небольшой прекрасный театръ, теперь не существующій. Тогдашнимъ владѣтелемъ острова былъ учрежденъ для пятидесяти матросовъ инвалидный домъ. Домъ былъ заложенъ 17-го мая 1776 года и освященъ въ 1778 году. Два поэта того времени, Державинъ и Рубанъ, посвятили свои стихотворенія этому случаю [18]). Лѣтъ тридцать тому назадъ въ инвалидномъ домѣ было до двадцати стариковъ съ восьмиугольными медалями за разныя побѣды, одержанныя этими екатерининскими героями. Инвалиды содержали по всему лѣвому берегу Малой Невки, противъ своего дома, цѣлую флотилію разнородныхъ лодокъ. Въ то время всѣ мосты были на плашкоутахъ, временные. Постоянныхъ, существующихъ теперь, еще не было. Первый такой, Горбатый и Бетанкуровскій, были построены только въ царствованіе Александра I. Какъ на Большой Невѣ никто не имѣлъ права до проѣзда коменданта перевозить черезъ Неву, такъ здѣсь, на Каменномъ, первый начиналъ перевозить старикъ Паюсовъ, украшенный нѣсколькими орденами и медалями прошлаго столѣтія.

Это былъ своего рода комендантъ и всѣ старики-моряки уважали его и слушались его приказаній по перевозной части. Въ случаѣ какихъ либо неразрѣшимыхъ Паюсовымъ вопросовъ, онъ совѣтовался съ смотрителемъ инвалиднаго дома, полковникомъ Бакманомъ, который отличался тѣмъ, что изъ скупости курилъ въ трубкѣ, вмѣсто табаку, богородскую траву. Когда поселились на Каменномъ дачники, старики отдавали свои лодки для катанья или сами возили на тони и въ другія мѣста. Инвалиды также снабжали дачниковъ невскою водою и продавали имъ молоко, такъ какъ жены ихъ содержали коровъ. Съ устройствомъ постоянныхъ мостовъ, старики перестали заводить лодки и морской элементъ въ обитателяхъ инвалиднаго дома совершенно уничтожился. Съ этимъ домомъ связано основаніе нынѣшняго павлов-

скаго кадетскаго корпуса, началомъ которому послужило призрѣніе сыновей этихъ инвалидовъ.

Черезъ дорогу отъ инвалиднаго дома возвышается церковь изящной архитектуры, живописно утопающая въ зелени парка. Она заложена въ 1778 году во имя Предтечи и Крестителя Господня Іоанна и построена въ готическомъ вкусѣ извѣстнымъ директоромъ Академіи художествъ Фельтеномъ. При учрежденіи ордена Іоанна Іерусалимскаго, при церкви было кладбище для мальтійскихъ рыцарей, но со вступленіемъ на престолъ императора Александра I кладбище это было уничтожено, а погребенные на немъ кавалеры, 18-го августа 1807 года, перенесены на Смоленское кладбище. Изъ числа погребенныхъ въ 1798 году былъ артиллеріи капитанъ и кавалеръ Евгеній, а іюня 1-го дня 1800 года вице-канцлеръ и командоръ мальтійскаго ордена Дела-Гуссе, по вѣроисповѣданію католикъ; хотя мальтійскіе кавалеры, всѣ безъ изъятія, должны быть погребаемы при каменноостровской церкви, но католики отъ православныхъ погребались отдѣльно, а не вмѣстѣ.

Въ каменноостровскомъ храмѣ хранятся слѣдующія историческія достопримѣчательности: икона святыхъ пророка Елисея и мучениковъ Адріана и Наталіи. Этою иконою Екатерина II благословила великую княгиню Наталію Алексѣевну въ день ея бракосочетанія, 29-го сентября 1773 года. На иконѣ кованая золотая риза, вѣнцы святыхъ изъ брилліантовъ, на оборотѣ иконы серебряная доска съ вырѣзанною на ней надписью. Въ числѣ другихъ замѣчательныхъ старинныхъ образовъ имѣется одна икона Богоматери съ дорогими камнями и жемчугомъ, по преданію, поднесенная г-жею Смирновою императору Александру I, по умиреніи Европы, въ качествѣ чудотворной. Затѣмъ художественной работы: крестъ янтарный, крестъ кипарисный и частица животворящаго древа Господня, вложенная въ серебряную оправу, на подобіе креста, украшенную довольно крупными жемчужинами и брилліантами. При крестѣ тоненькая золотая цѣпочка. По преданію, этотъ крестъ императоръ Павелъ носилъ у себя на груди. Въ библіотекѣ этой церкви сохраняется Библія, къ которой приложено множество эстамповъ, относящихся къ поясненію предметовъ естественной исторіи, физики, священнаго текста. Императоръ Павелъ очень любилъ этотъ храмъ и часто даже по ночамъ приходилъ въ него молиться. Въ день Богоявленія, императоръ, прежде торжественнаго освященія воды при Зимнемъ дворцѣ, присутствовалъ здѣсь на Іор-

дани. Въ этотъ день служилась ранняя обѣдня и послѣ ея былъ крестный ходъ на воду въ его присутствіи. При немъ церковь эта отличалась богатѣйшею ризницею и всѣ церковные сосуды имѣли изображеніе начальной буквы государя. Въ этой церкви былъ 106-ти-лѣтній священникъ Николай Кудрявцевъ, до конца дней своихъ исполнявшій здѣсь церковныя требы.

Въ 1801 году Каменный островъ поступилъ въ вѣдѣніе императора Александра и сдѣлался любимымъ его мѣстопребываніемъ.

Въ эти года островъ застроился дачами и вскорѣ заселились, на противоположномъ берегу Невы, Новая Деревня, Черная рѣчка и т. п. При императорѣ Александрѣ I лѣтомъ Каменный островъ принималъ праздничный видъ, ко дню его пріѣзда съ императрицей, ко дворцу стягивались нѣсколько яхтъ и одинъ фрегатъ; съ его переѣзда музыка и на яхтахъ и передъ дворцомъ играла цѣлый день. Толпа народа наполняла весь садъ и всѣ дорожки передъ дворцомъ. Тогда садъ былъ открытъ для всѣхъ и во время царскихъ обѣдовъ народъ тѣснился на террасѣ передъ заломъ, чтобы взглянуть въ окно на царя. Запрету не было ни мужику, ни барину. Образъ жизни государя здѣсь былъ очень простъ: утромъ въ восемь часовъ онъ уже гулялъ по саду, пѣшкомъ обходя весь островъ по любимой своей дорожкѣ по берегу; въ 10 часовъ ѣхала по тому же направленію царица; около часу государь завтракалъ, въ пять обѣдалъ,— во время обѣда играла музыка. Въ праздники императоръ бывалъ у обѣдни и послѣ его выхода изъ церкви народъ провожалъ его до дворца. При императорѣ Александрѣ весь дворъ жилъ на Каменномъ.

Подлѣ нынѣшней дачи принца Ольденбургскаго, тамъ, гдѣ теперь разведенъ садъ, на самомъ углу дороги прямо съ моста стоялъ небольшой домъ, въ которомъ жила одна изъ прекраснѣйшихъ личностей нашего вѣка, графъ Каподистрія—чистая жизнь этого ех-министра Александра I угасла на его родинѣ отъ руки убійцы Мавромихали. Потомъ въ домѣ Каподистрія жилъ нелюбимый всѣми временщикъ Аракчеевъ.

По смерти императора Александра, Каменный островъ унаслѣдовала супруга покойнаго Елизавета Алексѣевна, не прожившая полугода послѣ смерти государя. Островъ послѣ нея перешелъ въ 1826 году въ собственность великаго князя Михаила Павловича. Въ его время въ саду поставлены шесть орудій крѣпости Браилова, пожалованныя ему императоромъ 20 іюня 1828 г. По завѣщанію великаго князя, эти пушки назначено

поставить передъ Михайловскимъ артиллерійскимъ училищемъ, еслибы Каменноостровскій дворецъ перешелъ изъ владѣнія прямыхъ его наслѣдниковъ.

Къ числу измѣненій на Каменномъ, произведенныхъ въ 1826 году, должно отнести перенесеніе Строганова моста къ нынѣшнему мѣсту: до того онъ велъ къ Нѐвскимъ воротамъ близь самаго дворца, откуда дорога пролегала берегомъ до церкви. Въ это же время былъ построенъ театръ на площадкѣ передъ Елагинскимъ мостомъ; послѣдній выстроенъ въ сто дней архитекторомъ Шустовымъ, весь изъ дерева, для лѣтнихъ спектаклей. Открытіе театра послѣдовало въ 1827 г. 27 іюня концертомъ, въ которомъ участвовали артисты набиравшейся у насъ тогда итальянской оперы. Въ 1830 году на этомъ театрѣ пѣла г-жа Зонтагъ.

Въ 1844 году театръ былъ перестроенъ архитекторомъ Кавосомъ съ самаго фундамента и въ іюнѣ мѣсяцѣ уже здѣсь давались спектакли. Въ первое время здѣсь шли только французскія представленія, на которыхъ особенно отличался актеръ Алланъ. Въ награду за его игру ему подарена была дача, лежащая какъ разъ напротивъ театра, у моста, и гдѣ въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ помѣщался кафе-ресторанъ. Впослѣдствіи на Каменноостровскомъ театрѣ шли спектакли смѣшанные: давались водевили, сцены изъ оперъ и балетовъ.

Въ царскіе дни здѣсь ставились: «Купецъ Иголкинъ» и отрывки изъ оперы «Жизнь за Царя». Вблизи театра было нѣсколько театральныхъ зданій, гдѣ жили лѣтомъ инспекторъ репертуарной части и воспитанницы театральнаго училища; здѣсь же проживалъ и единственный смотритель этого театра, Алекс. Илар. Исаковъ, въ своемъ родѣ замѣчательный человѣкъ: это былъ хорошій механикъ и физикъ, вся квартира его была наполнена различными машинами его изобрѣтенія; дѣти его служили тоже при театрѣ: одинъ—пѣвцомъ, другой—декораторомъ въ Москвѣ.

Послѣ Михаила Павловича Каменный островъ принадлежалъ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ; при ней жизнь на немъ приняла видъ пустынный. Любя тишину и уединеніе, княгиня запретила входъ для публики въ садъ. Музыка уже тутъ играла рѣдко, только на площадкѣ передъ театромъ, куда сама княгиня пріѣзжала въ линейкѣ, заложенной четверкою цугомъ, въ англійской упряжи, съ жокеями. Впрочемъ, въ ея время здѣсь было нѣсколько импровизованныхъ музыкальныхъ праздниковъ.

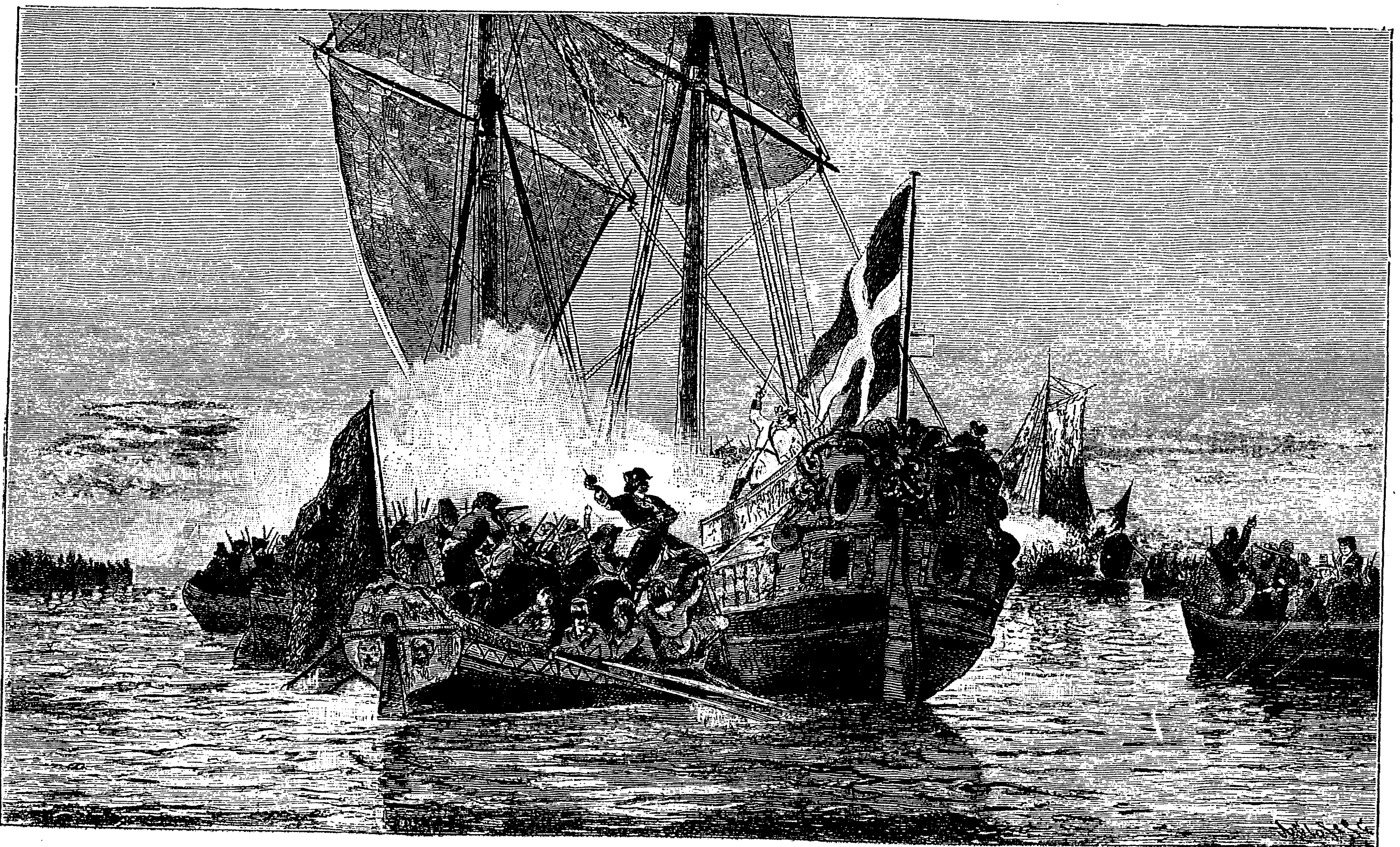
Случалось это въ бытность великой княгини Елены Павловны покровительницей консерваторіи; тогда во дворцѣ давались концерты, а иногда и на рѣкѣ серенады. Одинъ изъ такихъ музыкальныхъ праздниковъ на водѣ былъ данъ, когда великая княгиня была назначена покровительницею консерваторіи. Въ этотъ день отъ Каменноостровскаго моста, отъ дачи Громова, отвалила большая барка, роскошно убранная коврами, цвѣтами и иллюминованная разноцвѣтными огнями. На ней былъ полный оперный оркестръ и поставлено восемь или десять роялей и затѣмъ хоръ пѣвцовъ и пѣвицъ, человѣкъ въ восемьдесятъ. Все это потянулось ко дворцу и оркестръ грянулъ маршъ, потомъ послѣдовало пѣніе хора и солистовъ, и игра на рояляхъ въ сорокъ рукъ и т. д. Теперь дворецъ, какъ и островъ, принадлежатъ великой княгинѣ Екатеринѣ Михаиловнѣ.

Въ старое время дачи Каменнаго острова принадлежали нашему аристократическому міру: здѣсь жили князья—Куракины, Голицыны, Долгорукіе, Гагарины, Хованскіе, Волконскіе и Кочубей, графы — Татищевы, Мордвиновы, Воронцовы-Дашковы, Строгановы, Завадовскіе, Чернышевы и т. д., генералы—Бибиковъ, Исленьевъ, Муравьевъ (декабристъ) и многія другія дворянскія фамиліи. Теперь, кромѣ дачъ принца Ольденбургскаго, графа Строганова и Мордвинова, здѣсь мало аристократовъ населяютъ эту красивую мѣстность.

Въ старину на Каменномъ непремѣнно разъ десять въ лѣто давались празднества на дачахъ нашихъ баръ. Особенно такими торжествами славились дачи Бибикова и Исленьева. Въ то старое, доброе время всѣ здѣшнія дачи, расположенныя на берегу Невы, въ прекрасной аллеѣ липъ, плѣняли своею скромною поэтическою наружностью [19]); путникъ видѣлъ готическій видъ, подлѣ него голландскій бѣленькій домикъ съ зелеными ставнями; тамъ итальянскую стеклянную галлерею, греческую колоннаду, китайскую пагоду или простую русскую избу съ нехитрою рѣзьбою.

Теперь же высятся здѣсь сангаліевскія чугунныя бесѣдки, густо раскрашенныя киноварными и охряными красками, съ полнымъ отсутствіемъ вкуса. На одной изъ дачъ, идущей по берегу Невы, напротивъ Новой деревни, въ тридцатыхъ годахъ жилъ нашъ поэтъ Пушкинъ [20]).

Аптекарскій островъ составляетъ сѣверную часть Петербургской, между Карповкой, болотнымъ рукавомъ Невки и самою Невкою; онъ имѣетъ въ длину отъ востока къ западу болѣе

Сраженіе на Невѣ.

$2^1/_2$ верстъ и въ ширину мѣстами съ версту. По мѣстоположенію онъ лежитъ низко. На западной его сторонѣ находился при Петрѣ пороховой заводъ, называвшійся зелейнымъ (отъ слова зелье, что значило порохъ); вначалѣ онъ былъ окруженъ рвами, а въ 1718 году перестроенъ по голландскому образцу; въ каменномъ его строеніи было 12 паръ жерноговъ, приводимыхъ въ движеніе лошадьми. Здѣсь работали порохъ болѣе для фейерверковъ и потѣшныхъ огней.

На Аптекарскомъ островѣ, въ петровское время, существовалъ только аптекарскій садъ, отъ котораго островъ и получилъ свое названіе. При Екатеринѣ II онъ имѣлъ длину 300, а въ ширину 200 саженъ; здѣсь росло много лекарственныхъ травъ и жилъ въ большомъ деревянномъ домѣ профессоръ ботаники, а лѣтомъ—президентъ медицинской коллегіи; подлѣ сада стояла большая сушильня травъ, съ низкими потолками; на кровлѣ этого большого зданія была небольшая площадка для обзора окрестностей.

Въ петровское время здѣсь, на берегу, былъ возвышенный холмъ, который никогда не покрывался водою, нѣмцы и выбрали его для своего кладбища. Бергхольцъ говоритъ: однако, не безопасно было тамъ покойникамъ; часто, въ ночное время, могилы раскапывались, чтобы стащить жалкій саванъ, въ которомъ хоронили умершихъ, а потомъ обкраденный трупъ валялся до тѣхъ поръ, пока не погребали другого покойника. По этой причинѣ нѣкоторые нѣмцы зарывали своихъ усопшихъ, особенно дѣтей, на дворахъ; зажиточные же приставляли къ могиламъ въ Аптекарскомъ саду караулъ на-время, покуда не забывался покойникъ и его саванъ. Веберъ разсказываетъ, что въ 1715 г. воры разрыли, два дня спустя послѣ похоронъ, могилу нѣмецкаго придворнаго музыканта, гробъ разбили заступами, а трупъ кое-какъ бросили въ могилу, такъ что оттуда виднѣлись его ноги, что̀ замѣтивъ, старухи говорили, что покойникъ намѣревался возстать изъ гроба.

На берегу, который обращенъ къ Каменному острову, въ 1705 году были построены русскія батареи и ретраншементы для защиты отъ шведовъ. На этихъ батареяхъ оберъ-комендантъ петербургскій Романъ Брюсъ имѣлъ не малый бой со шведами и заставилъ ихъ съ урономъ удалиться. Шведы тогда возвели въ четырехъ мѣстахъ батареи на Каменномъ, чтобы дѣйствовать на городъ.

Въ Петровское время на Карповкѣ, гдѣ теперь Петропавловская больница, было Новгородское подворье. Подворье это строилъ

извѣстный Ѳеофанъ Прокоповичъ, который купилъ мѣсто и домъ послѣ смерти перваго петербургскаго коменданта Брюса. Въ 1732 году ему было дано на Аптекарскомъ островѣ еще мѣсто въ 400 саженъ для выгона лошадей и скота. Преданіе говоритъ, что деревья въ саду подворья садилъ самъ Прокоповичъ, большой охотникъ до садовъ и построекъ. Подворье существовало здѣсь

Петербургскій комендантъ Романъ Брюсъ.

до конца прошлаго столѣтія и улица, на которую выходило зданіе, до сихъ поръ называется Архіерейскою.

По рѣчкѣ Карповкѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія было построено нѣсколько дачъ, которыя охотно нанимали небогатые жители Петербурга. Здѣсь въ сороковыхъ годахъ жили наши композиторы Глинка и Даргомыжскій и долго жилъ поэтъ Батюшковъ. Дачи въ то время здѣсь считались модными и даже нѣсколько разсказовъ нашихъ беллетристовъ было посвящено этой мѣстности [21]).

Садъ лекарственныхъ травъ на Аптекарскомъ островѣ основанъ 11-го февраля 1714 года. Этотъ садъ впослѣдствіи послужилъ главнымъ поводомъ и основаніемъ для учрежденія нынѣшняго Императорскаго Ботаническаго сада. Аптекарскій садъ въ старину постоянно находился въ болѣе или менѣе тѣсной связи съ врачебными учебными заведеніями столицы, служа имъ пособіемъ при преподаваніи въ нихъ ботаники. Жившіе въ немъ ботаники: Буксбаумъ, Фишеръ, Зигебскъ, Фалькъ, Рудольфъ, Стефанъ и друг. читали здѣсь лекціи и управляли садомъ.

Въ 1823 году здѣсь содержалось не болѣе 1,500 видовъ живыхъ растеній. Одно время здѣсь, при императрицѣ Екатеринѣ, разводилось довольно много лекарственныхъ травъ, въ числѣ которыхъ особенно культивировали траву «тунгузскій чаекъ», превосходное потогонное средство при простудныхъ и лихорадочныхъ болѣзняхъ. Растеніе это въ Россіи носитъ названіе таволжника (Spiraea ulmaria) и, если не ошибаемся, теперь въ Германіи приготовляютъ изъ него эфирное масло (Ol. gaultherii), содержащее до 90 процентовъ салициловой кислоты.

Нынѣшній Ботаническій садъ обязанъ началомъ своего существованія графу Б. П. Кочубею,—въ настоящее время коллекція живыхъ растеній сада содержитъ въ себѣ около 21,000 видовъ, большая часть которыхъ воспитывается въ многочисленныхъ оранжереяхъ.

Въ старину весь Аптекарскій островъ былъ застроенъ барскими дачами; теперь большая часть дачъ принадлежитъ купцамъ, затѣмъ торговымъ заведеніямъ, пивнымъ, трактирамъ и кабакамъ. Здѣсь въ пятидесятыхъ годахъ славилась своею большою оранжереею дача графа Нессельроде; особенно превосходны были тамъ сорты камелій, во время цвѣтенія послѣднихъ, въ Великомъ посту, сюда съѣзжался смотрѣть почти весь Петербургъ.

Не менѣе роскошна была вблизи отъ нея дача князя Лопухина (нынѣшняя Громова), занимавшая громадное пространство земли. Въ огромномъ паркѣ князя паслось всегда большое стадо оленей. Князь жилъ весело и открыто и нерѣдко публика толпилась у его забора, слушая хоръ его крѣпостныхъ музыкантовъ. Въ сороковыхъ годахъ дача стояла необитаема и одно время здѣсь помѣщалось увеселительное заведеніе «Villa mon plaisir». На этой виллѣ игралъ оркестръ Левино и на лугу показывалъ фокусы профессоръ магіи Квальярди и пускались воздушные шары. Заведеніе это просуществовало только годъ.

Дачу Лопухина купилъ В. Ѳ. Громовъ и привелъ ее въ существующее посейчасъ хорошее состояніе. Напротивъ, черезъ дорогу, гдѣ теперь богадѣльня, была дача, очень красивая по своему живописному саду, графа Гурьева, бывшаго министра финансовъ, потомъ она перешла къ его дочери, княгинѣ Куракиной, и отъ нея къ бывшему откупщику Гарфункелю, который здѣсь устроилъ богатыя оранжереи, думая соперничать съ Громовымъ, у котораго въ то время былъ первый садовникъ Одинцовъ.

Ѳеофанъ Прокоповичъ.

Гарфункель скоро обанкротился, дача была распродана по частямъ и даже чугунная ограда снята. На этой дачѣ г. Оппенгеймъ открылъ увеселительное заведеніе «Вилла Боргезе», впослѣдствіи онъ переименовалъ свое заведеніе въ «Виллу монбрилліантъ», но и подъ этой кличкой дѣла не улучшились. Здѣсь пѣлъ хоръ цыганъ и хоръ тирольцевъ Лента и показывалъ фокусы Беккеръ. Въ хорѣ цыганъ тогда славилась миловидная цыганка Маша Розанова.

Послѣ на этой дачѣ былъ «Кафе-шантанъ», увеселительная программа въ немъ была не велика—здѣсь были цыгане, акробаты и карликъ синьоръ Пикколомини, распѣвавшій единствен-

ный куплетъ: «Папироска! другъ мой тайный!» Когда кафе-шантанъ на этомъ мѣстѣ тоже не устоялъ, то содержатель его, въ компаніи съ репортеромъ, Львомъ Камбекомъ, открылъ здѣсь «Ассамблею» и вскорѣ потомъ переименовалъ ее въ «Хуторокъ». Компанія эта вскорѣ прекратила свою антрепризу. Дачу, на которой существовали эти увеселительныя заведенія, купилъ богатый въ то время домовладѣлецъ Руадзе.

На берегу Невы отъ этой дачи, въ двадцатыхъ годахъ, шли красивыя дачки: купца Косиковскаго, камергера Жеребцова, генерала Храповицкаго, Шишмаревой, полковника Соловова, жены купца Пализо, впослѣдствіи откупщика Воронина; на послѣдней дачѣ, когда на ней жилъ Воронинъ, почти каждое лѣто у ванны были привязаны живые осетры, до которыхъ послѣдній былъ большой охотникъ и покупалъ за большія деньги пойманныхъ на тоняхъ на Невѣ.

По разсказамъ, у него была для нихъ большая серебряная кострюлька, въ которой ихъ варили, и затѣмъ такое же огромное серебряное блюдо, на которомъ помѣщался чуть ли не четырехпудовый осетръ. Теперь на этой дачѣ пріютъ для дѣтей.

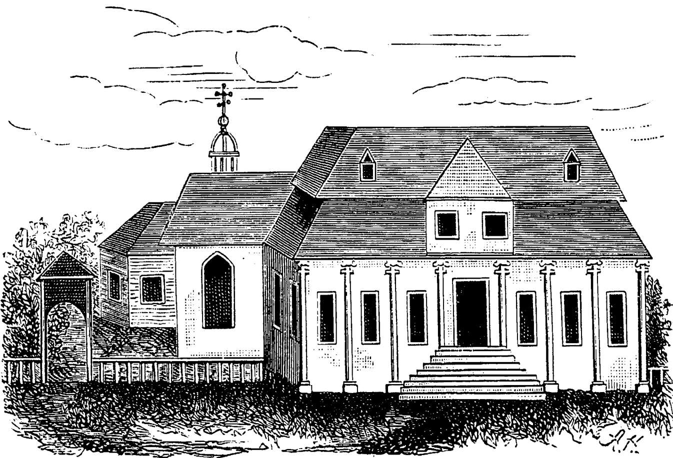
Какъ воспоминаніе объ этой нѣкогда роскошной дачѣ, здѣсь, въ полисадникѣ, уцѣлѣли два превосходныхъ американскихъ орѣха—Iuglans nigra, весьма рѣдкихъ по объемамъ въ нашемъ климатѣ.

Рядомъ съ дачей этого богача ютились небольшія деревянныя дачки братьевъ Скородумовыхъ, старичковъ, мѣстныхъ старожиловъ, племянниковъ извѣстнаго Екатерининскаго гравера Скородумова. Старшій изъ Скородумовыхъ, умершій лѣтъ семь тому назадъ, служилъ секретаремъ у извѣстнаго А. И. Тургенева и былъ сотрудникомъ журнала «Благонамѣренный», издававшагося въ двадцатыхъ годахъ Измайловымъ.

Громадное мѣсто, принадлежавшее Скородумовымъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ купилъ съ аукціона за безцѣнокъ какой-то лѣсопромышленникъ, деревья здѣсь повырубилъ и нѣкогда уютный, пустынный бережокъ Невы теперь превратилъ въ неряшливый дровяной складъ.

Къ дачамъ Скородумова примыкаетъ большой огородъ, разведенный на могилахъ стараго кладбища. Кладбище это, какъ его называли, на Карповкѣ, было открыто въ 1795 году, сентября 15-го, для погребенія умершихъ въ осеннее и весеннее время, когда за неимѣніемъ постоянныхъ мостовъ, Петербургская сторона не могла имѣть сообщенія съ другими частями города.

Кладбище первоначально было приписано къ Смоленской церкви. Земли было отведено 10,000 квадратныхъ саженъ и устроена на немъ деревянная небольшая часовня и обнесено все оно кругомъ деревяннымъ заборомъ. Вскорѣ послѣ открытія кладбища разрѣшено было указомъ 27 мая 1795 года отдать порожнее мѣсто этого кладбища подъ огородъ, которое и ходило за 400 руб. ассигнаціями въ годъ. Огороднику было оговорено, чтобы онъ заборъ и мостовую около кладбища поддерживалъ и при обработкѣ огорода могилъ не раскапывалъ, а равно во время случающихся похоронъ или панихидъ не дозво-

Подворье Ѳеофана Прокоповича.

лялъ ни пѣнія пѣсенъ, ни другого какого либо безчинства, во избѣжаніе нареканія священному мѣсту.

Въ 1816 году Карповское кладбище было передано въ вѣдѣніе Петропавловскаго крѣпостнаго собора и доходы съ огорода стали поступать въ пользу вдовъ соборнаго причта. Со времени устройства на Васильевскій островъ постояннаго Тучкова моста на этомъ кладбищѣ умершихъ болѣе не погребаютъ. До семидесятыхъ годовъ на кладбищѣ сохранились первоначальная деревянная часовня, пришедшая уже, впрочемъ, въ крайнюю ветхость, и нѣсколько плитныхъ и надгробныхъ памятникомъ, въ числѣ которыхъ лучшій маіора Крозеліуса. Теперь же, съ поступленіемъ этого кладбища въ руки городского хозяйства, оставшіеся памятники уничтожены.

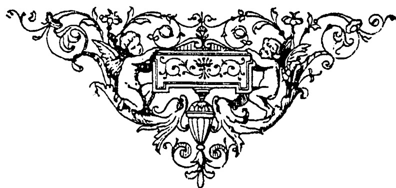
Огородъ этотъ считался самымъ плодороднымъ; здѣсь особенно удавались овощи, требующія костяного удобренія.

Рядомъ съ бывшимъ кладбищемъ существовала въ шестидесятыхъ годахъ, съ превосходными оранжереями, дача извѣстнаго спортсмена Ал. Ал. Сапожникова.

Въ этой же мѣстности, наискось отъ Сапожниковской дачи, лежитъ большая Лавальская дача, одно время носившая названіе дачи графа Борха. При ней раскинутъ роскошный большой паркъ. На эту дачу въ старину, какъ и на Крестовскій, наѣзжало на лодкахъ, съ провизіей, много охотниковъ попить на свѣжемъ воздухѣ чайку, выпить и закусить. Теперь входъ въ этотъ садъ запрещенъ.

Каменноостровскій проспектъ, лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, представлялъ грязь невылазную: шоссе тогда еще не было, по дорогѣ для экипажей была проложена бревенчатая узкая мостовая, для пѣшеходовъ же, чтобы не увязнуть въ грязи, по бокамъ около канавокъ лежалъ широкій булыжникъ и то не вездѣ.

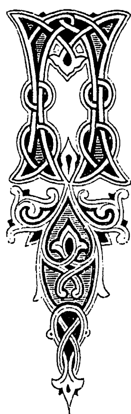
На Каменноостровскомъ проспектѣ существовали въ старое время слѣдующія дачи: графини Зубовой, прежде княгини Щербатовой; дача эта отличалась обиліемъ цвѣтовъ и буквально утопала въ нихъ. Затѣмъ существующая по сейчасъ дача князя Вяземскаго, извѣстная каждому по своимъ превосходнымъ деревьямъ рододендроновъ и кипарисовъ въ кадкахъ. Изъ старинныхъ дачъ цѣла еще на углу Песочной улицы дача нѣкогда чайнаго торговца Маринина, теперь г. Борисовскаго; не существуютъ здѣсь теперь нѣкогда богатыя дачи актрисы Рахманиной, жены архитектора Воронихиной и Самуила Ив. Аллера.

ГЛАВА II.

Петровскій островъ и его прошлое.—Деревянный дворецъ Павла I.—Трактиръ Любекъ.—Петровскій паркъ.—Садъ Баварія.—Вѣковой домикъ на Выборгской.—Дачи на берегу Невы.—Таврическій дворецъ.—Смольный монастырь.—Празднества въ немъ съ участіемъ воспитанницъ.—Переписка Екатерины съ Вольтеромъ.—Разсказы путешественника Кокса.—Благотворительные обѣды въ Смольномъ.—Первый выѣздъ воспитанницъ.—Праздникъ у Ив. Ив. Бецкаго.—Пловучій островъ.—Празднества, спектакли и концерты воспитанницъ.—Дача Безбородки.—Жизнь канцлера на ней.—Анекдотъ съ Роджерсономъ.—Любовь Безбородки къ прекрасному полу.—Сераль и главная одалиска.—Актриса Сандунова и неудачное ухаживаніе за ней.—Эпиграмма Державина на Безбородку.—Полюстрово.—Вокзалъ «Тиволи».—Меценатъ графъ Н. Г. Кушелевъ.—Дюма-отецъ и духовидецъ Юмъ.—Историческое прошлое Смольнаго собора.

ЕТРОВСКІЙ островъ получилъ свое названіе оттого, что нравился Петру и онъ иногда сюда ѣздилъ гулять со своими приближенными. Петровскій имѣетъ въ длину три версты, онъ отдѣляется отъ Петербургской стороны рѣчкою Ждановкою или Петровкою, продолжается между Малою Невою и Малою Невкою, отдѣляющею его отъ Крестовскаго острова.

На Петровскомъ сначала находился домъ кронъ-принцессы Шарлотты, жены царевича Алексѣя. Веберъ посѣщалъ островъ въ 1714 году и говоритъ, что былъ тамъ въ царскомъ домѣ, стоявшемъ очень близко къ водѣ; въ немъ было шесть небольшихъ комнатъ, въ которыхъ, кромѣ нѣсколькихъ столовъ и стульевъ, не было другой мебели, а стѣны были покрыты павлиными перьями. Двое русскихъ, жившихъ въ глухомъ лѣсу, на разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ дома, должны были караулить его. Около стояло

нѣсколько юртъ самоѣдовъ, поселившихся тамъ съ своими оленями противъ своей воли, по приказу царя, и очень желавшихъ возвратиться на родину. Русскій смотритель дома обходился съ ними чрезвычайно жестоко.

На островѣ помѣщался также, подъ наблюденіемъ двухъ чухонцевъ, небольшой скотный дворъ съ двадцатью коровами и содержалось нѣсколько павлиновъ; молоко первыхъ было такъ хорошо, что поставлялось только ко двору. Съ 1710 года на Петровскомъ находился магазинъ для складки военной аммуниціи.

На этомъ островѣ существуетъ деревянный дворецъ, построенный императоромъ Павломъ въ бытность его еще цесаревичемъ. На южной сторонѣ Петровскаго былъ нѣкогда заводъ для бѣленія воска; впослѣдствіи островъ принадлежалъ Вольно-Экономическому Обществу, которое здѣсь имѣло опытную ферму.

Въ пятидесятыхъ годахъ тутъ процвѣталъ трактиръ Любекъ; зимою тамъ давались танцовальные вечера, гдѣ отличался нашъ доморощенный Шикаръ—Фокинъ и дѣвица Ригольбошъ—Катька. Петровскій паркъ разведенъ лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ на низменныхъ островахъ между Тучковымъ мостомъ и Петровскимъ островомъ. На Петровскомъ каждогодно бываетъ гулянье въ ночь на Ивановъ день, затѣмъ въ этой мѣстности нѣкогда привлекалъ любителей пива и повеселиться садъ пивного завода «Баварія»; тамъ пѣли нѣмецкія пѣвицы куплеты и происходили почти каждый вечеръ такъ называемые пивные скандалы; этотъ садъ года два уже не существуетъ.

Покидая острова и выходя вновь въ Большую Неву вверхъ къ Шлиссельбургу, мы на пути въ предѣлахъ нынѣшняго города богатыхъ барскихъ усадьбъ не встрѣчали, изъ замѣчательныхъ домиковъ на Выборгской, въ Бочарной улицѣ, недалеко отъ берега Невы, стоялъ нѣкогда вѣковой домикъ купца Гуткова; домъ этотъ считался ровесникомъ перваго петербургскаго дома, гдѣ часовня Спасителя. Этотъ вѣковой памятникъ цѣлъ былъ въ родѣ гг. Гутковыхъ [22]): отъ эпохи Петра Великаго до семидесятыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія владѣльцы сохраняли его въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ былъ во время основанія. Дерево, изъ котораго срубленъ былъ домикъ, такъ было крѣпко, что въ теченіе слишкомъ ста семидесяти лѣтъ не встрѣчалось надобности перемѣнить въ стѣнахъ его ни одного бревна.

Зданіе домика было одноэтажное, при немъ особая жилая пристройка на правой сторонѣ двора, соединяющаяся съ нимъ

воротами. Домикъ былъ огороженъ палисадомъ и покрытъ краскою зеленаго цвѣта, какъ былъ въ первое время существованія своего. Во дворѣ домика разведенъ былъ садъ, современный построенію его. Земля подъ этотъ домикъ была куплена за 50 к. Купчая крѣпость на право владѣнія домомъ совершена подъячимъ при участіи священника.

Принцесса Шарлотта.

Домикъ этотъ сломанъ весьма недавно, если не ошибаемся, лѣтъ шесть тому назадъ. Въ концѣ сороковыхъ годовъ домикъ служилъ предметомъ немалаго любопытства петербургскихъ жителей, и въ то время явилось въ печати подробное описаніе его [23]).

На этой же лѣвой сторонѣ Невы, минуя Бочарную улицу (нынѣшняя Симбирская), по берегу красовались ландшафты дачъ: гг. Алексѣева, Алферовскихъ, Кокорева, Болдырева, а затѣмъ еще нѣсколькихъ мелкихъ владѣльцевъ; лучшая на этомъ берегу, по

сейчасъ сохраняя свою постройку екатериненскаго времени, стоитъ богатая дача П. П. Дурново. Это вполнѣ барское жилище, съ огромнымъ паркомъ, ручейками, бесѣдками и другими затѣями, имѣетъ богатѣйшую въ Петербургѣ оранжерею, съ столѣтними аврокаріями, тодеями, корифами и другими цѣнными экзотическими растеніями.

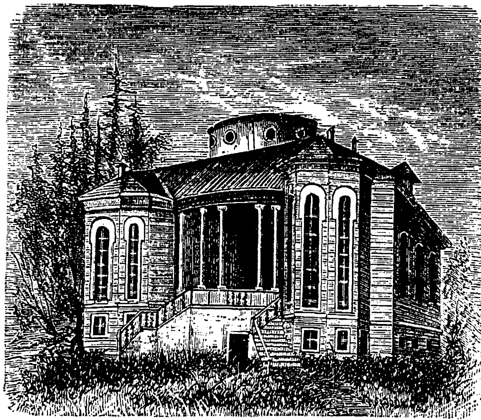
Въ Екатериненское время тамъ, гдѣ лежатъ теперь описанныя дачи, были загородные сады: Бакунина, Синявина, Собакина и большая канатная фабрика.

На другой сторонѣ Невы, гдѣ теперь водоподъемная башня водопроводовъ, въ мѣстности, называемой «Ковшомъ», нѣкогда на незастроенной по берегу площадкѣ, высилось зданіе дворца великолѣпнаго князя Тавриды, построеннаго въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. При дворцѣ прекрасный садъ въ англійскомъ вкусѣ [24]).

На изгибѣ Невы на югъ, на этой же сторонѣ, на берегу возвышаются зданія Смольнаго монастыря съ превосходнымъ тѣнистымъ старымъ садомъ, разбитымъ извѣстнымъ зодчимъ императрицы Елизаветы, графомъ Растрелли. Здѣсь въ 1764 году происходилъ первый пріемъ благородныхъ дѣвицъ, воспитательное образованіе которыхъ должно было проходиться по правиламъ Сенъ-Сирскаго института. Съ любовью здѣсь слѣдила Екатерина за образованіемъ своихъ питомицъ, часто посѣщала ихъ, входила въ малѣйшія подробности, относящіяся до молодыхъ воспитанницъ, привлекая дѣтскія сердца безконечной добротой и чарующей лаской. Лѣтъ черезъ пять послѣ открытія этого воспитательнаго дома, воспитанницы его уже принимали участіе въ празднествахъ при дворѣ.

Вотъ что писала Екатерина къ Вольтеру по поводу одного празднества въ честь пріѣзда принца Генриха. «Это былъ маскарадъ, говоритъ она въ своемъ письмѣ, въ которомъ участвовало до 3,600 человѣкъ. Передъ ужиномъ явился Аполлонъ въ сопровожденіи четырехъ временъ и двѣнадцати мѣсяцевъ, представленныхъ дѣтьми отъ 8-ми до 10-ти лѣтъ, избранными изъ воспитательнаго дома. Эти малютки исполнили свои роли какъ нельзя лучше». По окончаніи ужина Аполлонъ пригласилъ все общество на театральное представленіе, имъ приготовленное. Въ комнатѣ рядомъ была устроена сцена, на которой тѣ же дѣти съиграли маленькую комедію «Оракулъ». Послѣ этого воспитанницы Смольнаго нерѣдко разыгрывали театральныя пьесы въ присутствіи государыни [25]).

Затрудняясь выборомъ пьесъ, соотвѣтствующихъ ихъ возрасту, императрица обращалась къ Вольтеру за совѣтомъ; вотъ выдержка изъ того, что писала царица: «Вотъ уже вторая зима какъ воспитанницъ заставляютъ разыгрывать трагедіи и комедіи; онѣ исполняютъ свои роли лучше здѣшнихъ актеровъ, но должно замѣтить, что число пьесъ, пригодныхъ для нашихъ дѣвицъ, слишкомъ ограничено; ихъ надзирательницы избѣгаютъ тѣхъ, въ которыхъ слишкомъ много страсти, а французскія пьесы почти всѣ таковы. Велѣть написать то, что намъ нужно, это невозможно: подобныя вещи не дѣлаются по заказу, ихъ произво-

Дворецъ на Петровскомъ островѣ.

дитъ геній. Пьесы пошлыя и глупыя могутъ испортить вкусъ. Какъ же тутъ быть? Я, право, не знаю и прибѣгаю къ вамъ».

Вольтеръ на это письмо отвѣчалъ Екатеринѣ слѣдующее: «Дѣло вашихъ дѣвицъ интересуетъ меня какъ нельзя болѣе. Не знаю, заставляете ли вы ихъ разыгрывать трагедіи, знаю только, что декламація вообще, какъ трагическая, такъ и комическая, вещь превосходная: она придаетъ граціи какъ уму, такъ и тѣлу, развиваетъ голосъ, осанку и вкусъ; невольно запоминаются сотни отрывковъ, которые впослѣдствіи приводятся кстати среди разговора, что придаетъ прелесть разговору... Дѣйствительно, въ нашихъ пьесахъ слишкомъ много страстнаго и мнѣ кажется, что въ нѣкоторыхъ комедіяхъ можно пропустить все лишнее для такихъ юныхъ сердецъ, нисколько не вредя интересу цѣлой пьесы; въ «Мизантропѣ», напримѣръ, пришлось бы измѣ-

нить не болѣе 20 стиховъ, а въ «Скупомъ» не болѣе 40 строчекъ и т. д.».

Изъ дальнѣйшихъ писемъ къ Вольтеру видимъ, что воспитанницы представляли «Заиру» Вольтера и играли по-русски «Земиру», трагедію Сумарокова. «Роли дѣвицамъ распредѣлялись такъ: ихъ спрашивали, кто желаетъ играть такую роль, и часто случалось, что цѣлая толпа заучивала одну и ту же роль, а потомъ для представленія выбиралась та изъ дѣвицъ, которая лучше другихъ съ ней справлялась. Играющія роли стариковъ въ комедіяхъ наряжались въ родъ длиннаго кафтана. Роли стариковъ самыя трудныя и наименѣе удаются: огромный парикъ и палка въ рукахъ не старятъ молодое лицо—до сихъ поръ эти роли передавались довольно холодно».

Далѣе государыня пишетъ: «На масляницѣ у насъ былъ прелестный петиметръ, не менѣе прелестный Блезъ (роль глуповатаго наивнаго), восхитительная дама Крутильякъ (немолодая вдова, затѣвающая процессъ съ женихомъ), очаровательныя двѣ субретки и адвокатъ Пателенъ («Avocat Patelin» превосходный фарсъ XV столѣтія, передѣланный Брюезомъ въ 1706 году) и очень умненькій Жасминъ (роль умнаго и добраго слуги въ комедіи Вольтера «L'Enfant prodigue»). Англичанинъ У. Коксъ, посѣтившій Петербургъ въ прошломъ столѣтіи, присутствовалъ на одномъ изъ такихъ представленій въ Смольномъ. Онъ описываетъ его слѣдующимъ образомъ: «Мы остались чрезвычайно довольны исполненіемъ пьесъ,—театръ устроенъ въ красивой круглой комнатѣ, стѣны которой расписаны деревьями въ видѣ ландшафта—играли пьесы: «Служанка госпожа» и «Оракулъ»; первую разыграли дѣвицы 16 и 17 лѣтъ, вторую—дѣвочки отъ 10 до 12 лѣтъ. И тѣ и другія играли съ одушевленіемъ и обнаружили высокое пониманіе приличія какъ въ жестахъ, такъ и словахъ». Коксъ былъ пораженъ чистотой произношенія французскаго языка.

Въ другомъ мѣстѣ Коксъ описываетъ и другое трогательное торжество въ стѣнахъ Смольнаго. «Когда мы посѣтили это прекрасное учрежденіе, говоритъ онъ, то увидѣли тамъ приготовленный обѣдъ для ста бѣдныхъ женщинъ; ихъ угощали старшія, а молодыя дѣвочки раздавали имъ мелкія серебряныя деньги и по нѣскольку аршинъ холста. Этотъ обычай установленъ для развитія въ молодыхъ сердцахъ участія къ неимущимъ и готовности облегчать нужду ближняго».

Въ камерфурьерскихъ журналахъ мы то и дѣло находимъ извѣстіе о посѣщеніи императрицей Смольнаго. Такъ въ 1771 г.

19-го марта она съ Бецкимъ воспринимала отъ купѣли двухъ плѣнныхъ татарокъ и одну турчанку, 15-го сентября 1772 г. присутствовала при представленіи двухъ балетовъ. Въ 1773 г. 4-го іюля изволила смотрѣть вмѣстѣ съ И. И. Бецкимъ ихъ рукодѣлья и т. д.

Въ 1773 г. воспитанницы Смольнаго впервые выглянули изъ стѣнъ монастырскихъ. Приводимъ изъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» того года № 45, любопытный разсказъ объ ихъ гуляньи въ Лѣтнемъ саду. «Жители петербургскіе имѣли удовольствіе въ первый разъ видѣть въ публику показавшихся воспитываемыхъ благородныхъ дѣвицъ; онѣ гуляли въ саду лѣтняго дома 20-го мая. Сіе число есть день всеобщаго въ томъ саду гулянья. Свѣдая о ихъ пріѣздѣ множество гуляльщиковъ собралося знатнаго дворянства, и столько стеклося желающаго ихъ видѣть народа, что не токмо во всемъ саду, но и на берегу Невы, чрезъ всю Милліонную улицу до самаго сада сдѣлали великую тѣсноту. Помянутыя воспитанницы, въ присутствіи главнаго ихъ попечителя И. И. Бецкаго [26]), начальницы де-Лефонъ и въ провожаніи надзирательницъ, ѣхали на шлюпкахъ по Невѣ до пристани, что противъ Зимняго дворца, на которую вышедъ, пошли въ Эрмитажъ и тамъ, осмотря, шли по невскому каменному берегу въ Лѣтній садъ, въ сопровожденіи многочисленной толпы народа, которая, тѣсняся имъ вслѣдъ, заперла всю улицу и остановила на тотъ часъ проѣздъ. Каждый съ жадностью и удовольствіемъ желалъ смотрѣть собраніе, достойно любопытства единолѣтныхъ дѣвицъ, единоцвѣтною украшенныхъ одеждою».

«При входѣ въ садъ, князь Г. Г. Орловъ сдѣлалъ имъ пріятную неожиданную встрѣчу: онъ нарочно приготовилъ для ихъ пріѣзда въ одной закрытой куртинѣ роговую музыку и приказалъ заиграть, какъ дѣвицы въ садъ вступятъ. Гуляя въ саду и осматривая всѣ лучшія мѣста, дѣвицы, между прочимъ, заходили въ гротъ, осматривали мраморныя статуи, потомъ ходили во дворецъ, осматривали покои и, наконецъ, сѣвъ опять въ шлюпки, поѣхали въ свой домъ воспитанія».

Этотъ первый выѣздъ въ свѣтъ воспитанницъ не оставилъ, какъ сказано въ «Спб. Вѣдомостяхъ», россійскій Парнасъ безъ дѣйствія и явилось стихотвореніе, начинающееся такъ:

Не нимѳы ли богинь предъ нами здѣсь предстали?
Иль сами ангелы со небеси сошли
Ко обитанію межъ смертныхъ на земли, и т. д.

Очень интересный праздникъ далъ И. И. Бецкій въ своемъ домѣ 14-го іюля 1775 года по случаю празднованія Кайнарджикскаго мира. «Торжество давалось бѣлому классу дѣвицъ на Невѣ передъ его дворцомъ. По пріѣздѣ дѣвицъ, была назначена прогулка по его саду и угощали сластями, что продолжалось нѣсколько часовъ. По наступленіи ночи, на Невѣ издалека приплылъ къ его двору островъ, на которомъ представлена была мыза съ пахотною землею и съ разными сельскими жилищами. На переднихъ острова сторонахъ видны были развалины прошедшей войны, а въ дальнемъ острова сторонѣ, лѣсомъ окруженный храмъ, надъ которымъ стояла статуя, изображающая «Милосердіе» съ прочими признаками почтенія за воспитаніе. Во время ходу и до остановленія острова на мѣстѣ, играла пріятнѣйшая сельская музыка, а жители упражнялися въ сельскихъ работахъ. Когда островъ остановился, изъ военныхъ развалинъ выступила «Слава» съ трубою, масличною вѣтвью и воздвигла русскій штандартъ; всѣ сельскіе жители острова съ восторгомъ встрѣтили это появленіе и съ музыкой, и пѣніемъ воспѣли похвалу монархинѣ, и на развалинахъ башни устроили ей обелискъ и разными огнями разсвѣщали весь островъ и украсили вѣнками храмъ благодарности за воспитаніе, до этого стоявшій закрытый деревьями. Всѣ жители острова при этомъ веселились и ликовали; въ этомъ торжествѣ принимали участіе и младенцы, собравшись въ кружокъ, изъ нихъ восемь, съ гирляндами, танцовали въ срединѣ храма, кругъ жертвенника, на который въ бѣломъ дѣвичьемъ одѣяніи два младенца безпрестанно сыпали фиміамъ.

Иллюминація и музыка продолжались на Невѣ до разсвѣта, потомъ весь островъ, при непрестанномъ играніи музыки, плылъ внизъ рѣки. Спустя пять дней, былъ праздникъ въ Смольномъ, въ присутствіи пяти классовъ знатныхъ особъ. Гостей принимали въ большомъ залѣ четыре изъ бѣлаго класса въ весталъскомъ одѣяніи дѣвицы. Залъ сверху до низу былъ украшенъ вѣнками и живыми цвѣтами. Здѣсь наверху были надписи на разныхъ языкахъ и на плафонѣ представлены были со всѣми ихъ признаками «Благодѣяніе» и «Благодарность», на концѣ стояла Парнасская гора. Изъ этого зала публика проходила въ садъ. При входѣ здѣсь находились два большіе амфитеатра, гдѣ сидѣли воспитанницы, не принимавшія участія въ спектаклѣ... Плетень изъ зелени, связанный съ оранжевыми деревьями, служилъ украшеніемъ въ большой аллеѣ. Шесть нишъ въ цвѣтахъ

шли отъ мѣста до мѣста, гдѣ на большихъ довольно театрахъ представляли дѣвицы разныя дѣйствія: одни изъ нихъ служили мирному торжеству, другія были введеніемъ въ большую пьесу подъ заглавіемъ «La Rosière de Salency»; пьеса была представлена на театрѣ въ концѣ аллеи. Тутъ стоялъ «Храмъ Добродѣтели», входъ въ который былъ закрытъ горой; съ послѣдней сходили пастушки съ дарами для Розаріи. Пастушки плясали и изъявляли свою радость. Въ то время, какъ «Добродѣтель» украшали вѣнками при игрѣ на всѣхъ инструментахъ, гора, закрывавшая входъ въ храмъ, разверзлась и открыла храмъ. Въ немъ виденъ былъ жертвенникъ съ священнымъ огнемъ, жертвенникъ окружалъ амфитеатръ съ находящимися на немъ 70 весталками, стерегущими огонь; 40 пастушекъ и 20 сельскихъ дѣвицъ, стоявшихъ внизу на ступеняхъ, сойдя внизъ, стали плясать. Къ нимъ присоединились три граціи и всѣ весталки; послѣднія стали танцовать большой балетъ съ большими въ рукахъ вѣнками и «чрезъ разные оныхъ виды представляли ходячій садъ».

Послѣ балета открылись двери въ большой аллеѣ и все собраніе увидѣло по обѣимъ сторонамъ накрытые столы, за которые всѣ дѣвицы, за исключеніемъ весталокъ, сѣли ужинать. Послѣ ужина возвратились всѣ въ большой залъ, въ которомъ увидѣли на Парнасской горѣ вестальскихъ дѣвицъ: четыре изъ нихъ были мѣщанскія дѣвицы, которыя стали исполнять музыкальное сочиненіе на двухъ флейтахъ, скрипкѣ и віолончели. Затѣмъ послѣдовалъ концертъ на двухъ арфахъ и, наконецъ, запѣлъ хоръ съ припѣвомъ по-русски всѣхъ вестальскихъ дѣвицъ. Торжество окончилось ужиномъ вестальскихъ дѣвицъ за фигурнымъ столомъ.

На другомъ изъ такихъ концертовъ двѣ благородныя дѣвицы играли на давидовыхъ гусляхъ, а третья аккомпанировала на англійскомъ піано-фортѣ, причемъ вмѣшались напослѣдокъ наипріятнѣйшіе четырехъ дѣвицъ голоса съ составленіемъ нарочно для того хоромъ, по окончаніи котораго весь изъ дворянъ только и изъ нѣкоторыхъ другихъ любителей музыки и членовъ здѣшняго музыкальнаго клуба состоявшій оркестръ началъ во весь голосъ играть штуки балета, который въ заключеніе сего торжества и представленъ былъ всѣми воспитанницами.

Изъ воспитанницъ Смольнаго института извѣстна Ек. Ив. Нелидова, дочь армейскаго поручика. Вышла она изъ института въ 1776 году и послѣ проживала въ немъ болѣе полувѣка.

По разсказамъ современниковъ, въ придворномъ кругѣ императора Павла I «она была звѣздою самою яркою». По наруж-

ности это была маленькая брюнетка, съ блестящими черными глазами, съ лицомъ, исполненнымъ выразительности (портретъ ея находится въ Петергофскомъ дворцѣ), разговоръ ея, при совершенной скромности, отличался изумительнымъ остроуміемъ и блескомъ, танцовала она съ необыкновеннымъ изяществомъ и живостью. Положеніе ея при Гатчинскомъ дворѣ возбуждало толки. Съ цѣлью прекратить ихъ, она рѣшилась оставить дворъ и уединиться въ Смольный монастырь. Это, какъ свидѣтельствуетъ переписка Павла Петровича съ нею (см. XVIII вѣкъ, стр. 452, т. III), очень опечаливало его.

Переписка Нелидовой съ Павломъ и его супругой рисуетъ намъ идеально чистыя возвышенныя отношенія послѣдней къ царственной четѣ. Бренные останки Нелидовой лежатъ на кладбищѣ Большой Охты, по лѣвую сторону, при входѣ въ церковь во имя святителя Николая. Она сама избрала это уединенное мѣсто, чтобъ и по смерти покоиться вблизи своего младенческаго пріюта.

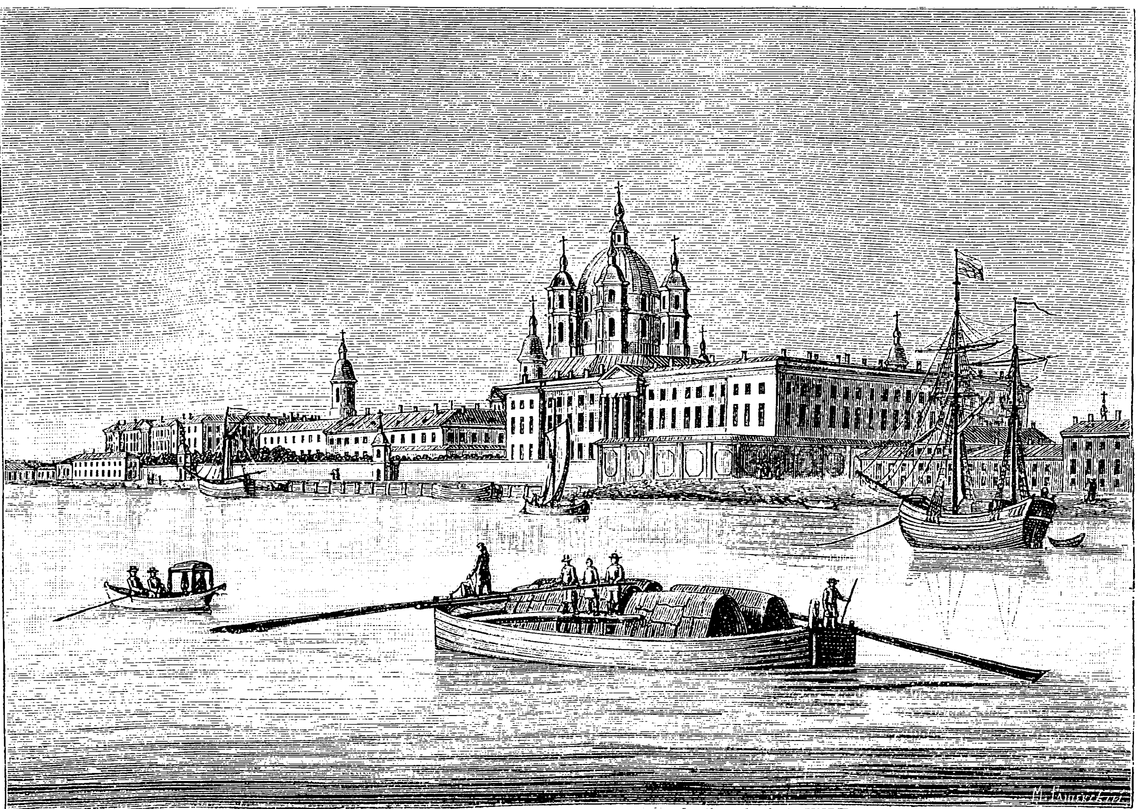
Въ старину между богатыми лицами существовалъ обычай брать себѣ въ жены бѣдныхъ сиротъ-воспитанницъ Смольнаго института и, по свидѣтельству многихъ, браки эти выходили счастливыми. Но въ первое время при Екатеринѣ II современники на смолянокъ смотрѣли иначе и даже упражняли свое остроуміе надъ выпусками дѣвицъ изъ этого заведенія. Вотъ стихи, которые ходили послѣ перваго выпуска:

Иванъ Иванычъ Бецкой,
Человѣкъ нѣмецкой,
Выпустилъ куръ,
Монастырскихъ дуръ.

По другимъ варіантамъ, послѣ двухъ первыхъ стиховъ слѣдовало:

Воспитатель дѣтской
Чрезъ двѣнадцать лѣтъ
Выпустилъ въ свѣтъ
Шестьдесятъ куръ
Набитыхъ дуръ.

Въ 1885 году 20-го іюня исполнилось ровно пятьдесятъ лѣтъ со дня освященія Смольнаго собора. Въ мѣстности, гдѣ стоитъ соборъ, во времена еще шведскаго владычества было селеніе Спасское, въ которомъ жили православные ижорцы и стояла часовня. По завоеваніи этого мѣста Петромъ I, былъ устроенъ большой смоляной дворъ, и одновременно съ дворомъ построенъ

Смольный монастырь.

небольшой загородный домъ, который служилъ для него натуральнымъ кабинетомъ до перенесенія въ Кикины палаты. Затѣмъ уже позднѣе здѣсь былъ выстроенъ для Елисаветы загородный дворецъ, прозванный «Смольнымъ».

Существуетъ преданіе, что на четвертомъ году своего царствованія Елисавета имѣла намѣреніе передать бразды правленія своему племяннику, Петру III, и окончить дни мирно въ монастырѣ. Лелѣя эту мысль, она приказала на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ ея дворецъ, строить иноческую женскую обитель и назвать ее Воскресенскимъ Новодѣвичьимъ монастыремъ. Планъ, какъ и постройка, была поручена графу Растрелли.

Закладка монастыря произведена 30-го октября 1748 года, уже послѣ пожара, истребившаго главный корпусъ дворца императрицы. По красотѣ и величественности, предполагавшееся сооруженіе было еще невиданное до тѣхъ поръ въ Россіи. Императрица, въ 1749 году, заказала для будущаго храма колоколъ въ 12,000 пуд. Колоссально начатая постройка шла медленно, и только въ 1756 году была отстроена вчернѣ, зданія покрыты и оштукатурены снаружи, внутри же всюду стояли лѣса и были голыя стѣны.

Спустя восемь лѣтъ послѣ отстройки уже императрица Екатерина II здѣсь открыла «Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ», взявъ для него въ образецъ уставъ въ то время извѣстнаго монастыря Сенъ-Сиръ (впослѣдствіи военная школа). Цѣль новаго учебнаго заведенія, какъ гласилъ указъ императрицы, дать государству образованныхъ женщинъ, хорошихъ матерей, полезныхъ членовъ семьи и общества.

По открытіи этого заведенія, сюда были переведены изъ Воскресенскаго монастыря, существовавшаго на Васильевскомъ островѣ, находившіяся тамъ 14 монахинь, которыя и должны были составлять церковный клиросъ, въ небольшихъ двухъ церквахъ, находившихся на двухъ углахъ большого четырехугольнаго зданія; затѣмъ обучать малолѣтнихъ дѣвочекъ грамотѣ и ходить за больными; игуменьей къ нимъ сама императрица назначила монахиню Елпидифору, изъ рода господъ Кропотовыхъ; со дня основанія обители, монахинь сюда вновь уже болѣе не поступало и со смертью послѣдней изъ нихъ обитель перестала существовать. 7-го августа 1764 года происходилъ первый пріемъ воспитанницъ.

Въ первые мѣсяцы управляла обществомъ княжна Ан. Сер. Долгорукая, но вскорѣ была назначена начальницей воспитан-

ница Сенъ-Сира, француженка, вдова дѣйств. ст. сов. Софія де-Лафонъ. Въ 1767 г. былъ произведенъ первый экзаменъ, удостоенный присутствія самой императрицы; самой старшей воспитанницѣ было 9, а младшей 6 лѣтъ. Изъ камеръ-фурьерскаго журнала видно, что въ 1770 году, во время пребыванія прусскаго принца Генриха, малолѣтныя воспитанницы этого заведенія танцовали балетъ, который былъ раздѣленъ на четыре времени года: весну, лѣто, осень и зиму (см. стр. 46).

Императрица особенно осталась довольна этимъ праздникомъ и описала его въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Вольтеру. Съ 1771 года воспитанницы Смольнаго нерѣдко разыгрывали театральныя пьесы въ присутствіи царицы. Затрудняясь выборомъ пьесъ, соотвѣтствующихъ ихъ возрасту и воспитанію, Екатерина обращалась за совѣтомъ къ Вольтеру (см. стр. 47).

Восемьдесятъ семь лѣтъ отъ заложенія величественное зданіе собора стояло необдѣлано, и только, по желанію августѣвшей матери императора Николая I, оно освящено 20-го іюня 1835 г. Соборъ наименованъ соборомъ всѣхъ учебныхъ заведеній, въ окружающихъ его постройкахъ учрежденъ вдовій домъ.

На работы храма было повелѣно императоромъ Николаемъ отпустить изъ государственнаго казначейства 2 мил. р. Въ число новыхъ работъ вошли, для образованія подъѣзда къ собору, сломка зданій вдовьяго дома, возведеннаго еще при Елисаветѣ, и затѣмъ уничтоженіе огромнаго фундамента колокольни; по плану Растрелли, колокольня эта по высотѣ была бы первая въ свѣтѣ и превышала бы Хеопсову пирамиду на четыре сажени. Соборъ построенъ въ стилѣ Возрожденія, съ уклоненіемъ въ «рококо». Основаніе храма крестообразно, высота корпуса собора до кровли $14^1/_2$ саж., толщина наружныхъ стѣнъ отъ одной сажени до $2^1/_2$ аршинъ. Все зданіе съ крестомъ достигаетъ сорока пяти саженъ высоты. На полное освѣщеніе собора въ первый день Пасхи требуется 1,250 свѣчъ, что составитъ 6 пуд. 10 фунт. воску.

Гдѣ стоитъ бывшая дача Безбородки, теперь распроданная по частямъ пивному заводу и другимъ владѣльцамъ, тамъ во время шведскаго владычества находился садъ коменданта города Ніеншанца. Мѣстность эта впослѣдствіи принадлежала просвѣщенному человѣку эпохи Петра III и Екатерины II, тайному совѣтнику Гр. Ник. Теплову, воспитаннику извѣстнаго архіепископа Ѳеофана Прокоповича; отъ сына послѣдняго, капитана А. Г. Теплова, купилъ эту дачу, въ 1782 году, князь А. Безбо-

родко за 22,500 рублей. Безбородко здѣсь построилъ роскошный загородный домъ по плану архитектора Гваренги и развелъ при немъ громадный садъ, славившійся барскими затѣями и прихотями, на удовлетвореніе которыхъ богатый вельможа не щадилъ денегъ.

Гарновскій въ Воспоминаніяхъ своихъ разсказываетъ, что графъ былъ много долженъ, что онъ, подражая Потемкину, пустился въ строеніе дачи и т. д. По словамъ Георги, онъ имѣлъ садъ, въ длину и ширину былъ около 250 саженъ, въ англійскомъ вкусѣ, съ излучистыми дорожками, каналами, островками, бесѣдками и пр. Въ саду, говоритъ Георги, есть высокія развалины въ два этажа, похожія на обветшалый замокъ, всходить на нихъ удобно и весьма хорошо можно оттуда видѣть городъ и окрестности. Одна изъ уцѣлѣвшихъ прихотей и до сихъ поръ украшаетъ запустѣвшій садъ, въ глубинѣ его находится храмъ Сивиллы, съ колоссальною статуею древне-языческой предвѣстницы будущаго. Георги говоритъ, что Сивилла изображаетъ императрицу Екатерину II. Статуя вѣсомъ въ 200 пуд. и, по словамъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» 1788 г. (см. № 82), отлита изъ мѣди въ октябрѣ 1788 года при Императорской Академіи Художествъ и модель для нея была сдѣлана академикомъ Рашетомъ, во вкусѣ древнихъ греческихъ статуй. На статуѣ надпись: «Rachette fecit, отливалъ и отдѣлывалъ Императорской Академіи Художествъ мастеръ Василій Мажаловъ».

На дачѣ до 1873 года находились и другіе остатки прежней роскоши, какъ напримѣръ: громадный бюстъ Безбородко, вылитый изъ мѣди; теперь отъ него остался одинъ гранитный пьедесталъ, похитить который едва ли возможно.

Загородный домъ построенъ съ большимъ вкусомъ, о двухъ этажахъ, съ башнями по сторонамъ; также съ обоихъ концовъ нѣкогда отъ дома шла покрытая прекрасная колонада, отчего площадь передъ домомъ противъ Невы получила видъ амфитеатра. Берегъ Невы былъ выкладенъ дикимъ камнемъ и здѣсь стояли мѣдныя пушки. Относительно этихъ пушекъ существуетъ разсказъ, записанный Карабановымъ. Безбородко просилъ у Екатерины позволенія стрѣлять изъ пушекъ на своей дачѣ. Государыня удивилась его просьбѣ, потому что онъ не служилъ въ арміи, но не отказала своему любимому секретарю. Вскорѣ лейбъ-медикъ Рожерсонъ, играя въ вистъ, по разсѣянности началъ дѣлать ошибки (ренонсы), а хозяинъ графъ приказалъ каждый разъ извѣщать объ этомъ пушечными выстрѣлами; шутка эта

такъ раздражила вспыльчиваго медика, что едва не кончилась ссорой.

Безбородко былъ большой охотникъ до картъ, но еще большимъ поклонникомъ женщинъ всякаго разбора, и, гоняясь за ними, посѣщалъ самые неблагопристойные дома.

Г. Н. Тепловъ.

Маркизъ де-Палеро, сардинскій посланникъ при нашемъ дворѣ, говоритъ, что женщины, впрочемъ, не отвлекали его отъ важныхъ дѣлъ и власть ихъ надъ нимъ ограничивается протекціею нѣкоторыхъ личностей, незначительныхъ для хода политической машины.

Но это, кажется, не вѣрно; графъ С. Р. Воронцовъ писалъ брату своему изъ Пизы, что многія лица въ Петербургѣ получали мѣста черезъ актрисъ Давію и Ферьери; у Храповицкаго

въ дневникѣ находимъ, что Екатерина II ему не разъ за женщинъ «выражала недовольство»; такъ, напримѣръ, подъ числомъ 3-го іюля 1788 года отмѣчено: «Недовольны, что графъ Безбородко на дачѣ своей празднуетъ, посылали сказать въ его канцелярію, чтобъ по пріѣздѣ скорѣе пришелъ; онъ почти не показывается, а до него всякій часъ дѣло».

Энгельгардтъ въ запискахъ разсказываетъ, что императрица, узнавъ, что графъ подарилъ итальянской пѣвицѣ Даві 40,000 рублей, сочла нужнымъ выслать ее изъ столицы. Графъ Безбородко особенно любилъ итальянокъ, но не брезговалъ и русскими актрисами.

Гарновскій въ своихъ Воспоминаніяхъ, по поводу первыхъ, отмѣчаетъ: «Четвертаго дня возвратился сюда изъ Италіи пѣвецъ Капаскини и привезъ для графа Безбородко двухъ молодыхъ итальянокъ, проба онымъ сдѣлана, но не знаю, обѣ ли или одна изъ нихъ принята будетъ въ сераль».

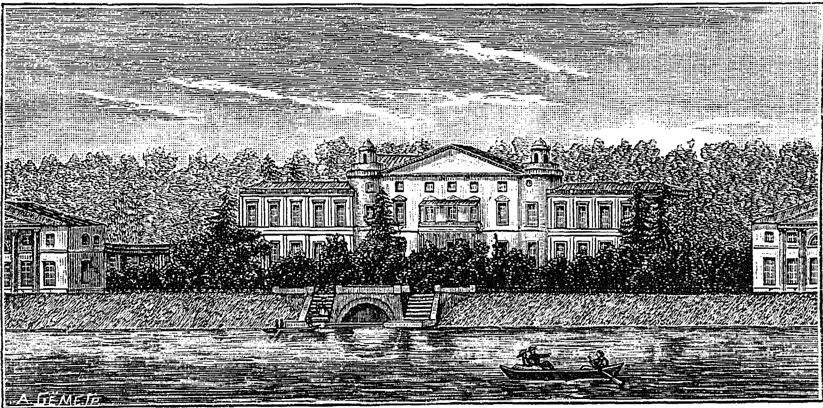
Что сераль у графа Безбородко существовалъ на дачѣ, это не подлежитъ сомнѣнію. Въ 1860 годахъ, когда здѣсь живалъ лѣтомъ на дачѣ графъ Г. А. Кушелевъ-Безбородко, мы имѣли случаи видѣть какъ комнаты, гдѣ онъ помѣщался, такъ и большую картину, написанную масляными красками съ изображеніемъ его десяти одалисокъ, сидящихъ въ одной изъ этихъ комнатъ на софѣ. На картинѣ были изображены женщины разныхъ національностей; здѣсь были итальянки, нѣмки, чухонки, русскія, и даже одна негритянка.

Старшей его одалиской была балетная танцовщица Ѳ. Д. Каратыгина, привязанность къ которой Безбородки продолжалась до самой его смерти. Онъ имѣлъ отъ нея дочь, которую называлъ своей воспитанницей; это была хорошенькая, богатая и прекрасно воспитанная дѣвушка, Наталья Александровна Верецкая (фамилія Верецкой дана ей была въ воспоминаніе первой деревни, пожалованной императрицею графу). Не смотря на свою серьезную привязанность къ Каратыгиной, Безбородко не покидалъ своихъ привычекъ, и одно время употреблялъ все возможныя хитрости, чтобы сблизиться съ извѣстною въ то время опереточною артисткою Лизанькой Урановой (Сандуновой) и даже намѣревался похитить силой упрямую артистку.

Узнавъ объ этомъ, Лизанька, однажды, въ присутствіи императрицы, на Эрмитажномъ театрѣ, подбѣжала къ авансценѣ, упала на колѣни и закричала: «Матушка царица, спаси меня!» Императрица съ участіемъ обратилась къ актрисѣ, приняла просьбу, въ которой были изложены всѣ интриги графа.

По счастію, Безбородко былъ въ то время въ Москвѣ, и потому первый гнѣвъ Екатерины успѣлъ пройти, императрица только жестокимъ образомъ распекла стараго ловеласа; по другимъ разсказамъ, Екатерина наказала его тѣмъ, что выдала Уранову замужъ за Сандунова на его счетъ; пособники въ этомъ ухаживаніи, директоры театра: Соймоновъ и Храповицкій, получили, за сближеніе «воспитанницы съ графомъ, увольненіе отъ должностей».

Послѣдній изъ нихъ, Храповицкій, въ своемъ дневникѣ подъ 11-мъ февраля 1791 года отмѣчаетъ: «Ввечеру играли въ Эрмитажѣ «Ѳедула» и Лизка подала на насъ просьбу и т. д.».

Загородный домъ Безбородки.

Говорятъ, что по поводу этого случая была сочинена насчетъ графа Безбородко пѣсня:

Радость! выслушай два слова:
Гдѣ ты, свѣтикъ мой живешь?

Позднѣе Сандунова сама отомстила графу. Разъ, играя въ Большомъ театрѣ какую-то всѣми любимую тогда оперетку,— Безбородко въ то время сидѣлъ въ первомъ ряду креселъ,— Сандунова ловко вынула изъ ридикюля кошелекъ съ деньгами, выступила къ оркестру, подняла кошелекъ кверху и, устремивъ свои большіе, лукавые глаза на графа, съ иронической улыбкой запѣла:

Перестаньте льститься ложно,
И думать такъ безбожно
Въ любовь къ себѣ склонить“ и проч.

Весь театръ разразился единодушными апплодисментами. Умный Безбородко хлопалъ и хохоталъ больше и громче всѣхъ и первый потребовалъ повторенія. На другой день онъ послалъ Сандуновой шкатулку съ дорогими вещами. Подарокъ былъ принятъ, но мужъ нашелъ болѣе благоразумнымъ перейти съ женой на московскую сцену. Прощаясь съ петербургскою публикою, Сандуновъ со сцены такъ объяснилъ цѣль своего перехода въ Москву:

Гдѣ-бъ театральные и графы и бороны
Не сыпали моей Лизетѣ милліоны.

Въ своихъ любовныхъ похожденіяхъ, говорятъ, Безбородко искалъ отдыха отъ своихъ трудовъ. Подъ старость онъ, понятно, не отличался въ амурныхъ авантюрахъ, что и дало Державину поводъ посмѣяться надъ нимъ. Въ своемъ стихотвореніи «Крезовъ Эротъ» поэтъ какъ будто описываетъ превосходное изваяніе, находившееся на дачѣ Безбородки. Содержаніе стихотворенія слѣдующее: Эротъ, истративъ всѣ свои стрѣлы, испытываетъ послѣднее средство своимъ свѣтильникомъ; но металлъ не воспламеняется, а дымъ только умножаетъ слезы о неудачѣ.

Было бы несправедливо обвинять этого государственнаго человѣка въ невысокой нравственности. Безбородко не былъ исключеніемъ; всѣ его современники, пожилые придворные, отличались такими же качествами. Любовь къ женщинамъ была тогда въ модѣ,—таково было время и нравы.

За величественнымъ садомъ Безбородки, въ лѣсу, существовали знаменитые желѣзные источники, открытые при Петрѣ Великомъ его лейбъ-медикомъ Блументростомъ. Этими водами первый пользовался самъ царь; мѣстность, въ которой онѣ находились, была болотистая, и потому желѣзистыя воды въ первое время назывались болотными, а по-латыни «palustris»; отсюда и взялось названіе деревни Палюстрово, которую населилъ графъ Безбородко своими крестьянами изъ другихъ великороссійскихъ деревень.

Въ сороковыхъ годахъ на водахъ было нѣсколько счастливыхъ выздоровленій, молва о цѣлебности быстро разнеслась. Здѣсь явился курзалъ съ музыкой, танцами, фейерверами; оркестромъ, гдѣ дирижировалъ Шиндлеръ и т. д. Въ новомъ курзалѣ захозяйничалъ извѣстный Ив. Ив. Излеръ. Графъ Кушелевъ гостепріимно открылъ для публики свой роскошный паркъ, явились праздники и вечера въ Тиволи, — такъ былъ названъ вокзалъ въ честь развалинъ, существующихъ въ саду. Но, къ со-

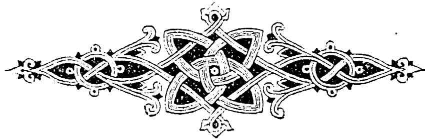
жалѣнію, Палюстрово удержало свою славу недолго, и лѣтъ черезъ десять воды были позабыты.

Въ 50-хъ годахъ на Безбородкинской дачѣ постоянно жилъ лѣтомъ ея владѣлецъ графъ Г. А. Кушелевъ-Безбородко. Въ это время здѣсь часто устраивались праздники и домашніе спектакли.

Графъ былъ меценатъ въ широкомъ смыслѣ этого слова, и на его дачѣ почти безвыѣздно проживали все лѣто нѣкоторые изъ нашихъ литераторовъ. Одно время здѣсь даже жилъ французскій романистъ Александръ Дюма-отецъ и вмѣстѣ съ нимъ гостилъ шотландецъ духовидецъ Юмъ.

Популярнѣйшій изъ романистовъ, проживая здѣсь, сотрудничалъ въ «Journal de St.-Pétersbourg» и по утрамъ стрѣлялъ воронъ. Изъ литераторовъ жили на этой дачѣ въ пятидесятыхъ годахъ: А. Ѳ. Писемскій, Л. Н. Мей, В. С. Курочкинъ, И. Ф. Горбуновъ, Н. Кроль, Е. Молеръ, В. В. Крестовскій, Дріянскій, А. Дружининъ, В. В. Толбинъ и Аполлонъ Григорьевъ.

На дачѣ графа существовала старинная домовая церковь «Живоноснаго Источника». Послѣ смерти графа его наслѣдница, графиня Мусина-Пушкина, перенесла ее въ свое имѣніе въ Финдяндію, а домъ отдала въ аренду какимъ-то антрепренерамъ, которые и устроили въ саду увеселительное заведеніе «Эрмитажъ», а гдѣ былъ прежде храмъ, тамъ помѣстили буфетъ и танцовальный залъ. Но вскорѣ это веселое предпріятіе прогорѣло.

ГЛАВА III.

Большая Охта. — Слѣды стараго шведскаго города. — Пороховые заводы. — Пріютино. — Рябово. — Петербургскій Крезъ В. А. Всеволожскій. — Его праздники, обѣды, спектакли, турниры и проч. — Ганинскій садъ. — Дача А. Н. Львова. — Озерки, дача князя Потемкина. — Глухое озеро, преданіе о немъ, празднество на озерѣ. — Царевичъ Февей. — Заводы: стеклянный и зеркальный. — Фарфоровый заводъ. — Церковь. — Дача Куракина. — Дача оберъ-прокурора князя Вяземскаго. — „Садъ Капризъ“. — Церковь. — Александровская мануфактура. — Храмъ. — Деревня Мурзинка и прежніе ея владѣльцы. — Село Рыбацкое. — Мыза Столбенскаго, посадскаго человѣка; звѣринецъ Елисаветы Петровны; памятникъ и церковь; поэтъ Слѣпушкинъ. — Дача князя Гагарина. — Новосаратовская колонія. — Дача Богословка, Зиновьева тожъ. — Ѳ. М. Дубянскій. — Усть-Ижора. — Битва со шведами. — Путевой дворецъ. — Старое укрѣпленіе. — Князь Ижорскій. — Старинная церковь, монументъ. — С. Вознесенское. — Усть-Тосна. — Ложе рѣки Невы въ этомъ мѣстѣ. — Село Ивановское. — Долгоруковъ и Неплюевъ. — Ив. Ив. Голиковъ. — Дворецъ Пелла, постройка его, садъ, оранжереи и пр. — Уничтоженіе дворца императоромъ Павломъ. — Казармы. — Пороги Невы. — Развалины замка Потемкина. — Суевѣрныя преданія. — Памфлетъ на Потемкина. — Островки.

Въ МѢСТНОСТИ, гдѣ теперь лежитъ Большая Охта, стоялъ нѣкогда шведскій городокъ Ніеншанцъ, по-русски называемый «Канцы». Слѣды земляныхъ валовъ этого города видны еще посейчасъ. О былой жизни этого города свидѣтельствуютъ также находки въ руслахъ рѣчки Охты старинныхъ чугунныхъ пушекъ, ядеръ и другихъ вещей, принадлежавшихъ прежнимъ аборигенамъ Охты. Въ шведскомъ городкѣ были двѣ продольныхъ параллельныхъ рѣчки Охты улицы и пять поперечныхъ улицъ по рѣчкѣ Чернавкѣ.

Гдѣ теперь построена недавно новая церковь, тамъ существовало шведское кладбище. Когда рыли для этой церкви рвы и прокладывали дренажныя трубы, было найдено до девятнадцати крѣпкихъ дубовыхъ гро-

бовъ, совершенно пустыхъ. Гробы были расположены не отъ запада къ востоку, а на юго-востокъ, что служитъ доказательствомъ, что здѣсь были похоронены не православные. Охта была заселена русскими спустя 18 лѣтъ послѣ завоеванія этого края.

Первые поселенцы были плотники, выписанные Петромъ изъ Великорусскихъ губерній. Въ числѣ послѣднихъ было не мало старовѣровъ, какъ Тарасовъ и Окорчевъ. Могила послѣдняго еще недавно виднѣлась на пустомъ выгонѣ за Медвѣдевой улицей. Въ верстѣ отъ устья рѣчки Охты по правому ея берегу расположена «Матросская слобода». При Петрѣ на мѣстѣ этомъ были вѣтряныя мельницы и лѣсопильни.

Въ 1860 году на Большой Охтѣ былъ большой пожаръ, какъ разъ въ Ильинскую пятницу, въ то время, когда всѣ жители отправились молиться на Пороховые заводы, гдѣ въ этотъ день совершается крестный ходъ. Пороховые заводы построены въ 1715 году стольникомъ Иваномъ Ляпуновымъ, первая же церковь спустя пять лѣтъ послѣ того. Нынѣшняя церковь устроена въ 1782 году.

По дорогѣ отъ Пороховыхъ нѣкогда гремѣли своими пирами и праздниками два помѣщика: Алек. Ник. Оленинъ и Всев. Андр. Всеволожскій. У перваго изъ нихъ на мызѣ Пріютино всегда лѣтомъ проживалъ нашъ баснописецъ Крыловъ, въ маленькомъ домикѣ, называемомъ «Крыловскою кельею». Впослѣдствіи, когда эта мыза принадлежала доктору Ф. М. Адамсу, извѣстному агроному, келья эта служила сараемъ для картофеля.

Существуетъ слѣдующій анекдотъ про Крылова: когда онъ жилъ здѣсь на дачѣ, пріѣзжаетъ къ нему разъ графъ Хвостовъ со своей одой, посвященной ему, подъ названіемъ: «Пѣвцу соловья». Узнавъ, что Хвостовъ пріѣхалъ, Крыловъ съ гостями не впускаютъ его въ залу, пока онъ не внесетъ въ качествѣ члена общественныя издержки 25 рублей.

Графъ проситъ позволенія прочесть оду свою.

— Сколько строфъ?—спросили его.

— Двадцать, отвѣтилъ онъ и началъ читать.

Только что онъ окончилъ первую строфу, какъ раздались рукоплесканія. Онъ хотѣлъ начать вторую, но ему не даютъ читать и все аплодируютъ. Графъ сконфузился. Одинъ изъ гостей объяснилъ ему, что когда при чтеніи аплодируютъ, то читающій долженъ, по уставу, купить бутылку шампанскаго и подчивать слушающихъ. И такъ, двадцать строчекъ стали его сіятельству 200 или 300 рублей.

Другое имѣніе «Рябово» принадлежало при Петрѣ князю Меншикову; при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ имъ владѣлъ герцогъ Биронъ, затѣмъ оно перешло къ Мордвинову, послѣ него къ петербургскому оберъ-полиціймейстеру Эртелю, впослѣдствіи къ графинѣ Толстой, отъ которой, въ 1818 г., пріобрѣлъ нѣкогда богатѣйшій человѣкъ во всей Европѣ Всевол. Андреев. Всеволожскій. Это былъ старинный русскій баринъ, жившій до 1812 года въ Москвѣ; въ числѣ многихъ затѣй онъ имѣлъ превосходную свою типографію, въ которой печатались книги на всѣхъ языкахъ; Всеволожскій первый въ Россіи построилъ пароходъ, на которомъ разъѣзжалъ по Камѣ и Волгѣ, посѣщая свои безчисленные желѣзные заводы и имѣнія.

Во время отечественной войны Всеволожскій набралъ болѣе 2,000 ополченцевъ и съ ними отрядилъ своего старшаго сына.

Купивъ мызу Рябово, онъ устроилъ на поляхъ ирригацію и канализацію, сталъ сѣять свекловицу и на своемъ небольшомъ заводѣ фабриковалъ свекловичный сахаръ; высушивъ болота и расчистивъ рощи, онъ устроилъ ихъ въ видѣ парка, сдѣлавъ въ Рябовѣ дорогъ болѣе чѣмъ на 25 верстъ. Барскій его домъ состоялъ изъ 160 комнатъ. Къ нему примыкали огромныя оранжереи, въ которыхъ къ 1-му января поспѣвали персики, виноградъ и ананасы.

Петербургскій Крезъ, какъ его тогда называли при дворѣ, въ день Новаго года поздравлялъ императрицу Марію Ѳеодоровну, поднося ей на золотомъ блюдѣ фрукты изъ своихъ оранжерей.

У Всеволожскаго былъ превосходный хоръ пѣвчихъ и музыкантовъ, а также и труппа своихъ крѣпостныхъ актеровъ. Праздники въ его домѣ тянулись по три дня; къ нему наѣзжало гостей, со слугами, болѣе тысячи человѣкъ. Для гостей всегда были устроены особыя помѣщенія, при этомъ было сдѣлано все такъ, что привычки каждаго гостя не встрѣчали ни малѣйшаго стѣсненія. Для этого онъ у слугъ узнавалъ, что кто любитъ и т. д.

На обѣдахъ подавалась янтарная уха изъ стерлядей, саженные осетры въ серебряныхъ кастрюлькахъ, гурьевская каша и прочія диковинки кулинарнаго искусства. Послѣ обѣда устраивались въ театральной залѣ спектакли, базары въ комнатахъ, въ манежахъ рыцарскіе турниры, или, пока гости обѣдали, въ столовую то-и-дѣло являлись различные замаскированные персонажи и т. д.

Всеволожскій умеръ въ 1837 году, на 68 году своей жизни, оставивъ Рябово, какъ и другія пермскія имѣнія, своимъ сыновьямъ. Послѣдніе не имѣли кипучей дѣятельности своего отца; это были люди свѣтскіе, но не коммерческіе, и скоро всѣ заводы и солеварни за долги поступили въ казну; часть Рябова была тоже продана.

Слѣдуя опять по Невѣ по Калашниковскому берегу, недалеко отъ Болотной улицы, рядомъ съ фабрикой Штиглица, гдѣ теперь домъ наслѣдниковъ Куканова, стоялъ домъ коллежскаго совѣтника Егора Федоровича Ганина. Передъ домомъ былъ разбитъ небольшой садъ, гдѣ въ каррикатурномъ видѣ было соединено все то, что составляло украшеніе загородныхъ барскихъ садовъ. Ганинъ происходилъ изъ вологодскихъ купцовъ, росту онъ былъ средняго, лѣтъ шестидесяти въ 1825 году, когда разводилъ свой садъ, съ сѣдыми щетинистыми волосами, сильно напудренными. Ганинъ постоянно носилъ на шеѣ голубой платокъ; онъ жилъ лѣтомъ и зимою въ своемъ деревянномъ домѣ, стоявшемъ въ саду и имѣвшемъ широкую террасу, уставленную горшками цвѣтовъ, искусственными и натуральными.

Садъ его вмѣщалъ всѣ прихоти нашего барства, только въ карикатурномъ видѣ; здѣсь были и храмы славы, павильоны дружбы, фонтаны, водопады, прудъ, на которомъ качались корабли (конечно, игрушечные), крѣпости съ бастіонами, гдѣ стояли картонные пушки и солдатики; затѣмъ цѣлый звѣринецъ съ львами, тиграми и другими звѣрями, сдѣланными изъ картона, въ натуральную величину. Были здѣсь и пещеры, гдѣ сидѣлъ съ Библіею пасторъ, гроты, гдѣ скрывались нимфы и т. д.

Затѣмъ всюду стояли алебастровые бюсты мудрецовъ Греціи и языческихъ боговъ; статуи эти были окрашены въ розово-тѣльный цвѣтъ. Въ саду возвышался также памятникъ первой его супруги, съ надписью: «Маріи, другу; любви и вѣрности», были еще и двѣ горы — одна древлянская, другая сооруженная въ честь «парнасскихъ милыхъ дамъ», была и «молочница съ разбитымъ кувшиномъ»; въ дни торжественные въ садъ выносился хозяйскій попугай въ большой клѣткѣ, по разсказамъ А. Е. Измайлова, при видѣ своего хозяина кричавшій: дуракъ, дуракъ!

При входѣ въ садъ была видна надпись: «для добрыхъ, честныхъ и правдивыхъ и безъ собакъ». По случаю этой надписи Измайловъ говорилъ, что въ садъ положительно сдѣлался входъ невозможнымъ для П. П. Свиньина, издателя «Отечественныхъ Записокъ».

Помимо этой надписи, въ саду виднѣлось еще нѣсколько. Такъ, на фронтонѣ бесѣдки видно были: «Не зачѣмъ далеко и здѣсь хорошо», или стояло на большой зеленой доскѣ четверостишіе, посвященное владѣльцу сада:

Армидины сады поэтамъ лишь извѣстны,
И только видимъ ихъ у Тасса мы въ стихахъ:
Но садикъ Ганина, по истинѣ чудесный,
У насъ не въ басняхъ; онъ у каждаго въ глазахъ.

Была здѣсь и другая доска краснаго цвѣта, на которой было начертано серебряными буквами:

О, чудный въ свѣтѣ вертоградъ!
Похвалъ достойный Ганинъ садъ!
О драма русская „Любимъ“ [28]),
Гордися авторомъ своимъ.

Въ саду лежала книга, въ которую хозяинъ вносилъ фамиліи посѣтителей сада, начиная съ чина 5-го класса. Садъ Ганина послужилъ темою для юмористическаго стихотворенія Измайлову [29]).

Также не разъ описаніе этого сада было помѣщено въ двадцатыхъ годахъ въ журналѣ «Благонамѣренный», издаваемомъ А. Е. Измайловымъ. Ганинъ умеръ въ тридцатыхъ годахъ отъ холеры и похороненъ на Митрофаньевскомъ кладбищѣ.

Близь Невскаго монастыря, противъ Охты, существовала дача Ник. Алек. Львова, извѣстнаго въ Екатериненское время любителя и знатока изящныхъ искусствъ — поэта и друга многихъ тогдашнихъ литераторовъ. Львовъ былъ человѣкъ разнообразныхъ талантовъ. Родомъ онъ былъ изъ тверскихъ дворянъ Новоторжскаго уѣзда, служилъ сначала въ Измайловскомъ полку, затѣмъ поступилъ на службу къ князю Безбородко, гдѣ занимался преимущественно составленіемъ разныхъ плановъ и построекъ.

Памятникомъ его архитекторскихъ способностей остался Пріоратъ въ Гатчинѣ. Въ литературѣ Львовъ былъ душою кружка, который составляли Державинъ, Хемницеръ, Капнистъ, А. С. Хвостовъ и др. О вліяніи его на этихъ писателей даютъ понятіе слова біографа послѣдняго [30]), который говорилъ, что Хемницеръ не выпускалъ въ свѣтъ ни одной басни безъ одобренія Львова. О значеніи Львова въ поэтической дѣятельности Державина свидѣтельствуютъ записки поэта. Львовъ также особенное дѣятельное участіе принималъ въ изготовленіи рисунковъ къ стихотвореніямъ Державина. Львовъ долго переписывался съ

Державинымъ, то въ прозѣ, то въ стихахъ; друзья сообщали другъ другу новыя свои произведенія. Стихи Львова не отличались большимъ талантомъ, онъ болѣе пробовалъ себя въ поэзіи эротической и юмористической. Львовъ былъ женатъ тайно на сестрѣ жены Державина — Дьяковой, дочери сенатскаго оберъ-прокурора, той самой, которой Хемницеръ посвятилъ свои басни.

Онъ три года не жилъ съ ней по несогласію родителей на этотъ бракъ. На третьей сестрѣ Дьяковой былъ женатъ Капнистъ.

Садъ Львова былъ описанъ Державинымъ въ его стихотвореніи къ «Другу». Вотъ оно:

Пойдемъ сегодня благовонный
Мы черпать воздухъ, другъ мой, въ садъ,
Гдѣ вязы свѣтлы, сосны темны
Густыми купами стоятъ.
Которыхъ съ милыми друзьями,
Съ подругами сердецъ своихъ
Садили мы, растили сами и т. д.

Деревья на этой дачѣ, по преданію, сажали друзья Н. А. Львова [31])—Державинъ, Хемницеръ, Капнистъ, Вельяминовъ и др. Державинъ въ своемъ стихотвореніи говоритъ: «Пусть Даша статна, черноока, и Лиза, какъ зефиръ, порханьемъ пропляшутъ вмѣстѣ казачка». Даша и Лиза были двѣ горничныя, дѣвушки Львовыхъ, отличавшіяся умѣньемъ плясать по-русски.

На дачѣ Львова было нѣсколько комнатъ, убранныхъ соломенными обоями, которыя сдѣлала сама хозяйка дома. Со смертью Львова, въ 1803 году, дача его была куплена Невской лаврой.

За Невскою лаврою, на Невѣ, находилась дача свѣтлѣйшаго князя Потемкина, пожалованная Екатериной своему любимцу. Въ лѣсу дачи были два озера, отъ которыхъ и все мѣсто получило названіе «Озерковъ». Одно изъ этихъ озеръ носило также названіе Глухого, длиною оно въ версту, шириною въ сто двадцать саженъ. По преданію, въ этомъ озерѣ затоплены шведами ихъ мѣдныя пушки. При Потемкинѣ на этомъ мѣстѣ стояли великолѣпныя постройки, а именно: на одномъ изъ озеръ увеселительный фрегатъ, въ лѣсу деревянный домъ для баловъ (впослѣдствіи онъ былъ перенесенъ на Петергофскую дорогу). На этой дачѣ Потемкинъ, 25-го іюня 1779 года, устроилъ маскарадъ и балъ съ фейерверкомъ на озерѣ, причемъ явились разныя новыя изобрѣтенія «прихотливаго воображенія», напримѣръ, плавучая картина, представлявшая храмъ съ именами членовъ императорскаго дома. Во всю ночь продолжалась иллюминація;

аллея отъ большой дороги къ дому освѣщена была горящими гирляндами, по кустамъ развѣшанными. Надъ озеромъ видны были разнаго рода зданія, блиставшія разноцвѣтными огнями.

Мѣсто, гдѣ приготовленъ былъ ужинъ, представляло пещеру Кавказскихъ горъ (находившихся въ одномъ изъ намѣстничествъ, ввѣренныхъ Потемкину); пещера была убрана миртовыми и лавровыми деревьями, между которыми вились розы и другіе цвѣты; ее прохлаждалъ ручей, стремительно падавшій съ вершины горы и разбивавшійся объ утесы и камни. Во время ужина, устроеннаго по обычаю древнихъ, хоръ пѣвцовъ, подъ звуки органа, пѣлъ въ честь славной посѣтительницы строфы, составленныя на «эллино-греческомъ» языкѣ: онѣ были переведены по-русски поэтомъ Петровымъ,—послѣдній, какъ извѣстно, пользовался особеннымъ покровительствомъ Потемкина.

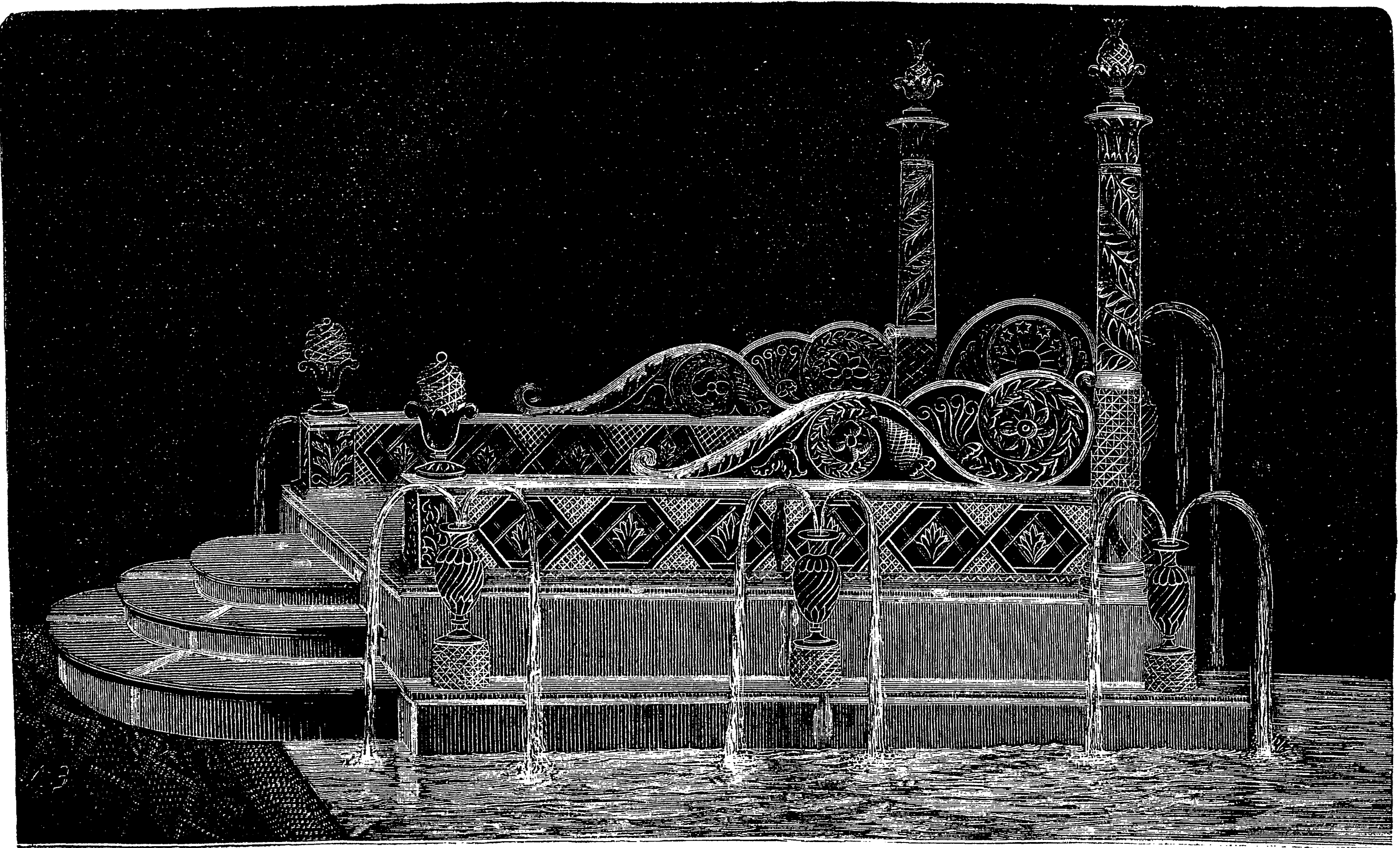
Въ сказкѣ Екатерины о царевичѣ «Февеѣ» есть мѣсто, написанное явно съ мыслью объ этой дачѣ: «Царевичъ поѣхалъ верхомъ за городъ, мимоѣздомъ, невзначай, заѣхалъ къ барину Рѣшемыслу», подъ именемъ котораго императрица подразумѣвала Потемкина. «Царевичъ,—говорится далѣе,—позавтракалъ у него въ бесѣдкѣ на большомъ озерѣ, сидя на лавкѣ, увидѣлъ изъ окна малую лодку» и т. д.

Вблизи озерковъ на Невѣ Потемкинымъ были построены два стеклянные завода, одинъ для изготовленія аптекарской посуды и другой для отливки хрустальныхъ вещей, и затѣмъ еще зеркальный.

Въ послѣднемъ только лили зеркала, а ртуть наводили на стекла въ мастерской, которая помѣщалась, по словамъ Георги, въ Итальянскомъ дворцѣ; со смертью Потемкина оба эти завода поступили въ казну.

Изъ работъ стекляннаго завода когда-то изумляла всѣхъ хрустальная кровать, сдѣланная для персидскаго шаха. Затѣмъ множество красивыхъ люстръ и мебели, помѣщавшихся въ загородныхъ дворцахъ. Въ сороковыхъ годахъ стеклянный заводъ отлилъ хрустальныя колонны для послѣдняго дѣйствія балета «Дѣва Дуная». Колонны эти, освѣщенныя внутри разноцвѣтными огнями, производили необыкновенный эффектъ, и на нихъ, какъ на большую диковинку, съѣзжался смотрѣть весь Петербургъ [32]).

По смерти Потемкина, «Озерки» заглохли и представляли, по словамъ очевидцевъ, ничто иное, какъ топкія дорожки въ сыромъ тѣнистомъ лѣсу.

Хрустальная кровать, подаренная шаху персидскому императоромъ Николаемъ I.

Мѣстность, гдѣ теперь стоятъ заводы механическіе и другіе частные, вплоть до фарфороваго, представляла, еще лѣтъ 25 тому назадъ, пустынное пространство съ разрытыми ямами, наполненными водою. Здѣсь нѣкогда были кирпичные заводы; одинъ изъ такихъ большихъ стоялъ на мѣстѣ, гдѣ теперь церковь Михаила Архангела. Вся эта мѣстность, особенно зимою въ ночное время, представляла не мало опасности. По словамъ старожиловъ, здѣсь на дорогѣ часто находили убитыхъ или изувѣченныхъ, и по вечерамъ то-и-дѣло слышались крики: караулъ и спасите!

Гдѣ теперь стоитъ Императорскій фарфоровый заводъ, основанный въ 1756 году, по повелѣнію императрицы Елисаветы Петровны, при державномъ ея отцѣ было небольшое поселеніе невскихъ рыбаковъ и стоялъ деревянный храмъ во имя пророка Иліи.

Позднѣе, въ 1736 году, была выстроена церковь каменная во имя Спаса Преображенія Господня, съ престоломъ пророка Иліи Ѳесвитянина. Церковь эта по спискамъ именовалась, «что при Невскихъ кирпичныхъ заводахъ» [33]). Жертвователями при ея постройкѣ были: императрица Анна Іоанновна, принесшая отъ щедротъ 100 руб. въ церковное строеніе, да на свѣчи рубль. Послѣ императрицы пожертвовали: графъ Головинъ 5 руб., князь Куракинъ 3 руб., совѣтникъ Хитрово 1 рубль, князь Одоевскій 2 руб., князь Иванъ Еруслановъ 48 коп. Крупнымъ жертвователемъ былъ на этотъ храмъ невскихъ кирпичныхъ заводовъ обжигальщикъ Семенъ Смирновъ, пожертвовавшій на построеніе 100 руб. Крестъ на церковь былъ принесенъ с.-петербургскимъ купцомъ Прохоромъ Рювищевымъ. Крестъ этотъ былъ желѣзный четырехконечный; въ 1830 году онъ расшатался и былъ снова утвержденъ извѣстнымъ Телушкинымъ, который поправлялъ шпицъ Петропавловскаго собора.

Этотъ храмъ былъ передѣланъ въ 1845 году. Въ числѣ его достопримѣчательностей находится икона Казанской Божіей матери, найденная около 1770 года корабельнымъ плотникомъ Тихономъ Вагановымъ на днѣ моря близь Кронштадта.

Въ этой церкви имѣется старинный шведскій колоколъ, вѣсомъ около 30 пудовъ, съ латинскою надписью: Soli Deo gloria. Gloria in excelsis Deo. Me fundebat. anno 1686 Holmiae Misael Bader. По разсказамъ, колоколъ былъ найденъ въ землѣ, при постройкѣ каменной церкви, на мѣстѣ которой въ старину стояла шведская кирка. По другимъ преданіямъ, онъ висѣлъ на башнѣ конторы кирпичныхъ заводовъ, устроенныхъ Петромъ I для со-

зыванія рабочихъ. Контора находилась на другомъ берегу Невы, гдѣ теперь фабрика Варгунина [34]).

Нѣкогда Императорскій фарфоровый заводъ славился своими работами на всю Европу. Особенно онъ процвѣталъ при графѣ Перовскомъ, когда здѣсь были художники на фарфорѣ, по части фигурной и исторической, гг. Головъ, Мещеряковъ, Елашевскій, по пейзажной и баталической—гг. Щетининъ, Корниловъ, Столѣтовъ, Долодугинъ, Тычагинъ, по орнаментной—Зюзинъ, Новиковъ, Телятниковъ, по скульптурной части—гг. Вахрамѣевъ, Филипповъ и Леонтьевъ.

Считаемъ не лишнимъ здѣсь помѣстить интересныя свѣдѣнія объ фарфоровомъ заводѣ, обязательно доставленныя намъ извѣстнымъ докторомъ Н. А. Воронихинымъ, отецъ котораго долгое время служилъ на этомь заводѣ. Вотъ краткія извѣстія о нѣкоторыхъ лицахъ, которыя своими заслугами оставили по себѣ добрую память на заводѣ.

Такъ, заслуженную памятъ въ 30-хъ годахъ оставилъ по себѣ директоръ завода Галяминъ; при немъ заводъ процвѣталъ, здѣсь тогда воспитались знаменитые художники своего времени. Въ тѣ годы на заводѣ не было свободныхъ художниковъ, всѣ рабочія силы были приписанные къ заводу, и вотъ въ одно изъ посѣщеній Государемъ Императоромъ фарфороваго завода, четверо изъ приписанныхъ получили большую для того времени награду—они были награждены чиномъ 14 класса; вотъ имена ихъ: Вахрамѣевъ, Щетининъ, Столѣтовъ и Зюзинъ.

Это были первые свободные художники. Впослѣдствіи полученіе свободнаго художника стало легче. Затѣмъ слѣдуетъ упомянуть Ѳед. Ив. Крассовскаго, прославившаго себя цвѣточною живописью по фарфору. Это былъ замѣчательный цвѣточникъ по фарфору: за это искусство онъ удостоился быть представленнымъ Государю Императору. Сынъ его, академикъ А. Ѳ. Крассовскій, былъ строителемъ зданія для высшихъ женскихъ курсовъ на Васильевскомъ островѣ.

Сподвижниками директора Галямина и руководителями рабочихъ силъ были: два — воспитанника Имп. Акад. Худ. по живописи—Конунниковъ, по скульптурѣ—А. И. Воронихинъ (племянникъ строителя Казанскаго Собора).

При Галяминѣ еще было на фарфоровомъ заводѣ особое отдѣленіе бронзовое. Отдѣлка бронзовыхъ вещей не оставляла желать ничего лучшаго. — Другое отдѣленіе, бывшее въ тѣ времена и теперь не существующее, это живописи на стеклѣ. Памятникомъ

такой живописи остался между прочимъ образъ запрестольный, помѣшенный въ стѣнѣ храма на заводѣ.

Изъ заводскихъ художниковъ времени Галямина отличался по скульптурѣ Ивановъ вылѣпкою цвѣтовъ. И теперь на заводѣ хранятся его издѣлія съ надписью «безцѣнныя», до того они поражаютъ тонкостью своей отдѣлки.

Нельзя пройти молчаніемъ имя художника (по живописи на фарфорѣ) Нестерова, кажется и теперь еще живущаго въ своемъ домѣ въ заводскомъ селеніи.

Докторъ Воронихинъ говоритъ: «Припомню изъ моего дѣтства разсказъ объ одномъ художникѣ, фамилію котораго не помню, но который получилъ прозвище «Комсы»; прозвище это за нимъ осталось по слѣдующему поводу. Какъ-то на заводъ пріѣхали высокопоставленныя лица и, остановившись у работъ художника, въ разговорѣ на французскомъ языкѣ произнесли «comme ça». Онъ откликнулся, полагая, что къ нему обращаются, и съ тѣхъ поръ за нимъ укрѣпилось прозвище Комсы».

На заводѣ существуетъ музей или образцовая комната, въ которой собрано все, что касается до фарфороваго производства, отъ куска простой глины до изящной великолѣпной вазы съ художественною живописью. Фарфоровая глина на изготовленіе посуды въ старину получалась съ Урала изъ Чебаркула и изъ Глухова, Черниговской губерніи. Полевой шпатъ и кварцъ добывался изъ Олонецкой губерніи. На другой сторонѣ рѣки Невы въ старину стоялъ фаянсовый заводъ. Здѣсь нѣкогда возвышалась большая башня, въ которой помѣщалась контора.

Заводъ былъ выстроенъ императоромъ Петромъ и усовершенствованъ въ 1786 году императрицею Екатериною. На кладбищѣ при церкви фарфороваго завода погребено много высокопоставленныхъ лицъ: князья Лобановы-Ростовскіе, Гагаринъ, Муравьевъ, министръ графъ Гурьевъ и много другихъ.

Изъ замѣчательныхъ мѣстъ на этомъ берегу вблизи фарфороваго завода находилась нѣкогда дача князя Куракина, отца извѣстнаго князя Алекс. Борисовича, друга дѣтства цесаревича Павла Петровича. Съ 1837 года здѣсь помѣщается малолѣтнее отдѣленіе Николаевскаго сиротскаго института; дача, на которой находится заведеніе, лежитъ среди тѣнистаго сада, огороженнаго красивымъ заборомъ; всей земли подъ дачей 12 десятинъ.

На мѣстѣ, гдѣ Александровская мануфактура и церковь св. Троицы, въ Екатерининское время красовалась, на разстояніи версты, дача генералъ-прокурора князя Алекс. Алекс. Вяземскаго.

Князь Ал. Ал. Вяземскій.

Тутъ стояло цѣлое село изъ каменныхъ домовъ, расположенное по обѣ стороны дороги, съ красивою церковью, съ хорошо построенными сахарнымъ и кожевеннымъ заводами, съ трехэтажнымъ господскимъ домомъ, имѣвшимъ громовой отводъ. При величественномъ англійскомъ садѣ въ этой усадьбѣ, была еще особая мыза, состоявшая изъ нѣсколькихъ домиковъ. Мыза и садъ носили названіе «Каприза». При входѣ въ садъ было прибито слѣдующее стихотвореніе:

„Капризомъ“ названъ садъ, въ который ты идешь;
Но странности ты въ семъ названьи не найдешь.
Природой были здѣсь мѣста пренебреженны,
Искусствомъ и трудомъ теперя украшенны, и т. д.

Стихотвореніе это было написано Державинымъ. Поэтъ служилъ у Вяземскаго въ сенатѣ. Князь былъ одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ сановниковъ вѣка Екатерины II.

Въ ея царствованіе генералъ-прокуроръ, изъ всѣхъ представителей разныхъ отраслей государственнаго управленія, имѣлъ обширнѣйшую сферу дѣятельности, соединяя въ своемъ лицѣ обязанности трехъ министровъ: юстиціи, внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, и, сверхъ того, должность начальника тайной полиціи. Вяземскій былъ женатъ на дочери, бывшаго при Елисаветѣ генералъ-прокуроромъ, князя Трубецкого, дочь котораго, Елена Никитишна, и получила въ приданое это имѣніе. Зимой князь жилъ въ своемъ домѣ на Малой Садовой, гдѣ теперь зданіе министерства юстиціи, а лѣтомъ на Невѣ, гдѣ позднѣе возникла Александровская мануфактура.

Вяземскій нерѣдко угощалъ пирами на своей дачѣ императрицу. Такъ у князя для царской фамиліи былъ не разъ театръ. Въ спектаклѣ участвовали двѣ дочери Г. Н. Теплова, графъ Вахтмейстеръ и князь А. Н. Трубецкой. Играли французскую комедію «Les folies amoureuses» и затѣмъ комическую оперетку «La servante maitresse». Въ оркестрѣ играли тоже любители: гр. Бриль, А. Г. Тепловъ, кн. Хованскій и друг. До начала спектакля семилѣтняя дочь князя сказала рѣчь на французскомъ языкѣ. Послѣ былъ парадный ужинъ; на столѣ, приготовленномъ для ужина, стоялъ великолѣпный египетскій обелискъ, вверху котораго, на серебряномъ щитѣ, блистало имя Екатерины II, а вокругъ изображены были времена года. Число гостей на праздникѣ у Вяземскаго было до 80-ти человѣкъ.

Князь Вяземскій въ своемъ имѣніи хотѣлъ устроить церковь во имя «Обновленія храма Воскресенія въ Іерусалимѣ». Онъ

думалъ построить церковь такъ, чтобы зданіе храма походило на пасхальный хлѣбъ (куличъ), а зданіе колокольни на «пасху», но такъ какъ онъ на постройку церкви денегъ не жертвовалъ, то церковь была построена на казенныя деньги и по волѣ Екатерины II посвящена имени св. Троицы.

О построеніи храма на царскія деньги свидѣтельствуютъ надписи, помѣщенныя на мраморныхъ доскахъ на стѣнахъ храма. На сѣверной сторонѣ: «Екатерина II. Въ память твоихъ щедротъ. Начата 1785 года», на южной—«Твои щедроты соорудили. Окончена въ 1787 году. Екатерина II», на западной — «Здѣсь благословятся благодѣявшіе мнѣ въ роды и роды. Освящена въ 1790 году. Екатерина II».

Въ 1798 году, на мѣстѣ, гдѣ была дача Вяземскаго, императоръ Павелъ I основалъ мануфактуру и назвалъ по имени своего сына «Александровскою»; для начальниковъ, служащихъ и рабочихъ были построены каменные флигеля; въ домахъ, ближайшихъ къ церкви, помѣщалось до 700 человѣкъ инвалидной команды. Одни изъ нихъ работали на мануфактурѣ, другіе охраняли селеніе и наблюдали за чистотою и порядкомъ.

Основаніе мануфактуры положилъ аббатъ Михаилъ Оссовскій. Онъ обѣщалъ здѣсь ввести механическое пряденіе хлопчатой бумаги, шерсти и льна. Взялъ отъ казны 80,000 руб. и ничего не сдѣлалъ. По смерти его, мануфактура передана была въ вѣдѣніе Воспитательнаго дома и съ тѣмъ вмѣстѣ подъ покровительство императрицы Маріи Θеодоровны. При ней фабрика была доведена до возможности не только содержать себя, но давать новую жизнь тысячамъ несчастныхъ, воспитываемыхъ на ея счетъ.

На мануфактурѣ ткались полотна, салфетки. Въ 1836 году на ней, помимо камчатнаго полотна, были вытканы изъ шелка четыре картины, очень замѣчательныя по искусству исполненія: 1) портретъ Императора; 2) видъ зданія Спб. биржи; 3) видъ Академіи Художествъ и 4) видъ замка Дерамъ въ Англіи. Такихъ картинъ до этого нигдѣ ткацкимъ издѣліемъ произведено не было. Работы были сдѣланы Я. Малинымъ. Послѣдній образовался въ чертежной Александровской мануфактуры. Императоръ Николай пожаловалъ ему серебряную медаль для ношенія на шеѣ.

Также однимъ изъ главныхъ предметовъ дохода мануфактуры были и карты, которыя, какъ извѣстно, всегда распродаются безъ малѣйшаго остатка. Всѣхъ служащихъ въ это время на фабрикѣ было до 6,000 человѣкъ, такъ что находившаяся здѣсь церковь не могла вмѣщать всѣхъ богомольцевъ. Императрица задумала

устроить новую церковь въ память августѣйшаго супруга своего. Новая церковь была посвящена св. апостолу Павлу, заложена она была въ 1804 г. и окончена только въ 1826 г. Почти всѣ иконы въ этой церкви работы профессора Варнека и писаны на мѣди.

Въ 1863 году, съ упраздненіемъ мануфактуры, вся земля, ей принадлежавшая, была отдана морскому министерству на 72 года для возведенія на ней сталелитейнаго завода. Заводъ устроилъ горный инженеръ Обуховъ и потому называется Обуховскимъ.

Въ верстахъ трехъ отъ бывшей усадьбы Вяземскаго стояла его другая дача «Мурзинка»; въ этомъ имѣніи князь помѣщалъ своихъ родныхъ и приближенныхъ. Здѣсь жилъ будущій министръ финансовъ, графъ Васильевъ. Онъ живалъ въ нижнемъ этажѣ въ домѣ, а въ верхнемъ—Державинъ. Тутъ, какъ разсказываетъ послѣдній въ своихъ запискахъ, его разъ чуть-чуть не утопили пріятели, затащивъ купаться въ глубину Невы. «Мурзинкой» при Аннѣ владѣлъ Минихъ, а въ Елисаветинское время она принадлежала Разумовскому. У послѣдняго часто въ ней гостила императрица, гдѣ и охотилась, въ мужскомъ нарядѣ, съ собаками и съ соколами.

До покупки же ея княземъ Вяземскимъ она принадлежала графу Воронцову, который одно время и жилъ здѣсь безвыѣздно, какъ опальный вельможа при дворѣ Екатерины II. Послѣ Вяземскаго «Мурзинка» принадлежала его дочери, дюшессѣ Серра-Капріолла. Послѣ «Мурзинка» поступила во владѣніе къ графу Апраксину.

За Мурзинкой слѣдуетъ село Рыбацкое. До 1829 года село это называлось слободою «Рыбною». Названо оно такъ потому, что населено рыбаками, вызванными, въ 1716 году, Петромъ Великимъ съ береговъ Оки изъ замосковскихъ дворцовыхъ волостей: Дѣдново, Ловцово, Бѣль-Смута и Любицъ. Во времена еще шведскаго владычества на мѣстѣ этомъ была мыза Столбенскаго посадскаго человѣка.

Это былъ первый кирпично-заводчикъ, съ заводовъ котораго шли кирпичи на постройку Петербурга. Царь Петръ, ежегодно проѣзжая на праздникъ въ Шлиссельбургъ, останавливался у него, и послѣдній встрѣчалъ царя на порогѣ своего дома хлѣбомъ-солью. Петръ, видя его усердіе, по-царски наградилъ, пожаловавъ ему большой участокъ земли съ лѣсомъ и разными угодьями на нѣсколько сотъ саженъ въ длину.

Во времена императрицы Елисаветы Петровны въ этой слободѣ былъ деревянный дворецъ и звѣринецъ. Посѣтившій это

мѣсто, въ 1805 году, академикъ Озерецковскій говоритъ: «Дворецъ этотъ теперь сгнилъ, а мѣсто звѣринца по косогору къ Невѣ произращаетъ лѣтомъ многоразличныя травы, которыя развелись тамъ отъ сѣна, для просушки изъ судна выгруженнаго. По названію слободы сей, подумать можно, что обыватели ея суть рыбаки; вмѣсто того большая часть ихъ кормится провозомъ въ Петербургъ кирпича, плиты, извести, тесу и проч. на судахъ,

Памятникъ въ Рыбацкой слободѣ.

называемыхъ «романовками», но есть здѣсь также нѣсколько рыбаковъ, которые промышляютъ рыбною ловлею. Передъ моимъ пріѣздомъ изловили они въ Невѣ осетра вѣсомъ въ десять пудовъ. По рыбачьей слободѣ слишкомъ много шатается юродивыхъ людей, ханжей и нищихъ, которые просятъ милостыню своими ремеслами: юродивые болтали вздоръ, ханжи пѣли всякую всячину зажмурившись, а нищіе кричали подъ окнами», и т. д.

Въ 1789 году, когда русскіе бились съ турками на берегахъ Рымника, шведскій король Густавъ III захотѣлъ воспользоваться удаленіемъ русскихъ войскъ и вторично объявилъ войну Россіи.

Въ то время въ нашемъ флотѣ, подъ начальствомъ адмирала Грейга, недоставало гребцовъ для гребной флотиліи, необходимой при войнѣ въ шхерахъ и по прибрежьямъ. Рыбаки Рыбацкой слободы, на народной сходкѣ, условились идти въ гребцы флота поголовно, оставляя дома только стариковъ и дѣтей. Ихъ усердіе было принято Екатериною и храбрые охотники участвовали во всѣхъ нашихъ приморскихъ побѣдахъ.

Благодарная государыня приказала въ Рыбацкой слободѣ воздвигнуть памятникъ подвигамъ рыбаковъ. Монументъ имѣетъ видъ гранитной пирамиды съ надписью на чугунной doскѣ золочеными буквами: «Сооруженъ повелѣніемъ благочестивѣйшей самодержавнѣйшей императрицы Екатерины Вторыя въ память усердія Рыбачьей слободы крестьянъ, добровольно нарядившихъ съ четырехъ пятаго человѣка на службу ея величества и отечества во время шведской войны 1789 г. іюня 15-го дня». Рыбацкая слобода при Екатеринѣ II была собственная вотчина государыни, населенная 320 крестьянами, принадлежавшими впослѣдствіи опекунскому совѣту.

Въ селѣ Рыбацкомъ находится церковь во имя Покрова Богородицы. Прежде храмъ былъ деревянный; онъ стоялъ по правую сторону нынѣшняго—отъ него уцѣлѣли съ иконостаса двѣ иконы: одна съ изображеніемъ царя Давида, другая свиданія Божіей Матери съ Елисаветою.

На мѣстѣ этого храма теперь стоитъ памятникъ изъ сердобольскаго гранита съ надписью: «На семъ мѣстѣ былъ престолъ деревяннаго храма, существовавшаго отъ времени перваго заселенія Рыбацкой слободы» и т. д.

Каменная церковь, сперва одноэтажная, построена при императрицѣ Елисаветѣ, освящена она въ 1744 году духовникомъ государыни іереемъ Өеодоромъ Дубянскимъ; верхній этажъ къ этой церкви построенъ около 1792 года, какъ видно по надписи на серебряномъ запрестольномъ подсвѣчникѣ, подаренномъ императрицею Екатериною II.

Въ Рыбацкомъ родился поэтъ крестьянинъ Ф. Н. Слѣпушкинъ; появленіе его стихотвореній въ 1825 году обратило даже вниманіе Академіи наукъ [35]). Стихи его замѣчательны только тѣмъ, что это стихи самоучки. Слѣпушкинъ, кромѣ поэзіи, занимался торговлей и дѣланіемъ кирпича. Случайно отыскавъ въ сосѣднемъ полѣ бывшей мызы «Столбенскаго посадскаго человѣка» шестнадцати фунтовой пробный кирпичъ временъ Великаго Петра, Слѣпушкинъ взялъ въ аренду участокъ земли, устроилъ

кирпичный заводъ и ежегодно доставлялъ въ Петербургъ до семи милліоновъ кирпича. Слѣпушкинъ былъ и художникъ: въ церкви села и посейчасъ цѣлы образа работы его. Онъ умеръ въ холеру, патріархомъ семейства, состоявшаго изъ 50 душъ.

За Рыбацкою слободою начинается селеніе Славянка, отдѣляемое рѣчкою, орошающею сады Павловска и воспѣтою Жуковскимъ. Она носитъ имя Славянки въ память древнихъ преданій. По ней ходили нѣкогда легкія суда новгородцевъ за ганзейскими товарами. При устьѣ ея, гдѣ берегъ образуетъ мысъ, вдавшійся косою въ Неву и ограждающій пристающіе суда, во время шведскаго владычества возвышалась сторожевая башня; на фундаментѣ старинной кладки у этого историческаго пункта построилъ свой каменный домъ поэтъ Слѣпушкинъ.

На другомъ берегу Невы, напротивъ Рыбацкаго, гдѣ теперь мыза «Малая Рыбацкая» г-жи Паткановой, стояла нѣкогда богатая боярская усадьба князя П. Г. Гагарина. Князь здѣсь жилъ широко, съ балетною танцовщицею Спиридо́новою, окруженный большою стаею борзыхъ и гончихъ собакъ, съ доѣзжачими и стремянными, разъѣзжавшими по дорогамъ въ богатыхъ старинныхъ русскихъ кафтанахъ. До житья своего на берегахъ Невы князь обладалъ большими средствами; но потомъ все прожилъ и былъ одно время въ опекѣ. Опекуномъ его былъ Державинъ. Князь былъ человѣкъ очень добрый. Одно время писалъ стихи, помѣщавшіеся въ «Вѣстникѣ Европы». Женатъ онъ былъ на извѣстной красавицѣ, любимой фрейлинѣ Павла I, княжнѣ Аннѣ Петровнѣ Лопухиной.

Про эту свадьбу существуетъ слѣдующій романическій разсказъ. Во время суворовскаго похода въ Италію, государь, въ присутствіи фрейлины княжны Лопухиной, читалъ вслухъ реляцію, только что полученную съ театра войны. Въ реляціи между прочимъ говорилось, что князь Гагаринъ раненъ; при этихъ словахъ императоръ замѣчаетъ, что княжна Лопухина поблѣднѣла и совершенно измѣнилась въ лицѣ. Онъ на это не сказалъ ни слова, но въ тотъ же день посылаетъ Суворову повелѣніе, чтобы князь Гагаринъ былъ немедленно отправленъ курьеромъ въ Петербургъ. Курьеръ пріѣзжаетъ, государь принимаетъ его въ своемъ кабинетѣ, приказываетъ ему освободиться отъ шляпы, сажаетъ и разспрашиваетъ его о военныхъ дѣйствіяхъ. По окончаніи аудіенціи, Гагаринъ идетъ за шляпою своею и на прежнемъ мѣстѣ находитъ генералъ-адъютанскую шляпу. Разумѣется, онъ не беретъ ея и продолжаетъ искать свою.

— Что вы, сударь, тамъ ищете?—спрашиваетъ императоръ.

— Шляпу мою.

— Да вотъ ваша шляпа, говоритъ онъ, указывая на ту, которою, по приказанію государя, была замѣнена прежняя.

Такимъ замысловатымъ образомъ князь Гагаринъ узналъ, что онъ пожалованъ въ генералъ-адъютанты. Вскорѣ затѣмъ была помолвка княжны и князя, а потомъ и свадьба ихъ.

Княгиня умерла въ 1805 году и похоронена въ Лазаревской церкви въ Невскомъ; на могилѣ ея слѣдующая надпись: «Въ память княгини Гагариной, моей супруги и благодѣтельницы». Княгиня Гагарина была кавалерственная дама ордена св. Іоанна Іерусалимскаго большого креста. Самъ князь Гагаринъ умеръ въ 1850 году, на 73-мъ году своей жизни. Онъ оставался генералъ-адъютантомъ при Александрѣ I и былъ военнымъ посланникомъ при Наполеонѣ въ 1809 году.

У него былъ домъ въ Петербургѣ на Дворцовой набережной (на мѣстѣ, гдѣ теперь выстроенъ домъ г-жи Жеребцовой); онъ сгорѣлъ въ 1809 году во время пребыванія здѣсь прусскаго короля и королевы.

Противъ слободы Рыбацкой лежитъ Новосаратовская колонія. Екатерина II поселяла здѣсь нѣмцевъ; дома послѣднихъ очень напоминаютъ строенія какого нибудь уѣзднаго городка. Колонія каждое лѣто густо заселяется небогатыми и не прихотливыми петербуржцами. Въ старину у колонистовъ существовали патріахальные нравы; нищихъ здѣсь никогда не было, если случалось кому нибудь впасть въ нищету, то его родственники и сосѣди ему помогали, засѣвали своими сѣменами его поле, давали скотину и т. д. Съ такою помощью бѣднякъ скоро поправлялся.

Малолѣтнихъ сиротъ отдавали въ ученіе; когда же послѣдніе выростали, имъ находили невѣстъ съ полными домами и т. д. Колонія Новосаратовская образовалась послѣ изданія манифеста Императрицы Екатерины II 4-го декабря 1762 года. Вслѣдствіе этого манифеста въ 1765 году явились въ Россію первые поселенцы въ числѣ 60-ти семействъ изъ Бранденбурга и Виртемберга и поселились здѣсь на правомъ берегу Невы. Между колонистами въ просторѣчіи эта колонія называется «die Sechsziger Colonie». Финны о ней говорятъ: Kolonistil Nevanrannala, т. е. колонисты на Невскомъ берегу.

На правомъ-же берегу Невы, верстахъ въ трехъ отъ колоніи, лежитъ прелестнѣйшая дача Богословка, или Зиновьева, съ пре-

восходными большимъ барскимъ домомъ и обширнѣйшимъ вѣковымъ паркомъ, съ живописными островками, лужайками, пригорками, мостиками, эрмитажемъ и другими затѣями былого нашего вельможнаго барства. Имѣніе это когда-то принадлежало духовнику императрицы Дубянскому. Одинъ изъ владѣльцевъ этой дачи, Ѳед. Мих. Дубянскій, чиномъ бригадиръ, служившій въ правленіи государственнаго банка, извѣстный любитель и знатокъ музыки, положившій на ноты пѣсню Дмитріева «Стонетъ сизый голубочекъ», переѣзжая съ дачи своей чрезъ Неву съ компаніей, потонулъ. Случай этотъ разсказанъ въ письмѣ Державина къ Дмитріеву. Поэтъ пишетъ, что съ нимъ въ лодкѣ были банковые докторъ Сипажъ съ женою, кассиръ Гемшъ, придворнаго закройщика жена Дьячкова. Спаслись кое-какъ: Дьячковъ, мужъ утонувшей, жена Гемшева, Захаржевскій, сенатскій протоколистъ, и Орфеевъ, Иванъ Данилычъ, который уже былъ на днѣ, но не оробѣлъ и кой-какъ вскарабкался къ лодкѣ.

Смерть Дубянскаго вызвала въ тогдашнемъ обществѣ большое сожалѣніе; на преждевременную кончину его явилось нѣсколько надгробій и два стихотворенія Державина: «Потопленіе» и «На гробъ Дубянскаго»; изъ другихъ лучшимъ стихотвореніемъ на этотъ печальный случай надо считать надгробіе Дмитріева. Вотъ оно:

Любезнаго и прахъ останется-ль безвѣстнымъ?
Дубянскаго былъ даръ: гармоніей прельщать;
Страсть: дружба и любовь; законъ: быть добрымъ, честнымъ;
А жребій: бурну жизнь въ пучинѣ окончать.

Дубянскій утонулъ 4-го августа 1796 года, 35 лѣтъ отъ роду; похороненъ онъ въ Невскомъ, на Лазаревскомъ кладбищѣ.

Впослѣдствіи Богословка перешла въ родъ Зиновьевыхъ, такъ какъ послѣдняя изъ Дубянскихъ была замужемъ за камергеромъ Зиновьевымъ. Другое имѣніе духовника Елисаветы село Шапки, въ 19-ти верстахъ отъ р. Тосны. Въ этомъ селѣ имѣется церковь Покрова, построенная сыномъ духовника маіоромъ Яковомъ Дубянскимъ. Подъ сводомъ этой церкви покоится прахъ внука духовника, полковника Александра Дубянскаго, участвовавшаго въ кампаніяхъ 1812, 1813 и 1814 годовъ, георгіевскаго кавалера, бывшаго въ 1813 году временно комендантомъ въ городѣ Данцигѣ. Въ церкви погребенъ тоже генералъ-адъютантъ Ал. Дм. Балашевъ, бывшій министромъ полиціи въ царствованіе императора Александра I. Въ числѣ прихожанъ

этой церкви находится родная правнучка духовника, Любовь Александровна Дубянская, нынѣ вдова тайнаго совѣтника Маркова, 82-хъ лѣтъ, проживающая въ 3-хъ верстахъ отъ села Покровскаго, въ одномъ изъ родовыхъ имѣній Дубянскихъ. Единственный, художественно снятый съ натуры, поясной портретъ духовника императрицы Елисаветы Петровны, протопресвитера Дубянскаго находится у тайнаго совѣтника П. Ваккера, какъ зятя Л. А. Марковой и мужа праправнучки духовника Маріи Петровны Марковой.

Берега Невы, начиная съ Новосаратовской колоніи, мало-по-малу возвышаются и почти вездѣ покрыты небольшимъ кустарникомъ, за которымъ вдали, какъ напримѣръ, въ Зиновьевкѣ, виднѣется вѣковой лѣсъ. На другой сторонѣ Невы, за Рыбацкой слободой, находится историческое село Усть-Ижора.

По преданіямъ, въ XIII вѣкѣ на этомъ мѣстѣ была битва Александра Невскаго со шведами. Здѣсь Александръ Невскій своимъ копьемъ возложилъ печать на лицо военачальника шведовъ Биргера. Новгородецъ Гавріилъ Алексѣичъ гналъ принца, сына Биргера, до самой ладьи и на конѣ въѣхалъ на доски, положенныя съ берега; доски подломились, Гавріилъ упалъ съ конемъ въ воду, но, выплывъ, вновь сразился съ однимъ изъ воеводъ шведскихъ. Новгородецъ Миша сжигалъ суда враговъ. Новгородецъ Сбыславъ-Якуновичъ съ однимъ топоромъ врубался въ толпы непріятелей. Княжескій ловчій, Яковъ Полочанинъ, съ горстью удальцовъ ударилъ на цѣлый полкъ. Отрокъ Савва пробился до шатра Биргера, подсѣкъ его столбъ и паденіе шатра лишило шведовъ остального мужества. Здѣсь палъ Ратміръ, храбрый воинъ Александра, и много храбрыхъ витязей Новгорода и Ладоги. Ижора одно изъ древнихъ историческихъ мѣстъ. Еще въ XI вѣкѣ новгородцы владѣли этимъ краемъ. Въ росписи селеній пятинъ новгородскихъ XVII вѣка показано въ вотской пятинѣ, въ Зарѣцкомъ станѣ, въ числѣ погостовъ, Ижорскій, Никольскій, Дудерофскій, и т. д.

При Петрѣ Великомъ на берегу Невы въ Усть-Ижорѣ былъ путевой дворецъ, построенный «изъ старыхъ хоромъ, кои были перенесены изъ Шлиссельбурга, шведскаго построенія королевскаго дома». Дворецъ состоялъ изъ двухэтажнаго зданія съ двумя одно-этажными флигелями; въ нижнемъ этажѣ средняго корпуса было шесть оконъ и посрединѣ дверь, въ верхнемъ шесть оконъ; въ срединѣ дверь на балконъ, опиравшійся на двухъ столбахъ; оба флигеля въ три окна съ башенками; надъ

Портретъ Петра Великаго, вступившій въ 1880 году въ Императорскій Эрмитажъ изъ Сербскаго монастыря Великія Реметы.

Съ фотографіи, снятой съ подлинника. Гравюра Паннемакера въ Парижѣ.

ними высокіе шпицы съ крестами. Дворецъ этотъ изображенъ въ описаніи Петербурга Рубана. Петръ любилъ на этомъ балконѣ отдыхать и любоваться на Неву.

Въ дворцовой росписи 1737 года показано: «въ ономъ домѣ его императорскаго величества села управитель Петръ Нестеровъ сынъ Тургеневъ со воителями и рыбаками». У Рубана показана и крѣпость ижорская, «которая построена императоромъ Петромъ I во славу ижорскія области», состоящая изъ правильнаго четвероугольника, съ бастіонами по угламъ и воротами въ переднемъ и заднемъ фасѣ. Кромѣ крѣпости, батарея изъ четырефаснаго земляного вала съ однимъ входомъ. Крѣпость занимала площадь въ 1,600 квад. саженъ. Теперь едва видны признаки этихъ укрѣпленій, остались одни правильные овраги и насыпи. Здѣсь иногда находятъ монеты и остатки оружія.

По преданію народному, въ этой мѣстности существовала церковь еще въ XVI столѣтіи. По болѣе точному указанію, церковь построена здѣсь во имя Св. Александра Невскаго, иждивеніемъ князя ижорскаго Александра Даниловича Меншикова [36]) и въ его присутствіи освящена новгородскимъ митрополитомъ Іовомъ [37]). Эта церковь сгорѣла неизвѣстно когда. Выстроенный въ 1771 году деревянный храмъ тоже сгорѣлъ отъ молніи. Нынѣшній каменный храмъ сооруженъ при Павлѣ I. Въ 1835 году онъ расширенъ и пристроена къ нему колокольня. Къ достопримѣчательностямъ храма принадлежатъ многіе старинные образа, въ числѣ которыхъ находтися образъ Александра Невскаго и образъ Страданій Господа.

Близь церкви есть такой же, какъ и въ Рыбацкой, монументъ въ память сформированія здѣшними крестьянами отряда въ шведскую войну 1789 года. На другой сторонѣ отъ Ижоры стоитъ корчма Овцынской колоніи, отсюда берега Невы почти безлѣсные, покрытые чистымъ бѣлымъ пескомъ, который издали кажется снѣгомъ и блескомъ своимъ уничтожаетъ тѣнь солнечныхъ лучей. Такіе берега, впрочемъ, тянутся не болѣе версты, затѣмъ слѣдуютъ веселыя живописныя мѣста, покрытыя рощами березника, ельника и клена. На правой сторонѣ лежитъ село Вознесенское или Корчмино, бывшее графа Шереметева. Далѣе идетъ деревня Новая, нѣкогда казенная, потомъ устье р. Черной, село Усть-Тосна, бывшее г. Мартынова, устье рѣки Тосны— въ изгибѣ Невы дугою къ югу.

Тутъ на половинѣ пути между Петербургомъ и Шлиссельбургомъ лежитъ большое село Ивановское, начиная съ праваго

берега рѣки Тосны; здѣсь видны также остатки батарей, построенныхъ Петромъ Великимъ или шведами — достовѣрно неизвѣстно. На этомъ мѣстѣ выстроена теперь красивая дача извѣстнымъ литераторомъ Н. А. Лейкинымъ. При впаденіи рѣки Тосны въ Неву, ширина послѣдней равняется 520 саженямъ. Выше Тосны, между Ивановскимъ и деревней Петрушиной, Нева образуетъ крутой поворотъ отъ сѣвера къ западу; каменистое ложе рѣки здѣсь самое узкое—до 100 саженъ и отъ мыса Святки, съ лѣваго берега тянется на разстояніи 20 саженъ гряда наружныхъ и подводныхъ камней. Пройдя это узкое мѣсто, рѣка расширяется до версты слишкомъ; въ этомъ широкомъ мѣстѣ съ правой стороны выдается другая большая гряда наружныхъ и подводныхъ камней; это мѣсто называется «Пелльскими порогами».

Изъ старинныхъ плановъ Невы можно видѣть, что была мысль устроить каналъ для обхода Пелльскихъ пороговъ; древнѣйшій изъ этихъ плановъ, съ подписью Миниха 1720 года, содержитъ рисунокъ такого обходнаго канала, со шлюзами и укрѣпленіями на лѣвомъ берегу рѣки. Это была первая пробная работа Миниха въ Россіи. Второй планъ сдѣланъ уже по возвращеніи фельдмаршала изъ ссылки. На немъ также проведенъ каналъ и названъ Начатымъ.

На обоихъ этихъ планахъ каналъ обозначенъ на лѣвомъ берегу рѣки, но, кажется, никогда такого канала не существовало. Вдоль праваго же берега, наискось мыса Святки, въ 1756 году, дѣйствительно былъ расчищенъ фарватеръ. Въ 1820 году проходъ былъ исправленъ заново и разбитъ здѣсь еще большой «Масловъ камень», длина его выведена на 196 саженъ, а ширина по горизонту на десять. Берега Невы, значительно уже поднятые у Александровской слободы, у села Ивановскаго и Пеллы выше еще на пять саженъ.

Гдѣ лежитъ село Ивановское и стоятъ развалины бывшаго дворца «Пелла», тамъ во времена еще шведскаго владычества жили русскіе. Такъ, извѣстно по лѣтописямъ новгородскимъ, что здѣсь, «на поругахъ (порогахъ) жилъ Суббота Похабный», новгородецъ, котораго шведы взяли въ плѣнъ. Затѣмъ извѣстно, что при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ этою мѣстностью владѣлъ князь Долгоруковъ, у жены котораго, урожденной Скляевой, и купилъ ее въ 1762 г. Иванъ Ивановичъ Неплюевъ, извѣстный птенецъ Петра Великаго; на покупку этого имѣнія онъ испрашивалъ дозволеніе у императрицы, такъ какъ имѣніе это

принадлежало послѣдней въ родѣ и на пріобрѣтеніе требовалось особое дозволеніе; покупка имѣнія именнымъ указомъ ему, не въ образецъ другимъ, была дозволена.

Ив. Ив. Неплюевъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ и андреевскій кавалеръ, при вступленіи Екатерины на престолъ, игралъ немаловажную роль. Когда императрица вмѣстѣ съ войскомъ отправилась въ Петергофъ, то ему врученъ былъ «въ сохраненіе дрожайшій залогъ отечества нашего, цесаревичъ Павелъ, и столичный городъ Петербургъ со всѣми въономъ находящимися воинскими командами». Неплюевъ былъ большой сельскій хозяинъ, онъ завелъ здѣсь въ 1758 году хлѣбопашество, огороды, плодовый садъ и конскій заводъ.

Въ запискахъ Порошина находимъ извѣстіе, что Неплюевъ въ глубокой старости мечталъ развести также конскій разсадникъ и на Украйнѣ: и «живучи здѣсь плодами отъ сего заведенія пользоваться». По словамъ И. И. Голикова, извѣстнаго сочинителя «Дѣяній Петра Великаго», Неплюевъ имѣлъ «разумъ твердый и тонкій, дѣятельность неусыпную, правосудіе строгое и никакими пристрастіями и интересами непоколебимое». И. И. Голиковъ долго жилъ на его мызѣ—Ивановской, гдѣ и писалъ свое твореніе со словъ Неплюева; послѣдній на рукахъ Голикова и скончался.

При Неплюевѣ въ Ивановскомъ былъ домъ на 50-ти саженяхъ, оранжерея на 120-ти и обширные сады. На мызѣ была деревянная церковь, на мѣстѣ нынѣшней каменной; деревянная церковь сюда была перенесена сыномъ его Н. И. Неплюевымъ изъ села Поддубья. Храмъ былъ во имя Св. Іоанна Милостиваго.

Имѣніе Неплюева «Пелла» было куплено императрицей въ 1784 году, въ годъ смерти ея любимца А. Д. Ланскаго. Здѣсь императрица въ грустныя минуты, подъ «впечатлѣніемъ печальной мизантропической фантазіи»[38]) въ дикой лѣсистой мѣстности на берегу Невы, вдали отъ Петербурга, и задумала построить зàмокъ, чтобы жить тамъ въ пустынѣ. Государыня, здѣсь проживая съ сестрою Ланского, Кушелевой, вела уединенную жизнь, работая надъ своимъ двухсотъязычнымъ словаремъ [39]).

Купивъ мызу Неплюева, императрица возвратила ей названіе Пеллы; есть преданіе, что это имя дано Петромъ мѣстности въ память пролива Пеллы на Ладожскомъ озерѣ, раздѣляющаго островки Лукгольскій и Уксинскій. Илья Яковкинъ, авторъ описанія Царскаго Села, говоритъ: что Пеллой назвала эту мѣстность Екатерина II въ память рожденія перваго Богодарован-

наго ей возлюбленнаго внука, названнаго Александромъ, потому что Александръ, сынъ Филиппа Македонскаго, прозванный Великимъ, родился въ Пеллѣ. Послѣднее преданіе, надо думать, будетъ вѣрнѣе. Екатерина повелѣла архитекторамъ Старову и Козлову воздвигнуть великолѣпный зàмокъ, постройка котораго продолжалась до 1794 г. Дворецъ Пелла состоялъ изъ нѣсколькихъ отдѣльно стоявшихъ строеній или павильоновъ, отличавшихся одинъ отъ другого по характеру зданій. Пять изъ нихъ

И. И. Неплюевъ.

особенно были красивы, два стояли у берега: въ одномъ изъ нихъ жила государыня, въ другомъ помѣщался ея дворъ. Между ними стоялъ огромный дворецъ, въ которомъ особенно прекрасенъ былъ большой залъ въ помпейскомъ вкусѣ, снабженный всевозможными для большихъ торжествъ украшеніями. По сторонамъ дворца шли службы, кухни, оранжереи, сараи и т. д.,—всѣ эти постройки были соединены галлереями, арками, колоннадами, такъ что при въѣздѣ составляли какъ бы одно огромное зданіе: обширный садъ съ прудами и другими украшеніями былъ разбитъ въ англійскомъ вкусѣ. При вступле-

ніи на престолъ императора Павла, вся эта великолѣпная постройка была разобрана до фундамента и весь строительный матеріалъ былъ перевезенъ въ Петербургъ на постройку Михайловскаго зȧмка.

Впрочемъ, отъ постройки уцѣлѣла одна красивой архитектуры съ башенками колоннада; по преданію, это была конюшня, по другимъ, птичій дворъ; одно время это зданіе было занято принадлежностями конной артиллеріи, деревянныя казармы которой построены на мѣстѣ прежде бывшаго дворца. Во многихъ мѣстахъ вокругъ казармъ видны слѣды вырытыхъ фундаментовъ прежде бывшихъ зданій.

За казармами, вправо отъ большой дороги, есть признаки нѣкогда огромнаго сада. Онъ начинается круглымъ прудомъ, въ срединѣ котораго круглый островокъ, заросшій лѣсомъ; встарину со всѣхъ сторонъ были къ нему мостики; въ пятидесятыхъ годахъ оставалось еще отъ нихъ нѣсколько догнивавшихъ свай, а прудокъ былъ настолько глубокъ, что перейти въ бродъ было невозможно; лѣтомъ островокъ составлялъ красивую купу зелени. За прудкомъ тянулась прямая, длинная аллея, деревья которой крестьяне помаленьку истребляли. Здѣсь существуетъ теперь каменная церковь, построенная въ 1817 году, впрочемъ, не на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла прежняя деревянная.

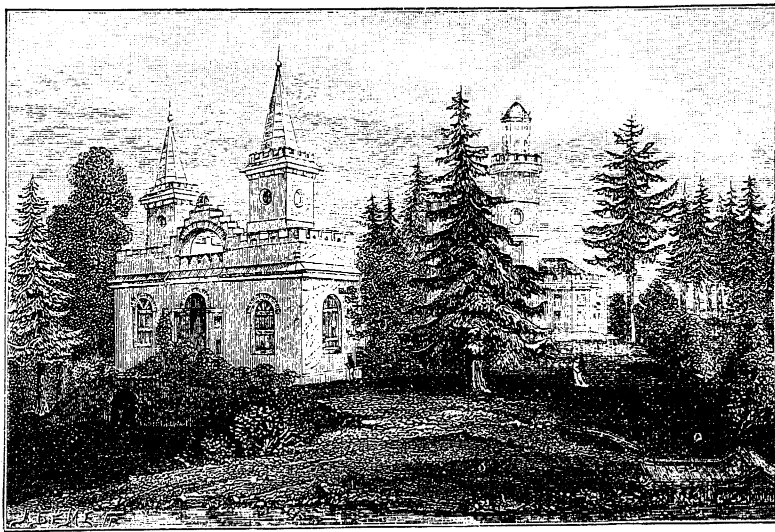
Въ Пеллинскихъ казармахъ встарину помѣщалось много войска; до перваго пожара казармъ, въ 1868 г., здѣсь стояли конно-артиллерійскія легкія бригады и образцовыя казачьи; съ устройствомъ новыхъ въ 1870 году—солдатъ было еще больше; въ 1878 г. въ казармахъ жило до тысячи плѣнныхъ турокъ, подъ карауломъ одной роты Новочеркасскаго полка.

Селеніе, составлявшее нѣкогда «слободу Пеллы», теперь обращено въ Ивановскую деревню удѣльнаго вѣдомства. Барская усадьба съ тѣнистымъ вѣковымъ садомъ теперь принадлежитъ М. И. Рудзевскому; прежде она принадлежала г. Мартынову, извѣстному нѣкогда въ петербургскомъ свѣтѣ меломану. По разсказамъ, послѣдній купилъ это имѣніе на выигранныя имъ въ полчаса деньги въ англійскомъ клубѣ. Мартыновъ здѣсь построилъ красивый домъ со всѣми угодьями, но вскорѣ по постройкѣ домъ сгорѣлъ до-тла. Говорятъ, Мартыновъ опять выигралъ большую сумму и опять выстроилъ, но только вчернѣ, не отдѣлывая его.

Пройдя пороги и каменное ложе рѣки Невы, отсюда около трехъ верстъ, на лѣвой сторонѣ рѣки виднѣются величавыя раз-

валины стараго дворца, давно забытаго вельможи золотого вѣка Екатерины II. Горделивые обломки стоятъ уже много лѣтъ съ обрушившеюся крышею, тяжелый сводъ дворца давно упалъ, массивные карнизы тоже обвалились; примѣтны только слѣды нѣкогда роскошныхъ фресокъ и каменная лѣстница, идущая на башню.

Внутри этой печальной развалины года два тому назадъ росли большія деревья, да вѣковой мохъ возткалъ своимъ узоромъ стѣны и входы. Въ 1884 году новымъ владѣльцемъ Островковъ зданіе зàмка реставрируется. Владѣлецъ предлагаетъ отдать зà-

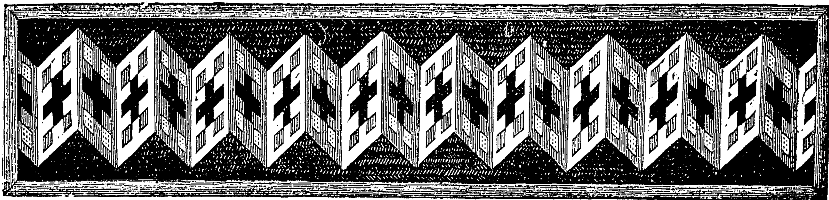
Островки, зàмокъ Потемкина.

мокъ въ наемъ на лѣто частнымъ лицамъ, устроивъ въ немъ три квартиры, предоставивъ только главный залъ, замѣчательный по роскошной, лѣпной работѣ, вкуса прошлаго столѣтія, для общаго пользованія дачевладѣльцевъ. Всѣхъ комнатъ въ зàмкѣ будетъ двадцать, цѣна каждой квартиры не выше 250 рублей. Про это зданіе сохранились разныя суевѣрныя преданія. Здѣсь, въ сумракѣ задумчиваго парка, видятъ привидѣніе молодой женщины, съ ребенкомъ въ рукахъ, иногда слышатъ стоны и крики, а по ночамъ показывается наверху въ башнѣ убитый горемъ старикъ. По преданіямъ, это бродятъ жертвы властолюбія и необузданныхъ страстей великолѣпнаго князя Тавриды. Старожилы увѣряли, что здѣсь будто бы томилась въ первое время со своимъ

ребенкомъ несчастная княжна Тараканова. Намекъ на другую, тоже такую печальную исторію находимъ въ книгѣ, изданной послѣ смерти Потемкина, въ 1794 году, въ Германіи; позднѣе, въ 1809 году, книга эта была переведена въ Москвѣ подъ названіемъ «Пансальвинъ, князь тьмы» [40]). Увѣряли, что ее написалъ нѣмецкій актеръ Альбрехтъ, по заказу графа П. А. Зубова. Книга исполнена того же анекдотическаго интереса, какимъ богаты мемуары XVIII вѣка; судьба героя, его интимныя любовныя связи и разныя придворныя интриги переданы авторомъ въ формѣ нравственно-сатирическаго романа. Въ числѣ разсказовъ здѣсь помѣщено происшествіе «съ дочерью одного храбраго офицера, красотою которой Пансальвинъ былъ плѣненъ, но добродѣтель которой желаніямъ его сопротивлялась; онъ приказалъ увезти ее съ бала, дабы оную обезчестить; отчаянный ея отецъ, не надѣясь сыскать себѣ правосуднаго удовлетворенія, застрѣлился отъ горести». Въ романѣ жалкія роли придворныхъ прислужниковъ, неразборчивыхъ исполнителей всякихъ порученій, играютъ баронъ Понто [41]) (Ив. Пер. Елагинъ) и г-жа Шпадиль (графиня Пр. Ал. Брюсъ, урожденная Румянцова); они помогаютъ Пансальвину въ его любовныхъ замыслахъ и поклоняются его могуществу. Характеръ самого Пансальвина изображенъ въ рѣзкихъ и непривлекательныхъ чертахъ; одно уже названіе «Князь тьмы», намекаетъ не только на дѣйствительную фамилію героя, но еще въ намѣреніи автора видно желаніе указать и на темныя стороны его политической дѣятельности и «на демоническія силы его гордой и властолюбивой души».

Такова характеристика Пансальвина. Книга «Пансальвинъ» должна быть причислена къ матеріаламъ, необходимымъ при изученіи прошлаго вѣка. Бывшее имѣніе Потемкина носитъ названіе «Островковъ». Названіе это оно получило отъ небольшихъ островковъ, заросшихъ густою растительностью; здѣсь еще недавно, ближе къ рѣкѣ, стояло высокое трехэтажное зданіе со множествомъ окошекъ безъ стеколъ: эта одинокая постройка была при Потемкинѣ шелковою фабрикою.

ГЛАВА IV.

Мыза Елисаветино, село Анненское, Кокошкино тожъ. — Древняя гробница жены Іоанна Грознаго; Красныя сосны. — Преданія о нихъ. — Понтій Делагарди. — Памятникъ Петру I. — Преображенская гора. — Могила завоевателей крѣпости. — Кладбищенская церковь, ея строители. — Скопческій Іоаннъ Предтеча; разсказъ его о погребеніи Іоанна Антоновича, братоубійца. — Екатерининскій островъ. — Ситцевая фабрика Битепажа. — Исторія основанія Шлиссельбургской крѣпости. — Древній городокъ Орѣшекъ. — Башни крѣпости. — Подземный ходъ и пещеры. — Шесть узниковъ. — Іоаннъ Антоновичъ. — Инструкція о немъ. — Донесеніе тюремщиковъ. — Наружность принца. — Посѣщеніе его Петромъ III. — Указъ императрицы Екатерины II. — Заговоръ Мировича. — Смерть Іоанна Антоновича. — Гдѣ погребенъ онъ. — Толки о смерти принца. — Разсказы иностранцевъ о кончинѣ его. — Необитаемый домъ въ крѣпости. — Ежегодное празднованіе въ Шлиссельбургѣ. — Чудотворный образъ. — Климатъ. — Феноменальная высота воды въ Ладожскомъ озерѣ.

ОЛЬШАЯ часть земли, лежавшая по берегамъ Невы, начиная отъ Петербурга и до Шлиссельбурга, нѣкогда принадлежала князю Потемкину. Здѣсь, устраивая свою усадьбу на Островкахъ, онъ раздавалъ мѣста тѣмъ, кого хотѣлъ имѣть своими сосѣдями. Такъ, Петрушино онъ отдалъ Нарышкину, Тосну — Вадковскому и т. д., близь Островковъ было также имѣніе герцогини Кингстонъ, пожалованное ей императрицею Екатериною II [42]).

Первой мызой теперь уже нѣсколько лѣтъ владѣютъ гг. Голохвастовы, недалеко отъ послѣдней лежитъ красивая дача, бывшая Дубянскаго, и затѣмъ село Елисаветино, нѣкогда принадлежавшее князю Ал. И. Чернышеву, теперь князю Лобанову-Ростовскому.

Въ имѣніи Дубянскаго, сохранившіяся посейчасъ складенныя на кирпичномъ фундаментѣ садовыя дорожки свидѣтельствуютъ о роскошномъ большомъ паркѣ имѣнія. Во времена Чернышева,

въ Елисаветинѣ жили очень весело, по всему берегу Невы были понастроены различныя сельскія увеселенія, какъ-то: качели, карусели, горы и т. д., затѣмъ у князя Чернышева были роскошныя плодовыя оранжереи; въ Лобановѣ еще цѣлы вѣковые заповѣдные лѣса.

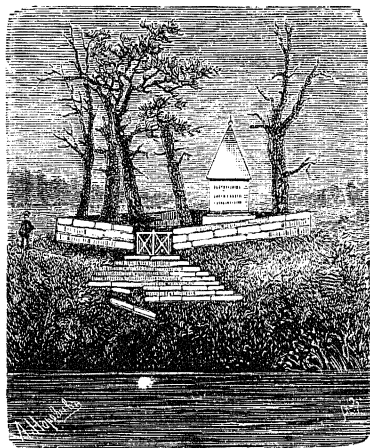
За этою дачею лежитъ село Анненское, съ церковью Тихвинской Божіей Матери. Село Анненское основано въ 1800 году камергеромъ Н. П. Рязановымъ, оно названо по имени жены его Анны. Въ народѣ оно слыветъ Рязановскимъ, и по ближайшей рѣкѣ еще «Мойка». Въ церкви этого села замѣчательны священные сосуды изъ фарфора съ украшеніемъ изъ золота. Анненское болѣе пятидесяти лѣтъ принадлежитъ роду гг. Кокошкиныхъ.

Противъ этого села, на другомъ берегу, деревня Пески, бывшая казенная. Въ одномъ изъ окрестныхъ помѣщичьихъ имѣній, на той сторонѣ, гдѣ село Анненское, въ 1815 году была открыта древняя гробница, вросшая въ землю. По мнѣнію археологовъ, гробница признана принадлежащею царственному лицу. Надгробный камень сохранилъ нѣсколько словъ изъ надписи.

Въ Румянцевскомъ музеѣ есть снимокъ съ этого рѣдкаго надгробнаго памятника. Новгородскія лѣтописи утверждаютъ, что Іоаннъ Грозный сослалъ одну изъ женъ своихъ, взятую изъ дома Нагихъ, въ пустыни Корельскія на заключеніе; полагаютъ, что, быть можетъ, гробница принадлежала этой царицѣ, скончавшейся въ Вотской пятинѣ. Думаютъ также, что на мѣстѣ погребенія ея была построена церковь: признакомъ этому служила крыша, цѣло сохранившаяся въ землѣ, на которой росли огромныя деревья. Считаемъ небезъинтереснымъ помѣстить здѣсь весьма драгоцѣнную замѣтку Н. Е. Бранденбурга, помѣщенную имъ въ «Новомъ Времени», послѣ нашего описанія старой гробницы. Вотъ что говоритъ авторъ:

«При объѣздѣ года три-четыре тому назадъ южно-ладожскаго побережья, намъ довелось побывать въ деревнѣ Кирсино, лежащей верстахъ въ 20 южнѣе сказаннаго села Анненскаго. Около нея, верстахъ въ двухъ, находится любопытное урочище, носящее названіе Царицыной горы, или, иначе, — Каменной пустоши, и по близости деревни Староселье. Мѣстное преданіе указываетъ на это урочище, какъ на мѣсто погребенія третьей жены Ивана Грознаго Маѳы Собакиной, хотя, впрочемъ, извѣстно, что гробъ послѣдней находится въ Москвѣ, въ Вознесенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ.

«Урочище представляетъ несомнѣнные слѣды бывшей здѣсь когда-то культуры; здѣсь виденъ бывшій прудъ и колодезь; встрѣчаются одичавшія яблони и много орѣшника; по дорогѣ къ пустоши лежитъ большой валунъ, на которомъ двѣ глубокихъ борозды образуютъ крестъ, и, наконецъ, правильно расположенныя груды заросшаго травой мусора обозначаютъ бывшія здѣсь стѣны какой-то постройки, въ которой преданіе утверждаетъ древній монастырь или церковь; говорятъ, что еще не такъ давно здѣсь существовали остатки стѣнъ и видны были даже мѣста оконъ, но теперь уже ничего нѣтъ, все поросло быльемъ. У восточной стороны этой бывшей постройки указываютъ мѣсто могилы, на которой якобы лежала плита съ надписью, свидѣтельствовавшей

Памятникъ у Красныхъ Сосенъ.

о погребенномъ здѣсь прахѣ Собакиной, плита огромныхъ размѣровъ, совершенно особаго характера, о которой передаютъ цѣлую исторію, именно, что лѣтъ 40 тому назадъ тогдашній владѣлецъ упоминаемой мѣстности перевезъ эту плиту къ себѣ въ усадьбу, но, тревожимый затѣмъ будто бы совѣстью за снятіе надгробнаго памятника, приказалъ перевезти послѣдній обратно; дорогой плиту разбили и тогда была сдѣлана новая, копія съ прежней, которую и положили на могилу. Сопровождавшій меня мѣстный крестьянинъ (изъ Кирсина) Федотъ Петровъ,—называю его по имени, такъ какъ онъ оказался личностью далеко недюжинною и даже знакомою съ многими фактами изъ русской исторіи, показаніе котораго можетъ имѣть, слѣдовательно, нѣ-

которую достовѣрность,—увѣрялъ, что еще года за три до моего посѣщенія, онъ видѣлъ остатки обѣихъ плитъ, видѣлъ, что на новой было изображено Всевидящее Око и читалъ подъ нимъ надпись о погребенномъ здѣсь тѣлѣ Собакиной—«изъ новгородскихъ дворянъ»!

«Намъ удалось найти нѣсколько обломковъ отъ обѣихъ плитъ, валявшихся разбросанными около мѣста указываемой могилы, но отъ древней плиты не нашлось ни одного куска съ надписью; немногіе найденные обломки имѣли, впрочемъ, до 4 верш. въ толщину и на двухъ-трехъ уцѣлѣли древняго характера орнаменты; плита эта была высѣчена изъ бѣлаго пачкающагося известняка. Что касается другой, новой плиты (якобы копіи съ прежней), то изъ собранныхъ нѣсколькихъ кусковъ удалось составить кое-что и прочесть дѣйствительно слово: Собакин... но и только.

«Остается еще прибавить, что существуетъ снимокъ съ упомянутой древней плиты, снятый, къ сожалѣнію, лишь отъ руки и притомъ въ давнее время; сдѣланъ онъ былъ мѣстнымъ священникомъ, передавшимъ его П. И. Савваитову, но оказался столько неясенъ, что не поддается чтенію.

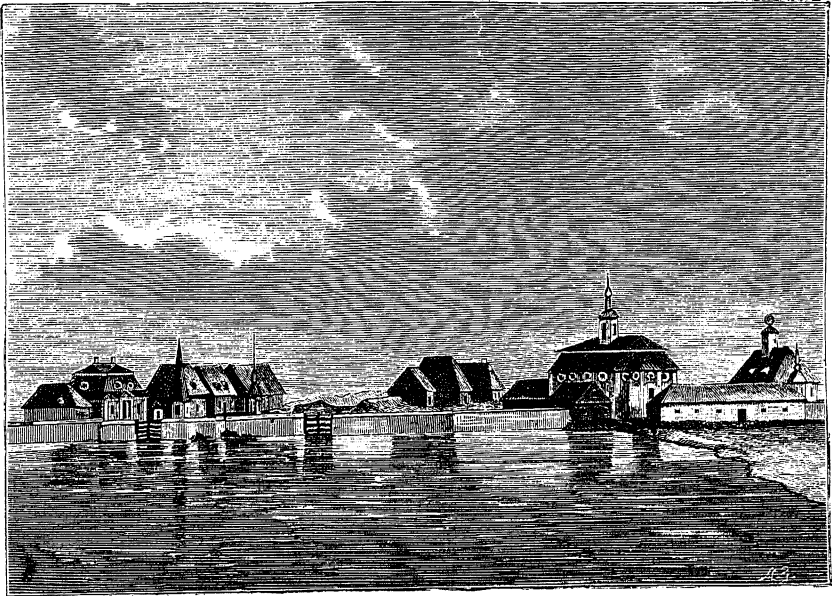
«Къ имени Собакиной, упоминаемому на новой плитѣ, можно, однако, присоединить и ту догадку, что если во времена Петра Великаго много земель по Невѣ было роздано разнымъ лицамъ, то въ числѣ владѣльцевъ явились, быть можетъ, и Голицыны, а такъ какъ послѣдніе въ XVIII в. состояли въ родствѣ съ Собакиными, то возможно, что въ этомъ и скрывается ключъ къ объясненію надписи на надгробной плитѣ въ упомянутомъ урочищѣ. Впрочемъ, повторяемъ, это не болѣе какъ догадка.

«Не знаемъ, именно ли указываемую мѣстность «Царицыну гору» имѣлъ въ виду авторъ «Забытаго прошлаго окрестностей Петербурга», говоря о древней гробницѣ Маріи Нагой, но во всякомъ случаѣ весьма любопытно совпаденіе двухъ преданій объ эпохѣ Ивана IV, пріурочивающихся къ близкимъ окрестностямъ нашего прозаическаго Петербурга».

Въ верстахъ двѣнадцати отъ Шлиссельбурга находится одно изъ урочищъ, извѣстное по пребыванію здѣсь великаго преобразователя Россіи. Стоитъ оно невдалекѣ отъ Невы, на лужайкѣ, посреди нѣкогда густого сосноваго лѣса, названіе ему «Красныя сосны». Здѣсь останавливался Великій Петръ на походѣ изъ Шлиссельбурга къ Ніеншанцу; самыя сосны, составлявшія кругъ, были посажены тогда солдатами на расчищенномъ мѣстѣ для палатки Петра.

О Красныхъ Соснахъ есть и древнѣйшія преданія и даже одно легендарное, относящееся ко временамъ язычества. Древніе финны совершали жертвоприношенія своимъ богамъ Перкелю и Юмалѣ въ священныхъ рощахъ. Подъ Красными Соснами, на высокомъ берегу Невы, и была такая священная роща, гдѣ чинился судъ старшинъ, собиралось народное вѣче и приносились жертвы.

За нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ Красныя Сосны были обнесены заборомъ и одна изъ нихъ росла посреди луга.

Шлиссельбургская крѣпость.

Одинокую сосну тамошніе жители признавали священнымъ деревомъ. Кѣмъ была посажена эта сосна, предметъ обожанія?— преданіе не отвѣчаетъ. Существуетъ еще и другое преданіе, что на мѣстѣ Красныхъ Сосенъ, по водвореніи въ землѣ финновъ христіанства, былъ сооруженъ храмъ—это подтверждаетъ Павелъ, абовскій епископъ, который писалъ, что близь дороги въ Нотебургъ, въ лѣсу, находился монастырь.

Вотъ и существующая у финнъ легенда о здѣшней мѣстности. Когда, нѣсколько сотъ лѣтъ назадъ, между Швеціей и Россіей происходила кровавая война, русскіе постоянно побѣждали;

неожиданно къ шведамъ прибылъ новый полководецъ Понтій Делагарди. Это былъ человѣкъ необыкновенный и находился въ тайной связи съ духами, при участіи которыхъ и сталъ побѣждать русскихъ. Делагарди проходилъ лѣса, горы и болота съ неимовѣрною быстротою. Одно имя его приводило въ ужасъ непріятелей. Однажды послѣ побоища Делагарди расположился на отдыхъ, избравъ мѣсто «Красныхъ Сосенъ». Когда вождь заснулъ, у него мгновенно выросло на шеѣ огромное дерево. Сильная тяжесть заставила Делагарди проснуться. Хотя ему трудно было сдвинуть съ себя чудное дерево, однако онъ успѣлъ сдѣлать это при помощи злого Перкеля. Это происшествіе Делагарди приписалъ божескому гнѣву. Собравъ свое войско, онъ немедленно отправился въ дорогу и исчезъ. Съ тѣхъ поръ его никто не видалъ [43]).

На мѣстѣ, гдѣ отдыхалъ Петръ—путиловскіе крестьяне, братья Спиридоновы, ремесломъ каменотесы, соорудили памятникъ Петру I; онъ имѣетъ видъ конуса, оканчивающагося чернымъ гранитнымъ шаромъ. Памятникъ весь изъ путиловской плиты, вышиною въ двѣ сажени съ полуаршиномъ. На мраморной доскѣ передней стороны базы надпись золотыми врѣзными буквами: «Петру Великому, отцу отечества. Въ незабвенную признательность по усердію соорудили братья Спиридоновы». Младшіе два брата Спиридоновы устроили около Красныхъ Сосенъ каменную ограду изъ цокольной плиты и проложили изъ плитъ тротуаръ, со спускомъ до самой Невы, и вывели широкую лѣстницу съ пристанью и ступенями изъ путиловскихъ плитъ. Вся эта постройка Спиридоновымъ обошлась въ десять тысячъ рублей.

Слѣдуя къ Шлиссельбургу, привлекаетъ взоры на высокомъ берегу Невы кладбищенская церковь Преображенія Господня; церковь сооружена на томъ мѣстѣ, гдѣ погребены солдаты Преображенскаго полка, погибшіе въ большомъ числѣ при взятіи Петромъ Шлиссельбурга.

Но надо полагать, что здѣсь было селеніе еще во времена владычества шведовъ—при рытіи на кладбищѣ могилъ, нерѣдко церковные сторожа тутъ находятъ шведскія серебряныя монеты. Существующая теперь церковь построена петербургскими мѣнялами-купцами: Гр. Борисовымъ и Мих. Солодовниковымъ въ 1819 году. Подъ иконою Спасителя въ этомъ храмѣ имѣется надпись, въ которой сказано, что «церковь Преображенія распространена и къ ней пристроена въ 1839 году новая каменная колокольня, въ память воиновъ, убитыхъ при взятіи Петромъ I въ 1702 г. Шлиссельбургской крѣпости, погребенныхъ на мѣстѣ построенія

св. храма; также въ воспоминаніе избавленія Россіи отъ нашествія французовъ, при Александрѣ въ 1812 году».

При подошвѣ Преображенской горы, близь берега Невы, въ сторону, была могила скопческаго Іоанна Предтечи, Алек. Ив. Шилова, котораго скопцы называли то графомъ Чернышевымъ, то княземъ Дашковымъ, заключеннымъ будто бы въ темницу по повелѣнію императрицы Екатерины. Шиловъ былъ крестьянинъ Тульской губерніи, Алексинскаго уѣзда, деревни Масловой, публично наказанный въ Тулѣ и потомъ сосланный въ Динаминдскую крѣпость.

Скопцы съ благоговѣніемъ и таинственностью разсказываютъ про Шилова. Императоръ Павелъ, по вступленіи на престолъ, отдалъ повелѣніе прислать Шилова въ Петербургъ. Шилова привезли и онъ въ продолженіе полутора мѣсяца содержался у Обольянинова, въ угловомъ домѣ, выходившемъ на набережную Невы изъ Мошкова переулка; затѣмъ Шилова, вмѣстѣ съ другими шестью скопцами, жившими въ Петербургѣ, отправили въ Шлиссельбургъ.

Въ январѣ 1799 года, рано утромъ, пріѣхалъ въ Шлиссельбургъ камергеръ для освобожденія Шилова съ другими скопцами. Но посланный не засталъ Шилова въ живыхъ: онъ умеръ въ то самое утро, какъ камергеръ пріѣхалъ. Это поставило камергера въ недоумѣніе. Онъ не зналъ, везти ли ему другихъ скопцовъ, которыхъ предписано было ему представить вмѣстѣ съ умершимъ. По совѣщаніи съ комендантомъ, онъ рѣшился пока оставить ихъ въ крѣпости, а Шилова не предавать землѣ до разрѣшенія императора Павла.

Черезъ двѣнадцать дней послѣдовало повелѣніе Павла предать тѣло Шилова землѣ со всѣми христіанскими обрядами и допустить проститься съ его тѣломъ заключенныхъ съ нимъ скопцовъ. Шиловъ былъ первый, какъ говоритъ одинъ изъ этихъ скопцовъ, Савельевъ, котораго разрѣшено было вывезти для погребенія изъ крѣпости; обыкновенно же до него умиравшихъ шлиссельбургскихъ арестантовъ хоронили на томъ же мѣстѣ, гдѣ они содержались, и даже Иванъ Антоновичъ былъ похороненъ такимъ же образомъ.

Къ этому Савельевъ присовокуплялъ, что императоръ Александръ I, по вступленіи на престолъ, два раза пріѣзжалъ въ Шлиссельбургъ и приказывалъ отыскать тѣло Іоанна Антоновича; поэтому перерыли все подъ мусоромъ и другимъ хламомъ, но ничего не нашли.

Савельевъ утверждалъ, что тѣло Шилова чрезъ десятки лѣтъ послѣ погребенія не только не было испорчено, но и не имѣло дурного запаха. Это онъ видѣлъ тогда, когда гробъ Шилова былъ вырытъ изъ земли и тѣло перенесено выше на той же горѣ, туда, гдѣ оно и теперь находится.

Мертваго Шилова, по словамъ другого скопца Трусова, причесали, потомъ положили въ гробъ, надъ могилой устроили сперва обширную деревянную часовню, потомъ уже каменную. Могила скопческаго предтечи у хлыстовъ и скопцовъ считается предметомъ обожанія. Она постоянно бываетъ посѣщаема скопцами, которые берутъ съ нея землю, доставая послѣднюю со дна могилы желѣзными щупами.

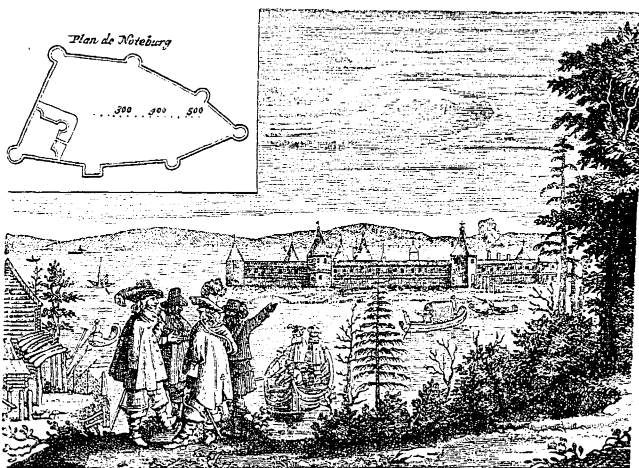
Лѣтъ сорокъ тому назадъ, въ оградѣ этого Преображенскаго кладбища совершилось ужасное убійство. Два крестьянина, крестовые братья, съ дѣтства дружные, жили здѣсь въ сторожкѣ. Какъ-то вдругъ они поссорились и сдѣлались врагами. Вражда живущихъ вмѣстѣ всегда ожесточеннѣе живущихъ порознь. Можно себѣ представить, до чего дошла взаимная ненависть этихъ людей, обязанныхъ жить неразлучно въ маленькой сторожкѣ. Въ одну бурную и дождливую ночь, какъ сообщали въ то время газеты, враги-сторожа, при обходѣ церкви, случайно сошлись на одной тропинкѣ у церкви на могилахъ и не хотѣли уступить другъ другу дорогу.

Споръ дошелъ до драки и одинъ ударомъ дубины по головѣ порѣшилъ другого на-поваль. Убійца вскорѣ испугался своего преступленія; вражда мгновенно потухла; подъ страхомъ будущаго онъ бросился въ церковь, храмъ оказался запертымъ. Предавшись отчаянію, онъ кинулся на колокольню, чтобъ броситься съ нея, но вдругъ ему пришла мысль о спасеніи и онъ началъ звонить тревогу во всѣ колокола. Народъ кинулся въ церковь; первые прибѣжали рыбаки. Ворота въ ограду оказались заперты. На окликъ рыбаковъ, убійца, переставъ звонить, объявилъ, что воры приходили ограбить церковь, что онъ и его товарищъ защищали ее, но когда товарищъ упалъ подъ ударами воровъ, онъ не нашелъ другого средства, какъ кинуться на колокольню, запереться въ ней и звономъ дать знать объ опасности храма Божія.

Трупъ убитаго похоронили съ почестью, убійцу тоже привѣтствовали похвалами. Но совѣсть не спала въ сердцѣ несчастнаго и вскорѣ на слѣдствіи онъ сознался въ преступленіи; его посадили въ тюрьму, и здѣсь убійца, томимый ужаснымъ престу-

пленіемъ, нашелъ возможность повѣситься на крѣпкомъ шнуркѣ отъ своего креста.

При истокѣ Невы лежитъ островокъ въ 16-ть десятинъ земли, названный Петромъ «Екатерининскимъ». Здѣсь стоялъ дворецъ Екатерины I; въ немъ провела нѣсколько дней Екатерина II. Дворецъ этотъ давно сломанъ за ветхостью и на мѣсто его выстроено небольшое зданіе, въ которомъ хранится бюстъ Екатерины II, перенесенный изъ прежняго дворца. На этомъ островѣ, въ 1763 году, иностранцы Сириніусъ и Лиманъ устроили ситцевую фабрику. Впослѣдствіи пріобрѣлъ у нихъ ее Битепажъ

Видъ Нотебурга.

за 200,000 р. Ситцы послѣдняго долгое время у насъ славились своею добротою.

Другой островъ въ этой мѣстности—это Шлиссельбургская крѣпость, основанная въ 1323 году новгородцами во время похода ихъ противъ шведовъ Невою въ Ладожское озеро. Встарину носила она имя «Орѣшекъ». Впослѣдствіи девяносто лѣтъ крѣпостью владѣли шведы. Въ 1702 году, 21 октября, взялъ ее уже въ вѣчное владѣніе императоръ Петръ. Какъ трофеи, въ крѣпости были найдены: мѣдная русская пушка, отлитая при царѣ Иванѣ Васильевичѣ, и 138 мортиръ и пушекъ шведскихъ, большой запасъ бомбъ, ядеръ, пороха и 172 пары латъ.

Встарину, по разсказамъ, стѣны, сложенныя изъ камня, были чрезвычайной высоты, до девяти саженъ съ зубцами; семь башенъ въ 12 саженъ высоты высились по угламъ стѣнъ. Въ

1750, 1800 и 1802 гг., при перестройкахъ, въ крѣпости стѣны понизили, зубцы и башни сравняли со стѣнами.

Первая башня, «Государева», составляла главный входъ. На ней вырѣзана была надпись: «Anno 1649, dni 18 May less». Слѣдующая башня «Головина». Къ сторонѣ озера—«Флажная», на ней флагъ крѣпости.

Существуетъ преданіе, что въ подвалѣ этой башни есть подводный ходъ изъ этого подземелья на 12 верстъ, въ липовую береговую рощу, и что въ этой рощѣ видны остатки древнихъ пещеръ. Народное преданіе относитъ устройство этого хода къ временамъ новгородцевъ.

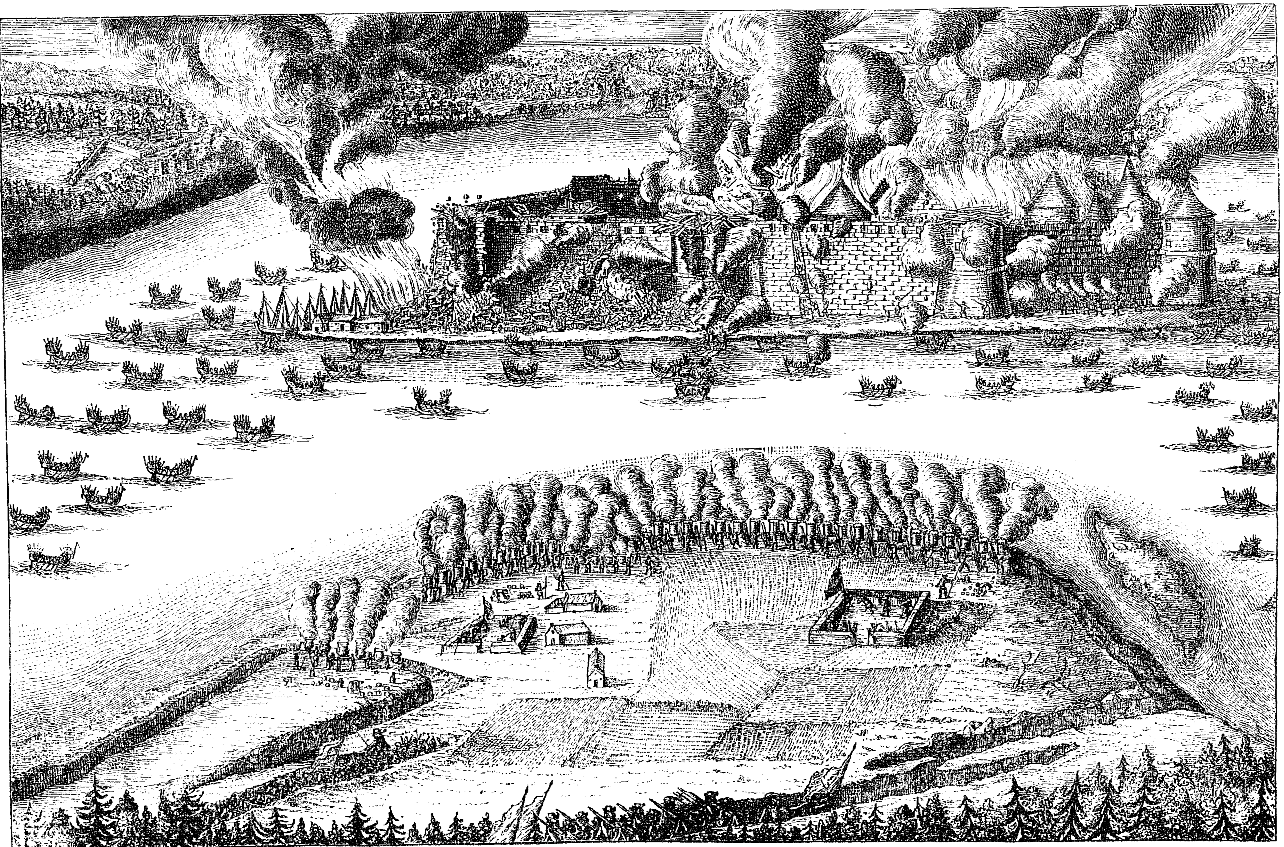
Въ крѣпости были еще башни: «Королевская», на которой при шведахъ былъ маякъ, затѣмъ «Великокняжеская» или «Свѣтличная» и еще «Колокольная».

Въ числѣ обычаевъ, соблюдаемыхъ въ крѣпости, существуетъ одинъ, завѣщанный Петромъ: каждый день здѣсь, въ 12 часовъ, совершается трезвонъ на колокольнѣ крѣпостного собора въ память взятія крѣпости въ этотъ именно часъ.

Шлиссельбургская крѣпость видѣла шесть историческихъ узниковъ. Первая здѣсь узница была царица Евдокія Өеодоровна, урожденная Лопухина, первая супруга царя Петра, вторая узница, скончавшаяся здѣсь, была царевна Марія Алексѣевна. Третій узникъ былъ князь Дмитрій Михаиловичъ Голицынъ, заточенный сюда при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ. Четвертымъ узникомъ здѣсь былъ сподвижникъ Петра, фельдмаршалъ князь Владиміръ Владиміровичъ Долгорукій. Пятый, недолговременный, узникъ въ Шлиссельбургѣ былъ страшный Биронъ и шестой, самый долговременный узникъ, былъ Іоаннъ Антоновичъ.

Въ началѣ 1756 года онъ былъ переведенъ изъ Холмогоръ въ Шлиссельбургъ, надзоръ за нимъ былъ порученъ гвардіи капитану Шубину. Вотъ инструкція, которая была дана Алексѣемъ Ивановичемъ Шуваловымъ послѣднему: «Быть у онаго арестанта вамъ самому и Ингерманландскаго пѣхотнаго полка прапорщику Власьеву, а когда за нужное найдете, то быть и сержанту Чекину въ той казармѣ дозволяется, а кромѣ-жъ васъ и прапорщика въ ту казарму никому ни для чего не входить, чтобъ арестанта видѣть никто не могъ. Когда же для убиранія въ казармѣ всякой нечистоты кто впущенъ будетъ, тогда арестанту быть за ширмами, чтобъ его видѣть не могли...»

Далѣе въ инструкціи сказано, чтобъ въ крѣпость «хотя-бъ генералъ пріѣхалъ — не впускать»; присовокуплялось также

Взятіе Нотебурга.

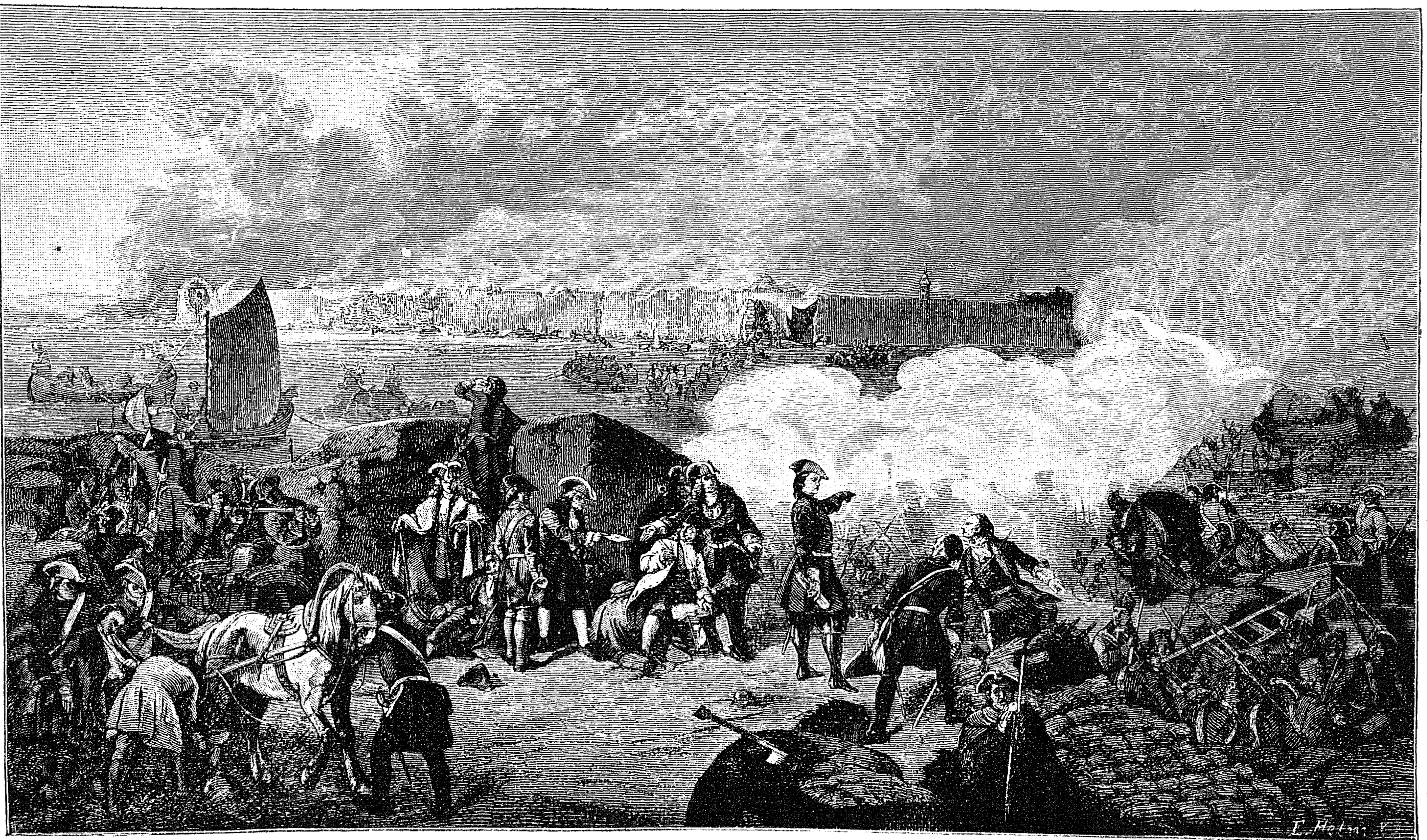
«хотя-бъ и фельдмаршалъ и подобный имъ, никого не впущать и комнаты его императорскаго высочества великаго князя Петра Ѳеодоровича камердинера Карновича въ крѣпость не впускать и объявить ему, что безъ указу тайной канцеляріи пускать не велѣно». «Въ какомъ мѣстѣ арестантъ содержится и далеко-ль отъ Петербурга или отъ Москвы — не сказывать. Каковъ арестантъ, нѣмецъ или русскій, или иностранецъ, подъ смертною казнію подтвердить, чтобъ не разсказывали».

Арестанту пища опредѣлена была въ обѣдъ по пяти и въ ужинъ по пяти блюдъ, на каждый день вина по одной, полпива по шести бутылокъ, квасу потребное число. За болѣзнію Шубина отправленъ былъ капитанъ Овцынъ.

Вотъ интересныя донесенія послѣдняго, въ маѣ 1759 года, о ввѣренномъ ему арестантѣ: «Объ арестантѣ доношу, что онъ здоровъ и хотя въ немъ болѣзни никакой не видно, только въ умѣ нѣсколько помѣшался, что его портятъ шептаньемъ, дутьемъ, пусканіемъ изо рта огня и дыма; кто въ постели лежа повернется или ногу переложитъ, за то сердится, сказываетъ шепчутъ и тѣмъ его портятъ; приходилъ разъ къ подпоручику, чтобъ его бить, и мнѣ говорилъ, чтобъ его унять и ежели не уйму, то онъ станетъ бить; когда я стану разговаривать (разубѣждать), то и меня такимъ же еретикомъ называетъ...»

Въ іюлѣ доносилъ Овцынъ, что арестантъ былъ неспокоенъ, за столомъ, напримѣръ во время обѣда, всегда кривляетъ ротъ, головою и ложкою на меня, также и на прочихъ взмахиваетъ и многія другія проказы дѣлаетъ... 14-го числа говоритъ опять о порчѣ... «Я сказалъ, пожалуй, оставь, я этой пустоты болѣе слушать не хочу и потомъ пошелъ отъ него прочь. Онъ схватилъ меня за рукавъ и съ великимъ сердцемъ рванулъ»; далѣе капитанъ говоритъ: «Опасаюсь, чтобъ не согрѣшить, ежели не донести, что онъ въ умѣ не помѣшался, однакожъ, весьма сомнѣваюсь, потому что о прочемъ обо всемъ говоритъ порядочно, доказываетъ евангеліемъ, апостоломъ, минеею, прологомъ, Маргаритою и прочими книгами, сказываетъ, въ которомъ мѣстѣ и въ житіи котораго святого пишетъ» и т. д.

По приказанію Шувалова, Овцынъ спросилъ арестанта, кто онъ? Сначала отвѣтилъ, что онъ человѣкъ великій и одинъ подлый офицеръ-то у него отнялъ и имя перемѣнилъ, а потомъ назвалъ себя принцемъ. «Я ему сказалъ, писалъ Овцынъ, чтобъ онъ о себѣ той пустоты не думалъ и впредь того не вралъ, на что весьма осердясь, на меня кричалъ» и т. д.

Взятіе Нотебурга.

По приказу Шувалова, Овцынъ сказалъ арестанту, что если онъ пустоты своей врать не отстанетъ, то все платье отъ него отберутъ и пища ему не такая будетъ. Въ показаніяхъ Овцына видно, что до 1760 года арестантъ все былъ безпокоенъ. Въ 1761 году придумали средство лечить его отъ безпокойства: не давали чаю, не давали чулокъ крѣпкихъ, и онъ присмирѣлъ совершенно.

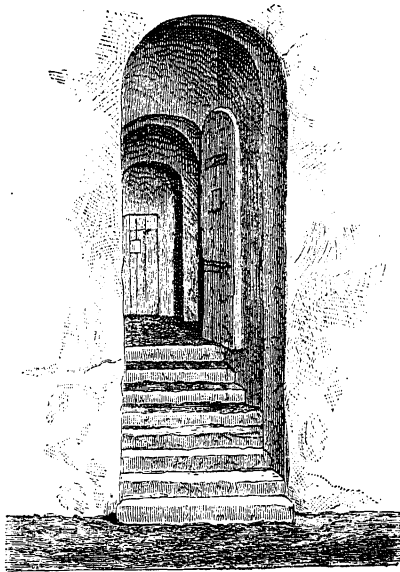
Позднѣе находившіеся при немъ капитанъ Власьевъ и Чекинъ показывали, что онъ обладалъ полнымъ здоровьемъ, былъ косноязыченъ, при ѣдѣ жаденъ и не разборчивъ въ ней, самъ себѣ весьма часто задавалъ вопросы и, отвѣтствуя, говорилъ, что тѣло его, принца Іоанна, назначеннаго предъ симъ императоромъ россійскимъ, который уже издавна отъ міра отошелъ, а самымъ дѣломъ онъ есть небесный духъ, а именно св. Григорій, который на себя принялъ образъ и тѣло Іоанна, почему презирая насъ и всѣхъ имъ видимыхъ человѣкъ самозлѣйшими тварями почиталъ; сказывалъ, что онъ часто въ небѣ бываетъ, что произносимыя нами слова и изнутри исходящій духъ нечистый и огненный состоитъ, называлъ еретиками и опорочивалъ насъ въ томъ, что какъ мы другъ предъ другомъ, такъ и предъ образами святыми поклоняемся, симъ мерзость и непотребство наше оказывается, а небесные-де духи, изъ числа коихъ и онъ, никому поклоняться не могутъ.

Очень хотѣлось ему быть митрополитомъ и на это ему его тюремщики говорили: митрополитомъ ему быть нельзя, потому что митрополитъ и образамъ, и людямъ кланяется. Іоаннъ отвѣчалъ имъ, «что испроситъ у Бога дозволеніе временемъ и поклоны чинить».

Существуютъ свѣдѣнія, впрочемъ документальность которыхъ не довольно извѣстна, что императрица Елисавета Петровна, колеблясь въ выборѣ послѣ себя наслѣдника, повелѣла привезти Іоанна въ Петербургъ; видѣла его въ первый разъ въ домѣ канцлера графа Воронцова, во второй—въ домѣ графа Шувалова и, какъ должно было ожидать, не нашла въ немъ способности царствовать.

По разсказамъ иностранцевъ, императоръ Петръ III, по вступленіи на престолъ, посѣтилъ въ 1761 году несчастнаго узника. Государь имѣлъ намѣреніе дать ему свободу, но убѣдился въ разстройствѣ умственныхъ способностей плѣнника. Петръ III отправился тайно въ извозчичьихъ экипажахъ въ Шлиссельбургъ, даже дядя императора, герцогъ Людвигъ, не узналъ объ отсутствіи императора.

При этомъ посѣщеніи съ нимъ были: баронъ Корфъ, прежній попечитель семейства Іоанна, Александръ Нарышкинъ, баронъ Унгернъ-Штернбергъ и статскій совѣтникъ Волковъ. Корфъ и Унгернъ-Штернбергъ оставили подробности этого посѣщенія—первый сообщилъ Бюшингу, второй неизвѣстному автору. По словамъ послѣднихъ, Іоанну было тогда съ небольшимъ двадцать лѣтъ, онъ содержался въ комнатѣ удобной, но, по небреженію, дрова были сложены близь оконъ и много отнимали свѣта: бѣлокурые волосы Іоанна были обстрижены въ кружокъ,

Лѣстница въ казематъ.

онъ былъ хорошо сложенъ, цвѣтъ тѣла его былъ матово-блѣдный. Онъ зналъ о себѣ, помнилъ добраго Корфа и нимало не испугался при видѣ императора и его офицеровъ, на всѣ вопросы о желаніяхъ давалъ одинъ отвѣтъ: — «больше свѣта», вѣроятно досадуя на складъ дровъ передъ окнами. На вопросъ, знаетъ ли онъ, кто такой Іоаннъ, отвѣчалъ, что знаетъ и называлъ себя Іоанномъ Антоновичемъ; впрочемъ, онъ оказался совершенно неспособнымъ мыслить ясно и говорить отчетливо.

Когда ему были переданы подарки: часы, табакерка и шелковый шлафрокъ, принцъ положилъ его подъ подушку. Постель его была простая, но онъ содержалъ ее опрятно. На вопросъ,

что онъ знаетъ о своихъ родителяхъ, отвѣчалъ, что ихъ помнитъ, хвалилъ Корфа и т. д. Всѣ эти разсказы не заслуживаютъ особеннаго довѣрія. Съ Корфомъ Іоаннъ Антоновичъ имѣлъ дѣло лишь весьма короткое время, бывши четырехълѣтнимъ ребенкомъ въ Ранненбургѣ.

Императрица Екатерина II, въ своемъ манифестѣ о кончинѣ Іоанна, говорила о немъ, что «онъ не зналъ ни людей, ни разсудка, не умѣлъ доброе отличить отъ худого, такъ какъ и не могъ притомъ чтеніемъ книгъ жизнь свою пробавлять, а за единое блаженство себѣ почиталъ довольствоваться мыслями тѣми, въ которыя лишеніе смысла человѣческаго его приводило».

На другой день по восшествіи на престолъ, Екатерина II изъ Петергофа прислала генералъ-маіору Силину слѣдующій указъ: «Вскорѣ по полученіи сего имѣете, ежели можно того же дня, а, по крайней мѣрѣ, на другой день безыменнаго колодника, содержащагося въ Шлиссельбургской крѣпости, подъ вашимъ смотрѣніемъ, вывезти сами изъ оной въ Кексгольмъ, а въ Шлиссельбургѣ въ самой оной крѣпости очистить лучшіе покои и прибрать, по крайней мѣрѣ, по лучшей опрятности оные, которые изготовить, содержать по указу». 4-го іюля Силинъ донесъ изъ деревни Мордя, лежащей въ 30-ти верстахъ отъ Шлиссельбурга, что ихъ разбило бывшею на озерѣ бурею и они съ арестантомъ находятся въ означенной деревнѣ въ ожиданіи другихъ судовъ изъ Шлиссельбурга для дальнѣйшаго слѣдованія въ Кексгольмъ.

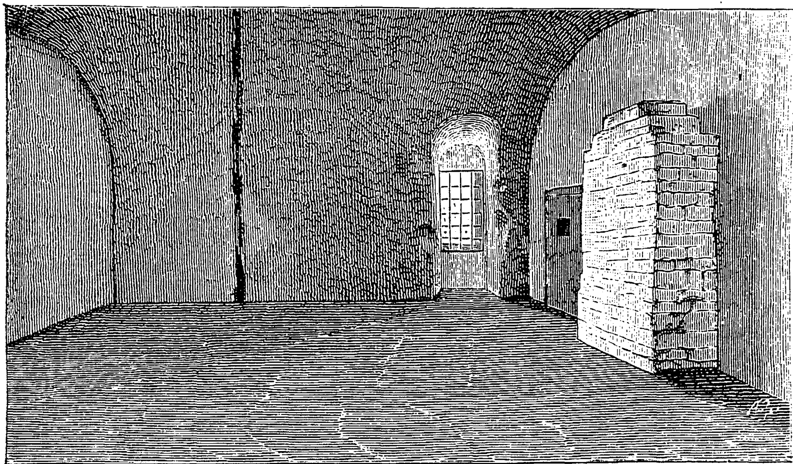
Затѣмъ Іоаннъ былъ отвезенъ обратно въ Шлиссельбургъ въ прежнее помѣщеніе.

Здѣсь посѣтила его сама императрица и, убѣдившись, что онъ лишенъ разума и человѣческаго смысла, признала оставить его въ томъ жилищѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ «дать ему, какъ она выразилась въ манифестѣ, человѣческое возможное удовольствіе».

Въ 1764 году два поручика, Мировичъ и Ушаковъ, задумали возвести несчастнаго Іоанна на престолъ и съ 4-го на 5-е іюля приступили къ исполненію замысла, взбунтовали солдатъ и открыли огонь по небольшому караулу солдатъ, охранявшему темницу Іоанна. Офицеры Власьевъ и Чекинъ, находившіеся неотлучно при узникѣ, сперва отразили первый приступъ, но, видя дальнѣйшую опасность, рѣшились отвратить бѣдствія и смуты— гибелью невинной причины возмущенія. Они убили узника. Іоаннъ погибъ на 24 году жизни. Мировичъ, увидѣвъ трупъ принца, положилъ оружіе. Ревнитель принца былъ казненъ:

15-го сентября 1704 года ему въ Петербургѣ отрублена голова и тѣло сожжено съ эшафотомъ.

Тѣло несчастнаго правнука царя Іоанна Алексѣевича предано землѣ въ Шлиссельбургской крѣпости на томъ мѣстѣ, на которомъ построенъ былъ прежній соборъ Св. Іоанна Предтечи [44]). О погребеніи Іоанна въ Шлиссельбургѣ свидѣтельствуютъ также письмо императрицы Екатерины II къ графу Н. И. Панину, изъ Риги отъ 9-го іюля, въ немъ сказано: «Безъименнаго колодника велите хоронить по христіанской должности въ Шлиссельбургѣ, безъ огласки», и донесеніе коменданта Шлиссельбургской крѣпости о томъ, что погребеніе состоялось.

Казематъ.

По словамъ другихъ, тѣло несчастнаго Іоанна Антоновича, сначала положенное въ Шлиссельбургской крѣпостной церкви, привлекало къ себѣ толпы сострадательныхъ посѣтителей, и потому было заперто, а впослѣдствіи отвезено въ большой Тихвинскій Богородицкій монастырь, гдѣ, по сказанію сторожиловъ, погребено въ паперти Успенскаго собора при самомъ входѣ.

Въ первое время послѣ смерти Іоанна всякіе толки о немъ считались опасными.

Извѣстный аббатъ Шаппъ д'Отрошъ [45]) разсказываетъ слѣдующее: «Въ бытность мою въ Петербургѣ, мнѣ случилось быть у служащаго иностранца. Изъ любопытства я спросилъ, умеръ ли принцъ Иванъ или еще живъ; мнѣ отвѣтили шопотомъ на

ухо, что объ этомъ принцѣ въ Россіи не говорятъ. Насъ, однако, въ комнатѣ было только три француза и она имѣла болѣе тридцати футовъ въ квадратѣ».

Убіеніе Іоанна тогда произвело въ публикѣ глубокое впечатлѣніе и не удивительно, что въ обществѣ ходили разсказы съ болѣе или менѣе вымышленными подробностями. Сальдернъ [46]) разсказываетъ, что Іоаннъ былъ убитъ однимъ ударомъ кинжала; въ сборникѣ Бюшинга говорится, что его спѣрва ранили въ ногу, затѣмъ въ руку, что принцъ защищался, но умеръ отъ ранъ, нанесенныхъ ему въ грудь.

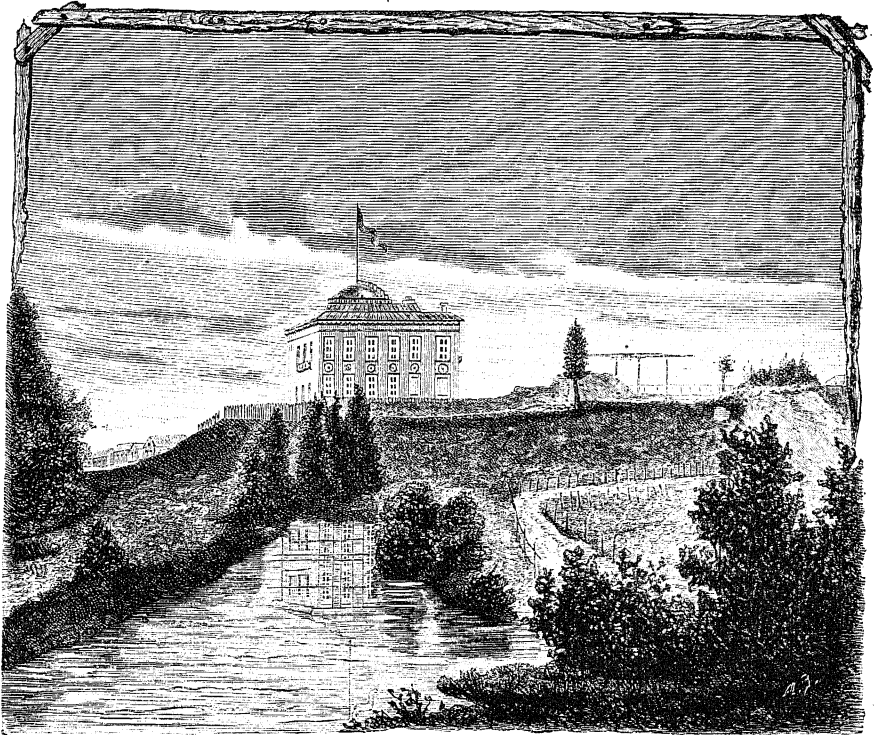
У Кастейра находимъ самый подробный разсказъ—тутъ говорится, какъ несчастный узникъ, разбуженный выстрѣлами, просилъ пощадить его, какъ на него набросились офицеры, какъ онъ отчаянно боролся съ ними и, покрытый ранами, сломалъ еще шпагу, пока, наконецъ, не закололи его штыкомъ. Несомнѣнно, что весь этотъ разсказъ дѣло вымысла. Чекину и Власьеву было не трудно заколоть погруженнаго въ сонъ слабосильнаго юношу.

Бюшингъ разсказываетъ, что тѣло принца, выставленное въ крѣпостной церкви, было одѣто въ тотъ самый бараній тулупъ, въ которомъ онъ лежалъ на постелѣ въ минуту нападенія. Кастейра говоритъ, что тѣло лежало въ матросскомъ платьѣ; другой иностранецъ Германъ повѣствуетъ, что трупъ былъ одѣтъ въ русскую синюю крестьянскую рубашку и что маленькая рыжая борода и необыкновенно бѣлая кожа покойника обращала на себя вниманіе зрителей.

Уильямъ Коксъ, посѣтившій Шлиссельбургъ въ 1778 году, разсказываетъ, что Шлиссельбургская крѣпость своими мрачными стѣнами и мертвою тишиною произвела на него самое тяжелое впечатлѣніе. Здѣсь онъ, между прочимъ, видѣлъ недостроенный кирпичный одноэтажный домъ, состоявшій изъ одиннадцати комнатъ; домъ былъ необитаемъ, онъ былъ заложенъ по приказанію Петра III и строился съ большою поспѣшностью въ шесть недѣль. Работа остановилась со смертью императора.

Постройка такого большого зданія въ такомъ мѣстѣ и въ такой короткій срокъ, какъ замѣчаетъ Коксъ, всѣмъ казалась таинственною, но есть полное основаніе думать, что Петръ III намѣревался запереть въ немъ свою супругу. Въ Павловское и Александровское время, въ Шлиссельбургѣ служилъ комендантомъ генералъ-маіоръ Григ. Васил. Плуталовъ, ветеранъ старой Екатериниской арміи. Этотъ старикъ отличался строгой честно-

стью и пользовался въ свое время привилегіей съ высшими говорить съ прибаутками и шуточками колкую правду. Однажды при императорѣ Павлѣ онъ рѣшительно отказался быть суровымъ съ присылаемыми къ нему во множествѣ всякого званія арестантами. «Государь,— сказалъ онъ — дѣлайте изъ меня что вамъ угодно, только я солдатъ и стражъ ихъ, а не палачъ». Государь, тронутый такой человѣколюбивою смѣлостью стараго воина, обнялъ его и поцѣловалъ. Плуталовъ, по разсказамъ Ви-

Домъ коменданта въ Шлиссельбургской крѣпости.

геля, имѣлъ обыкновеніе со всѣми цѣловаться по старому русскому обычаю.

Въ Шлиссельбургѣ ежегодно 8-го іюля празднуется день Казанской Божіей Матери; въ тамошнемъ храмѣ имѣется чудотворная икона, замѣчательная своею древностью и судьбою. Эта святыня, вмѣстѣ съ другою иконою, св. Іоанна Крестителя, обрѣтена вскорѣ послѣ завоеванія крѣпости, въ стѣнѣ бывшей тамъ шведской кирки, которая образовалась изъ православной церкви,

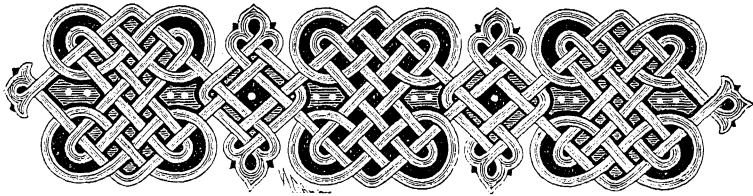
построенной во время пребыванія въ Орѣшкѣ новгородскаго архіепископа Василія. Судя по преданіямъ, обѣ иконы были заложены въ стѣну русскими во время нашествія Делагарди въ 1611 году.

Не смотря на близкое разстояніе отъ Петербурга, въ Шлиссельбургѣ гораздо холоднѣе; причина—совершенно открытая плоскость со стороны сѣвера и изобиліе воды. Цвѣты здѣсь только начинаютъ цвѣсти въ іюлѣ и уже погибаютъ отъ морозовъ въ августѣ. Замѣчательно также періодическое чрезъ каждыя 7 лѣтъ повышеніе и пониженіе уровня Ладожскаго озера отъ 7 до 8 футъ; обстоятельство это первый замѣтилъ Минихъ, при рытьѣ Ладожскаго канала. Работу канала производили 7 полковъ и 7 тысячъ вольныхъ рабочихъ. Рабочіе сильно страдали отъ болѣзней, смертность была очень значительна; мертвыя тѣла погребали тутъ же въ плотинѣ канала, ставя надъ гробами солдатъ деревянные кресты, а надъ офицерскими могилами холмики со значками.

Такимъ образомъ вся плотина на первыхъ 13-ти верстахъ представляла печальный видъ кладбища и въ народѣ было мнѣніе, что мѣстность заражена моровою язвою. Минихъ приказалъ срубить и сжечь всѣ кресты. Это распоряженіе вскорѣ заставило забыть слухи и болѣзни и привлекло на каналъ множество рабочихъ. 22-го мая 1719 года Петръ собственноручно открылъ работы канала и, наполнивъ три раза тачку землею, отвезъ ее въ сторону. Лопата царя хранится въ домикѣ Петра I, въ с. Дубно, на Ладожскомъ каналѣ, гдѣ стоитъ и ботикъ, въ которомъ царь ѣздилъ по кювету канала, осматривая работы. Дѣйствительная длина канала опредѣлялась въ 104 версты.

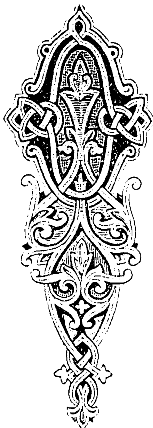
До существованія Ладожскаго канала, третья часть барокъ погибала на озерѣ. Въ 1861 году въ Шлиссельбургѣ былъ начатъ новый Ладожскій каналъ, который былъ оконченъ въ пять лѣтъ. Копка перваго Ладожскаго канала продолжалась 12 лѣтъ.

ГЛАВА V.

Петергофская дорога встарину и теперь.—Дачи на ней при Петрѣ I и въ Екатерининское время. — Пиры и попойки въ Александровское время. — Генералъ Малютинъ. — Лѣса на Петергофской дорогѣ. — Дача Яковлева. — Гигантская липа.— Старыя Тріумфальныя ворота. — Дача Строганова. — Петръ Биронъ. — Нынѣшнія Тріумфальныя ворота. — Дача Чичерина. — Денисъ Ивановичъ Чичеринъ. — Его образъ жизни. — Дача графа П. М. Скавронскаго. — Его жена графиня Литта. — Первый мальтійскій рыцарь.—Дача Измайлова.—Безчинства и жестокосердіе Измайлова.—Дачи гг. Нарышкиныхъ: Красная мыза или Ба! Ба!—Владѣлецъ мызы Алек. Алек. Нарышкинъ. — Дача княгини Дашковой. — Постройка этой мызы. — Сосѣднія съ нею дачи въ прежнее время. — Красный кабачекъ. — Его исторія. — Герцогиня Кингстонъ. — Несмѣтныя богатства герцогини.—Второй пріѣздъ герцогини въ Петербургъ. —Фаворитъ Кингстонъ. — Кабачекъ въ послѣдующіе годы. — Дача Лестока. — Приморская мыза Нарышкина „Левендаль" и увеселительный садъ „Га! Га!!".—Левъ Нарышкинъ.—Праздникъ въ честь императрицы.— Усадьба графа Сиверса, впослѣдствіи графа Остермана. — Характеристика этого вельможи. — Усадьбы Чулкова, графа Брюса и графа Воронцова.

БЫЛОЙ барской жизни на петергофской дорогѣ, теперь не осталось ни слѣда, ни преданія. Большая часть дачъ, принадлежавшихъ нашимъ вельможамъ, теперь перешла въ руки владѣльцевъ, фамиліи которыхъ съ удивленіемъ видишь на воротахъ, которыя нѣкогда гостепріимно отворялись только для князей, графовъ и ихъ пышныхъ цуговъ. На широкихъ просѣкахъ барскихъ мызъ, ведущихъ до самаго взморья, росли вѣковыя деревья, современники тѣмъ, что нѣкогда падали подъ ударами топора на берегахъ еще дикой Невы, незакованной въ гранитные берега. Извилистые, какъ рѣчки, пруды, живописныя рощицы, посреди такихъ же полянъ, насыпныя возвышенія, увѣнчанныя храмами,

бесѣдками, каменные, величественной архитектуры, дворцы — все это кануло теперь въ вѣчность, развалилось и вросло въ землю.

Отъ прежняго величія уцѣлѣло только нѣсколько полуобвалившихся домиковъ-павильоновъ, нѣкогда служившихъ для помѣщенія многочисленныхъ гостей, проживавшихъ у прежнихъ именитыхъ хозяевъ. Теперь же послѣдніе отдаются въ наймы подъ кабаки и трактиры.

Изъ имѣющейся у насъ рукописи извѣстнаго описателя Петербурга Богданова [47]) видно, что всѣхъ дачъ въ Петровское время, начиная отъ такъ называвшейся тогда Вологодской ямской слободы по петергофской дорогѣ до Ораніенбаума и Красной Горки, было 86. Стрѣльна составляла тогда сорокъ первый номеръ, Петергофъ — 58-й. Всѣхъ мѣстъ по этой описи жилыхъ господскихъ было сто семнадцать; государевыхъ пустыхъ мѣстъ — четырнадцать; великаго князя—одно и государыни царевны тоже одно; помѣщичьихъ пустыхъ двѣнадцать.

Всѣхъ же мѣстъ въ раздачѣ, жилыхъ и пустыхъ, 145; въ нихъ дворовъ 167. По завоеваніи края отъ шведовъ, нынѣшній Петергофскій уѣздъ не отличался тѣми живописными видами, которые мы видимъ теперь. Вдоль всего побережья Финскаго залива шли одни вѣковые лѣса и болотныя топи, кое-гдѣ только попадались хижины финновъ-рыбаковъ, покрытыя болотною травой. Петръ I роздалъ здѣсь земли своимъ приближеннымъ подъ условіемъ заселить ихъ крестьянами изъ Велокорусскихъ губерній.

Самъ государь въ первое время избралъ себѣ въ девятнадцати верстахъ отъ Петербурга, для своей лѣтней резиденціи, возвышенное мѣсто, въ одной верстѣ отъ впаденія рѣчки Стрѣлки въ заливъ, гдѣ теперь находится Стрѣльнинскій дворецъ. Царь здѣсь въ 1708 году построилъ деревянный дворецъ и намѣревался къ нему провести фонтаны, приказавъ прокладывать водопроводныя трубы изъ источниковъ деревень Глядиной и Забородья, находящихся въ 30 верстахъ отъ Стрѣльны. Впослѣдствіи Петръ раздумалъ и приказалъ обратить всѣ воды источниковъ въ Петергофъ. Послѣдній пунктъ царь избралъ, какъ ближайшій къ Кронштадтскимъ укрѣпленіямъ, который долженъ былъ тоже оберегать новую столицу отъ вторженія шведовъ. Съ избраніемъ здѣсь своей дачной резиденціи, Петръ роздалъ въ окружности угодья своимъ приближеннымъ; такъ мѣстность, гдѣ теперь Ораніенбаумъ, царь подарилъ своему любимцу Алекс. Дан. Меншикову, мызу Гостилицы — Миниху,

Ропшу—князю Ромодановскому, мызу Клопецкую—графу К. А. Мусину-Пушкину, П. И. Бутурлину—Горскій погостъ и т. д.

Около самаго Петергофа Петръ роздалъ земли слѣдующимъ лицамъ: самая ближайшая дача къ царскимъ постройкамъ была доктора Ив. Блументроста, рядомъ съ ней конюшаго Семена Алабердѣева, за ней дача паруснаго мастера Ивана Кочетова, затѣмъ дача генералъ-маіора Ягужинскаго, подлѣ нея флота поручика Скворцова и за ней дача Ивана Потемкина. На дорогѣ къ Петербургу, первая отъ Петергофа была дача подъячаго Алекс. Яковлева, за ней гвардіи поручика Данилы Чевкина, послѣ этой стояла усадьба генералъ-фельдцейхмейстера графа Брюса, подлѣ нея Петра Мошкова, князя Григорія Волконскаго и дѣтей стольника Ивана Ржевскаго—Василья генералъ-адъютанта и Матвѣя мичмана и т. д.

Про петергофскую дорогу въ Екатерининское время разсказывали иностранцы, что она напоминала прелестный переѣздъ отъ Парижа до Версаля. Англичанка Вильмотъ въ своихъ запискахъ пишетъ: васъ поражаютъ удивленіемъ великолѣпные дворцы, возвышающіеся по обѣимъ сторонамъ дороги, окруженные рощами и украшенные роскошными цвѣтниками и лужайками. Широкая и отличная дорога постоянно кишитъ всякаго рода экипажами, запряженными то четвернею въ рядъ, съ двумя лошадьми на-вылетъ, то конями молочнаго цвѣта, на подобіе нашихъ королевскихъ гановерскихъ лошадей, съ падающими до земли гривами и хвостами. Внѣшній видъ кучеровъ и прислуги, замѣчаетъ она, особенно мужской, очень меня забавляетъ. Такъ и кажется, что отецъ ихъ былъ турокъ, а мать квакерша» и т. д.

Петергофская дорога была особенно любима Екатериной II: при этой государынѣ она кипѣла жизнью [48]).

Позднѣе, при императорѣ Александрѣ I, петергофская дорога имѣла тотъ же оживленный видъ; тогда лучшіе полки гвардіи стояли въ Стрѣльнѣ и въ Петергофѣ, и ѣздить въ Петербургъ офицерамъ безъ дозволенія великаго князя, безъ билета, за собственноручнымъ его подписаніемъ, нельзя было. Вслѣдствіе этого обстоятельства, какъ почтовая станція, такъ и трактиры по этому тракту были полны офицерствомъ, любившимъ, какъ говорили тогда: «сушить хрусталь и попотѣть на листѣ»; послѣднее обстоятельство также называлось «безсмѣннымъ совѣтомъ царя Фараона», т. е. тутъ метали банкъ отъ «зари до зари».

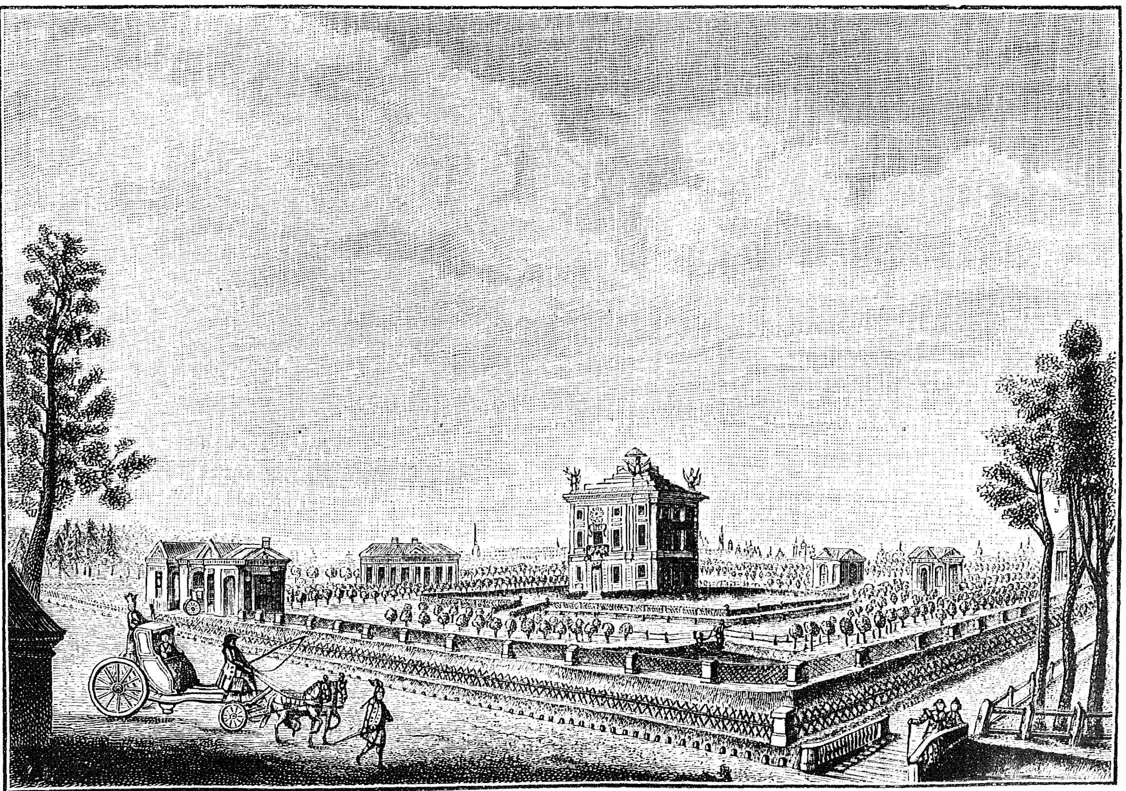
Въ то время картежная игра не была еще запрещена въ трактирахъ; особенно сильная азартная игра велась въ Красномъ кабачкѣ. Тогда въ полкахъ господствовалъ духъ молодечества и удальства, и вся гвардія, какъ говорили, жила по-армейски. Особенно кутежами отличались лейбъ-гусары и измайловцы. Въ послѣднемъ полку были лучшіе пѣсенники и плясуны; въ то разгульное время командовалъ полкомъ генералъ Малютинъ. Командиръ былъ хлѣбосолъ, какихъ мало, пиры и попойки его отличались самыми широкими размѣрами. Въ Александровское время въ Петербургѣ былъ обычай держать собственные катера и малютинскій катеръ былъ знаменитъ въ столицѣ своимъ роскошнымъ убранствомъ и удалыми гребцами-пѣсенниками. Булгаринъ разсказываетъ: «Въ 1806 году, въ пять часовъ пополудни, отправился я въ Измайловскія казармы. На половинѣ Вознесенскаго проспекта услышалъ я звуки русской пѣсни и музыки. У Измайловскаго моста я нашелъ такія густыя толпы народа, что долженъ былъ слѣзть съ дрожекъ и пробираться пѣшкомъ. Что же я тутъ увидѣлъ! Возлѣ моста, на Фонтанкѣ, стоялъ катеръ генерала Малютина. Онъ сидѣлъ въ немъ съ дамами и нѣсколькими мужчинами, а на мосту находились полковые пѣсенники и музыканты и почти всѣ офицеры Измайловскаго полка въ шинеляхъ и фуражкахъ, съ трубками въ зубахъ. Хоры пѣсенниковъ, т. е. гребцы и полковой хоръ, то смѣнялись, то пѣли вмѣстѣ, а музыканты играли въ промежутки. Шампанское лилось рѣкой въ пивные стаканы, громогласное «ура» ежеминутно раздавалось. Въ это самое время императоръ Александръ I подъѣхалъ на дрожкахъ, съ набережной Фонтанки, шаговъ за пятьдесятъ отъ толпы и спросилъ у полицейскаго офицера:

— Что это значитъ?

— Генералъ Малютинъ гулять изволитъ!—отвѣчалъ полицейскій, и государь, не сказавъ ни слова, приказалъ поворотить лошадь и удалился.

Въ то время это не казалось страннымъ или неприличнымъ.

Графъ Комаровскій, въ своихъ воспоминаніяхъ [49]), разсказываетъ: «Въ 1796 году офицеры Измайловскаго полка давали праздникъ своимъ знакомымъ на Петергофской дорогѣ, на дачѣ князя С. Ѳ. Голицына, построенной по плану залы Таврическаго дворца. На этомъ праздникѣ было до 150 особъ. Вся дача была иллюминована и въ заключеніе былъ сожженъ фейерверкъ, и когда въ щитѣ загорѣлся вензель императрицы, со всего полка со-

Загородный домъ графа Строганова.

бранные барабанщики били походъ, а полковая музыка играла. Праздникъ былъ великолѣпный, и о немъ долго говорили въ городѣ».

Особенно роскошные праздники давались здѣсь на дачахъ блистательнаго царедворца временъ Екатерины II Льва Александровича Нарышкина и его сына Александра Львовича, затѣмъ въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія на дачахъ: И. Мятлева, Протасова, Бутурлина, Молера, Кушелева и другихъ баръ изъ тогдашняго петербургскаго общества.

Какъ уже мы выше сказали, всѣхъ дачъ по дорогѣ до Петергофа въ Петровское время было пятьдесятъ восемь, всѣ эти дачи представляли тогда одни убогіе домики, въ видѣ одного двора о двухъ покояхъ, одной избы людской да амбара.

Изъ росписи того времени видно, что дачи даже царевенъ Екатерины Іоанновны и Параскевы Іоанновны ничѣмъ особеннымъ не отличались отъ прочихъ и имѣли все то же: домъ одинъ, покоевъ четыре, избъ людскихъ пять, одну баню, одну конюшню, одну ригу и одинъ прудъ.

Собственно настоящія барскія усадьбы, съ садами и оранжереями и другими затѣями, стали появляться только въ концѣ царствованія императрицы Елисаветы. При Екатеринѣ II, какъ говоритъ современникъ ея Георги, по Петергофской дорогѣ «всѣ большіе сады имѣютъ знатный лѣсъ, древнѣйшіе въ голландскомъ вкусѣ, съ прямыми, частію покрытыми дорожками, аллеями и проч. Новѣйшіе по англійскому расположенію, съ извивающимися дорожками въ лѣсу, съ кустарниками, съ каналами, островами и пр. Большее число оныхъ имѣютъ подлѣ увеселительныхъ лѣсковъ также открытые увеселительные великолѣпные и частью плодоносные сады, иные съ оранжереями и пр. Домы въ садахъ суть чрезвычайно многообразны; деревянные и каменные, маленькіе и большіе, частію дворцы многоразличнаго образа строенія. Большая часть имѣетъ прекрасный видъ на дорогу, на заливъ и т. д.».

Встарину мачтовыхъ и гигантскихъ деревьевъ по этому тракту росло не мало. Изъ «Академическихъ Вѣдомостей», 1777 г. видно, что въ наводненіи, свирѣпствовавшемъ въ этомъ году, на одной дачѣ, г. Яковлева на Петергофской дорогѣ, было вырвано съ корнемъ болѣе двухъ тысячъ мачтовыхъ деревьевъ. Въ книгѣ М. Чулкова [50]) находимъ, что на десятой верстѣ по этой дорогѣ стояла гигантская липа, вѣтви которой съ отраслями представляли большую бесѣдку, въ которой нерѣдко Петръ Ве-

ликій отдыхалъ со своею свитою. Эта липа у чухонъ считалась священною, подъ нею сжигали бѣлаго пѣтуха и праздновали канунъ Ивана Купалы.

Какъ я уже говорилъ, въ царствованіе Екатерины II важнѣйшіе государственные сановники имѣли свои загородные дома по этой дорогѣ. Граница города въ то время начиналась съ выѣзда, гдѣ стояли построенныя, въ 1784 году, гранитные Тріумфальные ворота. Мѣсто это тогда называлось «у выгоннаго рва», теперь какъ разъ проведенъ тутъ Обводный каналъ [51]). По отнесеніи черты города до рѣчки Таракановки (она же Красная Ольховка), эти ворота были сломаны.

Въ Екатерининское время по лѣвой сторонѣ, у самыхъ Тріумфальныхъ воротъ, стояла великолѣпная усадьба графа Строганова, съ роскошнѣйшимъ англійскимъ садомъ, вѣковые дубы отъ котораго еще уцѣлѣли посейчасъ въ нѣкоторыхъ домахъ по Петергофскому проспекту, начиная съ № 20 до зданія сухопутной таможни.

На дачѣ Строганова, на другой сторонѣ сада, стоялъ большой каменный домъ въ два этажа, съ бельведеромъ. Онъ цѣлъ посейчасъ: въ немъ помѣщается трактиръ Стрѣльна. Въ 1793 году здѣсь жилъ старшій сынъ герцога Бирона Петръ, владѣтельный герцогъ курляндскій, уступившій впослѣдствіи Россіи Курляндію (20-го марта 1795 года). Императрица заплатила Бирону за его помѣстья въ герцогствѣ 500,000 червонцевъ и дала ему еще ежегодную пенсію въ 25,000 червонцевъ.

Петръ Биронъ, по словамъ современниковъ, имѣлъ нравъ «еще погорячѣе отцовскаго». Онъ умеръ въ 1800 году въ своемъ силезскомъ имѣніи «Саганъ»; набальзамированный трупъ его былъ привезенъ въ Митаву, гдѣ, вмѣстѣ съ тѣлами другихъ своихъ родичей, сохраняется непогребеннымъ въ подвалѣ митавскаго замка и, если не ошибаемся, посейчасъ показывается капеланомъ зàмка всѣмъ желающимъ его видѣть. Впослѣдствіи дача Строганова была продана на участки и здѣсь было нѣсколько богатыхъ дачъ, какъ, напримѣръ, сенатора Митусова, Пушкина, Мясникова и другихъ.

По правой сторонѣ дороги существовало до 30-хъ годовъ нѣсколько небольшихъ дачъ, принадлежащихъ разнымъ владѣльцамъ. Теперь здѣсь тянутся лѣсные дворы.

Тріумфальные ворота сперва были временныя, деревянныя, выстроенныя въ 1814 году по рисунку архитектора Гваренги, по случаю возвращенія императорской гвардіи изъ похода. Импе-

раторъ Александръ думалъ на мѣстѣ ихъ поставить каменныя по тому же рисунку. Командиръ гвардейскаго корпуса генералъ Ѳ. П. Уваровъ, въ завѣщаніи своемъ оставилъ 400,000 рублей на сооруженіе такихъ каменныхъ. Петербургское дворянство и купечество на этотъ же предметъ внесло еще сумму въ сто тысячъ рублей, и на эти деньги, въ 1827 году, начаты были работы, окончившіяся только въ августѣ 1834 года; ворота открыты 18-го августа, постройка обошлась съ небольшимъ въ милліонъ рублей ассигнаціями.

Ворота построены изъ гранита съ мѣдною одеждою. Работы производилъ профессоръ Демутъ-Малиновскій; торжественная колесница съ лошадьми отлита барономъ Клодтомъ. Надписи на воротахъ слѣдующія: «Побѣдоносной Россійской Императорской гвардіи признательное отечество, въ 18-й день августа 1834 года, воздвигнуты повелѣніемъ императора Александра Перваго». Съ боковъ выписаны имена полковъ и названія битвъ, въ которыхъ войска принимали участіе.

У самыхъ Тріумфальныхъ воротъ, по лѣвую сторону, черезъ рѣчку, называемую по старымъ планамъ Чичериновкою, стоялъ въ Екатерининское время великолѣпный загородный домъ бывшаго съ 1764 по 1777 годъ петербургскимъ генералъ-полицій-мейстеромъ Ник. Ив. Чичерина.

Домъ Чичерина отличался всѣми барскими затѣями прошлаго времени, здѣсь былъ большой паркъ, пруды, оранжереи и нѣсколько жилыхъ деревянныхъ флигелей, построенныхъ архитекторомъ Кокориновымъ.

Главный деревянный домъ былъ необыкновенно простъ и уютенъ. Державинъ почтилъ послѣдній слѣдующимъ четверостишіемъ:

„Поставленъ домикъ сей суэтъ во избѣжанье
Тебѣ, совѣта мужъ, въ спокойство по трудамъ.
Кто любитъ истину, честь, разумъ, прилежанье —
Симъ добродѣтелямъ воздвигнутъ этотъ храмъ".

Въ 1781 году у него здѣсь жилъ родной его братъ, Денисъ Ивановичъ Чичеринъ, служившій болѣе 18-ти лѣтъ тобольскимъ губернаторомъ; по полученіи отставки въ 1780 году, онъ сперва жилъ на дачѣ у брата, потомъ уѣхалъ въ свое орловское имѣніе село Ильинское. Чичеринъ долго пользовался довѣренностью Екатерины II, но впалъ въ немилость за самовольное израсходованіе милліона восьмисотъ тысячъ рублей сверхъ опредѣленныхъ ста тысячъ рублей мѣдною монетою изъ Екатеринбурга,

во время большого голода въ Сибири. Чичеринъ былъ начальникъ строгій, но справедливый, терпѣть не могъ ябедниковъ и всячески послѣднихъ преслѣдовалъ, но никогда никому не дѣлалъ зла; хотя и былъ очень вспыльчивъ, но гнѣвъ его не былъ продолжителенъ и онъ тотчасъ же искалъ случая помириться и сдѣлать что нибудь хорошее тому, кого оскорбилъ своею горячностью. Чичеринъ вставалъ въ четыре часа утра и сейчасъ принимался за работу; часто, даже когда у него пировали гости, онъ уходилъ въ кабинетъ работать, и появлялся опять только къ ужину. Народъ его иначе не называлъ, какъ «батюшкой» и «отцомъ роднымъ».

Исторіографъ Сибири А. Словцовъ говоритъ про Чичерина: требуя отъ городовъ порядка, отъ купцовъ честнаго торга, отъ посадскихъ ремеслености, отъ крестьянъ расчистки земель и доброй распашки, отъ чиновниковъ исполнительности, онъ неослабно преслѣдовалъ противныя тому нарушенія. По крутости характера, праводушный начальникъ легко выходилъ за предѣлы власти; но при самоуправствѣ, которое дѣлало его страшнымъ въ народной молвѣ страны, онъ скоро смягчался, въ бесѣдѣ любезничалъ, любилъ веселое препровожденіе времени, давалъ бальные вечера, ѣздилъ на охоту, какъ дворянинъ своего времени, и сообразно требованію времени отправлялъ торжественныя дни съ великолѣпіемъ и пышностію. Имя Чичерина какъ классическое, сохраняется въ памяти Сибири. Въ его губернаторство лѣтомъ, по отбитіи барабана, такъ оканчивалась вечерняя заря: въ виду губернаторскаго дома становилась капелла музыкальная и, когда все затихало, разносилось надъ городомъ усладительное, изъ кларнетовъ и скрипокъ, оживляемое теноромъ или альтомъ пѣніе божественнаго стиха: «О Всепѣтая Мати».—Этотъ обычай былъ отголоскомъ набожного царствованія Елисаветы.

Чичеринъ былъ красавецъ мужчина, очень ловкій и обходительный, любилъ, когда у него пировали, и никогда не садился за столъ безъ 30 или 40 человѣкъ гостей. Жилъ очень открыто какъ во время губернаторства, такъ и послѣ въ отставкѣ. Въ праздники и торжественные дни ходилъ съ азіатскою пышностью по улицамъ, сопутствуемый огромною дворнею человѣкъ въ сто и болѣе, самъ облеченный въ мантію ордена св. Александра Невскаго, съ скороходами, гусарами впереди, а въ концѣ кортежа съ гайдуками. Такой торжественный выходъ, въ день освященія приходской его церкви св. великомученицы Екатерины у Калинкина моста, чтò у фуражнаго двора, навлекъ на

него немилость императрицы — многочисленные его завистники и враги при дворѣ представили это императрицѣ какъ знакъ его неограниченнаго властолюбія. Чичеринъ умеръ въ деревнѣ 65 лѣтъ, страдая нелюдимостью и отшельничествомъ.

Впослѣдствіи дача Чичерина принадлежала богатому заводчику г. Маничару, затѣмъ отъ него купилъ ее сенаторъ А. Нелидовъ, который и выстроилъ существующій посейчасъ каменный домъ. Послѣ него дачей владѣлъ П. И. Пономаревъ, отъ него она перешла въ родъ его сестры, г-жи Сивковой; въ шестидесятыхъ годахъ здѣсь славился ресторанъ г-жи Доротъ, съ великолѣпнымъ зимнимъ садомъ и ледяными горами.

Вблизи этого загороднаго дома встарину стояла дача богача графа П. М. Скавронскаго, внучатнаго брата императора Петра III, молодого вельможи, страстнаго меломана, окруженнаго вѣчно музыкантами и пѣвцами.

По разсказамъ современниковъ, прислуга съ нимъ иначе не разговаривала, какъ речитативами, получая приказанія изъ устъ графа тоже въ музыкальной формѣ. Во время обѣдовъ и ужиновъ графскіе слуги исполняли дуэты, тріо и квартеты, изъ оранжерей и дальнихъ комнатъ неслись торжественные хоры и т. д. Графъ былъ женатъ на извѣстной красавицѣ Энгельгардтъ, племянницѣ Потемкина. Скавронскій умеръ въ молодыхъ лѣтахъ; послѣ него остались двѣ дочери, вышедшія одна за славнаго своими военными подвигами генерала П. И. Багратіона, другая за сына с.-петербургскаго военнаго губернатора въ царствованіе Павла I, графа Палена — извѣстнаго тогда вѣстника царской опалы, въ видѣ высылки изъ Петербурга и т. д. При объявленіи подобныхъ царскихъ немилостей графъ придумалъ для высшаго общества особенную форму, выражавшуюся приглашеніемъ на «стаканчикъ отличнаго лафита». Получившій такое приглашеніе, уже зналъ свою печальную участь и безъ дальнихъ проволочекъ отправлялся въ дальній путь.

У графа Скавронскаго былъ превосходный домъ въ Большой Милліонной улицѣ, теперь составляющій собстенность министерства финансовъ.

Графиня Ек. Васил. Скавронская, по смерти мужа, лѣтъ 30-ти, вышла замужъ за извѣстнаго мальтійскаго рыцаря, графа Юрія Помпеевича Литта; графъ вступилъ въ бракъ вопреки орденскимъ правиламъ, хранящимъ свято обѣтъ безбрачія. По связямъ и знатности этотъ вельможа занималъ первое мѣсто въ царствованія Павла и Александра I; онъ владѣлъ несмѣтнымъ бо-

гатствомъ и имѣлъ колоссальную фигуру и вполнѣ царскую величественную осанку. Графъ считался самымъ любезнымъ и пріятнымъ вельможей во всѣхъ салонахъ высшаго петербургскаго общества.

Дача Скавронскаго затѣмъ принадлежала графу Воронцову и послѣ него купцу Северину. Обширный садъ этой дачи простирался отъ правой стороны дороги вплоть до залива. Рядомъ съ ней шли дачи статской совѣтницы Убри, купца Бетлинга и моднаго женскаго пансіона въ Екатерининское время г-жи Палміеръ.

Изъ большихъ усадьбъ на той же правой сторонѣ дороги стояла мыза извѣстнаго сибирскаго губернатора Ѳ. И. Соймонова, послѣ него дача принадлежала генералъ-маіору Измайлову. Племянникъ этого Измайлова былъ извѣстенъ въ Рязанной губерніи своимъ самоуправствомъ и безчинствами всякаго рода. Онъ долго наводилъ страхъ на своихъ сосѣдей, уѣздныхъ властей и своихъ дворовыхъ. Измайловъ извѣстенъ былъ такъ же какъ страстный борзятникъ. Послѣдняя страсть у него была такъ сильна, что онъ промѣнялъ четырехъ дворовыхъ людей, служившихъ ему по 30 лѣтъ, на четыре борзыя собаки.

Намекъ про это находимъ у Грибоѣдова въ «Горе отъ ума». Измайловъ за малѣйшіе проступки наказывалъ безчеловѣчно плетьми, сверхъ того содержалъ людей въ ручныхъ и ножныхъ желѣзахъ на стѣночныхъ цѣпяхъ и заклепанныхъ на шеѣ желѣзныхъ рогаткахъ. Такихъ рогатокъ у него было болѣе двухъ сотъ и многіе ходили въ нихъ по году и болѣе. У Измайлова былъ гаремъ, въ которомъ содержалось до 30-ти дѣвушекъ, запертыхъ днемъ и ночью; онѣ лишены были всякаго сообщенія даже съ родственниками. Во время выѣздовъ барина гаремъ слѣдовалъ за нимъ. Въ 1827 году Измайловъ былъ старикъ и лѣтъ восемь какъ лежалъ въ подагрѣ, лишенный употребленія рукъ и ногъ. Его носили на рукахъ, и если въ это время онъ, бывало, почувствуетъ малѣйшее безпокойство, то обвинялъ въ томъ носившихъ и приказывалъ сѣчь ихъ безъ пощады плетьми. Въ 1827 году надъ Измайловымъ было назначено слѣдствіе и въ 1830 году онъ былъ высланъ за жестокое обращеніе съ людьми на жительство въ Рязань безвыѣздно; поступки же его, какъ видно было изъ веденнаго слѣдствія, не казались рѣзкими въ то время въ окружающей его средѣ дворянъ и Измайловъ во время слѣдствія находилъ себѣ защиту у послѣднихъ.

Дача Измайлова стояла у самой дороги, передъ домомъ былъ большой прудъ съ перевозомъ, а позади дома шелъ большой красивый паркъ съ каналами, дорожками, храмами, бесѣдками, пробиравшимися до взморья. На берегу послѣдняго стояло еще два деревянныхъ дома.

Петергофская дорога издавна также была любимымъ дачнымъ мѣстожительствомъ рода Нарышкиныхъ. Здѣсь жили Александръ Львовичъ Нарышкинъ, племянникъ царицы Наталіи и двоюродный братъ Петра Великаго, котораго государь иначе не называлъ, какъ «Львовичемъ», затѣмъ Семенъ Григорьевичъ, генералъ-адъютантъ Петра, Семенъ Кириллычъ, превосходно образованный царедворецъ, умершій въ 1775 году, извѣстный также Александръ Александровичъ, умершій въ 1795 году послѣ пятидесятилѣтней службы нѣсколькимъ монархамъ. Затѣмъ здѣсь же были роскошнѣйшія дачи Льва Александровича, блистательнаго царедворца временъ Екатерины II, и остроумнаго сына его Александра Львовича.

Изъ барскихъ усадьбъ рода Нарышкиныхъ особенно были роскошны здѣсь двѣ: дача «Левендаль»—Льва Александровича, о которомъ мы будемъ говорить ниже, и дача Александра Александровича, подъ названіемъ «Красная мыза» или «Ба! Ба!» Красная мыза лежала на четвертой верстѣ отъ Петербурга; по лѣвую сторону дороги стоялъ деревянный домъ съ деревнею, построенный въ голландскомъ вкусѣ; по правую же сторону тянулся почти на версту, до самаго взморья, англійскій паркъ съ островами, бесѣдками, круглымъ храмомъ, качелями, кеглями и т. п.; на каналахъ были плоты, гондолы и плавали пеликаны, лебеди и другія водяныя птицы.

По воскресеньямъ сюда собиралась на гулянье публика, для которой играла музыка и подавались прохладительные напитки и прочія сладости. Мыза принадлежала собственно женѣ Нарышкина, Аннѣ Никитишнѣ, урожденной княжнѣ Трубецкой [52]). Послѣдняя была въ большой дружбѣ съ императрицею Екатериною II. Государыня въ 1788 году приказала тайно, безъ вѣдома хозяевъ, въ саду ихъ поставить мраморную колонну, въ память своей пріязни къ ихъ дому. Поэтъ Державинъ написалъ къ ней прозой такъ называемымъ лапидарнымъ слогомъ слѣдующія слова [53]):

„Сей
Свыше даръ
и
Нашей радости
Предметъ неизреченный!“

Алек. Алек. Нарышкинъ (род. 1726 г., † 1795 г.) служилъ гофмаршаломъ Петра III до восшествія его на престолъ. Затѣмъ при Екатеринѣ былъ сенаторомъ, дѣйствительнымъ камергеромъ, оберъ-шенкомъ и андреевскимъ кавалеромъ. А. А. Нарышкинъ разсказывалъ, что во время его придворнаго служенія кто-то преслѣдовалъ его просьбами о зачисленіи въ дворцовую прислугу.

Киріяново, дача княгини Дашковой.

— Нѣтъ вакансіи, отвѣчали ему.

— Да пока откроется вакансія, говорилъ проситель,—опредѣлите меня къ смотрѣнію хотя за какою нибудь канарейкою.

— Что же изъ этого будетъ?—спросилъ Нарышкинъ.

— Какъ что? Все-таки будетъ при этомъ чѣмъ прокормить себя, жену и дѣтей.

Онъ же разсказывалъ, что одинъ камеръ-лакей, при выходѣ въ отставку, просилъ за долговременную и честную службу оставить его «не въ примѣръ другимъ» арапомъ. Тогда жалованье, получаемое арапами, было выше прочей прислуги.

Подлѣ дачи Нарышкина стояла дача княгини Екатерины Романовны Дашковой «Киръ и Анова», или, вѣрнѣе, «Киръ и Іоаннова», названная такъ княгинею въ честь святыхъ безсребренниковъ и чудотворцевъ Кира и Іоанна, въ день празднованія которыхъ, 28-го іюня, императрица Екатерина II вступила на престолъ. По описанію Георги [54]), дача простиралась по большой дорогѣ на 100 саженъ и отъ оной до залива. «Она была смѣшанный, болотный лѣсъ, и приведена въ нынѣшнее состояніе самою княгинею безъ помощи архитектора или садовника какъ въ заложеніи, такъ и въ точномъ исполненіи всѣхъ предпріятій. Знатныя каменныя строенія составляютъ съ флигелями открытый дворъ, до большой дороги простирающійся, и при оной различными деревьями насажденный. Подлѣ строеній находился плодоносный садъ съ теплицами. Позади строеній есть смѣшанный лѣсъ съ большимъ лугомъ, подлѣ ручейка и канавъ, окружающихъ также небольшой островъ съ банею. Въ лѣсу идутъ прямыя и извивающіяся дорожки къ морскому заливу, при которомъ находятся два каменные дома и между обоими главный входъ».

Е. Р. Дашкова говоритъ въ своихъ мемуарахъ, что «мѣсто, гдѣ стояла ея дача, было подарено Петромъ III одному гольштинскому генералу, но онъ отказался отъ своего новаго владѣнія, не имѣя терпѣнія разработывать болотистое мѣсто. Позднѣе, въ числѣ прочихъ, эта земля была предложена мнѣ; но недостатокъ денежныхъ средствъ для самыхъ необходимыхъ расходовъ заставилъ было меня отказаться отъ нея, подобно гольштинскому генералу. Впрочемъ, отецъ мой, желая, чтобы я приняла ее, предложилъ построить здѣсь домъ на собственный свой счетъ. Около этого времени, говоритъ княгиня, въ Петербургѣ случилось быть до сотни крестьянъ, принадлежавшихъ моему мужу; имъ позволялось въ извѣстное время года работать на самихъ себя; эти добрые мужики вызвались поработать четыре дня сряду въ моемъ новомъ владѣніи, и потомъ каждый праздникъ поочереди продолжать свой трудъ. Съ помощью ихъ и были прорѣзаны канавы, поднята почва» и т. д. По преданію, Дашкова заставляла даже своихъ гостей помогать при постройкѣ этой дачи — и нерѣдко въ угоду ей молодыя дѣвушки носили кирпичи, а молодые люди мяли глину лопатами. «Но, не смотря на то, что я начинала любить свое первое поземельное пріобрѣтеніе, говорила Дашкова,—я не хотѣла дать ему названіе до тѣхъ поръ, пока не освящу его именемъ того святого, въ день

котораго увѣнчается успѣхомъ наше политическое предпріятіе».

Дашкова жила на своей дачѣ осенью 1782 года послѣ возвращенія изъ-за границы.

Однажды императрица спросила ее:

— Неужели она живетъ до сихъ поръ за городомъ? Жить въ такую позднюю осень и притомъ въ холодномъ домѣ, недавно затопленномъ водою, очень вамъ опасно для здоровья, говорила государыня.

Дача Дашковой, какъ замѣтила она при этомъ разговорѣ, была чистое болото, очень способное для развитія ревматизма.

Дашкова, какъ сама сознается, жила на дачѣ, чтобы избѣжать лишнихъ расходовъ на наемъ квартиры. Извѣстно, что княгиня была очень разсчетлива, — она подъ конецъ своей жизни занималась даже тѣмъ, что выдавала ссуды подъ закладъ помѣщичьихъ имѣній, взимая за это весьма не аристократическіе проценты.

Мы видѣли цѣлую переписку княгини съ помѣщицей Какуриной изъ-за подобнаго долга. Дѣлами по части ссудъ у ней завѣдывалъ камергеръ графъ Сантисъ.

Въ концѣ царствованія Екатерины II, дача княгини Дашковой отдавалась въ наймы, на ней жило семейство князя Шаховскаго, жена котораго, княгиня Е. Б. Шаховская, молодая 23-лѣтняя женщина, здѣсь отравилась мышьякомъ. Такая печальная кончина княгини въ тогдашнемъ высшемъ обществѣ надѣлала много шуму и возбудила много толковъ, но вскорѣ послѣдовавшая затѣмъ кончина императрицы Екатерины II прекратила всѣ тѣ разговоры, которые занимали тогдашнюю публику.

Дача Дашковой, по смерти княгини, перешла, по духовному завѣщанію, къ сыну ея двоюроднаго брата Ив. Илар. Воронцову-Дашкову. Впослѣдствіи дача Киріянова принадлежала графинѣ Заводовской. Существуетъ преданіе, что на этой дачѣ графъ Заводовскій, въ припадкѣ умопомѣшательства, заложилъ въ стѣнѣ или зарылъ въ землѣ всѣ свои фамильные брилліанты.

По другимъ разсказамъ, эти драгоцѣнности были найдены однимъ купцомъ и находка послужила началомъ его теперь значительныхъ богатствъ.

На бывшей дачѣ княгини Дашковой теперь помѣщаются оранжереи г. Ушакова.

Подлѣ дачи Дашковой, по правой сторонѣ, стояла дача Мордвинова; послѣ эта дача принадлежала купцу Болину. Здѣсь нѣ-

когда помѣщался трактиръ «Марьина роща», гдѣ пѣли цыгане и давались праздники въ сороковыхъ годахъ.

Изъ уцѣлѣвшихъ старыхъ барскихъ домовъ на этой дорогѣ сохранился деревянный домъ Александровскаго времени на дачѣ Львова, да еще цѣла постройка тѣхъ же годовъ, гдѣ ресторанъ «Ташкентъ». Послѣдняя дача была построена оберъ-секретаремъ сената Галлеромъ, въ началѣ царствованія императора Николая. На этой дачѣ жилъ владѣлецъ безвыѣздно; по смерти его, дѣти давали здѣсь роскошные праздники, на которыхъ пѣли итальянцы и давались цѣлые акты балетовъ.

Слѣдуя по Петергофской дорогѣ, на десятой верстѣ, бывшей седьмой, у поворота существуетъ посейчасъ «Красный кабачекъ», извѣстный еще во времена Петра Великаго. Указомъ отъ 16-го ноября 1706 года, государь жалуетъ мѣстность у кабачка со всѣми угодьями въ потомственное владѣніе толмачу Семену Иванову «за его службу, раны, полонное терпѣніе и за уходъ изъ полону».

Рядомъ съ кабачкомъ въ эту эпоху заселяется слобода вологодскихъ ямщиковъ и, какъ на самомъ бойкомъ трактѣ, ставится домъ для пріѣзда царя и военныхъ чиновъ. 27-го мая 1710 года Петръ, съ знатными особами и посланниками, здѣсь встрѣчаетъ князя Меншикова и торжественно съ нимъ возвращается въ Петербургъ. Въ 1713 году Петръ отдаетъ этотъ домъ толмачу Семену, съ правомъ въ немъ устроить вольный домъ (трактиръ) по нѣмецкому обычаю и торговать водкой и табакомъ. Вотъ указъ на право владѣнія, выданный царемъ въ Кроншлотѣ іюня 7-го: «Свободенъ толмачъ и земля, данная ему, отъ всѣхъ нарядовъ, а вино, отпускаемое изъ казны; гдѣ бы ни было тотъ же доходъ; построенный домъ держать для пріѣздовъ; вмѣсто прибавки жалованья, отпускать въ каждый годъ изъ оставшаго отъ продажи табаку по десяти пудъ; держать, продавать ему не запрещать и денегъ въ казну не брать, кромѣ вина. Г. полковнику Декулону отмежевать землю въ гору, тоже отъ проложенной дороги, теперь въ межень до воды морской».

Въ 1714 году толмачу Семену было отмежевано отъ дороги къ морю 1,040 саж., отъ той же дороги въ гору 1,000 саж., а поперегъ 100 саж. [55]). Семенъ на своей землѣ заторговалъ на славу. Въ 1733 году генералъ-полиціймейстеръ В. Ѳ. Салтыковъ принудительно [56]) купилъ у наслѣдниковъ толмача «Красный кабачекъ» за 600 р. Воля царя, даровавшаго землю безъ права продажи и заклада, была забыта — «бѣдные наслѣдники лишены отцовскаго наслѣдія».

Въ царствованіе Елисаветы на просьбу наслѣдниковъ, государыня приказала отобрать землю отъ Салтыкова и отдать наслѣдницѣ Дарьѣ Казанцевой (указъ 4-го декабря 1748 года), въ данной на землю уже была написано, что «она-то приморское мѣсто Красный кабачекъ, ежели кому хочетъ добровольно продать, въ томъ ей запрещенія не чинить и въ письмѣ купчей позволить». Въ 1785 году отъ наслѣдницъ покупаетъ Красный кабачекъ оберъ-прокуроръ сената Самойловъ и въ слѣдующемъ году сынъ Самойлова продаетъ его за 10,000 рублей герцогинѣ Кингстонъ. Императрицѣ Екатеринѣ Красный кабачекъ особенно былъ памятенъ: тамъ она отдыхала въ ночь съ 28-го на 29-е іюня, на походѣ къ Петергофу, лично предводительствуя только что присягнувшею гвардіею.

Позднѣе императрица, въ 1792 году, вспоминая случайныя и мелочныя обстоятельства тѣхъ дней, приказала В. С. Попову выправить и увѣдомить ее, «какая за состоявшимся въ 1748 году, декабря въ 4-й день, именнымъ указомъ о пожалованіи Дарьѣ Казанцевой дачи Краснаго кабачка, взята была въ тотъ же день въ кабинетѣ съ нея, Казанцевой, подписка и по поводу какого повелѣнія сіе учинено».

Красный кабачекъ герцогиня Кингстонъ пріобрѣла во второй свой пріѣздъ въ Петербургъ, въ 1786 году. Герцогиня Кингстонъ, извѣстная богатая авантюристка, пріѣхала въ Петербургъ въ первый разъ въ 1776 году. Первый пріѣздъ Кингстонъ отличался необыкновенною пышностью. Герцогиня прибыла на собственной богатой яхтѣ и остановилась на Невѣ, не въ дальнемъ разстояніи отъ Зимняго дворца.

Появленіе герцогини возбудило въ тогдашнемъ обществѣ много разговоровъ, всѣ «знатныя обоего пола» персоны спѣшили, по приглашенію герцогини, осматривать яхту, отличавшуюся необыкновенною роскошью и изяществомъ отдѣлки; въ городѣ про яхту ходила молва, какъ о какомъ-то невиданномъ еще чудѣ. Герцогиня на яхтѣ принимала гостей, разсказывая каждому, что она рѣшилась предпринять такое дальнее путешествіе единственно для того, чтобы хоть разъ въ жизни взглянуть на великую монархиню, славою которой наполнена вся вселенная.

Екатерина приняли знаменитую путешественницу чрезвычайно привѣтливо, также и весь дворъ и вся знать послѣдовала этому примѣру; въ свою очередь и герцогиня отвѣтила тѣмъ же, давая почти ежедневно обѣды и ужины на своей яхтѣ.

Когда сильная буря повредила стоявшую на якорѣ на Невѣ ея яхту, императрица приказала, безъ вѣдома ея, произвести исправленіе яхты на казенный счетъ, а герцогиню отвезти въ одинъ изъ лучшихъ домовъ въ Петербургѣ. Герцогиня видомъ была красавица и обладала острымъ и игривымъ умомъ.

Баронесса Оберкирхъ, видѣвшая ее въ старости, говоритъ: что она сохранила еще слѣды поразительной красоты и выступала какъ богиня, и что никто не могъ такъ поклониться величественно, какъ герцогиня; въ тогдашнемъ петербургскомъ высшемъ обществѣ она была самою желанною и видною гостьею. На балахъ Кингстонъ появлялась осыпанная драгоцѣнными камнями, съ герцогскою короною на головѣ; въ Петербургѣ всѣ ее считали владѣтельною особою и говорили о ея баснословныхъ и несмѣтныхъ богатствахъ.

На одномъ изъ праздниковъ, данныхъ императрицѣ герцогиней, находилось одной только прислуги около 140 человѣкъ. Черезъ десять лѣтъ герцогиня во второй разъ посѣтила Петербургъ и не нашла уже такого дружескаго пріема. Герцогиня очень любила Петербургъ и даже выразила въ своей духовной, что если она умретъ по близости этого города, то чтобы ее непремѣнно похоронили въ Петербургѣ, такъ какъ она желаетъ, чтобы прахъ ея покоился въ томъ мѣстѣ, куда при жизни постоянно стремилось ея сердце.

Герцогиня умерла въ Сентъ-Ассизѣ скоропостижно въ 1788 г., на 69 году. Нѣкоторую часть своего состоянія она завѣщала русскимъ своимъ знакомымъ. Фаворитъ ея, полковникъ Гарновскій, унаслѣдовалъ всѣ ея богатыя петербургскія недвижимости — въ числѣ которыхъ и мызу «Красный кабачекъ». Императрицѣ Екатеринѣ II герцогиня завѣщала свой драгоцѣнный головной уборъ изъ брилліантовъ, жемчуга и разныхъ драгоцѣнныхъ камней.

Въ 1805 году, когда поэтъ Державинъ былъ министромъ юстиціи, онъ помогъ своему врагу Гарновскому продать «Красный кабачекъ»; послѣднему его многочисленные заимодавцы не позволяли продавать этого имѣнія.

Трактиръ «Красный кабачекъ», въ 1806 году, славился своими вафлями, музыкой, ледяными горами и другими удовольствіями. Въ сороковыхъ годахъ слава его начинала падать, но въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, когда здѣсь устраивала танцовальные вечера г-жа Кесенихъ съ прохладительными питіями, она была вновь возстановлена, вмѣстѣ съ строеніями этого трактира.

Въ шестидесятыхъ годахъ въ одной изъ комнатъ этого трактира на стѣнѣ прибита была мѣдная дощечка съ отмѣткою дней,

когда здѣсь останавливались во время пути императоры: Александръ I и Николай I. Подлѣ кабака по другую сторону рѣчки къ Петербургу находится деревенское кладбище, выведенное отъ Ульянской церкви по просьбѣ вологодскихъ ямщиковъ въ 1776 году; прежде здѣсь былъ редутъ, остатки котораго сохраняются посейчасъ. По лѣвой сторонѣ дороги, въ Елисаветинское время, вблизи «Краснаго кабачка», стояла на возвышенной мѣстности усадьба лейбъ-медика императрицы графа Лестока,—въ усадьбѣ былъ очень красивый деревянный двухэтажный домъ. Затѣмъ эта дача принадлежала наслѣдникамъ Маріи Павл. Нарышкиной,

Гулянья подъ качелями.

рожд. Балкъ-Полевой, супругѣ извѣстнаго щеголя своего времени Сем. Кир. Нарышкина.

Рядомъ съ этой дачей стояла роскошная барская мыза оберъшталмейстера императрицы Льва Александр. Нарышкина, подъ названіемъ «Левендаль» или просто, какъ ее тогда называли: «Га! Га!» Этотъ прекрасный садъ, со всѣми затѣями прихотливаго вельможи, отъ дороги шелъ до взморья. Онъ былъ открытъ для публики всегда; при входѣ въ садъ висѣла на воротахъ доска съ приглашеніемъ всѣхъ городскихъ жителей воспользоваться свѣжимъ воздухомъ и прогулкою въ саду: «для

разсыпанія мыслей и соблюденія здоровья». Извѣстный острякъ Екатерининской эпохи генералъ С. Л. Львовъ говорилъ про дачу Нарышкина, что для того, чтобы вымести ее два раза, должно расквитаться съ обыкновеннымъ дворянскимъ имѣніемъ.

Садъ Нарышкина былъ въ англійскомъ вкусѣ, съ прудами, ручейками, каскадами, съ большимъ храмомъ, съ китайскимъ домикомъ, съ русской и голландской избами, съ жилищемъ пустынника и другими затѣями. Передъ роскошнымъ дворцомъ стоялъ мраморный столбъ, наверху котораго былъ двуглавый орелъ, съ вензелевымъ именемъ императрицы, внизу, на подножіи изъ дикаго камня, была на мѣдныхъ доскахъ слѣдующая надпись: «сей, изъ обрѣтеннаго въ Сибири мрамора, сдѣланный и отъ всещедрыя государыни Екатерины Вторыя въ даръ полученный столбъ, въ незабвенный знакъ своея къ ея величеству благодарности, на семъ мѣстѣ поставилъ Левъ Нарышкинъ, лѣта въ кое россійскій флотъ прибылъ въ Морею и истребилъ турецкія морскія силы». Про самого хозяина Екатерина II говорила, что никто не заставлялъ ее такъ смѣяться, какъ Нарышкинъ, и что онъ отличается необыкновеннымъ комическимъ талантомъ. Нарышкинъ, по своему званію, всегда сидѣлъ въ императорской каретѣ, и чтобы забавлять государыню, какъ говорили тогда иностранцы, онъ будто бы бралъ уроки у французскаго актера Рено.

Нарышкинъ не нуждался въ урокахъ, скорѣе всего всѣ его острые отвѣты и каламбуры присвоивались многими, какъ свои собственные. При всѣхъ своихъ шуткахъ, Нарышкинъ не снисходилъ до шутовства, а всегда былъ важнымъ и знатнымъ бариномъ. Нарышкинъ своимъ присутствіемъ оживлялъ дворъ; на одномъ придворномъ балѣ государыня сдѣлала ему выговоръ. Нарышкинъ ушелъ и забрался на хоры къ музыкантамъ, Екатерина не разъ посылала за нимъ, но онъ отказывался сойти въ залу, говоря, что ему невозможно показаться въ залѣ съ намыленной головой. Бантышъ-Каменскій говоритъ: когда при императорѣ Павлѣ состоялось повелѣніе, чтобы президенты присутственныхъ мѣстъ непремѣнно засѣдали тамъ, гдѣ состоятъ на службѣ, Нарышкинъ пріѣхалъ въ конюшенную контору.

— Гдѣ мое мѣсто?—спросилъ онъ.

— Здѣсь, отвѣчалъ секретарь, указывая на президентское кресло.

— Видно, мой предшественникъ очень уважалъ это мѣсто, замѣтилъ Нарышкинъ,—что не смѣлъ опускаться въ кресло. Къ нему нельзя подойти, на немъ слой пыли.

— Болѣе десяти лѣтъ на немъ никто не сидѣлъ, кромѣ кота, который тутъ же и спитъ, отвѣчали ему.

— Такъ, стало быть, мое мѣсто занято и мнѣ нечего дѣлать, сказалъ Нарышкинъ и уѣхалъ.

Графъ Сегюръ въ своихъ запискахъ говоритъ, что «въ домѣ его раздавались радостные клики, громкій хохотъ, шумъ пиршества, громъ музыки; цѣлый день тутъ ѣли, смѣялись, пѣли, танцовали; каждый могъ являться безъ приглашенія, уѣзжать не прощаясь. Изъ сего вмѣстилища удовольствій и сборнаго мѣста сердецъ пылкихъ, чувствительныхъ, всякая неволя была изгнана», и т. д.[1]

Императоръ Іоаннъ Антоновичъ.

Въ дневникѣ Храповицкаго находимъ, что эти вечера иногда посѣщала и государыня. Но особенно роскошный маскарадъ далъ Нарышкинъ Екатеринѣ, на своей приморской дачѣ, 29-го іюля 1772 года.

Въ этотъ день, съ трехъ часовъ дня, какъ пишетъ репортеръ того времени въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1772 г.: «Въ предписанную рощу какъ благородство, такъ и гражданство въ великомъ множествѣ начали собираться». Въ седьмомъ часу императрица пріѣхала изъ Петергофа «со всего двора своего свитою». При приближеніи государыни къ дачѣ, заиграла музыка на трубахъ и литаврахъ въ горной китайской бесѣдкѣ, стоявшей при входѣ въ рощу. Государыня, посидѣвъ немного въ комнатахъ, пошла вмѣстѣ съ хозяиномъ въ рощу, съ ней вмѣстѣ былъ и наслѣдникъ престола. Въ рощѣ каждое мѣсто было разнообразно украшено. На островѣ, гдѣ стояли прежде качели и другія игры, происходили разныя театральныя представленія. Гуляя по саду, государыня незамѣтно вступила въ густоту дремучаго лѣса, въ глубинѣ котораго находилась глубокая пещера, мхомъ и дерномъ обросшая; наверху пещеры лежали плоды и цвѣты. При осмотрѣ послѣдней, государыня вдругъ услышала пастушечью свирѣль. Слѣдуя къ голосу свирѣли, Екатерина подошла къ холму, покрытому цвѣтами, на верху холма стояла пастушечья хижина, у подножія холма виднѣлись пастухи съ стадами овецъ и пастушки, собирающія цвѣты. Какъ скоро послѣднія увидали государыню, музыка вдругъ умолкла и двѣ изъ нихъ, Филлида и Лиза (двѣ дочери хозяина—Наталья и Катерина Нарышкины), съ посохами въ рукахъ, увитыми цвѣтами, пораженныя прибытіемъ такой дорогой гостьи, спѣшили сойти на долъ и пригласить царицу въ свою хижину. Государыня, внявъ усердному ихъ зову, пошла къ ихъ хижинѣ.

Но тутъ гора, къ которой подходила императрица, вдругъ разступилась и вмѣсто хижины открылся огромный и великолѣпный храмъ побѣды, выстроенный о двухъ покояхъ, входъ въ него былъ съ двухъ сторонъ. При дверяхъ каждаго входа стояли статуи, представляющія побѣды на морѣ и на сухомъ пути, торжествующимъ оружіемъ ея величества одержанныя. Въ срединѣ сводовъ виденъ былъ орелъ съ распростертыми крыльями, на груди у него былъ вензель государыни, а въ когтяхъ—свитокъ съ надписью: «Екатеринѣ II побѣдительницѣ».

Этотъ храмъ окружали два перехода, наполненные вооруженными ратниками. Столбы храма были увиты лаврами и паль-

мами и другими трофеями, глава храма украшена огненными сосудами. Слава, съ трудомъ стоящая на вершинѣ, возглашала вселенной торжество побѣдоноснаго оружія Екатерины II. Какъ только государыня вступила въ храмъ, геній побѣды съ лавровымъ вѣнкомъ встрѣтилъ царицу. Затѣмъ раздался выстрѣлъ изъ пушки и передъ очами Екатерины открылся цѣлый рядъ живыхъ картинъ; первая картина изображала взятіе Хотина 9-го сентября 1769 года, надъ городомъ и войскомъ въ сіяніи геній держалъ надпись: «Сопротивленіе было бы тщетно». Вторая картина изображала: «Сраженіе при рѣкѣ Ларгѣ 7-го іюля 1770 года; сидящая въ облакахъ «Слава» гласила: «Не симъ однимъ окончится»; третья картина была сраженіе и побѣда при рѣкѣ Кагулѣ 21-го іюля 1770 года. Здѣсь Минерва въ небесахъ держала свитокъ со словами: «Число преодолѣно храбростью»; четвертая картина изображала оттоманскій флотъ, сожженный при Чесмѣ 24-го іюня 1770 года. Тутъ былъ виденъ въ воздухѣ парящій орелъ, испускающій молнію, со словами на свиткѣ: «Небывалое исполнилось»; пятая картина представляла взятіе Бендеръ 16-го сентября 1770 года. Здѣсь видна была на тверди небесной, испещренной звѣздами, богиня Беллона, мечущая на городъ стрѣлы; въ одной рукѣ она держала горящій факелъ, а въ другой хартію съ надписью: «Что можетъ постоять?» Шестая картина изображала покореніе Кафы и всего Крыма въ 1771 году. «На высотѣ зрится Слава, держащая въ рукахъ лавры для увѣнчанія россійскихъ героевъ. Крымъ, веселящійся владычествомъ премудрыя обладательницы, изъявляетъ свою радость сими на свиткѣ написанными словами: «Коль сладокъ нынѣ жребій мой».

Просмотрѣвъ всѣ эти картины, государыня отправилась въ Китайскій домикъ, гдѣ пила прохладительные напитки и слушала китайскія мусикійскія игры. Затѣмъ государыня отправилась въ домъ, гдѣ былъ сервированъ ужинъ съ дессертомъ изъ рѣдчайшихъ плодовъ. Ужинало въ комнатахъ 80 персонъ и болѣе 2,000 лицъ угощаемы были по разнымъ бесѣдкамъ сада.

Всѣ зданія, какъ роща и ограды, были освѣщены налитыми воскомъ глиняными и стеклянными сосудцами, а также и разноцвѣтными слюдяными и другими фонарями.

По окончаніи ужина и по возвращеніи императрицы въ рощу, былъ сожженъ на лугу, на берегу рѣки, именуемой «Красной», фейерверкъ, щитъ котораго представлялъ Астрею, возвращающую золотой вѣкъ: въ одной рукѣ держала она вѣсы равенства,

а въ другой рогъ изобилія; внизу были видны пастухи, спокойно веселящіеся и удаляющіеся отъ нихъ, въ видѣ фурій, несогласія и раздора.

По сгорѣніи щита, пущено было нѣсколько тысячъ ракетъ и увеселительныхъ огненныхъ шаровъ, причемъ было зажжено нѣсколько огнемечущихъ колесъ и т. д. Государыня уѣхала отъ Нарышкина въ часъ ночи въ Петергофъ, а наслѣдникъ Павелъ Петровичъ оставался до трехъ часовъ ночи. При отъѣздѣ августѣйшихъ особъ произведена была пушечная пальба.

Праздники и балы, даваемые Нарышкинымъ, были великолѣпны. Существуетъ анекдотъ, что разъ императоръ Александръ I спросилъ его:

— Что тебѣ стоитъ сегодняшній балъ?

— Бездѣлицу, ваше величество, всего тридцать рублей на гербовую бумагу, отвѣчалъ Нарышкинъ.

Государь какъ-то сказалъ Нарышкину, зная, что онъ боится смерти:

— Я такъ тобою доволенъ сегодня, что если ты умрешь, то я прикажу тебѣ поставить великолѣпный мавзолей!

— А сколько денегъ вы ассигнуете на этотъ предметъ?—спросилъ Нарышкинъ.

— А зачѣмъ тебѣ это знать?

— Я бы лучше попросилъ ваше величество приказать отсчитать такую сумму мнѣ при жизни. Я повеселилъ бы всѣхъ и задалъ бы великолѣпный праздникъ на моей дачѣ.

Сосѣдомъ Нарышкина былъ сперва графъ Я. Е. Сиверсъ, новгородскій губернаторъ, затѣмъ дачу у него купилъ его врагъ, князь Потемкинъ. По покупкѣ дачи, Потемкинъ перевезъ сперва постройки изъ своего имѣнія «Озерки», гдѣ были стеклянные заводы, затѣмъ онъ поставилъ на лѣвой сторонѣ дороги, на скатѣ возвышенной плоскости, у берега залива, каменный дворецъ въ два этажа, съ четырехстороннею башнею, снабженною бельведеромъ и боевыми часами.

Главное строеніе было соединено съ каждой стороны колоннадою съ отдѣльнымъ флигелемъ. Позади дворца былъ разбитъ роскошный садъ съ теплицами, оранжереями, каналами, увеселительными домиками, бесѣдками и проч. На другой сторонѣ дороги лежалъ также превосходный садъ, въ англійскомъ вкусѣ, съ прудами, каналами, гротами, водопадомъ, бесѣдками и проч.

Впослѣдствіи эту дачу купилъ графъ Иванъ Андреевичъ Остерманъ, извѣстный вельможа Екатерининскаго вѣка, отли-

чавшійся на дипломатическомъ поприщѣ. Девизъ его былъ: «Nec sol, nec frigora mutant», т. е. «ни жаръ, ни хладъ не измѣняютъ». Графъ имѣлъ наружность очень сановитую, ходилъ до конца дней своихъ въ нарядѣ вельможи вѣка Екатерины, выѣзжалъ по-старинному, цугомъ съ гайдуками. Характеръ имѣлъ благородный.

Разсказывали, что когда, въ послѣднее время царствованія Екатерины II, готовился разрывъ Англіи съ Россіей, по случаю одного сильнаго представленія, сдѣланнаго нашимъ дворомъ, не смотря на противное мнѣніе Остермана, послѣдній, явившись къ императрицѣ, сказалъ:

— Государыня, предсказаніе мое исполнилось; но можно еще исправить ошибку, умоляю васъ сложить всю вину на меня, объявите посланнику великобританскому, что Остерманъ отъ глубокой старости выжилъ изъ ума, отправилъ ноту безъ вашего согласія. Запретите даже мнѣ въѣздъ ко двору на нѣкоторое время, пускай всѣ думаютъ, что я въ опалѣ.

Императоръ Павелъ пожаловалъ Остермана государственнымъ канцлеромъ. Въ концѣ своей жизни Остерманъ жилъ въ Москвѣ, всѣ иностранные путешественники являлись къ нему на поклонъ.

Императоръ Александръ I часто посѣщалъ его, заставляя всегда въ своемъ присутствіи его сидѣть. У него въ загородномъ домѣ долго жилъ его старшій братъ, Федоръ Андреевичъ, бывшій московскій губернаторъ и впослѣдствіи сенаторъ. Этотъ Остерманъ любилъ науки и зналъ превосходно латинскій языкъ, на которомъ велъ переписку съ митрополитомъ Платономъ, отличался большою разсѣянностью, особенно подъ старость, такъ что, садясь въ кресла, кричалъ, чтобъ везли его скорѣе въ сенатъ, чесалъ за столомъ ногу сосѣда, вмѣсто своей, плевалъ въ его тарелку, подбиралъ къ себѣ край бѣлаго платья сидѣвшей подлѣ него дамы, воображая, что подымаетъ свою салфетку.

Выходилъ на улицу изъ кареты и болѣе часу стоялъ неподвижно подлѣ какого нибудь дома, увѣряя лакея, что онъ еще не кончилъ своего занятія и, не замѣчая между тѣмъ, что его мочилъ дождикъ, являлся иногда въ гости безъ жилета или съ разстегнутымъ платьемъ, приводя въ стыдъ прекрасный полъ. Вступалъ съ хозяиномъ дома въ ученый разговоръ и вдругъ, не окончивъ его, мгновенно засыпалъ.

Однажды шелъ онъ по паркету, по которому было разостлано посрединѣ полотно, онъ принялъ его за свой носовой

платокъ, будто выпавшій, и началъ совать его въ свой карманъ. Наконецъ, общій хохотъ присутствующихъ заставилъ его опомниться.

Въ другой разъ пріѣхалъ онъ къ кому-то на большой званый обѣдъ. Передъ тѣмъ какъ войти въ гостиную, зашелъ онъ въ особую комнатку. Тамъ оставилъ онъ свою шляпу и вмѣсто ея взялъ деревянную крышку и, держа ее въ рукѣ, явился съ нею въ гостиную, гдѣ уже собралось все общество.

Анекдотовъ про этого Остермана въ свое время было множество.

Начиная съ усадьбы Остермана, всѣ дачи въ этой мѣстности стоятъ не на возвышенности, продолжающейся до Сергіевой пустыни. По преданію, въ старину здѣсь берегъ былъ гораздо ближе къ дачамъ.

Подлѣ дачи Остермана стоялъ небольшой деревянный домъ, съ такимъ же небольшимъ садомъ, принадлежавшій полиціймейстеру Чулкову, помощнику извѣстнаго Архарова. Чулковъ происхожденіемъ былъ изъ выслужившихся солдатъ. Онъ пользовался, какъ и его начальникъ, весьма дурной славой въ Петербургѣ. Это былъ первый архаровецъ въ полномъ смыслѣ слова. Подъ конецъ онъ былъ выгнанъ изъ службы, съ воспрещеніемъ жить въ столицѣ. Теперь эта дача принадлежитъ Баташеву.

Вблизи этой дачи стоялъ великолѣпный загородный домъ бывшаго главнокомандующаго въ Москвѣ, графа Як. Ал. Брюса, домъ былъ деревянный, съ бельведеромъ. Къ нему примыкалъ большой англійскій садъ, съ бесѣдками, каналами, съ прудомъ и островками на немъ. Затѣмъ, на пруду стояла роскошнѣйшая каменная баня въ помпейскомъ вкусѣ, съ потолками и стѣнами, росписанными al fresco. Графъ Брюсъ умеръ на этой дачѣ. О его смерти и болѣзни находимъ свѣдѣнія у Храповицкаго и у Безбородки. Первый въ своемъ дневникѣ, 28-го числа (ноябрь 1791 г.), отмѣчаетъ: «Императрица, разсуждая о болѣзни графа Брюса, сказала:

— Худой знакъ, что хочетъ ѣхать на дачу...

Въ ночь съ 29-го на 30-е умеръ графъ Брюсъ.

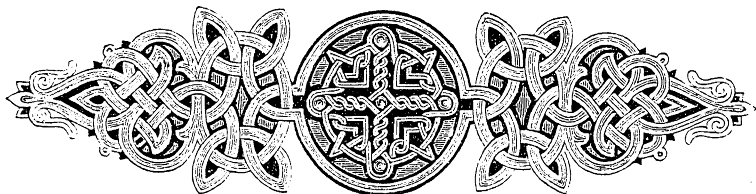
Безбородко говоритъ: «Брюсъ скончался послѣ десятидневной болѣзни, ко всеобшему прискорбію всего города. Онъ былъ дежурный, когда занемогъ и прислалъ ко мнѣ трость, а предъ тѣмъ за три дня обѣдалъ у Стрекалова, откуда, садясь въ карету, ушибъ ногу, къ сему пристала рожа и подагра. Смѣнясь

отъ дворца, поѣхалъ домой и началъ бредить; доктора были призваны, нашли что ниже ушибленнаго мѣста уже антоновъ огонь, а подагра въ желудкѣ».

Послѣ Брюса этой дачей владѣлъ князь Щербатовъ, теперь здѣсь устроена больница Всѣхъ Скорбящихъ для умалешенныхъ.

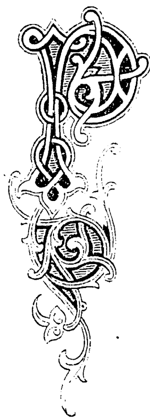
Рядомъ съ описанной мѣстностью, въ Екатерининское время, стоялъ каменный барскій домъ графа Воронцова, съ большимъ англійскимъ садомъ и другими затѣями. Часть этой усадьбы теперь принадлежитъ Шувалову и часть г. Андерсону.

ГЛАВА VI.

Дача графа П. И. Панина, характеристика этого вельможи. — «Ульянка»; исторія этой мызы. — Графъ Бутурлинъ. — Графъ Н. П. Шереметевъ; графиня П. И. Шереметева. — Роскошь дома Шереметевыхъ. — Церковь въ Ульянкѣ; древній образъ въ ней. — Мыза графа И. Г. Чернышева. — Роскошное житье графа заграницей. — Характеръ Чернышева. — Теперешняя дача на мѣстѣ, гдѣ прежде стояла мыза Чернышева. — Деревня Лигово. — Владѣлецъ князь Г. Г. Орловъ. — Страсть его къ сельскому хозяйству. — Пруды и Лиговскій каналъ. — Жена князя Орлова. — Смерть жены Орлова. — Кончина самого князя. — Похороны и дальнѣйшая судьба его останковъ. — Богатство князя Орлова. — Арсеналъ, построенный Орловымъ. — Описаніе богатствъ и рѣдкостей этого арсенала. — Знаменитый амстердамскій алмазъ. — Наслѣдники князя Орлова. — Графиня Н. Буксгевденъ, ея мужъ — графъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ, владѣлецъ Лигова. — Его біографія. — Церковь въ Лиговѣ. — Графъ Кушелевъ. — Коврово и его владѣлецъ А. В. Олсуфьевъ. — Анекдоты про него. — Мыза А. Г. Демидова. — Дача князя Н. В. Репнина. — Жизнь его въ Варшавѣ. — Разсказы иностранца Гарриса про Репнина. — Другъ его Лопухинъ. — Государственная его дѣятельность при императорѣ Павлѣ. — Усмиреніе крестьянскаго бунта. — Кончина князя. — Судьба могилы его жены. — Сынъ князя Ив. Петр. Репнинъ. — Дача оберъ-прокурора графа Протасова.

ЯДОМЪ съ дачей графа Воронцова въ Екатерининское время стояла загородная усадьба вице-канцлера графа Никиты Ивановича Панина, впослѣдствіи проданная имъ князю А. Ив. Мещерскому, извѣстному вельможѣ, отличавшемуся хлѣбосольствомъ и роскошными пирами, на смерть котораго, въ 1779 году, Державинъ написалъ одно изъ лучшихъ своихъ стихотвореній: «Глаголъ временъ! металла звонъ!» и т. д.

Послѣ Мещерскаго дача перешла къ графу П. И. Панину, надменному, но великодушному вельможѣ золотого вѣка Екатерины II, извѣстному покорителю Бендеръ и Пугачева, отличавшемуся при завоеваніяхъ особенно крутыми мѣрами. Послѣ его назначенія въ народѣ

держался слухъ, что братъ дядьки наслѣдника ѣдетъ съ хлѣбомъ-солью навстрѣчу императору; но чтобы скорѣе опровергнуть эти нелѣпые толки, Панинъ захотѣлъ всѣмъ показать, какую онъ везетъ хлѣбъ-соль, и немедленно приступилъ къ жестокимъ казнямъ. Онъ велѣлъ въ непокорныхъ селеніяхъ поставить, и впредь до его указа не снимать, по одной висѣлицѣ, по одному колесу и по одному глаголю для вѣшанія за ребро.

Державинъ въ своихъ запискахъ разсказываетъ, что онъ встрѣтилъ этого полководца подъ Симбирскомъ. Панинъ ѣхалъ съ большою свитою на охоту, которую очень любилъ и не бросалъ даже во время похода. Въ другомъ мѣстѣ Державинъ описываетъ свой пріемъ у него. По словамъ его, графъ въ пріемную выходилъ въ широкомъ атласномъ шлафрокѣ сѣраго цвѣта и имѣлъ на головѣ большой французскій колпакъ, перевязанный розовыми лентами. Панинъ, принимая разъ Державина, спросилъ у него, видѣлъ ли онъ Пугачева?

— Видѣлъ на конѣ подъ Петровскомъ, отвѣчалъ Державинъ.

— Прикажи привести Емельку, сказалъ Панинъ Михельсону.

Чрезъ нѣсколько минутъ введенъ былъ самозванецъ въ оковахъ по рукамъ и по ногамъ, въ старомъ засаленномъ зипунѣ. Онъ сталъ на колѣни. Графъ спросилъ:

— Здоровъ ли, Емелька?

— Ночи не сплю, все плачу, батюшка, ваше графское сіятельство.

— Надѣйся на милосердіе государыни,—и съ этимъ словомъ Панинъ приказалъ увести его.

П. И. Панинъ обладалъ всѣми рѣдкими качествами полководца, онъ умѣлъ силою слова одушевлять войска къ побѣдамъ, онъ взялъ Бендеры, защищаемыя сильнымъ войскомъ, имѣя только небольшое количество солдатъ въ своемъ отрядѣ. Отличительными чертами его характера были прямота и смѣлость; когда умеръ фельдмаршалъ графъ Салтыковъ въ своей подмосковной въ исходѣ 1771 года, мѣстное начальство, зная, что онъ находился въ опалѣ у двора, не дѣлало никакого распоряженія относительно похоронъ его; Панинъ немедленно отправился къ своему бывшему начальнику, въ с. Марфино, въ генералъ-аншефскомъ мундирѣ со звѣздами, подошелъ къ праху фельдмаршала, склонилъ предъ нимъ голову и, обнаживъ мечъ, сталъ у гроба, сказавъ вслухъ:

— До тѣхъ поръ буду стоять здѣсь на часахъ, пока не пришлютъ почетнаго караула для смѣны!

Узнавъ о такомъ поступкѣ графа, начальство не замедлило выслать солдатъ для караула. Извѣстенъ также разсказъ, какъ разъ Панинъ, въ присутствіи самой государыни въ сенатѣ, наотрѣзъ отказался подписать уставъ о соли,—онъ одинъ былъ противъ всѣхъ. Впослѣдствіи государыня съ нимъ тоже согласилась, сказавъ:

— Сегодня я удостовѣрилась, что у меня есть сенатъ и сенаторъ.

Въ другой разъ онъ сказалъ князю Вяземскому, оберъ-прокурору, негодуя на него за какое-то неправое дѣло:

— Ты не око, а бѣльмо государыни, препятствующее ей видѣть истину.

Императрица Екатерина II недолюбливала гр. Панина и считала его первымъ врагомъ и себѣ персональнымъ оскорбителемъ [57]), когда онъ жилъ въ Москвѣ тотчасъ же послѣ покоренія Бендеръ, домъ его былъ центромъ, гдѣ выражалось недовольство высшаго общества. Изъ переписки государыни съ московскимъ главнокомандующимъ, княземъ М. И. Волконскимъ, видно, что за нимъ строго слѣдили, считая его сильно подозрительнымъ. Волконскій писалъ Екатеринѣ, что Панинъ «большой болтунъ», распускаетъ «ничего незначущее и единственно къ тщеславію, его касающееся». Личныя отношенія Панина къ государынѣ были весьма нехороши; есть указанія, что народное возстаніе, случившееся во время моровой язвы въ Москвѣ, было произведено по внушенію Петра Панина, съ цѣлью возвести на престолъ великаго князя Павла Петровича [58]). Панинъ зналъ, что за нимъ наблюдаютъ, зналъ, что императрица сама его унимать собиралась, но все продолжалъ «вздоръ болтать».

Съ нимъ одного мнѣнія въ Москвѣ была огромная масса недовольныхъ, громко роптавшая на дѣйствія правительства. Въ началѣ пугачевскаго возстанія Бибиковъ знаменательно писалъ фонъ-Визину: «вѣдь не Пугачевъ важенъ, а важно всеобщее негодованіе» [59]). Всеобщее негодованіе, дѣйствительно, существовало, народъ ждалъ прибытія освободителя, Петра III—дворянство со страхомъ ожидало жестокой участи, негодуя на мѣстныя власти, не спѣшившія на помощь.

Въ Москвѣ многіе изъ богатыхъ дворянъ стали вооружать своихъ людей. П. Панинъ первый вооружилъ своихъ дворовыхъ людей и расторопнѣйшихъ крестьянъ, и имѣлъ намѣреніе съ ними идти навстрѣчу бунтовщикамъ и подчинить себя начальнику первой дѣйствующей воинской команды [60]). Панинъ гово-

рилъ дворянамъ: «дѣлайте то, что я намѣренъ дѣлать». И когда его спрашивали, на что онъ рѣшился, онъ отвѣчалъ: «умереть». Мудрая Екатерина II для пользы Россіи забыла личную свою непріязнь къ строптивому вельможѣ и призвала его къ дѣламъ для спасенія имперіи.

Назначеніемъ Панина государыня заставила замолкнуть негодованіе барства и привлекла на свою сторону всѣхъ негодующихъ. Изъ послѣдующихъ событій уже извѣстно всѣмъ, какъ блистательно оправдалъ довѣріе государыни Панинъ, давъ въ одинъ мѣсяцъ спокойствіе и тишину всей Россіи. Побѣдивъ Пугачева, Панинъ снова удалился въ свою деревню. Императрица пожаловала ему въ день торжества мира съ Портою знаки, украшенные алмазами, ордена св. Андрея Первозваннаго и для «поправленія домашней экономіи» шестьдесятъ тысячъ рублей. Панинъ не былъ богатъ и не отличался любовью къ деньгамъ; такъ, онъ отказался отъ седьмой части изъ двухъ тысячъ душъ, слѣдовавшей ему по законамъ, въ пользу родныхъ первой своей жены. О рѣдкомъ его безкорыстіи свидѣтельствуетъ еще слѣдующій случай: графъ Матюшкинъ, негодуя на дочь, вышедшую безъ его согласія за г. Шетнева, отдалъ Панину, какъ другу, все свое наслѣдство, состоявшее изъ трехъ тысячъ душъ. Панинъ сперва не принялъ его, но когда тотъ настаивалъ, то онъ изъявилъ свое согласіе.

Когда Матюшкинъ умеръ и дочь его также, то Панинъ объявилъ себя опекуномъ малолѣтней внучки Матюшкина и, когда послѣдняя достигла совершеннаго возраста, онъ выдалъ ее за свѣтлѣйшаго князя Лопухина и ввелъ ихъ во владѣніе трехъ тысячъ душъ, которыми владѣлъ послѣ Матюшкина. Живя въ Москвѣ, онъ пользовался любовью всѣхъ.

Князь Ив. М. Долгоруковъ разсказывалъ, что къ нему весь городъ ѣзжалъ на поклонъ по воскресеньямъ по утру — онъ принималъ всѣхъ благосклонно, любилъ говорить и говорилъ красно; многія его изреченія долго были памятны всѣмъ въ столицѣ. Похвала его давала «превосходное титло въ обществѣ». Гр. Панинъ умеръ 69 лѣтъ отъ роду [61]). Женатъ онъ былъ два раза и отъ первой жены имѣлъ семнадцать человѣкъ дѣтей, а отъ второй пятерыхъ — живыхъ дѣтей у него осталось только двое: сынъ Никита Петровичъ, вице-канцлеръ, и Софья Петровна, вышедшая за Ив. В. Тутолмина.

Сынъ Панина Никита Петровичъ былъ очень похожъ нравомъ на отца, онъ также очень любилъ охоту; послѣдняя у него

была устроена на иностранную богатую руку. Во время учрежденія первой милиціи онъ былъ избранъ смоленскимъ дворянствомъ въ областные начальники. Императоръ Александръ I не утвердилъ этого выбора. Графъ Панинъ послѣ того рѣдко являлся въ Москву; не имѣя позволенія жить въ Петербургѣ, онъ жилъ безвыѣздно въ своей смоленской деревнѣ. Наружность Панинъ имѣлъ холодную и строгую; какъ рѣчь его, такъ и письма отличались рѣзкостью выраженій. Извѣстна его вражда съ графомъ Ростопчинымъ изъ-за письма его, найденнаго французами въ Москвѣ и напечатаннаго въ Парижѣ по приказанію Наполеона.

Панинъ-отецъ первый ввелъ въ русскую армію егерей, подъ названіемъ стрѣлковъ, и сформировалъ легко-конную артиллерію—онъ написалъ «полковничью инструкцію» и участвовалъ въ составленіи «межевой». Интересенъ также его циркуляръ о мѣрахъ прекращенія мятежа во время пугачевщины: «Я узналъ съ душевнымъ содроганіемъ,—писалъ онъ,—что въ дѣлахъ штатскаго теченія производятся безъ стыда и грѣха взятки, пристрастія и отступленія отъ правосудія и нерадѣнія къ своимъ должностямъ». Объявляя, чтобы «съ сего времени онаго не было», Панинъ грозилъ строгими наказаніями. Но, кажется, это не произвело, какъ слѣдовало, желаннаго результата, потому что не прошло еще мѣсяца, какъ Панинъ издалъ новое объявленіе противъ взятокъ. Послѣднее гласило слѣдующее: «Извѣстясь о взяткахъ разныхъ начальниковъ съ народа, онъ приказывалъ обывателямъ ввѣренныхъ ему губерній, въ случаѣ требованія съ нихъ подарковъ, не взирая ни на какой чинъ и лицо, приводить прямо къ нему для неупустительнаго по всей строгости законовъ наказанія».

Дача П. И. Панина, по словамъ Георги [62]), была деревянная и состояла изъ трехъ построекъ въ одинъ рядъ, соединенныхъ между собою колоннадами. Часть дачи Панина теперь отошла во владѣніе гр. Шереметевыхъ. Извѣстна она подъ именемъ Ульяновки или Юліанки: по преданію, имя свое она получила отъ кабака чухонки Ульяны. Мѣсто, гдѣ стоялъ этотъ кабакъ, теперь занимаетъ дача г. Андерсона.

Я. Гротъ [63]) говоритъ, что Ульянка принадлежала княгинѣ Дашковой, и что тамъ каменное старое крыльцо временъ княгини уцѣлѣло до сихъ поръ. Изъ документовъ, хранящихся въ Ульяновской церкви, видно, что этой дачей владѣлъ Бутурлинъ [64]): «лѣта 1787 марта 8-го онъ, тайный сов. гр. Петръ Алексан-

дровъ сынъ Бутурлинъ, продалъ княгинѣ Пр. Ив. Голицыной, доставшуюся ему по наслѣдству отъ отца ген.-фельдм. гр. Алек. Бор. Бутурлина[65]) дачу, состоящую въ Софійскомъ (Царскс.) уѣздѣ, по Петергофской дорогѣ, на 9-й верстѣ отъ Петербурга, по лѣвую сторону отъ находящейся на одной дачѣ каменной церкви во имя св. Петра митрополита, которую я, гр. Петръ, оставляю для себя, и дачу контръ-адмирала А. Г. Спиридова, мѣрою по проспективной дорогѣ и въ заднемъ концѣ поперечника, по 44 саж., съ лѣсомъ и сѣнными покосами, сколько по размежеваніи явится безъ остатка. Въ смежности оная дача по правую сторону съ дачею сенатора С. А. Меншикова, а по лѣвую — Спиридова, а взялъ я, Петръ, за ту свою дачу у ея сіятельства княгини Голицыной денегъ пять тыс. руб.».

Богатое теперь имѣніе графа А. Д. Шереметева «Ульянка» обязана своимъ украшеніямъ, какъ и постройкой дома, оберъ-камергеру графу Николаю Петровичу Шереметеву, извѣстному благотворителю своего времени.

Какъ мы уже говорили, въ имѣніи «Ульянкѣ» живалъ иногда Н. П. Шереметевъ, но особенно любила это имѣніе графиня Прасковья Ивановна, его жена, женщина высокая по нравственнымъ своимъ качествамъ. По завѣщанію графини, ежегодно выдается безпомощнымъ бѣднымъ сиротамъ-дѣвицамъ 6,000 руб., бѣднымъ семействамъ 5,000 р., убогимъ ремесленникамъ 4,000 р. и употребляется на выкупъ за долги и на разные вклады 5,000 р. По темнымъ слухамъ, эта добродѣтельная женщина умерла отъ отравы: ее отравили дворовые люди послѣ родовъ. Графъ Н. П. Шереметевъ въ Ульянкѣ имѣлъ хорошую охоту, состоящую изъ гончихъ и борзыхъ собакъ. Особенно у него знамениты были бѣлые водолазы, съ зубами чуть ли не по пальцу и ростомъ съ датскую собаку. Въ Ульянкѣ жили стада оленей, содержались также медвѣди, лоси и другіе хищные звѣри въ существовавшемъ здѣсь звѣринцѣ. Полная охота при его отцѣ состояла изъ сорока псарей, сорока егерей, гусаровъ и т. д. все по сорока. Иногда его охота была очень великолѣпна; къ нему сюда съѣзжалась почти вся петербургская знать въ богатыхъ золотыхъ экипажахъ, блестящихъ ливреяхъ, на лихихъ скакунахъ въ раззолоченныхъ уборахъ—такая охота представляла прекрасную картину, напоминавшую охоты Генриха IV въ Булонскомъ лѣсу, или королей англійскихъ въ Виндзорскомъ за̀мкѣ.

Графъ Нельи[66]) про охотничьихъ лошадей графа Шереметева разскзываетъ слѣдующій, почти невѣроятный случай: «Разъ,

когда мы собрались на охоту, мнѣ подвели лошадь очень похожую на описанную въ Апокалипсисѣ. Я не могъ не засмѣяться.

— Что вы смѣетесь надъ нею,—сказалъ Шереметевъ. Садитесь-ка, да испробуйте ее: вы первый прискачете на звукъ охотничьяго рога къ убитому звѣрю. Съ Богомъ.

Я сѣлъ на эту гадину и сталъ пришпоривать ее по правиламъ ѣзды, лошадь моя ни съ мѣста. Шереметевъ смотрѣлъ и хохоталъ. Наконецъ, онъ сказалъ какое-то слово и лошадь понеслась стрѣлою; какъ я ни старался хотя немножко удержать ее, но это было невозможно. Графъ, скакавшій рядомъ со мной, промолвилъ какое-то слово и вдругъ лошадь остановилась какъ вкопаная. Я упалъ на ея шею — шутка мнѣ не пришлась по сердцу и я едва сдерживалъ гнѣвъ.

— Мнѣ хотѣлось только познакомить васъ съ нашими казацкими лошадьми, сказалъ мнѣ Шереметевъ,—вы судили о нихъ по виду; теперь знаете, каковы онѣ.

Графъ Шереметевъ основалъ въ Москвѣ страннопріимный домъ, на который употребилъ болѣе милліона рублей. Это филантропическое заведеніе было основано по мысли его жены, Пр. Ив., память о которой живетъ посейчасъ во многихъ благотворительныхъ заведеніяхъ. Шереметевъ умеръ въ 1809 г. и похороненъ въ Александро-Невской лаврѣ; по духовному его завѣщанію, похороны были самые скромныя.

По волѣ графа, всѣ деньги, которыя должны были пойти на погребеніе, приличное его званію, были розданы нищимъ [67]).

Церковь въ Ульянкѣ считается одною изъ древнѣйшихъ въ петербургскихъ окрестностяхъ. По преданію, она построена Петромъ Великимъ въ память побѣды надъ шведами, одержанной царемъ на этомъ мѣстѣ. Первую церковь [68]) Петръ повелѣлъ поставить «обыденную», въ видѣ палатки, окладенной дерномъ, и тотчасъ по сооруженіи отслужить въ ней литургію и благодарственный молебенъ. Потомъ уже государь велѣлъ выстроить деревянную церковь во имя св. Петра митрополита.

Позднѣе, въ концѣ XVIII столѣтія, церковь была выстроена каменная на этомъ мѣстѣ; въ 1809 году церковь была значительно распространена ротмистромъ Владиміровымъ; на всѣ постройки имъ израсходовано было до 150 тысячъ рублей ассигнаціями. Имъ же была построена существующая посейчасъ подлѣ дороги ограда и каменная часовня. Постройка была произведена по рисунку архитектора Стасова.

Въ этой церкви много историческихъ вещей, въ числѣ которыхъ икона Черниговской Ильинской Божіей Матери; на ней изображены: планъ азовской битвы, видъ Троицкаго черниговскаго Ильинскаго монастыря, видъ крестнаго хода, въ предшествіи патріарха Адріана, и двѣ поднесенныя игуменомъ монастыря Лаврентіемъ Посоновичемъ привѣтственныя рѣчи Петру I по случаю азовской битвы въ 1696 году. На образѣ два россійскихъ императорскихъ герба; затѣмъ образъ св. мученика Уара, очень древній, образъ апостола Петра и Іоанна Предтечи, писанный, какъ сказано въ описи, въ память царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, и еще нѣсколько древнихъ иконъ, перенесенныхъ изъ Москвы по повелѣнію Петра I.

Слѣдующая богатая мыза на Петергофской дорогѣ въ Екатерининское время была графа Ивана Григорьевича Чернышева. Этотъ Чернышевъ былъ вице-президентъ адмиралтействъ-коллегіи, возведенный императоромъ Павломъ въ званіе генералъ-фельдмаршала по флоту, съ тѣмъ, однакожъ, чтобы онъ не былъ генералъ-адмираломъ. Чернышевъ извѣстенъ по своему громадному богатству, которое, помимо значительнаго родового, пріобрѣлъ онъ не особенно чистоплотнымъ путемъ.

Онъ, напримѣръ, благодаря графу П. И. Шувалову, получилъ мѣдные заводы за 90,000 рублей, на которыхъ было уже готовой мѣди слишкомъ на 100 тысячъ рублей; пользуясь этими заводами нѣсколько лѣтъ и пріобрѣтая съ нихъ большіе доходы, онъ впослѣдствіи продалъ ихъ обратно казнѣ за 700,000 рублей. Онъ былъ женатъ на одной изъ богатѣйшихъ невѣстъ тогда въ Россіи, графинѣ Е. О. Ефимовской. Когда Чернышевъ пріѣхалъ посломъ въ Лондонъ, то внѣшняя обстановка его дома настолько была великолѣпна, что о ней говорили всѣ съ изумленіемъ. Одни бриллiанты жены его стоили болѣе 40,000 фунтовъ стерлинговъ.

Про него говоритъ Щербатовъ, «что онъ имѣлъ одежды особливаго вкуса и богатства, и столъ сдѣланный со вкусомъ изъ дорогихъ вещей; ливрея его пажей была шита серебромъ, а на столъ подавались лучшія и наидражайшія вина». Послѣднія, впрочемъ, по слухамъ, онъ получалъ въ видѣ взятокъ отъ приходившихъ изъ-за границы ему подвластныхъ моряковъ. Несмотря на свои богатства, онъ былъ очень корыстолюбивъ.

Извѣстно дѣло его съ герцогиней Кингстонъ о присвоеніи имъ картинъ у послѣдней, также еще нѣсколько тяжбъ по поводу захвата земли у сосѣдей на Петергофской дорогѣ. Бантышъ-

Каменскій говоритъ про него, что онъ съ умомъ образованнымъ соединялъ любезность и вмѣстѣ нѣкоторое непостоянство въ характерѣ; въ совѣтахъ былъ нерѣшителенъ и т. д.

Строго-нравственный Суворовъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ дочери, говоря о «придворныхъ любезникахъ», причисляетъ къ нимъ и Чернышева, и даетъ ей такое родительское наставленіе: «Когда будешь въ придворныхъ собраніяхъ и если случится, что тебя обступятъ старики, покажи видъ, что хочешь поцѣловать у нихъ руку, но своей не давай». Графъ Чернышевъ былъ непримиримый врагъ княгини Дашковой и вывелъ ее въ какомъ-то шутовскомъ видѣ въ «Собесѣдникѣ».

Графъ И. Г. Чернышевъ умеръ 28-го августа 1797 года и погребенъ въ палаткѣ Благовѣщенской церкви въ Невской лаврѣ. На выставкѣ русскихъ портретовъ, въ 1870 году, была выставлена картина, писанная заграницею въ 1790 году; представляла она графа уже больного, окруженнаго женою, сыномъ и двумя дочерьми, изъ которыхъ одна съ мужемъ и съ двумя дѣтьми, принимающими изъ рукъ дѣдушки яблоки. По подписи къ картинѣ, которую дѣлала графиня Анна Чернышева (вторая жена графа, рожденная Исленьева) видно, что графъ «заболѣлъ къ смерти 1791 года, апрѣля 18-го»; слѣдовательно, онъ прохворалъ шесть лѣтъ.

Дача Чернышева, по словамъ Георги: «имѣла каменный дворецъ и, кромѣ сего, во всемъ подобна Паниновой». На мѣстѣ этой обширной мызы лежитъ теперь дача г. Ильина.

За мызой Чернышева по Петергофской дорогѣ лежала деревня Лигово; въ Екатерининское время она принадлежала пособнику и совѣтнику императрицы князю Гр. Гр. Орлову, — этому рыцарю чести и отваги, съ именемъ котораго связаны всѣ лучшія дѣла Екатерины II, въ первые годы ея царствованія. По словамъ иностранцевъ, Гр. Орловъ былъ вполнѣ порядочный человѣкъ, правдивый и чистосердечный, исполненный самыхъ высокихъ благородныхъ качествъ. При необычайной силѣ и храбрости, онъ былъ кротокъ и нѣженъ, какъ дитя или барашекъ, какъ говорила сама императрица.

Князь Щербатовъ въ своихъ Запискахъ пишетъ: «во время случая Орлова дѣла шли довольно порядочно и государыня, подражая простотѣ своего любимца, снисходила къ своимъ подданнымъ... Орловъ никогда не входилъ въ управленіе никогда непринадлежавшаго ему мѣста, никогда не льстилъ своей государынѣ, къ которой не ложное усердіе имѣлъ, и говорилъ ей

Князь Григорій Григорьевичъ Орловъ.

съ нѣкоторою грубостію всѣ истины, но всегда на милосердіе подвигалъ ея сердце».

Гр. Орловъ первый сталъ распространять въ народѣ полезныя въ сельскомъ хозяйствѣ знанія. Онъ вмѣстѣ съ извѣстнымъ тогда хозяиномъ гр. Ром. Ив. Воронцовымъ и библіотекаремъ императрицы П. И. Таубертомъ, основалъ Вольно-Экономическое Общество [69]).

Имѣются извѣстія, что Орловъ въ своемъ Лигово, вмѣстѣ съ статскимъ совѣтникомъ С. В. Друковновымъ, производилъ на поляхъ многіе опыты посѣвовъ травъ, корнеплодныхъ растеній и садку новыхъ сортовъ ветлъ по берегамъ обширныхъ прудовъ своей княжеской вотчины.

Имъ же здѣсь была устроена первая мукомольная мельница. Въ Лиговѣ по дну овраговъ и обмелѣвшихъ прудовъ еще посейчасъ кой-гдѣ ростутъ на вѣковыхъ своихъ пняхъ ракиты и ольхи, посаженныя рукою Орлова.

Онѣ теперь единственные свидѣтели прошлаго времени, истекшаго вмѣстѣ съ водами прежнихъ зеркальныхъ прудовъ. Лигово получило свое названіе отъ рѣчки Лиговки, берущей свое начало въ Дудергофскихъ горахъ.

Изъ Лиговки прорытъ каналъ Петромъ въ 1718 году, онъ служилъ для проведенія воды въ фонтаны и каскады Лѣтняго сада. Начинается онъ въ двадцати верстахъ отъ города, близъ дороги, ведущей въ Красное Село и сворачивающей съ петергофской на 11 верстѣ.

Тамъ, близъ деревни Горѣловой, устроенъ шлюзъ, выпускающій воды изъ рѣчки Лиговки. Каналъ протекаетъ въ городѣ Ямскою, пересѣкаетъ Невскій у Знаменія, проходитъ бассейнами и подземными протоками, изливается въ пруды Таврическаго сада.

Въ первое, время по приводѣ слоновъ изъ Персіи въ Петербургъ, другой воды, какъ изъ Лиговки, для пойла имъ брать не дозволялось, вода невская для ихъ здоровья считалась весьма вредною. Вода изъ Лиговки встарину считалась для питья самою пріятною и здоровою.

Въ деревнѣ Лигово, въ верстѣ отъ лѣвой стороны дороги, въ Екатерининское время, стоялъ каменный господскій домъ съ бельведеромъ и былъ разбитъ большой садъ.

Какъ мы говорили, князь Г. Г. Орловъ очень любилъ заниматься естественными науками; по словамъ Порошина, научные предметы были любимою его темою въ разговорахъ; онъ при-

надлежалъ къ числу тѣхъ придворныхъ императрицы, которые сочувствовали новой эрѣ французскихъ энциклопедистовъ. Существуетъ письмо Орлова къ Жанъ-Жаку-Руссо, приглашавшее послѣдняго пріѣхать къ нему въ имѣніе и поселиться въ немъ.

Не смотря на свое пристрастіе къ серьезнымъ наукамъ, Орловъ обладалъ общительнымъ и веселымъ характеромъ. Такъ

Княгиня Екатерина Николаевна Орлова, рожденная Зиновьева.

онъ, какъ пишетъ Порошинъ въ своихъ Запискахъ, на одномъ изъ придворныхъ маскарадовъ является въ женскомъ платьѣ, другой разъ борется съ однимъ изъ служителей и разъ, перепрыгивая черезъ скамейку въ саду, сильно зашибаетъ себѣ ногу и послѣ того нѣкоторое время его возятъ въ колясочкѣ по комнатамъ во дворцѣ.

Орловъ былъ женатъ на своей двоюродной сестрѣ, Е. Н. Зиновьевой. Эта послѣдняя была замѣчательная красавица. Орловъ былъ влюбленъ въ нее страстно.

Такой бракъ съ родственницею въ то время чуть ли не былъ первый въ такомъ родѣ и возбудилъ въ обществѣ большіе толки. Возникло даже дѣло о разводѣ Орлова съ женою и заключеніи ихъ обоихъ въ монастырь.

Графъ К. Г. Разумовскій былъ одинъ въ совѣтѣ за Орлова: онъ напомнилъ членамъ совѣта о правилѣ, соблюдаемомъ при кулачныхъ бояхъ: лежащаго не бьютъ.

— Еще недавно, говорилъ онъ, всѣ мы считали бы себя счастливыми, ежели бы Орловъ пригласилъ насъ на свою свадьбу, то стыдно и совѣстно намъ нападать на него.

Благородный отзывъ Разумовскаго не былъ уваженъ, приговоръ надъ нимъ во всей строгой формѣ состоялся.

Но Екатерина не утвердила его, сказавъ:

— Моя рука отказывается подписать такую бумагу противъ человѣка, которому я такъ много обязана.

Государыня молодую княгиню назначила къ себѣ въ статсъ-дамы и прислала ей орденъ св. Екатерины вмѣстѣ съ богатѣйшимъ подаркомъ. Бракъ съ нѣжно-любимой супругой не былъ продолжителенъ.

Княгиня страдала чахоткой и врачи предписали больной теплый климатъ для возстановленія здоровья. Орловъ повезъ больную въ Швейцарію. По поводу его отъѣзда на воды было много толковъ. Вотъ одинъ изъ анекдотовъ по этому случаю, записанный П. И. Бартеневымъ со словъ А. С. Хомякова.

Разсказываютъ, что Екатерина спросила у М. С. Перекусихиной:

— Что дѣлаютъ съ иконою, которая потеряла свой ликъ отъ ветхости?

Перекусихина отвѣчала, что такую икону сожигаютъ.

— Эхъ, Савишна! Ты русская женщина, знаешь всѣ русскіе обычаи, а этого не знаешь: икону, у которой ликъ сошелъ, на воду спускаютъ.

Княгиня Орлова умерла 24 лѣтъ въ Лозаннѣ; въ тамошнемъ соборѣ до сихъ поръ цѣлъ ея памятникъ. Тѣло же ея перевезено въ Петербургъ и похоронено въ Невской лаврѣ, въ Благовѣщенской церкви.

На смерть Орловой Державинъ написалъ слѣдующее стихотвореніе [70]):

Какъ ангелъ красоты, являемый съ небесъ,
Пріятностьми она и разумомъ блистала,
Съ нѣжнѣйшею душой, геройски умирала,
Супруга и друзей повергла въ море слезъ.

Со смертью жены, Орловъ впалъ въ глубокое уныніе; онъ почти помѣшался въ разсудкѣ и, не смотря на всѣ старанія врачей, такъ и не поправился. По однимъ сказаніямъ, онъ умеръ въ припадкѣ бѣшенства. Ходили слухи, что Орловъ умеръ отъ яда, даннаго ему будто бы Потемкинымъ.

По другимъ разсказамъ, онъ скончался, какъ истинный христіанинъ, повторяя молитву за митрополитомъ Платономъ, который исповѣдывалъ его и причастилъ Св. Тайнъ. Похороны князя Орлова были самыя торжественныя; отпѣваніе въ Донскомъ монастырѣ совершалъ митрополитъ, со всѣми находившимися въ Москвѣ архіереями.

Послѣ отпѣванія тѣло было отвезено въ подмосковное село Орловыхъ «Отраду». Но позднѣе, въ 1832 году, графиня Ан. Ал. Орлова-Чесменская испросила позволеніе перенести прахъ князя въ Новгородскій Юрьевъ монастырь.

Князь Орловъ лично не любилъ роскоши и пышности, но долженъ былъ иногда выставлять на показъ и ту, и другую, изъ политическихъ соображеній и по волѣ Екатерины.

По словамъ А. Барсукова [71]), отъѣздъ его въ Фокшаны, на конгрессъ, изумилъ всѣхъ великолѣпіемъ, ему было пожаловано множество драгоцѣнныхъ платьевъ, изъ которыхъ одно, осыпанное брилліантами, цѣнилось въ 1.000,000 руб.

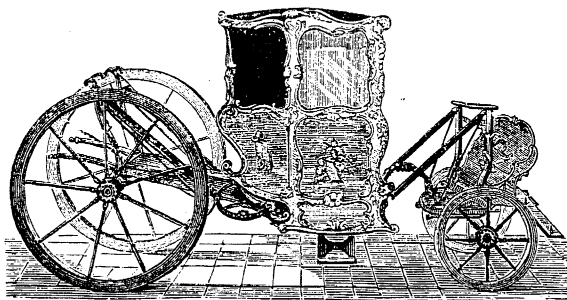
Назначенная къ нему свита составляла цѣлый дворъ: тутъ были маршалы, камергеры, пажи. Обозъ посла состоялъ изъ роскошно сформированной кухни, погребовъ, великолѣпныхъ экипажей и пр.

По словамъ Щербатова, въ домѣ князя [72]) не было особенной роскоши, «столъ не равнялся со столами, какіе сластолюбцы имѣютъ», выѣзды его тоже были не особенно парадны, не смотря на то, что онъ, какъ и братъ его, Алексѣй, очень любилъ лошадей. Одѣвался Орловъ тоже не пышно, на платьѣ у него никогда не было ни золота, ни серебра.

Насколько онъ былъ щедръ, можно судить по тѣмъ приношеніямъ, которыя онъ поднесъ отечеству и государынѣ. Орловъ принесъ, въ 1770 году, въ даръ величественное зданіе «Стараго арсенала», гдѣ теперь помѣщается С.-Петербургскій окружной судъ. На мѣстѣ этого арсенала до этого времени стоялъ деревянный пушечный дворъ.

Во время Орлова, передъ арсеналомъ лежали пушки всѣхъ видовъ и разныхъ величинъ, взятыя у непріятелей. Подлѣ нихъ стояла статуя гражданина Прима, извѣстнаго по слѣдующему случаю. У Петра Великаго была любимая пушка, вылитая при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ Андреемъ Чеховымъ, длиною въ 7 аршинъ и вѣсомъ въ 453 пуда 35 фунтовъ, калибра 68-фунтового. Въ 1703 году, при взятіи Карломъ XII города Ельбина, пушка досталась побѣдителямъ и была отвезена въ Стокгольмъ. Петръ очень сожалѣлъ о ней и не разъ высказывалъ свое желаніе имѣть ее опять во что бы то ни стало.

Иностранецъ Примъ, узнавъ о томъ, отправился въ Швецію и купилъ ее у правительства съ тѣмъ только, чтобы не увозить ее изъ государства, Примъ, чтобы вывезти ее тайно изъ Шве-

Карета Петра I.

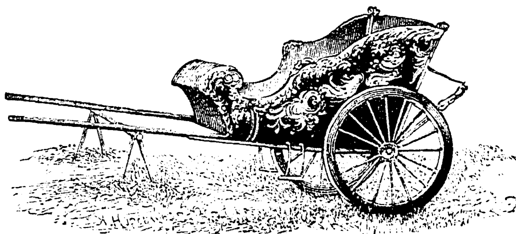
ціи на суднѣ, принужденъ былъ распилить пушку на три части и въ такомъ видѣ привезти въ Петербургъ.

Благодарный Петръ приказалъ вылить статую Прима изъ бронзы и поставить ее рядомъ съ пушкой. Притомъ государь приказалъ выдать Приму за заплаченный имъ металлъ по 7 руб. за пудъ: другого денежнаго вознагражденія Примъ отъ царя не принялъ.

Въ арсеналѣ въ первое время хранились слѣдующія историческія вещи: въ первой залѣ на стѣнѣ висѣло растянутымъ большое знамя «Стрѣлецкое». На знамени были изображены рай и адъ; въ первомъ виднѣлись одни стрѣльцы и весьма небольшое число людей благочестивыхъ, адъ же былъ полнехонекъ иностранцевъ, впереди которыхъ шли: евреи, татары, кизильбаши (персіяне), турки и пр.

Посреди фасадной стѣны возвышалась мраморная статуя императрицы Екатерины II, сдѣланная въ Италіи по заказу

Орлова; вышиною она была 2 ар. 2 верш. Недалеко отъ статуи, въ простѣнкѣ, былъ утвержденъ и медальонъ Орлова изъ бѣлаго каррарскаго мрамора (послѣдній посейчасъ хранится на лѣстницѣ зданія). Въ слѣдующей комнатѣ сохранялась одноколка Петра Великаго, утвержденная на пазахъ, обитая внутри зеленымъ сукномъ. Позади находился ящикъ съ механизмомъ, показывающимъ число верстъ, которое пробѣгала одноколка. За скромной одноколкой стояла пышная колесница, утвержденная воинскимъ уставомъ, послѣдняя шествовала съ литаврами во время парадовъ передъ артиллеріей. Колесница была сдѣлана графомъ Шуваловымъ въ 1766 году на собственныя средства; она имѣла видъ древней римской колесницы. За сѣдалищемъ возвышалась статуя Минервы, парящей въ облакахъ. Какъ статуя, такъ и колесница были густо вызолочены, внутренность

Одноколка Петра I.

обита малиновымъ бархатомъ съ золотымъ галуномъ. Во время большихъ парадовъ въ ней возился штандартъ съ изображеніемъ россійскаго герба и двѣ литавры, въ которыя ударяли въ тактъ при звукахъ военной музыки. Въ послѣдній разъ эта колесница была везена за гробомъ своего строителя [73]).

Позднѣе штандартъ стоялъ особо въ большой залѣ у образа; подъ сѣнью его приносилась присяга вступившими на службу въ артиллерію; передъ колесницею помѣщалось чучело набитой лошади, на которой ѣхала Екатерина по восшествіи на престолъ. Въ разныхъ залахъ сохранялись модели завоеванныхъ городовъ: Шлиссельбурга, Нейшлота, Очакова, Дербента, Баку, Выборга и пр. Здѣсь было также множество знаменъ, въ числѣ которыхъ «Хоругвь вольности», поднятая Костюшкой, при народномъ ополченіи Польши. Хранилась также тамъ палица Стеньки Разина и табуретъ, на которомъ онъ сидѣлъ; послѣдній былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ пистолетами; палица была

сдѣлана изъ сучковатаго крѣпкаго дерева, обита серебряными гвоздиками; длиною она была болѣе двухъ аршинъ.

Въ числѣ различныхъ родовъ орудій были пушки: семиствольныя, двадцатиствольныя, о 105 ружейныхъ стволахъ, желѣзныя пушки, обвитыя проволокою, пушки, окруженныя девятью мортирками, фузеи, пистолеты-драконы, змѣи и т. д.

Въ числѣ замѣчательныхъ такихъ орудій были гаубицы, изобрѣтенныя Шуваловымъ въ 1753 году; первая изъ нихъ отлита была спустя три года, секретно. Главное отличіе такихъ гаубицъ заключалось въ дулѣ, которое имѣло видъ сжатой трубы, изъ нихъ стрѣлять можно было только одною картечью и то на близкое разстояніе. Гаубицы употреблялись въ семилѣтнюю войну и составляли особенный обсерваціонный корпусъ подъ начальствомъ маіора Мусина-Пушкина. Вскорѣ онѣ найдены были неудобными, выстрѣлы ихъ причиняли много вреда своимъ; въ 1762 году онѣ были замѣнены единорогами.

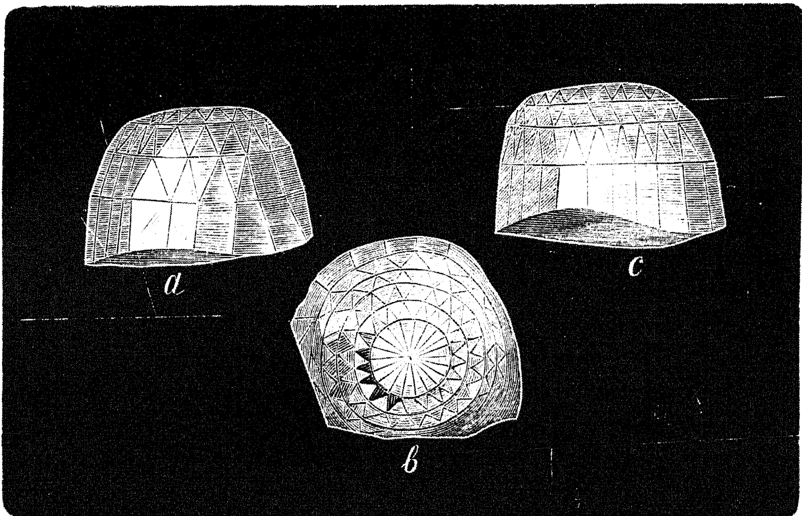
Въ числѣ особенно рѣдкихъ пушекъ здѣсь была одна желѣзная, съ превосходною серебряною насѣчкою и вызолоченными дельфинами. Петръ Великій очень дорожилъ этой пушкой и держалъ ее у себя въ кабинетѣ за ключемъ. Подлѣ нея сохранялась интересная небольшая мортира царя Іоанна Васильевича Грознаго, длиной въ 1 арш. 5 верш.; она окружена очень искусною чеканною работою. Вь числѣ рѣдкостей большого зала были драгоцѣнные японскіе кинжалы и сабли, полученные Екатериною II отъ японскаго микадо въ 1792 году.

Другой многоцѣнный подарокъ, который князь Орловъ поднесъ Екатеринѣ въ день ея ангела, 24-го ноября 1773 года вмѣсто букета, былъ знаменитый «Амстердамскій алмазъ», онъ же «Русскій алмазъ или Орловъ»; камень этотъ совершенно безцвѣтенъ и самой чистѣйшей воды, вѣсъ его 194³/₄ карата, ограненъ онъ розою и вставленъ въ скипетръ. Скипетръ, въ которомъ помѣщается алмазъ, по оцѣнкѣ, сдѣланной въ 1763 году, стоитъ 2.399,410 рублей серебромъ. Преданіе говоритъ, что нѣкогда этотъ алмазъ служилъ глазомъ индѣйскаго идола, потомъ сіялъ въ тронѣ шаха Надира и оттуда былъ выкраденъ однимъ солдатомъ во время смутъ въ 1747 году. Алмазъ купилъ Орловъ у армянина Шафраса или Лазаря за 400,000 рублей серебромъ, по другимъ за 460,000 рублей.

Князь Г. Г. Орловъ умеръ, не оставивъ дѣтей отъ брака съ Е. Н. Зиновьевою; все его богатство перешло къ четыремъ его братьямъ. Только Лигово и за̀мокъ Лоде близь Ревеля до-

стались побочной его дочери Натальѣ, по фамиліи Алексѣевой, вышедшей впослѣдствіи замужъ за графа Ѳ. Ѳ. Буксгевдена [76]), бывшаго въ 1808 году предводителемъ русской арміи въ Финляндіи. Родомъ послѣдній былъ изъ старинной лифляндской дворянской фамиліи.

Въ графское достоинство онъ былъ возведенъ прусскимъ королемъ Фридрихомъ (18-го декабря 1795 года). Императоръ Павелъ 5-го апрѣля 1797 года, приказалъ родъ его внесть въ списокъ графовъ Россійской Имперіи. Князь Орловъ взялъ его

Амстердамскій алмазъ.

въ свою свиту, въ 1787 году, затѣмъ онъ былъ флигель-адъютантомъ Екатерины II, гдѣ и пользовался ея милостью и довѣренностью. Участвуя въ шведской войнѣ, отличался нѣсколько разъ, получилъ Георгія 3-й степени и анненскую ленту. Въ польскую кампанію пріобрѣлъ довѣріе великаго Суворова, за отличіе на прагскомъ штурмѣ. Суворовъ назначилъ его комендантомъ Варшавы и правителемъ всей завоеванной Польши.

Императоръ Павелъ, при вступленіи на престолъ, назначилъ его петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, но вскорѣ онъ былъ уволенъ отъ службы и удалился въ Германію. При Александрѣ I онъ снова выступилъ на военное поприще.

По словамъ современниковъ, Буксгевденъ былъ толстъ и неповоротливъ, довольно крутъ въ обращеніи съ подчиненными,

нрава упрямаго и непреклоннаго. Важнѣйшее его достоинство въ арміи составляло то, что онъ былъ любимецъ Суворова. Впослѣдствіи графъ Буксгевденъ много вытерпѣлъ отъ Аракчеева. Послѣдній придрался къ Буксгевдену за недочетъ нѣсколькихъ пудовъ пороха и написалъ ему грубое отношеніе. На это Буксгевденъ отвѣчалъ дерзкимъ письмомъ Аракчееву, въ которомъ называлъ его ничтожнымъ царедворцемъ, хотя бы онъ и назывался военнымъ министромъ.

Этотъ отвѣтъ стоилъ дорого Буксгевдену. Онъ вынужденъ былъ выдти въ отставку и удалиться на житье въ свою мызу въ Лигово; здѣсь онъ занялся хозяйствомъ и постройками. Въ 1809 году, изъ часовни, гдѣ лежалъ прахъ его жены, построилъ каменную церковь во имя Св. Адріана и Наталіи и, спустя два года, и самъ легъ рядомъ съ ней. Тѣла графа и жены его стоятъ поверхъ земли подъ церковью въ склепѣ; находятся они въ дубовыхъ гробахъ, залитыхъ свинцомъ. Тутъ же погребенъ и зять Буксгевдена, вмѣстѣ съ женой, тайный совѣтникъ Арк. Ив. Нелидовъ. О дачѣ послѣдняго на петергофской дорогѣ мы уже говорили выше.

Въ сороковомъ году мыза Лигово была продана графу А. Г. Кушелеву; съ этого времени Лигово стало славиться своимъ образцовымъ сельскимъ хозяйствомъ. Имѣніемъ тогда завѣдывалъ англичанинъ Макъ-Лотлингъ. О Лиговѣ въ то время была издана цѣлая книга и всѣ наши сельскіе хозяева ѣздили туда учиться. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ агрономическая слава этого имѣнія стала меркнуть и въ концѣ концовъ имѣніе пришло въ полный упадокъ. Въ настоящее время имѣніе находится въ опекѣ за долги у какого то купца.

Рядомъ съ Лиговымъ было имѣніе Коерово; принадлежало оно статсъ-секретарю Екатерины Великой, Адаму Васильевичу Олсуфьеву. Послѣдній, по разсказамъ современниковъ, былъ человѣкъ честный, добрый, уживчивый, веселый, обладалъ большою начитанностью и свѣтскимъ умомъ. Любилъ жизнь привольную, спокойную, былъ чуждъ всякихъ интригъ, предпочиталъ всему дружескую веселую бесѣду съ легкой выпивкою. Сабатье-де-Кордъ про него говоритъ, что, «онъ едва ли не самый умный человѣкъ въ Россіи. Онъ отлично говоритъ и хорошо пишетъ на многихъ европейскихъ языкахъ. Онъ свѣдущъ и начитанъ, честенъ, разборчивъ, проницателенъ въ дѣлахъ, надеженъ въ работѣ и она ему легко достается».

По словамъ митрополита Евгенія [77]), онъ писалъ много сатирическихъ и забавныхъ сочиненій и переводилъ съ итальянскаго языка оперы, которыя играны были на придворномъ театрѣ. Изъ его смѣшныхъ вещей извѣстна небольшая пьеска «Перевозъ курьезной души чрезъ Стиксъ» и затѣмъ шуточное посланіе, написанное имъ къ лиговскому сосѣду князю Г. Г. Орлову, съ жалобою на его крестьянъ, чухонъ. Вотъ это стихотвореніе [78]):

„По счастью моему живу съ тобой въ сосѣдствѣ,
Но отъ чухонъ твоихъ теперь въ немаломъ бѣдствѣ.
Исторгни изъ меня заботу и тоску,
Изъ Лигова позволь мнѣ въ садъ мой брать песку.
Они-жъ, треклятые, свою всю мертвечину,
Лишь кожу ободравъ и съ гривы снявъ личину,
Во рвы глубокіе вдали не зарываютъ,
Но вмѣсто ладана мнѣ подъ носъ въ лѣсъ бросаютъ.
Четыре съ кабака дня сряду не сходили,
Ромашку подъ ячмень верхами боронили.
Умышленно моихъ убили трехъ собакъ.
Вино лишь только пьютъ и въ ротъ кладутъ табакъ“. И т. д.

Олсуфьевъ былъ женатъ на М. В. Салтыковой, дочери В. Ѳ. Салтыкова, извѣстнаго любимца императрицы Елисаветы. Сыновья Олсуфьева не были удачны, хотя одинъ С. А. и дослужился до чина генералъ-маіора. Императрица иначе его не называла какъ пьяницей. Впрочемъ, и самъ отецъ его любилъ хорошо покушать и выпить. Существуетъ про послѣдняго слѣдующій анекдотъ. Разъ Екатерина приказываетъ ему у себя въ кабинетѣ по какому-то обстоятельству мнѣніе ея выразить на бумагѣ и, замѣтивъ, что онъ безпрестанно только подчеркиваетъ, сказала:

— Что съ тобою дѣлается! Ты всегда такъ свободно управляешь перомъ?

— Государыня, отвѣчалъ Олсуфьевъ, — я голодный, писать не могу, а въ каретѣ окорокъ ветчины, устрицы и портеръ.

— Такъ вели принести сюда, а я выйду и потомъ займуся дѣлами, проговорила государыня.

При дворѣ Екатерины II появлялись сатирическіе каталоги книгъ, составленные изъ росписи дѣйствительно существующихъ, а чаще фантастическихъ книгъ. Придворные шутники подбирали заглавія такъ, чтобы каждое изъ нихъ заключало въ себѣ указаніе или намекъ на недостатки и смѣшную сторону какого либо лица, или на случившееся съ нимъ приключеніе, а лицо это выставлялось авторомъ подходящей къ нему книги. Такъ:

въ одномъ такомъ каталогѣ новыхъ книгъ находимъ соч. А. Олсуфьева „Искусство наслаждаться“: этимъ намекомъ объясняется страсть его къ чувственнымъ наслажденіямъ.

Загородный домъ Олсуфьева былъ деревянный, впереди его былъ разбитъ цвѣтникъ и лугъ, а позади большой плодовой садъ въ голландскомъ вкусѣ. Рядомъ съ его усадьбой стояла мыза дѣйствит. стат. сов. Александра Григорьевича Демидова [79]), женатаго на его родной племянницѣ. Усадьба Демидова была гораздо богаче Олсуфьевской, домъ былъ большой, каменный, съ бельведеромъ; впереди, на низкомъ лугу, большой голландскій садъ, а позади смѣшанный лѣсъ, въ которомъ стоялъ богатый звѣринецъ съ красными звѣрями.

А. Г. Демидовъ былъ внукъ извѣстнаго Акинѳія Никитича, которому Россія обязана открытіемъ на Алтаѣ серебряныхъ рудъ (первое найденное тамъ серебро было употреблено, по приказу императрицы Елисаветы, на раку св. Александра Невскаго). Онъ же первый сталъ разработывать азбестъ (горный ленъ), открытый имъ близь Невьянскаго завода. Въ его время тамъ ткали изъ него полотна, дѣлали перчатки, кошельки и колпаки,—теперь этотъ промыселъ совсѣмъ позабытъ. Демидовъ первый же открылъ и сталъ разработывать малахитъ и магнитъ; у него въ Нижнетагилѣ былъ самородный магнитъ вѣсомъ въ 13 фунтовъ, державшій пудовую пушку; затѣмъ въ заводскихъ церквахъ были два престола, сдѣланныхъ изъ кубическаго магнита, равныхъ которымъ нѣтъ во всемъ свѣтѣ. Одинъ изъ его потомковъ, владѣвшій этими заводами, впослѣдствіи, при открытіи тамъ платины, въ годъ получалъ доходу до двухъ милліоновъ рублей.

Владѣлецъ дачи на Петергофской дорогѣ также былъ очень богатъ: онъ владѣлъ 10,000 душъ крестьянъ и, помимо многихъ заводовъ на Уралѣ и въ Казанской губерніи, имѣлъ Усть-Соликамскіе соляные промыслы и девять богатыхъ домовъ въ главныхъ городахъ Имперіи. Родной дядя его, Прокофій Акинѳіевичъ, былъ извѣстенъ своими чудачествами, а также большою благотворительностію: онъ далъ 1.107,000 рублей на учрежденіе воспитательнаго дома, 100,000 руб. на народныя училища и сумму вдвое бо̀льшую на постройку зданія для московскаго университета.

За мызой Демидова стоялъ великолѣпный загородный домъ одного изъ самыхъ первѣйшихъ вельможъ вѣка Екатерины II, князя Н. В. Репнина. Домъ, по описанію того времени, былъ

въ китайскомъ вкусѣ. Постройка была деревянная и состояла изъ двухъ домовъ, соединенныхъ между собою крытою длинною колоннадою. Главное строеніе имѣло множество небольшихъ комнатъ, обитыхъ китайскими обоями, коврами; въ комнатахъ вся мебель была китайская, преимущественно фарфоровая, безчисленное количество такихъ же куколъ, идоловъ и бронзовыхъ вещей наполняло всѣ ходы и корридоры въ домѣ.

Кн. Репнинъ.

Другой домъ, меньшихъ размѣровъ противъ перваго, былъ опредѣленъ для кухни, столовой и людскихъ.

Садъ передъ домомъ былъ разбитъ тоже въ китайскомъ вкусѣ, съ небольшими подстриженными деревьями, на пригоркахъ стояли скамейки, бесѣдки, качели, грибки и другія затѣи былого вельможнаго барства. За домомъ тянулся на далекое пространство паркъ въ англійскомъ вкусѣ, съ мостиками, прудами, храмами, эрмитажемъ и т. п. постройками.

Знаменитый своею славною дѣятельностью на военномъ и дипломатическомъ поприщѣ въ царствованіе Екатерины II, ге-

нералъ-фельдмаршалъ князь Н. В. Репнинъ, жилъ, въ концѣ царствованія Екатерины, въ загородномъ домѣ. Причастный къ дѣлу мартинистовъ, какъ покровитель Новикова, онъ тогда уже не пользовался милостью государыни. Хотя вскорѣ она и назначила его генералъ-губернаторомъ лифляндскимъ и эстляндскимъ, «но это могло, въ его положеніи», какъ говоритъ Лонгиновъ [80]), «казаться чѣмъ-то въ родѣ почетной ссылки». Репнинъ, какъ извѣстно, въ Варшавѣ игралъ бо́льшую роль, чѣмъ самъ Станиславъ Понятовскій, король польскій. Видѣвшій его ежедневно тамъ Джемсъ-Гаррисъ, бывшій съ 1777 по 1782 годъ посломъ англійскимъ при Екатеринѣ, говоритъ о князѣ Репнинѣ слѣдующее: „Ничего не могло быть поразительнѣе высокомѣрія его съ самыми важными лицами и его преувеличенной до-нельзя любезности съ женщинами....»

Въ засѣданіяхъ делегаціи онъ затыкалъ каждому ротъ, говоря: „такова воля императрицы“. Онъ обращался также безцеремонно и съ королемъ. У него разъ былъ маскарадъ. Король хотѣлъ подождать до начатія танцевъ послѣ ужина, чтобы столы изъ ужинной залы были вынесены, потому что это была самая большая комната. Репнинъ, напротивъ того, хотѣлъ, чтобы танцы начались сейчасъ же въ другой залѣ. Когда Гаррисъ сообщилъ о томъ королю, то онъ просилъ его сказать князю, что ему хотѣлось бы подождать, пока очистятъ большую залу. На это князь сказалъ Гаррису:

— Этого нельзя; если онъ не придетъ, то мы начнемъ безъ него.

И король преспокойно началъ танцовать.

Разъ зашелъ разговоръ о нѣкоторыхъ прежнихъ короляхъ Польши, которые были принуждены бѣжать изъ нея и искать средствъ къ жизни, занимаясь разными ремеслами. Такъ одинъ изъ королей сдѣлался ювелиромъ во Флоренціи. Король сказалъ при этомъ, что былъ бы крайне затрудненъ такимъ испытаніемъ и не зналъ бы чѣмъ существовать.

— Извините меня, возразилъ Репнинъ,—вѣдь вы, ваше величество, отлично танцуете.

Въ театрѣ актеры ожидали пріѣзда Репнина даже тогда, когда король уже сидѣлъ въ своей ложѣ цѣлый часъ. Репнинъ разъ на страстной недѣлѣ назначилъ представленіе въ варшавскомъ театрѣ, гдѣ зрителей, кромѣ его и его свиты, никого не было.

Во время засѣданія сейма, князь Репнинъ со своими генералами стоялъ въ сосѣдней комнатѣ, внутреннія окна которой

выходили въ залу собранія. Онъ наблюдалъ за всѣмъ, что происходило, и когда замѣчалъ, что кто нибудь говорилъ противъ, то высовывалъ свою голову въ окно, дабы пригрозить кому слѣдовало. Чтобы удержать вліятельнаго на сеймѣ князя Радзивилла, по характеру великаго кутилу, пьяницу и глупца, отъ неприличныхъ выходокъ, онъ поставилъ въ домъ къ нему полковника съ командой изъ 60 человѣкъ. На другой день закрытія сейма, какъ видѣлъ самъ Гаррисъ, Радзивиллъ явился къ Репнину совершенно пьяный и хвастался тѣмъ, что опять имѣетъ право напиваться сколько душѣ угодно.

Тотъ же иностранецъ разсказываетъ, что Репнинъ, помимо властительныхъ замашекъ, былъ предостойный человѣкъ, чувствительный и человѣколюбивый, исполненный ума и пріятностей. Онъ велъ себя во всѣхъ случаяхъ съ большимъ безкорыстіемъ и избѣгалъ многихъ случаевъ обогатиться. Онъ отказался отъ 3,000 душъ и 50,000 рублей, назначенныхъ ему въ подарокъ Екатериною II. Впрочемъ, онъ самъ былъ богатъ, состояніе его заключалось въ тѣхъ вотчинахъ, которыя дѣдъ его, Аникита Ив., получилъ отъ Петра Великаго. Онъ щедро раздавалъ свои деньги близкимъ къ себѣ лицамъ. Такъ, замѣтивъ однажды, что одинъ провіантскій чиновникъ, находившійся при немъ, очень мраченъ, присталъ къ нему, чтобы онъ признался, какая печаль гнететъ его.

— Признавайся мнѣ, какъ духовнику, говорилъ онъ: — я знаю, что ты любишь карты: не проигрался ли?

Чиновникъ послѣ долгаго запирательства, наконецъ, повинился ему, что имѣлъ несчастіе проиграть 60,000 рублей казенныхъ денегъ.

— Вставай, сказалъ ему Репнинъ,—ты не одинъ виноватъ, виноватъ и я вмѣстѣ съ тобою: зная твою страсть къ игрѣ, я держалъ тебя на такой должности, гдѣ бы ты могъ взять еще больше. Къ счастью твоему, я надняхъ продалъ одну свою деревню и вотъ 60,000 руб., но вмѣстѣ съ тѣмъ предлагаю тебѣ условіе: немедленно подай мнѣ просьбу объ увольненіи изъ провіантскаго вѣдомства, и чтобы этотъ разговоръ остался между нами.

Существуетъ еще другой такой же разсказъ о немъ. Такъ, Репнинъ, узнавъ стороной о долгахъ своего секретаря Як. Ив. Булгакова, навелъ о нихъ справки и заплатилъ за него кредиторамъ изъ собственныхъ своихъ денегъ 11,000 червонцевъ. Извѣстенъ также еще одинъ примѣръ его безкорыстія. Репнинъ

добровольно отказался отъ 3,000 душъ, слѣдовавшихъ ему по наслѣдству отъ князей Лобановыхъ-Ростовскихъ.

Всѣ отзывы о князѣ Репнинѣ полны похвалъ. И. В. Лопухинъ считалъ лучшею для себя похвалою свою дружбу съ Репнинымъ, онъ отзывался о немъ такъ: «Еслибъ мои правила дозволяли мнѣ давать волю самолюбію, то я не просилъ бы другой на гробѣ моемъ надписи, кромѣ слѣдующей: Онъ другъ былъ Репнину». Всѣ князья Репнины отличались строгой честностью, дѣдъ нашего героя, когда отправилъ сына своего на службу въ Ливонію, то далъ ему въ дядьки старика, двороваго человѣка, которому отцомъ было поручено отдавать отчетъ въ поведеніи молодого человѣка.

Во время своего путешествія, молодой князь остановился на квартирѣ у бѣднаго пастора Поля, подружился съ нимъ и сталъ сильно ухаживать за хорошенькой его дочкой. Старикъ-дядька счелъ нужнымъ увѣдомить о томъ старика-князя. Князь собрался въ путь немедленно по полученіи его письма. Пріѣздъ отца не мало удивилъ молодого князя. Онъ сталъ разсказывать о своихъ знакомыхъ и упомянулъ о пасторѣ.

— А что-жъ ты молчишь объ его дочери?—спросилъ отецъ.— Развѣ неправда, что ты за ней ухаживаешь?

Сынъ сконфузился и признался, что она, дѣйствительно, ему нравится.

— Ты думаешь на ней жениться?—спросилъ его старикъ князь.

Молодой человѣкъ не понялъ смысла его словъ и спѣшилъ его успокоить, увѣряя, что не забывалъ никогда до какой степени подобная женитьба для него невозможна и не мечталъ о ней.

— Какъ?—вскричалъ отецъ,—ты думаешь не жениться и пользоваться гостепріимствомъ и довѣріемъ ея отца, чтобы вскружить ей голову и запятнать честное имя? Нѣтъ, этому не бывать и я требую, чтобы ты ей сдѣлалъ предложеніе.

Молодой князь посватался и вскорѣ обвѣнчался; отъ этого брака родился князь Николай Васильевичъ [81]).

Въ царствованіе императора Павла, общественное положеніе Репнина стояло гораздо выше, чѣмъ при Екатеринѣ; императрица его не долюбливала за то, что онъ былъ масонъ [82]). Императоръ, тотчасъ по вступленіи на престолъ, осыпалъ его милостями и высоко цѣнилъ его способности, препоручая ему самыя важныя дѣла въ государствѣ. Такъ, когда, по восшествіи на престолъ императора, по повелѣнію его была взята отъ крестьянъ присяга на вѣрноподданство государю, крестьяне, при-

сягнувъ Павлу, считали себя изъятыми изъ владѣнія помѣщичьяго и въ скоромъ времени изъ разныхъ концовъ имперіи правительство стало получать тревожныя извѣстія о крестьянскомъ движеніи.

Первый такой бунтъ вспыхнулъ въ Олонецкой губерніи, затѣмъ въ Московской, Псковской, Новгородской, Нижегородской, Пензенской, Ярославской и т. д. Особенно возмущеніе было велико въ Орловской губерніи, въ имѣніяхъ Голицына и Апраксина; взбунтовалось болѣе 20,000 душъ крестьянъ, у послѣднихъ даже были свои укрѣпленія и пушки [83]). Присланныхъ для усмиренія они брали въ плѣнъ и держали подъ арестомъ. Дѣло было очень важно; Павелъ послалъ къ нимъ князя Репнина и писалъ ему: «Если мой пріѣздъ къ вамъ можетъ быть нуженъ, скажите, я тотчасъ пріѣду».

Присланный для усмиренія бунтовщиковъ, Репнинъ сперва пустилъ противъ нихъ холостые заряды, но когда это не имѣло дѣйствія, но еще болѣе ободрило ихъ, то нѣсколько картечныхъ выстрѣловъ привели возмутившихся крестьянъ къ покорности. Репнинъ велѣлъ похоронить убитыхъ и поставить надъ ними доску съ надписью; что же касается до зачинщиковъ и виновныхъ въ бунтѣ, то онъ приказалъ ихъ не искать.

Въ Кромскомъ уѣздѣ, Орловской губерніи, въ имѣніи Ретижахъ, въ саду друга Репнина, П. В. Лопухина, имѣется гранитный памятникъ, поставленный въ память Н. В. Репнина; на немъ, въ числѣ многихъ дѣлъ князя, упомянуто и это происшествіе. Князь Репнинъ умеръ отъ удара 12-го мая 1801 года, 68 лѣтъ.

По словамъ его друзей, смерть постигла его въ любимомъ имъ селѣ Воронцовомъ, князь очень скучалъ о преждевременной кончинѣ императора Павла; страдалъ передъ смертью онъ недолго, кончина его была безболѣзненна; онъ гулялъ въ саду съ внукомъ, когда его постигъ ударъ; князь только успѣлъ послать за священникомъ, исповѣдаться, пріобщиться и благословить всѣхъ своихъ. Державинъ сказалъ Репнину:

Другъ человѣчества! Войною
Быть громкимъ можетъ и злодѣй,
Но славою блестятъ прямою
Подобны души лишь твоей.

Вторая жена князя Репнина, княгиня Наталья Александровна, рожденная Куракина, умерла въ 1798 году и была погребена въ окрестностяхъ Вильны. Въ 1812 году французы, при занятіи этой мѣстности, разбили монументъ, тѣло ея выкопали и ограбили всѣ ея украшенія [84]).

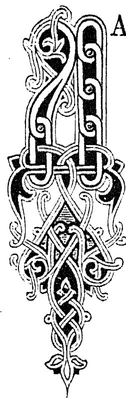
У князя Н. В. Репнина былъ побочный сынъ И. П. Пнинъ (род. 1773 г., умеръ 1805 г.), получившій превосходное воспитаніе, онъ служилъ сперва въ артиллеріи, затѣмъ въ только что учрежденномъ тогда министерствѣ народнаго просвѣщенія, издавалъ «С.-Петербургскій Вѣстникъ», написалъ драму «Велисарій» и нѣсколько статей о воспитаніи и просвѣщеніи, въ числѣ которыхъ «Опытъ просвѣщенія относительно къ Россіи. Спб. 1804 г.». Книга эта въ свое время была отобрана въ книжныхъ лавкахъ. Авторъ въ ней проводитъ мысль, что просвѣщеніе состоитъ въ томъ, что каждый членъ общества, въ какомъ бы онъ званіи ни находился, совершенно знаетъ и исполняетъ свои обязанности и т. д. Затѣмъ, признавая необходимость четырехъ сословій: дворянскаго, духовнаго, мѣщанскаго и крестьянскаго, онъ предполагаетъ внушать каждому изъ нихъ соотвѣтственныя добродѣтели и для этого сочинять „особые уставы". Изъ стихотвореній его славилась „Ода на правосудіе". Пнинъ надѣялся, что князь Н. В. Репнинъ признаетъ его своимъ сыномъ, но, узнавъ, что онъ забылъ о немъ въ своемъ завѣщаніи, впалъ въ уныніе и зачахъ; подъ гнетомъ этой несправедливости, онъ написалъ „Вопль невинности, отвергаемой закономъ". Пнинъ пользовался дружбой и уваженіемъ всѣхъ тогдашнихъ писателей. Смерть его особенно глубоко опечалила юнаго его друга К. Батюшкова [85]). Молодой поэтъ написалъ очень теплое и душевное стихотвореніе на смерть его, напечатанное въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ", въ 1806 году. Начиналось оно такъ: „Гдѣ другъ нашъ? Гдѣ пѣвецъ? Гдѣ юности красы?" и т. д. Стихами на смерть Пнина почтили еще его друзья—гг. А. А. Писаревъ, П. А. Радищевъ и С. Н. Глинка.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ на одной части мѣста старинной усадьбы Репнина была выстроена роскошная барская дача графомъ Н. А. Протасовымъ, бывшимъ въ то время оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода. Во время графа Протасова здѣсь опять закипѣла жизнь: у гостепріимной его супруги особенно часты были праздники лѣтомъ, сюда въ то время съѣзжались почти всѣ высокопоставленныя лица Николаевскаго царствованія. На половинѣ графа тоже гости не переводились и, какъ видимъ изъ переписки московскаго митрополита Филарета, здѣсь по недѣлямъ живали митрополитъ Серафимъ, Иннокентій Камчатскій и пребывалъ почти безвыѣздно извѣстный ревнитель православія А. Н. Муравьевъ.

ГЛАВА VII.

Мыза Новознаменка. — Мятлево тожъ. — Прежній владѣлецъ ея Нарышкинъ.—Сенаторъ П. В. Мятлевъ. — Жена его Прасковья Ивановна. — Знаменитое брилліантовое ожерелье.— Церковь на дачѣ.— Сохранившаяся старая роскошь дачи Мятлева. — Картинная галлерея. — Мадонна Рафаэля.—Другія драгоцѣнныя коллекціи Мятлевыхъ. — И. П. Мятлевъ. — Его поэтическія шутки и остроуміе. — Садъ на дачѣ Мятлева.— Дачи царевенъ: Прасковьи и Екатерины. — Андрей Яковлевъ и его несчастная судьба. — Иванъ Ильичъ Дмитріевъ-Мамоновъ.— Рѣдкости Мамонова. — Судъ надъ Мамоновымъ и опека. — Любимецъ Екатерины II, графъ А. М. Дмитріевъ-Мамоновъ.—Подарки ему.— Женитьба его.— Богатство Мамонова.— Сынъ его М. А. Дмитріевъ-Мамоновъ.—Мамоновскій полкъ.—Враги графа.—Отшельническая жизнь Мамонова.—Привычки и образъ его жизни.—Дневникъ графа Мамонова.— Причина его смерти.

АЛѢЕ по Петергофской дорогѣ, среди толпящихся вѣковыхъ деревьевъ, на горѣ, возвышается барская усадьба В. И. Мятлева. Это старое барское пепелище живетъ своими историческими воспоминаніями; здѣсь, на пути къ царственному Петергофу, не разъ останавливалась великая Екатерина у тогдашняго владѣльца этой усадьбы, А. Л. Нарышкина.

На этой дачѣ, находясь въ гостяхъ у Нарышкина, она была извѣщена курьеромъ изъ арміи о фридландскомъ мирѣ со шведами; въ память этого событія и была поставлена въ одной изъ залъ дома великолѣпная статуя императрицы.

Этотъ Нарышкинъ, какъ извѣстно, при Екатеринѣ, когда она была еще великою княгинею, состоялъ камергеромъ, впослѣдствіи онъ былъ при ней оберъ-шталмейстеромъ [86]). Нарышкинъ

обладалъ наслѣдственною остротою ума и любезностью тогдашнихъ Нарышкиныхъ; онъ былъ шутникъ и весельчакъ, какихъ уже нѣтъ больше; императрица очень часто говоритъ о немъ въ своихъ запискахъ. Его она дразнила смертію сардинскаго короля наканунѣ своей собственной кончины.

Надъ нимъ, какъ говоритъ Ф. Ф. Вигель, она смѣялась, увѣряя, что Азиковъ (его домашній человѣкъ), оспариваетъ у него супружескія права.

По поводу этого П. Бартеневъ [87]) приводитъ слѣдующій анекдотъ. «Въ бытность государыни у него на дачѣ, Нарышкинъ игралъ передъ нею на скрипкѣ и, наклоняя голову въ ту сторону, гдѣ находился Азиковъ, напѣвалъ модную тогдашнюю пѣсенку: «Voilà l'objet de ma flamme, причемъ вмѣсто flamme произносилъ femme». Дача В. И. Мятлева носитъ названіе «Новознаменской», пріобрѣтена она отцомъ нынѣшняго владѣльца, извѣстнымъ поэтомъ сороковыхъ годовъ Ив. Петр. Мятлевымъ, куплена имъ она была по желанію матери его, Прасковьи Ивановны Мятлевой [88]), супруги тайнаго совѣтника, дѣйствительнаго камергера Петра Васильевича, извѣстнаго директора банка въ Екатерининское время и неумолимаго судьи по дѣлу о покражѣ въ государственномъ банкѣ 250,000 рублей, кассиромъ Кельбергомъ. Мятлевъ вмѣстѣ съ Державинымъ горячо принялся за это дѣло и велъ дѣло даже по ночамъ, засѣдая съ членами комиссіи въ своемъ домѣ, у Аничкова моста; Мятлевъ отъ усиленныхъ занятій вскорѣ заболѣлъ и былъ принужденъ ѣздить въ сенатъ уже больнымъ. Жена его, Праск. Ив. Мятлева, была старшая дочь генералъ-фельдмаршала графа Ивана Петровича Салтыкова и супруги его графини Дарьи Петр. Чернышевой; она вышла замужъ въ 1795 году. Мятлева была одной изъ двѣнадцати фрейлинъ императрицы Екатерины II. Мятлева отличалась добротою характера и большою справедливостью въ своихъ поступкахъ.

Въ исторіи драгоцѣнностей, извѣстно знаменитое брилліантовое ожерелье, цѣнностью въ нѣсколько десятковъ тысячъ, купленное императоромъ Павломъ и подаренное княжнѣ Лопухиной. Отъ наслѣдниковъ послѣдней, впослѣдствіи это ожерелье было куплено крестьянами П. И. Мятлевой и поднесено ими своей госпожѣ.

Этотъ подарокъ въ то время возбудилъ не мало толковъ. Благодарная помѣщица отдарила своихъ крестьянъ тѣмъ, что выстроила имъ большое училище [89]). П. И. Мятлева, имѣя трехъ

дочерей, ни одной изъ нихъ не отдала славнаго ожерелья, а приказала хранить его въ роду; теперь оно принадлежитъ ея внуку. Дача Новознаменка названа такъ въ память нѣкогда принадлежавшей роду Мятлевыхъ Старой Знаменки (теперь мыза того же имени принадлежитъ его императорскому высочеству великому князю Николаю Николаевичу Старшему).

На дачѣ Мятлева домашняя церковь тоже въ память прежней, во имя Знаменія Креста (празднуемаго 7-го мая).

Дача В. И. Мятлева сохраняетъ характеръ отдаленной старины; въ старомъ большомъ каменномъ барскомъ домѣ, построенномъ архитекторомъ Растрелли, посейчасъ цѣлы остатки искусства и мастерства временъ давно минувшихъ. Благодаря усиліямъ владѣльца усадьбы, здѣсь сохранилось отъ забвенія безчисленное множество вещей, которыя безъ того давно затерялись бы и погибли.

Въ числѣ вещей, истинно изящныхъ, есть шкафы (cabinets) съ инкрустаціями изъ разноцвѣтнаго дерева (marqueterie) первыхъ годовъ царствованія Людовика XV. Затѣмъ мебель съ отличительнымъ характеромъ начала имперіи. Много лаковой китайской мебели и китайскихъ вещей изъ фарфора и эмали—настоящихъ objets d'art, высоко цѣнимыхъ знатоками. Очень хороша также большая зала дома съ росписными стѣнами и потолкомъ. Здѣсь превосходны двѣ бѣлыя кафельныя печи стиля Louis XVI. Затѣмъ множество картинъ и портретовъ, переносящихъ васъ въ давно отошедшій міръ. Былая знать минувшаго вѣка глядитъ здѣсь на васъ изъ каждаго угла и съ каждой стѣны.

Въ другомъ домѣ, напротивъ большого, хранится превосходная библіотека въ количествѣ 18,000 томовъ; теперь она продана г-ну фонъ-Дервизу. Книги французскія XVIII столѣтія, много иллюстрированныхъ съ цѣнными гравюрами: Кошена, Гравело, Моро и т. д. В. И. Мятлевъ владѣетъ превосходною галлереею картинъ. У него имѣется оригинальная картина работы Рафаэля, изображающая «Мадону съ Младенцемъ Христомъ». Эта картина извѣстна по гравюрамъ иностранныхъ художниковъ, подъ названіемъ «La vierge à l'enfant débout». Картина пріобрѣтена въ Римѣ сенаторомъ П. В. Мятлевымъ, дѣдомъ теперешняго владѣльца, въ 1807 году; ради этой картины куплена имъ за большія деньги вся галлерея, продававшаяся тогда въ Италіи. По особенной любезности папы Пія VII къ Мятлеву, ему разрѣшенъ былъ вывозъ ея. Объ этой картинѣ и

о существующихъ съ нея копіяхъ часто говорится во многихъ описаніяхъ художественныхъ галлерей.

Въ галлереѣ Мятлева имѣется также портретъ папы Пія VII кисти извѣстнаго Камучини, затѣмъ четыре большія картины Робера, портретъ работы Пуссена, ландшафты Жозефа Верне, Богоматерь кисти Карло Долче, Иродіада съ головой Іоанна Крестителя работы Соларіо, ученика Леонарда да-Винчи, статуя императрицы Екатерины II, немного больше натуральной величины, извѣстнаго Фальконета, портретъ императрицы верхомъ на лошади, пожалованный ею камергеру барону Бюлеру; портретъ этотъ поднесенъ внукомъ барона бабкѣ нынѣшняго владѣльца, послѣдней изъ фрейлинъ императрицы Екатерины II. Портретъ недавно отъ Мятлева пріобрѣтенъ графомъ Д. А. Толстымъ.

Въ числѣ историческихъ рѣдкостей есть сѣдло и шпага Фридриха Великаго, короля прусскаго, взятыя прадѣдомъ Мятлева, графомъ И. С. Салтыковымъ. Къ драгоцѣннымъ предметамъ коллекціи г. Мятлева принадлежитъ большая витрина античныхъ камней, разныхъ автографовъ и затѣмъ богатѣйшее собраніе цѣннаго оружія. Всѣ эти драгоцѣнности теперь хранятся въ Петербургѣ, въ домѣ г. Мятлева, на Мойкѣ, у Почтамскаго мостика.

Собиратель этихъ сокровищъ, П. В. Мятлевъ, былъ очень богатъ, громадное богатство обоихъ фельдмаршаловъ Салтыковыхъ досталось его женѣ, Праск. Ивановнѣ. Состояніе Салтыковыхъ было настолько велико, что одинъ изъ нихъ содержалъ, въ 1812 году, на свой счетъ цѣлый полкъ, а у другого въ Москвѣ было нѣсколько домовъ, въ которыхъ онъ жилъ одинъ, переѣзжая изъ одного дома въ другой. Домъ Праск. Ивановны Мятлевой въ Петербургѣ былъ самымъ уважаемымъ.

По словамъ современниковъ, никто не могъ такъ веселить общество какъ она; страсть ея къ домашнимъ театральнымъ представленіямъ не уменьшалась даже съ лѣтами и въ одной изъ длинныхъ залъ салтыковскаго дома на Большой набережной воздвигла она сцену, на которой по зимамъ и играли французскія пьесы. Сынъ ея, И. П. Мятлевъ, поэтъ извѣстный въ сороковыхъ годахъ шуточными своими стихотвореніями [90]). Мятлевъ служилъ въ молодыхъ годахъ по министерству финансовъ. Онъ легко владѣлъ стихомъ и былъ человѣкомъ остроумнымъ. Много разныхъ его прозвищъ въ то время были извѣстны въ обществѣ и переходили отъ одного лица къ другому; такъ онъ

прозвалъ одного изъ директоровъ министерства, въ которомъ самъ служилъ, «цѣловальникомъ» за то, что тотъ, бывало, что ни скажетъ жена министра графиня Канкрина, онъ сейчасъ же:

— Ахъ, какъ это мило, графиня! Позвольте за то поцѣловать вашу ручку.

Когда Сабуровъ опредѣленъ былъ совѣтникомъ въ банкъ, Мятлевъ сказалъ [91]):

Канкринъ нашъ, право, молодецъ!
Онъ не министръ, родной отецъ:
Сабурова онъ держитъ въ банкѣ.
Ich danke, батушка [92]), ich danke.

Въ одномъ пріятельскомъ домѣ Мятлеву надоѣло, что сынъ хозяина, юркій мальчикъ, часто бралъ его щегольскую шляпу и забавлялся ею. Однажды Мятлевъ отнялъ у него свою шляпу и, показавъ во внутрь ея, велѣлъ прочитать, что тамъ написано для предосторожности, чтобы другіе не обмѣняли шляпы [93]):

Я Мятлева Ивана,
А не твоя, болвана.
Свою ты прежде поищи,
Твоя, я чай, пожиже щи.

Большой садъ на дачѣ Мятлева посейчасъ сохраняетъ характеръ французскихъ пышныхъ парковъ, разбитыхъ по планамъ Ленотра, вьются здѣсь излучистыя дорожки, тянутся безконечныя перспективы, возвышаются на газонахъ площадки, гдѣ виднѣются мраморныя статуи, окруженныя лабиринтомъ составленнымъ изъ фантастически перепутанныхъ деревьевъ и кустовъ. (Такіе лабиринты встарину служили эмблемою препятствій и трудностей, встрѣчаемыхъ на пути жизни).

Есть гроты, мостики, бесѣдки и т. д. При постройкахъ и раскопкахъ въ мѣстности, гдѣ лежитъ садъ, обнаружено было въ нѣсколькихъ мѣстахъ существованіе старинной шведской крѣпости.

На восемнадцатой верстѣ по Петергофской дорогѣ, гдѣ теперь стоитъ большая усадьба А. Н. Стобеуса, и гдѣ прежде были дачи гг. Моллера, князя Гагарина, Толстого и другихъ, тамъ, въ половинѣ прошедшаго столѣтія, ютились небольшіе загородные дома любимцевъ и сторонниковъ царевенъ Екатерины Іоанновны и Параскевы Іоанновны, Андрея Яковлева и Ив. Ильича Дмитріева-Мамонова. Первый изъ нихъ извѣстенъ своею печальною судьбою, — родомъ онъ былъ изъ Астрахани, гдѣ и служилъ въ духовномъ приказѣ приставомъ; за вины какія-то онъ былъ записанъ Волынскимъ въ солдаты, но вскорѣ опять

вошелъ въ милость къ Меншикову. При императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ онъ былъ секретаремъ военной коллегіи; послѣ сдѣланъ кабинетъ-секретаремъ; въ этой службѣ онъ сохранилъ казнѣ болѣе милліона рублей во время турецкой войны, но по навѣтамъ Волынскаго, «за непорядочные поступки», опять былъ переведенъ въ военную коллегію. Вскорѣ, впрочемъ, онъ опять былъ возвращенъ на старое мѣсто и произведенъ въ чинъ статскаго совѣтника. При слухахъ о заговорѣ въ пользу брауншвейгской фамиліи, герцогъ Биронъ приказалъ схватить Яковлева и пытать; причина такой немилости и преслѣдованій герцога была та, что жена Яковлева очень походила лицомъ на Анну Леопольдовну и считалась фавориткою этой принцессы. Яковлевъ по суду былъ приговоренъ къ публичному наказанію кнутомъ, но ссылка самого Бирона спасла его отъ наказанія и новая правительница пожаловала его чиномъ, наградила деревнями и за болѣзнью уволила его на житье въ деревняхъ.

Новая перемѣна правительства, въ 1741 году, снова навлекла тяжкія ему испытанія: Яковлевъ былъ арестованъ, преданъ суду и обвиненъ «какъ конфидентъ Меншикова, подававшій ему разные вредительные проекты безъ подписи» и по суду Яковлевъ лишенъ былъ чиновъ, деревень и записанъ въ писаря въ астраханскій гарнизонъ, гдѣ и окончилъ свою карьеру.

Другой владѣлецъ дачи въ этой мѣстности, Иванъ Ильичъ Дмитріевъ-Мамоновъ, генералъ-аншефъ и александровскій кавалеръ (род. 1681 г., ум. 1730 г.), былъ женатъ во второй разъ на великой княгинѣ Прасковьѣ Іоанновнѣ, сестрѣ императрицы Анны Іоанновны; родной племянникъ его былъ извѣстенъ своими похожденіями; во время чумы въ Москвѣ, въ 1771 году, на второй день бунта, онъ чуть не поплатился жизнію.

Когда тамъ господствовало безначаліе, онъ прибылъ въ Чудовъ монастырь съ двумя солдатами для водворенія порядка и долженъ былъ бѣжать оттуда преслѣдуемый каменьями и полѣньями; напрасно онъ думалъ обороняться отъ черни шпагой и пистолетами, его настигла толпа у Никольскихъ воротъ и била чѣмъ попало. Наконецъ, кто-то ударилъ его въ голову камнемъ и онъ упалъ, почти замертво; слуги перенесли его за Никольскія ворота къ гауптвахтѣ [94]).

Черезъ два года послѣ этого происшествія, Мамоновъ, какъ любитель рѣдкостей, показываетъ москвичамъ свои коллекціи и хочетъ напечатать «привѣтствіе», приглашавшее публику посѣщать его домъ, чтобы любоваться его сокровищами (какія были

сокровища у Мамонова—неизвѣстно), но это привѣтствіе къ напечатанію не было позволено. Мамоновъ жаловался сперва въ сенатъ, потомъ подавалъ прошеніе самой императрицѣ, которая на жалобу послѣдняго писала къ московскому главнокомандующему князю М. Н. Волконскому, что она нашла въ его привѣтствіи «неблагопристойности», но спрашивала, не было ли еще и другихъ причинъ запрещенію, которое Мамоновъ приписывалъ именно князю, и точно ли у него въ домѣ то, что исчислено въ «привѣтствіи».

При этомъ императрица повелѣла главнокомандующему донести ей вообще о поведеніи Мамонова, потому что въ Петербургѣ многіе разсказываютъ о немъ такія дѣла, которыя мало ему похвалы приносятъ [95]). Черезъ пять лѣтъ послѣ этого дѣла Мамоновъ снова обратилъ на себя вниманіе правительства. Императрица писала къ Волконскому, что до нея дошли слухи о большихъ жестокостяхъ и мучительствахъ Мамонова надъ его крѣпостными людьми; императрица подозрѣвала, что Мамоновъ не въ здравомъ разсудкѣ и приказала надъ нимъ назначить строгое слѣдствіе. Слѣдствіе вполнѣ подтвердило подозрѣніе и Мамоновъ былъ признанъ жестокимъ господиномъ, находящимся внѣ здраваго разсудка.

Жена Мамонова притомъ еще жаловалась на мужа, что онъ подверженъ мотовству и прожилъ три четверти наслѣдственнаго своего имѣнія. Надъ Мамоновымъ были назначены опекуны, которые не допускали бы его ни до какихъ «мучительствъ или неистовствъ». Не смотря на свои такіе поступки, Мамоновъ имѣлъ и почитателей; такъ въ честь его изданъ былъ «Панегирикъ дворянину философу Ѳедору Ивановичу Дмитріеву-Мамонову; писалъ и поднесъ священникъ Василій Ивановъ Соловей». М. въ листъ, безъ означенія года [96]). Самъ Мамоновъ написалъ также нѣсколько сочиненій въ прозѣ и стихахъ; изъ нихъ по каталогамъ извѣстны: «Любовь Псишики и Купидона», «Епистола отъ генерала къ подчиненнымъ», «Слава Россіи, или собраніе медалей, означающихъ дѣла Петра Великаго» и многіе другіе. Чиномъ этотъ Мамоновъ былъ бригадиръ и умеръ 78 лѣтъ отъ роду въ Москвѣ, въ 1805 году.

Любимецъ Екатерины II, графъ Александръ Матвѣевичъ Дмитріевъ-Мамоновъ (1758—1803 г.), приходился послѣднему троюроднымъ племянникомъ; онъ извѣстенъ былъ нѣсколькими своими литературными опытами и богатствомъ, которое получилъ отъ щедротъ императрицы—въ продолженіе двухъ лѣтъ и

двухъ мѣсяцевъ ему были пожалованы помѣстья, стоившія 600,000 рублей, деньгами выдано 200,000 рублей и брилліантовъ подарено на 80,000 руб. При женитьбѣ его на княгинѣ Щербатовой, государыня подарила ему 3,000 душъ и 100,000 деньгами.

Екатерина не желала этого брака: княжна познакомилась съ Мамоновымъ и видѣлась съ нимъ у родственниковъ своихъ Рибопьеровъ, которые тоже не одобряли этого увлеченія. Екатерина желала женить его на графинѣ Брюсъ и по этому случаю писала ему: «дочь графа Брюса составляетъ въ Россіи первѣйшую, богатѣйшую и знатнѣйшую партію; женись на ней».

Своимъ случаемъ при дворѣ Мамоновъ былъ обязанъ Потемкину; послѣдній считалъ его своимъ дальнимъ родственникомъ, родство это признавалъ и Мамоновъ; такъ, на подаренномъ князю Мамоновымъ золотомъ чайникѣ было награвировано: plus unis par le cœur que par le sang [97]). Всѣ ордена Мамонова были осыпаны брилліантами и жемчугами, онъ первый изъ кавалеровъ орденъ св. Анны, пожалованный ему наслѣдникомъ Павломъ Петровичемъ, украсилъ брилліантами. Его александровская звѣзда стоила 30,000 рублей; она была куплена Екатериной у наслѣдниковъ Ланского.

Мамоновъ былъ гордъ, тщеславенъ и корыстолюбивъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не лишенъ былъ ума и дарованій. Онъ былъ сотрудникомъ государыни въ нѣсколькихъ ея пьесахъ для эрмитажнаго театра.

Графъ Мамоновъ былъ очень преданъ наслѣднику престола Павлу Петровичу. Императрица очень вѣрно сказала о будущемъ его семейномъ счастіи: «разница ходить съ кѣмъ въ саду и видѣться на четверть часа, или жить вмѣстѣ». Мамоновъ не былъ счастливъ съ женою и часто въ письмахъ къ императрицѣ высказывалъ свое раскаяніе въ увлеченіи; отъ брака съ княжной Щербатовой у него родился одинъ сынъ, графъ Матвѣй Александровичъ, человѣкъ необыкновенныхъ способностей, прославившійся въ Москвѣ своими чудачествами и крупнымъ пожертвованіемъ въ годину бѣдствій отечества.

Въ 1812 году онъ вооружилъ и содержалъ на собственный счетъ цѣлый казацкій полкъ. П. Кичеевъ, въ своихъ разсказахъ изъ семейной памяти (см. «Р. Арх.» 1868 г., стр. 92) говоритъ, что когда родился этотъ первенецъ, то молодые супруги, чтобы онъ, какъ говорилось, устоялъ, прибѣгли къ предразсудку. Его крестилъ первый встрѣтившійся на улицѣ. Это былъ никто иной, какъ горбатый зеленщикъ-крестьянинъ, по имени Семенъ, ко-

Графъ Дмитріевъ-Мамоновъ.

торый долго жилъ и нерѣдко навѣщалъ своего крестника, получая по золотому за свой визитъ и подносимые крестнику незатѣйливые гостинцы.

Князь Вяземскій разсказываетъ [98]): по занятіи Москвы, Мамоновъ перешелъ со своимъ полкомъ въ Ярославскую губернію. Тутъ пошли требованія болѣе или менѣе непріятныя и кляузныя отношенія, переписка съ мѣстными властями, по части постоя, перевозки нижнихъ чиновъ и т. д., дошла очередь и до губернатора, князя Голицына, который въ оффиціальномъ отношеніи написалъ графу Мамонову: «Милостивый государь мой!» Отношеніе и частичка мой взорвало гордость графа Мамонова. Онъ отвѣтилъ рѣзко и колко и въ концѣ письма писалъ: «послѣ сказаннаго мною выше, предоставляю вашему сіятельству самому заключить, съ какимъ истиннымъ почтеніемъ остаюсь я, милостивый государь мой, мой, мой (на нѣсколькихъ строкахъ) вашимъ покорнѣйшимъ слугою».

Графъ Мамоновъ былъ человѣкъ гордый, избалованный рожденіемъ своимъ; говорили, что онъ даже приписывалъ рожденію своему значеніе, котораго оно не могло имѣть. Наружность его была тоже гордая, представительная, лицо очень выразительное, внѣшностью своею онъ нѣсколько напоминалъ портреты Петра I. Началъ онъ свою службу въ одномъ изъ московскихъ департаментовъ и 22-хъ лѣтъ былъ уже оберъ-прокуроромъ въ сенатѣ; служа здѣсь, онъ пріобрѣлъ много себѣ враговъ и немилость даже самого государя, по разсказамъ за сатирическое стихотвореніе о бульварахъ московскихъ, которое, по слухамъ, приписывалось ему. Въ Москвѣ Мамоновъ принадлежалъ къ обществу такъ называемыхъ мартинистовъ. Во время пріѣзда въ Москву, въ 1812 году, императора Александра I, онъ предоставилъ монарху весь свой значительный доходъ на нужды отечества во все продолженіе войны, себѣ выговоривъ только десять тысячъ содержанія.

Вмѣсто того ему было предложено черезъ графа Ростопчина сформировать на свой счетъ конный полкъ, въ которомъ ему былъ предложенъ чинъ генералъ-маіора и шефа этого полка. Графъ Мамоновъ взялся за сформированіе полка неумѣло, пошли безпорядки; онъ до образованія еще полка вынужденъ былъ драться на дуэли съ однимъ изъ своихъ офицеровъ.

Полкъ выступилъ въ походъ въ Германію; здѣсь пошли драки и крупные безпорядки нижнихъ чиновъ, полкъ былъ пе-

реформированъ въ какой-то гусарскій полкъ и мамоновскіе казаки больше не существовали; это на его самолюбіе подѣйствовало очень раздражительно. По окончаніи войны, онъ заперся въ своемъ подмосковномъ селѣ Дубровицахъ.

Въ теченіе нѣскольких лѣтъ онъ не видалъ никого даже изъ прислуги своей. Все для него потребное выставлялось въ особой комнатѣ, здѣсь же онъ передавалъ и письменныя свои приказанія. Въ спальной его были развѣшены по стѣнамъ странныя картины кабалистическаго содержанія, а частью и другія, фривольнаго содержанія. Одинъ пріятель его, князь М. Орловъ, имѣлъ смѣлость и силу выбить однажды дверь его кабинета и вломился къ нему. Онъ пробылъ съ нимъ нѣсколько часовъ, но, не смотря на всѣ свои увѣщанія, не могъ уговорить его покинуть свою добровольную темницу.

Пишущему эти строки передавалъ старикъ садовникъ графа Мамонова, жившій еще въ шестидесятыхъ годахъ въ Москвѣ, что, по въѣздѣ графа во дворъ усадьбы, онъ приказалъ ему запереть ворота большимъ висячимъ замкомъ и подать ему ключъ. Взявъ ключъ, онъ зашвырнулъ его въ рѣку, сказавъ, что онъ живой изъ воротъ больше не выѣдетъ.

Графъ ежедневно велъ свои записки [99]) на полулистахъ бумаги; у меня имѣется болѣе сотни такихъ листовъ, писанныхъ рукою графа; всѣ они по большей части безъ связи и не для печати. Вотъ для образчика одинъ изъ такихъ листовъ: «24-го апрѣля (5-го мая). Кто ѣздилъ нынѣ у меня по двору, человѣка этого розгами, а кучера плетьми — дворниковъ всѣхъ пересѣчь кнутами до смерти, а Дмитрія дворника отдать въ смирительный домъ». Гр. Мамоновъ. 11-го (23-го) іюля. «Кто升 дралъ теперь за уши дѣтей, того самого до крови отодрать, наипаче надо драть недоросля, который подражалъ Александру Матвѣевичу Мамонову. По сему случаю выдрать за уши 100 графинь и 200 нѣмцевъ и дворянъ. Дѣтей, которыхъ драли за уши, выдадутъ мнѣ на пиръ, чтобы они пировали».

Мамоновъ очень любилъ дѣтей и его удовольствіе было быть окруженнымъ маленькими ребятами, которые къ нему сбѣгались со всей дворни. Также нѣсколько безпріютныхъ собакъ, стадо голубей и безчисленное множество воробьевъ получали отъ него пищу.

Въ силу ли приказовъ помѣщика-невидимки, или уже управляющіе были люди суровые, но только тѣлесныя наказанія въ имѣніи графа дошли до каждодневныхъ истязаній людей.

Разсказываютъ, что одинъ изъ дворовыхъ его людей, больно высѣченный приказчикомъ и знавшій, что графъ обыкновенно въ такой-то часъ бываетъ у окна, выставилъ напоказъ ему въ видѣ жалобы часть своего тѣла съ очевидными доказательствами нанесеннаго оскорбленія. Неизвѣстно, какое послѣдовало отъ графа рѣшеніе на эту оригинальную жалобу.

Графъ жилъ многіе годы, не показываясь никому на глаза. П. Кичеевъ разсказываетъ: «Послѣ смерти стараго камердинера графа, новый камердинеръ соскучился служить невидимкѣ и ему, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ службы, захотѣлось посмотрѣть на графа. Для исполненія своего намѣренія камердинеръ выбралъ обѣденное время и спрятался въ столовой за колонну. Но, къ несчастію, графъ увидѣлъ его и страшно исколотилъ. Избитый камердинеръ кинулся съ жалобой къ князю В. Д. Голицыну.

Для произведенія дознанія по этой жалобѣ Голицынъ послалъ своего адъютанта. Послѣдняго Мамоновъ принялъ не очень дружелюбно, бумагу разорвалъ въ клочки и бросилъ въ супъ. Поступокъ графа отнесли къ съумасшествію и распорядились взять его въ Москву для излеченія. Когда за графомъ пріѣхали, чтобы везти въ Москву, онъ нисколько не противился; но, вышедши на крыльцо и увидя тысячи своихъ крестьянъ, обратился къ нимъ со словами:

— Неужели, православные, вы меня выдадите?

Крестьяне тотчасъ окружили графа и хотѣли остановить поѣздъ, но графъ успокоилъ ихъ, сказавъ, что онъ пошутилъ и что ему надо ѣхать въ Москву.

Въ Москвѣ онъ былъ помѣщенъ сперва на Знаменкѣ, близь Колымажнаго двора, въ домѣ съ большимъ тѣнистымъ садомъ, бывшемъ князя Вяземскаго; здѣсь онъ прожилъ полтора года, а затѣмъ его перевели на дачу Васильевскую, что за Калужской заставой.

Жизнь его тамъ была такая же уединенная; обѣдалъ и ужиналъ онъ въ три часа, т. е. пополудни и пополуночи. Ночью весь домъ освѣщался. Графъ былъ всегда почти не одѣтъ, кромѣ рубашки и штановъ, на головѣ онъ носилъ черный шелковый колпакъ. По докторскому отчету [100]), графъ ростомъ высокъ, плечистъ, нѣсколько тученъ, лицо выражаетъ одичалость и сознаніе собственнаго достоинства, движенія то важны, то порывисты; во время разговоровъ и когда бываетъ одинъ, графъ произноситъ невнятно слова, между которыми часто слышно привычное его восклицаніе:

— Такіе они, Боже мой!

Графъ почти безпрерывно куритъ крѣпкій кнастеръ (впослѣдствіи онъ курилъ сигары); ему часто кажется, будто развиваются странные запахи.

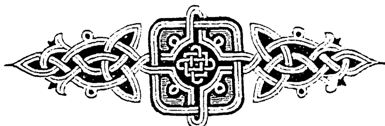
Во время своей уединенной жизни еще въ Дубровицахъ, днемъ онъ занимался составленіемъ чертежей и плановъ для того, чтобы воздвигнуть каменныя укрѣпленія въ своемъ имѣніи, а почью, когда всѣ спали, графъ выходилъ, подробно разсматривалъ и тамъ, гдѣ нужно было строить башни и стѣны, втыкалъ въ землю заранѣе приготовленные короткіе колья. Для поясненія, онъ каждое утро оставлялъ планъ или чертежъ въ комнатѣ сосѣдней съ тою, гдѣ жилъ самъ; каждое утро, когда приходилъ подрядчикъ, Мамоновъ изъ другой комнаты, черезъ стѣну, разсказывалъ ему, какъ должно было строить укрѣпленія. Имѣніе графа, окруженное съ трехъ сторонъ рѣками, съ остальной — свободной, было бы обнесено довольно высокой и толстой каменной стѣной, съ башнями, еслибы графу не помѣшали кончить его постройку. Подъ конецъ своей жизни графъ велъ себя тише, и когда приходилъ въ бѣшенство, то довольно было показать ему длинную рубашку; разъ только графъ, по словамъ его камердинера, забрался на шкафъ.

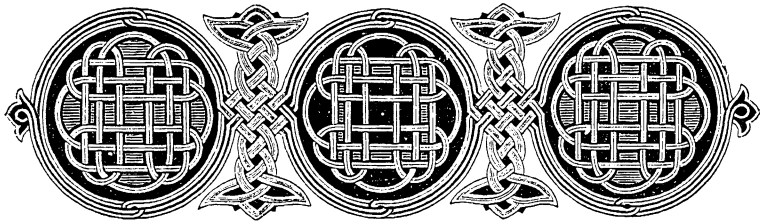
Смерть графа Мамонова послѣдовала отъ его неосторожности. Онъ намочилъ на себѣ рубашку одеколономъ и потомъ нечаянно уронилъ на нее горящую спичку, рубашка загорѣлась и графъ страшно обжегся. Леченіе не помогло ему, онъ умеръ 11-го іюня 1863 года, на 73 году отъ рожденія, сказавъ передъ кончиной:

— Ну, кажется, довольно пожилъ.

Похороненъ онъ былъ въ московскомъ Донскомъ монастырѣ.

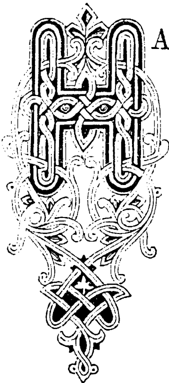
Послѣ него не осталось прямыхъ наслѣдниковъ; графъ не былъ женатъ, все его огромное имущество, движимое и недвижимое, перешло къ потомкамъ дѣда его сестеръ — къ князю С. М. Голицыну и И. С. фонъ-Визину.

ГЛАВА VIII.

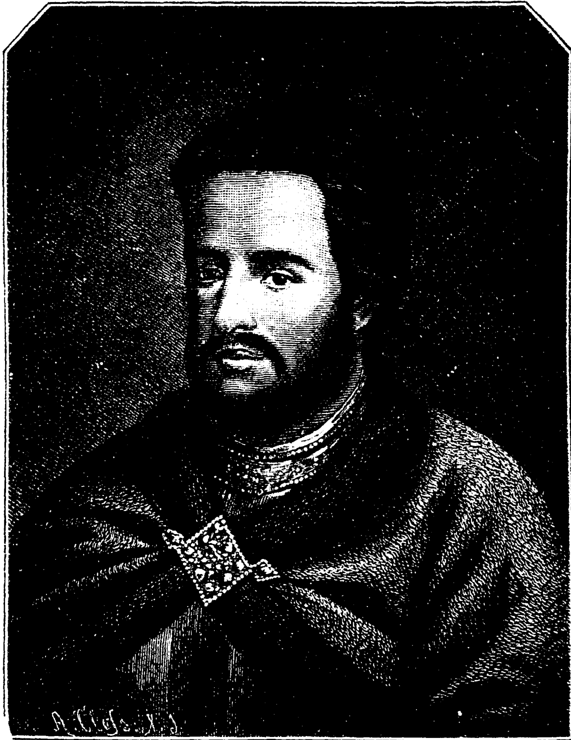
Троицко-Сергіева пустынь.—Архимандритъ Варлаамъ.—Первая церковь на приморской дачѣ.—Бытъ духовенства при Аннѣ.—Гедеонъ Криновскій.—Богатства Троицкой лавры.—Роскошная жизнь монашеской братіи.—Главная церковь въ Сергіевской пустыни.—Платонъ Левшинъ.—Жизнеописаніе этого славнаго іерарха церкви.—Анекдоты изъ жизни Платона.—Разсказы Лубяновскаго о Платонѣ.—Разсказы самого Платона о прежней жизни.—Виѳанія и домъ, гдѣ жилъ Платонъ.—Кончина Платона.—Соборъ святыя Троицы.—Святыня пустыни.—Инвалидный домъ графовъ Зубовыхъ.—В. А. Зубовъ, его жизнь и богатства.—Немилость императора Павла.—Разсказы современниковъ про Валеріана Зубова.—Церковь преподобнаго Сергія.—Художественная роскошь этого храма.—Усыпальница графини де-Шаво.—Драгоцѣнный бриллiантъ Полярная звѣзда и жемчужина Пилигрина.—Монастырское кладбище.—Лица, похороненныя на немъ.—Храмы надъ усыпальницами и часовни пустыни.

НА ДЕВЯТНАДЦАТОЙ верстѣ петергофской дороги, на правой сторонѣ шоссе, лежитъ Троицко-Сергіева пустынь. Встарину на этомъ мѣстѣ находились скромныхъ два загородныхъ дома государынь царевенъ Екатерины Іоанновны и Параскевы Іоанновны, родныхъ сестеръ (старшей и младшей) императрицы Анны Іоанновны—дочерей царя Іоанна Алексѣевича и царицы Прасковьи Ѳеодоровны изъ рода Салтыковыхъ. Дочери царя Іоанна, хилаго и нищаго духомъ, уступившаго свои супружескія права, если вѣрить молвѣ современниковъ, В. А. Юшкову, управляющему дворомъ и имѣніями царицы Прасковьи, царевны воспитывались въ домѣ своей матери, этой старинной московской боярыни, суевѣрной и

набожной, дѣлившей свое время между церковными службами и ассамблеями, между театральными представленіями и юродивыми; дочери унаслѣдовали эти качества отъ матери [101]).

Старшая дочь Екатерина Іоанновна имѣла характеръ живой и чрезвычайно веселый; она не была красавицей, росту очень низкаго и очень толста, не отличалась скромностью, особенно въ разговорахъ, и очень любила наряды.

Царь Іоаннъ Алексѣевичъ.

Бергхольцъ разсказываетъ про свой пріемъ у ней, характеризующій незастѣнчивость Екатерины Іоанновны. «Герцогиня повела насъ въ спальню, гдѣ полъ былъ устланъ краснымъ сукномъ, еще довольно новымъ и чистымъ (вообще же убранство ихъ комнатъ вездѣ очень плохо) и показывала намъ тамъ свою собственную постель и постель маленькой своей дочери, стоявшія рядомъ въ альковѣ; потомъ заставила какого-то полуслѣпого, грязнаго и страшно-вонявшаго чеснокомъ и пѣтомъ бан-

дурщика довольно долго играть и пѣть свои и сестры своей любимыя пѣсни, которыя, кажется, всѣ были сальны, потому что принцесса Прасковія уходила изъ комнаты, когда онъ начиналъ нѣкоторыя изъ нихъ, и опять возвращалась, когда оканчивалъ. Но я еще болѣе удивился, увидѣвъ, что у нихъ по комнатамъ разгуливаетъ босикомъ какая-то старая, слѣпая, грязная, безобразная и глупая женщина, на которой почти ничего не было, кромѣ рубашки».

«Капитанъ Бергеръ разсказывалъ, что принцесса часто заставляетъ плясать передъ собою эту тварь и что ей достаточно сказать одно слово и эта тварь тотчасъ сброситъ съ себя свои грязныя лохмотья».

Въ 1716 году царица Екатерина Іоанновна была выдана замужъ за Карла-Леопольда, герцога Мекленбургъ-Шверинскаго, который предварительно развелся съ первою своею женою, чтобы вступить съ ней въ бракъ. Герцогъ былъ ненавидимъ своими подданными, онъ былъ нрава безпокойнаго и крайне взбалмошнаго, со всѣми обращался очень грубо, даже со своею женою, которая и оставила его, въ 1722 году, и съ дочерью возвратилась въ Россію, и съ тѣхъ поръ уже не возвращалась къ нему. Дочь ея, Анна Леопольдовна, впослѣдствіи правительница, жена Антона-Ульриха, принца Брауншвейгъ-Бевернъ-Люнебургскаго, обладала весьма симпатичной наружностью, ростомъ была статная, изъ лица миловидная, съ прекрасными темнокаштановыми волосами, характеръ имѣла кроткій, безпечный, слабый. Доброта души ея вполнѣ высказалась въ словахъ, сказанныхъ ею въ ночь низложенія. Она выразила искреннюю радость, что переворотъ обошелся безъ кровопролитія, и на запросъ императрицы: «какую милость она желаетъ?»—просила не разлучать ее съ своею фрейлиною Юліаной Менгденъ, забывая себя и свое семейство.

Меньшая дочь царицы, Прасковья Ивановна, была изъ себя брюнетка очень красивая, нрава веселаго; она была тайно обвѣнчана, какъ мы выше говорили, съ И. И. Дмитріевымъ-Мамоновымъ. Прасковья Ивановна страдала ревматизмомъ и умерла вскорѣ послѣ своего мужа, который тоже скончался въ молодыхъ годахъ отъ удара скоропостижно.

Средняя дочь, Анна Іоанновна, была замужемъ за Фридрихомъ-Вильгельмомъ, герцогомъ Курляндскимъ; брачная жизнь послѣдней была очень коротка, всего шесть недѣль. Петръ Великій отпраздновалъ свадьбу своей племянницы очень шумно съ

разными «курьезами». Такія свадебныя торжества и въ особенности большое количество выпитаго во время пиршества вина, дурно подѣйствовали на непривыкшаго къ кутежамъ герцога, онъ заболѣлъ въ дорогѣ и 9-го января 1712 года скончался. Анна Іоанновна была вызвана изъ Курляндіи на россійскій престолъ, когда уже приближалась къ сорокалѣтнему возрасту.

Д. А. Корсаковъ въ своей книгѣ: «Воцареніе Анны Іоанновны» весьма вѣрно замѣчаетъ, что она вкусами и склонностями походила на своего дѣда Алексѣя Михаиловича; тотъ, напримѣръ, любитъ церемоніалы, торжественные выходы, парчу, золото и драгоцѣнныя украшенія и входитъ въ мельчайшія подробности ежедневнаго монастырскаго обихода и построенія церквей; слушаетъ охотно душеспасительныя бесѣды монаховъ и благочестивыхъ людей и вмѣстѣ съ тѣмъ до страсти увлекается стрѣльбою въ цѣль, травлей псарнями и звѣринцами.

Склонности Анны Іоанновны къ забавамъ были сильнѣе и оригинальнѣе. Тишайшій царь любилъ купать стольниковъ въ своемъ Коломенскомъ пруду и развлекаться разсказами бывалыхъ людей и «комедійными дѣйствами». Анна Іоанновна любитъ скомороховъ и шутовъ, устраиваетъ изъ нихъ и ради нихъ разные машкерады, гдѣ иронія и юморъ ея часто проявляется въ грубой, иногда и цинической формѣ. Въ перепискѣ ея съ С. А. Салтыковымъ (1732—1740) [102]) находимъ нѣсколько новыхъ подробностей къ характеристикѣ ея нрава. Такъ, мужа своей пріятельницы, князя Ник. Ѳед. Волконскаго, «играючи», женитъ на другомъ шутѣ, князѣ М. А. Голицынѣ, и заставляетъ Волконскаго написать письмо къ его приказчику о томъ, «что онъ женился вправду», и ради смѣху велитъ Салтыкову составить «житіе князя Никиты». Она беретъ въ шутихи къ себѣ Власову и княжну Вяземскую и за ними набираетъ цѣлый рядъ разсказчицъ, сказочницъ, юродивыхъ, святошъ, шутихъ, приживалокъ въ родѣ: «Дарьюшки безручки», драгунскихъ женокъ, Михаиловну и Рудневу, калмычекъ, великорослыхъ людей изъ плѣнныхъ турокъ и карлицъ, а также разныхъ курьезныхъ птицъ и звѣрей: ученыхъ скворцовъ, бѣлыхъ павъ и мартышекъ. Анна Іоанновна посылаетъ Салтыкову шелковинку и проситъ ее переслать въ Персію къ генералу Левашеву, «чтобъ онъ по той шелковинкѣ изъ тамошняго народа изъ персіянокъ или изъ грузинокъ сыскалъ двухъ дѣвочекъ такихъ ростомъ, какъ она есть, толькобъ были бѣлы, чисты, хороши и не глупы». «Увѣдомились мы, пишетъ она тому же Салтыкову, что въ Москвѣ на

Петровскомъ кружалѣ стоитъ на окнѣ скворецъ, который такъ хорошо говоритъ, что всѣ люди, которые мимо идутъ, останавливаются и его слушаютъ, того ради имѣете вы онаго скворца купить и немедленно сюда прислать».

Одновременно съ такими странными выходками она высказываетъ старую русскую православную набожность, заботится объ исправномъ повиновенiи своей сестры Прасковьи, устраиваетъ новую раку для мощей преподобнаго Сергiя и пишетъ къ своему духовнику, архимандриту Троицкой лавры Варлааму, человѣку глубоко-религiозному и православному, выражая ему свою сердечную привязанность и искреннее почтенiе, называя его «батюшкой», и заботится объ удобствахъ его при поѣздкахъ изъ Петербурга въ Москву и даритъ ему приморскую дачу своей покойной сестры Екатерины Iоанновны, на мѣстѣ которой, въ 1734 году, архимандритъ Варлаамъ и создаетъ Сергiевскую пустынь.

Архимандритъ Варлаамъ, создатель пустыни, былъ духовникомъ, кромѣ Анны Iоанновны, еще шести высочайшихъ особъ; онъ въ свое время былъ человѣкъ очень влiятельный, черезъ него объявлялись многiе высочайшiе указы, по его влiянiю и просьбѣ были возвращены Троицкой лаврѣ всѣ села и деревни, отчисленныя при Петрѣ I на обзаведенiе новоустроеннаго въ Петербургѣ Александро-Невскаго монастыря.

По полученiи въ подарокъ приморской дачи покойной царевны Екатерины Iоанновны, Варлаамъ сюда переноситъ возлѣ каменнаго домика царевны деревянную церковь Успенiя Пресвятой Богородицы, которая была при загородномъ домѣ покойной матери Анны, царицы Прасковьи Ѳеодоровны, на Фонтанкѣ, близь Лештукова переулка, гдѣ теперь мѣщанская управа. По перевезенiи на приморскую дачу церкви, Варлаамъ освящаетъ, 12-го мая 1735 года, въ ней храмъ во имя Преподобнаго Сергiя, какъ настоятель Сергiевской лавры московской, въ спискахъ которой онъ числится подъ именемъ Варлаама второго. Кромѣ постройки храма, онъ здѣсь ставитъ нѣсколько деревянныхъ келiй для монаховъ и строитъ каменный флигель для настоятеля, а также дѣлаетъ деревянную ограду съ небольшими башнями на каменныхъ фундаментахъ. Штатъ первыхъ монаховъ онъ переводитъ изъ Троицко-Сергiевской лавры и въ это же время онъ прiобрѣтаетъ покупками пашенныя и сѣнокосныя угодья отъ сосѣдственныхъ владѣльцевъ. Въ день церковнаго праздника, 5-го iюля, въ первый годъ по созданiи храма, посѣщаетъ Приморскую пустынь изъ Петербурга, со всѣмъ при-

дворнымъ штатомъ императрица Анна Іоанновна, до Екатерингофа она ѣдетъ водою, затѣмъ, выступивъ на берегъ, идетъ четыре версты пѣшкомъ и послѣ садится въ карету. Государыня кушаетъ въ тотъ день въ покояхъ архимандрита и жалуетъ въ храмъ книги: Типиконъ, Требникъ, Пентикостаріонъ, еже есть: Пятидесятница и Ирмологій [103]).

Замѣчательный въ клирѣ духовныхъ лицъ, духовникъ императрицы Варлаамъ принадлежалъ къ немногочисленному кружку защитниковъ правилъ и порядковъ древле-церковныхъ православныхъ. Въ то время была другая противная нѣмецкая партія, которая боролась за нововведеніе, преслѣдовала и подрывала монашество и монастыри [104]). Въ виду такой борьбы, Варлаамъ и создалъ новый монастырь. Варлаамъ былъ убѣжденій строгихъ, набоженъ, воздерженъ и жизнію своею подавалъ примѣръ строгаго подвижничества. Извѣстный вольнодумецъ того времени князь Кантемиръ, въ сатирѣ своей къ Ѳеофану Прокоповичу, подробно осмѣялъ эти подвижническія качества архимандрита Варлаама. Варлаамъ скончался въ 1737 году [105]). Императрица очень скорбѣла о потерѣ своего духовнаго отца и, живя въ Петергофѣ, сама дѣлала письменныя распоряженія о погребеніи его. Одинъ изъ священниковъ провожалъ тѣло его во всю дорогу отъ Петербурга до пустыни. Варлаамъ погребенъ 28-го іюля въ лаврѣ съ правой стороны алтаря Троицкаго собора; надъ прахомъ его воздвигнута небольшого размѣра каменная часовня.

Жизнь духовенства при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ не была завидная, священники терпѣли тяжкія наказанія за малѣйшіе проступки и отступленія по службѣ. Такъ, за неисполненія во время литургіи въ дни царскіе молебна о здравіи государыни, несчастныхъ священниковъ наказывали плетьми и ссылали на вѣчное житье въ Сибирь [106]). Преслѣдуя духовенство, императрица Анна Іоанновна также заботилась объ исполненіи подданными по праздникамъ хожденія въ церковь и бытія у исповѣди и св. причастія во время постовъ. Такъ, указомъ 4-го февраля 1737 года строго предписывалось, чтобы непремѣнно присылались къ архіереямъ списки о исповѣдовавшихся, мужскаго и женскаго пола, отъ ссущихъ (т. е. грудныхъ) младенцевъ до стариковъ, съ отмѣткою лѣтъ бытности или не бытности и т. д. Отъ этой мѣры много пострадали тоже священники, многіе изъ нихъ не умѣли вести исповѣдныхъ вѣдомостей—виновныхъ допрашивали и подвергали штрафамъ.

Также въ то время были строго подтверждены мѣры взысканій за непристойное поведеніе въ церквахъ; въ 1734 году въ Троицкой церкви стояли три кружки, въ которыя опускали деньги, опредѣляя штрафъ съ безчинниковъ по рублю съ человѣка. Тогда тоже предписано было брать штрафы съ тѣхъ, кто во время молебновъ къ чудотворнымъ иконамъ приступалъ съ устнымъ лобзаніемъ. Безчинниками въ церквахъ при Аннѣ явились во множествѣ юродивые, они въ ея царствованіе стекались со всѣхъ концовъ Россіи въ столицу. Приходя сюда, они выбирали мѣстомъ своихъ похожденій церкви, куда приходили въ шутовскихъ нарядахъ, кривлялись, ломались и производили смѣхъ между богомольцами.

Такіе непристойные ихъ поступки вызвали слѣдующія мягкія мѣры со стороны св. синода: «юродивыхъ по церквамъ въ Петербургѣ бродить не допущать, въ кощунныхъ же одѣяніяхъ въ церквахъ не впущать, а въ приличномъ одѣяніи они могутъ входить, но стояли бы съ должною тихостью, не между народомъ, но въ удобномъ, уединенномъ мѣстѣ. А буде они станутъ чинить каковыя своеволія и ихъ къ тому не допускать и показывать за то имъ, яко юродивымъ, отъ священнослужителей угрозительные способы. А ежели они и оттого страху никакого имѣть не будутъ, то ихъ во время всякаго церковнаго пѣнія изъ тѣхъ церквей высылать вонъ». Что же касается до упомянутаго церковнаго пѣнія, то при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ оно процвѣтало. Хоръ придворныхъ пѣвчихъ, собранный Петромъ Великимъ, по волѣ этой государыни, ежегодно пополнялся новыми голосами.

Такъ, въ 1735 году преосвященный Рафаилъ Заборовскій выслалъ изъ Кіева пѣвчихъ къ ея двору, въ числѣ которыхъ былъ студентъ Андрей Барановскій, поставленный надъ ними учителемъ. Въ 1738 году въ Кіевѣ была учреждена особая «школа пѣнія и инструментальной музыки», для поддержанія петербургскаго придворнаго хора. Въ этой школѣ ежегодно содержалось до двадцати человѣкъ дѣтей разнаго званія, съ самыми лучшими голосами; ихъ набирали во всей Малороссіи.

Въ школѣ этой преподавалось партесное и кіевское пѣніе и были также учители, которые учили дѣтей музыкѣ: на скрипицѣ, на гусляхъ и на бондорѣ съ нотъ играть. Завѣдывалъ пѣвческою школою гвардіи маіоръ Шиповъ. Кромѣ этого хора, въ Петербургѣ существовали хоры пѣвчихъ: цесаревны Елиса-

веты Петровны, семинарскій, синодальный и затѣмъ архіерейскій, нѣкоторыхъ епископовъ, жившихъ въ Петербургѣ.

По вступленіи на престолъ, императрица Анна всячески старалась доказать свою ревность къ православной церкви, чтобъ не подумали, что долговременное пребываніе въ странѣ нѣмецкой ослабило эту ревность. Такъ, она сочла нужнымъ, въ числѣ множества указовъ по православію, въ одномъ изъ такихъ, даже напомнить своимъ подданнымъ, что за волшебство она опредѣляетъ сожженіе [107]).

Послѣ смерти настоятеля Варлаама, императрица указомъ повелѣла: «обрѣтающійся приморской Троицкаго Сергіева монастыря бывшаго архимандрита Варлаама дворъ и при немъ имѣющуюся святую церковь, ризницу, утварь, монаховъ и бѣльцевъ описать и что по той описи явится, сообщить въ кабинетъ ея величества вѣдомостью».

По этой вѣдомости братій въ пустынѣ было тридцать человѣкъ; впрочемъ, вскорѣ деревянная церковь на приморскомъ мѣстѣ приписывается къ московской Сергіевой лаврѣ, изъ которой и присылаются сюда для управленія строители; въ званіи строителя въ это время полагался іеромонахъ и при немъ одинъ іеродіаконъ и псаломщикъ. Строителемъ, въ 1742—1744 годахъ, состоялъ іеромонахъ Аверкій Константиновъ.

Затѣмъ, изъ такихъ строителей былъ еще извѣстенъ іеродіаконъ Алексѣй Логиновъ; всѣхъ же до учрежденія монастырскихъ штатовъ по 1764 годъ ихъ было числомъ тридцать. Изъ лицъ замѣчательныхъ съ 1758 по 1761 годъ здѣсь былъ знаменитый Гедеонъ Криновъ или Криновскій, «проповѣдникъ придворный» императрицы Елисаветы. Митрополитъ Евгеній Болховитиновъ говоритъ про него: «отмѣнная его ясность въ мысляхъ, живость въ воображеніи и точность въ выраженіяхъ, а особливо доказательства, почерпаемыя болѣе изъ движеній сердца, нежели изъ сухихъ умствованій и при всемъ томъ, естественное и свободное риторическое дѣйствованіе, обратили на него вниманіе народа».

Сумароковъ и другіе критики того времени упрекали Гедеона въ томъ, что въ словахъ его много чужихъ заимствованныхъ цѣлыхъ мѣстъ, а еще болѣе за то, что у него много указаній на языческую исторію и древнихъ языческихъ писателей, вмѣсто которыхъ было бы приличнѣе проповѣднику русскому брать примѣры изъ Ветхаго и Новаго Завѣта. Отличаясь ученостью и дарованіемъ, Гедеонъ любилъ роскошь.

Въ то время, по принятому обычаю, всѣ настоятели носили бархатныя и шелковыя рясы, исподнее платье съ шлифными пряжками изъ серебра и золота, обувались въ шелковые чулки. У Гедеона были брилліантовыя пряжки на башмакахъ, стоившія, какъ гласило преданіе, десять тысячъ рублей. Про него въ народѣ слыла поговорка: «Гедеонъ нажилъ милліонъ».

Къ московской Троицкой лаврѣ считалось приписанныхъ четырнадцать монастырей со многими угодьями и вотчинами. Троицкая лавра была помѣщицей болѣе ста тысячъ крестьянъ чудотворцевыхъ.

Она славилась своими медами, пивами и квасами, виноградныя вина въ лавру выписывались бочками; одной водки братія ежегодно истрачивала 3,000 ведеръ. Каждому монаху ежедневно отпускалось: бутылка хорошаго кагору, штофъ пѣннаго вина, по ковшу меда, пива и квасу. За всенощную, въ южный и сѣверный алтарь приносились ведра съ пивомъ, медомъ и квасомъ для подкрѣпленія крилосныхъ, и бывало «правой крилосъ поетъ, а лѣвый въ алтарѣ пиво пьетъ».

За всенощною, въ алтарѣ, послѣ благословенія хлѣбовъ, подавали служащимъ въ чарахъ красное вино, такъ что они выходили на величаніе, что называлось, «на хвалитѣхъ» [108]).

Торжественно забавенъ встарину бывалъ и поѣздъ лаврскаго архимандрита на Карбуху въ баню. Онъ ѣхалъ шестернею въ каретѣ, впереди его верхомъ діаконъ въ стихарѣ съ посохомъ, позади телѣга съ разными питіями; полъ въ банѣ устилался благовонными травами и цвѣтами. На каменку поддавали венгерское вино, которымъ также окачивался архимандритъ.

Въ 1761 году Елисавета пожаловала Гедеона въ епископа псковскаго. Послѣ коронованія императрицы Екатерины II было повелѣно ему удалиться въ свою епархію, куда онъ немедленно отправился и, не доѣзжая до Пскова, въ дорогѣ захворалъ и скончался въ загородномъ архіерейскомъ Пантелеймоновскомъ домѣ. Гедеонъ умеръ только 37 лѣтъ. Послѣднимъ строителемъ Сергіевской пустыни былъ іеромонахъ Варсонофій. Съ 1764 года пустынь поступила въ с.-петербургское епархіальное вѣдомство [109]) и стала управляться архимандритами—первый такой былъ Варлаамъ Синьковскій. За время существованія Сергіевской пустыни, здѣсь было тридцать два настоятеля, въ числѣ которыхъ было нѣсколько епископовъ, духовныхъ витій, извѣстныхъ въ исторіи русской церкви. Въ 1836 году пустынь возведена изъ второго въ первый классъ.

Главная церковь въ пустыни или соборъ во имя св. Троицы, построенъ въ 1760 году [110]), на средства Сергіевской лавры, архимандритомъ ея Аѳанасіемъ; главный алтарь былъ освященъ въ 1763 году, 10-го августа, въ присутствіи Екатерины II. На освященіи храма іеромонахъ [111]) Платонъ Левшинъ, впослѣдствіи митрополитъ московскій, говорилъ слово на текстъ «Господи, кто обитаетъ въ жилищѣ Твоемъ». Послѣ этой проповѣди, указомъ отъ 29-го августа, Платонъ былъ опредѣленъ наставникомъ въ законѣ Божіемъ къ великому князю Павлу Петровичу; въ этой должности онъ состоялъ четыре года. Затѣмъ Платонъ былъ еще законоучителемъ двухъ невѣстъ цесаревича — великой княжны Наталіи Алексѣевны и Маріи Ѳеодоровны.

Платонъ былъ превосходно образованъ, говорилъ по-французски, по-нѣмецки и зналъ греческій и латинскій языки, какъ свой родной. Платонъ былъ сынъ причетника подмосковнаго села Чашникова, родился онъ въ самый звонъ къ заутрени на праздникъ апостола Петра, въ честь котораго и былъ названъ Петромъ. Платонъ до монашества служилъ въ духовной академіи учителемъ поэзіи и публичнымъ катихизаторомъ, а позднѣе въ лаврской семинаріи учителемъ риторики. Монашество убѣдилъ его принять Гедеонъ Криновъ, о которомъ мы говорили выше.

Дѣтство свое Платонъ провелъ въ лишеніяхъ, у него не было даже сапоговъ, и онъ ходилъ босой въ церковь къ своему отцу, когда тотъ уже былъ священникомъ. Здѣсь за бойкое чтеніе и стройное пѣніе одинъ изъ прихожанъ подарилъ ему коты съ красной сафьяновой оторочкой, а другой далъ—ему поношенный бархатный камзолъ.

— Я, — говаривалъ Платонъ,— радовался этому едва ли не болѣе, чѣмъ андреевской лентѣ и, любуясь ими, дорогой спотыкался.

По поводу одежды Платона существуетъ еще другой разсказъ этого архипастыря. Позднѣе, когда онъ былъ уже монахомъ въ лаврѣ и, какъ не пившій ничего хмѣльного, вмѣсто напитковъ получалъ деньги, то успѣлъ въ короткое время ихъ скопить столько, что купилъ себѣ шелковую рясу, которою очень любовался.

Это замѣтилъ Гедеонъ и однажды взялъ его на прогулку и пошелъ съ нимъ по берегу пруда и все его тѣснилъ къ самому краю, наконецъ, столкнулъ въ воду. Платонъ, попавъ въ воду, не столько испугался, сколько огорчился, что замочилъ

рясу—предметъ его радости и тщеславія, но не показалъ своего горя передъ начальникомъ, который привелъ его въ лавру.

Когда они вошли въ настоятельскіе покои, то Гедеонъ сказалъ Платону:

— Никогда не сердись, когда начальникъ шутитъ съ тобой для испытанія твоего характера.

Съ этимъ словомъ онъ ведетъ его въ свою гардеробную, гдѣ развѣшаны были рясы и полукафтанья его.

— Выбирай себѣ двѣ, какія тебѣ нравятся.

Платонъ выбралъ себѣ похуже.

— Нѣтъ, сказалъ архимандритъ:—выбери лучшія.

Бывши уже митрополитомъ московскимъ, Платонъ отличался при богослуженіи необыкновенною торжественностью; изъ Сибири купцы нарочно пріѣзжали видѣть это богослуженіе и послушать его проповѣдей.

Современникъ митрополита Платона, Ѳ. П. Лубяновскій [112]), характеризуетъ этого владыку слѣдующими словами: «Знатенъ и славенъ былъ на Руси московскій митрополитъ Платонъ. Съ обширнымъ знаніемъ, съ короткимъ знакомствомъ съ знаменитыми людьми своего времени, съ наблюдательнымъ и вѣрнымъ взглядомъ на людей и на вещи, съ счастливою памятью, онъ имѣлъ даръ слова, какъ въ проповѣди, такъ и въ разсказѣ, свободный, простой, живой, увлекательный; любилъ слушать, любилъ и самъ говорить.

«Проповѣди его—не образецъ краснорѣчія, но надобно было бы видѣть и слышать его декламацію безъ порывовъ и вспышки, всегда умѣренную, всегда достойную сѣдинъ сана и святыни. Онъ зналъ тайную силу голоса, всегда у него свѣтлаго; зналъ, гдѣ возгремѣть и гдѣ стихнуть для своей цѣли; разумѣлъ дѣйствія движеній и силу неожиданнаго пламеннаго взгляда...

«Рѣчь его была исполнена жизни и если не всѣ, слушая проповѣди его, отирали слезы, то, конечно, никто не выходилъ изъ церкви безъ сожалѣнія и желанія еще бы послушать его».

У Порошина находимъ, что «однажды Екатерина II, внимая поученію Платона, въ день рожденія и причащенія св. Тайнамъ великаго князя, растрогалась до слезъ и сказала:

— Платонъ дѣлаетъ изъ насъ все, что хочетъ; хочетъ онъ, чтобы мы плакали—мы плачемъ.

Въ другой разъ Платонъ, говоря проповѣдь въ придворной церкви «о милосердіи», сильно вооружился противъ тѣхъ, которые, расточая имѣніе свое, оставляютъ бѣдныхъ безъ помощи.

Reconnoit vers le Nord l'aimant qui nous attire
Cet heureux conquérant profond legislateur.
Femme aimable, grand homme et que l'envie admire
Qui parcourt ses Etats, y verse le bonheur.

Maitre en l'art de regner, Savante en l'art d'ecrire.
Repandant la lumiere, écartant les erreurs.
Si le sort n'avoit pu lui donner un Empire
Elle auroit eu toujours un Throne dans nos coeurs

L'original se trouve dans la collection de Mons.r le General Mamonoff a qui cette planche est dedié avec le plus profond respect.

Екатерина II въ дорожномъ платьѣ, которое она носила во время путешествія въ Крымъ, въ 1787 году.

По окончаніи этой проповѣди, императрица сказала окружающимъ ее:

— Платонъ сердитъ сегодня былъ: однакожъ очень хорошо сказывалъ. Удивительный даръ слова имѣетъ!

Кто-то изъ придворныхъ при этомъ замѣтилъ государынѣ, что проповѣдникъ при дворѣ всегда покажется сердитымъ, когда будетъ говорить прямо истину [113]).

Въ торжественные дни Платонъ ѣзжалъ изъ митрополичьяго дома на службу въ золотой каретѣ, пожалованной ему императоромъ Павломъ I. запряженной шестью бѣлыми лошадьми въ шорахъ; передъ нимъ шли скороходы, ѣхали вершники. Около кареты бѣжалъ народъ, чтобы поглядѣть на любимаго владыку и принять его благословеніе. Въ этомъ экипажѣ однажды Платонъ пріѣхалъ къ президенту Академіи наукъ, княгинѣ Дашковой. Увидѣвъ преосвященнаго въ такомъ пышномъ экипажѣ, Дашкова сказала Платону:

— Васъ возятъ шесть лошадей, а Христосъ никогда не ѣздилъ и на одной лошади, а всегда ходилъ пѣшій.

— Такъ, отвѣчалъ Платонъ, — Христосъ ходилъ пѣшкомъ и за нимъ овцы слѣдовали, а я ихъ не догоню и на шестернѣ.

Изъ придворныхъ анекдотовъ про Платона существуетъ слѣдующій: разъ Дидро въ какомъ-то разговорѣ съ этимъ архипастыремъ, шутя, сказалъ:

— Вѣдь Бога нѣтъ!

— Что-жъ, вы не новость говорите, отвѣчалъ ему Платонъ:— еще ранѣе васъ царь Давидъ сказалъ: «Рече безумецъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ!»

Главнымъ качествомъ души Платона было прямодушіе; онъ гнушался лжи и не терпѣлъ коварства и хитрости. Однажды графъ Брюсъ осуждалъ при немъ его друга, графа З. Г. Чернышева. Платонъ на это замѣтилъ ему:

— Каковъ Чернышевъ, такіе люди родятся вѣками, а каковы Платонъ да Брюсъ, такіе часами.

Платонъ не любилъ, когда люди переходили изъ-за разсчетовъ изъ одного сословія въ другое. Такъ, одинъ первостатейный купецъ, желавшій выйти въ дворянство и получить чинъ, просилъ у него благословенія; на это Платонъ отвѣчалъ ему:

— Ты въ своемъ сословіи первый и я, митрополитъ, тебя сажалъ вмѣстѣ съ собою, а въ новомъ званіи ты будешь послѣдній—и я тогда тебя не посажу.

Платонъ отъ природы былъ вспыльчивъ, но скоро прощалъ обиду и старался тотчасъ извиниться передъ обиженнымъ. Однажды онъ разсердился за пьянство на своего регента, извѣстнаго въ то время духовнаго композитора И. М. Коломенскаго, и приказалъ посадить его въ тюрьму. Когда послѣдняго взяли и повели, то регентъ тутъ же, при немъ, запѣлъ ирмосъ: «Велѣніе мучителя злочестиваго люди поколеба» и пр. Платонъ разсмѣялся и приказалъ ему идти домой проспаться.

Гдѣ служилъ Платонъ, тамъ собиралось всегда множество народа и часто полиція не допускала простой народъ въ церковь и къ благословенію архипастыря. На это всегда Платонъ очень сердился и говорилъ полицейскимъ:

— Что вы, волки, разгоняете моихъ овецъ?

Митрополитъ Платонъ очень не любилъ также безпорядковъ при богослуженіи. Въ одинъ изъ торжественныхъ дней, по окончаніи обѣдни въ Успенскомъ соборѣ, Платонъ говорилъ проповѣдь, во время которой Беклешовъ, тогдашній главнокомандующій, разговорился съ какимъ-то пріѣзжимъ изъ Петербурга генераломъ. Проповѣдникъ вдругъ остановился и замолчалъ. Когда адъютантъ замѣтилъ Беклешову объ этомъ и тотъ прекратилъ разговоръ, Платонъ спросилъ его:

— Кончили вы, ваше превосходительство? Тогда я стану продолжать мое слово.

Въ другой разъ случилось, что, во время служенія Платона, въ алтарѣ іеродіаконъ чѣмъ-то прогнѣвилъ владыку. Платонъ довольно громко сталъ выговаривать виноватому. Беклешовъ воспользовался этимъ и послалъ въ алтарь своего адъютанта спросить митрополита, не нужна ли ему полиція:

— Полиція—я здѣсь, сказалъ въ отвѣтъ Платонъ, — а онъ съ полиціей на площади.

Снигиревъ разсказываетъ, что отецъ его былъ свидѣтелемъ слѣдующаго случая. Платонъ шелъ служить въ Чудовъ монастырь, гдѣ, при входѣ, на стѣнѣ висѣлъ большой образъ страшнаго суда. На этотъ образъ смотрѣла одна графиня. Увидѣвъ владыку, она подошла къ нему за благословеніемъ. На вопросъ Платона: что она видѣла на изображеніи страшнаго суда?

— Смотрю, отвѣчала графиня,—какъ архіереи идутъ въ адъ.

— А вотъ поглядите-ка на это, сказалъ владыко, указывая на мученія блудницы.

Обозрѣвая однажды свою епархію, онъ заѣхалъ къ обѣднѣ въ сельскую церковь, гдѣ священникъ, желая угодить архипа-

стырю, придумалъ прочесть его проповѣдь; но какъ не ученый, читалъ ее такъ, что трудно было добраться до смысла. Платонъ, по окончаніи проповѣди, спросилъ священника:

— Какой это дуракъ писалъ?

— Ваше святѣйшество, отвѣчалъ простодушный священникъ съ низкимъ поклономъ.

Нѣсколько интересныхъ разсказовъ митрополита Платона находимъ и у Лубяновскаго въ его воспоминаніяхъ. Платонъ очень любилъ разсказывать о князя Потемкинѣ, котораго называлъ своимъ искреннимъ другомъ.

По словамъ владыки, первый шагъ его при дворѣ былъ — это его рѣдкое умѣнье поддѣлываться подъ чужой голосъ и выговоръ. Забавлявшійся часто разсказами Потемкина, Гр. Орловъ захотѣлъ представить его государынѣ. При первомъ представленіи, Потемкинъ такъ ловко, удачно и смѣло отвѣтилъ императрицѣ ея голосомъ и выговоромъ, что она до слезъ хохотала.

Спустя нѣсколько дней послѣ перваго пріема, на вечерней бесѣдѣ въ Эрмитажѣ, императрица играла въ карты, Орловъ былъ въ числѣ партнеровъ. Потемкинъ, тогда молодой гвардейскій офицеръ, подошелъ къ столу, сталъ возлѣ императрицы и положилъ свою руку на столъ. Орловъ потихоньку хотѣлъ ему замѣтить его неловкость, но государыня сказала Орлову:

— Оставьте его, онъ вамъ не мѣшаетъ.

Не менѣе также интересенъ разсказъ Платона про торжественную аудіенцію, когда синодъ благодарилъ императрицу за освобожденіе архіереевъ и монастырей отъ «суеты-суетствій», т. е. вотчинъ [114]). Митрополитъ новгородскій Дмитрій Сѣченовъ, черезъ котораго это все дѣлалось, не былъ при этомъ, онъ видѣлъ уже свои обманутыя ожиданія и ему недоставало уже духу сказать благодарственную рѣчь. Говорилъ рѣчь за него Гавріилъ, митрополитъ петербургскій. Владыки собрались у Кулябки, кіево-печерскаго архимандрита, откуда, выпивъ по двѣ рюмки стараго венгерскаго, и отправились во дворецъ въ придворныхъ каретахъ.

Во дворцѣ было многое множество сановниковъ съ радостными лицами, какъ въ свѣтлый праздникъ или послѣ побѣды надъ супостатами. Въ тронной залѣ, въ коронѣ и порфирѣ, высоко и величаво сидѣла императрица подъ балдахиномъ; у подножія трона стояла съ одной стороны русская знать обоего пола, съ другой—иностранная министерія. Церемонійместеры съ жезлами встрѣтили депутацію на дорогѣ. Совершивъ три поклона,

духовенство стало по старшинству. Гавріилъ, ступивъ три шага впередъ, началъ благодарственную рѣчь. За вотчины были даны штаты, Гавріилъ въ продолженіе рѣчи три раза восклицалъ: «о блаженные штаты!» Кулябка, три же раза поворачивая голову къ Платону, шепталъ на хохлацкомъ языкѣ что-то гораздо неблагодарственное. Платонъ стоялъ ни живъ, ни мертвъ. Императрица потомъ сошла съ трона, сказавъ депутаціи милостивое слово, откланялась и удалилась; духовныя власти послѣ того отправились къ Кулябкѣ допить венгерское за упокой вотчинъ.

Разсказывалъ Платонъ также, какъ императрица пріѣхала въ Москву, на возвратномъ пути изъ Крыма, сильно предубѣжденная противъ мартинистовъ и очень негодовала, что улицы въ подмосковныхъ были посыпаны пескомъ; видя это и въ Москвѣ тоже и къ тому еще темносѣрую краску на фонарныхъ столбахъ, называла это предзнаменованіемъ похоронъ ея, и все это, говорила она, дѣлается по наущенію мартинистовъ.

Въ Успенскомъ соборѣ архимандритъ, сказавшій ей проповѣдь, показался тоже мартинистомъ. «Меня здѣсь погребаютъ,— говорила она Платону,—да и проповѣдникъ вашъ долженъ быть темный мартинистъ; посмотрите на него, кости да кожа, весь высохъ!»

Тогдашній московскій губернаторъ разсказывалъ: прибѣжалъ митрополитъ, говоритъ, что она призвала его въ кабинетъ, съ гнѣвомъ говорила ему о погребальномъ пескѣ, о злодѣйскихъ намекахъ въ газетахъ, объ изданіи возмутительныхъ книгъ подъ названіемъ духовныхъ, о потачкѣ его всему тому въ угодность мартинистамъ, и выслала его изъ кабинета. Вскорѣ, впрочемъ, затѣмъ его приказала воротить и, осмотрѣвъ съ ногъ до головы, сказала:

— Да ты, видно, и въ самомъ дѣлѣ не мартинистъ, пополнѣлъ; поди же конфискуй типографію Новикова.

Профессоръ С. Шевыревъ, посѣтившій Виѳанію въ пятидесятыхъ годахъ, говорилъ, что «простота, окруженная здѣсь великолѣпіемъ прошлаго вѣка, напоминаетъ одну духовную силу, безъ которой не блистала бы и Виѳанія. Домъ Платона напомнилъ ему видомъ Фернейскій зàмокъ Вольтера.

Сближеніе покажется страннымъ, но оно касается одной внѣшности: есть у каждаго вѣка свое особенное въ наружномъ быту, въ украшеніяхъ, въ пріемахъ. И тамъ, и здѣсь, вы находите портретъ императрицы Екатерины: въ Фернеѣ вышитъ шелкомъ и подаренъ самою государыней, здѣсь вырѣзанный изъ бу-

маги очень искусно и подаренный Потемкинымъ. Тамъ картины, относящіяся къ жизни Вольтера; здѣсь также—къ жизни хозяина. Но тутъ противоположность. Вольтеръ, какъ будто язычникъ, находитъ убѣжище у Аполлона, которому подноситъ свою Генріаду. Платонъ въ тяжкую минуту жизни утѣшенъ ангеломъ, подносящимъ ему сердце съ надписью «горѣ сердца!»

«Платонъ любитъ природу; прекрасные виды на окрестность, оживленную прудами, окружаютъ его домикъ. Вмѣсто ландшафтовъ служатъ зеркала. Зеркало въ шкафѣ отражаетъ видъ на лавру. Въ спальнѣ Платона тоже зеркальный потолокъ.

Много любопытныхъ воспоминаній хранится и о частной жизни покойнаго. Въ лѣтней опочивальнѣ вы найдете его соломенную шляпу. На картинѣ изображенъ его поваръ, у котораго вытаскиваютъ занозу изъ ноги. На другой—портреты его пѣвчихъ, тутъ же и турокъ, воспитанный имъ и обращенный имъ въ православіе. Въ алтарѣ домовой церкви хранится стулъ съ китайскими изображеніями. Домовая церковь митрополита во имя Св. Духа. Въ ней только двѣ иконы и то малыя [115]).

Смыслъ Ветхаго и Новаго Завѣта изображенъ словами: «Законъ Моисеемъ данъ бысть: благодать же и истина Іисусъ Христомъ». Въ церкви этой Платонъ, при служеніи, исправлялъ должность причетника.

Выходя изъ этихъ покоевъ съ живымъ воспоминаніемъ о личности усопшаго хозяина, вы невольно остановитесь мыслью на надписи главнаго крыльца: «Да благословитъ Господь входъ и исходъ твой отнынѣ и до вѣка». Какъ будто бы преосвященный простиралъ и теперь свое благословеніе на всѣхъ посѣщающихъ его скромное убѣжище. Но послѣ этой молитвы, прочтите сбоку благоразумную русскую пословицу: «не выноси сору изъ дому».

Во время Отечественной войны, владыка очень сильно скорбѣлъ: въ дни всеобщаго бѣдствія онъ снялъ съ себя всѣ знаки архипастырскіе и ходилъ въ простомъ тепломъ полукафтанѣ и въ бѣлой шапочкѣ, похожей на клобукъ, опираясь на простую палку.

Въ Москвѣ митрополичій домъ Платона находился въ Кремлѣ, по сосѣдству съ стѣною Вознесенскаго монастыря; домъ былъ двухэтажный, съ вензелемъ Платона на фронтонѣ. Въ 1817 г., когда прибыла въ Москву императорская фамилія, и на короткое время, за тѣснотою бывшаго тогда Кремлевскаго дворца, остановился въ немъ великій князь Николай Павловичъ съ су-

пругою, здѣсь 17-го апрѣля родился императоръ Александръ Николаевичъ.

По этому случаю домъ этотъ былъ причисленъ къ придворному вѣдомству и сталъ именоваться Николаевскимъ дворцомъ. При императорѣ Николаѣ надъ домомъ былъ надстроенъ третій этажъ и пристроена къ нему галлерея, ведущая изъ дворца въ Чудовскую церковь, съ четвероугольною надъ нею башнею въ

Митрополитъ Платонъ.

древнемъ стилѣ. Въ нижнемъ этажѣ этого дворца находилась церковь св. апостоловъ Петра и Павла.

Въ 1806 году, когда Платонъ уже жилъ въ Виѳаніи, главноначальствующій надъ кремлевскою экспедиціей, П. С. Валуевъ, хотѣлъ въ домѣ Платона помѣстить тогда бывшаго въ Москвѣ коменданта И. Х. Гессе. Платонъ, узнавъ объ этомъ, писалъ преосвященному Августину, чтобы онъ отклонилъ отъ этого Валуева—представляя: что сіе, кромѣ другихъ причинъ, возмутитъ публику, которая найдетъ несообразнымъ жить въ архіе-

рейскомъ домѣ нѣмцу и близь мощей лютеранину. Валуевъ послушался Платона.

Внѣшность Платона была слѣдующая: росту онъ былъ средняго, лицо круглое, бѣлое, съ слѣдами подъ старость прежней красоты, чело гладкое, возвышенное, на лбу посреди полумѣсяцемъ былъ рубецъ отъ ушиба въ молодыхъ годахъ, глаза сѣро-голубые свѣтлые, брови черноватыя, густыя, борода окладистая, но не густая и не длинная, поступь и осанка величественная, смѣлая и одинаково привлекательная, служилъ ли владыка въ богатыхъ ризахъ и въ драгоцѣнной шапкѣ, подаренной ему княземъ Потемкинымъ, или въ простой убогой рясѣ преподобнаго Сергія. Голосъ Платона былъ баритонъ, бархатный, нѣжный и свѣтлый.

Митрополитъ Платонъ скончался въ Виѳаніи 11-го ноября 1812 года. Наканунѣ этого дня, вечеромъ, Платонъ пророчески сказалъ своему духовнику: «теперь все рѣшится» и на другой день поутру, вышедши изъ моленной, повторилъ тѣ же слова Симону-слѣпцу и келейному іеромонаху Никону. Окружающіе его не знали, какъ понять эти слова: кто думалъ, что это относится къ судьбамъ Россіи, другіе прямо относили ихъ къ жизни архипастыря, тѣмъ болѣе, что за три мѣсяца до своей кончины онъ велѣлъ вынуть изъ своей могилы приготовленный себѣ гробъ, который стоялъ въ могилѣ около девяти лѣтъ, приказавъ вымыть его, сперва самъ легъ въ него, затѣмъ приказалъ лечь въ него старцу Симеону.

Могилу же для себя Платонъ вырылъ за 12 лѣтъ до кончины. Въ послѣдній годъ своей жизни Платонъ часто повторялъ слова: «время отшествія моего наста» и часто, чтобы побѣдить въ себѣ страхъ смерти, тайно по ночамъ ходилъ на Виѳанское кладбище, которое называлъ «скудельницею», и тамъ сиживалъ на могилахъ въ слезахъ и молитвѣ.

До этого времени владыка не любилъ говорить о своей смерти и разъ, сидя у воротъ на лавкѣ съ виѳанскими богадѣльными старцами, жаловался имъ на болѣзнь свою въ ногахъ, на что одинъ изъ стариковъ простодушно ему замѣтилъ, что отъ такой болѣзни умеръ его отецъ.

На это владыка обидѣлся и, шутя, жаловался архимандриту, что старикъ его со свѣту сживаетъ. За годъ до смерти у него болѣли глаза; онъ призвалъ на консультацію извѣстнаго въ то время доктора Мудрова и спросилъ у него:

— Можно ли ему при лекарствѣ читать пареміи въ Великую субботу.

На это Мудровъ отвѣтилъ ему стихомъ Виргилія: «Iam sat prata libertun» (т. е.: нивы твои уже довольно напоены тобою). «Иначе», отвѣтилъ владыко, «пора уже твоимъ костямъ на мѣсто», видимо обидѣлся и болѣе уже не приглашалъ къ себѣ Мудрова.

Платонъ скончался тихо: въ 12 часовъ онъ сѣлъ за столъ съ архимандритомъ и родственникомъ. При концѣ обѣда, за послѣднимъ кушаньемъ онъ почувствовалъ себя нехорошо, всталъ съ кресла, прошелся по комнатѣ и затѣмъ тихо впалъ въ изнеможеніе. Владыко томился не болѣе часа и тихо угасъ.

По духовному завѣщанію Платона, читанному при погребеніи его послѣ Евангелія, предъ разрѣшительною молитвою, владыко былъ похороненъ въ Виѳаніи и оставшіеся капиталы были распредѣлены на семинаріи и монастыри.

Погребальное шествіе тянулось на версту. Подходя къ вратамъ Виѳанской обители, преосвященный Августинъ сказалъ стихами:

«Виѳанія! грядетъ къ тебѣ родитель твой.
Но ты всегда пребудешь сиротой!»

Гробъ Платона былъ опущенъ въ могилу подлѣ деревяннаго гроба преподобнаго Сергія, въ пещерѣ нижней церкви.

Старый соборъ въ Сергіевской пустыни, во имя св. Троицы, построенъ графомъ Варф. Варф. Растрелли, начатъ въ 1756 году и оконченъ въ 1760 году. Какъ мы выше говорили, главный придѣлъ былъ только освященъ на другой годъ по воцареніи императрицы Екатерины II; государыня сама присутствовала при освященіи и послѣ богослуженія обѣдала со всѣми придворными у архимандрита пустыни Лаврентія Хоцятовскаго. Придѣлы же собора, правый во имя св. апостоловъ Петра и Павла, и лѣвый въ честь св. Захарія и Елисаветы были освящены гораздо ранѣе, въ 1761 году, архимандритомъ Гедеономъ Криновскимъ. Лѣвый придѣлъ нѣсколько лѣтъ былъ закрытъ и только въ 1840 году, по возобновленіи всего храма, былъ освященъ вновь во имя усѣкновенія главы св. Іоанна Предтечи.

Въ этомъ храмѣ лѣтомъ хранится главнѣйшая святыня пустыни—икона преподобнаго Сергія Радонежскаго чудотворца, по преданію написанная на гробовой доскѣ святителя и принесенная основателемъ пустыни изъ Сергіевской лавры. На иконѣ находится крестъ съ частицею святыхъ мощей преподобнаго Сергія, пожертвованный пустынѣ извѣстнымъ путешественникомъ ко святымъ мѣстамъ Анд. Ник. Муравьевымъ. На горнемъ мѣстѣ

этого храма стоитъ икона Святыя Троицы, писанная въ 1840 году К. П. Брюловымъ.

Храмъ весь длиною и шириною съ выступами по $4^1/_2$ саж. Служба совершается въ немъ только лѣтомъ, храмъ безъ печей.

Въ каменномъ инвалидномъ домѣ, построенномъ въ 1806 году свѣтлѣйшимъ княземъ П. А. и графомъ Н. А. и Д. А. Зубовыми, надъ прахомъ ихъ брата Валеріана Александровича, воздвигнута архитекторомъ Пунчини церковь во имя св. мученика Валеріана; она расположена внутри зданія, подъ нею склепъ, въ которомъ погребаются члены фамилій Зубовыхъ; здѣсь также призрѣваются на средства графа Зубова тридцать раненыхъ воиновъ.

Валеріанъ Александровичъ Зубовъ, надъ прахомъ котораго построена церковь, былъ меньшой братъ фаворита Екатерины II свѣтлѣйшаго князя П. А. Зубова. Валеріанъ Зубовъ родился въ 1771 году и умеръ отъ водяной болѣзни въ Курляндіи, 21-го іюня 1804 года, въ своемъ имѣніи Вюрцау, въ богатомъ зàмкѣ съ роскошнѣйшимъ садомъ, разведеннымъ Анной Іоанновной, когда она была герцогиней Курляндской. Вмѣстѣ съ этимъ зàмкомъ ему принадлежали всѣ имѣнія бывшихъ герцоговъ Курляндскихъ. Зубовъ началъ свою службу въ кавалергардахъ. Императрица Екатерина II очень любила его и въ письмахъ къ Потемкину называла «милымъ ребенкомъ рѣзвушей». Валеріанъ Зубовъ превосходилъ красотою своею брата Платона; особенно онъ поражалъ живостью своихъ глазъ и пріятностью взгляда; по словамъ Державина, онъ и нравомъ былъ прекрасенъ.

Въ формѣ кавалергарда это былъ рѣдкій красавецъ; мундиръ кавалергарда въ Екатерининское время отличался особеннымъ великолѣпіемъ: онъ былъ изъ синяго сукна съ красными обшлагами и почти весь расшитъ золотыми и серебряными галунами и шитьемъ; на спинѣ и на груди были звѣзды изъ чистаго серебра съ двуглавымъ орломъ; такими же серебряными орлами были украшены нарукавники, а набедреники такіе же серебряные были укрѣплены цѣпочками, портупея и темлякъ обложены серебряною чешуей, ножны сабли посеребрены, на сапогахъ серебряныя поножи съ такими же цѣпочками; надъ шлемомъ развѣвался султанъ яркихъ колеровъ. Весь уборъ кавалергарда обходился не въ одну тысячу рублей.

Кавалергардскій корпусъ состоялъ изъ 60 человѣкъ, послѣдніе всѣ были въ оберъ-офицерскихъ чинахъ и притомъ рослые мужчины-красавцы. Кавалергарды стояли на караулѣ только внутри дворца, передъ комнатами императрицы. Зубовъ отли-

чался храбростью въ арміи и былъ присланъ Потемкинымъ съ донесеніемъ о взятіи Измаила: за это онъ былъ награжденъ орденомъ Георгія 4-го класса, и затѣмъ, послѣ того, сталъ входить въ большую милость. Въ 1794 году онъ уже былъ генералъ-маіоромъ и отправленъ въ Польшу, подъ начальствомъ Суворова, для усмиренія мятежа; тамъ—у него оторвало ногу, объ этомъ

Валеріанъ Александровичъ Зубовъ.

печальномъ случаѣ Энгельгардъ разсказываетъ слѣдующее [116]): «Мы уже настигали аріергардъ Гедройца при переправѣ его черезъ Бугъ, близь деревни Поповки, какъ черноморцы донесли, что поляки, переправившись, ломаютъ мостъ, а по той сторонѣ въ лѣсу засѣли ихъ егеря съ пушкою и не допускаютъ черноморцевъ къ переправѣ. Графъ Зубовъ былъ съ Софійскимъ карабинернымъ полкомъ и всѣми при немъ бывшими волонтерами.

Полковникъ Рарокъ, посадивъ свой полкъ гренадеръ на лошадей, проскакалъ къ графу; подъѣхавъ къ берегу, чтобъ узнать, въ которомъ мѣстѣ былъ тотъ мостъ, Рарокъ сказалъ:

— Господа, разъѣзжайтесь: непріятель, увидя генерала окруженнаго свитой, будетъ по немъ стрѣлять.

Мы только что отъѣхали и я былъ шагахъ къ десяти отъ графа, какъ вдругъ роковое ядро, фунта въ полтора, оторвало у графа лѣвую ногу, а у Рарока—правую; графа отнесли въ лощину, куда со всѣхъ сторонъ собрались медики и занялись отнятіемъ его ноги, а Рарокъ оставался безъ помощи; послѣдній на другой день умеръ отъ потери крови.

Объ этомъ происшествіи къ Екатеринѣ былъ посланъ нарочный въ Петербургъ. Государыня послала ему покойную англійскую карету и 10,000 червонцевъ для переѣзда, и вслѣдъ затѣмъ произвела его въ генералъ-поручики, наградила его двумя орденами и пожаловала въ подарокъ ему домъ на Большой Морской. Потерявъ ногу, Зубовъ очень потолстѣлъ, впослѣдствіи ему была очень искусно сдѣлана фальшивая нога изъ тонкаго желѣза извѣстнымъ механикомъ Кулибинымъ.

Года черезъ два послѣ этого, на двадцать шестомъ году отъ рожденія, Зубовъ получилъ начальство надъ 35,000 войскомъ, отправленнымъ въ Персію. Въ апрѣлѣ 1796 года онъ обложилъ Дербентъ и въ первыхъ числахъ взялъ эту неприступную крѣпость. Зубовъ, по взятіи крѣпости, принялъ мѣры не только къ охраненію жизни жителей, но и ихъ собственности. Ключи Дербента поднесены были молодому Зубову стодвадцатилѣтнимъ старцемъ, тѣмъ самымъ персіаниномъ, который въ 1722 году поднесъ ихъ и Петру Великому. Екатерина II поручила Зубову установить торговлю съ Индіею, ему повелѣно было занять всѣ важные торговые пункты отъ Персіи до Тибета, оставивъ тамъ гарнизоны, а потомъ обратиться съ своей арміей вправо къ Анатоліи и тамъ, взявъ Анапу, пресѣчь всѣ сношенія съ Константинополемъ.

Потомъ Суворовъ пошелъ бы черезъ горы и Адріанополь къ турецкой столицѣ, а императрица, находясь лично на флотѣ, въ то же время осадила бы этотъ городъ съ моря. Къ исполненію этого плана предполагалось приступить въ 1797 году и Суворовъ дѣлалъ уже приготовленія [117]). Неожиданная смерть Екатерины все остановила, а политика императора Павла не имѣла характера завоевательнаго и государь послалъ Зубову нѣсколько орденовъ для раздачи его подчиненнымъ и отдѣльныя приказа-

нія полковымъ командирамъ возвратиться со своими полками въ Россію. Солдаты, прощаясь съ Зубовымъ, заливались слезами, называя его отцомъ роднымъ. Зубову приходилось оставаться въ лагерѣ одному: онъ отправился вслѣдъ за своей арміей и, по прибытіи въ Петербургъ, подалъ въ отставку; получивъ ее, онъ былъ обязанъ жить въ своемъ имѣніи, въ Курляндіи, подъ присмотромъ полиціи. Будучи въ изгнаніи, онъ просился у императора Павла заграницу, чтобы въ путешествіи чему нибудь научиться, но дозволенія не получилъ.

Жихаревъ въ своемъ «Дневникѣ студента» говорилъ, что Валеріанъ Зубовъ былъ человѣкъ отличныхъ свойствъ, необыкновенно уменъ и такой сердечной доброты, что невольно привлекалъ къ себѣ любовь всѣхъ, его знавшихъ. Державинъ въ то время, когда Зубовъ впалъ въ опалу и возвращенъ изъ Персіи, написалъ къ нему одну изъ лучшихъ своихъ одъ, въ которой воспѣлъ всѣ его хорошія душевныя качества и совѣтовалъ ему въ несчастіи подражать Суворову и не тужить по снамъ прелестнымъ.

Существуютъ разсказы, что въ отставкѣ Зубовъ жилъ очень весело, побѣждая сердца женщинъ и устраивая у себя пиры и вечера аѳинскіе. За годъ до смерти императора Павла, В. Зубовъ испросилъ себѣ позволеніе пріѣхать въ Петербургъ. Государь позволилъ ему явиться въ столицу и опредѣлилъ его директоромъ второго кадетскаго корпуса. Императоръ Александръ I сдѣлалъ его членомъ Государственнаго совѣта.

Зубовъ въ Петербургѣ жилъ на Фонтанкѣ, вблизи Измайловскаго моста, во дворѣ дома, окруженнаго большимъ тѣнистымъ садомъ (теперь домъ Тарасова). Валеріанъ Зубовъ получалъ ежегоднаго пенсіона 12,000 рублей, чистымъ золотомъ. Помимо большихъ имѣній въ Курляндіи и Польшѣ, деньгами онъ получилъ отъ Екатерины II до 800,000 рублей.

На сѣверной сторонѣ монастыря по одной линіи съ келіями настоятельскихъ и братской трапезы, стоитъ церковь Преподобнаго Сергія съ придѣлами Христа Спасителя и мученицы Зинаиды. Церковь пятиглавая, каменная, крытая желѣзомъ, построенная профессоромъ А. М. Горностаевымъ, могила котораго виднѣется вблизи этого храма. Храмъ этотъ во имя представителя обители являетъ образецъ православной базилики.

Войдя въ нее и ставъ подъ первою поперечною аркой церкви, васъ ранѣе всего поражаетъ общность стелющейся передъ вами перспективы храма; вглядываясь въ детали его, васъ подавляетъ

величественная стройность всей постройки: вездѣ путь взгляду открытъ и нѣтъ препятствій молитвенному пути мысли. Внутри храма разноцвѣтный мраморный иконостасъ, установленный въ два ряда гранитными полированными колоннами. Замѣчательно, что весь гранитъ колоннъ, какъ этихъ, такъ и нижняго яруса и для нѣкоторыхъ другихъ частей церкви, открытъ самимъ архимандритомъ не очень далеко отъ пустыни, подъ кустарниками и въ поляхъ. По своимъ украшеніямъ иконостасъ принадлежитъ къ сооруженіямъ древне-византійскаго стиля, въ особенности приближается къ храму во имя Преображенія Господня, построенному на Синайской горѣ, въ Синайскомъ монастырѣ, въ началѣ шестого вѣка, византійскимъ императоромъ Юстиніаномъ Великимъ [118]). Выгибы арокъ, расчисленіе ихъ устоя, гальбъ, колоннъ, соразмѣреніе частей рисунка, деталей, характеръ общаго, прекрасное устройство входа, алтаря нижнихъ церквей и частей зданія—все свидѣтельствуетъ о знаніи и чистотѣ вкуса строителя. Подъ гранитною шатровою сѣтью устроена входная дверь въ южной стѣнѣ въ нижнюю паперть или притворъ; это продольный пролетъ, около трети ширины всего зданія, раздѣленный вдоль же надвое четырьмя гранитными колоннами, поддерживающими пять сводовъ и надъ которыми стоятъ вверху колонны самаго храма.

Этотъ входъ напоминаетъ древніе христіанскіе крипты, или катакомбы; двери, расположенныя въ задней стѣнѣ притвора, ведутъ въ двѣ нижнія, очень удобно и красиво помѣщенныя церкви, семейныя усыпальницы князей Чернышевыхъ и Юсуповыхъ, а вся земля подъ ногами занята гранитными склепами. Стѣны между дверей въ церкви богато украшены колоннами и анкессаментами изъ разноцвѣтныхъ мраморовъ.

Въ правой оконечности этой паперти (подъ діяконикомъ верхней церкви), находится небольшая свѣтлая усыпальница Шишмарева; двѣ могилы охранены колоссальнымъ мраморнымъ крестомъ въ стѣнѣ, а подъ перекладиною его поставлены большія изображенія святыхъ соименниковъ, мужа и жены, замѣчательныя по письму, исполненному г. Лавровымъ на золоченыхъ сквозь огонь доскахъ. Лѣвая оконечность заключаетъ широкую открытую лѣстницу въ церковь, съ перваго шага на которую васъ встрѣчаютъ глубоко знаменательныя надписи изъ священнаго писанія; здѣсь же на половинѣ ея вышины вы видите изображеніе посѣщенія св. мүроносицами гроба Господня и возвѣщенія имъ ангеломъ воскресенія Спасителя, прекрасно

исполненное кистью самого настоятеля отца архимандрита Игнатія.

Первоначальная каменная церковь, во имя Преподобнаго Сергія, была устроена на этомъ мѣстѣ въ 1758 году вмѣсто обветшавшей деревянной, на средства Сергіевской лавры, а въ 1854—1859 годахъ перестроена съ основанія въ болѣе пространныхъ размѣрахъ на счетъ разныхъ благотворителей. Освящена она въ 1859 году митрополитомъ с.-петербургскимъ Григоріемъ.

Въ этой церкви находятся слѣдующія святыни: на солеѣ предъ иконостасомъ, на мраморномъ пьедесталѣ серебряный ковчегъ, украшенный драгоцѣнными камнями съ девятью частицами разныхъ святыхъ мощей, принесенный въ даръ Сергіевской пустыни А. Н. Муравьевымъ, получившимъ ихъ отъ патріарха александрійскаго Іероѳея и епископа Ѳиваиды Никанора; затѣмъ тутъ же за правымъ клиросомъ, на пьедесталѣ, мраморная 13½ вершковъ высоты колонна, привезенная въ 1862 году по благословенію Кирилла, патріарха іерусалимскаго, извѣстнымъ путешественникомъ по Святой землѣ Авр. Сер. Норовымъ, изъ дома святыхъ праведныхъ богоотцовъ Іоакима и Анны. На колоннѣ находится образъ Рождества Пресвятыя Богородицы. Подъ плитнымъ поломъ обѣихъ церквей нижняго этажа, какъ и всей паперти, погребены многіе покойники. Но самая богатѣйшая здѣсь усыпальница принадлежитъ графинѣ Зин. Ив. де-Шаво, маркизы де-Серръ, прежде бывшей княгини Юсуповой, рожденной же Нарышкиной; графиня здравствуетъ посейчасъ, родилась въ 1810 году [119]). Графиня Зинаида Ивановна де-Шаво владѣетъ колоссальнымъ богатствомъ; въ числѣ ея сокровищъ первое мѣсто занимаютъ историческіе брилліанты, какъ напримѣръ, драгоцѣннѣйшая діадема бывшей королевы неаполитанской Каролины, знаменитый брилліантъ «Полярная звѣзда», вѣсомъ въ сорокъ каратъ и также извѣстная жемчужина «Пилигрина» или странница, принадлежавшая нѣкогда королю испанскому Филиппу и затѣмъ греку Зосиму. Если вѣрить описанію, изданному въ 1818 году въ Москвѣ, то эта несравненная жемчужина, величиною въ грецкій орѣхъ, такъ кругла, что если положить ее на листъ бумаги, то при малѣйшемъ сотрясеніи она легко катается. Жемчужина эта была куплена за 200,000 рублей княгиней Татьяной Васильевной Юсуповой, ею были куплены также и всѣ остальныя драгоцѣнности, которыми владѣетъ теперь графиня де-Шево. Эта княгиня Юсупова, бывшая прежде замужемъ за Потемкинымъ, дальнимъ родственникомъ князя Таври-

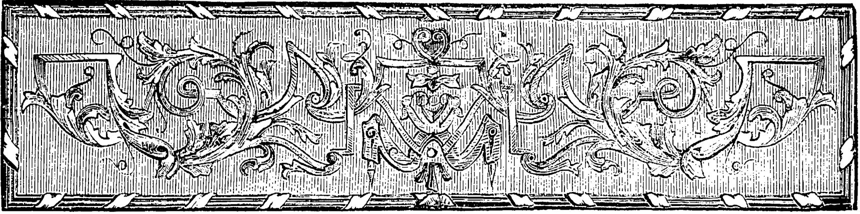
ческаго; она значительно умножила своимъ приданымъ богатства Юсуповыхъ; говорятъ, что на долю ея пришлось восемнадцать милліоновъ.

Кладбище Троицко-Сергіевской пустыни по числу погребенныхъ на немъ богатыхъ и аристократическихъ лицъ считается однимъ изъ первыхъ. Тутъ есть цѣлые храмы, какъ напримѣръ, церковь святителя Григорія Богослова, гдѣ въ подвалахъ находится одна усыпальница графа и графини Кушелевой; въ другой церкви, Покрова Пресвятой Богородицы, находится усыпальница князей Кочубеевъ. Затѣмъ въ новомъ богатомъ храмѣ во имя Воскресенія Христова, построенномъ на мѣстѣ существовавшей съ 1791 года небольшой ветхой церкви во имя св. апостола Іакова Брата Божія, въ нижнемъ этажѣ находится много могилъ знатныхъ и почетныхъ лицъ. На монастырскомъ кладбищѣ покоятся подъ пышными мавзолеями графы: Перовскіе, Барановы, Толстые, Шереметевы, Апраксины, Строгановы, Адлербергъ, Витъ; князья: Мурузи, Суворовы, Масальскіе, Ширинскіе-Шихматовы, Голицыны и многіе другіе аристократы.

Монастырское кладбище еще замѣчательно тѣмъ, что на немъ погребено много иновѣрцевъ и иностранцевъ, напримѣръ, принцъ Ольденбургскій, португальскій посланникъ графъ де-Мопра, Bene née Carafolo, жена секретаря англійскаго посольства, Lord Ward и мн. другіе.

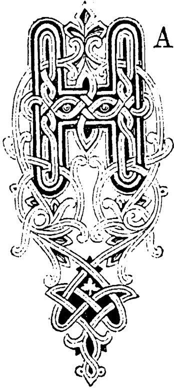
Надъ монастырскими вратами между двухъ корпусовъ братскихъ келій стоитъ каменная церковь во имя св. Саввы Стратилата, построенная въ 1863 году М. В. Шишмаревымъ, въ память дѣда жены его, извѣстнаго богача Саввы Яковлевича Яковлева, скончавшагося въ 1784 году и погребеннаго на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры; затѣмъ еще въ пустыни есть четыре часовни, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ погребены монахи, благотворители монастыря.

ГЛАВА IX.

Мыза «Стрѣлина» или Стрѣльна. — Разсказы Бергхольца про Стрѣльну.— Стрѣльнинская церковь.— Преданіе о ней.— Деревянный домикъ Петра.—Посадки деревъ, сдѣланныя руками Петра.— Каналъ.— Катанье къ берегамъ Стрѣльны.—Правила и пункты, установленные Петромъ при поѣздкахъ.—Разсказъ про графиню Матвѣеву.— Дубинка Петра.— Производство въ шуты .— Стрѣльнинскій дворецъ при императрицахъ: Аннѣ, Елисаветѣ и Екатеринѣ II и во времена царствованія Павла.— Великій князь Константинъ Павловичъ, владѣлецъ Стрѣльны.— Анекдотъ съ Булгаринымъ. — Стрѣльна при императорѣ Николаѣ.— Суевѣрные разсказы. —Дача Меншикова и лейбъ-медика Блюментроста.— Біографія послѣдняго и разнообразныя должности этого врача.— Врачебная слава Блюментроста. — Судьба Блюментроста послѣ смерти Петра. — Оберъ-кухмистеръ Петра Перваго, Янъ Фельтенъ. — Обѣды и пиршества въ до-Петровское время.— Первый трактиръ въ Петербургѣ.— Дѣти Фельтена.—Богатыя стрѣльнинскія дачи: Энгельмана, Строгановой, графа Васильева.— Колоніи колонистовъ. — Дачи: княгини Гики, Вяземскаго. — Дачи князя Орлова, князя Львова и Е. И. Ламанскаго.

НА БЕРЕГУ Финскаго залива, на 19-й верстѣ петергофской дороги, на рѣчкѣ Стрѣлкѣ стоитъ загородный дворецъ Стрѣльна. Петръ Великій здѣсь, въ 1708 году, разбилъ лѣтнюю свою резиденцію; царь предполагалъ тутъ устроить фонтаны, по образцу версальскихъ, для чего имъ и было приступлено къ прокладкѣ водопроводовъ изъ источниковъ деревень Глядиной и Забородья, находящихся въ тридцати верстахъ отъ Стрѣльны.

Но этому предположенію не суждено было осуществиться; фельдмаршалъ Минихъ, исполнявшій тогда должность инженера, представилъ Петру болѣе удобнымъ для такого загороднаго дворца мѣстность, гдѣ теперь

стоитъ Петергофъ. Государь согласился и, по повелѣнію, данному имъ въ 1711 году, приказалъ на «мызѣ Стрѣльнѣ» выстроить пару избъ для пріѣзда, птичій и скотный дворъ, и ежели возможно, то хотя маленькую сажалку для рыбы.

Первыя постройки здѣсь сталъ выводить нѣмецкій архитекторъ Брандтъ; позднѣе, въ 1716 году, работами здѣсь завѣдывалъ генералъ-архитекторъ Леблондъ; имъ былъ построенъ каменный въ четыре этажа дворецъ, длиною въ сорокъ четыре, шириною въ шесть и вышиною въ $8^3/_4$ сажени, съ параднымъ изъ средняго этажа сходомъ и великолѣпною передъ нимъ террасою.

Вмѣстѣ съ этими постройками былъ кругомъ дворца разбитъ садъ, на манеръ версальскаго, и вырыты три канала: одинъ отъ террасы, два другіе пересѣкающіе первый; Петръ засадилъ собственноручно образуемый среднимъ каналомъ круглый островъ соснами, сѣмена которыхъ собралъ самъ близь Тюринга на Гарцѣ. Островъ по сейчасъ удержалъ названіе государя «Петровскій».

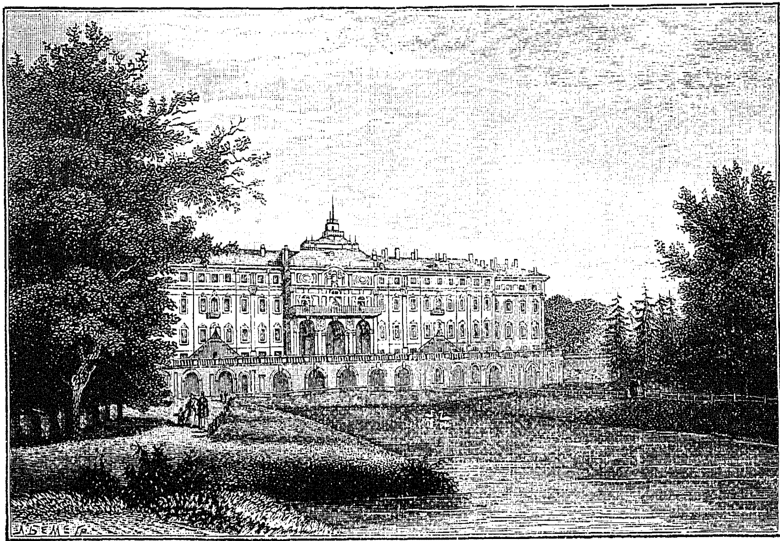
Въ 1721 году Берхгольцъ видѣлъ новую дачную резиденцію Петра и вотъ какъ онъ ее описываетъ: «На мызѣ Стрѣльнѣ находится большой еще строющійся дворецъ, стоитъ онъ очень высоко и на прекрасномъ мѣстѣ; противъ фасада дома протекаетъ рѣка, а передъ нею расположена чудная рощица. Три террасы необыкновенной длины, спускающіяся уступами съ горы въ садъ, уже готовы и снабжены надлежащими трубами для фонтановъ, которые будутъ бить тамъ со всѣхъ концовъ, что царю, какъ я слышалъ, уже теперь стоило значительныхъ суммъ. На срединѣ верхней террасы, которая, какъ и обѣ другія, длиною во всю ширину сада, заложенъ уже фундаментъ обширнаго дворца, который, говорятъ, будетъ лучше версальскаго дворца, полная модель котораго, сдѣланная изъ дерева, стоитъ въ царскомъ саду. Отъ главнаго корпуса зданія, черезъ всѣ террасы спускается въ садъ большой широкій каскадъ, со сводомъ внутри, изъ котораго выйдетъ нѣчто въ родѣ грота.

Вода для него, для фонтановъ на террасахъ и другихъ всѣхъ, какіе еще будутъ устроены въ саду, проведена съ высокихъ мѣстъ посредствомъ другого канала, находящагося позади дворца и такъ обильно снабжающаго ею все это множество фонтановъ, что они могутъ бить день и ночь. Прямо противъ каскада идетъ другой, очень широкій каналъ; онъ окружаетъ рощицу, которая почти образуетъ островъ, потому что раздѣляется на два рукава

и отрѣзаетъ ее отъ твердой земли. Черезъ эту рощицу, прямо противъ дворца, просѣчена красивая аллея для болѣе пріятнаго вида на море».

Какъ уже мы сказали, Петръ вскорѣ начатыя имъ постройки забросилъ и всю свою заботу перенесъ на Петергофъ, а Стрѣлину мызу подарилъ своей дочери, великой княжнѣ Аннѣ Петровнѣ.

При этомъ еще государь приписалъ къ этой мызѣ 1,987 квадратныхъ десятинъ пахатной и луговой земли и лѣсу, и поселилъ здѣсь нѣсколько десятковъ рабочихъ, набранныхъ изъ

Стрѣлинскій дворецъ.

солдатскихъ дѣтей. Подарокъ произошелъ въ 1722 году, 22-го января. Преданіе гласитъ, что будто Петръ I, послѣ бракосочетанія своего въ 1707 г. въ маленькой екатерингофской церкви, повелѣлъ церковь эту перенести въ Стрѣльну. Изъ этой церкви теперь устроенъ придѣлъ въ нынѣшнемъ стрѣлинскомъ храмѣ, находящійся на правой сторонѣ при входѣ въ него. Царскія врата и многія иконы и сосуды по сейчасъ здѣсь сохраняются отъ того времени. По преданію, самъ Петръ участвовалъ при рубкѣ стрѣлинской церкви. По другому разсказу, она была прежде нѣмецкою киркою и по приказанію Петра обращена въ православную церковь. Она была выстроена изъ сосноваго лѣса

и была окрашена безъ обшивки; въ 1708 году, какъ значится, на старомъ антиминсѣ, освящена Варлаамомъ, митрополитомъ кіевскимъ и галицкимъ.

Церковь посвящена Преображенію, съ придѣломъ во имя св. Николая чудотворца. Есть преданіе, что, спустя нѣсколько времени послѣ постройки главнаго корпуса, пристроены съ боковъ двѣ большихъ четвероугольныхъ ниши, въ видахъ расширенія церкви, а по бокамъ алтаря, комнатки для ризницы, для камина и пономарской; въ послѣдней устроенъ входъ прямо въ алтарь. До 1837 года храмъ былъ крайне запущенъ. Въ 1855 году послѣдовали въ немъ капитальныя передѣлки.

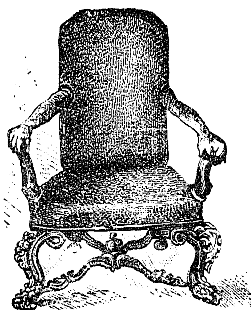
Въ этой церкви слѣдующія достопримѣчательности: первое, это крайне интересный старый антиминсъ, освященный въ 1706 году, какъ мы выше говорили, митрополитомъ Варлаамомъ. Внизу его находятся слѣдующія надписи: «Во еже на немъ священнодѣйствовати Божественную литургію во храмѣ Преображенія, что при домѣ царскаго величества, въ Стрѣльной мызѣ»; далѣе ниже слѣдуетъ подпись Варлаама и затѣмъ другая подпись: «И положися въ лѣто 1708, февраля въ 20-й день протопопомъ Алексіемъ Васильевымъ собора Исаакіевскаго». До 1835 года этотъ антиминсъ не употреблялся, но хранился въ церкви. На основаніи его протоіерей Турчаниновъ [120]), извѣстный духовный композиторъ, въ 1835 году ходатайствовалъ о перечисленіи церкви изъ епархіальнаго въ придворное вѣдомство [121]).

Помимо историческаго иконостаса, въ этомъ храмѣ хранится готическаго стиля стулъ, съ вышитою золотою полосою на спинкѣ. На этомъ стулѣ, говорятъ, сидѣлъ Петръ I, ожидая пріѣзда своей невѣсты. Затѣмъ, дарохранительница съ надписью: «Сія дарохранительница церкви Преображенія Господня, что въ Стрѣльной мызѣ, сооружена въ 1773 году при священникѣ Симеонѣ Ивановѣ». Тамъ же хранятся воинскіе штандарты и знамена Конной гвардіи и Драгунскаго полка, бывшіе въ отечественную войну 1812 года, также серебряныя литавры, отнятыя Петромъ Великимъ у шведской конной гвардіи подъ Полтавою и подаренныя Конной гвардіи императрицею Екатериною; всѣ эти трофеи поставлены по западной стѣнѣ храма, при Константинѣ Павловичѣ. Здѣсь на храмѣ виситъ шведскій колоколъ, взятый Петромъ I при взятіи Копорья, на немъ шведская надпись, указывающая, что онъ отлитъ въ Стокгольмѣ въ 1686 году.

Нѣсколько покойниковъ погребено у церкви, какъ, напри-

мѣръ, графъ Курута и друг., но большое кладбище находится въ верстѣ отъ церкви, на берегу моря, въ мѣстности до того низменной, что покойниковъ почти всегда опускаютъ прямо въ воду. Часто вода заливаетъ кладбище и повреждаетъ валъ и рѣшетку.

Въ четырехъ стахъ саженяхъ отъ каменнаго дворца близь устья Стрѣлки, Петръ построилъ для себя лично небольшой деревянный домикъ, въ длину 16, въ ширину 6 и въ вышину 2 сажени. Въ немъ были двѣ залы и 8 комнатъ съ свѣтелкою, здѣсь помѣщалась постель съ подушками и одѣяломъ Петра Великаго, затѣмъ еще шкафъ изъ орѣховаго дерева, въ которомъ стояли старинныя голландскія чайныя чашки.

Кресло Петра I.

Передъ дворцомъ этимъ къ сѣверу была площадка и на ней два фонтана изъ пудожскаго камня; фонтаны били вверхъ на четыре сажени. На югъ выходила площадка, усаженная полукружіемъ еловыми и можжевелыми пирамидами, по бокамъ были разведены цвѣтники въ старомъ французскомъ вкусѣ съ фигурными дорожками изъ кратегуса; кой-гдѣ были луковичныя клумбы и росли кустарники. Преданіе говоритъ, что на мѣстѣ этого дворца была старая шведская мыза съ садомъ и вблизи с. Чатла, на рѣчкѣ Стрѣлкѣ, водяная мельница.

Недалеко отъ оранжерей стоитъ огромная липа; при Петрѣ построена была на ней бесѣдка, въ которую вела высокая круглая лѣстница.

Здѣсь государь часто сиживалъ, пилъ чай и любовался моремъ, здѣсь же нерѣдко съ нимъ пировали и голландскіе шкипера. Вблизи этой липы стоялъ вязъ, посаженный Петромъ Великимъ. Императоръ въ бытность свою въ Курляндіи видѣлъ

много хорошихъ вещей, сдѣланныхъ изъ вязоваго дерева, и вотъ, отправляясь изъ Митавы, онъ приказалъ вырыть небольшое деревцо вяза съ корнемъ, привязалъ сзади своего экипажа, привезъ сюда и своими руками посадилъ на этомъ мѣстѣ.

Невдалекѣ отъ этого вяза Петромъ былъ заведенъ пчельникъ и разведенъ огородъ съ медоносными растеніями. По другую сторону канала, идущаго около оранжерей, Петромъ былъ разбитъ древесный питомникъ или школа; еще и теперь видны здѣсь дубы, посаженные рукою Петра. Они называются петровскими питомцами и тщательно сохранялись, когда владѣлъ Стрѣльною Константинъ Павловичъ; на верхнемъ каналѣ при Петрѣ была пильная и мучная мельница. Петръ думалъ также здѣсь устроить оружейный заводъ и сверлильню для морскихъ пушекъ.

При Петрѣ были здѣсь разведены парники и теплицы, затѣмъ былъ и превосходный огородъ и выстроены для рабочихъ свѣтлицы. За свѣтлицами Петръ провелъ рѣчку Стрѣлку въ Финскій заливъ каналомъ со шлюзами шириною въ 14 саженъ, а глубиною въ 8 футовъ, потомъ въ заливѣ и на отмеляхъ сдѣлалъ плотину въ триста саженъ, а шириною въ шесть; къ концу ея причаливали царскія яхты, а отъ бури укрывались нерѣдко въ ней съ моря катера и застрахованные гальоты. Теперь отъ этого мѣста суда стоятъ почти на 600 саженяхъ.

Извѣстно, какъ Петръ любилъ катанье въ лодкахъ; при немъ катанья дѣлились на лѣтнія и зимнія, на общія и частныя. Во время царствованія Петра, въ Петербургѣ, на Невѣ не было мостовъ. Государь роздалъ всѣмъ для переправы суда, написалъ собственноручно инструкцію для управленія оными. Первымъ вельможамъ подарено было по яхтѣ, по буеру и по двѣ шлюпки, одна въ 12, другая въ 4 весла. Прочимъ изъ жителей менѣе, смотря по чинамъ. Каждый хозяинъ обязанъ былъ содержать суда свои въ цѣлости и отвѣчать за нихъ.

Въ назначенный для катанья день, выставляли въ четырехъ концахъ города флаги; всѣ суда, подъ опасеніемъ значительнаго штрафа, должны были собраться близъ Петропавловской крѣпости у австеріи и 4 фрегатовъ, неподалеку отъ Троицкаго моста. По пушечному выстрѣлу флотилія выступала въ походъ. Адмиралъ Апраксинъ открывалъ шествіе своею яхтою, имѣвшею для отличія красный съ бѣлымъ флагъ. Никто не смѣлъ опередить его или уѣхать безъ его позволенія. Потомъ слѣдовала императорская шлюпка, гдѣ находились государыня и великія

княжны, а рулемъ правилъ самъ Петръ, одѣтый въ бѣлое матросское платье; за этою шлюпкою остальные слѣдовали безъ разбора. На нѣкоторыхъ лодкахъ ставились качели; лодки эти должны были подъѣзжать къ гуляющимъ, спрашивая, нѣтъ ли желающихъ позабавиться. У богатыхъ вельможъ была съ собою и музыка.

Такое множество судовъ, стройно слѣдовавшихъ одно за другимъ, изъ которыхъ нѣкоторыя были вызолочены, украшены рѣзьбою и внутри обиты краснымъ или зеленымъ бархатомъ, съ широкими золотыми позументами по краямъ, плавные взмахи гребцовъ, звуки трубъ, волторнъ и литавровъ очаровывали слухъ и зрѣніе. Катанья обыкновенно оканчивались Стрѣльной; гдѣ уже были готовы закуска, вина, чай и проч.; иногда предпринимались и дальнѣйшія поѣздки, какъ, напримѣръ, въ Петергофъ и въ Ораніенбаумъ къ князю Меншикову.

Петръ Великій, подобно Людовику XIV, любилъ предпринимать загородныя поѣздки, окружая себя избранными изъ своихъ придворныхъ; тутъ Петру нерѣдко приходилось учить своихъ придворныхъ правиламъ этикета, какъ приходилось ему учить ихъ всему. Тому же перу, которое писало регламенты, инструкціи и конкордаты, измѣнившіе основы русскаго государства, приходилось писать и «пункты» о Петергофѣ [122]). Вотъ что гласили они: 1) никто не имѣетъ ѣхать въ компаніи или послѣ, кому нумеръ постели не данъ будетъ, развѣ съ такимъ дѣломъ, которое времени не терпитъ; 2) людей своихъ, которые въ пяти классахъ, болѣе не долженъ взять какъ одного, а которые ниже, никакого служителя; 3) кому дана будетъ карета съ нумеромъ постели, тотъ тутъ спать имѣетъ, не перенося постели, ниже другому дать или отъ другой постели что взять; 4) неразувся съ сапогами или башмаками не ложиться на постели и т. д.

Мы знаемъ, какъ въ то время вели себя русскіе. Такъ, напримѣръ, во время пребыванія русскихъ въ Берлинѣ, въ одномъ изъ дворцовъ въ окрестностяхъ этого города, какъ говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ сестра Фридриха Великаго [123]), въ предупрежденіе безпорядковъ, которые господа русскіе, по обыкновенію, оставляли по себѣ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ только побывали, королева озаботилась вывезти изъ своего дворца всю мебель и вынести всѣ хрупкія вещи, и когда, по прошествіи двухъ сутокъ, дворъ уѣхалъ, то послѣ пребыванія здѣсь свиты дворецъ представлялъ полную картину разрушенія. Повѣствовательница говоритъ: «Я въ жизни своей ничего подобнаго не

видала: до того все было испорчено; и королева принуждена была велѣть чуть не сызнова строить этотъ дворецъ».

Петръ Великій всегда имѣлъ при себѣ толстую трость съ набалдашникомъ изъ слоновой кости, послѣдняя болѣе извѣстна подъ именемъ «дубинки» [124]). Государь частенько употреблялъ ее въ дѣло за нескорое исполненіе его приказаній и за небрежное отношеніе къ дѣлу. Отъ ударовъ дубинки никто изъ его приближенныхъ не былъ изъятъ.

Такъ, разъ проѣзжая въ одноколкѣ по берегу Мойки вмѣстѣ съ оберъ-полиціймейстеромъ графомъ Девьеромъ и подъѣзжая къ большому мосту черезъ каналъ, проведенный изъ Головинскаго сада противъ острова, называемаго Новою Голландіею, гдѣ хранился дубовый лѣсъ, онъ нашелъ мостъ испорченнымъ и нѣсколько досокъ съ него взятыхъ. Государь сошелъ съ одноколки и приказалъ деньщику своему исправить мостъ, а за небреженіе полиціи о мостахъ на томъ же мѣстѣ поколотилъ дубинкой генералъ-полиціймейстера.

Другой разъ государь сильно побилъ дубинкою любимаго своего оберъ-кухмистера Фельтена вотъ по какому случаю: царь всегда ѣлъ послѣ обѣда сыръ съ масломъ, особенно онъ любилъ лимбургскій сыръ; разъ ему поданъ былъ цѣлый такой сыръ, который ему очень понравился; замѣтивъ, что всегда подаютъ ему на столъ новые сыры, а рѣдко початые, онъ вынулъ изъ кармана свой математическій инструментъ и вымѣрилъ остатокъ сыра, записавъ его мѣру въ своей памятной книжкѣ, и приказалъ Фельтену спрятать его и подавать его ему до тѣхъ поръ, пока онъ не выйдетъ.

На другой день сыръ явился опять на столѣ, но, къ несчастію, уже въ весьма маломъ видѣ. Государь это замѣтилъ, вынулъ свою записную книжку, вымѣрилъ остатокъ и нашелъ, что половины его уже нѣтъ. Онъ приказалъ позвать оберъ-кухмистера и спросилъ:

— Куда дѣвалась половина: не приказывалъ ли я спрятать сыръ? Погоди-жъ, я тебѣ напомню, прибавилъ государь, и тотчасъ всталъ изъ-за стола и поколотилъ тростью Фельтена.

Петръ зналъ, что, гдѣ нужно, и дубинка часто возстановляла его царское довѣріе, затемняемое по временамъ чертами личной корысти и беззаконными поступками.

Петръ Великій также для наказанія своихъ приближенныхъ, которые передъ нимъ провинились, объявлялъ ихъ шутами и дѣлалъ ихъ посмѣшищемъ всего двора.

Императрица Анна въ этомъ случаѣ придумала болѣе жестокую форму. Она однажды приговорила Голицына сдѣлаться курицей и на самомъ видномъ мѣстѣ во дворцѣ поставила большую корзинку, устланную соломой въ видѣ гнѣзда съ яицами. Князю велѣно было, подъ опасеніемъ смертной казни, сѣсть въ эту корзинку и кудахтать насѣдкой.

При императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, стрѣлинскій дворецъ сгорѣлъ отъ неосторожности караульщиковъ; въ царствованіе императрицы Елисаветы, дворецъ возобновленъ графомъ Растрелли; въ это же время въ нижнемъ саду построены съ обѣихъ сторонъ большія каменныя ворота тѣмъ же архитекторомъ.

При императрицѣ Екатерины II какъ дворецъ, такъ и садъ приходятъ въ запустѣніе, одни только громадные сухіе погреба подъ дворцомъ служатъ для сбереженія большихъ запасовъ венгерскаго вина, да еще пчельникъ въ липовомъ саду доставляетъ государынѣ медъ къ столу. Впрочемъ, въ царствованіе этой императрицы здѣсь устраиваются двѣ водяныя мельницы фонтаннымъ мастеромъ Кейзеромъ: одна лѣсопильная, другая мукомольная; обѣ мельницы находились близь гранитнаго моста чрезъ р. Стрѣлку, при входѣ ея въ заливъ. Императоръ Павелъ, въ 1797 году, даритъ Стрѣльну со всѣми угодьями своему сыну Константину, который и поручаетъ какъ поправку дворца, такъ и садовъ члену Вольно-Экономическаго общества г. Энгельману.

Въ 1800 году великій князь переселяется въ Стрѣльну. сперва въ деревянный дворецъ Петра I, находящійся въ 400 саженяхъ отъ каменнаго дворца, потомъ въ западный дворцовый флигель. Послѣдній 28-го декабря 1803 года, тоже, по неосторожности сторожей, сгорѣлъ вмѣстѣ съ дворцомъ, оставшимся послѣ пожара только въ однѣхъ каменныхъ стѣнахъ, а терраса предъ нимъ разрушилась, но она опять была возобновлена архитекторомъ Воронихинымъ, по плану Петра I, на двадцатичетырехъ дорическихъ колоннахъ и украшена баллюстрадою и двумя лѣстницами, а въ 1804 году выстроенъ, подъ надзоромъ архитектора Руско, дворецъ безъ всякой наружной перемѣны, какъ при Петрѣ, съ возвышающимся посрединѣ бельведеромъ съ площадкою и баллюстрадою, причемъ уравнена предъ дворцомъ площадь и проведены дороги, а поляна, лежащая за площадью, бывшая пастьбищемъ скота, превращена въ англійскій садъ; сверхъ того, сдѣлана каменная плотина со шлюзомъ и конченъ начатый Петромъ бассейнъ предъ дворцомъ.

Великій князь Константинъ Павловичъ любилъ жить въ Стрѣльнѣ, въ особенности въ то время, когда Конная гвардія, которой онъ былъ шефомъ, располагалась лагеремъ въ окрестностяхъ. Въ военной залѣ [125]) здѣсь, въ 1806 году, происходили смотры милиціи, избранной съ императорскихъ деревень по одному съ шестнадцати человѣкъ [126]).

Въ это время въ Стрѣльнѣ жилось очень весело. Особенно широко кутила богатая гвардія и нерѣдко съ дежурства безъ спроса ѣздила въ Петербургъ.

Одинъ изъ такихъ случаевъ выпалъ и на долю Булгарина. Однажды, во время дежурства по эскадрону въ Стрѣльнѣ, онъ махнулъ безъ спроса въ городъ, чтобы погулять въ маскарадѣ. Заѣхавъ къ товарищу, адъютанту цесаревича, жившему въ Мраморномъ дворцѣ, онъ нарядился въ трико Амуромъ, накинулъ на себя форменную шинель, надѣлъ уланскую шапку и спускался уже по задней лѣстницѣ, какъ вдругъ натолкнулся на цесаревича.

— Булгаринъ!

— Точно такъ, ваше высочество!

— Ты, кажется, сегодня дежуришь? Да что ты закрываешься?— сказалъ цесаревичъ, сбросилъ съ него шинель и увидѣлъ Амура съ крылышками и колчаномъ.

— Хорошъ! Ступай за мной!

Цесаревичъ посадилъ его въ карету и привезъ на балъ къ княгинѣ Четвертинской и ввелъ въ залу, наполненную высшимъ обществомъ.

— Полюбуйтесь! — сказалъ онъ хозяйкѣ и гостямъ: — вотъ дежурный по карауламъ въ Стрѣльнѣ... Вонъ, мерзавецъ!.. Сію минуту отправляйся къ полковому командиру подъ арестъ!

Амуръ, пристыженный, отправился при общемъ хохотѣ.

При императорѣ Николаѣ, Стрѣльна опять пришла въ упадокъ, аллеи сада заросли, зданіе дворца кое-гдѣ обрушилось; про Стрѣльну стали ходить разные страшные разсказы. Говорили, что здѣсь видѣли прогуливающіяся по ночамъ тѣни мертвецовъ, часто также слышались стоны, крики и другіе ужасы старинныхъ зàмковъ. Поводъ къ этимъ разсказамъ давало также превосходно существовавшее здѣсь эхо, которое даже нарочно пріѣзжала слушать публика изъ Петербурга.

Впослѣдствіи Стрѣльна была подарена императоромъ Николаемъ I великому князю Константину Николаевичу. Супруга его высочества, Александра Іосифовна, и превратила Стрѣльну изъ угрюмаго зàмка въ прелестный загородный дворецъ.

Рядомъ съ дачей государевой «Стрѣльна мыза» въ Петровское время стояла дача свѣтлѣйшаго князя Меншикова: въ рукописи извѣстнаго описателя Петербурга Богданова о ней говорится слѣдующее: «домъ одинъ, покоевъ два, изба людская одна». Затѣмъ сосѣдней къ ней была дача извѣстнаго лейбъ-медика Блюментроста; согласно описанію Богданова, дача эта не отличалась тоже, какъ и первая, большою роскошью; здѣсь стоялъ одинъ домъ съ двумя покоями, да была конюшня и одна изба людская.

Владѣлецъ этой дачи Лаврентій Лаврентьевичъ Блументростъ, младшій сынъ извѣстнаго врача царя Алексѣя Михайловича, родился въ Москвѣ въ 1672 году, обучался медицинѣ въ Галлѣ и Лейденѣ, затѣмъ на средства императора Петра путешествовалъ по Италіи, Франціи и Англіи. Поводомъ къ этому ученому путешествію, какъ сказано въ извѣстной книгѣ Миллера, послужило узнать мнѣніе и посовѣтоваться съ врачами о здоровѣ царя. По возвращеніи своемъ изъ за-границы въ 1719 году, Блюментростъ былъ опредѣленъ на мѣсто умершаго лейбъ-архіатера Арескина въ лейбъ-медики. Въ этомъ званіи онъ неотлучно находился при государѣ, не покидая его даже во всѣхъ его путешествіяхъ. Блюментросту также поручены были: натуральный кабинетъ, императорская библіотека и затѣмъ отданъ былъ ему же подъ надзоръ знаменитый «анатомическій музей Рюиша», купленный государемъ въ Амстердамѣ.

Лаврентій Блюментростъ былъ одинъ изъ ученѣйшихъ врачей своего времени; ему мы обязаны открытіемъ желѣзныхъ водъ въ Олонецкой губерніи и подъ Петербургомъ въ Полюстровѣ. Петръ Великій удостоивалъ его важныхъ порученій, особенно по части ученой; такъ, по приказу царя, онъ долженъ былъ переслать въ парижскую академію отрывокъ изъ путешествія по Сибири Мессершмидта; затѣмъ государь предоставилъ ему избраніе ученѣйшихъ мужей для новоучрежденной петербургской Академіи Наукъ. Блюментростъ до самой смерти Петра Великаго исполнялъ должность его врача; онъ пользовалъ императора въ предсмертной его болѣзни.

Въ послѣдніе дни жизни царя, онъ обратился за совѣтами къ знаменитымъ въ то время двумъ врачамъ европейскимъ, къ Эрнсту Шталю и въ Лейденъ къ Герману Боергафу. Кромѣ того, Блюментростъ собралъ всѣхъ находившихся въ Петербургѣ докторовъ, но, не смотря на это, монархъ скончался 28-го января. Боергафъ готовился писать отвѣтъ, а докторъ Шталь хотя и

прибылъ въ Петербургъ, но не засталъ уже въ живыхъ императора.

Петръ Великій съ юныхъ лѣтъ, вслѣдствіе испуга, страдалъ нервными припадками, которые выражались конвульсіями въ лицѣ и также обнаруживались наклоненіемъ шеи на лѣвую сторону. Въ 1722 году, во время похода въ Персію, показались въ первый разъ припадки задержанія урины и зимою 1723 года эти припадки усилились. Лѣтомъ 1724 года болѣзнь приняла характеръ воспалительный (ischuria). Царя лечилъ Блюментростъ и гофъ-хирургъ Паульсонъ и для консиліума выписанъ былъ изъ Москвы Николай Бидлоо. Въ сентябрѣ государь началъ поправляться и, считая себя совершенно здоровымъ, пустился въ морское путешествіе безъ согласія врачей.

Во время такого путешествія, у Лахты ботъ съ солдатами и матросами опрокинулся и сѣлъ на мель. Петръ выскочилъ изъ своей шлюпки по-поясъ въ воду и спасъ болѣе двадцати человѣкъ; но этотъ человѣколюбивый поступокъ въ холодное время года стоилъ жизни великому монарху.

По возвращеніи въ Петербургъ, болѣзненные припадки усилились. Затѣмъ, 6-го января 1725 года, Петръ, присутствуя въ сильный морозъ при церемоніи на Іорданѣ въ праздникъ Крещенія, снова простудился и 16-го января сдѣлался безнадежнымъ. Петръ Великій скончался въ своемъ кабинетѣ. Этотъ кабинетъ приходился какъ разъ подъ вторымъ окошкомъ нижняго этажа нынѣшняго Стараго Эрмитажа, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ угла набережной Зимней канавки, въ подвальномъ этажѣ.

Въ брошюрѣ о старомъ Зимнемъ дворцѣ, соч. А. Л. Майера, говорится: «Дѣйствительно, при осмотрѣ этого подвальнаго этажа оказывается, что и теперь тамъ видны стѣны какого-то другого дома, который былъ какъ бы накрытъ зданіемъ Эрмитажа, а одинъ изъ старожиловъ разсказывалъ намъ, что въ прежнія времена въ этомъ подвальномъ этажѣ находили часто обломки позолоченныхъ карнизовъ».

Въ свою очередь и мы слышали отъ одного петербургскаго старожила, которому передавалъ столѣтній дворцовый служитель, что на мѣстѣ, гдѣ скончался императоръ, по приказанію императрицы Екатерины II, была положена въ землю плита съ надписью. Послѣднюю, я думаю, и теперь еще не трудно отыскать.

Очень любопытно и интересно діэтическое наставленіе Петру Первому, представленное Блюментростомъ. Вотъ эти правила:

Петръ Великій на Лахтѣ.

1) аще возможно пребывайте всегда въ здравомъ воздухѣ; 2) воздержаться кислаго питія и пищи; 3) кушайте и пейте больше теплаго, нежели студенаго; 4) держите посредство соленье и немного сахару; 5) всѣ мяса, которыя варятъ или жарятъ, всегда сочны были бы; 6) кушайте все молодое мясо или лучше всякую дичь; 7) кушайте мало рыбы и овощь, по нуждѣ со збитнемъ сотворено; 8) кушайте на день часто и мало, нежели единожды да много; 9) пейте почасту между кушаньемъ; 10) чайное питіе между кушаньемъ: легкія пива и полпива, аще есть — ренское легкое и сладкое, такожде безъ жажды не пить; 11) воздержатися отъ всякаго труда тѣлеснаго; 12) не бодрствуй чрезъ мѣру и не усыпайте, когда возможно, хотя и сонъ послѣ кушаньевъ припадетъ; 13) не вдавайся въ великую печаль и мысли, но будь веселъ и съ доброю надеждою; 14) табаку хотя по утру и съ горячимъ чаемъ, или кофе, отъ лихихъ вѣтровъ въ дорогѣ и дома пристойно; 15) когда жилу отворяете, также и банки, по обыкновенію, ставите, но токмо берегите нижайшую кровь, которая нужнѣйшая мокротности, мельницы колеса вашей живности переворачивается; 16) безъ великой нужды никогда проносныя не употребляйте, потому что тѣ вещи живности вынимаютъ; 17) не послушайте всякаго неискуснаго сосѣда, или сродственника въ совѣтѣ лекарствъ; 18) невозбранно во всякую недѣлю баню или потовую мыльню держать; 19) не давайте себя лечить молодымъ лекарямъ и старымъ бабамъ; 20) отложи отъ себя всякую мнительную болѣзнь и не обмани себя самъ» и т. д.

Блюментростъ въ свое время былъ первымъ свѣтиломъ врачебной науки. Рихтеръ [127]) говоритъ: «слава учености и успѣховъ его въ удачной всегда, приватной практикѣ, незабвенна посреди многихъ знаменитыхъ фамилій имперіи нашей и теперь еще въ рукописяхъ показываются истлѣвающіе рецепты его и хранятся какъ нѣкоторая драгоцѣнность, переходя отъ отца къ сыну».

Лечилъ Блюментростъ, какъ видимъ изъ оставшихся такихъ рецептовъ, больше металлами—видимо методъ леченія его былъ взятъ имъ у Парацельса.

Такъ въ числѣ его врачебныхъ составовъ первымъ стоялъ pulvis aureus preciosus или золотой дорогой порошокъ; «онъ имѣлъ дѣйствіе, по словамъ рукописнаго лечебника Блюментроста, сердцекрѣпительное во всякихъ прилучаяхъ и огневыхъ припадкахъ собою, или съ иными сердцекрѣпительными лекарствы смѣшать, давать въ водкѣ сердцекрѣпительной Коришной

или въ цѣломъ ренскомъ. Пріемъ по 10 зеренъ и больше, смѣшавъ съ иными лекарствами».

Изъ серебряныхъ составовъ Блюментроста были извѣстны: бецоардикумъ лунаре, порошокъ на апертури и порошокъ еризипеласъ, отъ рожи. Въ числѣ желѣзныхъ врачебныхъ составовъ у него показаны: лекарства изъ уклада—эссенція мартисъ аперативо кумъ суко поморумъ. Силу имѣло это лекарство, по словамъ лечебника, «раздѣлительную и питательную, употребляется во всѣхъ запорахъ печеньихъ и селезенки и всѣхъ жилъ, которыя веліею мокротою наполнены въ меланхоліи, или въ печальной болѣзни».

Изъ мѣдныхъ врачебныхъ составовъ у него извѣстенъ: витріолумъ финерель.

Изъ оловянныхъ у него показано два порошка; употребляемые въ излишнемъ возбраженіи крови, въ лихорадкахъ сухотныхъ, въ венскомъ кровотеченіи изъ ноги.

Изъ свинцовыхъ—извѣстный сахаръ сатурни и олеумъ сатурни.

Изъ ртутныхъ составовъ: меркуріумъ дулцисъ и водка съ лягушачьимъ млекомъ изъ сулемы ртутной. Въ числѣ сурьмяныхъ препаратовъ: бецоардикумъ минерале и кизистикумъ антимоніумъ—рвотный порошокъ.

Въ числѣ специфическихъ лекарствъ находимъ у него: маргариста оріенталіумъ, или жемчугъ восточный дѣланный; имѣлъ онъ дѣйствіе крѣпительное, особливо въ печаляхъ и меланхолическихъ болѣзняхъ.

Затѣмъ описанъ также и камень безуйный, имѣющій силу сердцекрѣпительную и отъ отравы, и горчи, и огневыхъ лихорадокъ съ пятнами, и отъ трепещанія сердечнаго. Также въ большомъ употребленіи у него были еще «элексиръ цесаря Рудольфа», послѣдній представлялъ настойку изъ всевозможныхъ пряностей вмѣстѣ съ сабуромъ, миррой, опопонаксомъ и другими смолами.

По смерти Петра Перваго, императрица Екатерина I опредѣлила Блюментроста президентомъ Академіи Наукъ, съ жалованьемъ по 3,000 р.,—мѣсто это онъ занималъ до 1733 года.

Смерть мекленбургской принцессы Екатерины Іоанновны, которую пользовалъ Блюментростъ, навлекла на него немилость императрицы Анны Іоанновны, и онъ, по высочайшему повелѣнію былъ приводимъ къ допросу генераломъ Ушаковымъ и послѣ допроса лишенъ всѣхъ должностей и висланъ 19-го іюля 1733 года изъ Петербурга въ Москву.

Въ Москвѣ Блюментростъ жилъ какъ частный человѣкъ, лишенный практики и только по случаю открывшейся въ Москвѣ эпидеміи онъ былъ снова принятъ на службу врачемъ въ военный госпиталь съ жалованьемъ по 800 руб.; впрочемъ, еще въ 1740 году императрица Анна Іоанновна спрашивала его мнѣнія о способностяхъ повивальной бабки Енгельбрехтъ, которая впослѣдствіи и была приглашена въ Петербургъ ко двору. Въ 1755 году Блюментростъ былъ избранъ въ кураторы въ новоучрежденный Московскій университетъ. Лаврентій Блюментростъ, какъ и братъ его, Іоганъ Деодатъ, оба умерли въ Петербургѣ и погребены въ каменной палаткѣ на Выборгской, близь церкви Самсона Странопріимца; могила ихъ еще въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія была цѣла, на мраморномъ памятникѣ виднѣлась слѣдующая надпись: Mortalia explent fratrum Bega и т. д.

Рядомъ съ дачей Блюментроста стояла постройка оберъ-кухмистера Петра Великаго, Яна Фельтена, состоявшая изъ одного дома съ двумя покоями, одной людской избы, да одной конюшни. Янъ Фельтенъ числился мундъ-кохомъ царя, хотя обѣдъ государя и былъ крайне не прихотливъ; любимыми его блюдами были: молодой редисъ, щи, каша, студень, ветчина, сыръ и жареная утка. Онъ ѣлъ лишь для того, чтобы жить и самому себѣ заработывать насущный хлѣбъ. Вообще царь ѣлъ мало за одинъ разъ, не былъ разборчивъ на пищу и терпѣть не могъ, когда другіе причудничали. Петръ, смѣясь надъ такими гастрономами, говорилъ:

— Какую пользу можетъ принести тѣло отечеству, когда оно состоитъ изъ одного брюха!

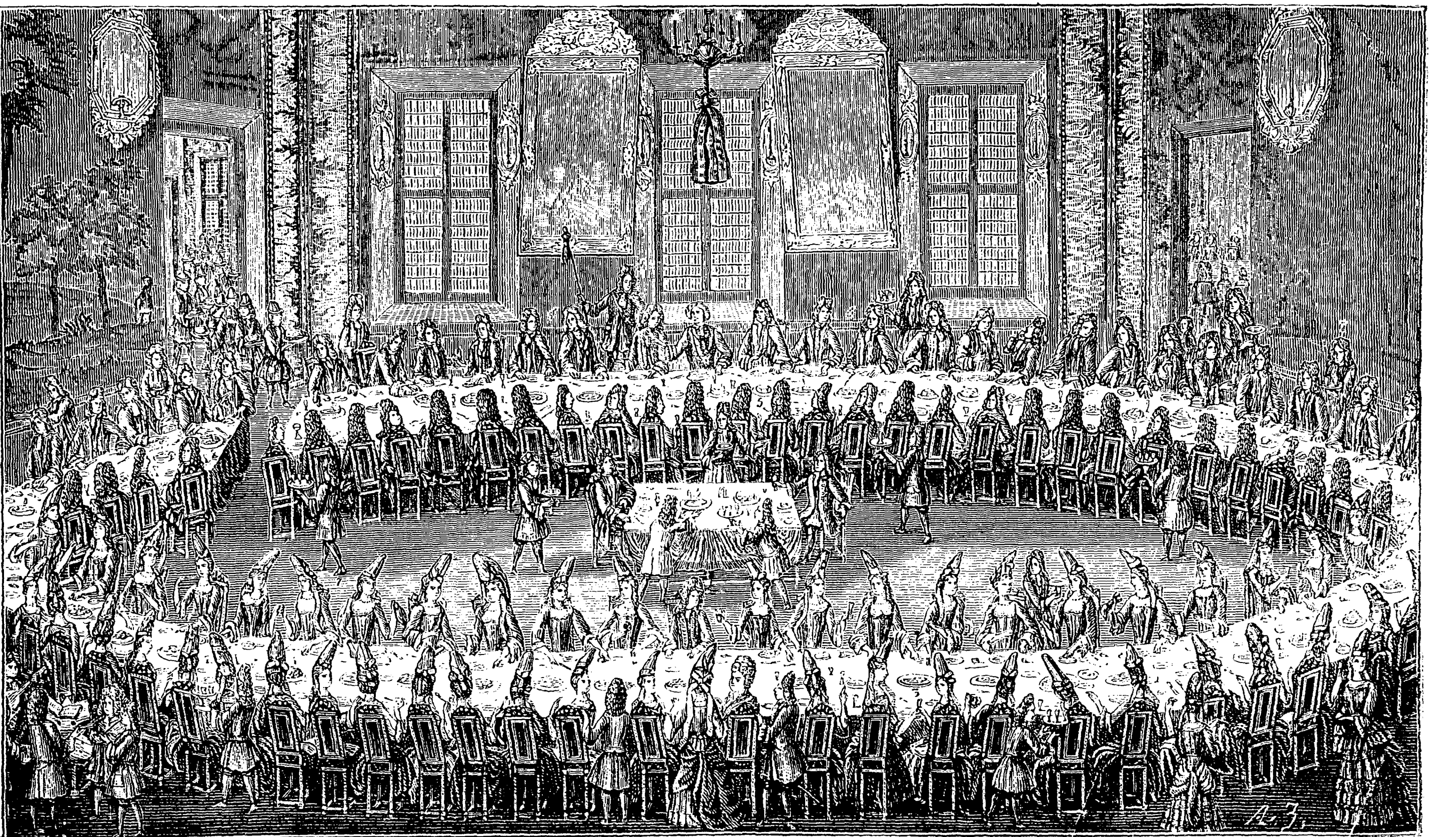
Выпивая за обѣдомъ свою чарку анисовой водки, Петръ Великій говорилъ:

— Здравствуй тотъ, кто любитъ Бога, меня и отечество.

У Нартова [128]) находимъ разсказъ, какъ Петръ любилъ угощать и подчивать. Разъ въ саду въ присутствіи своемъ онъ подчивалъ одного голландскаго шкипера и, видя, что шкиперъ пьетъ и ѣстъ много и проворно, очень смѣялся и говорилъ:

— Этотъ Емеля все перемелетъ: — Фельтенъ, подавай сему гостю больше. У насъ всего довольно: пусть ѣстъ и пьетъ безъ платы. Это не въ Амстердамѣ. — Шепелевъ [129]) знаетъ, какъ я трактирщику заплатилъ въ Нимвегенѣ сто червонцевъ за двѣнадцать яицъ, за сыръ, масло и двѣ бутылки вина.

Еще въ до-Петровской Руси разныя угощенія, обѣды играли немаловажную роль въ общественномъ быту. Въ то старое

Торжественный столъ при Петрѣ I.

время всяческія пиршества были необыкновенно длинны и тянулись съ полудня до ночи. Отличительная черта всякаго званнаго обѣда была—чрезвычайное множество кушаньевъ и обиліе напитковъ.

Хозяинъ величался тѣмъ, что у него «гостьба толсто трапезна». Онъ старался напоить гостей до того, чтобъ ихъ отвезти домой замертво пьяными. Кто мало ѣлъ, пилъ, тотъ огорчалъ хозяина. Пить слѣдовало полнымъ горломъ, а не прихлебывать, какъ дѣлаютъ куры.

На другой день хозяинъ посылалъ дворецкаго узнать о здоровьѣ гостя. Пиръ былъ въ нѣкоторомъ родѣ война хозяина съ гостями. Гости, не желавшіе пить, притворялись къ концу обѣда пьяными, чтобы ихъ болѣе не принуждали, дабы въ самомъ дѣлѣ не опьянѣть. Иногда случалось на разгульныхъ пирахъ, что заставляли пить насильно, даже побоями [130]). Церемонія питья была слѣдующая: хозяинъ наливалъ въ чашу вина, становился посрединѣ съ открытою головою и, поднявъ вверхъ чашу, говорилъ напыщенное предисловіе, а потомъ пилъ за чье нибудь здоровье: начинали съ царя, потомъ пили за членовъ царскаго семейства, за бояръ, властей и разныхъ лицъ, смотря почему бывалъ пиръ. Выпивъ чашу, хозяинъ оборачивалъ ее вверхъ дномъ надъ головой, чтобъ всѣ видѣли, что въ ней нѣтъ ни капли и какъ онъ усердно желаетъ добра и здоровья тому, за кого пьетъ. Послѣ того хозяинъ возвращался на свое мѣсто и подавалъ каждому изъ гостей, по очереди, чашу съ виномъ; каждый гость долженъ былъ выходить изъ-за стола, становиться посрединѣ, пить за здоровье того, за кого предлагалось пить; потомъ всѣ садились на свои мѣста.

При заздравныхъ тостахъ пѣли многая лѣта тому, за чье здоровье пили. Во время пировъ кормили и слугъ, пріѣхавшихъ съ гостями. Въ обычаѣ было послѣ пира подносить хозяину подарки; нерѣдко хозяинъ для того и поилъ гостей, чтобъ получить подарокъ; такъ поступали въ городахъ воеводы.

Былъ обычай также дарить и гостей. Воеводы и этотъ обычай обратили въ свою пользу и созывали къ себѣ богатыхъ посадскихъ, дарили ихъ, а тѣ должны были отдавать за подарки вчетверо.

Но особенно пиршества были торжественны при дворѣ. Такъ, родинный столъ въ день рожденія Петра Великаго отличался неимовѣрнымъ количествомъ подаваемыхъ гостямъ всякаго рода сахаровъ, пряниковъ и овощей, вареныхъ и сушеныхъ.

Столъ новорожденнаго царя былъ буквально загроможденъ этими разнообразными издѣліями старинныхъ приспѣшниковъ. Между такими первое мѣсто занимали огромныя коврижки и литыя сахарныя фигуры птицъ, звѣрей, зданій и т. д.

Большая коврижка изображала гербъ московскаго государства, два сахарныхъ орла вѣсили каждый по полтора пуда, лебедь—два пуда, утя — полпуда, попуга — полпуда и т. д. Былъ сдѣланъ также и городъ—сахарный Кремль съ людьми, съ конными и съ пѣшими и другой городъ, четвероугольный, съ пушками. Каждый изъ гостей получалъ по большому блюду съ разнообразными сахарами: зеренчатами, леденцами и конфектами, сушеными ягодами, корицею, арбузными и дынными полосами и т. д. Количество сахаровъ и разныхъ заѣдокъ соразмѣрялось, впрочемъ, со степенью значенія каждаго изъ гостей.

Петръ Великій съ постройкой Петербурга устроилъ въ немъ трактиръ, куда самъ захаживалъ послѣ обѣдни. Первый такой трактиръ стоялъ на самомъ берегу Невы, противъ Троицкой церкви. Государь выписалъ сюда трактирщика изъ Данцига; послѣдній былъ обязанъ за деньги кормить посѣтителей.

Въ запискахъ Бергхольца, Нартова и другихъ, часто встрѣчается имя оберъ-кухмистера Яна Фельтена; по словамъ ихъ, это былъ вполнѣ гастрономическій поваръ и зналъ свое дѣло прекрасно; дочь Фельтена была замужемъ за извѣстнымъ ученымъ своего времени Шумахеромъ [131]), а сынъ его былъ знаменитый архитекторъ, ученикъ и помощникъ графа Растрелли; онъ состоялъ архитекторомъ дворцоваго вѣдомства и почетнымъ опекуномъ Императорскаго воспитательнаго дома. Изъ его построекъ въ Петербургѣ извѣстны: зданіе Ломбарда, церки армянская и св. Анны въ Кирочной, затѣмъ къ его сооруженіямъ принадлежитъ и рѣшотка Лѣтняго сада.

На мѣстѣ описанныхъ дачъ въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія стояли превосходныя дачи слѣдующихъ владѣльцевъ: Энгельмана — управляющаго Стрѣлинской мызой; у этого владѣльца въ саду былъ превосходный питомникъ со всевозможными сортами рѣдкихъ древесныхъ породъ. Затѣмъ баронессы Строгановой — дача лежала на берегу заводскаго пруда и еще красивѣйшая изъ всѣхъ этихъ дачъ, съ великолѣпнымъ видомъ на море, дача графа Васильева, перваго министра финансовъ. Министерство финансовъ возникло у насъ вмѣстѣ съ другими министерствами въ началѣ царствованія Александра I. Первымъ министромъ финансовъ былъ графъ Ал. Ив. Васильевъ, сынъ

сенатскаго секретаря, родившагося въ 1742 году. Случай только могъ указать на незамѣтнаго бѣднаго чиновника, которому суждено было устроить многія и весьма сложныя части государственнаго управленія. Служа тамъ же, гдѣ и отецъ его, онъ вскорѣ своими недюжинными способностями обратилъ вниманіе генералъ-прокурора Глѣбова; впослѣдствіи, при другомъ генералъ-прокурорѣ князѣ Вяземскомъ, Васильевъ былъ уже правителемъ канцеляріи и въ это время, 26 лѣтъ, онъ сдѣлалъ блестящую партію, женившись на родной племянницѣ Вяземскаго, княгинѣ В. С. Урусовой. Съ этого времени возвышеніе Васильева пошло быстро. Онъ составилъ государственную окладную книгу и сводъ законовъ по финансовой части. До 1791 года Васильевъ управлялъ всею финансовою частью, но со вступленіемъ графа Самойлова въ должность генералъ-прокурора, онъ былъ назначенъ директоромъ медицинской коллегіи. Со вступленіемъ на престолъ Павла I, Васильевъ былъ государственнымъ казначеемъ и членомъ государственнаго совѣта и получилъ титулъ барона. Но въ 1800 году уволенъ въ отставку. Со вступленіемъ на престолъ Александра I, въ самый первый день государь поручилъ ему всѣ его прежнія должности и возвелъ его въ графское достоинство. Графъ Васильевъ, первый министръ финансовъ, умеръ 15-го августа 1807 года. Титулъ графовъ Васильевыхъ перешелъ къ В. С. Шиловскому, женатому на внучкѣ перваго министра финансовъ.

Близъ Стрѣльны есть два селенія нѣмецкихъ колонистовъ, Нейдорфъ и Нейгаузъ. На мѣстѣ, гдѣ стояла въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія дача княгини Гики, тамъ въ Петровское время былъ загородный домъ князя Никифора Вяземскаго, наставника царевича Алексѣя Петровича, недалекаго и слабаго дядьки, не умѣвшаго заслужить уваженія у своего питомца, который, вмѣсто того, чтобы оказывать послушаніе учителю, самъ неоднократно бивалъ его. Извѣстно также, что Ефросинья Ѳедорова, съ которой имѣлъ любовную связь царевичъ Алексѣй Петровичъ, была крѣпостной дѣвицей этого учителя Вяземскаго. При Петрѣ Великомъ научное просвѣщеніе было лишь начато; въ то время хотя вельможи-царедворцы, путешествовавшіе по Европѣ и говорили по-французски, но съ трудомъ, за то знали писать по-русски. Въ концѣ царствованія Екатерины изъ пожилыхъ аристократокъ многіе не знали грамоты, съ трудомъ читали, выставляли свои имена какими-то іероглифами и за многихъ на векселяхъ подписывали ихъ дочери. Встарину ссу-

жали деньгами безъ закладовъ, безъ векселей, на слово и выраженіе: «да будетъ мнѣ стыдно», служило ручательствомъ надежнѣе всякаго документа. При учрежденіи, въ 1754 году, перваго банка, 175,000 рублей довольствовались только объявле-

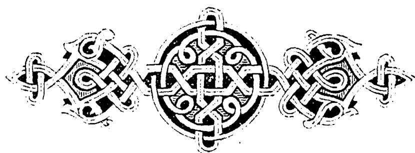
Царевичъ Алексѣй Петровичъ.

ніемъ, гдѣ состоитъ имѣніе заемщика и двумя поручителями. Такъ продолжалось до основанія, въ 1786 году, Екатериною II новаго банка съ 33 милліонами рублей. Съ этого времени довѣренность къ заемщикамъ немного колебалась, стали требовать свидѣтельства отъ гражданскихъ палатъ; произошло это

вслѣдствіе того, что одинъ изъ заемщиковъ, вмѣсто своей деревни, заложилъ улицу Шабаловку въ Москвѣ.

Въ Николаевское время, въ Стрѣльнѣ изъ дачъ по роскоши и красотѣ славилась дача графа Алек. Ѳед. Орлова, возведеннаго, въ 1856 году, по случаю пятидесятилѣтія службы въ офицерскихъ чинахъ, въ княжеское достоинство. Князь Орловъ былъ полковымъ командиромъ Конной гвардіи; въ день 14-го декабря 1825 года онъ же былъ презусомъ въ извѣстной шварцовской исторіи въ Семеновскомъ полку и затѣмъ долгое время былъ шефомъ жандармовъ; князь Орловъ умеръ въ 1861 году и похороненъ въ Конногвардейской полковой церкви.

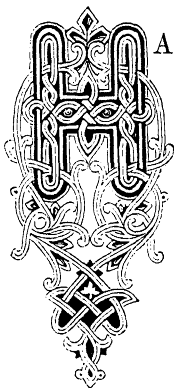
Изъ замѣчательныхъ дачъ близь Стрѣльны, въ нынѣшнее время извѣстны дачи князя Львова (бывшая генерала Александрова). На дачѣ князя Львова, извѣстнаго филантропа, существуетъ образцовая пожарная команда, содержимая на средства князя. Изъ другихъ дачъ замѣчательныхъ въ этой мѣстности, славится еще дача финансиста Е. И. Ламанскаго, замѣчательная по своей образцовой фермѣ, богатой рѣдкими породами разнаго скота.

ГЛАВА X.

Дача архіатера Арескина. — Врачь царя. — Любовь Петра къ врачебной наукѣ. — Кончина Арескина. — Академикъ Георгій Крафтъ, астрологъ Анны Іоанновны. — Страсть императрицы къ предсказаніямъ. — Календарь Крафта.—Брюсовъ Календарь. — Предсказанія Брюса. — Народное повѣрье о Брюсѣ. — Пророчества и астрологическіе гороскопы въ до-Петровскую эпоху.—Симеонъ Полоцкій и Дмитрій Ростовскій.—Предсказаніе Симеона Полоцкаго о днѣ рожденія Петра Великаго.— Усадьба графа И. А. Мусина-Пушкина.—Сынъ его Платонъ.—Наказаніе и ссылка въ Сибирь.—Иркутскія преданія о ссыльныхъ Волынскихъ и Долгорукомъ.—Судьба графа Платона въ царствованіе Елисаветы и Екатериной II. — Правнукъ графа Ивана. — Аполлосъ Аполлосовичъ Мусинъ-Пушкинъ.—Загородный домъ Ив. Ив. Бутурлина. — Милости Петра къ нему.— Смѣлость Бутурлина.—Служба Бутурлина.— Жизнеописаніе Ив. Ив. Бутурлина.—Наказаніе и ссылка графа Девьера.—Начало карьеры этого любимца Петра и дальнѣйшая его несчастная судьба. — Богатства Бутурлиныхъ. — Матвѣй Дмитріевичъ Ольсуфьевъ и его потомство. — Кирпичные заводы сибирскихъ рабочихъ. — Присылка первыхъ ремесленниковъ въ Петербургъ. — Жалкое положеніе переселенцевъ, ихъ образъ жизни и наказанія за проступки. — Погребеніе переселенцевъ.

НА МѢСТѢ, гдѣ теперь возвышаются царственныя постройки Михайловскаго, дачи его императорскаго высочества Михаила Николаевича, съ роскошнѣйшими садами, тамъ, въ началѣ прошедшаго столѣтія, ютились скромные загородные дома архіатера Арескина, графа Мусинъ-Пушкина, генералъ-аншефа И. И. Бутурлина и Матвѣя Олсуфьева.

Первый изъ этихъ владѣльцевъ Робертъ Арескинъ происходилъ изъ благородной шотландской фамиліи, окончилъ курсъ въ оксфордскомъ университетѣ; по прибытіи въ Россію, былъ сначала врачемъ у князя Меншикова и затѣмъ уже у императора Петра, который

и назначилъ его, въ 1706 году, президентомъ аптекарскаго приказа, Ал. Гордонъ[135]) въ своей исторіи Петра говоритъ, что Арескинъ былъ прямодушный, благовоспитанный, обходительный и благоразумный человѣкъ; императоръ очень цѣнилъ его и назначалъ на самыя высокія и почетныя мѣста. Будучи лейбъ-медикомъ царя, онъ сопровождалъ его въ 1717 году, въ путешествіяхъ по Германіи, Голландіи и Франціи.

Изъ исторіи великаго монарха мы видимъ, какъ онъ любилъ врачебную науку. Извѣстно, что Петръ особенно былъ привязанъ къ анатоміи и хирургіи. Онъ выписалъ къ себѣ, въ 1702 году, славнаго въ то время анатома Николая Бидлоо и опредѣлилъ его преподавателемъ анатоміи при Московскомъ госпиталѣ и тамъ, въ 1706 году, имъ учрежденъ первый въ Россіи анатомическій театръ[136]), въ которомъ царь не разъ вскрывалъ трупы. Берхгольцъ[137]) разсказываетъ, что единственно по страсти къ анатоміи царь приказалъ откладывать вскрытіе трупа случайно утонувшаго въ Невѣ придворнаго пажа до тѣхъ поръ, пока время позволило ему присутствовать при вскрытіи.

Къ хирургіи Петръ чувствовалъ ту же склонность: онъ обыкновенно носилъ при себѣ два футляра, одинъ съ математическими инструментами, другой — съ хирургическими. Въ числѣ послѣднихъ у него были: два ланцета для кровопусканія, анатомическій ножъ, клещи для выдергиванія зубовъ, лопаточка для растиранія пластыря, ножницы, щупъ для ранъ и катетеръ.

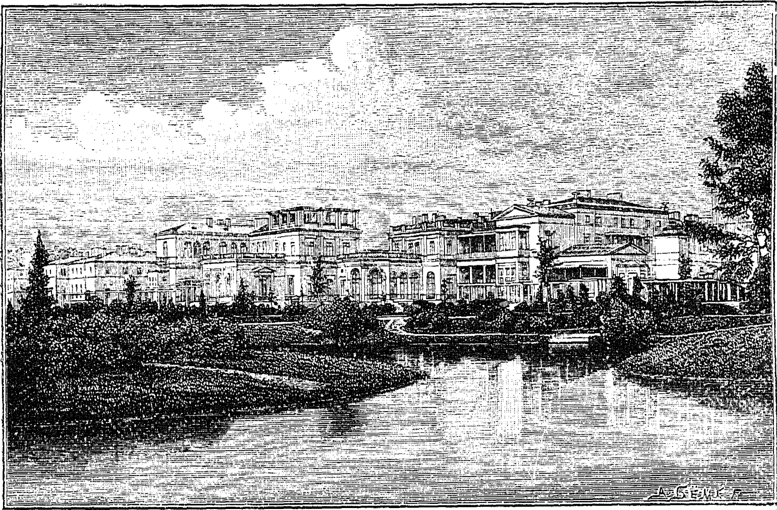
Государь такъ любилъ операціи, что ему всегда должны были давать знать, когда въ госпиталѣ или въ частномъ домѣ предстояла какая нибудь операція. Государь былъ искуснымъ помощникомъ своего придворнаго хирурга Термонта, и не хуже послѣдняго вскрывалъ трупы, пускалъ кровь, дѣлалъ порѣзы и выдергивалъ зубы. Въ числѣ послѣдняго рода операцій, сдѣланныхъ имъ, извѣстны, между прочимъ, двѣ: одна надъ женою камердинера своего, Полубоярова, и другая — надъ служанкой купца Тамеса.

Но особенно важную операцію Петръ сдѣлалъ надъ женою голландскаго купца Борста: онъ ей выпустилъ воду изъ живота въ количествѣ болѣе двадцати фунтовъ. Но эта операція не спасла жизни больной и на девятый день больная скончалась. Государь почтилъ память умершей и самъ шествовалъ за ея гробомъ.

Въ присутствіи царя, въ его квартирѣ, въ Парижѣ (Hôtel Lesdignieres) была сдѣлана глазная операція одному солдату,

имѣвшему на глазахъ бѣльмы. Послѣ этой операціи, государь приказалъ Арескину отыскать для себя глазного оператора. Арескинъ недолго былъ врачемъ Петра, онъ умеръ въ Олонецкѣ въ 1718 г. Государь приказалъ тѣло Арескина привезти въ Петербургъ и похоронить съ большою церемоніею въ Невскомъ монастырѣ.

Бренные останки Арескина были привезены въ Петербургъ 4-го января. Послѣ торжественнаго отпѣванія реформатскимъ пасторомъ въ голландской церкви, гробъ былъ закрытъ, первые доктора столицы, одѣтые въ черныя мантіи, приняли его на руки

Дача Михайловская.

и несли до заставы. Императоръ, вмѣстѣ съ придворными, держа въ рукѣ зажженую восковую свѣчу, шелъ впереди всей церемоніи, окруженный придворными, при блескѣ 200 факеловъ. За чертой города, тѣло было положено въ сани и отправлено въ Невскій монастырь, останки были везены чрезъ ряды стоявшихъ солдатъ и затѣмъ погребены въ присутствіи самого императора. Могила Арескина была вырыта рядомъ съ могилою царицы Наталіи и голландскаго контръ-адмирала, умершаго на русской службѣ. Наслѣдство послѣ себя Арескинъ распредѣлилъ слѣдующимъ образомъ: помѣстье свое, Габшель, со всѣми крестьянами, отдалъ старшей принцессѣ царской (?); положенныя деньги въ Англіи, какъ и домъ въ Петербургѣ, и свою библіотеку —

матери и сестрамъ своимъ. Находящіяся при немъ въ наличности, въ Петербургѣ, деньги, также имѣющія получиться отъ распродажи золотыхъ вещей и дорогихъ камней, деньги — бѣднымъ семействамъ. Весь кабинетъ, состоящій изъ рѣдкихъ минераловъ, раковинъ и медалей, продать и деньги отослать на госпиталь въ Эдинбургѣ. Доктору Блюментросту отказалъ малое помѣстье Паколу и всѣ остальныя вещи распредѣлилъ между библіотекаремъ Шумахеромъ, неизвѣстнымъ аптекаремъ и своимъ камердинеромъ Кронингомъ.

Что же касается его дачнаго мѣста, близь Стрѣльны, то видимъ, что при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ имъ владѣетъ извѣстный астрологъ этой государыни и профессоръ физики при С.-Петербургской академіи наукъ, Георгій Волфангъ Крафтъ (род. въ 1701, ум. въ 1754 г.). Анна Іоанновна, по природѣ очень суевѣрная, вѣрила во всякія предзнаменованія, сны, и т. д. Послѣ предсказанія ей докторомъ Бюхнеромъ (извѣстнымъ составителемъ календарей) въ Курляндіи, что она будетъ скоро царствовать, въ то время, когда она не имѣла ни малѣйшей надежды на полученіе россійской державы, вѣра въ предвѣщанія и разныя астрологическія предсказанія у ней окрѣпла еще больше.

Государыня очень часто посылала въ Петербургскую академію наукъ вопросы и задачи, требуя отвѣтовъ и рѣшеній у тогдашняго профессора математики и экспериментальной физики господина Крафта; послѣдній, по словамъ Штелина, «больше прилежалъ къ астрологіи и черезъ пріятныя въ ней правила, рѣшалъ удивительныя задачи, какъ, напримѣръ, при заданномъ ему безъимянномъ гороскопѣ несчастнаго принца Ивана». Во время пребыванія графа Кирилла Разумовскаго заграницей, у Эйлера, знаменитаго тогда математика и астронома, ему показывали подлинный гороскопъ, составленный по приказанію Анны Іоанновны для новорожденнаго Ивана Антоновича. Заключеніе, выведенное тогда математиками, до того ихъ ужаснуло, что они рѣшили представить государынѣ другой гороскопъ, предсказавшій молодому принцу всякія благополучія.

Государыня также часто посылала къ Крафту спрашивать, скоро ли перемѣнится дождливая, ненастная погода? Профессоръ всегда отвѣчалъ удовлетворительно, и въ назначенный имъ день погода исправлялась.

Существуетъ разсказъ: когда осенью, 1731 г., былъ, по обыкновенію, изданъ календарь на 1732 г., то въ числѣ пред-

сказаній Крафтъ включилъ, что ледъ на Невѣ вскроется въ слѣдующій годъ въ мартѣ такого-то числа. По выходѣ въ свѣтъ календаря это предсказаніе возбудило много толковъ и друзья смѣялись пророчеству профессора, особенно за два дня до предсказаннаго дня, когда Нева не думала еще вскрываться. Но наступилъ предсказанный день и, къ общему удивленію, Нева вскрылась; — по разсказу современника, весь Петербургъ ужаснулся этому удачному за полгода предсказанію. А Крафтъ сказалъ:

— Не всегда ли я говорилъ, что рѣка сего числа вскроется? Что бы и въ наукѣ моей было, еслибы мое исчисленіе не исполнялось въ показанное время? Но, по причинѣ вашего невѣрія, не хочу вамъ больше никогда предсказывать.

Календари у насъ печатались еще до Крафта. Первый въ Москвѣ календарь напечатанъ на 1709 г. [138]), это собственно стѣнной календарь, гравированный на мѣди, на шести отдѣльныхъ листахъ, извѣстный подъ именемъ «Брюсова»; но такое названіе несправедливо; въ самомъ календарѣ сказано, что онъ собранъ и изданъ тщаніемъ библіотекаря Василія Кипріанова; Брюсъ же только надзиралъ за его изданіемъ, какъ и за всѣмъ тѣмъ, что печаталось въ то время въ московской гражданской типографіи. Календарь этотъ пользовался большимъ уваженіемъ и расходился во множествѣ изданій; въ него, помимо астрологическихъ предсказаній, входило множество и другихъ свѣдѣній, какъ, напримѣръ, неисходная пасхалія, лунникъ, время восхода и захожденія солнца, натура или естество планетъ. Затѣмъ были таблицы, изъ которыхъ читатели узнавали, когда надлежало «кровь пущать, мыслить почать, бракъ имѣть или въ жену пояти», также въ какое время «кровь и жильную руду пущать, чины и достоинства воспріимать, долгъ платити, чтобъ обсужденія не было, преніе начати и въ немъ причины искати (?)» и мн. другіе.

Источникъ этой мудрости, какъ сказано внизу таблицы, взятъ у Мартына Альберта, Ѳеофрастическаго медика и рудоискателя изъ Хемницъ, «яже преведенная съ цезарскаго діалекта изъ книгъ астрологіи или планетныя Вольфганга Гильдебрандта» [139]).

Не смотря на лживость разныхъ астрологическихъ предсказаній, дѣлаемыхъ составителями календарей, какъ бы въ уступку общественному суевѣрію, встрѣчались предсказанія, которыя и сбывались. Такъ, на декабрь 1716 года, въ 1715, предсказывалось: «Когда злые люди содружество учинятъ, то внимай дѣламъ

ихъ и внемли себѣ отъ злыхъ совѣтовъ ихъ, ибо они токмо ищутъ изъ чуждныя мошны насыщатися, и сего ради возможно слышать о хищеніи, о татьбѣ и о прочихъ хитрыхъ дѣлахъ, зане хитроумные меркуріалисты многія рѣдкія вещи вымыслити имутъ. Великимъ господамъ и сенаторамъ такожде не все то желанію ихъ возможетъ быти, но многія противности возмогутъ являтися...».

Это предсказаніе съ хитрымъ предисловіемъ, можно сказать, сочинителемъ примѣнялось къ всесильному тогда Меншикову и другимъ знатнымъ; въ декабрѣ 1716 года до царя дошли слухи о казнокрадствѣ всѣхъ этихъ господъ, и потому надъ ними было назначено строгое разслѣдованіе, отъ котораго трепетали нѣкоторое время и Меншиковъ, и его клевреты.

Къ сожалѣнію надо замѣтить, что и самъ Брюсъ не стоялъ выше своихъ знатныхъ современниковъ въ нравственномъ отношеніи; онъ, какъ и другіе, бралъ подъ чужимъ именемъ подряды въ артиллерійскомъ вѣдомствѣ, гдѣ былъ начальникомъ; также бывалъ подъ судомъ за утайку казенныхъ червонцевъ,—однимъ словомъ, дѣлалъ то, что можно было дѣлать безъ астрологіи, магіи и волшебства. Впрочемъ, народное повѣрье сохранило о немъ много сверхъестественнаго.

Кто не слыхалъ про Брюса разсказа, какъ онъ, умирая, вручилъ Петру стклянку съ живой и мертвой водой [140]) съ тѣмъ, что если царь пожелаетъ видѣть его ожившимъ, то велѣлъ бы вспрыснуть его трупъ этою водою. Прошло потомъ нѣсколько лѣтъ и Петръ вспомнилъ о завѣщанной Брюсомъ стклянкѣ, велѣлъ разрыть могилу его; къ ужасу присутствовавшихъ оказалось, что покойникъ лежалъ въ могилѣ, какъ живой, и у него даже выросли длинные волосы на головѣ и бородѣ и ногти на рукахъ. Царь былъ такъ пораженъ этимъ, что велѣлъ скорѣе зарыть могилу, а стклянку разбилъ.

Академикъ Пекарскій полагаетъ, что источникъ этой легенды лежитъ въ томъ обстоятельствѣ, что Петръ, познакомившись съ извѣстнымъ анатомомъ того времени, Рюйшемъ и, полюбивъ его науку, купилъ у него, подъ величайшею тайною, способъ бальзамированія тѣлъ, которыя сохранялись какъ бы живыя. Брюсъ занимался астрономическими наблюденіями, часто бесѣдовалъ о томъ съ царемъ, и вотъ суевѣріе сочинило чудесную повѣсть, сохранившуюся понынѣ.

Что же касается до астрологическихъ гороскоповъ и разныхъ сочиненій по этой части, то въ старинной нашей руко-

писной литературѣ, послѣдніе имѣли довольно значительный отдѣлъ.

Такъ, еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, предсказанія, основанныя на наблюденіяхъ звѣздъ, пророчества по аспектамъ и т. д. считались весьма серьезными. Въ его время, въ Москвѣ, жили два великихъ разумомъ духовныхъ мужа, искусные въ наукѣ звѣздочетства, это были: Симеонъ Полоцкій [141]) и Дмитрій Ростовскій. Штелинъ и съ нимъ Голиковъ, говорятъ, что первый изъ этихъ ученыхъ—Симеонъ, предсказалъ рожденіе Петра Великаго за девять мѣсяцевъ, и объ этомъ случаѣ написалъ даже книжку. Вотъ какъ разсказываетъ Штелинъ объ этомъ обстоятельствѣ: «Наблюдая каждую ночь теченіе звѣздъ, Симеонъ замѣтилъ, что 28-го августа 1671 года появилась не далеко отъ Марса весьма свѣтлая звѣзда. На утро, 29-го августа, пошелъ Полоцкій къ царю Алексѣю Михайловичу, поздравилъ его съ сыномъ, начавшимся въ прошедшую ночь во чревѣ его супруги, царицы Наталіи Кирилловны, и который долженъ слѣдующаго 30-го мая родиться. «Сей князь,—говорилъ онъ,—воспріиметъ твой престолъ и ни одинъ изъ современниковъ его не будетъ равняться. Онъ пріобрѣтетъ величайшую похвалу. Слава его ежечасно будетъ возростать, многіе падутъ отъ его меча, онъ истребитъ злобныхъ, но любить будетъ ревностныхъ, и т. д. Для подтвержденія своего предсказанія, онъ написалъ его на бумагѣ и отдалъ царю. Къ написанному предсказанію онъ присовокупилъ еще: «при разрѣшеніи твоемъ претерпишь ты три дня великую тоску и болѣзнь; однако, ваше величество и новорожденный царевичъ останетесь живы и здоровы и въ Божіемъ покровительствѣ». Предсказаніе Симеона, спустя девять мѣсяцевъ, сбылось; 28-го мая 1672 года, когда Полоцкій пришелъ во дворецъ, царица уже мучилась въ родахъ—Симеонъ утѣшалъ царя, и притомъ сказалъ, что царица еще двои сутки будетъ страдать. Наконецъ, царица такъ ослабѣла, что ее причастили св. Таинъ; но Полоцкій утѣшалъ царя, увѣряя, что царица будетъ жива и черезъ пять часовъ родитъ царевича. Когда уже прошло четыре часа и наступилъ пятый, сталъ Полоцкій на колѣни и началъ молиться, чтобы царица еще часъ не разрѣшилась. Царь разсердился и сказалъ ему:

— О чемъ ты молишь? Царица уже безъ чувствъ и почти мертва.

Но онъ отвѣчалъ:

— Великій государь! Когда царевичъ родится въ первую

половину часа, то будетъ онъ жить около пятидесяти лѣтъ, а ежели во вторую половину часа, то достигнетъ онъ семидесятилѣтней старости.

Во время этого разговора и родился царевичъ, и новорожденный былъ крещенъ опредѣленнымъ ему отъ Полоцкаго именемъ — Петромъ.

Надо полагать, что Крафтъ былъ послѣднимъ русскимъ астрологомъ, въ его время уже успѣхи астрономіи были настолько обширны, что астрологическія предсказанія уже не могли имѣть большого вѣса у людей съ образованіемъ. Г. Крафтъ написалъ нѣсколько руководствъ къ физикѣ и геометріи и затѣмъ краткое руководство къ познанію простыхъ и сложныхъ машинъ, изданное въ Петербургѣ въ 1738 году, сперва на нѣмецкомъ языкѣ и затѣмъ на русскомъ; послѣднее сочиненіе онъ посвятилъ Петру Бирону, у котораго былъ преподавателемъ. У пишущаго эти строки имѣется превосходный подносный экземпляръ этой книги съ автографами Крафта и Бирона. Помимо этихъ книгъ, Крафтъ издалъ «Подлинное и обстоятельное описаніе построеннаго въ январѣ мѣсяцѣ, въ 1740 году, въ Петербургѣ, на Невѣ, Ледяного дома и всѣхъ находящихся въ немъ домовыхъ вещей. Сынъ этого Крафта, по имени тоже Вольфгангъ, служилъ также въ Петербургской академіи наукъ, профессоромъ опытной физики. Онъ былъ преподавателемъ математики всѣмъ великимъ князьямъ, начиная съ императора Павла I. Онъ умеръ въ очень преклонныхъ годахъ, въ 1814 году, написалъ болѣе двадцати сочиненій изъ области физики.

Ближнимъ сосѣдомъ дачи Крафта была загородная усадьба графа Ивана Алексѣевича Мусина-Пушкина. Владѣлецъ этой дачи былъ любимецъ Петра Великаго, царь пожаловалъ его первымъ русскимъ графомъ. Императоръ особенно благоволилъ къ его старшему сыну Платону, котораго и называлъ своимъ братомъ. Платонъ Мусинъ-Пушкинъ былъ необыкновенно похожъ на Петра.

Семейное преданіе Мусиныхъ-Пушкиныхъ объясняло это сходство близкими отношеніями царя Алексѣя къ женѣ Ивана Алексѣевича. Царь Алексѣй Михаиловичъ, любуясь и утѣшаясь имъ, какъ говоритъ Карабановъ, иначе не называлъ его какъ «мой сынъ Пушкинъ». Иванъ Мусинъ-Пушкинъ въ царствованіе Петра Великаго былъ главнымъ начальникомъ монастырскаго приказа, управляющимъ петербургской типографіей и пер-

вымъ сенаторомъ изъ числа восьми особъ, помѣщенныхъ въ верховное судилище.

По словамъ современниковъ, графъ Мусинъ-Пушкинъ былъ коварный лукавецъ и гонитель всякой правды. Существуетъ разсказъ, что онъ однажды, при Петрѣ, бранилъ дѣла отца его. На это Петръ ему замѣтилъ:

— Ты хулою дѣлъ отца моего, а лицемѣрною мнѣ похвалою болѣе меня бранишь, нежели я стерпѣть могу.

Петръ произвелъ его въ дѣйствительные тайные совѣтники [142]. Графъ Ив. Мусинъ-Пушкинъ умеръ въ преклонныхъ лѣтахъ, въ 1730 году.

Судьба его старшаго сына, графа Платона Ивановича, была необыкновенно несчастлива. Онъ воспитывался заграницей, чуть ли не въ Парижѣ и долго жилъ въ Голландіи. Рекомендуя его русскому послу въ Голландіи, князю Куракину, императоръ Петръ писалъ: «Посылаемъ мы вамъ для обученія политическихъ дѣлъ племянника нашего Платона, котораго вамъ, яко свойственнику, свойственника рекомендуемъ». Три года спустя послѣ этого, Мусинъ-Пушкинъ былъ посланъ для дипломатическихъ переговоровъ въ Данію и на другой годъ въ Парижъ для переговоровъ съ регентомъ о посредничествѣ между Россіей и Швеціей. По просьбѣ своего старика-отца, онъ былъ вскорѣ вызванъ въ Россію и назначенъ присутствующимъ въ московской сенатской конторѣ.

Въ 1730 году онъ былъ намѣстникомъ въ Смоленскѣ, а черезъ годъ назначенъ въ Казань на ту же должность, въ преемники къ извѣстному тоже по своей несчастной судьбѣ А. П. Волынскому. Здѣсь ихъ связала судьба и черезъ девять лѣтъ, въ 1740 году, Мусинъ-Пушкинъ, въ то время президентъ коммерцъ-коллегіи, былъ замѣшанъ въ дѣло Волынскаго и, по урѣзаніи языка, сосланъ въ Иркутскъ [143]. Языкъ вырѣзанъ ему былъ за дерзкія будто бы рѣчи!

Вмѣстѣ съ Мусинымъ-Пушкинымъ въ Иркутскъ были присланы: Долгорукой и дѣти Артемія Волынскаго, Петръ и Анна. Первый вскорѣ, по указу 1742 года, увезенъ за Байкалъ въ Селенгинскъ, а вторая дочь пострижена была въ Знаменскомъ дѣвичьемъ монастырѣ. Впослѣдствіи состоялся указъ, чтобы дочь Волынскаго, если она пострижена, разстричь и вмѣстѣ съ братомъ отправить изъ Иркутска на судахъ. Въ Иркутскѣ существуетъ преданіе, что будто бы въ этотъ городъ былъ присланъ и самъ Артемій Волынскій и что казнь совершена въ Петербургѣ надъ куклой.

Такому разсказу нельзя дать никакого значенія, потому что всѣмъ извѣстна публичная казнь жертвы честолюбія Бирона. Но есть преданіе, что въ это же время въ Иркутскѣ содержался въ острогѣ какой-то другой Волынскій, который слылъ въ городѣ за чародѣя по самому обыкновенному случаю: у него была собака, которая изъ острога, гдѣ онъ содержался, бѣгала въ домъ его короткаго знакомаго и тотъ переписывался съ Волынскимъ, посылая ему свои письма въ ошейникѣ собаки. Поэтому заключенный зналъ о всѣхъ новостяхъ и острожное начальство не постигало, какимъ образомъ Волынскій, не выходя изъ стѣнъ острога, разсказывалъ подробно, что̀ дѣлалось въ городѣ. Въ одно и то же время съ Волынскимъ, какъ говоритъ г. Сельскій [144]), содержался въ острогѣ какой-то неизвѣстный ссыльный, присланный безъ означенія имени.

Впослѣдствіи велѣно его было изъ острога освободить и онъ, для пропитанія, поступилъ сторожемъ въ церковь св. Харлампія. Въ началѣ царствованія Екатерины II, прислано было въ Иркутскъ предписаніе объ отысканіи нѣкоторыхъ сосланныхъ и между ними князя Долгорукова; когда объ этомъ было объявлено въ городѣ, то въ полицейскую канцелярію явился сторожъ Харлампіевской церкви, который предъявилъ начальству, что онъ есть тотъ самый князь Долгорукой, котораго отыскиваютъ.

Прихожане церковные очень любили старика за его доброе поведеніе и никакъ не подозрѣвали въ лицѣ его сосланнаго князя Долгорукова.

Биронъ въ свое кратковременное регентство смягчилъ участь Мусина-Пушкина и перевелъ его въ казематъ Соловецкаго монастыря.

Во времена Елисаветы Петровны Мусинъ-Пушкинъ, уже возвращенный изъ ссылки, жилъ въ симбирскомъ имѣніи жены своей (онъ былъ женатъ на княжнѣ М. П. Черкаской), дряхлымъ и больнымъ физически и морально вслѣдствіе суроваго заключенія въ соловецкой тюрьмѣ. Жена [145]) его, не смотря на свое колоссальное богатство (ей отецъ далъ въ приданое 10,000 душъ), просила о возвращеніи отписанныхъ въ казну деревень черезъ посредство канцлера Бестужева-Рюмина. На эту просьбу, какъ говоритъ Карабановъ [146]), канцлеръ сказалъ, что онъ сомнѣвается, чтобъ императрица Елисавета на все безъ изъятія согласилась, прибавя:

— Вы сдѣлайте-де записку лучшимъ деревнямъ.

Въ поданной запискѣ были назначены лучшія подмосковныя села и болѣе трехъ тысячъ душъ. Что-жъ послѣдовало? Вмѣсто покровительства несчастнымъ, канцлеръ убѣдилъ императрицу все сіе пожаловать ему въ собственность! Только Екатерина II приказала все описанное имѣніе имъ возвратить сполна. Внукъ графа Платона, сынъ фельдмаршала Валентина Платоновича, ко-

Артемій Волынскій.

торому Павелъ пожаловалъ 4,000 душъ, графъ Василій Валентиновичъ, по женѣ былъ одинъ изъ богатѣйшихъ людей въ Россіи, онъ былъ женатъ на графинѣ Е. Я. Брюсъ, за ней онъ взялъ 14,000 душъ. Правнукъ Ивана Мусинъ-Пушкина [147]), Аполлосъ, тайный совѣтникъ, въ царствованіе императора Павла I, былъ извѣстенъ какъ своимъ огромнымъ богатствомъ, такъ и разными минералогическими изслѣдованіями на Араратскихъ горахъ и нѣсколькими химическими открытіями.

Рядомъ съ описанными нами выше загородными домами стояла усадьба боевого сподвижника царя Петра и неумолимаго судьи въ розыскныхъ дѣлахъ тайной канцеляріи генералъ-аншефа И. И. Бутурлина, родного племянника извѣстнаго князя-папы Петра Ивановича Бутурлина, такъ долго правившаго всепустѣйшимъ и всепьянѣйшимъ соборомъ петербургскихъ пьяницъ, обжоръ и шутовъ.

Фамилія Бутурлиныхъ владѣла издревле большими помѣстьями и вотчинами въ Россіи. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, боярину Василію Васильевичу при назначеніи его дворецкимъ «съ путемъ», пожалованы были «въ путь», т. е. въ доходъ, кружечныя прибыли, а также оброчные и таможенные сборы со слободъ Ярославскаго уѣзда. Петръ Великій даровалъ Ивану Ивановичу Бутурлину, какъ одному изъ главныхъ своихъ военныхъ сподвижниковъ, 400 крестьянскихъ дворовъ, отобранныхъ въ казну у князя Василія Владиміровича Долгорукова по прикосновенности его къ дѣлу царевича Алексѣя Петровича. Иванъ Бутурлинъ пользовался особеннымъ уваженіемъ Петра; у Голикова находимъ разсказъ, изъ котораго видно, съ какою смѣлостью Бутурлинъ обходился съ Петромъ.

По возвращеніи государя изъ путешествія, въ Москву дошли до него жалобы на взятки судей. Когда государь сталъ выражать свой гнѣвъ на судей, то присутствовавшій здѣсь Бутурлинъ сказалъ ему:

— Пока ты самъ не перестанешь брать взятокъ, не отучишь отъ нихъ и своихъ подданныхъ. Твой примѣръ дѣйствуетъ на ихъ сердца сильнѣе всякаго указа.

Государь на дерзкія слова Бутурлина разсердился еще больше и сказалъ:

— Какъ ты осмѣлился сплесть на меня такую ложь!

— Не ложь, перебилъ его Бутурлинъ, — а сущую правду. И тутъ же объяснилъ. Въ проѣздъ государя черезъ Тверь, Бутурлинъ квартировалъ у тамошняго купца, бывшаго въ отлучкѣ, въ домѣ оставалась только жена его съ дѣтьми. Въ этотъ день хозяйка праздновала свои именины и потому давала обѣдъ, на который въ числѣ другихъ гостей былъ приглашенъ и Бутурлинъ. Но лишь сѣли за столъ, пришелъ изъ магистрата городской староста и потребовалъ, чтобы хозяйка тотчасъ же представила сто рублей для поднесенія государю цѣннаго подарка, на пріобрѣтеніе котораго была сдѣлана магистратомъ между горожанами разверстка. У хозяйки не было денегъ, а

староста и слушать не хотѣлъ объ отсрочкѣ взноса, объявивъ, что ему безъ денегъ не велѣно уходить и грозя, въ случаѣ невзноса денегъ, тотчасъ же немедленно арестовать хозяйку. Ни просьбы, ни мольбы, ни слезы, ни предложеніе внесть немедленно меньшую сумму въ счетъ назначенной, ничто не имѣло успѣха, староста былъ непреклоненъ, а купчихѣ негдѣ было взять денегъ, такъ какъ всѣ гости ея поспѣшили убраться по домамъ. Нечего было дѣлать, Бутурлинъ сжалился надъ бѣдной женщиной и внесъ за нее требуемую сумму.

— Вотъ, заключилъ Бутурлинъ: — каковы добровольные-то, какъ увѣряютъ, подарки тебѣ! А ты, чаю, принимая ихъ, не представляешь таковыхъ печальныхъ слѣдствій? Такъ разсуди же: можно ли требовать отъ подданныхъ, чтобы они не брали взятокъ, когда они видятъ, какъ самъ ихъ государь беретъ оныя!

Петръ поблагодарилъ Бутурлина за разсказъ и при первомъ же случаѣ не принялъ поднесеннаго ему городомъ подарка и повелѣлъ возвратить другимъ городамъ цѣнные подарки, ему прежде поднесенные, воспретить и впредь дѣлать такія же поднесенія.

Существуетъ еще другой разсказъ относительно взятокъ.

Однажды Петръ, разгнѣванный противъ лихоимствъ, приказалъ оберъ-прокурору сената Ягужинскому:

— Напиши указъ, что если кто и настолько украдетъ, что можно купить веревку, то будетъ немедленно повѣшенъ.

Ив. Ив. Бутурлинъ былъ однимъ изъ первыхъ штабъ-офицеровъ Преображенскаго полка, съ которымъ онъ ходилъ на взятіе Азова въ 1696 году. На другой день нарвской битвы, Бутурлинъ, вмѣстѣ съ другими военачальниками, повѣривъ Карлу XII, что онъ дастъ свободу русскимъ войскамъ, сдался на капитуляцію, для заключенія которой онъ и былъ посланъ въ шведскій лагерь.

Но Карлъ XII обманулъ офицеровъ и отправилъ Бутурлина вмѣстѣ съ другими генералами-плѣнниками въ Стокгольмъ; здѣсь три года томился Бутурлинъ въ плѣну, но, наконецъ, не выдержавъ эту пытку, бѣжалъ вмѣстѣ съ генералами Трубецкимъ и Вейде; но бѣглецы вскорѣ были пойманы въ лѣсу и приведены въ Стокгольмъ [147]), «зѣло обруганъ, безчещенъ градодержавцемъ и заключенъ въ тюрьму, подъ ратушей, гдѣ всегда надо было сидѣть съ огнемъ и гдѣ было только одно отверстіе вверху, чрезъ которое и подавали ему пищу». Въ этой тюрьмѣ Бутурлинъ томился два года и только въ 1705 году былъ переведенъ въ какой-то дальній шведскій городъ.

Но Петръ не забылъ страдальца, и когда былъ взятъ въ плѣнъ генералъ Мейерфельдъ, Петръ далъ ему свободу съ тѣмъ, чтобъ вмѣсто него былъ освобожденъ Бутурлинъ, но шведы и тутъ обманули. Бутурлинъ былъ только освобожденъ изъ плѣна въ 1710 году. Въ дѣлѣ розыска по дѣлу несчастнаго царевича Алексѣя Петровича, Бутурлинъ участвовалъ въ производствѣ онаго и въ числѣ другихъ подписалъ смертный приговоръ царевичу.

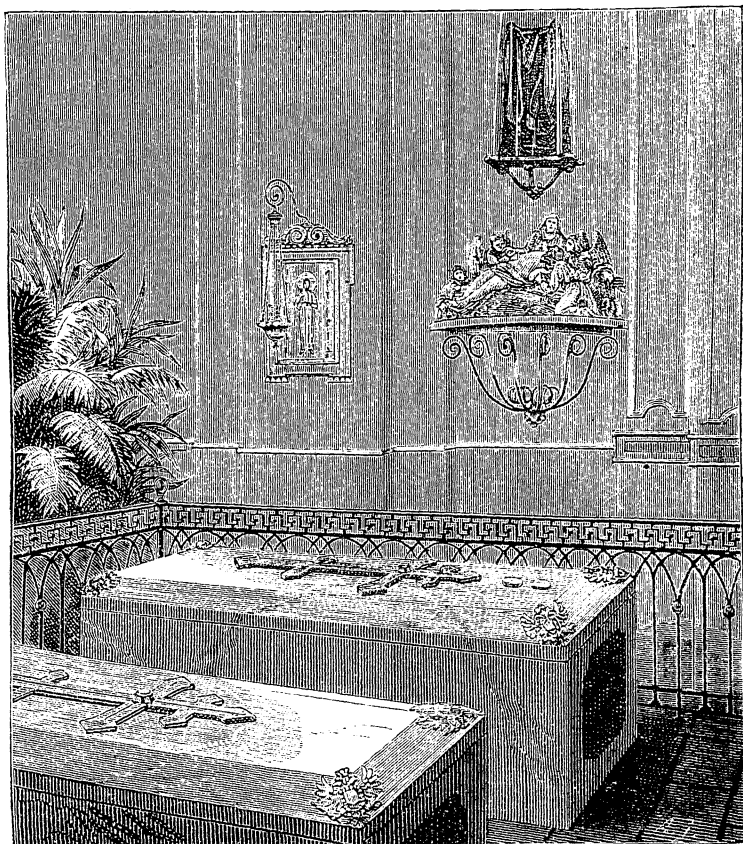
Петръ Великій на смертномъ одрѣ.

Возвращаясь опять къ жизнеописанію Ивана Ивановича Бутурлина, мы видимъ, что въ концѣ царствованія Петра онъ командовалъ любимѣйшими его гвардейскими полками.

Въ день кончины Петра Великаго, въ самый рѣшительный моментъ борьбы партій, выразившейся въ спорахъ вельможъ у комнаты умирающаго государя: кѣмъ замѣнить его? Раздался громъ барабановъ подъ окнами Зимняго дворца, приближавшихся къ нему двухъ гвардейскихъ полковъ: Преображенскаго и Семеновскаго. Эти неожиданные удары барабановъ потрясли спорящихъ и президентъ военной коллегіи, князь Репнинъ, спросилъ:

— Кто осмѣлился привесть сюда солдатъ безъ моего вѣдома? Развѣ я не фельдмаршалъ?

— Я,—отвѣчалъ ему Ив. Ив. Бутурлинъ,—велѣлъ имъ придти сюда, по волѣ императрицы, которой долженъ повиноваться каждый подданный, не исключая и тебя!

Гробница Петра Великаго.

Извѣстно, что это слово Бутурлина, подкрѣпленное силою стоявшихъ за нимъ подначальныхъ ему полковъ, рѣшило дѣло, 28-го января 1725 года, и Екатерина тутъ же была провозглашена императрицей всероссійской.

Всемогущій Меншиковъ едва былъ назначенъ президентомъ военной коллегіи, какъ Бутурлинъ потерялъ мѣсто командира гвардейскихъ полковъ. Историкъ Соловьевъ говоритъ: такая по-

теря этой должности для Бутурлина была очень тяжка и вооружила его против Меншикова. Негодуя на него, онъ говорилъ:

— Онъ что хочетъ, то и дѣлаетъ, и меня, мужика стараго, обидѣлъ, команду отдалъ мимо меня младшему, къ тому-жъ и адъютанта отнялъ, и откуда онъ такую власть взялъ.

Враждебныя отношенія временщика Меншикова къ Бутурлину этимъ не ограничились. Вскорѣ послѣ болѣзни Екатерины I, Меншиковъ объявилъ отъ имени государыни, что надъ генералъ-лейтенантомъ Девьеромъ [150]), обвинявшимся въ неприличномъ поведеніи 16-го апрѣля, во время тяжкой болѣзни государыни во дворцѣ, назначается слѣдствіе. Девьеръ былъ подвергнутъ пыткѣ и послѣ 25 ударовъ, которые палачъ, бывшій прежде въ распоряженіи Девьера, какъ начальника полиціи, наказывалъ, какъ говорили тогда, Девьера съ такимъ разсчитаннымъ звѣрствомъ, что каждый ударъ на спинѣ ровно ложился одинъ къ другому и не осталось тамъ ни одного мѣста, которое бы не затронулъ кнутъ.

Подъ такимъ истязаніемъ Девьеръ оговорилъ въ соучастіи съ собою, въ числѣ пяти лицъ, и Ив. Ив. Бутурлина. Результатомъ слѣдствія оказалось, что Девьеръ былъ вторично наказанъ и сосланъ въ Сибирь, а Бутурлинъ, въ числѣ другихъ сановниковъ, лишенъ чиновъ и сосланъ въ свои дальнія деревни.

Въ слѣдующемъ царствованіи участь Бутурлина не была облегчена, но еще отягчилась, у него были отобраны всѣ жалованныя Петромъ имѣнія и онъ жилъ въ своей наслѣдственной деревнѣ, во Владимірской губерніи, гдѣ, въ декабрѣ 1738 г., и умеръ на 77 году своей жизни. Послѣ него осталось два сына, со смертію которыхъ мужское поколѣніе Бутурлиныхъ прекратилось.

По своему богатству и знатности былъ также извѣстенъ фельдмаршалъ А. Б. Бутурлинъ, извѣстный фаворитъ цесаревны Елисаветы Петровны, получившій впослѣдствіи, въ ея царствованіе, графское достоинство и богатыя вотчины.

Рядомъ съ загороднымъ домомъ Бутурлина, какъ мы уже говорили, стояла усадьба извѣстнаго любимца Петра, Матвѣя Дмитріевича Олсуфьева, котораго царь за вѣрность и преданность престолу наградилъ помѣстьемъ въ восемь тысячъ душъ; женатъ онъ былъ на дочери контръ-адмирала Сенявина; свадьба эта совершена была въ присутствіи Петра Великаго, въ апрѣлѣ 1719 года. Олсуфьевъ умеръ въ 1743 году. При дворѣ Петра былъ еще гофмейстеръ, братъ его, Василій. Сынъ послѣдняго, извѣстный царедворецъ временъ Екатерины II, носилъ имя Адама,

неупотребительное у русскихъ, послѣднее было дано ему вслѣдствіе того, что мать его, иностранка, Голендеръ, звалась Евою, отсюда и выходила игра имени: мать звали Евою, сына Адамомъ. Внукъ М. Д. Олсуфьева, Захаръ Дмитріевичъ, былъ боевой генералъ, извѣстный герой въ отечественную войну 1812 г.

Къ этимъ барскимъ усадьбамъ примыкали кирпичные заводы съ рабочими изъ сибирской губерніи, какъ значится на старинномъ планѣ. По оффиціальнымъ источникамъ извѣстно, что въ Петербургъ, начиная съ 1709 г., высылалось работниковъ по сорока тысячъ въ годъ, нѣкоторые изъ ремесленниковъ переводились въ Петербургъ на всегдашнее житье. Такіе рабочіе, пригнанные въ Петербургъ, раздѣлялись на двѣ половины: одни работали съ февраля по май, а другіе—съ іюля по октябрь.

Рабочіе неохотно шли въ Петербургъ, и часто дорогой разбѣгались. Чтобы предупредить это, ихъ обязывали круговою порукою и, кромѣ того, приставлялись къ нимъ приказчики и смотрителя изъ отставныхъ дворянъ и воеводъ. До 1712 года рабочіе присылались изъ Сибири, но послѣ этого года состоялось повелѣніе, съ сибирскихъ жителей, вмѣсто работъ въ Петербургѣ, взыскивать за каждаго работника по десяти рублей.

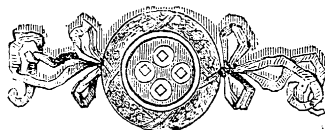
Состояніе такихъ крестьянъ, переселенныхъ въ Петербургъ, было самое ужасное. По словамъ современниковъ-иностранцевъ, послѣдніе съ невѣроятнымъ терпѣніемъ переносили всѣ бѣдствія. По прибытіи они долгое время оставались безъ пристанища, укрываясь въ шалашахъ, посреди болота, на сыромъ и вредномъ воздухѣ.

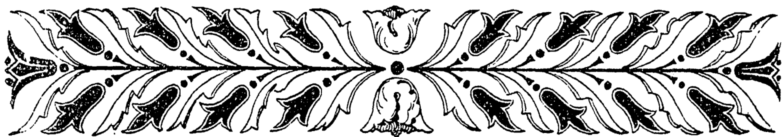
Въ домахъ же, построенныхъ изъ бревенъ кое-какъ, зимою, ночью, когда печи нагрѣвались, они ложились у потолка, на палатяхъ; на такихъ палатяхъ располагалось спать отъ 15 до 20 человѣкъ. Берхгольцъ разсказываетъ: рабочіе свѣшивали внизъ головы, но ни одинъ изъ нихъ, разъ забравшись наверхъ, не только не падалъ, но даже не ворочался и въ продолженіе сна оставался въ томъ же положеніи.

Между спящими всегда раздавалось такое храпѣніе, что можно было воображать себя на какой нибудь шлифовальной мельницѣ. Спали совершенно раздѣвшись, какъ ни попало, не обращая вниманія, что находились вмѣстѣ мужчины и женщины, мальчики и дѣвочки, кошки, собаки, телята, свиньи и т. д. Насѣкомыя, водившіяся въ деревянныхъ стѣнахъ и щеляхъ, усугубляли мученія спавшихъ. Избу въ ночное время можно было сравнить только съ коптильней.

За проступки противъ работъ для такихъ рабочихъ была деревянная лошадь съ острою спиною и былъ вкопанъ столбъ съ цѣпью, около котораго втыкались острыя спицы; провинившихся или садили на лошадь, или, замкнувъ руки въ цѣпь, заставляли стоять на спицахъ. Очень понятно, что такіе рабочіе отличались полнѣйшимъ равнодушіемъ къ жизни, и когда заболѣвали, то ложились на землю, не заботясь о выздоровленіи и не принимая никакихъ медицинскихъ средствъ. Берхгольцъ добавляетъ: которые рабочіе умирали на работахъ, то ихъ тотчасъ же тамъ и зарывали. Веберъ говоритъ, что обрядъ погребенія былъ самый немногосложный: умершаго клали на землю и возлѣ него зажигали восковую свѣчку, чтобы вызвать подаяніе на погребеніе.

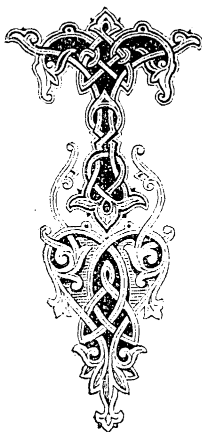
Веберу случилось разъ видѣть, какъ двое крестьянъ несли завернутое тѣло въ рогожку, но видно не собрали достаточно денегъ, почему и положили тѣло на землю, и стали выжидать подаянія, а между тѣмъ ночь приближалась. Тогда носильщики отложили погребеніе до другого дня и, высмотрѣвъ подъ ближайшимъ мѣстомъ небольшое пространство, втиснули туда тѣло; головѣ покойника не оказалось мѣста, а потому все тѣло вталкивали и сгибали до тѣхъ поръ, пока оно не было все скрыто. Затѣмъ рабочіе, помолясь, удалились, а на другой день трупъ окончательно отнесли на кладбище.

ГЛАВА XI.

Дача графа Миниха „Приморскій дворъ", нынѣшняя Знаменка.—Судьба Миниха.— Второй владѣлецъ дачи Кириллъ Разумовскій.—Первое шампанское при дворѣ.— Открытый столъ Разумовскаго.—Характеристика Разумовскаго.—Григорій Тепловъ.—Разсказы Екатерины II о временахъ Елисаветы. — Андрей Кирилловичъ. — Странности и расточительность этого князя.—Третій владѣлецъ Знаменки графъ П. И. Шуваловъ.—Ник. Аф. Бекетовъ.—Графъ А. И. Шуваловъ. — Четвертый владѣлецъ Знаменки генералъ А. П. Мельгуновъ.—Его заботы о ввѣренномъ ему краѣ.— Могила Мельгунова.—Прежняя дача Мельгунова.—Послѣдняя историческая русская карусель. — Пятый и шестой владѣлецъ Знаменки. — Нарышкинъ и Мятлевъ. — Помѣстья Долгорукихъ.—Князь Василій Лукичъ.—Опала, постигшая князя.—Казнь и четвертованіе князя И. А. Долгорукова. —Несчастная невѣста Петра II.—Заточеніе ея въ Воскресенскомъ Горицкомъ монастырѣ. — Ужасное прошлое этой обители. — Судъ надъ сторонниками Долгорукихъ.—Наталья Борисовна Долгорукова.—Анна Волынская. — Замужество княгини Долгоруковой. — Могила Якова Долгорукова. — Прошедшее кладбища св. Андрея Первозваннаго.

АМЪ, гдѣ возвышается царственная усадьба «Знаменка», имѣніе великаго князя Николая Николаевича Старшаго, тамъ, гдѣ теперь представляется глазамъ очаровательный видъ, съ далью синѣющаго взморья, съ зелеными лугами, покрытыми живописными купами деревъ, среди которыхъ въ зелени огромныхъ вѣковыхъ ольхъ и дубовъ мелькаютъ фермы и другія сельскія постройки, тамъ въ Петровскія времена было одно болото, на которомъ росъ одинъ тростникъ и кой-гдѣ лежали деревянные полусогнившіе мостки для пѣшеходовъ.

Со времени заложенія Петергофа, Петръ Великій окрестныя къ нему мѣста отдалъ своимъ приближеннымъ, и описываемая нами мѣстность поступила въ собственность къ лю-

бимцу его знаменитому фельдмаршалу Миниху, извѣстному строителю Ладожскаго канала, основателю перваго кадетскаго корпуса и виновнику переворота, низложившаго Бирона.

По словамъ современниковъ, графъ Минихъ одаренъ былъ величественнымъ видомъ и геройскою осанкою, онъ являлъ въ чертахъ своихъ лица остроуміе, неустрашимость и твердость характера, вселялъ къ себѣ уваженіе и страхъ, былъ трудолюбивъ, предпріимчивъ, дѣятеленъ, любезенъ въ обществѣ, пылокъ къ женщинамъ, но вмѣстѣ мелоченъ въ отношеніяхъ съ подчиненными, взыскателенъ, жестокъ, лукавъ, гордъ, жаденъ къ своей личной славѣ, для достиженія которой не берегъ солдатъ, «купаясь въ ихъ крови», казался другомъ всѣхъ, но не любилъ никого.

Но, не смотря на такіе недостатки, Минихъ долженъ быть отнесенъ къ числу полезнѣйшихъ и дѣльнѣйшихъ чужеземцевъ, которыхъ когда нибудь принимала къ себѣ Россія. Минихъ былъ родомъ датчанинъ, вступилъ онъ въ службу Петра, прямо съ чиномъ генералъ-маіора. Царь про него сказалъ послѣ осмотра работъ Ладожскаго канала:

— Изъ всѣхъ иностранцевъ, бывшихъ въ моей службѣ, онъ лучше всѣхъ умѣетъ предпринимать и производить великія дѣла, помогайте ему во всемъ.

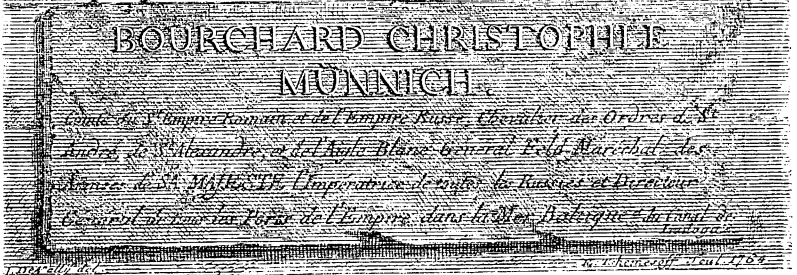
По смерти Петра, Минихъ, не любимый Меншиковымъ, много терпѣлъ отъ послѣдняго. При императрицѣ Аннѣ онъ пользовался милостями государыни, какъ и временщика ея Бирона; въ это же царствованіе Минихъ своими побѣдами надъ турками заслужилъ славу лучшаго полководца въ Европѣ. Только свирѣпствовавшая въ то время на театрѣ войны чума немного умалила лавры этого полководца.

Въ день смерти императрицы Анны, умершей отъ каменной болѣзни, онъ стоялъ у постели умирающей государыни и слышалъ послѣднія слова:

— Прощай, фельдмаршалъ!

По смерти государыни Минихъ одинъ изъ первыхъ присягнулъ младенцу-императору и регенту Бирону и пользовался за все короткое время регентства послѣдняго его дружбой и даже въ роковой день 8-го ноября отобѣдалъ у него, и въ ту же ночь, предводя преображенскими гренадерами, явился къ своему амфитріону, разбудилъ и арестовалъ его, отвезя въ каретѣ въ Зимній дворецъ.

Какъ увѣряетъ преданіе, когда Минихъ обѣдалъ у Бирона, то послѣдній былъ очень задумчивъ и безпрестанно перемѣнялъ разговоръ и вдругъ обратился къ Миниху съ вопросомъ:

Phototypie Gaillard, Berlin.

Минихъ.

— Господинъ фельдмаршалъ! Въ военныхъ вашихъ походахъ, не предпринимали вы ночью чего либо важнаго?

Минихъ, не обнаруживъ смущенія, отвѣтилъ Бирону:

— Не могу припомнить, предпринималъ ли я ночью что либо чрезвычайное, но всегда держался правила пользоваться благопріятными случаями.

Они разстались въ одиннадцать часовъ вечера, а въ три часа Биронъ былъ арестованъ.

Правительница пожаловала Миниху за это 100,000 рублей, серебряный сервизъ и вартенбергское помѣстье Бирона. Но недолго фельдмаршалъ пользовался милостями и въ ночь на 25-е ноября 1741 года самъ былъ схваченъ въ постели, подвергся аресту и преданъ суду; его обвинили въ государственной измѣнѣ и въ неслыханныхъ жестокостяхъ во время предводительства войсками [151]). Минихъ со своими товарищами, по несчастью, былъ въ январѣ 1742 года выведенъ на сенатскую площадь на эшафотъ, гдѣ ему объявленъ приговоръ—четвертованіе, но на мѣсто казни въ тотъ же день былъ отправленъ съ сыномъ, внучатами и правнучатами на вѣчное житье въ Пелымь. За нимъ добровольно послѣдовали его жена и другъ его пасторъ Мартенсъ.

Миниху было назначено на пищу по 12 копѣекъ въ день; здѣсь, на берегахъ рѣки Тавды, построилъ онъ себѣ за̀мокъ съ четырьмя башнями на самомъ берегу и обнесъ его крѣпостною стѣною. По словамъ старожиловъ, Минихъ рѣдко выходилъ изъ него, онъ не любилъ общества и былъ очень задумчивъ—иногда только онъ приходилъ на рѣку и ловилъ удочкою рыбу, затѣмъ съ крестьянами косилъ траву, разводилъ молодые кедры, обработывалъ самъ свой огородъ, а по вечерамъ писалъ и чертилъ фортификаціонные планы, училъ дѣтей грамотѣ и состоящую при немъ команду военной экзерциціи и два раза въ день слушалъ со всѣми служителями молитвы, которыя читалъ пасторъ; по смерти послѣдняго, Минихъ самъ занялъ его мѣсто.

По разсказамъ пелымцевъ, онъ щедро платилъ крестьянамъ за ихъ работы и ласково обходился съ ними. Пелымцы долго вспоминали о немъ съ любовью. «Говорятъ, что онъ прежде былъ строгъ, а мы видѣли только одну доброту его», говорили они.

Вотъ одинъ случай доброты графа, разсказанный въ запискахъ Найденова [152]). Одинъ молодой крестьянинъ полюбилъ вогулянку и желалъ на ней жениться, но родные и слышать не хотѣли отдать ее за него безъ выкупа или калыма. Крестьянинъ

увидѣлъ однажды Миниха, прогуливавшагося вмѣстѣ съ дѣтьми и женою своею, остановилъ его на дорогѣ, бросился ему въ ноги и просилъ его о помощи. Минихъ, разспросивъ его обо всемъ, призвалъ родныхъ вогулянки и ласково сказалъ имъ:

— Придите ко мнѣ за калымомъ, а я вамъ дамъ зятя; купите себѣ счастье на деньги, если нельзя имѣть его даромъ.

И на другой день они получили калымъ.

Черезъ годъ графу съ женою воеводы Путилова привелось крестить у осчастливленной имъ четы; взявъ младенца на руки, онъ сказалъ:

— Дай Богъ, чтобъ крестникъ мой самъ крестилъ другихъ.

Минихъ самъ заботился объ обученіи своего воспріемника грамотѣ и сынъ его впослѣдствіи былъ причетникомъ въ одной изъ церквей того округа, а доживъ до сорока лѣтъ, онъ достигъ и священническаго сана.

Минихъ прожилъ въ изгнаніи двадцать лѣтъ; императоръ Петръ III, вступивъ на престолъ, вызвалъ его изъ ссылки. Когда пришло повелѣніе объ освобожденіи Миниха, онъ роздалъ всѣ свои пожитки крестьянамъ, потомъ объѣхалъ верхомъ вокругъ Пелыма, прощался съ жителями какъ отецъ и всѣ благословляли путь его.

По всей дорогѣ изъ Пелыма до Петербурга, мѣстныя власти спѣшили привѣтствовать его съ почестями. За двадцать верстъ до Петербурга, маститаго вождя встрѣтили его дѣти и внуки. Преданіе увѣряетъ, что фельдмаршалъ предсталъ предъ Петромъ III со своимъ семействомъ, въ одеждѣ скорбнаго изгнанника, въ нагольномъ тулупѣ и въ оленьихъ сапогахъ, сцена была полная драматизма, достойная кисти или рѣзца славнаго художника. Какъ самъ государь, такъ и всѣ придворные не могли удержаться отъ слезъ.

Глубоко благодарный своему избавителю государю, Минихъ былъ искренно преданъ Петру III и каждодневно бывалъ у него, гдѣ встрѣчался и со своимъ врагомъ Бирономъ. Мы видимъ, какъ онъ, глубоко преданный своему монарху, находился при немъ въ роковой день 28-го іюня, со свитой котораго и плавалъ до Кронштадта. По смерти Петра, Минихъ явился къ императрицѣ.

— Вы хотѣли противъ меня сражаться, фельдмаршалъ?— сказала Екатерина Миниху.

— Я отдавалъ жизнь моему избавителю, отвѣчалъ старикъ,— теперь его нѣтъ и я полагаю ее къ вашимъ стопамъ.

Екатерина оставила фельдмаршала главнымъ директоромъ каналовъ, безпрерывно переписывалась съ нимъ, допускала къ себѣ безъ докладовъ въ кабинетъ и избрала его въ главные судьи великолѣпнаго Каруселя, спустя три мѣсяца послѣ котораго онъ и скончался, 16-го октября 1766 года. Графъ Минихъ умеръ въ Петербургѣ, но похороненъ въ своемъ имѣніи близь Дерпта.

Минихъ былъ однимъ изъ самыхъ богатыхъ вельможъ царствованія Анны Іоанновны, доходы его простирались до 90,000 въ годъ; его современники говорили, что начало этихъ богатствъ положили постройки, которыя онъ дѣлалъ, затѣмъ и крымскіе походы дали ему громадныя суммы.

Про нихъ говорилъ Биронъ, что Минихъ былъ «весьма интересоватъ» и даже его супруга не пропускала случая поживиться на счетъ тѣхъ, кому нужна была протекція ея мужа. Въ царствованіе Петра Великаго, онъ въ стяжаніи богатствъ былъ остороженъ, но въ послѣдующія царствованія уже бралъ безъ мѣры. По возвращеніи изъ ссылки Миниха Петромъ III, онъ не получилъ уже своихъ имѣній обратно.

Вторымъ владѣльцемъ Знаменки (или, какъ она тогда именовалась, «приморская дача» или «приморскій дворъ» [153]), былъ графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій, извѣстный гетманъ малороссійскій и братъ фаворита императрицы Елисаветы, Алек. Григорьевича. Названіе же «Знаменки», какъ надо полагать, это имѣніе получило во время третьяго ея владѣльца Шувалова. Извѣстно, какъ дорожилъ Шуваловъ с. Знаменскимъ, лежащимъ подлѣ Москвы-рѣки,—пребываніе его въ этомъ селѣ было связано съ возвышеніемъ Ивана Ивановича.

Лѣтомъ Кириллъ Разумовскій жилъ на своей дачѣ; надо полагать, что въ 1754 году здѣсь былъ выстроенъ уже каменный домъ графомъ Растрелли. Кириллъ Разумовскій былъ самый утонченный гастрономъ своего времени: балы, обѣды и вечера его славились по всему Петербургу; онъ выписывалъ поваровъ своихъ прямо изъ Парижа; у него долго служилъ извѣстный Баріотъ, chef de cuisine маркиза де-ла-Шатарди.

Маркизъ де-ла-Шатарди, какъ мы знаемъ, былъ тоже великій знатокъ кулинарнаго искусства. Извѣстно, что онъ пріѣхалъ въ Россію съ огромною свитою: при немъ было двѣнадцать молодыхъ людей, состоявшихъ при его миссіи, секретарь посольства, шесть духовныхъ лицъ, частный секретарь и пятьдесятъ человѣкъ прислуги, между которой было пять поваровъ, подъ глав-

Кириллъ Разумовскій.

нымъ смотрѣніемъ кухмистера Баріота или Баридо (Barideau), который, какъ говорили современники, искусствомъ превосходилъ знаменитаго Дюваля, главнаго повара Фридриха Великаго. Ла-Шатарди съ собою привезъ 100,000 бутылокъ вина, изъ которыхъ было 16,800 бутылокъ шампанскаго. Ему обязано послѣднее вино, что оно стало входить въ общее употребленіе въ Россіи и во времена Екатерины II его стали пить на праздникахъ при тостахъ. До этого времени при здоровьяхъ пили венгерское вино.

Но «средь винъ, сластей и ароматъ», Кириллъ Григорьевичъ не былъ эгоистомъ. Утонченныя блюда, приготовляемыя французами поварами и вкусныя особливыя рыбки [154]) не предлагались однимъ только избраннымъ и знакомымъ пріятелямъ.

У Разумовскаго былъ всегда открытый столъ, куда могли являться званые и незваные.

Кириллъ Разумовскій, при пышномъ дворѣ Елисаветы, былъ истымъ вельможей, не столько по почестямъ и знакамъ отличія, сколько по собственному достоинству и тонкому врожденному умѣнью держать себя. Гельбигъ говоритъ: отсутствіе въ немъ геніальныхъ способностей вознаграждалось страстною любовью къ отчизнѣ, правдивостью и благотворительностью, качествами, которыми онъ обладалъ въ высшей степени и благодаря которымъ онъ заслужилъ всеобщее уваженіе.

Императрица Екатерина II говоритъ про него, что онъ былъ хорошъ собою, оригинальнаго ума, очень пріятенъ въ обращеніи; всѣ красавицы при дворѣ были отъ него безъ ума. Я не знаю другой семьи,—продолжаетъ Екатерина,—которая, будучи въ такой отмѣнной милости при дворѣ, была бы такъ всѣми любима, какъ два брата Разумовскіе.

Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій былъ часто очень задумчивъ. Существуетъ по поводу его задумчивости слудующій анекдотъ: однажды къ нему пріѣхалъ одинъ изъ его знакомыхъ, братъ котораго былъ ему долженъ.

— Вы, спросилъ графъ, — или вашъ братъ мнѣ долженъ?

— Покойный мой братъ, отвѣчалъ знакомый.

— А кто, сказалъ графъ, задумавшись, — изъ васъ умеръ, вы или вашъ братъ?

Графъ Кириллъ Разумовскій былъ женатъ на внучатной сестрѣ императрицы, Е. И. Нарышкиной, дочери флота капитана Ив. Льв. Нарышкина, отъ брака съ четвероюродною сестрою Натальею Кирилловною Нарышкиною же. По отцу Ек. Ив. была

внукою любимаго дяди Петра Великаго, боярина Льва Кирилловича, тетка ея при дворѣ Петра играла весьма важную роль и считалась чѣмъ-то въ родѣ принцессы крови.

Дядя ея, Семенъ Кирилловичъ Нарышкинъ, имѣвшій въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Знаменки дачу, какъ мы уже выше говорили, былъ первый щеголь своего времени. Онъ бѣжалъ въ царствованіе Анны Ивановны во Францію и проживалъ тамъ подъ именемъ «Тенкина». Елисавета Петровна, по восшествіи на престолъ, пожаловала его въ камергеры и назначила посланникомъ въ Англію, гдѣ онъ пробылъ только семь мѣсяцевъ. Въ запискахъ Екатерины II находимъ, что гр. Разумовскій былъ женатъ противъ своего желанія, по волѣ императрицы. Гетманъ взялъ за женою 44,000 душъ. Не смотря на свое колоссальное богатство, Разумовскій частенько нуждался въ деньгахъ; такъ, въ 1756 году, онъ просилъ у императрицы взаймы 60,000 руб. съ разсрочкою этого долга на три года и съ уплатою ежегодно по 20,000 рублей изъ 50,000 руб., получаемыхъ имъ изъ таможенныхъ доходовъ.

По словамъ Шлейцера, доходы его простирались до 600,000 рублей въ годъ. Какъ онъ самъ писалъ разъ государынѣ, — «ему даровано императрицею все, что токмо въ счастьѣ рода человѣческаго пожелать возможно». Бывши въ дѣтствѣ пастухомъ въ родномъ селѣ, не надменный Разумовскій сберегалъ вещи на память своего ничтожества и показывалъ ихъ въ поученіе своимъ дѣтямъ; въ одной изъ залъ богатаго его дома, въ роскошномъ шкафу изъ розоваго дерева, хранились пастушеская свирѣль и простонародное малороссійское платье — кобенякъ, которое Разумовскій носилъ въ то время. Взятый отъ стада, онъ былъ отправленъ заграницу подъ именемъ Ивана Ивановича Обидовскаго и въ 1746 году, по возвращеніи въ Россію, былъ сдѣланъ президентомъ Академіи наукъ. Ему было тогда только девятнадцать лѣтъ отъ роду. Дѣла, впрочемъ, по Академіи наукъ вѣдалъ его заграничный менторъ, Григорій Николаевичъ Тепловъ, извѣстный воспитанникъ знаменитаго Ѳеофана Прокоповича, сынъ жены истопника въ псковскомъ архіерейскомъ домѣ, отчего и названъ онъ фамилію Теплова.

Образованіе онъ получилъ въ школѣ при Александро-Невской лаврѣ, затѣмъ долгое время учился заграницею. Въ началѣ своей карьеры онъ пристроился къ Артемію Петровичу Волынскому и во время гибели этого вельможи ловко выпутался изъ бѣды, потомъ управлялъ всѣми дѣлами Кирилла Разумовскаго.

По словамъ Гельбига, въ царствованіе императора Петра III онъ какъ-то провинился противъ этого государя. Императоръ, узнавъ о козняхъ Теплова, позвалъ его, ударилъ палкою и сказалъ:

— Ступай, я прощаю тебѣ, но исправься.

Послѣ этого онъ присталъ уже открыто къ приверженцамъ императрицы Екатерины II. Существуетъ извѣстіе, что когда императрица взошла на престолъ, Тепловъ составилъ обнародованный по этому случаю манифестъ. Теплову, какъ говоритъ Гельбигъ, Екатерина II поручила научить наслѣдника государственнымъ дѣламъ [155]).

Тепловъ принялся за это дѣло съ утонченной злобой. Вмѣсто того, чтобы преподать великому князю основательныя познанія въ государственномъ хозяйствѣ и политикѣ, онъ преподнесъ ему связки тяжебныхъ дѣлъ, разбиравшихся въ сенатѣ. Это возбудило въ цесаревичѣ отвращеніе. Онъ не хотѣлъ уже слышать о государственныхъ дѣлахъ, и такимъ образомъ цѣль была достигнута. Тепловъ умеръ въ 1779 году тайнымъ совѣтникомъ и сенаторомъ. Тепловъ много занимался музыкой и агрономіей; онъ былъ однимъ изъ умнѣйшихъ и образованнѣйшихъ людей своего времени.

Но возвращаясь къ біографіи Разумовскаго мы видимъ, что почести и несмѣтное богатство бывшаго пастуха не вскружили голову, роскошь не испортила сердце; онъ былъ щедръ, добръ, благотворителенъ, всѣмъ доступенъ, со всѣми ласковъ, полонъ остроумія, съ легкимъ оттѣнкомъ ироніи. Почти ежегодно Разумовскій объѣзжалъ свои малороссійскія имѣнія, останавливаясь по мѣсяцу въ Батуринѣ, въ своемъ гетманскомъ дворцѣ. Этотъ домъ былъ открытъ для всѣхъ званыхъ и незваныхъ; гости здѣсь жили по мѣсяцу и болѣе; каждому назначалось особое помѣщеніе, особая прислуга и предоставлялось требовать для прогулокъ какой угодно экипажъ. Гостемъ могъ быть каждый дворянинъ или чиновникъ.

За столъ Разумовскаго садилось ежедневно по пятидесяти человѣкъ; кромѣ того, подавался обѣдъ и въ комнаты, гостямъ, не желавшимъ участвовать за общимъ столомъ. За обѣдомъ игралъ домашній оркестръ, а за дессертомъ пѣли пѣвчіе. Разумовскій особенно любилъ малороссійскія пѣсни. Часто, когда пѣвчіе начинали какую-нибудь народную пѣсню, Разумовскій замѣчалъ:

— Вотъ эту пѣсню пѣвалъ я, будучи хлопцемъ.

Но за всей этой французскою роскошью, за этими валтасаровскими пиршествами, за этими золотыми кафтанами и брил-

ліантовыми башмаками, въ то старое время скрывалась вполнѣ азіатская нечистоплотность и неряшество. Императрица Екатерина II, въ своихъ запискахъ, разсказываетъ про время императрицы Елисаветы, когда въ богатыхъ домахъ, вмѣстѣ съ гайдуками, скороходами и гусарами въ великолѣпныхъ ливреяхъ, сновала безпрестанно босоногая челядь въ лохмотьяхъ.

Даже въ самой спальнѣ императрицы спалъ, на тюфячкѣ, ея бывшій лакей Чулковъ; близь спальной же великой княгини, въ небольшомъ покоѣ, во время томящаго зноя, жило 17 человѣкъ разной прислуги, которые не имѣли иного выхода, какъ черезъ комнаты Екатерины, а во время путешествія императрицы, какъ свиту, такъ и великаго князя съ княгиней, помѣщали или въ людскихъ, или въ какихъ нибудь палаткахъ; иногда въ комнатахъ Екатерины было по колѣно воды, иногда и печи въ ея спальнѣ имѣли огромныя трещины.

Вдобавокъ, при дворѣ бывалъ такой недостатокъ въ мебели, что зеркала, постели, стулья, столы и комоды перевозились изъ зимняго дворца въ лѣтній, оттуда въ Петергофъ, Царское Село и даже въ Москву; при этихъ переѣздахъ все ломалось и билось и, безъ всякой починки, ставилось въ комнатахъ. Для каждой же незначительной поправки требовалось именное приказаніе императрицы, добраться до которой было очень мудрено, или же совсѣмъ невозможно.

При дворѣ Елисаветы интриги были въ полномъ ходу. Сама государыня представляла изъ себя типъ помѣщицы старыхъ временъ: лѣнивая, прихотливая, не имѣвшая опредѣленныхъ часовъ ни для сна, ни для дѣлъ и ни для ѣды и ненавидящая всякое серьезное занятіе; то излишне фамильярная, то за бездѣлицу сердившаяся и бранившая царедворцевъ самыми неизбранными словами, вѣчно окруженная приживалками, разсказчицами, чесательницами пятокъ, она любила сплетни и въ слушаніи ихъ проводила большую часть дня.

Никогда, какъ говорятъ ея современники, не было при дворѣ наушничества, мелкихъ дрязгъ, сплетенъ и т. д. Первую роль тутъ играли женщины: Мавра Егоровна Шувалова, Анна Карловна Воронцова, Настасья Михайловна Измайлова и еще какая-то Елисавета Ивановна, которую, по словамъ Порошина [156]), графъ А. С. Строгановъ назвалъ „le ministre des affaires étrangères de ce temps là“.

Отъ женщинъ не отставали и мужчины, которые и образовали партіи, цѣлью которыхъ было какъ бы низвергнуть другъ

друга. Вражда ихъ очень забавляла Елисавету, и часто нарочно сочиненными сплетнями и пущенными въ ходъ императрицею подвигала противниковъ чуть ли не на рукопашные бои.

Подъ старость Кириллъ Разумовскій сталъ сильно хворать, пріемы и балы его болѣе не забавляли, гетманъ не выходилъ изъ своего батуринскаго дома. Смерть Екатерины II глубоко огорчила старика. Новый императоръ своими перемѣнами въ военныхъ штатахъ тоже принесъ не мало огорченій старику. Указъ Павла, по которому распускались всѣ военные чины, находившіеся при генералъ-фельдмаршалахъ, не состоявшихъ на дѣйствительной службѣ, вызвалъ крайнюю досаду фельдмаршала.

„Я бы желалъ послать къ вамъ нарочнаго курьера", —писалъ онъ въ то время изъ Батурина князю Безбородкѣ, —„но, по волѣ его величества, штатъ и ординарцы отъ меня отпущены и остаюсь я одинъ на лицо" [157]).

По этому случаю также существуетъ еще слѣдующій анекдотъ. Фельдъегерь, отправленный новымъ императоромъ къ Румянцеву, не засталъ его въ живыхъ. На возвратномъ пути онъ заѣхалъ въ Батуринъ и, увѣдомя Кирилла Разумовскаго о кончинѣ Задунайскаго, спросилъ, что прикажетъ онъ сказать о себѣ государю императору?

— Скажи, что и я умеръ, отвѣчалъ Разумовскій.

Кириллъ Разумовскій умеръ въ Батуринѣ, въ 1803 г. За смертью его огромное имѣніе было раздѣлено между шестью сыновьями. Изъ числа сыновей графа славился своею расточительностью бывшій посолъ въ Вѣнѣ, Андрей Кирилловичъ, возведенный императоромъ Александромъ I въ свѣтлѣйшаго князя.

Этотъ дипломатъ отличался необыкновенными странностями; онъ построилъ въ Вѣнѣ, черезъ Дунай, на свой собственный счетъ великолѣпный мостъ, стоившій ему громадныхъ денегъ; помимо послѣдняго, онъ затратилъ свои милліоны и на другія колоссальныя постройки въ этомъ городѣ. Впрочемъ, впослѣдствіи, императоръ австрійскій облегчилъ затраты князя и внесъ часть своихъ денегъ въ суммы долговъ, лежавшихъ на Разумовскомъ.

Колоссальные долги нашего посла въ Вѣнѣ вынудили императора Александра дать Разумовскому въ долгъ 450,000 руб. безъ процентовъ на пять лѣтъ, подъ залогъ его черниговскаго имѣнія, состоявшаго изъ 8,740 душъ. Но неисправный должникъ

не оправдалъ довѣрія и не скоро долгъ былъ уплаченъ. Родъ Разумовскихъ пресѣкся въ Россіи.

Значительная часть имѣнія Разумовскихъ перешла въ фамилію князей Репниныхъ-Волконскихъ и графовъ Уваровыхъ, получившихъ богатства Разумовскихъ отъ женъ своихъ, дочерей графа Алексѣя Григорьевича. Затѣмъ существуетъ родъ еще графовъ Разумовскихъ въ Австріи; послѣдній происходитъ отъ сыновей графа Григорія Кирилловича, женившагося тамъ при первой своей женѣ. Этотъ бракъ былъ признанъ законнымъ только въ Австріи, и тамошніе Разумовскіе владѣютъ въ Богеміи огромнымъ имѣніемъ Радулецъ, купленнымъ ихъ отцомъ на деньги, переведенныя изъ Россіи въ Австрію.

Третій историческій владѣлецъ „Знаменки" былъ графъ П. И. Шуваловъ, извѣстный гордый временщикъ двора Елисаветы Петровны, сынъ выборгскаго коменданта Ивана Максимовича, одного изъ „птенцовъ Петра Великаго".

Графъ П. И. Шуваловъ возвысился при дворѣ Елисаветы вліяніемъ жены своей Мавры Егоровны, рожденной Шепелевой, женщины недюжиннаго характера, выросшей вмѣстѣ съ дочерьми Петра Великаго. Умная и ловкая „Мавруша" ѣздила вмѣстѣ съ царевной Анной Петровной въ Голштинію. По смерти послѣдней, она возвратилась въ Россію, вмѣстѣ съ тѣломъ царевны.

Впослѣдствіи любимица императрицы Елисаветы, она отличалась тѣми же вкусами, какъ императрица: любила пѣніе, игры, стихотворство и сочинила комедію, гдѣ главное лицо была Елисавета подъ именемъ Лавра, притомъ отличалась большою набожностью. Мавра Егоровна вышла замужъ за Шувалова въ царствованіе Анны, когда Шуваловъ былъ еще камеръ-юнкеромъ цесаревны.

Когда Елисавета Петровна вступила на престолъ, то Шувалова была возведена въ достоинство штатсъ-дамы. По словамъ современниковъ, она склоняла императрицу на гнѣвъ и милость когда хотѣла; помогала мужу во всѣхъ его честолюбивыхъ замыслахъ и доставляла, какъ тогда увѣряли, чины и награды за деньги.

Судя по разсказамъ, нравомъ она была сурова и строптива, и когда на кого гнѣвалась, тотчасъ же снимала съ ноги башмакъ и отшлепывала по щекамъ, и если битый или битая не просили у ней прощенія, то она возобновляла еще побои.

Графъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ быстро возвысился при дворѣ Елисаветы, въ какія нибудь семь лѣтъ онъ дошелъ до званія сенатора и чина генералъ-адъютанта, получилъ въ Лифляндіи значительныя деревни и былъ удостоенъ графскаго достоинства. Быстрымъ своимъ возвышеніемъ онъ обязанъ еще слѣдующему случаю, о которомъ упоминаетъ Бантышъ-Каменскій въ своей книгѣ „Біографія генералиссимусовъ и генералъ-фельдмаршаловъ“.

Въ числѣ новыхъ любимцевъ счастья при дворѣ находился Никита Аѳанасьевичъ Бекетовъ, молодой человѣкъ, красивой наружности, который, по выпускѣ изъ кадетскаго корпуса, въ одинъ годъ былъ произведенъ съ Шуваловымъ въ полковники поступилъ въ адъютанты къ графу Алексѣю Кирилловичу Разумовскому. Шуваловъ смотрѣлъ на него съ завистью и опасался, чтобы онъ современемъ не взялъ перевѣса передъ его братомъ.

Этотъ царедворецъ пустилъ грязную сплетню про Бекетова [158]). Но, какъ видно, этого для П. И. Шувалова было недостаточно: онъ посовѣтовалъ Бекетову, имѣвшему чрезвычайную бѣлизну лица, для всегдашняго сохраненія такой бѣлизны, особенное притираніе. Довѣрчивый Бекетовъ поспѣшилъ имъ воспользоваться и лицо его покрылось угрями и сыпью. Графиня Мавра Егоровна не медля обратила на это вниманіе государыни и присовѣтовала удалить Бекетова, какъ человѣка «зазорнаго поведенія». Бекетову былъ запрещенъ въѣздъ ко двору, несчастный заболѣлъ горячкою, отъ которой чуть не умеръ, въ бреду онъ безпрестанно говорилъ объ императрицѣ. Впослѣдствіи Бекетовъ служилъ въ арміи, во время прусской войны былъ взятъ въ плѣнъ въ Цорндорфской битвѣ, пожалованъ генералъ-маіоромъ и при Екатеринѣ II былъ астраханскимъ губернаторомъ.

Онъ основалъ Сарептскую колонію, построилъ Енотаевскую крѣпость для защиты отъ набѣговъ киргизъ, затѣмъ Бекетовъ старался о разведеніи виноградныхъ лозъ и шелководства на югѣ и улучшилъ рыбные промыслы.

Во время пребыванія двора въ Москвѣ, Шуваловъ неоднократно получалъ удары батожьемъ отъ любимца императрицы графа А. Г. Разумовскаго. Впрочемъ, эти удары не мѣшали ему возвышаться и, какъ разсказываетъ Екатерина II (Mémoires, pag. 307), Шуваловъ былъ въ то время оракуломъ двора и пользовался въ значительной степени довѣріемъ государыни. Г. Р. Державинъ въ своихъ запискахъ называетъ его человѣкомъ

«весьма замысловатымъ, но жаднымъ къ интересу» и прибавляетъ, что онъ захватилъ въ свои руки содержаніе разныхъ откуповъ, какъ-то: внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ, лѣсного торга, тюленьяго жира и особенно вина. Бантышъ-Каменскій говоритъ, что онъ исходатайствовалъ себѣ лучшіе казенные желѣзные заводы, Гороблагодатскіе [159]); по словамъ историка князя Щербатова, послѣдніе приносили ему ежегодно 200,000 руб., настоялъ на снятіи внутреннихъ пошлинъ для собственной пользы, чтобы освободить отъ нихъ свое желѣзо; получилъ въ благодарность бриллiантовые знаки Св. Андрея Первозваннаго; убѣдилъ откупщиковъ возвысить цѣну, платимую ими въ казну за питейную продажу и, доставивъ имъ выгоднѣйшія противъ прежнихъ привилегіи, самъ принялъ участіе въ подрядахъ, поставлялъ въ большомъ количествѣ вино въ Петербургъ, за которое безъ всякой браковки получалъ впередъ деньги.

Бывъ директоромъ вновь дѣлаемыхъ мѣдныхъ денегъ, онъ раздавалъ за малые проценты нѣсколько милліоновъ рублей многимъ купцамъ и дворянамъ. Каменскій говоритъ, что П. И. Шуваловъ, въ 1756 году, привезъ скрытнымъ образомъ несчастнаго Іоанна Антоновича въ домъ Ивана Ивановича Шувалова для удовлетворенія любопытства императрицы Елисаветы Петровны. При всѣхъ своихъ слабостяхъ, Шуваловъ оказалъ важную услугу отечеству улучшеніемъ артиллеріи нашей во время войнъ въ Пруссіи.

Его воспѣлъ Ломоносовъ въ слѣдующихъ строфахъ:

Намъ слава, страхъ врагамъ въ полкахъ твои огни;
Какъ прежде, такъ и впредь: пали, рази, гони.

Далѣе говоритъ Ломоносовъ:

Съ Елисаветой—Богъ и храбрость генераловъ,
Россійска грудь—твои орудія Шуваловъ!

Петръ III произвелъ Шувалова въ генералъ-фельдмаршалы, но уже онъ тогда былъ безнадежно боленъ. По полученіи этой награды, Шуваловъ приказалъ себя перенесть на парадной постели изъ своего дома къ преданному ему генералъ-прокурору Ал. Ив. Глѣбову, который жилъ близь дворца; друзья и поклонники провожали честолюбца въ этомъ церемоніальномъ шествіи. Государь, присылавшій къ Шувалову прежде Глѣбова для совѣщаній по государственнымъ дѣламъ, съ этихъ поръ самъ сталъ посѣщать Шувалова. Но недолго это продолжалось, Шуваловъ похворалъ недолго и умеръ 4-го января 1762 года; родился Шуваловъ въ 1711 году.

Графъ П. И. Шуваловъ жилъ чрезвычайно богато, онъ первый изъ русскихъ вельможъ устроилъ у себя ананасовую теплицу [160]) и первый завелъ цугъ чистокровныхъ англійскихъ лошадей, въ то время очень высокихъ въ цѣнѣ.

По словамъ Щербатова, графъ Шуваловъ одѣвался пышнѣе всѣхъ своихъ современниковъ, брилліантовые его уборы далеко превосходили въ цѣнѣ наряды Кирилла Разумовскаго. Князь Щербатовъ и Даниловъ говорятъ, что Шуваловъ, кромѣ жалованья, имѣлъ ежегодно дохода болѣе 400,000 рублей, но и этой, въ ту пору большой суммы, нехватало на его роскошь и онъ умеръ, оставя казеннаго долгу болѣе одного милліона рублей.

Датскій дворъ дѣлалъ Шуваловымъ большіе подарки. Петръ III тоже не мало награждалъ Шуваловыхъ и разъ пожаловалъ одну вотчину и 4,000 душъ крестьянъ. П. И. Шуваловъ извѣстенъ еще тѣмъ, что онъ вводилъ во всеобщее употребленіе эльтонскую соль. Въ дневникѣ Храповицкаго находимъ, что послѣдняя была «народомъ нелюбима и ненавидима», но чтобы дать ей ходъ, графъ Шуваловъ сталъ уничтожать многія другія варницы.

Сынъ Петра Ивановича Шувалова, графъ Андрей Шуваловъ, блестящій царедворецъ двора Екатерины II, извѣстенъ какъ другъ Вольтера и Лагарпа, ученикъ извѣстнаго петербургскаго академика Пьера Ле-Гоа, былъ извѣстный французскій стихотворецъ. Критики того времени о стихахъ Шувалова отзывались, что трудно вѣрить, чтобы стихотворенія его вышли изъ-подъ пера иностранца, такъ они хорошо написаны; Шуваловъ перевелъ на французскій языкъ «Вечернее размышленіе о Божьемъ величествѣ» и «Письмо о пользѣ стекла» — Ломоносова [161]); затѣмъ также онъ написалъ оду на смерть Ломоносова; въ числѣ враговъ послѣдняго онъ упомянулъ о Сумароковѣ, назвавъ его...

«Copiste insensé des défauts de Racine,
De l'Homère du Nord hait muse divine».

Сумароковъ ему отомстилъ эпиграммою [162]), въ которой изобразилъ его съумасшедшимъ, недостойнымъ отвѣта, а оду его онъ называетъ чепухою, полною противорѣчій, невѣжества, преувеличеній и глупостей.

Андрей Шуваловъ въ числѣ талантовъ обладалъ и драматическимъ. Англійскій посолъ Бокингамъ въ своихъ донесеніяхъ ко двору упоминаетъ объ одномъ спектаклѣ, данномъ при дворѣ; играли комедію Мольера и трагедію «Семиру» —Сумарокова, въ

которой главная роль была играна прекрасно Шуваловымъ. Затѣмъ еще находимъ, что на театрѣ Вольтера, на берегу Женевскаго озера, разыграна русскими «Меропа», въ которой Шуваловъ исполнялъ также главную роль Эгиста. Князь П. Вяземскій говоритъ про Андрея Шувалова: «Извѣстно, что императрица Екатерина очень умно и своеобразно писала и по-французски и по-русски; равно извѣстно, что она писала очень неправильно на томъ и другомъ языкѣ. Храповицкій часто обмывалъ ея русское черное бѣлье или черновую бумагу. Графъ Шуваловъ былъ такой же прачкой по части французскаго бѣлья, по крайней мѣрѣ, одною изъ прачекъ. Между прочимъ, исправлялъ онъ грамматически письма императрицы къ Вольтеру. Даже когда онъ бывалъ въ отсутствіи, напримѣръ, въ Парижѣ, получалъ онъ черновую отъ Екатерины, очищалъ ошибки, переписывалъ исправленное и отправлялъ въ Петербургъ, гдѣ императрица, въ свою очередь, переписывала письмо и, такимъ образомъ, въ третьемъ изданіи, посылала его въ Ферней. Это разсказывалъ графъ Сперанскій, который одно время занимался дѣлами по имѣніямъ этого графа Шувалова.

Шуваловъ былъ женатъ на Салтыковой; про жену его говорили, что «очень вѣжлива, очень болѣзненна и очень скучна». Впрочемъ, отзывы графа Сегюра противорѣчатъ этимъ разсказамъ. Такъ, послѣдній повѣствуетъ, что нельзя было покинуть безъ сожалѣнія умныя бесѣды графини Шуваловой. Самъ графъ Андрей Шуваловъ, по словамъ современниковъ, былъ очень некрасивъ собою и мало любезенъ, хотя и слылъ за bel esprit.

Д. Ѳ. Кобеко говоритъ, что съ именемъ графа Шувалова связывается учрежденіе въ Россіи ассигнацій, возымѣвшее великую важность во всемъ послѣдующемъ развитіи русской жизни. Первый основатель кредитной системы въ Россіи и сочинитель легкихъ французскихъ стиховъ былъ назначенъ директоромъ банка. 31-го декабря 1768 года Шуваловъ былъ сенаторомъ по межевой экспедиціи и главнымъ надзирателемъ шпалерной мануфактуры.

Андрей Шуваловъ владѣлъ огромными богатствами. Вольтеръ, разсказывая про представленіе Меропы на своемъ театрѣ маріонетокъ, говоритъ, что такого блестящаго спектакля не бывало и въ Парижѣ. Для этого представленія жена Андрея Шувалова передала г-жѣ Дени на 200,000 экю бриллiантовъ и почти столько же маркизѣ Флоріанъ для роли баронессы въ «Нанинѣ».

Карновичъ пишетъ, что впослѣдствіи богатства рода графовъ Шуваловыхъ значительно еще увеличились переходомъ состоянія Строгановыхъ вслѣдствіе женитьбы графа П. А. Шувалова на княгинѣ В. П. Шаховской, мать которой была изъ рода Строгановыхъ, и имѣла только одну дочь, вышедшую послѣ смерти своего мужа, за французскаго графа Адольфа Полье, а овдовѣвъ, вступила въ третій бракъ съ бывшимъ въ Петербургѣ неаполитанскимъ посланникомъ княземъ Бутера ди-Радали.

Извѣстный просвѣщенный меценатъ и основатель Московскаго университета, Ив. Ив. Шуваловъ, былъ двоюродный братъ графа П. И. Шувалова; Ив. Ив. Шуваловъ умеръ, не оставивъ потомства.

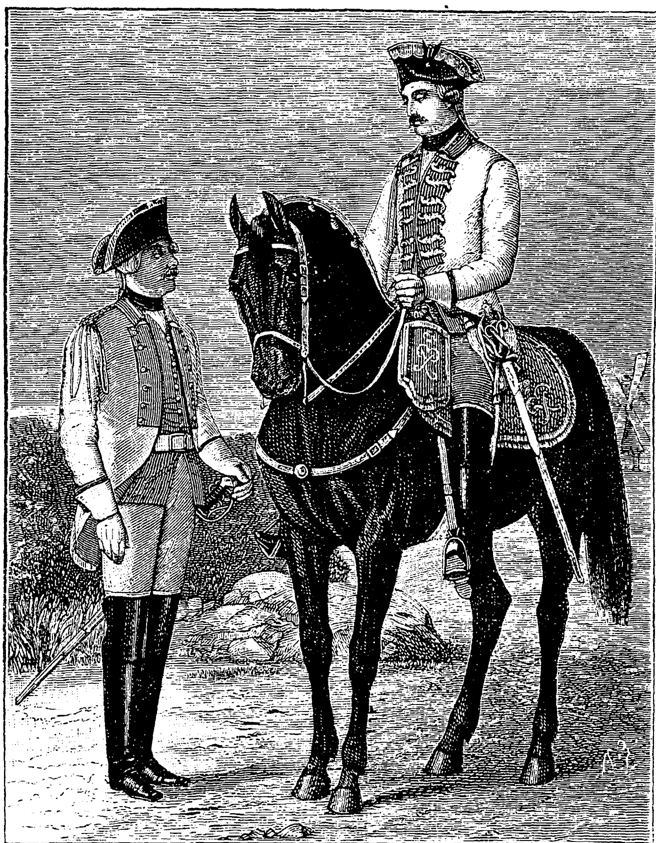
Графъ Петръ Ив. Шуваловъ за нѣсколько дней передъ смертью продалъ свой приморскій дворъ генералу Мельгунову, причемъ купчая была совершена безъ пошлинъ. Такимъ образомъ, четвертымъ историческимъ владѣльцемъ «Знаменки» былъ извѣстный ярославскій намѣстникъ.

А. П. Мельгуновъ былъ одинъ изъ замѣчательныхъ дѣятелей вѣка Екатерины II, намѣстникъ сперва Костромской, потомъ Ярославской и Вологодской, а затѣмъ Архангельской губерній. Алексѣй Петровичъ Мельгуновъ родился 9-го февраля 1722 года, воспитывался въ сухопутномъ шляхетномъ корпусѣ, откуда вынесъ основательное знаніе нѣмецкаго языка.

Благодаря послѣднему обстоятельству, онъ сблизился съ наслѣдникомъ престола Петромъ III, который и взялъ его къ себѣ въ адъютанты. Вѣрнѣе же, сближеніе его съ Петромъ III произошло, какъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ Екатерина II, вотъ по какому случаю: весною 1756 года, дабы отвлечь великаго князя отъ голштинскихъ войскъ, которыми онъ безпрестанно занимался въ Ораніенбаумѣ, Шуваловы присовѣтовали императрицѣ Елисаветѣ поручить ему директорство въ Сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ; а подъ нимъ начальникомъ корпуса опредѣлили Мельгунова, который, такимъ образомъ, имѣлъ поводъ часто бывать съ великимъ княземъ. Корпусные кадеты съ Мельгуновымъ являлись въ Ораніенбаумѣ давать театральныя представленія и партія Шувалова обезпечила себѣ вліяніе на великаго князя. Мельгуновъ былъ другомъ Ив. Ив. Шувалова еще когда былъ камеръ-пажомъ, не смотря на то, что послѣдній былъ пятью годами его моложе. Про эту пріязнь императрица Екатерина II выражается такъ: «intime ami et confident». Вѣрнѣе всего ихъ сблизила общая склонность къ

наукамъ, искусствамъ и т. д. Этой склонности оба оставались вѣрны до конца своей жизни.

А. П. Мельгуновъ первымъ бракомъ сочетался на какой-то нѣмкѣ, любимой дворцовой дѣвушкѣ императрицы Елисаветы. П. Бартеневъ, въ примѣчаніяхъ на статью Л. Трефолева «А. П. Мельгуновъ», говоритъ, что знаніе нѣмецкаго языка и возмож-

Солдаты временъ Петра III.

ность черезъ Мельгунова и Шувалова доставать деньги, могли тоже много значить въ то время для карьеры Мельгунова.

Сдѣлавшись адъютантомъ великаго князя, онъ вскорѣ получилъ въ команду пѣхотный Ингерманландскій полкъ, причемъ онъ также носилъ почетное званіе полковника кадетскаго корпуса. Императоръ Петръ III особенно благоволилъ къ Мельгу-

нову; вскорѣ по вступленіи на престолъ, онъ пожаловалъ ему тысячу душъ крестьянъ, Анненскую и Александра Невскаго ленту и чинъ генералъ-поручика.

Изъ дневника Штелина мы видимъ, какъ онъ былъ признательнымъ къ своему монарху, и въ роковые, послѣдніе дни царствованія Петра III, не отходилъ отъ него. Позднѣе императрица Екатерина II высоко цѣнила умъ Мельгунова и говорила, что бывшій ея недоброхотъ «человѣкъ очень и очень полезный государству», и гнѣвъ свой, по вступленіи на престолъ, положила вскорѣ на милость, отправивъ его въ званіи губернатора управлять Новороссійскимъ краемъ, откуда онъ былъ вскорѣ вызванъ въ Петербургъ на должность сенатора и президента камеръ-коллегіи, и затѣмъ Мельгуновъ былъ назначенъ на важный постъ намѣстника ярославскаго, на которомъ онъ и принесъ много добра.

Во время управленія Новороссійскимъ краемъ, по его распоряженію, были разрыты древнія могилы на западномъ берегу Днѣпра, въ которыхъ были имъ найдены многія золотыя и серебряныя вещи, доставленныя имъ въ Спб. Академію наукъ. Затѣмъ, въ бытность его архангелогородскимъ намѣстникомъ, имъ были собраны остатки древнихъ зырянскихъ рукописей, отосланные имъ въ эрмитажную библіотеку; въ Холмогорахъ имъ было заведено мореходное училище. Отсюда имъ были отправлены въ Данію дѣти несчастнаго брауншвейгскаго принца Антона Ульриха, имѣвшія до этого времени здѣсь свое пребываніе.

Мельгуновъ, по словамъ современниковъ, былъ росту небольшого, бѣлокурый, имѣлъ пріятную наружность, въ обществѣ былъ очень скроменъ и молчаливъ, съ подчиненными строгъ, но справедливъ, и отличался большимъ трудолюбіемъ; въ Ярославлѣ, во время своего генералъ-губернаторства, жилъ очень пышно, часто давалъ обѣды и праздники и нерѣдко устраивалъ у себя благородные спектакли. И здѣсь же онъ основалъ первый въ Россіи областный провинціальный журналъ въ 1786 г., подъ названіемъ «Уединенный Пошехонецъ»; программа журнала была слѣдующая: «содержащее въ себѣ разныя извѣстія о достопамятныхъ происшествіяхъ, случившихся въ здѣшней странѣ издревле и нынѣ, благотворительныя и человѣколюбивыя дѣянія, оказанныя частными людьми въ общественной пользѣ, разныя духовныя, философическія, нравоучительныя историческія, до нашего отечества и до иныхъ государствъ относящіяся, также до

собственной исторіи, домоводства и до наукъ принадлежащія сочиненія».

Журналъ этотъ выходилъ двѣнадцать мѣсяцевъ, съ января кончая декабремъ. По словамъ А. Н. Неустроева [163]). «Уединенный Пошехонецъ» въ числѣ основателей имѣлъ еще трехъ лицъ: статск. совѣтн. Ник. Федоров. Уварова, коллежскаго совѣтника Алек. Ник. Хомутова и надворн. совѣтн. Н. И. Коковцева.

Изъ сотрудниковъ этого журнала былъ извѣстенъ архіепископъ ростовскій и ярославскій, Арсеній Верещагинъ. Редакторомъ же журнала надо считать секретаря Вас. Дем. Санковскаго, писавшаго въ «Пошехонцѣ» разныя стихотворенія.

По словамъ Трефолева, біографа Мельгунова, во время своего намѣстничества, занимавшаго почти весь сѣверъ Россіи, Мельгунову приходилось очень бороться съ юристами тогдашняго времени. Онъ жестоко билъ кривосудовъ по карману, взыскивая значительныя пени съ предсѣдателей судебныхъ мѣстъ.

Слишкомъ же суровые приговоры послѣднихъ Мельгуновымъ смягчались по предоставленной ему власти, или даже вовсе отмѣнялись. За нерадѣніе къ хлѣбопашеству при Мельгуновѣ крестьяне подвергались штрафу. Мельгуновъ требовалъ, чтобы исправники слѣдили за непремѣннымъ засѣвомъ полей.

— Чтобы незасѣянныхъ полей нигдѣ не оставалось! Или вы будете мнѣ отвѣчать честью!

Въ его время голодная «сельская простота» (такъ «Уединенный Пошехонецъ» называлъ мужичковъ), не благоденствовала, хотя онъ и старался, сколько было возможно, улучшить положеніе крѣпостныхъ людей, хотя онъ и преслѣдовалъ баръ, если они ужъ черезчуръ обижали «сельскую простоту». За это помощника Мельгунова обвиняли въ массонствѣ [164]).

Отъ заботъ объ удовлетвореніи главнѣйшихъ потребностей народа, Мельгунову приходилось обращаться къ интересамъ отдѣльныхъ личностей, которыя докучали ему своими жалобами, иногда чрезвычайно курьезные кляузы выводили его изъ терпѣнія [165]). Съ досадой онъ писалъ, что «злая судьба тиранитъ его самыми вздорными просителями» и онъ не зналъ, куда скрыться, «дабы избавиться отъ скучныхъ и затѣйныхъ просьбъ». Обругаетъ, напримѣръ, благородную вдовицу одинъ изъ старыхъ лейбъ-компанцевъ, обругаетъ самыми непотребными словами: «мы—ста герои, мы—ста на тронъ Елисавету посадили, а ты кто? — баба такая-сякая!» Разумѣется, благородная вдовица,

оскорбленная не вполнѣ цѣломудренными выраженіями, воспаляется гнѣвомъ, пишетъ жалобу за жалобою, судится, становится на очныя ставки со своимъ обидчикомъ и, наконецъ, при содѣйствіи Мельгунова, мирится съ нимъ. А тамъ, глядишь, новая бѣда: братецъ братца на конюшнѣ отодралъ батогами, и здѣсь судъ, очныя ставки и пр., и здѣсь дѣло кончается миромъ при благомъ посредничествѣ намѣстника.

Вотъ, теща съ зятемъ разсорилась: обѣщала за дочерью приданое, ровно 16 мужичковъ, да и спятилась, «не хочу ихъ отдавать—дочь ко мнѣ непочтительна!» Обманутый зять, офицеръ, умоляетъ Мельгунова о защитѣ, и Мельгуновъ пишетъ: «А призвать ту тещу и усовѣстить, дабы она отъ такого поступка, сопрягающагося съ собственнымъ ея стыдомъ, уклонилась и данное ею имѣніе оставила за своею дочерью». И такими мелочными дѣлами гуманный намѣстникъ былъ занятъ каждый день.

Что Мельгуновъ любилъ человѣчество, это свидѣтельствуетъ созданный имъ ярославскій сиротскій домъ и открытіе имъ въ Ярославлѣ народнаго училища. Чтобы открыть такое училище, Мельгуновъ прибѣгнулъ къ слѣдующей хитрости. Разъ, собравъ къ себѣ гостей, дворянъ, на ужинъ, онъ угостилъ ихъ до упаду дорогимъ бургонскимъ, котораго онъ ежегодно выписывалъ изъ заграницы на тысячи рублей. Угостивъ такимъ образомъ, онъ сказалъ «рѣчь, въ которой доказалъ гостямъ, что открыть училище слѣдуетъ въ знакъ чувствительнѣйшей и всеподданнѣйшей благодарности премудрой законодательницѣ за ея матернія объ общемъ благѣ попеченія, по которымъ и здѣшняя теперь страна наслаждается желаннымъ благоденствіемъ». Угощенные очень сытнымъ ужиномъ, гости единогласно рѣшили установить такое училище, гдѣ бы «юношество приличное воспитаніе и наученіе найти могло», и что каждый изъ нихъ, благородныхъ дворянъ, даетъ десятую часть своего годового дохода на основаніе училища.

Какъ уже мы говорили, Мельгуновъ любилъ вести жизнь веселую. До покупки «Приморскаго двора», Мельгуновъ владѣлъ нынѣшнимъ Елагинскимъ островомъ, гдѣ онъ часто устраивалъ пикники, воспѣтые Державинымъ [166]). Екатерина II часто посѣщала Мельгунова, для царицы у него была устроена псовая охота. Частыя увеселенія вредили его здоровью, которое становилось все хуже и хуже, и въ іюлѣ 1788 года, послѣ одиннадцатилѣтняго своего генералъ-губернаторства, онъ скончался

въ Ярославлѣ. Мельгуновъ погребенъ въ Толгскомъ монастырѣ, близъ Ярославля, рядомъ съ нимъ погребена его вторая жена, Наталья Ивановна, рожденная Салтыкова.

Посѣтившій, въ 1867 году, могилу А. П. Мельгунова, біографъ послѣдняго, Л. Трефолевъ [167]), разсказываетъ: «На просьбу мою показать могилу этого сановника, сопровождавшее меня духовное лицо выразительно улыбнулось и махнуло рукой».

— Что такое?—спрашиваю.

— Смотрѣть-то нечего.

— Какъ такъ?—удивился я.

— Да, видите ли, недавно у насъ въ церкви разрушеніе произошло, часть потолка рухнула, такъ гробъ-то Мельгуновскій и пострадалъ.

— А кости сохранились?

Спрашиваемый еще выразительнѣе замахалъ обѣими руками.

— Нѣтъ, кости не найдены. Послѣ обвала, ихъ смѣшали съ другими, и гдѣ онѣ теперь—одинъ Богъ знаетъ. Вотъ доска съ золотыми буквами, гласящая, что здѣсь погребенъ такой-то, сохранилась, а останковъ, увѣряю васъ, нѣтъ и въ поминѣ.

Бѣдный другъ Петра III! Бѣдный филантропъ и основатель масонской ложи въ Ярославлѣ!

Вся русская знать во времена Екатерины II, подражая императрицѣ, устраивала у себя парадные охоты, балы, ужины, пикники. Вельможи того времени, графы: Строгановъ, Разумовскій, Безбородко, Нарышкинъ, Мельгуновъ и др., въ особенности отличались громадными затратами и великолѣпіемъ, которое они выказывали при устройствѣ такихъ праздниковъ.

Многія изъ такихъ торжествъ на приморскихъ дачахъ нашихъ сановниковъ описаны въ современныхъ петербургскихъ газетахъ. По разсказамъ иностранцевъ, очень великолѣпны выходили ужины и балы вельможъ, гдѣ была собрана вся мундирная знать царствованія Елисаветы и Петра III; особенно красивы были костюмы первыхъ временъ. Мундиры елисаветинскихъ временъ были свѣтло-зеленаго цвѣта съ краснымъ низкимъ воротникомъ, съ красными обшлагами и съ краснымъ же стамеднымъ подбоемъ, самыя мелкія дутыя пуговицы, ботфорты, наколѣнники, кривыя, вверхъ торчащія, шпоры, шпага, въ родѣ тесака, съ золотымъ темлякомъ, тесменныя золотыя эполеты, очень узенькія, треугольная низенькая шляпа, съ острымъ носкомъ и бѣлою большою кокардою, камзолъ и нижнее платье—красное.

Мундиры временъ Петра III мало чѣмъ разнились отъ мундировъ императрицы Елисаветы, развѣ тѣмъ только, что воротники ихъ были ниже и прямѣе первыхъ.

Дамы въ то время не одѣвались, какъ теперь, съ утонченнымъ вкусомъ, встарину пышность въ нарядахъ замѣняла вкусъ и въ каждой бездѣлкѣ виднѣлось тяжелое великолѣпіе. Нарядъ женщины былъ стянутъ узкимъ костянымъ кирасомъ, исчезающимъ въ огромномъ фишбейнѣ, башмаки были на каблукахъ въ полтора вершка вышины.

Платье или роба дѣлались большею частію изъ одной съ корсетомъ матеріи, съ длинными шлейфами, парчевыя или штофныя, шитыя золотомъ, серебромъ, а иногда унизанныя жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями и обложенныя богатыми кружевами. Головной уборъ также былъ очень различенъ, и мода каждый годъ мѣняла прическу, то повышала, то понижала послѣднюю. Волосы покрывались густо пудрою и переплетали ихъ брилліантами и жемчугомъ.

Но гдѣ наряды и костюмы нашей знати были верхомъ всякаго великолѣпія, то это на торжественныхъ каруселяхъ. Такихъ каруселей за все время у насъ на Руси было не болѣе семи, самая послѣдняя была въ 1811 году, 20-го іюня, въ Москвѣ.

Пятымъ владѣльцемъ Знаменки былъ Нарышкинъ; отъ послѣдняго эту дачу купилъ сенаторъ Екатерининскаго времени, П. В. Мятлевъ (см. выше, дача Мятлевыхъ). Позднѣе, въ тридцатыхъ годахъ, Знаменка куплена императоромъ Николаемъ I у жены сенатора П. П. Мятлевой для императрицы Александры Ѳеодоровны; вмѣстѣ съ Знаменкой была куплена близь лежащая мыза «Крейтъ»; впослѣдствіи императрица всѣ эти мызы подарила его императорскому высочеству великому князю Николаю Николаевичу Старшему. Знаменская мыза въ настоящее время замѣчательна своимъ образцовымъ хозяйствомъ. Его высочество, какъ заботливый хозяинъ и любитель, самъ лично слѣдитъ за успѣхомъ своихъ сельско-хозяйственныхъ работъ. Особенно роскошны въ Знаменкѣ оранжереи, собраніемъ рѣдкихъ гигантскихъ пальмъ и другихъ экзотическихъ растеній.

Отъ Знаменки, не доѣзжая до Петергофа, гдѣ теперь сады «Александріи», нѣкогда лежали земли князей Долгорукихъ; по плану старыхъ временъ, при ихъ усадьбѣ были три мѣста пустыхъ; одно изъ этихъ мѣстъ принадлежало представителю старшей линіи князей Долгорукихъ, князю Василію Лукичу, человѣку весьма образованному и умному.

По словамъ Дюка-де-Лиріа, онъ прекрасно говорилъ на многихъ иностранныхъ языкахъ; послѣднее неудивительно — князь тридцать лѣтъ прожилъ въ Парижѣ, среди утонченнаго французскаго двора въ Версалѣ, при Людовикѣ XIV. Голштинскій посланникъ, Басевичъ, говоритъ про него, что онъ былъ человѣкъ «le plus poli et le plus aimable des Russes de son temps». Д. Корсаковъ [168]), упоминая о служебной карьерѣ этого государственнаго человѣка восемнадцатаго столѣтія, говоритъ, что онъ считалъ свою фамилію самою аристократическою въ Россіи и связывалъ съ ея преобладаніемъ мысль о благоденствіи страны. Опытный и искусный дипломатъ, онъ никогда не шелъ къ своей цѣли прямою дорогою и не затруднялся въ выборѣ средствъ для ея достиженія.

Въ его нравственныхъ воззрѣніяхъ вообще много іезуитизма, въ образѣ дѣйствій коварства и лукавства. Конфидентъ Меншикова, онъ старался объ избраніи его въ герцоги курляндскіе.

Позднѣе, Долгоруковъ пріобрѣлъ расположеніе вдовствующей Курляндской герцогини Анны Іоанновны и былъ опаснымъ соперникомъ ея камеръ-юнкера Бирона, только что начинавшаго тогда входить въ силу. Это-то впослѣдствіи и погубило Долгорукова. Когда онъ властвовалъ въ Митавѣ, облеченный неограниченною довѣренностью Анны, такое могущество Долгорукова и возбудило вновь опасеніе Бирона, чтобы князь опять не пріобрѣлъ надъ сердцемъ государыни прежняго всемогущества. Долгорукій первый предложилъ избрать императрицу Анну на престолъ, доказывая, что послѣдній принадлежитъ ей, какъ дщери старшаго брата Петра Великаго; что сестра ея, герцогиня Мекленбургская, имѣетъ супруга, между тѣмъ какъ герцогиня Курляндская вдовствуетъ, слѣдовательно иностранный принцъ не будетъ участвовать съ нею въ управленіи государствомъ. Предложеніе Долгорукова было принято единогласно. Изготовивъ условія, ограничившія власть Анны, Долгоруковъ, вмѣстѣ съ Голицынымъ и Леонтьевымъ, отправился за ней въ Курляндію. Ѳеофанъ Прокоповичъ [169]) говоритъ: «что они, на разставленныхъ подводахъ, казалось, скорѣе летѣли, нежели ѣхали».

Князь Долгоруковъ, сопутствовавшій Аннѣ изъ Курляндіи, по пріѣздѣ въ Москву, помѣстился у самыхъ дверей ея комнатъ, и не позволялъ никому, даже родной сестрѣ государыни, Екатеринѣ Іоанновнѣ говорить съ нею наединѣ. Императрица была у него какъ бы подъ стражею. Противная партія, въ лицѣ

графа Головкина, Остермана, Трубецкаго, Черкасскаго, Салтыкова, графа Матвѣева и другихъ, дѣйствовала тайнымъ образомъ въ пользу самодержавія и явилась во дворецъ съ челобитной; Долгоруковъ просилъ отдать ее ему, обѣщая поднести государынѣ. Услыша разговоръ, императрица вышла въ залу, остановилась подъ балдахиномъ и велѣла впустить просителей.

Графъ Матвѣевъ именемъ всѣхъ сословій просилъ ее принять власть самодержавную, умолялъ избавить дворянство и народъ отъ тяжкой подчиненности членамъ верховнаго совѣта.

— Развѣ условія, подписанныя мною въ Москвѣ, — спросила съ удивленіемъ императрица,—не были основаны на волѣ народа?

Всѣ присутствовавшіе отвѣчали отрицательно.

— И такъ, ты меня обманулъ, князь Василій Лукичъ?—сказала государыня и съ этими словами разорвала актъ [170]).

Когда императрица Анна приняла самодержавіе, то въ первый же день вечеромъ на небѣ явилось сѣверное сіяніе. Весь видимый горизонтъ казался залитымъ кровью. Это явленіе произвело сильное впечатлѣніе на народъ, всѣ были объяты ужасомъ.

Лѣтописецъ царствованія Анны говоритъ: это явленіе какъ бы было предзнаменованіемъ тѣхъ потоковъ крови невинныхъ жертвъ, которыя были пролиты впослѣдствіи страшнымъ временщикомъ Бирономъ.

За двѣ недѣли до коронаціи послѣдовалъ манифестъ о преступленіяхъ князей Долгорукихъ. Василій Лукичъ между тѣмъ отправился въ свое подмосковное имѣніе, село Неклюдово; на пути нагналъ его Преображенскаго полка подпоручикъ Степанъ Медвѣдевъ съ командой, состоявшей изъ одного сержанта, одного капрала и двѣнадцати рядовыхъ. Долгорукій былъ взятъ подъ караулъ и, лишенный чиновъ и «кавалерій», ссылался на житье въ свою Пензенскую вотчину Керенскаго уѣзда, село Знаменское. Какъ гласитъ манифестъ 14-го апрѣля: «За многія его, князя Василія Долгорукова, какъ ея императорскому величеству самой, такъ и государству, безсовѣстные противные поступки, лиша всѣхъ его чиновъ и кавалеріи снявъ, послать въ дальную его деревню съ офицеромъ и командой и быть тому офицеру и солдатамъ при немъ князѣ Василіи неотлучно».

Въ это время въ Москвѣ работала усердно комиссія о преступленіяхъ Долгорукихъ, подъ предсѣдательствомъ Остермана. Биронъ, только что прибывшій въ Москву и таившій личную

Биронъ.

злобу противъ Василія Лукича, подстрекалъ противъ него своего земляка, хотя еще нерѣшительно и робко. Долгорукій въ своей деревнѣ пробылъ въ ссылкѣ около четырехъ мѣсяцевъ и затѣмъ отправленъ въ Соловецкій монастырь. Чаша бѣдствій не была еще исчерпана Долгорукимъ. Спустя нѣсколько лѣтъ, всевозможные происки были употреблены лютымъ Бирономъ для довершенія гибели всѣхъ страдальцевъ семьи Долгорукихъ. Подкупленный Бирономъ подъячій Тишинъ уже въ Сибири закричалъ: слово и дѣло, и Долгоруковы снова были арестованы, свезены въ Новгородъ, гдѣ и былъ произведенъ надъ ними неправый судъ; 8-го ноября 1739 г. совершилась казнь князьямъ: Василію Лукичу, Сергію и Ивану Григорьевичу отрублены головы, а князя Ивана Акексѣевича, брата невѣсты Петра II, сперва четвертовали, потомъ обезглавили. До этого несчастный страдалецъ, лишенный первыхъ потребностей жизни въ Березовѣ, привыкшій съ юныхъ лѣтъ къ роскоши, не испускалъ ни одного стона, ни одной мольбы, онъ только молился Богу. Когда палачъ отрубилъ ему правую руку, страдалецъ сказалъ: «благодарю тя, Господи»; по отсѣченіи лѣвой ноги, «яко сподобилъ мя еси» и по отсѣченіи лѣвой руки: «познать Тебя, Владыко!»

Послѣ новгородскихъ казней, несчастная невѣста Петра II, княжна Екатерина Алексѣевна, была заключена на Бѣлѣ-Озерѣ, въ Воскресенскомъ-Горицкомъ дѣвичьемъ монастырѣ, Новгородской губерніи, Кирилловскаго уѣзда. Горицкой монастырь былъ суровою пустынью, окруженною тогда дремучими лѣсами и, по гористому мѣстоположенію, получившею настоящее названіе «Горицъ», и не разъ служилъ мѣстомъ заключенія.

Все прошедшее этого монастыря заключается въ воспоминаніяхъ именъ страдальческихъ. Грозный сюда отправилъ сына князя Владиміра Старицкаго, и мать его постригъ и заточилъ въ немъ. Сынъ и жертва Грознаго, царевичъ Иванъ, постригъ и сослалъ сюда жену свою Прасковью Михаиловну Соловую. Въ 1606 году сюда была прислана насильно постриженная Ксенія Годунова. Въ 1820 годахъ въ этомъ монастырѣ жила еще старушка-монахиня, слыхавшая отъ самихъ очевидцевъ, какъ здѣсь содержалась послѣдняя историческая несчастная плѣнница. Жила она у выхода, на такъ называемомъ черномъ дворѣ, гдѣ были конюшни, хлѣва и коровникъ; здѣсь стоялъ небольшой деревянный домикъ съ малыми отверстіями вмѣсто оконъ; наружная дверь, окованная желѣзомъ, день и ночь была заперта внутреннимъ, да еще висячимъ замкомъ. Здѣсь содержались секретныя колодницы,

никѣмъ не видимыя, кромѣ настоятельницы и приставницъ; только развѣ которая изъ колодницъ опасно занемогала, тогда призывался для совершенія требъ монастырскій священникъ.

По преданію, когда привезли Долгорукову, то настоятельница монастыря до того испугалась, что долго не хотѣла впускать въ монастырь постороннихъ лицъ, даже въ церковь—богомольцевъ: страшно опасно было имя Долгоруковыхъ; да и боялась за небрежное смотрѣніе или, чего Боже сохрани, что нибудь похожее на снисхожденіе къ заключеннымъ колодницамъ.

Въ тѣ времена въ монастыряхъ съ колодниками не церемонились: для усмиренія ихъ или для острастки были колодки, кандалы, стулья съ цѣпями, палки, плети, шелепа, т. е. холщевые мѣшечки—набитые мокрымъ пескомъ. Были и желѣзные ножные и ручные кандалы для «смиренія». Однажды приставница за что-то хотѣла дать острастку колодницѣ Екатеринѣ Долгоруковой, замахнувшись на нее огромными четками изъ деревянныхъ бусъ; четки иногда замѣняли плетку.

— Уважь свѣтъ и во тьмѣ, я княжна, а ты холопка,—сказала Долгорукова и гордо посмотрѣла на приставницу.

Приставница смутилась и тотчасъ вышла, забывъ даже запереть тюрьму; она была, дѣйствительно, изъ крѣпостныхъ. Княжна, какъ видно, не забыла прежняго величія, несчастіе только ожесточило ее...

Другой разъ пріѣхалъ какой-то генералъ изъ Петербурга, едва ли не членъ тайной канцеляріи и даже не самъ ли глава ея — Андрей Ушаковъ, — все засуетилось и забѣгало въ монастырѣ. Генералъ велѣлъ показать тюрьму и колодницъ; показали ему и княжну Долгорукову. Княжна оказала грубость, не вставала и отвернулась отъ посѣтителя. Генералъ погрозилъ на колодницу батогами и сейчасъ же вышелъ изъ тюрьмы, строго приказавъ игуменьѣ смотрѣть за колодницею.

Въ монастырѣ не знали, какъ еще строже смотрѣть; думали, думали и надумались заколотить единственное окошечко въ чуланчикѣ, гдѣ содержалась бывшая государыня-невѣста. Съ тѣхъ поръ даже близко къ тюрьмѣ боялись подпускать кого нибудь. Двѣ дѣвочки изъ живущихъ въ монастырѣ вздумали посмотрѣть въ скважину внутренняго замка наружной двери—ихъ за это больно высѣкли.

Такъ провела княжна Долгорукова почти три года въ Горицкомъ монастырѣ. До этого времени Екатерина Долгорукова пребывала въ ссылкѣ около восьми лѣтъ, вмѣстѣ съ родными, въ городѣ Березовѣ и Томскѣ, но, по истеченіи восьми лѣтъ,

Долгорукова, вмѣстѣ съ отцомъ и родными, постигли новыя несчастья. На нихъ, какъ мы уже выше говорили, былъ сдѣланъ доносъ подъячимъ Тишинымъ, будто бы они дерзко говорили объ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ и герцогѣ Биронѣ.

Въ Березовъ былъ присланъ гвардіи капитанъ Ушаковъ. Цѣль своего прибытія онъ объяснилъ состраданіемъ императрицы къ участи изгнанниковъ и порученіемъ навѣстить ихъ [171]); на дѣлѣ оказалось, что онъ прибылъ по порученію Бирона, собрать подтвердительныя свѣдѣнія о дерзкихъ рѣчахъ Долгоруковыхъ и развѣдать о лицахъ, преданныхъ и сочувствующихъ имъ. Это вскорѣ обнаружилось: почти вслѣдъ за отъѣздомъ Ушакова, князь Иванъ Алексѣевичъ былъ разлученъ съ семействомъ и заключенъ въ особое помѣщеніе со строжайшимъ запрещеніемъ всякихъ сношеній, даже съ женой и дѣтьми и съ назначеніемъ самой грубой пищи, а чрезъ три мѣсяца, въ одну осеннюю темную и дождливую ночь, секретно вызваны были на приплывшее изъ Тобольска судно и увезены въ этотъ городъ: князь Иванъ Долгорукой, маіоръ Петровъ (снисходительный къ заключеннымъ караульный), пять священниковъ, одинъ діаконъ и болѣе двадцати другихъ приверженныхъ къ Долгорукимъ жителей Березова. Въ Тобольскѣ надъ арестованными начался судъ; первымъ судьей ихъ, къ удивленію всѣхъ, оказался капитанъ Ушаковъ. Какъ наказали березовскихъ жителей—осталось неизвѣстно, только духовныя лица были высѣчены плетьми, а другіе биты кнутомъ съ вырваніемъ ноздрей и сосланы частью въ Илимскъ, частью въ Охотскъ въ работу на солеваренный заводъ, одни безъ лишенія сана, а другіе съ лишеніемъ онаго. Иванъ Долгорукій, послѣ суда въ Тобольскѣ, былъ увезенъ къ новому суду въ Россію и тамъ подъ Новгородомъ, какъ уже мы говорили, четвертованъ. Изъ братьевъ его Алексѣй посланъ въ Камчатку матросомъ, а Николай и Александръ сѣчены кнутомъ и съ урѣзаніемъ языковъ сосланы въ каторжную работу: одинъ въ Охотскъ, а другой въ Камчатку [172]). Сестры же ихъ, въ томъ числѣ и княжна Екатерина, разосланы по разнымъ дѣвичьимъ монастырямъ. Только жена Ивана Алексѣевича Долгорукаго, симпатичная Наталья Борисовна, рожденная Шереметева, драматическій сюжетъ многихъ разсказовъ и повѣстей, вмѣстѣ съ дѣтьми была оставлена въ Березовѣ, гдѣ и жила до воцаренія Елисаветы. Мѣсто новой ссылки княжны Долгоруковой, по словамъ извѣстнаго священника Вакха Гурьева, былъ Рождественскій дѣвичій монастырь въ Томскѣ [173]).

Тюрьма Долгорукаго въ Березовѣ.

Мѣсто, гдѣ стоялъ этотъ монастырь, указываютъ въ Томскѣ на возвышеніи, занимаемомъ нынѣшнею Никольскою церковью, невдалекѣ отъ мужского Алексѣевскаго монастыря и впадающей въ Томъ рѣчки Ушайки. Монастырь этотъ былъ крайне бѣдный; монахинь въ немъ было всего семь и то всѣ онѣ были стары и дряхлы и нѣкоторыя ходить изъ келій не могли. Какое имя было дано княгинѣ Долгоруковой при постриженіи—неизвѣстно и въ рапортѣ, сообщенномъ изъ сибирской канцеляріи въ Петербургъ высшему правителеству, сверхъ того не сказано, какіе давала отвѣты княжна на обычные при постриженіи вопросы объ отреченіи отъ міра, или оставалась при нихъ безмолвною, какъ это дѣлали многіе невольные постршжники и постришницы. Такъ, извѣстенъ актъ постриженія, почти въ то же время (25-го ноября 1740 года), въ Иркутскомъ дѣвичьемъ монастырѣ надъ еще несовершеннолѣтней дочерью Артемія Волынскаго. Постриженіе ея прот. Громовъ [174]) описываетъ такъ: явился въ церковь архимандритъ мужского монастыря Корнилій, за нимъ ввели въ церковь за конвоемъ юную отроковицу въ сопровожденіи Фургера и неизвѣстной пожилой, повидимому, вдовы (которые сопровождали Волынскую изъ столицы). Архимандритъ приступилъ къ обряду постриженія дѣвушки. На обычные вопросы объ отреченіи отъ міра, постригаемая осталася безмолвною; но вопросы слѣдовали по чиноположенію одинъ за другимъ. Безмолвную одѣли въ иноческую мантію, покрыли куколемъ, переименовали изъ Анны Анисіею, дали въ руки четки и обрядъ постриженія былъ оконченъ. Фургеръ вручилъ постригавшему письменное удостовѣреніе, что былъ очевидцемъ постриженія въ монашество дѣвицы Анны Волынской и тутъ же сдалъ невольную инокеню игуменьѣ, подъ строжайшій надсмотръ и на вѣчное безъисходное въ монастырѣ заключеніе.

Отъ игуменьи отобрали подписку въ томъ, что не дастъ свободы арестанткѣ «ни переписываться съ кѣмъ-либо, ни разговоровъ вести». Конечно, и постриженіе Екатерины Долгорукой происходило подобнымъ образомъ. Княжна содержалась въ одной изъ семи убогихъ келій монастыря; съ ней въ кельѣ помѣщалась старуха-надсмотрщица и нерѣдко, особенно въ ненастье и холодъ, и караульный солдатъ.

Содержаніе княжна получала скудное — монахини питались мірскимъ подаяніемъ; иногда старушки, если имъ позволяло здоровье, для сбора подаяній бродили по домамъ сами, а иногда подаянія были приносимы сострадательными жителями.

Вотъ какъ пропитывалась бывшая невѣста Петра II; надзоръ за княжной былъ строгій; по преданію, только иногда ей, для развлеченія и въ видѣ прогулки, дозволялось взойти на монастырскую колокольню, стоявшую отъ ея кельи въ саженяхъ двадцати, посмотрѣть съ нея на Томскъ. Ни днемъ, ни ночью, ни на одинъ часъ не оставляли ее одну; безъ посторонняго лица ей не дозволялось даже перемѣнить бѣлья.

Жители Томска, слыша, какъ поступаютъ въ монастырѣ съ княжною, роптали на приставниковъ ея. Сохранился разсказъ, какъ однажды будто бы явился къ ней какой-то военный чиновникъ съ требованіемъ обручальнаго кольца и какъ она будто бы геройски отказала ему въ этомъ требованіи.

— Нѣтъ,—говорила она ему, — ни за что я не отдамъ ни вамъ, ни кому другому этой моей святыни! Только тогда вы можете воспользоваться ею, когда согласитесь отрѣзать мой палецъ и отрубить мнѣ руку, а иначе всѣ ваши попытки останутся напрасны. Кольцо мое, оно дано мнѣ моимъ высокимъ женихомъ и не вамъ владѣть имъ!

Съ восшествіемъ на престолъ императрицы Елисаветы Петровны, всѣ Долгорукіе были возвращены изъ ссылки. Княжна Екатерина Алексѣевна въ 1745 году, имѣя 33 года отъ роду, вступила въ бракъ съ графомъ А. Ѳ. Брюсомъ; она скончалась вскорѣ послѣ замужества, спустя семь мѣсяцевъ. Находясь на смертномъ одрѣ, графиня или государыня-невѣста при себѣ велѣла сжечь всѣ свои платья, чтобы послѣ нея никто не могъ носить ея одежды. Это предсмертное распоряженіе, если оно справедливо, вполнѣ подтверждаетъ преданія Горицкаго монастыря о характерѣ княжны Долгоруковой.

Государыня-невѣста была, да и не могло быть иначе, вполнѣ русская женщина, боярыня того вѣка, надменная родомъ, самовластная. Княжна Долгорукая, по словамъ П. Бартенева, была вовсе не похожа на полузатворницъ XVII вѣка. Она воспитывалась въ Варшавѣ, въ домѣ дѣда своего, славнаго посла при польскомъ дворѣ, князя Г. Ѳ. Долгорукова. Преданіе сохранило память не только объ ея обольстительной красотѣ, но и объ умѣніи пользоваться ею и гордости, съ которою она себя держала. Это нѣчто въ родѣ Марины Мнишекъ. Она дѣйствуетъ изъ побужденій честолюбія. Недавніе примѣры царевны Софіи и еще болѣе императрицы Екатерины I, конечно, у нея были въ памяти. Она любитъ другого, но соглашается на блистательную роль, предложенную ей ея родственниками. Семнадцати лѣтъ

она—невѣста императора, имя «ея высочества государыни невѣсты» уже возносится въ церквахъ. И вдругъ, въ тотъ самый день, когда назначена свадьба, женихъ-императоръ умираетъ и вслѣдъ затѣмъ ссылка, казни родныхъ, тѣсная монастырская жизнь.

Даже и послѣ прощенія жестокая судьба ее преслѣдуетъ и не даетъ ей долго пожить въ счастьи. Послѣ своего замужества она была въ Новгородѣ и тамъ, въ Рождественскомъ монастырѣ, что на поляхъ, «на убогихъ домахъ», зарыты были тѣла казненныхъ въ 1739 году, брата и дядей ея. Екатерина Алексѣевна заложила на могилѣ ихъ церковь во имя св. Николая Чудотворца, которую, однако же, построилъ, много лѣтъ спустя, сынъ казненнаго и погребеннаго здѣсь Ивана Алексѣевича, Михаилъ Ивановичъ, отецъ поэта князя Ив. Мих. Долгорукова, автора книги «Бытіе сердца моего». Княжна Долгорукая не забыла горицкихъ отшельницъ и повременамъ приходили отъ нея вклады деньгами и разными вещами. Такъ, въ 1744 году, княгиня подарила Горицкому монастырю въ числѣ прочихъ вещей книгу «Прологъ», содержащую житіе святыхъ, и подписала собственноручно по листамъ [175]): «Лѣто 744-е, марта 10-й день, сію книгу «Прологъ» дала въ даръ въ обитель, въ память своего пребыванія. Княжна Ек. Ал. Долгорукая». Неизвѣстно мѣсто погребенія бывшей невѣсты Петра II. Родовымъ кладбищемъ князей Долгорукихъ было—не Александро-Невская лавра, какъ нѣкоторые предполагаютъ, но есть основаніе думать, что княжна погребена у церкви Андрея Первозваннаго, гдѣ погребенъ былъ и князь Яковъ Ѳедоровичъ.

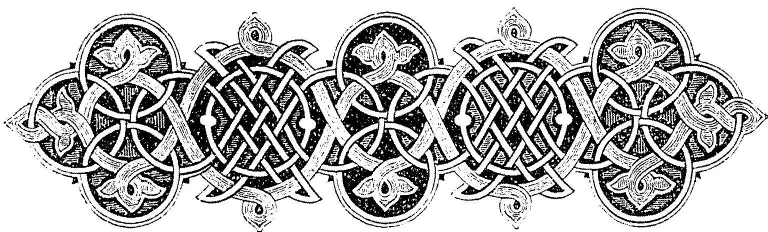
Въ энциклопедическомъ лексиконѣ, т. XVII, стр. 87, говорится: «мѣсто, гдѣ погребено тѣло князя, доселѣ еще видно въ оградѣ церкви св. Андрея Первозваннаго на Васильевскомъ островѣ». Какъ жаль, что тутъ не указанъ источникъ, откуда заимствовано это драгоцѣнное свѣдѣніе, весьма вѣроятное, такъ какъ Долгоруковъ жилъ на Васильевскомъ островѣ, въ Первой линіи, близь церкви св. Екатерины; домъ этотъ впослѣдствіи принадлежалъ купцу Губкину, теперь на мѣстѣ его возвышается большой трехэтажный каменный домъ, въ которомъ нѣкогда былъ коммерческій пансіонъ.

Несомнѣнно, что кругомъ храма Андрея Первозваннаго было нѣкогда кладбище. Лѣтъ двадцать тому назадъ, еще виднѣлись кой-гдѣ въ оградѣ могильныя плиты; въ 1835 году, когда передъ самымъ алтаремъ старой церкви рыли канавку для стока

воды, то находили человѣческія кости и гробы; затѣмъ подъ всею церковью есть подземелье, въ которомъ подъ самымъ алтаремъ устроено мѣсто какъ бы для алтаря.

Послѣ наводненія 1824 года все это подземелье было залито водою и вода здѣсь долго стояла на $1^1/_4$ аршина. Во избѣжаніе подобнаго половодья на будущее время духовенство распорядилось подполье засыпать и бывшій входъ въ него закрыть глухимъ сводомъ. На западной стѣнѣ церкви имѣется вдѣланная въ стѣну плита, на которой написано по-грузински, что здѣсь погребено тѣло супруги грузинскаго князя Гуки Надаровны Амилахваровой, рожденной княжны Джорджазевой, умершей 28-го марта 1745 года. Есть преданіе, будто Андреевская церковь была прежде оспенною церковью; по другимъ сказаніямъ, вначалѣ этотъ храмъ былъ нѣмецкою киркою, а позднѣе превращенъ въ православную церковь. Послѣднее предположеніе имѣетъ нѣкоторую долю вѣроятія, если принять во вниманіе устройство хоровъ и освѣщеніе всего зданія двумя рядами оконъ, въ два свѣта. Что же касается судьбы симпатичной невѣстки Ек. Ал. Долгорукой, Натальи Борисовны, то послѣдняя съ дѣтьми изъ Березова отправилась прямо въ Петербургъ; императрица Елисавета Петровна обласкала ее, предложила мѣсто при дворѣ, часто приглашала къ себѣ на вечера, но безутѣшная вдова недолго оставалась тамъ и вскорѣ отправилась въ Кіевъ, гдѣ во Флоровскомъ дѣвичьемъ монастырѣ приняла постригъ и схиму. Скончалась эта святая женщина 3-го іюня 1771 года.

ГЛАВА XII.

Александрія—бывшее имѣніе князя Ижорскаго.— Звѣринецъ «Темпель», охота императрицы. — Любовь императрицы Анны къ животнымъ. — Нынѣшній дворецъ. — Устройство его императоромъ Николаемъ I.—Церковь, гербъ дачи Александрія.— Усадьба Стрѣшнева.—Судьба дезертировъ при Петрѣ I.—Церковь св. Александра Невскаго.—Александрійскій паркъ и его островки.—Дача Сергіевская и Собственная дача.— Исторія этой мѣстности.— Ѳеофанъ Прокоповичъ.—Происхожденіе Ѳеофана и его жизнь.—Преосвященный Ѳеодосій.—Опала.— Архіерейскіе процессы при Аннѣ.—Домашняя жизнь Ѳеофана, его хоръ музыки и хозяйство.—Кончина Ѳеофана.—Его завѣщаніе и погребеніе.— Усадьба Елисаветы.—Церковь.— «Собственная дача» при Екатеринѣ II.— Садовникъ Татеръ и его буйный нравъ.— Птицы пѣвчія.— Посѣтители царскихъ садовъ.

ГДѢ РАСКИНУЛСЯ большой Александрійскій паркъ и стоитъ царственная усадьба «Александрія», тамъ въ прошедшемъ столѣтіи, какъ мы уже говорили ниже, были „пустыя мѣста" князей Долгоруковыхъ, а ранѣе до нихъ было владѣніе ижорскаго князя А. Д. Меншикова.

Въ саду «Александріи» можно видѣть часть стѣны княжескаго дома, который, впрочемъ, не былъ достроенъ и впослѣдствіи, часть незанятой постройки разобрана была недостаточными жителями Петергофа для ихъ собственныхъ построекъ. [176])

Въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны, въ нынѣшнимъ паркѣ «Александріи» былъ устроенъ обширный звѣринецъ, занимавшій пространство до шести квадратныхъ верстъ. Близь моря, на террасѣ, тамъ была выстроена

большая бесѣдка, носившая названіе «Темпеля». Здѣсь останавливалась во время охоты государыня, вмѣстѣ съ придворными и охотниками. Императрица отсюда, изъ оконъ бесѣдки, стрѣляла звѣрей, доѣзжачіе съ собаками выгоняли звѣрей на поляну, къ окнамъ этой бесѣдки.

Вся эта большая площадка была обнесена высокимъ палисадомъ. Въ огромномъ звѣринцѣ здѣсь содержались во множествѣ: россомахи, бобры, песцы, кабаны, барсы, буйволы, американскіе олени, здѣсь были также тигры и другія рѣдкія животныя. Кругомъ звѣринца, въ чащѣ, были построены домики для охотниковъ.

Какъ увѣряетъ преданіе, однажды на охотѣ государыни, олень перескочилъ изгородь и сталъ уходить нижнимъ садомъ, императрица, преслѣдуя его на лошади, стрѣляла по немъ нѣсколько разъ и только въ монплезирскомъ саду раненый олень былъ окруженъ охотниками. Двѣ пули, ударившіяся случайно въ стѣну китайской галлереи голландскаго домика во время преслѣдованія оленя, можно видѣть и въ настоящее время [177]). Государыня особенно любила здѣсь охотиться на тетеревей, которыхъ въ то время было множество въ окрестностяхъ Петергофа. Для такой охоты на этихъ птицъ, для нея устраивали особенные теплые шалаши, кругомъ убранные сучьями ельника.

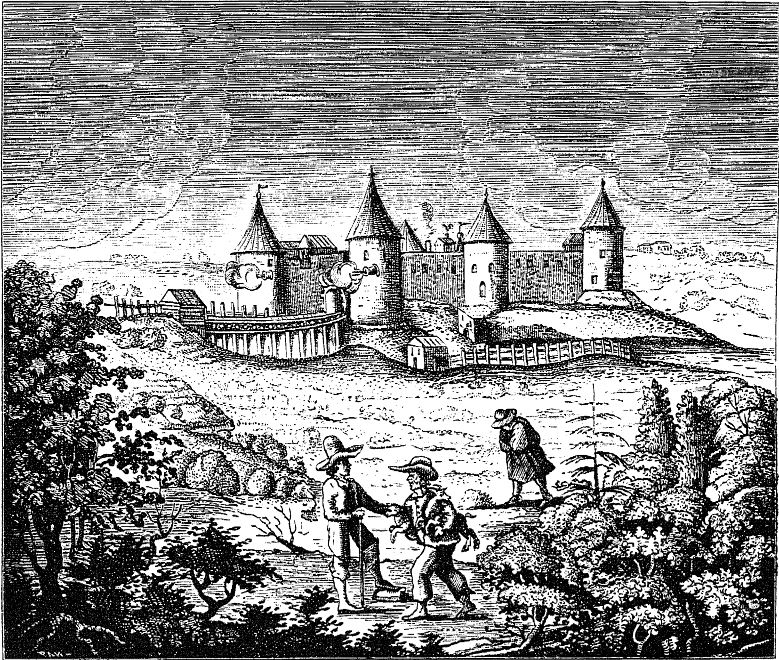
Въ этомъ звѣринцѣ содержались и птицы, «выхоженныя за дичью [178]), соколы и ястребы, и служившія предметомъ охоты, тетерева и куропатки; послѣднихъ ежегодно было въ звѣринцѣ: куропатокъ 110 паръ, тетеревей 14 паръ. При птицахъ состоялъ «птичій помытчикъ», при тетеревахъ и куропаткахъ особый смотритель, «гегеретеръ», иноземецъ Колюмбасъ. Придворная охота была въ вѣдѣніи особаго смотрителя, форштмейстера, непосредственно подчиненнаго главному начальнику царскихъ охотъ (оберъ-егермейстеру, а потомъ командующему охотами). Въ описываемое время форштмейстеромъ состоялъ Яганъ-Адамъ-Газъ, а егермейстеромъ былъ извѣстный, по своей мученической кончинѣ, Артемій Волынскій. Подъ вѣдѣніемъ форштмейстера находились «парфорсъ-егери» и звѣровщики. Въ 1736 году при охотахъ здѣсь содержались ауроксы, «зубри» (зубры), олени, кабаны, дикія козы,—яхтъ-штатомъ было положено содержать 110 животныхъ, а именно: 72 оленя, въ томъ числѣ 28 нѣмецкихъ и 44 сибирскихъ (мараловъ), 35 кабановъ, лося и 2 дикихъ козы. Былъ тамъ еще заячій звѣринецъ, къ осени послѣднихъ «за перестрѣляніемъ», по обыкно-

венію, ничего не оставалось. Покупали зайцевъ весною, въ апрѣлѣ. Такъ, изъ имѣющихся документовъ: за 33 пары послѣднихъ, одному мужику было заплачено 16 руб. 50 коп. Также бывали получки русаковъ по 600 паръ изъ Москвы. Относительно волковъ находится только одно свѣдѣніе, что въ октябрѣ 1739 года, по приказу оберъ-егермейстера Волынскаго, нѣсколько придворныхъ охотниковъ отправлены были въ Копорье, для ловли волковъ и что «для вспоможенія и кричанія» при этой ловлѣ велѣно нарядить крестьянъ дворцовыхъ копорскихъ мызъ по 20 человѣкъ въ каждый «осакъ». Число черныхъ медвѣдей, предназначенныхъ для травли, было незначительно — въ 1737 году ихъ состояло всего три. Содержались медвѣди не въ Петергофѣ, а въ Петербургѣ, въ торговыхъ мясныхъ рядахъ. Объ этомъ способѣ содержанія сохранились слѣдующія свѣдѣнія. Весною 1737 года, по распоряженію Волынскаго, отданы были отъ придворныхъ охотъ три медвѣдя на прокормленіе въ петербургскіе мясные ряды. При этомъ отъ егермейстерскихъ дѣлъ рядскимъ альтерману и старшинѣ данъ указъ, которымъ велѣно медвѣдей «въ мясныхъ рядахъ до указу содержать и кормить надлежащимъ кормомъ, безъ отговорокъ и чтобъ тѣ медвѣди заморены не были; буде же отъ недовольнаго корма заморены будутъ, то имъ, альтерману и старшинѣ, учинено будетъ наказаніе, ибо оные медвѣди приводятся для травли ко двору». Въ маѣ слѣдующаго года, по докладу Волынскаго императрицѣ о томъ, что 4 числа одинъ изъ содержавшихся въ мясныхъ рядахъ медвѣдей, сорвавшись, ушелъ и что, вслѣдствіе этого, медвѣдей слѣдуетъ перевести въ другое, безопасное мѣсто «дабы впредь людямъ какого повреждения не было», послѣдовалъ высочайшій изустный указъ „черныхъ медвѣдей всѣхъ изъ мясныхъ рядовъ вывести и содержать оныхъ за Невою рѣкою, близь слободы Охты и дворы ихъ огородить полисадникомъ, а кормомъ черныхъ медвѣдей довольствовать попрежнему отъ мясныхъ рядовъ». Царскія охоты состояли подъ охраной имяннного указа, по которому «партикулярные люди для стрѣлянія птицъ и со псовыми охотами съ борзыми и гончими, съ тенетами и съ пищальми никто не ѣздили и пѣшіе не ходили; таковыхъ ловить и приводить къ егермейстерскимъ дѣламъ».

Императрица Анна Іоанновна до страсти увлекалась стрѣльбой въ цѣль, травлей, псарями и звѣринцемъ. Эта государыня посылала нарочныхъ за тысячи верстъ за покупкой «курьезныхъ птицъ», разныхъ ученыхъ скворцовъ, бѣлыхъ павъ, мартышекъ

и т. д. «Увѣдомились мы»,—пишетъ она Салтыкову въ 1739 году, «что въ Москвѣ, на Петровскомъ кружалѣ стоитъ на окнѣ скворецъ, который такъ хорошо говоритъ, что всѣ люди, которые мимо идутъ, останавливаются и его слушаютъ, того ради имѣете вы онаго скворца купить и немедленно сюда прислать».

Особа Анны Іоанновны представляется на переходѣ между древнею и новою Россіею—она, окруженная западною роскошью на парадныхъ пріемахъ, является подъ гнетомъ драгоцѣнныхъ

Видъ Копорья.

камней въ баснословно дорогихъ робахъ, а во внутреннихъ покояхъ своихъ ходитъ повязанная платкомъ на головѣ, въ красной кофтѣ, какъ современныя намъ купчихи и мѣщанки.

Изъ разсказовъ Шестаковой [179]), видимъ какъ любила императрица различныхъ птицъ; по словамъ послѣдней, у ней въ ея лѣтнемъ саду (этотъ дворецъ находился на берегу Невы, по линіи чугунной рѣшетки Лѣтняго сада), было не мало диковинныхъ птицъ. Шестакова говоритъ: «какъ привели меня въ садъ и ходятъ тамъ двѣ птицы величиною и отъ копытъ вышиною

съ большую лошадь, копыта коровы, колѣнки лошадиныя, бедры лошадиныя, а какъ подымешь крыло, бедры голы, какъ птичье тѣло, а шея какъ у лебедя длинна, мѣръ въ семь или восемь, длиннѣе лебяжьей, головка гусиная и носокъ меньше гусинаго, а перья на ней такія, что на шляпахъ носятъ. И какъ я стала дивиться такой великой вещи и промолвила: Какъ-то ихъ зовутъ, то остановилъ меня лакей «постой». И побѣжавъ отъ меня во дворецъ и прибѣжалъ ко мнѣ возвратно, «изволила государыня сказать: эту птицу зовутъ строфокамилъ; она-де яицы тѣ несетъ, что въ церквахъ по паникадиламъ привѣшиваютъ».

Возвращаясь къ историческому прошлому Александріи, въ царствованіе императора Петра III, въ здѣшнемъ звѣринцѣ содержались только олени, буйволы и кабаны.

Императоръ Александръ I подарилъ Александрію своей августѣйшей супругѣ. Императрица Марія Ѳеодоровна, вмѣстѣ съ великими княжнами любила посѣщать здѣшній звѣринецъ. Во время такихъ посѣщеній, по звуку охотничьяго рога сбѣгались прирученные звѣри; императрица и великія княжны собственноручно кормили ихъ хлѣбомъ. Олени звѣринца до того были ручные, что во время пріѣзда императрицы они бѣгали за экипажемъ какъ собаки.

Впослѣдствіи звѣринецъ былъ перенесенъ въ англійскій садъ и на мѣсто стараго звѣринца были разбиты огороды. Императоръ Николай I, въ 1826 году, на мѣсто огородовъ повелѣлъ построить, по проекту архитектора Менеласа, лѣтній дворецъ и назвать его «Коттеджъ». Государь велѣлъ разбить здѣсь садъ, деревья же для посадки брать изъ Таврическаго сада.

Коттэджъ стоитъ на открытой возвышенной мѣстности, на 60 футовъ надъ уровнемъ моря. Отъ дворца къ морю мѣстность постепенно понижается, представляя видъ живописной долины съ озеромъ, наполняющимся постоянно проточною водою. Влѣво расположенъ цвѣточный садъ, огороженный гирляндами изъ вьющихся растеній. Въ саду нѣкогда была изящная бесѣдка изъ розъ и стояло нѣсколько мраморныхъ фигуръ. Недалеко отъ садика, въ тѣнистой аллеѣ, на пьедесталѣ, помѣщается бронзовый бюстъ императора Николая. Этотъ садикъ былъ любимымъ мѣстомъ утреннихъ прогулокъ покойной императрицы Александры Ѳеодоровны.

При императорѣ Николаѣ, коттэджъ былъ обитаемъ августѣйшимъ семействомъ. Комнаты дворца отличались простотою и изяществомъ. Въ средней части зданія была гостиная импе-

ратрицы Александры Ѳеодоровны, въ верхнемъ этажѣ, надъ гостиною, кабинетъ государя Николая Павловича, съ открытымъ балкономъ. Надъ кабинетомъ, въ мансардѣ, хранились морскія карты и сигнальныя книги для справокъ при передачѣ морскихъ и телеграфныхъ сигналовъ изъ Александріи въ Кронштадтъ. Въ верхнемъ этажѣ помѣщались великія княжны: Марія, Ольга и Александра Николаевны. Дворецъ коттэджъ представлялъ весьма красивую постройку. Къ морю шла мраморная терраса съ фонтаномъ и нишею въ стѣнѣ, въ которой поставлено художественное изваяніе Божіей Матери съ младенцемъ Іисусомъ, работы профессора Витали. Открытые балконы, галлереи, обвитыя вьющимися растеніями, барельефы, статуи, все это придавало зданію необыкновенную легкость и граціозность постройки.

Вмѣстѣ съ постройкой коттэджа, одновременно было построено въ недалекомъ разстояніи отъ Александріи, для лѣтняго пребыванія наслѣдника цесаревича, красивое каменное строеніе, во вкусѣ сельской постройки, вмѣстѣ со службами, скотнымъ дворомъ и т. д. Постройка названа «Фермою». Въ 1841 году этотъ сельскій домикъ перестроенъ и увеличенъ архитекторомъ Штакеншнейдеромъ. Затѣмъ еще для великаго князя Константина Николаевича, близь морского берега, былъ выстроенъ небольшой, готической архитектуры, каменный домикъ, названный «домикомъ адмирала» и въ то же время были построены два каменныхъ кавалерскихъ домика для великихъ князей Николая и Михаила Николаевичей.

Въ Александріи возвышается весьма красивая церковь во имя св. Александра Невскаго, построенная по рисунку архитектора Шинкеля, которому императоръ Николай поручилъ составить проектъ послѣдней во время своего пребыванія въ Берлинѣ въ 1832 году. Церковь имѣетъ видъ средневѣковой часовни. Вмѣсто главъ на ней десять небольшихъ готическихъ башенъ, изъ которыхъ восемь увѣнчаны крестами; съ трехъ сторонъ церкви устроены гранитныя паперти, а по наружнымъ стѣнамъ поставлены на кронштейнахъ 43 бронзовыя изображенія святыхъ; церковь освящена осенью 1843 года, въ церкви всѣ иконы написаны профессоромъ Нефомъ; внутренняя отдѣлка храма вполнѣ изящна. Замѣчательны въ церкви слѣдующія вещи: четыре образа высокой цѣнности, замѣняющія окна въ верхнихъ просвѣтахъ, писанныя на стеклѣ; панагія съ частицею Животворящаго Креста, осыпанная драгоцѣнными камнями, она поднесена императору

Николаю I армянскимъ католикосомъ въ 1837 году; икона св. Митрофанія въ ризѣ изъ фольги, взятая союзными войсками въ Севастополѣ изъ каѳедральнаго собора 10-го сентября 1855 года и возвращенная обратно; иконы Спасителя и Богоматери древней мозаики; затѣмъ нѣсколько иконъ, поднесенныхъ императору Александру Александровичу и императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ во время пребыванія ихъ въ Александріи, а также и во время высочайшаго путешествія Ихъ Величествъ по внутреннимъ губерніямъ Россіи въ 1881 году. Въ 1845 году у пруда подъ горою воздвигнутъ памятникъ въ память великой княгини Александры Николаевны, онъ изображаетъ іоническую колонну бѣлаго мрамора, на которой бронзовый крестъ наверху. Въ саду еще интересна бесѣдка въ итальянскомъ вкусѣ «Ненелла», построенная въ 1858 году, по возвращеніи императрицы изъ Палермо.

На полянѣ близь дороги стоитъ огромный дубовый дуплистый пень, объемомъ болѣе сажени, внутри котораго поставлены скамейки, на которыхъ могутъ сидѣть три человѣка. Близь этого дуба черезъ оврагъ большой каменный мостъ, построенный въ 1830 году; влѣво отъ моста, въ куртинѣ, видны два каменныхъ столба, это развалины недостроеннаго дома князя Меншикова; невдалекѣ отъ нихъ стоитъ бюстъ Петра I.

Противъ Александріи, по другую сторону шоссе, въ большомъ Александрійскомъ паркѣ имѣются пруды съ островками, на одномъ изъ нихъ построенъ швейцарскій домикъ, на другомъ изъ островковъ стоитъ красивая чугунная бесѣдка, посреди которой поставленъ бюстъ императрицы Александры Ѳеодоровны, съ надписью: «Счастью моей жизни». Дача Александрія имѣетъ свой гербъ: на голубомъ полѣ щита положенъ золотой мечъ съ вѣнкомъ изъ розъ, на которомъ надпись: «за вѣру, Царя и вѣрность», щитъ обложенъ золотою каймою и надъ щитомъ золотая корона. Этимъ гербомъ украшены не только всѣ зданія въ Александріи, но и всѣ предметы, принадлежащіе ко дворцу.

На обширномъ мѣстѣ, занимаемомъ дачею Александріею, стояла также небольшая дача Тихона Никитича Стрѣшнева; этотъ Стрѣшневъ былъ любимецъ Петра Великаго: государь иначе его не называлъ какъ «отцомъ». Съ 1701 года Стрѣшневъ управлялъ приказомъ военныхъ дѣлъ; выдача жалованья, наборъ, сформированіе и отправленіе рекрутъ, денегъ, лошадей, оружій, аммуницій, разныхъ припасовъ въ полки, главный надзоръ за плѣнными — составляли тогдашнія его занятія. Въ 1703 году Петръ писалъ къ Стрѣшневу о высылкѣ трехъ тысячъ и болѣе

солдатъ къ прежде отправленнымъ; къ требованію государь прибавлялъ слѣдующія слова: «того-для не добро голову чесать, когда зубы выломаны изъ гребня». Въ другомъ своемъ письмѣ Петръ предписывалъ Стрѣшневу: «отыскать проклятыхъ бѣглецовъ и, сыскавъ, всѣхъ бить кнутомъ и уши рѣзать, да сверхъ того, пятаго съ жеребя сослать на Таганрогъ».

Позднѣе Петръ бѣглецовъ приказалъ только ссылать на каторгу. Во время шуточной свадьбы Никиты Моисеевича Зотова, извѣстнаго князь-папы, Стрѣшневъ одѣтъ былъ католическимъ кардиналомъ и находился въ оркестрѣ музыкантовъ вмѣстѣ съ Салтыковымъ и Бутурлинымъ и игралъ на большомъ рогѣ. Стрѣшневъ былъ однимъ изъ судей царевича Алексѣя, подписавшихъ ему смертный приговоръ. Стрѣшневъ умеръ 15-го января 1719 г.

Императоръ Петръ почтилъ заслуги послѣдняго своимъ присутствіемъ на погребеніи; онъ шелъ въ траурѣ за его гробомъ до самаго Невскаго монастыря. Послѣ его смерти дачей владѣлъ его племянникъ Ив. Ив. Стрѣшневъ, по описи того времени на мѣстѣ ихъ значился: домъ одинъ, покоевъ два, одна изба людская и одна конюшня.

Ранѣе описанія царственнаго Петергофа, считаемъ необходимымъ описать историческую мѣстность, лежащую у нижней Ораніенбаумской дороги, въ разстояніи трехъ верстъ отъ большого Петергофскаго дворца. Дача граничитъ съ восточной стороны—Петергофскою колоніею, а съ западной—дачею Сергіевскою, бывшею великой княгини Маріи Николаевны. Мѣстность эта извѣстна подъ именемъ «Собственная дача». По преданію, имѣніе это было подарено Петромъ I извѣстному его сподвижнику по преобразованію россійской іерархіи — псковскому и новгородскому архіепископу Ѳеофану Прокоповичу.

У Ѳеофана было два дома въ Петербургѣ: деревянный на Аптекарскомъ островѣ, на рѣчкѣ Карповкѣ, давшій названіе улицѣ — Архіерейской, сохраняющейся и до сихъ поръ; каменный—на Адмиралтейской сторонѣ и названная нами приморская дача, состоявшая изъ каменнаго дома и угодій, въ число которыхъ входило и мѣсто, занимаемое теперь дачею, бывшею великой княгини Маріи Николаевны; здѣсь помѣщалась семинарія. Фонъ-Гавенъ [180]) пишетъ: У Ѳеофана сильная страсть къ постройкамъ, которыя хотя опустошаютъ его казну, за то очень кстати въ Петербургѣ, гдѣ такъ много незастроенныхъ мѣстъ. Ѳеофанъ жилъ зимою и весною на Карповкѣ, домъ его окруженъ былъ лѣсомъ и имѣлъ прекрасные виды. Ѳеофанъ такъ

дорожилъ этими видами, что когда лейбъ-медикъ Ригеръ предположилъ провесть въ лѣсу двѣ аллеи, то Ѳеофанъ просилъ его не направлять ихъ къ его дому, но провесть въ сторонѣ. «Мнѣ не деревьевъ,—писалъ онъ къ Ригеру жаль, — но прекраснаго вида» [181]).

На рѣчкѣ, подлѣ его дома, стоялъ цѣлый маленькій флотъ, состоящій изъ судовъ разной величины и устройства для рѣчныхъ прогулокъ Ѳеофана. Впрочемъ, по мелководью Карповки, рѣчное катанье было не всегда удобно, за то въ хорошую воду Ѳеофанъ ѣзжалъ на своей баржѣ или яхтѣ въ сунодъ, въ Невскій монастырь, въ прирѣчные дома и по заливу до своей приморской мызы.

Родомъ Ѳеофанъ Прокоповичъ былъ изъ купеческаго званія, родился 8-го іюня 1681 года въ Кіевѣ и названъ былъ Елеазаромъ; осиротѣлъ онъ еще въ младенчествѣ и на восьмомъ году вторично оказался безъ родныхъ, потерявъ своего дядю, кіевскаго іеромонаха Ѳеофана Прокоповича, пріютившаго его послѣ отца. Съ этихъ лѣтъ его взялъ одинъ изъ гражданъ кіевскихъ и помѣстилъ его въ кіевскую академію; семнадцати лѣтъ онъ отправился въ Литву, гдѣ назвался уніатомъ и вступилъ въ братство Бичевскаго-Базиліанскаго монастыря, причемъ былъ нареченъ Елисѣемъ. Отличные успѣхи его въ наукахъ заставили провинціала обратить на него вниманіе и Елисѣй былъ отправленъ въ Римъ, въ тамошнюю академію. Оставивъ Римъ, Елисѣй, подъ видомъ путешественника, возвратился черезъ Венецію и Австрію въ Польшу, пришелъ въ православный Почаевскій монастырь и тутъ постригся, принявъ имя Самуила.

Въ 1704 году кіевскій митрополитъ Варлаамъ Ясинскій вызвалъ къ себѣ Самуила и поставилъ его въ кіевскую академію учителемъ стихотворства. При слѣдующемъ монашескомъ постригѣ Самуилъ принялъ имя своего дяди Ѳеофана. Наставническая карьера Ѳеофана продолжалась семь лѣтъ; въ эти года онъ обучалъ юношей реторикѣ, философіи, ариѳметикѣ, геометріи и даже физикѣ.

За эти годы онъ успѣлъ возвыситься до префекта академіи и въ 1706 году онъ, въ присутствіи Петра Великаго, посѣтившаго Кіевъ, отличился весьма краснорѣчивою проповѣдью и въ слѣдующемъ году онъ имѣлъ счастіе привѣтствовать полтавскаго побѣдителя пышнымъ и великолѣпнымъ «панегирикомъ» и вслѣдъ затѣмъ всенародно произнесъ слово и князю Меншикову, сказавъ, между прочимъ, гордому временщику:

— Мы въ Александрѣ видимъ Петра и его священнѣйшему величеству въ твоемъ лицѣ поклоняемся.

Съ этихъ дней карьера Прокоповича была сдѣлана и онъ, въ 1711 году, сопровождалъ государя въ прутскій походъ, затѣмъ назначенъ игуменомъ Кіево-братскаго монастыря и ректоромъ академіи, а въ 1716 году, по высочайшему повелѣнію, былъ вызванъ въ Петербургъ.

Ѳеофанъ прибылъ въ столицу, страдая каменною болѣзнью; пріѣхавъ, онъ не засталъ здѣсь Петра, уѣхавшаго путешествовать заграницу. Къ пріѣзду монарха ему было поручено написать три рѣчи: первую отъ лица двухлѣтняго сына царя Петра

Стефанъ Яворскій.

Петровича, вторую отъ лица царевенъ: Анны и Елисаветы и третью отъ лица всего россійскаго народа. Когда Петръ пріѣхалъ въ Петербургъ и въ тотъ же день вошелъ въ комнаты новорожденнаго своего сына, то первую изъ этихъ рѣчей произнесъ передъ нимъ князь Меншиковъ, вторую—старшая царевна, а третью—самъ Ѳеофанъ.

Съ этого времени начался рядъ проповѣдей этого краснорѣчиваго витіи, которыми ознаменовались всѣ торжественные случаи эпохи Петра и его преемниковъ. Черезъ годъ послѣ первой проповѣди Ѳеофана, послѣдній, въ присутствіи самого царя, былъ хиротонисанъ въ епископы псковскіе и новгородскіе и тогда же въ знакъ особаго отличія получилъ саккосъ, котораго не имѣли всѣ прочіе епископы, священнодѣйствовавшіе въ фелони, съ однимъ только омофоромъ. Въ 1719 году Ѳеофанъ, по порученію царя, написалъ «Духовный регламентъ»; этимъ сочи-

неніемъ онъ вооружилъ противъ себя и навлекъ на себя гоненіе въ лицѣ мѣстоблюстителя патріаршаго престола Стефана Яворскаго, который заподозрилъ Ѳеофана даже въ неправославіи. Петръ лично защитилъ Ѳеофана отъ навѣтовъ Стефана.

Спустя нѣсколько лѣтъ, Ѳеофанъ написалъ, по волѣ царя, извѣстное «Объявленіе 1724 года о монашествѣ и монастыряхъ». Политическія воззрѣнія Ѳеофана были одинаковы съ политическими воззрѣніями Петра. Вслѣдствіе этой его солидарности съ Петромъ Великимъ, его не любила русская знать, противниками его въ особенности были Долгорукіе и Голицыны, первые за его отрицательное отношеніе къ старинѣ московской, вторые за его симпатіи къ протестантству. Ѳеофанъ является въ церковной проповѣди публицистомъ, въ своихъ рѣчахъ онъ борется съ суевѣріемъ и невѣжествомъ, прославляетъ Петра и пропагандируетъ его преобразовательныя идеи. Во всѣхъ сферахъ своей дѣятельности въ немъ виденъ реформаторъ, отрицательно относящійся къ установившейся рутинѣ.

Ѳеофанъ былъ однимъ изъ священнодѣйствующихъ лицъ при кончинѣ Петра Великаго. Приготовленіе къ смерти императора имѣло особый характеръ: по его приказанію, близь его спальни была поставлена подвижная церковь. Государь два раза причащался Св. Тайнъ, приказавъ выпустить изъ темницъ колодниковъ. Въ городѣ и окрестностяхъ молились по всѣмъ церквамъ о его выздоровленіи.

Когда больной, видимо, сталъ приближаться къ кончинѣ, къ нему были приглашены два епископа: Ѳеофанъ и тверской Ѳеофилактъ, и затѣмъ еще чудовскій архимандритъ. Умирающія уста монарха, слушавшаго предсмертныя молитвы, повременамъ произносили: «сіе только услаждаетъ меня и утоляетъ мою жажду. Вѣрую, уповаю», повторялъ онъ много разъ. Причастясь Св. Тайнъ вторично, Петръ сдѣлался спокойнѣе и послѣ, когда Ѳеофилактъ прочиталъ отходную, государь умеръ съ великою болью, но и съ великою вѣрою, терпѣніемъ, благочестіемъ и надеждою на Бога.

При погребеніи Петра I, въ 1725 году, преосвященный Ѳеофанъ произнесъ свое знаменитое слово, которое не изгладилось и по сейчасъ изъ преданій: «Что се есть?» — такъ начиналось его надгробіе, — «что видимъ? Что дѣлаемъ, о, россіяне! Петра Великаго погребаемъ». При этихъ словахъ церковный витія, тронутый до глубины души, самъ прослезился и извлекъ и у присутствующихъ слезы. Ѳеофанъ въ надгробномъ словѣ далѣе вели-

чалъ Петра за учрежденіе флота—«россійскимъ Іафетомъ», за мужество—«россійскимъ Самсономъ», за законы—«Моисеемъ», за великій смыслъ и премудрость — «россійскимъ Соломономъ» и за духовное правительство — «россійскимъ Давидомъ и Константиномъ».

При вступленіи на престолъ Екатерины I, Ѳеофанъ явился самымъ ревностнымъ сторонникомъ воцаренія императрицы, чѣмъ еще болѣе озлобилъ противъ себя родовитую русскую знать.

Вся дѣятельность этого іерарха, съ 1725 по 1730 годъ въ царствованіи Екатерины I и Петра II, есть борьба съ вельможами и съ его личными врагами изъ среды духовенства. Въ этой борьбѣ Ѳеофанъ проявляетъ несимпатичныя черты временщика въ русской церкви. Первымъ долгомъ Ѳеофанъ направилъ всю свою злобу противъ Ѳеодосія, который былъ имъ низвергнутъ и заточенъ въ Никольскій корельскій архангельскій монастырь, что на устьѣ Двины, подъ именемъ «чернеца Ѳедоса». Поводомъ къ обвиненію новгородскаго архіепископа послужила будто бы его заносчивость [182]).

Послѣ восшествія на престолъ Екатерины, Ѳеодосій пріѣхалъ къ Дворцовому мосту. Часовой 9-ой роты, солдатъ Лунинъ, не пропустилъ его черезъ мостъ. Ѳеодосій вышелъ изъ кареты, началъ махать тростью съ угрозой:

— Я-де самъ лучше свѣтлѣйшаго князя.

Потомъ пришелъ въ дворцовую переднюю, съ гнѣвомъ спросилъ у капитана Преображенскаго полка Бредихина, для чего они его не пускаютъ?

— Мнѣ-де бывалъ при его величествѣ вездѣ свободный входъ. Вы-де боитеся только палки, которая васъ бьетъ, а наши-де палки больше тѣхъ. Шелудивыя-де овцы не знаютъ, кого не пускаютъ.

Это было доведено до государыни и Меншикова.

Вслѣдъ за этимъ случаемъ послѣдовалъ еще другой. Ѳеодосій обидѣлся на приказаніе, отданное ему, отправить панихиду по государю не въ очередь и въ гнѣвѣ сказалъ:

— Пойду служить, потому что боюсь, чтобы не послали въ ссылку. Только услышитъ ли Богъ такую молитву?

Панихида была совершена; государыня, бывшая въ крѣпости, приказала оберъ-гофмейстеру Олсуфьеву пригласить всѣхъ служащихъ архіереевъ къ столу ея величества. По окончаніи панихиды, Олсуфьевъ пришелъ къ алтарю, къ южнымъ дверямъ, у которыхъ стоялъ Ѳеофанъ, и спросилъ, гдѣ Ѳеодосій? Ѳеофанъ

отвѣчалъ, что онъ стоитъ на лѣвомъ клиросѣ за столбомъ. Олсуфьевъ передалъ ему приглашеніе государыни. Но Ѳеодосій отвѣчалъ:

— Мнѣ-де быть въ домѣ ея величества не можно, понеже я обезчещенъ.

Олсуфьевъ повторилъ приглашеніе. Но Ѳеодосій сказалъ:

— Развѣ-де изволитъ прислать нарочнаго, чтобы проводили.

Олсуфьевъ донесъ это государынѣ. Такая заносчивость и упрямство не могли не оскорбить государыни и мы видимъ, какъ Ѳеофанъ имъ воспользовался, чтобы окончательно сразить своего опаснаго соперника.

Рядъ архіерейскихъ процессовъ, начатыхъ уже при Аннѣ и окончившихся послѣ ея смерти, ложится кровавымъ и тяжкимъ укоромъ на память новгородскаго архіепископа. Эти процессы, которымъ Ѳеофанъ постоянно придавалъ политическій характеръ, далеко превосходятъ коварствомъ и жестокостью параллельно шедшіе съ ними политическіе процессы государственныхъ людей царствованія Анны Іоанновны: Долгорукихъ, Голицыныхъ, Волынскаго, въ гибели которыхъ голословно обвиняется одинъ Биронъ. Д. А. Корсаковъ справедливо замѣчаетъ [183]): «Если для характеристики нѣмецкаго правительства Анны возможенъ терминъ «бироновщина» какъ синонимъ безправія, временщичьяго нѣмецкаго террора, то для опредѣленія церковныхъ порядковъ, въ первыя шесть лѣтъ царствованія Анны Іоанновны съ большею справедливостью можно употребить названіе «ѳеофановщины».

Не смотря на вышесказанное, Ѳеофанъ былъ ревностный сподвижникъ Петра и весьма умный и просвѣщенный архипастырь— и какъ писатель едва ли не плодовитѣйшій изъ всѣхъ русскихъ іерарховъ. Но при всѣхъ этихъ качествахъ, онъ обвинялся современниками за свой хитрый, мстительный и жестокій характеръ — ему ставили также въ вину его неправославіе и склонность къ ученію лютеранскому.

Къ характеристикѣ Ѳеофана можетъ служить извѣстный анекдотъ, записанный Штеллиномъ со словъ г. Теплова. Ѳеофанъ имѣлъ у себя лучшую, какъ только быть тогда могла, музыку инструментальную и вокальную. Иностранные министры, находя удовольствіе искать въ немъ дружество, часто посѣщали его и были угощаемы постнымъ столомъ; такія пирушки иногда продолжались далеко за полночь. «Знаменитый сей человѣкъ», говоритъ Штеллинъ, «пользуясь этимъ, проникалъ въ самые секрет-

нѣйшіе ихъ планы и сообщалъ оные монарху, почему и было ему угодно таковое сего архіерея обращеніе. Но это не нравилось духовенству и преимущественно митрополиту Стефану Яворскому, который и жаловался на то государю.

«Одинъ изъ архіереевъ, узнавши однажды, что такіе иностранные министры ужинаютъ у Ѳеофана, донесъ о томъ императору. Государь сказалъ на это:

«— Хорошо, поѣдемъ къ нему съ тобою и увидимъ, правда ли то, и назначилъ для этого самую полночь.

«Въ назначенный часъ государь съ архіереемъ въ простыхъ саняхъ пріѣхалъ къ дому Ѳеофана, слышитъ звуки музыки и пирующихъ. Государь съ архіереемъ входятъ въ собраніе. Случилось такъ, что хозяинъ въ то самое время держалъ въ рукѣ кубокъ вина, но, увидя государя, далъ знакъ, чтобы музыка замолкла и, поднявъ руку, громогласно произнесъ:

«— Се женихъ грядетъ въ полунощи и блаженъ рабъ его же обрящетъ бдяща, недостоинъ же, его же обрящетъ унывающа. Здравствуй, всемилостивѣйшій государь!

«Въ ту же минуту подносится всѣмъ присутствующимъ по такому-жъ бокалу вина и всѣ пьютъ за здоровье его величества. Государь, обратившись къ сопровождавшему его владыкѣ, сказалъ:

«— Ежели хотите, то можете остаться здѣсь, а буде не изволите, то имѣете волю ѣхать домой, а я побуду съ столь пріятной компаніей».

Ѳеофанъ принималъ у себя многихъ знаменитыхъ лицъ, посѣщавшихъ столицу. У него гостили китайскіе послы, навѣщалъ его принцъ Бевернскій, впослѣдствіи супругъ Анны Леопольдовны, угощалъ онъ у себя и гданскихъ депутатовъ.

Въ 1733 году посѣтила его приморскую мызу и императрица Анна Іоанновна. На этотъ случай Ѳеофанъ написалъ стихи на латинскомъ языкѣ и русскомъ.

Стихи на приходъ ея величества въ приморскую мызу начинались такъ:

Малое се жилище и жители малы
Хотя-бъ и съ хозяиномъ къ оцѣнкѣ пристали.
Но, стало быть, деревня велика и славна,
Когда прибылъ дражайшій гость, Анна державна и пр.

Въ числѣ ученыхъ друзей Ѳеофана были: князь Кантемиръ, Татищевъ и Маркевичъ. Про начало дружбы съ первымъ разсказываетъ Чистовичъ слѣдующее: молодой князь Антіохъ Кан-

темиръ написалъ первую сатиру: «На хулящихъ ученіе»; кто-то показалъ ее Ѳеофану, послѣднему очень понравилась сатира и онъ привѣтствовалъ начинающій талантъ извѣстнымъ посланіемъ: «Не знаю кто ты, пророче рогатый» и т. д.

В. Н. Татищевъ, русскій душою, складомъ ума и характера, хотя и расходился съ Ѳеофаномъ во многихъ убѣжденіяхъ, но тяготѣлъ къ нему, какъ человѣкъ образованный къ человѣку высшаго ума и образованія. Маркевичъ также, въ бытность въ столицѣ, видѣлся съ Ѳеофаномъ и разсуждалъ съ нимъ объ ученыхъ предметахъ. Серьезныя занятія съ послѣднимъ, впрочемъ шли въ перемежку съ разгуломъ веселой казацкой жизни. Въ дневникѣ Маркевича едва не каждый день встрѣчается замѣтка: «Сей день праздновали компанію и подпіахомъ до ночи. Банкетъ былъ у насъ и куликали довольно».

Жилъ Ѳеофанъ очень роскошно, денежные доходы и хлѣбные и прочіе сборы съ принадлежащихъ его новгородскому архіерейскому дому селъ и деревень были очень велики; однихъ крестьянъ, бывшихъ за его монастырями, было 41,594 души. Кромѣ денегъ, новгородскій архіерейскій домъ получалъ множество припасовъ; такъ, въ годъ шло на его кухню 1,500 лососей, сиговъ копченыхъ и вяленыхъ 21,000, икры 11 пудовъ, дробной рыбы 11 бочекъ; помимо этого въ Петербургъ привозилось 20,000 пудовъ сѣна. Въ домѣ Ѳеофана былъ интендантомъ хозяйства Илья Ксиландеръ, одинъ изъ учениковъ его школы; затѣмъ въ помощи у него для хозяйства іеродіаконъ Адамъ [184]) и экономъ іеромонахъ Герасимъ. Первому владыко написалъ на смерть эпитаѳію латинскими стихами, а второму множество юмористическихъ стихотвореній, будто бы отъ разныхъ лицъ за приготовленіе хорошаго солода. Вотъ стихотвореніе владыки къ Герасиму:

Бѣжитъ прочь жажда, бѣжитъ и печальный голодъ,
Гдѣ твой, отче экономъ, находится солодъ,
Да и чудо онъ творитъ дивнымъ своимъ вкусомъ.
Пьянъ я, хоть обмочусь однимъ только усомъ.

Другое стихотвореніе къ отцу эконому начиналось такъ:

Честный отецъ Герасимъ,
Чѣмъ мы тебя украсимъ, и т. д.

Или:

За честь твоего солода
Лобзаимъ твою бороду, и т. д.

Солодъ новгородскаго архіерейскаго дома и приготовляемое изъ него пиво извѣстны были всей петербургской знати. По

слѣдственному дѣлу объ извѣстномъ А. П. Волынскомъ, между множествомъ лицъ былъ взятъ и экономъ Герасимъ для объясненія, какіе онъ дѣлалъ подарки Волынскому. Экономъ показалъ, между прочимъ, что однажды, когда онъ былъ у Волынскаго, послѣдній спросилъ его между разговоромъ:

— Говорятъ, у васъ хорошій солодъ?

Герасимъ счелъ это за намекъ извѣстнаго рода и послалъ кабинетъ-министру 15 четвертей солоду.

Ѳеофанъ, по словамъ біографа Шерера, очень покровительствовалъ всѣмъ иностранцамъ, рекомендовалъ ихъ знатнымъ русскимъ и самъ награждалъ нуждающихся. Въ урочные дни онъ раздавалъ бѣднымъ милостыню; огромныя средства, которыми онъ располагалъ, давали полный просторъ его щедрости. Но онъ никакъ не могъ равнодушно видѣть ханжей, святошъ, лицемѣровъ и суевѣровъ и всячески ихъ преслѣдовалъ. Въ кругу близкихъ лицъ, мѣшая шутку съ дѣломъ, онъ былъ геніально остроуменъ, такъ что собесѣдники жадно ловили каждое его слово и старались запомнить его притчи, апологи и изреченія. По разсказамъ фонъ-Говена, видѣвшаго Ѳеофана въ послѣдній годъ его жизни, «по знаніямъ у него не было между русскими никого равнаго». Кромѣ исторіи, богословіи и философіи, у него были глубокія познанія въ математикѣ; онъ зналъ разные европейскіе языки и на латинскомъ говорилъ такъ, что не уступалъ любому академику. Библіотека его состояла изъ 30,000 томовъ. Онъ никогда не позволялъ снять съ себя портрета; но по его смерти императрица Анна приказала художнику срисовать его лицо и вырѣзать на мѣди. Въ 1721 году Ѳеофанъ на Карповкѣ, въ своемъ домѣ, завелъ школу, въ которую принималъ сиротъ всякаго званія [185]).

Это была лучшая школа того времени какъ по внутреннему устройству, такъ и по достоинству доставляемаго ею образованія. Учителями въ школѣ были иностранцы. Ѳеофанъ для своей школы написалъ инструкцію, отзывающуюся нѣсколько іезуитскимъ духомъ. Она прочитывалась каждое первое число. Для развлеченія учениковъ въ школѣ преподавалась вокальная и инструментальная музыка; Ѳеофанъ завелъ въ школѣ и сценическія представленія [186]).

Для усовершенствованія въ наукахъ онъ посылалъ своихъ учениковъ въ гимназію при Академіи наукъ. Кажется, Ѳеофанъ былъ первый изъ архіереевъ, который сталъ давать прозвища семинаристамъ, сообразно съ усмотрѣнными въ нихъ склонно-

стями, или по наружности, или по случаю какому нибудь. Такъ, въ числѣ его питомцевъ встрѣчаются слѣдующія странныя прозвища: Яковъ Монокулюсъ (одноглазый), Михаилъ Живицкій (Vives), Симеонъ Сѣдякъ (Sedens), Яковъ Мультьянскій, Андрей Типикъ, Иванъ Сычъ, Алексѣй Чижъ, Алхимистъ, Утенокъ, Барашекъ и т. д. Всего обучалось въ его школѣ во время пятнадцатилѣтняго ея существованія до 160 юношей. Изъ числа воспитанниковъ его извѣстны Богдановъ, составитель описанія Петербурга, и Григорій Тепловъ — извѣстный екатерининскій сановникъ.

Ѳеофанъ умеръ отъ каменной болѣзни 8-го сентября 1736 года, на 55 году жизни. Существуетъ преданіе, что онъ, умирая, приставилъ ко лбу указательный палецъ и произнесъ:

— О главо, главо! Разума упившись, куда ея преклонишь?

Церемоніалъ погребенія Ѳеофана соотвѣтствовалъ высокому положенію почившаго архипастыря. Въ день погребенія къ гробу собралось все столичное духовенство. Послѣ литіи гробъ былъ поставленъ на погребальную колесницу и въ сопровожденіи всего духовенства и воспитанниковъ семинаріи везенъ былъ до Невы. Сто человѣкъ гренадеръ, опредѣленныхъ отъ городовой канцеляріи и синодальные приказные служители разстояніемъ другъ отъ друга на сажень несли восковыя свѣчи. У синодальной пристани гробъ былъ поставленъ на погребальную баржу и перевезенъ на противоположную сторону къ мануфактурной пристани; потомъ съ тою же церемоніей везенъ былъ мимо Литейнаго двора, по Перспективной улицѣ, къ Тріумфальнымъ воротамъ. Здѣсь встрѣтилъ процессію троицкій архимандритъ Варлаамъ съ придворнымъ духовенствомъ. По прибытіи къ Невскому монастырю, гробъ былъ встрѣченъ архимандритомъ Стефаномъ съ братіей и внесенъ въ Благовѣщенскую церковь. По окончаніи чина погребенія, гробъ былъ поставленъ въ черный футляръ и вынесенъ на стоявшее у пристани Черной рѣчки траурное судно для отвезенія въ Новгородъ. Для служенія панихидъ и чтенія Евангелія при гробѣ отправлены были бѣжецкій архимандритъ съ духовенствомъ; а «для всякаго въ пути безопаснаго провожденія», новгородскаго казеннаго приказа секретарь Ив. Верещагинъ. Тѣло было привезено на берегъ Волхова въ Антоніевъ монастырь и съ торжественностью погребено въ южной сторонѣ Софійскаго собора, подлѣ тѣла Іова, митрополита.

По смерти Ѳеофана, его приморская дача, каменный домъ которой оцѣненъ въ 5,000 рублей, поступила во владѣніе вели-

кой княжны Елисаветы Петровны. Послѣдняя еще при жизни Өеофана очень часто навѣщала этотъ загородный пріютъ владыки; любовалась мѣстоположеніемъ его и не разъ высказывала свое желаніе пріобрѣсть его. При вступленіи на престолъ Елисаветы — императрица наименовала имѣніе Өеофана «Собственною дачею». Здѣсь въ загородной тиши государыня отдыхала отъ трудовъ и развлекалась фермернымъ хозяйствомъ, имѣя всегда при себѣ отъ кладовыхъ ключи, почему въ собственную дачу и не дозволялось никому изъ мужчинъ въѣзжать безъ доклада.

При Елисаветѣ тамъ стояла деревянная церковь во имя св. Троицы, одноглавая, безъ колокольни, въ настоящее время здѣсь есть колокольня невысокая, желѣзная, помѣщается она отдѣльно отъ церкви. Старая церковь была длиною 6 саж., шириною 3 саж., какъ иконостасъ, такъ и всѣ образа здѣсь были писаны на холстѣ, перенесены они были изъ петербургскаго Петропавловскаго собора. Всѣ образа и вещи изъ старой церкви теперь перевезены для храненія въ англійскій дворецъ Петергофа.

Нынѣшняя каменная церковь освящена въ 1860 году; найденная при сломкѣ старой церкви плита съ высѣченнымъ на ней крестомъ, положена подъ жертвенникъ въ новую церковь. Въ этой церкви замѣчательна мозаичная икона Божіей Матери, вставленная въ верхнюю доску аналоя. При Елисаветѣ каменный двухэтажный дворецъ былъ длиною 9 саж., шириною 5 саж., похожій архитектурою на существующій въ Нижнемъ саду Петергофа домикъ Марли, построенный Елисаветою въ память Петра I. Затѣмъ еще здѣсь стоялъ деревянный большой флигель для придворнаго штата и деревянная кухня и погребъ-ледникъ и затѣмъ была и ферма. Близь этой усадьбы, на мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ дача Сергіевка, при Өеофанѣ и послѣ него шли постройки, принадлежащія семинаріи; ученики послѣдней во время пребыванія императрицы Елисаветы пѣли на клиросахъ. При Екатеринѣ II «Собственная дача» была въ томъ же видѣ, но, при вступленіи на престолъ Павла I, находящійся на дачѣ деревянный флигель сломанъ и лѣсъ изъ него перевезенъ къ Большому петергофскому дворцу для постройки тамъ стараго зданія. Мѣсто же, гдѣ стоялъ флигель, засажено молодыми дубками, привезенными изъ Казани; въ Павловское же время была исправлена прежняя деревянная церковь и приходскому священнику за службу въ ней положено на рясу ежегодно 86 рублей. Также въ это же время была исправлена дорога къ

ней отъ Петергофа и засажена березками. Павелъ эту дачу подарилъ Маріи Θеодоровнѣ и очень часто съ ней ѣздилъ сюда.

Шарубинъ [187]) разсказываетъ, что петергофскіе старики ему передавали, что императоръ очень привѣтливо смотрѣлъ на приходившій сюда народъ и всегда отдавалъ посѣтителямъ оставшіяся отъ своего стола кушанье и фрукты. Императоръ Николай I подарилъ «собственную дачу» наслѣднику престола. Старый дворецъ, существовавшій съ первыхъ временъ застройки этой мѣстности, былъ передѣланъ въ 1850 году архитекторомъ Штакеншнейдеромъ.

Нынѣшній дворецъ отличается очень изящнымъ убранствомъ комнатъ и хранитъ множество прекрасныхъ картинъ французской школы. Садъ «собственной дачи», по вѣковымъ своимъ деревьямъ и гористому своему положенію, представляетъ очень красивый, уютный загородный уголокъ.

Существуетъ преданіе, что садъ вмѣстѣ съ Θеофаномъ разбивалъ извѣстный садовникъ Стрѣльнинскаго сада, саксонецъ Людвигъ Гинтеръ Татеръ. Безпокойный и дикій нравъ этого садовника-иноземца въ свое время не мало доставилъ уголовныхъ дѣлъ вѣдавшей тогда «придворной конторѣ».

Въ дѣлахъ этой канцеляріи находимъ слѣдующія его дѣянія: такъ, священникъ Преображенской церкви въ Стрѣльнинской мызѣ, въ 1740 году, донесъ въ контору, что упомянутый садовникъ въ октябрѣ взялъ изъ церкви къ себѣ на квартиру церковные стѣнные большіе часы, будто бы для починки и не возвратилъ. Когда Татера призвали въ контору къ отвѣту, онъ бранился «непотребными словами». Онъ же, Татеръ, билъ палкой «смертельнымъ боемъ» подпрапорщика Стефана Елфимова. Еще гренадера Галактіона бранилъ и сбилъ съ головы шапку, погнавшись за нимъ. Было дѣло о повѣсившемся стрѣльнинскомъ садовомъ ученикѣ, Лукѣ Никифоровѣ; по осмотрѣ тѣла, найдены на немъ синіе знаки; разныя лица показали, что Татеръ съ нимъ жестоко обращался. Онъ же, Татеръ, затравилъ собаками одного крестьянина. Полковникъ Трескоу доносилъ, что Татеръ ходилъ въ Петергофѣ и въ Стрѣльнѣ и стрѣлялъ птицъ и звѣрей, а въ Стрѣльнѣ были пущены сѣрыя куропатки [188]) и Татеръ тѣхъ куропатокъ стрѣлялъ и потому просилъ запретить ему стрѣлять въ тѣхъ мѣстахъ дичь, такъ какъ по указу, опубликованному въ 1740 году, велѣно: «впредь лосей во всей Ингерманландіи и въ Выборгскомъ уѣздѣ, а прочихъ звѣрей и никакихъ птицъ около Петергофа и С.-Петербурга, Краснаго

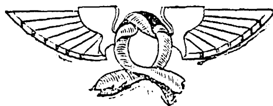
Села и Колпиной мызы, въ 30-ти верстахъ, изъ партикулярныхъ людей отнюдь никому не ловить и не стрѣлять подъ жестокимъ наказаніемъ». Какъ пеклась въ то время о звѣряхъ и птицахъ сама императрица, мы видимъ изъ слѣдующихъ протоколовъ канцеляріи отъ строеній. Такъ, въ 1738 году было куплено у купца Ивана Симонова изъ Охотнаго ряда «для выпуску въ огороды на волю» пятьдесятъ соловьевъ, цѣною по 30 к. за каждаго соловья. Въ садахъ царицы ставились «большія птичныя клѣтки», которыя каждогодно пополнялись покупкою и ловлею птицъ.

При началѣ каждаго года обыкновенно рапортовалось въ канцелярію отъ строеній, что въ большой птичной клѣткѣ осталось мало мелкихъ, по причинѣ выноса ихъ въ комнаты во дворецъ, выпуска на волю въ огороды и разсадки въ другія клѣтки. Въ 1741 году, вслѣдствіе такого донесенія, потребно было купить: до 100 соловьевъ, щеглятъ, зябликовъ, подорожниковъ, снигирей, овсянокъ, реполововъ, дубоносовъ до 50, ировъ до 25, чижей до 500, чечотовъ и чечотокъ до 200. Въ это же время кабинетъ его величества доносилъ, хотя по указу императрицы Анны и запрещено ловить птицъ въ Ингерманландіи, но онъ опредѣлилъ дозволить ловить соловьевъ въ приличныхъ мѣстахъ и для сего сенатомъ публиковано о вызовѣ лицъ, желающихъ поставлять соловьевъ въ сады и сдѣлать съ ними договоръ и, уговорясь въ цѣнѣ за каждаго соловья, давать имъ билетъ отъ канцеляріи для ловли соловьевъ на имя охотника, обязавъ ихъ подпискою, чтобы наловленныхъ соловьевъ посторроннимъ лицамъ не продавать.

Въ этомъ же году былъ найденъ и знающій человѣкъ по части ловли. Въ дѣлахъ петергофской конторы 11-го апрѣля 1741 года имѣется слѣдующій документъ: «понеже ко увеселенію его императорскаго величества надлежитъ для ловли разныхъ родовъ мелкихъ птицъ, опредѣлить знающаго человѣка, а напредь сего къ той ловлѣ опредѣленъ былъ прапорщикъ Степанъ Елфимовъ, а для вспоможенія ему, Елфимову, требовать изъ баталіона отъ строено: знающихъ къ той ловлѣ солдатъ». Существовалъ и смотритель за птицами: Яганія Якобъ Коломбусъ; въ смотрѣніи его были тетерева, куропатки и обрѣтался еще другой птичникъ, Семенъ Башмаковъ; послѣдній состоялъ и у кормленія и содержанія въ чистотѣ разныхъ родовъ заморскихъ и россійскихъ птицъ. Птичники такіе получали въ годъ жалованья деньгами 30 рублей, хлѣбной муки 3 четверти,

крупъ $1^1/_2$ четверика и т. д. Что же касается садовниковъ, то послѣдніе получали весьма большое, по тогдашнему времени, жалованье. Такъ, Татеръ по договору получалъ въ годъ 200 рублей съ казенной квартирой, отопленіемъ, освѣщеніемъ и т. д. Но былъ еще другой садовникъ, Михель-Ангело-Маасъ, которому давалось жалованье очень значительное для того времени—по 500 рублей въ годъ; «оный мастеръ обрѣтался при каменной большой и прочихъ при ней оранжереяхъ у содержанія заморскихъ деревъ». Всѣ посадки и другія работы при дворцовыхъ садахъ производились казенными приписными крестьянами; крестьяне эти были поселены въ Петербургѣ въ 1710 году Петромъ Великимъ въ числѣ 2,500 человѣкъ съ женами и дѣтьми. Переведенцы эти получали денежное и хлѣбное жалованье.

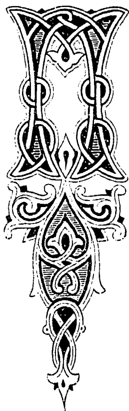
Дворцовые сады, служа увеселительными мѣстами и для прогулокъ императорской фамиліи, были доступными для всѣхъ гуляющихъ какъ лѣтомъ, такъ и зимой, а зимой даже была въ нихъ и проѣзжая дорога. Но публика употребляла нерѣдко во зло представленную ей свободу и дѣлала въ садахъ разныя поврежденія, на что особенно жаловался скульптурный мастеръ Яганъ Антоній Цвейгофъ. Въ январѣ 1741 года онъ доносилъ канцеляріи отъ строеній: «Въ тѣхъ садахъ въ лѣтнее время ходятъ множество всякаго чина люди и ломаютъ своевольно у помянутыхъ статуй персты и прочія мелкія вещи, а въ зимнее время не токмо всякаго подлаго народа ходитъ множество денно и ночно, но и ѣздятъ на лошадяхъ въ саняхъ и тѣмъ ломаютъ и повреждаютъ у оныхъ статуй мелкія вещи, также похищали съ статуй чехлы и мѣшки».

ГЛАВА XIII.

Петергофъ. — Побережье Финскаго залива встарину. — «Загородный или путевой дворецъ». — Правила для пріема гостей. — Монплезиръ. — Первые фонтаны и водопроводъ. — Столѣтній старецъ. — Фонтанъ «Самсонъ» и его исторія. — «Забавный дворецъ»; «колокольня»; «ноты». — «Петровъ дворъ». — Торжественная встрѣча ботика Петра. — Mon bijoux. — Петровскіе дубы. — Золотая гора. — Марли. — Монплезиръ. — Императорская купальня. — Дубъ, посаженный Екатериною II. — Шахматная гора. — Руинный каскадъ. — Дубокъ; елка; грибокъ. — Пирамидный фонтанъ. — Дворъ Екатерины I. — Императоръ Петръ II. — Пышность двора при императрицѣ Аннѣ. — Звѣринцы. — Празднованіе тезоименитства Бирона. — Трезвость при дворѣ императрицы Анны. — Безумная роскошь придворныхъ вѣка Анны. — Оружіе императрицы. — Какъ проводила время императрица Анна въ Петергофѣ. — Перестройки и возобновленія построекъ при Аннѣ въ Петергофѣ. — Гранильная фабрика. — Первые гранильщики драгоцѣнныхъ камней. — Постройки при Елисаветѣ. — Главныя парадныя дворцовыя комнаты. — Кабинетъ Петра; портреты и картины дворца. — Китайская комната «Бѣлая гостиная». — Архитекторъ Леблонъ. — Работы его. — Большой дворецъ. — Художественныя вещи, картины: Чесменскій бой.

ПЕТЕРГОФЪ созданъ Петромъ Великимъ въ 1711 году, но еще въ XII вѣкѣ все побережье Финскаго залива, гдѣ теперь лежитъ Ораніенбаумъ, Петергофъ и Стрѣльна, было заселено новгородцами Вотской пятины; послѣдняя, по распредѣленію новгородскихъ владѣній, входила въ составъ Дудергофскаго погоста. Уже въ 1237 году новгородцы вблизи этой мѣстности создали городъ Копорье (теперь село). По преданію, великій князь Александръ Невскій изъ Копорья выходилъ къ шведамъ въ Емь, въ сопутствіи митрополита Кирилла.

Вся мѣстность, гдѣ теперь лежитъ Петергофъ, при владычествѣ новгородцевъ принадлежала извѣстному посаднику Захарію Овинову. Позднѣе, съ упадкомъ Великаго Новгорода,

въ 1478 году, весь здѣшній край былъ завоеванъ московскимъ царемъ и присоединенъ къ Орѣшковскому уѣзду. Въ эти годы весь теперешній уѣздъ Петергофскій отошелъ во владѣніе къ московскому воеводѣ Аѳонѣ Бестужеву. Какъ увѣряетъ преданіе, Петергофъ обязанъ своимъ основаніемъ супругѣ Петра, Екатеринѣ I.

Императоръ, озабоченный частымъ посѣщеніемъ кронштадтскихъ укрѣпленій, предназначенныхъ оберегать новую столицу отъ вторженія непріятеля, принужденъ былъ часто посѣщать

Солдаты Петровскихъ временъ.

созидаемую имъ крѣпость. Государь постоянно ѣздилъ сюда моремъ, но такъ какъ такія поѣздки, особенно осенью въ бурную погоду, представляли не мало опасностей, то государыня и склонила царя невдалекѣ отъ Кронштадта построить себѣ дворецъ или заѣзжій домъ, отъ мѣста, гдѣ бы переѣздъ моремъ былъ недалекъ и удобенъ. И вотъ Петръ, въ 1709 году, устроилъ себѣ небольшую гавань для пристанища судовъ и невдалекѣ отъ нея, гдѣ теперь купеческая гавань, построилъ двѣ свѣтлицы или заѣзжій домъ. По преданію, по другую сторону свѣтлицъ была поставлена царемъ деревянная церковь Благовѣщенія. На мѣстѣ, гдѣ стояли двѣ деревянныя свѣтлицы, императоръ Павелъ, въ 1799 году, приказалъ построить двѣ каменныя свѣтлицы, теперь

это казармы Конно-Гренадерскаго полка. Мѣсто же, гдѣ была первая здѣсь церковь, обозначено каменной тумбой съ крестомъ на верхней плитѣ.

По другимъ преданiямъ, гдѣ теперь расположенъ Петергофъ, стояли двѣ чухонскiя деревушки: Похiоки и Кусоя; Петръ избралъ между этими деревушками возвышенную мѣстность и построилъ «палатку» или небольшой «попутный дворецъ». Царь его выстроилъ въ голландскомъ вкусѣ и назвалъ «Монплезиромъ»; близь него помѣщались столовая, буфеты, кавалерскiя

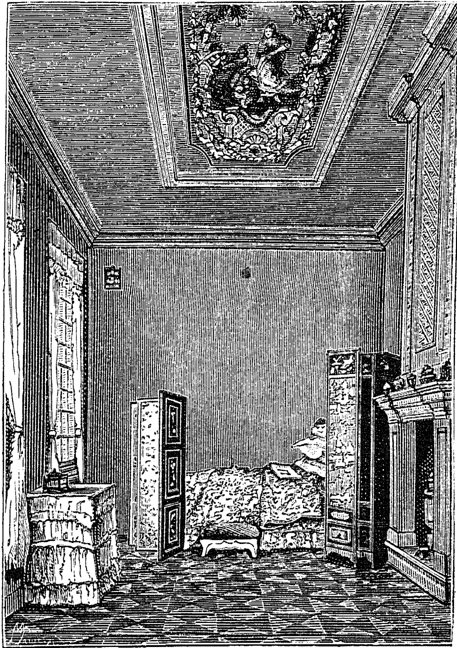
Солдаты Петровскихъ временъ.

комнаты, баня и ванная царя. Въ одномъ изъ примыкающихъ къ нему флигелей, онъ велѣлъ поставить походную церковь. Въ 1711 году Петръ приказалъ архитектору Леблонду строить загородный дворецъ, по плану существовавшаго въ Версали. Вся мѣстность здѣшняя очень возвышенная, надъ моремъ (высота 60 саженъ), сходящая къ нему уступами, представляла много удобствъ къ устройству фонтановъ и Петръ, по совѣту Миниха, провелъ сюда большой водопроводъ, который, какъ мы уже прежде упомянули, ранѣе назначался для Стрѣльны. Такъ какъ дворецъ государь строилъ для себя, то и назвалъ его «Петергофомъ»; отъ этого дворца получилъ названiе нынѣшнiй городъ. Петер-

гофскій дворецъ былъ однимъ изъ любимыхъ мѣстопребываній Петра I. Императоръ въ своемъ дворцѣ былъ простымъ помѣщикомъ, заботливымъ о сохранности его во всѣхъ мелочахъ и любившимъ показывать приглашеннымъ все хозяйственное его устройство и всѣ курьезы, собранные и устроенные въ немъ. До 1723 года посѣщеніе этого дворца посторонними лицами дозволялось только по особымъ приглашеніямъ и разрѣшеніямъ царя. Въ архивѣ петергофскаго дворцоваго правленія хранится весьма любопытный документъ, постановленія, подписанныя самимъ императоромъ о посѣщеніи дворца. Вотъ эти правила: «1) Никто не имѣетъ ѣхать вкомпанію или послѣ кому нумеръ постеле неданъ будетъ, развѣ съ такимъ дѣломъ, которое времени не терпитъ. 2) Людей своихъ, которые впяти классахъ болѣе не долженъ взять, какъ одного. А которые ниже, никакого служителя. 3) Кому дана будетъ карта снумеромъ постели, тотъ тутъ спать имѣетъ, не переносся постели, ниже другому дать; или отъ другой постели что взять. 4) Неразувся ссапогами или башмаками не ложится на постели. 5) Равнымъ же образомъ посему и съ яхтою поступать во всемъ».

Вотъ какъ описываетъ Бергхольцъ въ 1721 году Петергофъ. Первое, что онъ увидалъ въ немъ, была бесѣдка Петра «Монплезиръ», находившаяся подъ горою, между домомъ смотрителя шведа и Петергофомъ, т. е. большимъ дворцомъ. «Монплезиръ» въ то время былъ небольшой хорошенькій домикъ, который въ особенности украшенъ множествомъ отборныхъ голландскихъ картинъ. Царь большею частью ночуетъ въ немъ, когда бываетъ въ Петергофѣ. О большомъ Петергофскомъ дворцѣ Берхгольцъ говоритъ слѣдующее: главный корпусъ дворца состоитъ изъ двухъ этажей, изъ которыхъ нижній только для прислуги, а верхній—для царской фамиліи. Внизу большія прекрасныя сѣни съ хорошенькими колоннами, а вверху великолѣпная зала. Комнаты вообще малы, но недурны, увѣшаны хорошими картинами и уставлены красивою мебелью. Изъ картинъ обратила вниманіе одна, Берхгольца, писанная Каравакомъ въ 1718 году, гдѣ лошадь написана очень красно, но царь очень похожъ. Можно было узнать на картинѣ и Меншикова и многихъ другихъ генераловъ. Замѣчателенъ особенно кабинетъ, гдѣ находится небольшая библіотека царя, состоящая изъ разныхъ голландскихъ и русскихъ книгъ; онъ отдѣланъ французскимъ скульпторомъ Николаемъ Пино [189]) и отличается своими превосходными рѣзными украшеніями. Изъ числа многихъ картинъ, въ домѣ по-

мѣщена надъ крыльцомъ одна очень большая, представляющая сраженіе, въ которомъ русскіе разбиваютъ и обращаютъ въ бѣгство шведовъ. Позади дворца большой садъ, очень красиво расположенный, а за нимъ обширный звѣринецъ, еще не совсѣмъ устроенный. Съ лицевой стороны дворца въ нижній садъ спускается, тремя уступами, великолѣпный каскадъ, который такъ же широкъ, какъ весь дворецъ, выложенъ дикимъ камнемъ и украшенъ свинцовыми и позолоченными рельефными фигурами

Спальня Петра.

по зеленому полю. Нижній садъ, черезъ который прямо противъ главнаго корпуса и каскада проходитъ широкій и весь выложенный камнемъ каналъ, наполненъ цвѣтниками и красивыми фонтанами. Этимъ каналомъ можно подходить на судахъ до самаго каскада, подъ главнымъ корпусомъ дворца, что очень пріятно и удобно. Нижній садъ окруженъ многими красивыми и веселыми аллеями, проведенными черезъ облегающую его рощу. Двѣ самыя большія изъ нихъ, съ обѣихъ сторонъ сада, ведутъ черезъ рощу къ двумъ увеселительнымъ дворцамъ, находящимся въ одинаковомъ разстояніи отъ Петергофа и у самой Невы.

Въ упомянутомъ уже выше имъ «Монплезирѣ», Берхгольцъ видѣлъ множество прекрасныхъ кустовъ, прелестный цвѣтникъ, большой выложенный камнемъ прудъ, по которому плаваютъ лебеди и другія птицы, особенный маленькій домикъ для мелкихъ птицъ и разные другіе увеселительные предметы. Въ это посѣщеніе Берхгольцъ замѣтилъ, что Петергофъ состоитъ изъ четырехъ отдѣльныхъ садовъ, которые окружены пріятными мѣстами съ рощами и водою и всѣ находятся въ связи между собою.

Берхгольцъ въ своемъ описаніи Петергофа очень мало говоритъ о фонтанахъ и водопроводахъ сада. Послѣдніе въ эти годы только еще работались. Въ журналѣ Петра I сказано: «въ 8-й день августа 1721 года ея величество государыня императрица изволила быть въ Петергофѣ; того же дня репортовали, что каналъ отъ рѣки Каваши, мимо Ропшинской мызы, уже выкопанъ на двадцать верстъ, которой работѣ натура такъ послужила, что оная копальная работа отдѣлана вся въ восемь недѣль, а рабочихъ людей было сперва 900 человѣкъ, потомъ 1,000 и затѣмъ 2,000 человѣкъ». Узнавъ отъ посланнаго, что работы окончены, императоръ, съ императрицею и вмѣстѣ со дворомъ, отправился къ Ропшинской мызѣ и собственноручно заступомъ открылъ теченіе воды изъ рѣчки Каваши въ новый, только что оконченный водопроводъ. Вода появилась въ Петергофѣ только въ слѣдующее утро, въ шесть часовъ и съ этого времени забили тамъ фонтаны и каскады.

Въ первыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія былъ еще живъ столѣтній старикъ, чухонецъ, изъ деревни Ольховки, близь Ропши, который неоднократно былъ съ царемъ на работахъ этого водопровода; онъ носилъ за царемъ межевые шесты, когда Петръ вымѣрялъ эту болотистую страну для своего Петергофа, нерѣдко утопая въ зыбкой почвѣ. По преданію, чухонецъ хранилъ какъ святыню одинъ изъ серебряныхъ рублей, пожалованныхъ ему царемъ за его работу.

Многіе проектированные царемъ фонтаны, постройки и разныя украшенія въ Петергофѣ были исполнены уже послѣ его смерти. Образцомъ для каскадовъ Петергофа, императоръ избралъ каскадъ Марли, находящійся на берегахъ Сены, въ 7 верстахъ отъ Версаля и 19 отъ Парижа. Такъ, напримѣръ, краса Петергофа, фонтанъ Самсонъ былъ поставленъ въ 1725 году императрицею Екатериною I въ память побѣды Петра въ этотъ день надъ шведами. Существуетъ преданіе, что полтавскую побѣду

императрица хотѣла увѣковѣчить въ формѣ символическихъ фигуръ: Самсонъ представляетъ Россію, левъ — государственный гербъ шведскаго королевства.

По другимъ преданіямъ, Самсонъ поставленъ въ 1715 году, въ память гангудскаго сраженія, но это предположеніе невѣрно: мы уже выше говорили, что въ эти года въ Петергофѣ никакихъ фонтановъ не было. Положительно только извѣстно, что фонтанъ Самсонъ въ 1735 году уже былъ; въ этомъ году было распоряженіе отъ гофъ-интендантской конторы о перевозкѣ отъ с.-петербургскаго госпиталя 405 трубъ, 12-ти и 4-хъ дюймовыхъ въ діаметрѣ, назначаемыхъ для двухъ фонтановъ въ каналъ, гдѣ Самсонъ, и для 22-хъ фонтановъ въ недальномъ отъ нихъ разстояніи. Первоначально группа этого фонтана была отлита изъ свинца и только въ царствованіе императора Павла I замѣнена она бронзовой. Струя воды, выбрасываемая изъ львиной пасти, поднимается на высоту семидесяти футовъ. Теперь фонтанъ бьетъ ниже — императрица Елисавета Петровна приказала его понизить,—брызги, подымаемыя фонтаномъ при морскомъ вѣтрѣ, покрывали весь дворецъ,—это государынѣ не нравилось. Елисавета также приказала къ фонтанамъ придѣлать желѣзные круги.

Колоссальная фигура Самсона работы знаменитаго М. И. Козловскаго и отлита изъ бронзы Екимовымъ, по приказу императора Павла I, поставлена же она въ царствованіе Александра I. Многія же фигуры для фонтановъ также изготовлялись въ Римѣ по рисункамъ, составленнымъ въ Петербургѣ. Фонтанный же мастеръ съ товарищами былъ выписанъ, въ 1724 году, изъ Парижа; трубы же для водопроводовъ заготовлялись на Тырницкомъ заводѣ, дверные замки дѣлали русскіе мастера, возвратившіеся изъ Англіи при Петрѣ. Въ саду также существовалъ при Петрѣ «забавный дворецъ»; въ большомъ гротѣ послѣдняго стояло нѣсколько стеклянныхъ колоколовъ, подобранныхъ по тонамъ, или какъ говорилось тогда «колокольня, которая ходитъ водою», въ колокола шли пробочные молоточки, которые приводились въ движеніе посредствомъ механизма, на который падала вода.

Звуки, издаваемые колоколами, были очень пріятны, аккорды неслись тихіе, на разные мотивы. Эта колокольня называлась «ноты» и существовала еще во времена Анны Іоанновны.

При Петрѣ Петергофъ или, какъ тогда называли, «Петровъ дворъ», кипѣлъ жизнью, гости пировали здѣсь по нѣсколько сутокъ. Дворъ царя, по свидѣтельству иностранцевъ, былъ такъ же

блестящъ, какъ почти всѣ дворы германскіе. Пиры при дворѣ происходили самые разгульные. Трудно было тогда найти за столомъ царскимъ трезвыхъ чопорныхъ собраній. Мало было тоже и цѣломудреннаго за столомъ; такъ, напримѣръ, при крещеніи Петра Петровича на мужскомъ столѣ изъ громаднаго пирога выступила голая карлица, держала гостямъ рѣчь и провозгласила тостъ; на женскомъ столѣ то же самое продѣлалъ обнаженный карликъ. На царскомъ пиру всѣ были пьяные безъ различія пола. У Берхгольца то-и-дѣло встрѣчаемъ: сильно пили, ужасно пили, тамъ былъ такой пиръ, что немногіе помнили, какъ потомъ добрались до дому и т. д.

Всякій праздникъ, каждая свадьба у придворныхъ царя не обходилась тоже безъ общей попойки. Эти пиры дорого стоили приближеннымъ; для того, чтобы понять, какъ много пропили придворные царя, приведемъ слѣдующія цифры — такъ, напримѣръ, Меншиковъ прожилъ одинъ на себя въ годъ 45,123 рубля. Сумма эта должна показаться громадной, если взять во вниманіе, что весь доходъ съ государства въ 1710 году не превышалъ 3.051,796 рублей. Берхгольцъ въ своемъ дневникѣ отмѣчаетъ также о посѣщеніи Петромъ Петергофа съ иностранными принцами и многочисленной свитой, 13-го августа 1723 года, послѣ торжественной встрѣчи русскимъ флотомъ ботика Петра Великаго «Дѣдушки русскаго флота». «Около половины второго,—говоритъ Берхгольцъ,—мы съ своимъ торншхоутомъ и буеромъ подъѣхали къ Петергофу. Немедленно по прибытіи нашемъ, мы вошли въ прекрасный большой каналъ, протекающій прямо передъ дворцомъ.

Каналъ этотъ длиною до полверсты и такъ широкъ, что въ немъ могутъ стоять рядомъ два буера: императоръ самъ ввелъ въ него флотилію, и мы, пройдя половину канала, продолжали путь по одному изъ шлюзовъ. Всѣ суда числомъ около 115, выстроились потомъ по обѣимъ сторонамъ канала. Когда всѣ вышли на берегъ, императоръ самъ началъ водить всѣхъ знатныхъ гостей всюду; особенно хороши были фонтаны, изобилующіе водою.

Изъ петровскихъ построекъ 1720 года по сейчасъ цѣлъ домикъ «Марли» или «Mon bijoux», какъ въ то время его называли; домикъ этотъ построенъ по плану существующаго въ окрестностяхъ Берлина. Въ Марли теперь хранятся вещи, принадлежавшія Петру: здѣсь его халатъ, подаренный персидскимъ шахомъ, кровать съ занавѣсками и одѣяломъ, столъ его работы съ грифельною доскою, бюро, небольшой ящичекъ, гдѣ хранятся

Свадьба карликовъ.

часы имъ собранные, затѣмъ есть кружка съ девятью вкладными стаканами, присланными царю китайскимъ богдыханомъ.

Передъ домикомъ большой четыреугольный прудъ, съ язями, головлями, сазанами и судаками, выписанными царемъ изъ Пруссіи; рыбы здѣсь приходятъ на кормъ по зову въ колокольчикъ. Близь Марли развѣсистые громадные два дуба, посаженные царемъ; подъ тѣнью ихъ онъ любовался плесканіемъ заморскихъ рыбокъ. Вправо отъ Марли существуетъ каскадъ Золотая гора, фонтанъ этотъ устроенъ царицей Анной; что же касается всей постройки Марли, то она возобновлена царицей Елисаветой Петровной. Чуть ли не въ Марли въ двадцатыхъ годахъ жилъ извѣстный писатель Бестужевъ, тогда еще офицеръ; отъ этого поэтическаго дворца онъ и взялъ себѣ псевдонимъ «Марлинскаго».

Возвращаемся къ другой первой постройкѣ Петра, «Монплезиру». Послѣдній при царѣ назывался попутнымъ дворцемъ. Въ его время здѣсь помѣщалась первая по времени картинная галлерея въ Россіи, составленная изъ фламандскихъ картинъ. При императрицѣ Елисаветѣ въ немъ была сдѣлана проходная каменная галлерея — позднѣе эта государыня приказала графу Растрелли построить въ немъ каменную кухню; въ кухнѣ императрица сама занималась приготовленіемъ кушаньевъ для своего стола, изобрѣтая часто новыя кушанья. Екатерина II передъ этимъ дворцемъ устроила мраморную площадку.

Передѣланъ Монплезиръ былъ заново въ 1770 году; много бѣдъ этому дворцу дѣлало каждый разъ наводненіе. Такъ, онъ страдалъ и былъ ремонтированъ въ 1802, 1825 году—вслѣдствіе наводненій 1801 и 1824 годовъ. Въ Китайской комнатѣ этого дворца, въ деревянной обшивкѣ цѣлы двѣ пули, попавшія туда, какъ мы выше говорили, во время охоты за оленемъ при стрѣльбѣ Анны Іоанновны. Въ правомъ деревянномъ флигелѣ при Петрѣ была русская баня; императрица Елисавета въ 1743 году сдѣлала здѣсь комнату съ душами для обливанія. На мѣстѣ этомъ въ 1865 году сдѣлана каменная купальня для Государыни Императрицы,—и въ то же время къ этой постройкѣ отдѣлана примыкающая «Арабская зала». По повелѣнію императора Александра I, въ саду Монплезира поставлены четыре бронзовыя вызолоченныя фигуры: Аполлона, Фавна, Психеи Кановы и Фавна съ козленкомъ, работы Екимова.

Въ этомъ же саду около зеленой рѣшетки поставлены скамейки съ особо устроенными фонтанами; называются онѣ «шу-

тихами», и если только посѣтитель захочетъ на нихъ сѣсть, какъ его моментально со всѣхъ сторонъ обдаетъ мелкій дождь; въ саду Монплезира многіе дубы и кедры посажены императоромъ Петромъ. Въ годъ своего воцаренія императрица Екатерина II въ саду Монплезира посадила желудь, изъ этого желудя выросъ громадный дубъ, въ настоящее время очень красивый; по повелѣнію императора Павла I, со стороны зданія, у него были отрублены вѣтви. Императрица Екатерина II, пріѣзжая въ Петергофъ, всегда занимала Монплезиръ и обыкновенно работала на террасѣ дворца, открытой на взморье; если же былъ день вѣтреный, то государыня занималась съ другой стороны галлереи, въ цвѣтникѣ.

Въ запискахъ императрицы Екатерины II находимъ, что въ бытность ея еще великой княжной, она съ супругомъ своимъ, по пріѣздѣ въ Петергофъ, жила постоянно въ Монплезирѣ. Въ царствованіе императора Николая I, въ залахъ домика Монплезира неоднократно давались балы и придворные праздники. Но особенно здѣсь императоръ Николай Павловичъ любилъ пить свой вечерній чай, любуясь въ ясную погоду, какъ блеститъ куполъ Исаакіевскаго собора и шпиль Петропавловской крѣпости.

Вблизи Монплезира находится «Императорская купальня»; зданіе это очень красиво расписано снаружи; внутри купальни нѣсколько нишей для раздѣванія, бассейнъ длиною 50 саж., шириною 15, посреди его устроенъ на столбѣ шаръ, который отъ напора воды приходитъ въ движеніе и брызгами обдаетъ купающихся; вокругъ него четыре дельфина, которые тоже выбрасываютъ воду въ бассейнъ. Купальня построена въ 1774 году императрицею Екатериною II, архитекторомъ Фельтеномъ [190]), извѣстнымъ строителемъ рѣшетки Лѣтняго сада.

Вблизи Монплезира группируется много каскадовъ и фонтановъ; такъ при выходѣ изъ него виднѣется «Шахматная гора», послѣдняя носитъ также названіе «Малаго грота» и «Драконовой горы»; передъ ней два «римскихъ фонтана». Шахматная гора устроена въ 1739 году императрицею Анною Іоанновною, при ней она носила названіе «Руиннаго каскада»; точно также и римскіе фонтаны устроены этой же императрицей въ 1739 г., построены они изъ цвѣтныхъ мраморовъ; созданы эти фонтаны по рисунку существующихъ въ Римѣ на площади св. Петра. Римскіе фонтаны не передѣлывались со дня ихъ постройки. Невдалекѣ отъ этихъ величественныхъ каскадовъ и фонтановъ, имѣются черезъ аллею фонтаны: «Дубокъ», «Елка» и «Грибокъ»;

вблизи «Дубка» стоитъ скамейка съ потайными фонтанами, о которыхъ мы уже выше говорили.

Изъ фонтановъ, построенныхъ при Петрѣ I, замѣчателенъ «Пирамидный», вода въ немъ бьетъ изъ 525 трубокъ. Этотъ фонтанъ былъ отдѣланъ въ 1800 году императоромъ Павломъ I; затѣмъ извѣстенъ въ верхнемъ саду, устроенный еще Петромъ I фонтанъ Нептуна; первоначально статуя была отлита изъ свинца, сидящею въ большой влекомой дельфинами раковинѣ, но при императорѣ Павлѣ I фигура замѣнена бронзовою и стоящею на пьедесталѣ. Тамъ же находятся фонтаны: «дубовый» или «среднiй Клошъ» и два квадратные пруда съ дельфинами. Бронзовыя фигуры для этихъ фонтановъ куплены, въ 1799 году, въ Нюренбергѣ за 60,000 рублей. Изъ фонтановъ, устроенныхъ еще Петромъ, на главной аллеѣ сада находится два: «Еввинъ фонтанъ» и «Адамовъ», оба изъ бѣлаго каррарскаго мрамора и оба выписаны имъ изъ Италiи; влѣво отъ перваго фонтана стоитъ «песочный фонтанъ»; послѣднiй получилъ названiе отъ пруда того же имени, на которомъ посрединѣ поставлено восемь дельфиновъ, выбрасывающихъ воду на двадцать футовъ. Фонтанъ этотъ построенъ при Павлѣ I, фонтаннымъ мастеромъ К. С. Чудиновымъ, своего рода знаменитостью, послужившимъ при петергофскихъ фонтанахъ 58 лѣтъ, во время царствованiя Екатерины II, Павла I, Александра I и Николая I.

Императрица Екатерина I въ двухлѣтнее царствованiе свое часто навѣщала Петергофъ, приплывая сюда на буерахъ и торхшхойтахъ со своимъ дворомъ. Здѣсь государыня праздновала день своей коронацiи, годовщины Полтавы и Гангуда и свадьбы дочери.

Послѣднее торжество хотя и происходило въ Петербургѣ въ церкви св. Троицы, но балъ былъ данъ въ Петергофѣ. Въ этотъ день императрица въ первый разъ раздавала знаки ордена св. Александра Невскаго, установленнаго ею согласно съ волею покойнаго Петра I, который, въ 1724 году, при перенесенiи мощей св. Александра Невскаго изъ Владимiра въ Петербургъ, хотѣлъ учредить такой орденъ въ память невскаго героя. Въ царствованiе Екатерины I уже сады Петергофа оживлялись наплывомъ прiѣзжей публики изъ Петербурга.

Дворъ при Екатеринѣ I былъ тотъ же, что и при Петрѣ Великомъ, но ассамблеи, заведенныя царемъ, тогда уже несуществовали, частные балы и страсть къ танцамъ все болѣе и болѣе входили въ моду. При Екатеринѣ незнанiе танцевъ въ дѣвицѣ счи-

талось недостаткомъ воспитанія. При ней начали употреблять на собраніяхъ и карты, которыхъ Петръ I не терпѣлъ, предпочитая имъ шашки, и особенно шахматную игру.

Послѣднюю государь очень любилъ и почти не находилъ въ ней равнаго себѣ игрока. Въ слѣдующее царствованіе, императора Петра II, въ Петергофѣ царствовало полное затишье, изрѣдка только молодой государь наѣзжалъ сюда для охоты.

Существуетъ преданіе, что въ Петергофѣ юный монархъ въ первый разъ выразилъ свой гнѣвъ Меншикову и только что послѣдній начиналъ говорить съ Петромъ, тотъ поворачивался къ нему спиною, на поклоны свѣтлѣйшаго князя онъ не обращалъ никакого вниманія и былъ очень доволенъ, что могъ унижать его:

— Смотрите, — сказалъ онъ одному изъ приближенныхъ: — развѣ я не начинаю вразумлять его?

На невѣсту свою онъ также не обращалъ никакого вниманія [191]).

Услыхавъ, что Меншиковъ жалуется на это, Петръ сказалъ:

— Развѣ не довольно, что я люблю ее въ сердцѣ; ласки излишни; что касается до свадьбы, то Меншиковъ знаетъ, что я не намѣренъ жениться ранѣе 25 лѣтъ.

Съ этого дня Петръ II освобождался изъ-подъ ига Меншикова. Юный государь говорилъ:

— Я покажу, кто императоръ: я или Меншиковъ!

Ненависть увеличивалась еще тѣмъ, что было обязательство жениться на дочери Меншикова. Императоръ освобождалъ и себя, и всю Россію отъ этого временщика. По поводу такой опалы 5-го сентября въ Петергофѣ Меншиковъ съ полчаса тайно разговаривалъ съ Остерманомъ и есть очень вѣроятное извѣстіе, что разговоръ былъ крупный, ибо Меншиковъ, видя отвращеніе Петра къ себѣ, долженъ былъ прежде всего потребовать объясненія у воспитателя. Чтобъ пригрозить Остерману, Меншиковъ сталъ его упрекать въ томъ, что онъ старается отвратить императора отъ православія, за что будетъ колесованъ; Остерманъ отвѣчалъ, что онъ такъ ведетъ себя, что колесовать его не за что, но что онъ знаетъ человѣка, который можетъ быть колесованъ [192]).

Въ пятницу, 8-го сентября, въ день Рождества Богородицы, судьба Меншикова была рѣшена: по утру къ нему явился маіоръ гвардіи генералъ-лейтенантъ Семенъ Салтыковъ съ объявленіемъ ареста: чтобъ онъ со двора своего никуда не съѣзжалъ. Услы-

хавъ это, Меншиковъ упалъ въ обморокъ; ему пустили кровь; жена его вмѣстѣ съ сыномъ и сестрою Варварою Арсеньевою поспѣшили во дворецъ, гдѣ на колѣняхъ встрѣтили императора, возвращавшагося отъ обѣдни; но Петръ не обратилъ никакого вниманія на просьбы этой достойной женщины [193]), которую всѣ уважали и о которой всѣ жалѣли. Она бросилась къ великой княгинѣ Натальѣ, къ цесаревнѣ Елисаветѣ, но и тѣ ушли отъ нея, не сказавши ни слова. Княгиня обратилась къ Остерману, три четверти часа она стояла на колѣняхъ передъ нимъ. Остерманъ долженъ былъ спѣшить въ верховный тайный совѣтъ, куда долженъ былъ пріѣхать и императоръ. Здѣсь Петръ II подписалъ указъ, по которому «подъ опасеніемъ монаршаго гнѣва, всѣ дѣла, которыя будутъ писаны отъ князя Меншикова не слушать» и проч. Меншиковъ прислалъ чрезъ Салтыкова письмо къ императору, въ которомъ просилъ его освободить изъ-подъ ареста, памятуя рѣченіе Христа Спасителя нашего: «Да не зайдетъ солнце во гнѣвѣ нашемъ». На письмо это не послѣдовало никакого отвѣта.

На другой день Меншикова лишили всѣхъ чиновъ и орденовъ и сослали въ дальнее имѣніе его Ораніенбургъ. Семенъ Салтыковъ объявилъ указъ Меншикову и привезъ во дворецъ двѣ кавалеріи, взятыя у бывшаго генералиссимуса: Андреевскую и Александровскую. Затѣмъ назначенному провожать офицеру Пырскому дали на 50 подводъ прогонныхъ денегъ, а за другія 50 подводъ князь Меншиковъ долженъ былъ платить свои деньги. Повелѣли также Алексѣю Макарову и Петру Мошкову взять у Меншикова большой яхонтъ. Затѣмъ призванъ былъ новгородскій архіерей и сказанъ ему указъ, чтобъ впредь обрученной невѣсты въ церквахъ не поминали. Въ тотъ же день, въ четыре часа пополудни, Меншиковъ выѣхалъ изъ Петербурга. Впереди огромнаго поѣзда ѣхали четыре кареты шестернями: въ первой каретѣ сидѣлъ самъ свѣтлѣйшій князь съ женою и свояченицею, Варварою Арсеньевою, во второй—сынъ его съ карлою, въ третьей—двѣ княжны съ двумя служанками, въ четвертой—братъ княгини Арсеньевъ и другіе приближенные люди, всѣ одѣтые въ черномъ. Поѣздъ провожалъ гвардейскій капитанъ съ отрядомъ изъ 120 человѣкъ. По поводу высылки князя Меншикова въ городѣ стали ходить слухи, будто бы послѣдній желалъ короны всероссійской. Говорили, что было найдено письмо Меншикова къ прусскому королю, гдѣ онъ просилъ дать ему взаймы десять милліоновъ, обѣщаясь возвра-

тить вдвое, какъ только получитъ русскій престолъ. Толковали и о завѣщаніи Екатерины; разсказывали, что герцогъ Голштинскій и Меншиковъ заставили цесаревну подписать это завѣщаніе вмѣсто матери, которая ничего о томъ не знала; говорили, что Меншиковъ будетъ казненъ, что онъ недолго пробудетъ въ ссылкѣ, и т. д.

Кн. Меншиковъ.

Паденіе Меншикова на многихъ произвело радостное впечатлѣніе. Отъ души былъ радъ, напримѣръ, Ѳеофанъ Прокоповичъ. Онъ писалъ къ одному изъ архіереевъ: «Молчаніе ваше извиняется нашимъ великіимъ бѣдствіемъ, претерпѣннымъ отъ тираніи, которая, благодаря Бога, уже разрѣшилась въ дымъ. Ярость помѣшаннаго человѣка, чѣмъ болѣе возбуждала противъ него всеобщей ненависти и предускоряла его погибель, тѣмъ болѣе и болѣе со дня на день усиливала свое свирѣпство».

Другой современникъ Меншикова, Пашковъ, отписывалъ своему знакомому Черкасову въ Москву слѣдующее: «Прошла и погибла суетная слава прегордаго Голіаѳа, котораго Богъ сильною десницею сокрушилъ; всѣ этому очень рады и я, многогрѣшный, славя св. Троицу, пребываю безъ всякаго страха».

Въ царствованіе императрицы Анны при герцогѣ Биронѣ въ Петергофѣ хотя роскошь умножилась, но жилось не весело въ это ужасное, мрачное и тяжкое время, съ его допросами и очными ставками, съ желѣзомъ и пытками! Довольно вспомнить жестокую казнь Волынскаго, чтобы замерла всякая мысль о весельи. Зумъ, бывшій саксонскій посланникъ въ Петербургѣ, писалъ Фридриху II, тогда еще наслѣднику престола, про ужасы того времени.

По словамъ его, Волынскому отрѣзали языкъ, но сдѣлали это въ тюрьмѣ, секретно, передъ отправленіемъ на казнь, и закрыли ротъ намордникомъ, завязаннымъ на головѣ, чтобъ не текла кровь. Въ это ужасное время пышность двора нашего умножилась, и по словамъ Щербатова: «Умножены стали придворные чины, сребро и злато на всѣхъ придворныхъ возблистало, и даже ливрея царская серебромъ была покрыта». Въ это время учредилась придворная конюшенная канцелярія и экипажи стали необыкновенно пышны, кареты золотыя съ точеными стеклами, обитыя бархатомъ съ золотыми и серебряными бахромами; лучшія и дорогія лошади, богатыя золотыя и серебряныя шоры, съ кутасами шелковыми и съ золотомъ или серебромъ. Была выписана итальянская опера и стали устраиваться при дворѣ спектакли, и вмѣстѣ съ придворными балами и маскарадами былъ учрежденъ придворный оркестръ и камерная музыка.

Въ Петергофѣ, при Аннѣ, построились необходимыя службы на случай пріѣзда съ гостями въ пустынный дворецъ: кухни, конюшни, каретный сарай, избы для прислуги и дома для кавалеровъ. Вмѣсто сдѣланной изъ простого дерева мебели при ней стали употребляться «англійскія мебели», сдѣланныя изъ краснаго дерева «мегагеня», и вмѣсто небольшого количества комнатъ стали дѣлать пристройки обширныя и комнаты стали обивать штофными и другими обоями; зеркала, которыхъ до этого времени было мало, стали развѣшивать во всѣ комнаты. Въ Анненское время не забыты были также возобновленіемъ въ Петергофѣ звѣринцы, съ особыми амбарами для склада мяса. Въ записной книгѣ придворныхъ торжествъ и въ «С.-Петер-

бургскихъ Вѣдомостяхъ»[194]) находимъ, что день тезоименитства герцога Бирона праздновали въ Петергофѣ какъ императрица, такъ съ нею и весь дворъ, и за нѣсколько дней предъ симъ сюда переѣзжали на лѣтній сезонъ, «въ навечеріи» здѣсь была итальянская музыка и всѣ чужестранные и здѣшніе министры.

Въ другомъ мѣстѣ находимъ, что въ самый день тезоименитства наслѣднаго Курляндскаго принца Петра былъ въ Петергофѣ пріѣздъ ко двору многихъ знатныхъ персонъ съ поздравленіемъ и т. д. Также въ торжествахъ, бывшихъ въ 1740 году, записано, что праздникъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка въ августѣ былъ праздновавъ тоже въ Петергофѣ. Въ этотъ день штабъ-и оберъ-офицеры преображенскаго полка были «трактованы обѣдомъ». Столовое кушанье отправлялось подлѣ оберъ-маршальскихъ покоевъ, въ залѣ; а за столомъ въ первыхъ мѣстахъ сидѣли его свѣтлость принцъ Гессенъ-Гомбургскій, по правую сторону подлѣ него оберъ-гофмаршалъ, по лѣвую сторону генералъ-фельдмаршалъ графъ фонъ-Минихъ; затѣмъ противъ его князь Трубецкой, подлѣ него маіоръ Альбрехтъ, потомъ оберъ-офицеры по рангамъ. Во время кушанья про здоровье кушать зачинали: 1) его свѣтлость принцъ, 2) ея императорское величество, 3) фамилія ея императорскаго величества и т. д. На приготовленіе кушанья для этого трактованія отпущено столовыхъ припасовъ: окорокъ провѣсный, масла коровьяго русскаго 6 фунтовъ, чухонскаго 20 фун., рыбы: стерлядей 13 (въ числѣ ихъ одна была мѣрою аршинъ съ четвертью, а другая въ аршинъ), щукъ разныхъ мѣръ 43, лещей 8, язей 5, харіузовъ 22, подлещиковъ и подъязиковъ по 10, налимовъ 16, окуней и плотицъ по 30, лососей 4, угрей аршинныхъ 6, ершей 130. Въ конфектную палату отпущено на дѣло конфектъ 60 яицъ. Затѣмъ на этотъ обѣдъ пошло муки недомѣрочной 1½ пуда, дрожжей ½ ведра, 1 ведро орѣховаго масла, сморчковъ сухихъ 1 фунтъ, бѣлыхъ 2 фунта, хрѣну 10 фунтовъ, луку рѣпчатого 1½ четверика, 100 кочней капусты бѣлой, 3 кулька стручья сахарнаго, грибовъ свѣжихъ 200 штукъ, бобовъ русскихъ 50 пучковъ, петрушки и пастернаку по 100 корешковъ, шпинату два кулька, рѣдьки 50 корней, сливокъ молочныхъ 4 кружки, огурцовъ свѣжихъ двѣ сотни, и т. д.

Сколько вина было выпито на этомъ праздникѣ, мы въ документахъ не находимъ. Императрица Анна сильно ограничивала пьянство при дворцѣ; впрочемъ, приказы государыни не распространялись на нѣкоторыхъ ея любимцевъ; такъ Биронъ

частенько не могъ присутствовать во дворцѣ, такъ какъ наканунѣ онъ слишкомъ хорошо угостился. За то, наоборотъ, роскошь сильно развивалась при дворѣ Анны. У жены Бирона, напримѣръ, одно платье, унизанное жемчугомъ, стоило 100,000 рублей; гардеробъ ея цѣнился въ полмилліона, брилліанты въ два милліона. Е. Бѣловъ [195]) говоритъ о «систематическомъ разореніи высшаго дворянства посредствомъ неслыханной до того времени роскоши; онъ полагаетъ, что Биронъ сознательно стремился къ этой цѣли. Было запрещено, напримѣръ, два раза являться ко двору въ одномъ и томъ же платьѣ.

Стремленіе разорить и унизить знать едва ли можетъ подлежать сомнѣнію: замыслы верховниковъ и личное положеніе Бирона подсказывали такой образъ дѣйствій для правительства. Такая роскошь двора вызвала рѣзкіе упреки со стороны любимца Петра, Румянцева, отца Задунайскаго. За это онъ едва не поплатился головой и былъ отправленъ въ ссылку. Какъ мы выше уже говорили, императрица Анна запретила при дворѣ питье вина; одинъ только разъ въ году, а именно въ день восшествія императрицы на престолъ, запрещеніе это отмѣнялось.

Въ этотъ день 1731 года, послѣ усиленныхъ просьбъ своихъ приближенныхъ, едва позволила она пить за свое здоровье; позволеніе это отпраздновалось слѣдующимъ образомъ: Ягужинскій, Шепелевъ и самъ Биронъ вошли въ залу, гдѣ она смотрѣла на танцы, стали передъ нею на колѣна и пили за здравіе тѣхъ, которые отъ всего сердца государыню любили. Всѣ присутствовавшіе на балу должны были послѣдовать ихъ примѣру и пить за здоровье государыни при звукѣ трубъ, литавровъ и пушечной пальбѣ.

При императрицѣ Аннѣ уничтожилось наказаніе осушать кубокъ большого орла, существовавшее со временъ Петра I, также при ней не былъ слышенъ стукъ шашекъ и не было табачнаго дыма. Государыня, какъ мы не разъ говорили, очень любила охоту и стрѣляла такъ, что безъ промаха попадала въ цѣль, не уступая лучшимъ стрѣлкамъ, и убивала птицъ на лету.

Въ комнатахъ ея стояли всегда заряженныя ружья, изъ которыхъ она стрѣляла въ мимолетающихъ птицъ; зимою въ дворцовой галлереѣ, при яркомъ освѣщеніи, пускала изъ лука стрѣлы въ нарочно устроенную мишень. Лѣтомъ государыня охотилась въ окрестностяхъ Петергофа. Насколько искусна была императрица въ стрѣльбѣ свидѣтельствуютъ слѣдующія данныя: во время своего пребыванія лѣтомъ 1740 года въ Петергофѣ [196]), она сама

застрѣлила девять оленей, шестнадцать дикихъ козъ, четыре кабана, одного волка, 374 зайца, 68 дикихъ утокъ и 16 большихъ морскихъ птицъ.

Въ бытность свою въ Петергофѣ государыня время проводила слѣдующимъ образомъ: вставала она въ шесть или семь часовъ утра, обѣдала въ двѣнадцать, ужинала въ девять часовъ, употребляя за столомъ пищу самую простую; ложилась спать государыня въ одиннадцать часовъ. Изъ внутреннихъ покоевъ выходила всегда поутру, отъ 11 до 12, а послѣ обѣда—отъ 5 до 8 часовъ.

Императрица Анна Іоанновна не переставала въ свое царствованіе украшать и обстраивать Петергофъ.

При ней, какъ мы упоминали, было устроено множество фонтановъ. Также императрица возобновила многія зданія, построенныя еще Петромъ. Въ числѣ послѣднихъ она, по именному указу 28-го іюня 1737 года, повелѣла: «Для шлифованія и полированія при Академіи наукъ всякихъ найденныхъ въ здѣшнемъ государствѣ ясписовыхъ и прочихъ камней, построить мельницу, на мѣстѣ сгорѣвшей въ Петергофѣ».

Постройка была произведена по плану извѣстнаго архіатера Петра I, Блументроста, и по чертежамъ Брунера. На фабрикѣ занимались граненіемъ твердыхъ камней и благородныхъ драгоцѣнныхъ. Сюда былъ выписанъ мастеромъ изъ Базеля—Брюкнеръ. Ученики послѣдняго вышли самостоятельными мастерами на нашихъ гранильныхъ фабрикахъ: въ Екатеринбургѣ и на Колыванско-Воскресенскомъ заводѣ. Есть данныя предполагать, что въ первое время въ Петергофѣ гранили даже алмазы, чего впослѣдствіи уже не дѣлали.

Въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны на фабрикѣ стали дѣлать накладную флорентинскую мозаику. Изъ такихъ работъ извѣстны въ Ораніенбаумскомъ дворцѣ три стола и полъ въ китайскомъ дворцѣ. При императрицѣ Екатеринѣ II зданіе гранильной фабрики возведено въ каменномъ видѣ и въ память сооруженія былъ изготовленъ тогда же малахитовый четырехъугольный пьедесталъ [197]) съ колонною на немъ изъ сибирской яшмы и бронзовыми: базою, капителью и бюстомъ Екатерины II во весь ростъ, въ уменьшенномъ видѣ; вокругъ колонны расположены сорокъ топазовыхъ пирамидъ, на пьедесталахъ изъ твердыхъ камней, съ бронзовыми гербами губерній Россіи, а въ основаніи всего—квадратная изъ красной сибирской яшмы плита; все это установлено на пьедесталѣ изъ сѣ-

раго гранита, съ надписью бронзовыми буквами: «Создала Великая Екатерина II 1785 года».

Пьедесталъ этотъ съ надписью по сейчасъ находится при входѣ на фабрику, а все остальное, по повелѣнію императора Николая I, передано въ Эрмитажъ и хранится въ Брилліантовой комнатѣ, близь кабинета Петра Великаго.

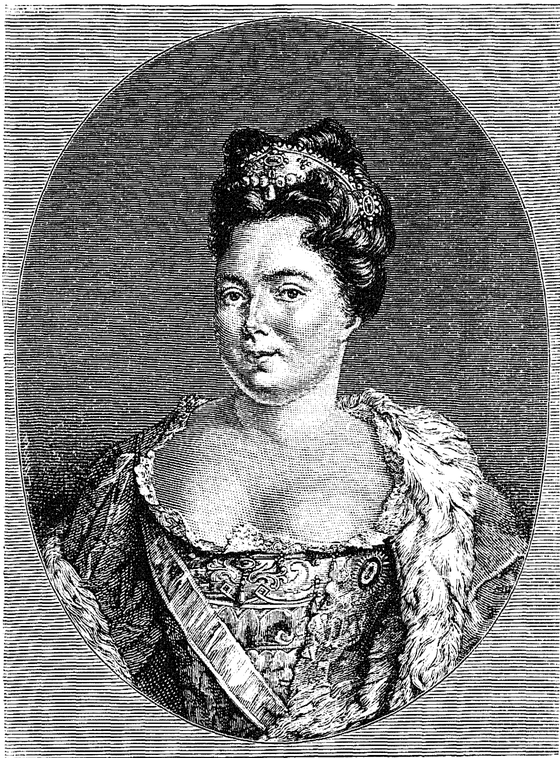
Въ царствованіе Екатерины II шлифовальное дѣло быстро подвинулось впередъ; въ это время Екатеринбургская гранильная фабрика, подъ управленіемъ генерала Даненберга, производила уже художественныя работы; приглашенные имъ итальянцы раскрыли во всей полнотѣ разнообразныя ископаемыя богатства нашего Урала. Свѣдѣнія о нахожденіи цвѣтныхъ камней на Уралѣ уже начинаются съ 1720 года, въ это время мы находимъ въ донесеніяхъ де-Генина императору Петру I, что близь Екатеринбурга попадаются: желтовато-черноватый топазъ, черный мраморъ съ бѣлыми жилками, горный хрусталь съ краснымъ, лазуревымъ и желтымъ отливомъ, камень наждакъ, кровавикъ, каменная кудель (азбестъ), а также и куріозныя натураліи и разные антиквитеты [198]).

Мраморы и яшмы, требовавшіеся на украшенія созидавшагося Петербурга, при Екатеринѣ II послужили къ открытію многихъ цвѣтныхъ камней. Еще до сихъ поръ екатеринбургскіе жители показываютъ «Тальяшковую гору», гдѣ итальянцы производили свои работы; отъ нихъ, несомнѣнно, и горный хрусталь получилъ мѣстное названіе «тальяшковъ» или «тальянчиковъ».

Вѣкъ празднествъ и торжествъ въ Петергофѣ снова наступилъ съ воцареніемъ императрицы Елисаветы Петровны. Для пышнаго двора царицы скромные домики Стараго Петергофа оказались ничтожны; скоро по бокамъ прежняго Петровскаго жилища поднялись длинные флигеля и сверхъ второго этажа главнаго дворца возникъ третій этажъ.

Большой петергофскій дворецъ начатъ постройкой въ 1715 году; въ указѣ Петра по поводу постройки было сказано: «домъ заложить каменный и подвести каналъ отъ него къ морю»; постройка дворца была поручена архитектору Леблону. Жанъ Баптистъ Александръ Леблонъ, родомъ французъ, былъ выписанъ императоромъ Петромъ изъ Парижа—онъ нанятъ былъ царемъ на пять лѣтъ, съ жалованіемъ по 5 тыс. рублей ежегодно при готовой квартирѣ, съ экипажемъ и прислугою. Императоръ произвелъ Леблона въ генералъ-архитекторы; по преданію, Петръ свидѣлся съ Леблономъ въ Пирмонтѣ, во время своего пользо-

ванія тамъ водами. Царь провелъ три дня въ бесѣдахъ съ этимъ зодчимъ и, отправляя его въ Петербургъ, писалъ къ Меншикову: «сего Леблона примите пріятно и по его контракту довольствуйте, ибо сей мастеръ изъ лучшихъ и прямою диковинкою есть, какъ я въ короткое время могъ разсмотрѣть. Къ тому же, не лѣнивъ, добрый и умный человѣкъ, также кредитъ имѣетъ великій въ мастеровыхъ во Франціи и кого надобно чрезъ него

Екатерина I.

достать можемъ. И для этого объяви всѣмъ архитекторамъ, чтобы всѣ дѣла, которыя вновь начинать будутъ, чтобы безъ его подписи на чертежахъ не строили и т. д.».

Въ числѣ заботъ государя, выраженныхъ Леблону, было и разбитіе садовъ въ его новой столицѣ. Леблонъ, въ 1716 году, составилъ проектъ разбитія Лѣтняго сада, построилъ на Адмиралтейскомъ островѣ князю Меншикову рядъ построекъ «кня-

жескія мазанки» (онѣ стояли гдѣ теперь сенатъ), Леблонъ снялъ со дна затонувшій на восьми саженной глубинѣ 54-пушечный корабль «Нарва» у Котлина, сгорѣвшаго отъ молніи 26-го іюня 1715 года. Затѣмъ Леблонъ представилъ проектъ постройки столицы императору. По плану Леблона весь городъ долженъ быть прокопанъ каналами, всю землю, вынутую при рытьѣ каналовъ, насыпать подъ постройки, этимъ онъ хотѣлъ возвысить почву жилищъ и сдѣлать дома сухими.

Въ этомъ же проектѣ Леблонъ предполагалъ дворецъ государя устроить на островѣ въ большомъ саду. За городомъ Леблонъ думалъ отвести бойни, больницы, богадѣльни и далѣе кладбища. На площадяхъ по его плану должны были бы стоять фонтаны, для снабженія водою при пожарахъ—для послѣдней цѣли также при каждомъ домѣ состояли цистерны и колодцы.

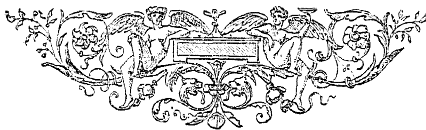
Большой дворецъ въ Петровское время представлялъ одну среднюю часть всего большого теперяшняго зданія. Въ царствованіе императрицы Елисаветы къ нему пристроены два боковыхъ каменныхъ флигеля и выведенъ еще надъ дворцомъ верхній этажъ; постройка была поручена архитектору графу Растрелли. Въ 1754 году дворецъ былъ окончательно готовъ. Въ средней части дворца былъ поставленъ вензель Петра Великаго «Petri Primo Alexcievitsch», на боковыхъ же частяхъ поставленъ вензель императрицы Елисаветы. Длина дворца сто тридцать четыре сажени, а ширина восемь. По обѣ стороны двора идутъ галлереи, правая галлерея къ церковному строенію, а лѣвая—къ отдѣльному дворцовому строенію, называемому «Корпусъ подъ censored гербомъ». Это трехэъ-тажное строеніе имѣетъ крышу въ видѣ четырехсторонняго купола изъ бѣлаго желѣза, съ золотыми украшеніями. На вершинѣ купола поставленъ, по повелѣнію императрицы Елисаветы въ 1751 году, трехсторонній императорскій трехглавый орелъ, вѣсомъ въ 16 пуд. $2^1/_2$ фунта. Отливка послѣдняго произведена мастеромъ Киршманомъ по модели Жирардона. Въ первомъ и третьемъ этажѣ этого зданія помѣщается свита — въ среднемъ же этажѣ, роскошно отдѣланномъ, жилъ въ 40-хъ годахъ великій князь Михаилъ Павловичъ, принявшій одно лѣто, во время высочайшаго присутствія въ Петергофѣ, должность военнаго губернатора Петергофа [199]).

Въ этихъ же комнатахъ, въ разное время, помѣщались и другія царственныя особы иностранныхъ дворовъ. Лѣтомъ надъ боковыми галлереями устраиваются шатровые навѣсы. Главныя парадныя дворцовыя комнаты находятся во второмъ этажѣ

средней части дворца; выходящая на террасу дубовая массивная лѣстница ведетъ отъ колоннады средняго подъѣзда въ парадныя комнаты второго этажа, гдѣ помѣщается кабинетъ Государя Императора. Стѣны кабинета отдѣланы сверху до низу рѣзнымъ дубомъ и оставлены въ томъ же видѣ, въ какомъ были при императорѣ Петрѣ I. Существуетъ преданіе, что императоръ самъ вырѣзалъ нѣкоторыя части дубовой обшивки стѣнъ своего кабинета. Въ числѣ картинъ въ этой комнатѣ имѣется портретъ Петра мозаической работы. Затѣмъ изображеніе развода у большого Петергофскаго дворца лейбъ-гвардіи Конному и Уланскому полкамъ, работы А. Заурвейда. При входѣ во дворецъ по парадной лѣстницѣ, первая комната—это портретный залъ съ превосходнымъ видомъ изъ оконъ на садъ съ фонтанами и далью моря. Портретный залъ со стороны сада имѣетъ большой балконъ, двѣ боковыя стѣны портретнаго зала сплошь убраны портретами работы графа де-Ротари; всѣхъ портретовъ 328 штукъ.

Графъ Ротари, извѣстный художникъ-путешественникъ, былъ приглашенъ императрицею Екатериною II. Влѣво отъ портретной залы «китайская комната»; здѣсь какъ стѣны, мебель, такъ и всѣ украшенія китайскія—въ этой комнатѣ во времена императрицы Анны Іоанновны устраивался аукціонъ китайскихъ вещей, привозимыхъ китайцами ежегодно въ Петербургъ—императрица всегда лично присутствовала на немъ; далѣе идетъ комната «бѣлая гостиная», въ ней хорошей лѣпной работы художника Устрахова изображеніе Петра Великаго во время бури на Ладожскомъ озерѣ; послѣ этой комнаты «малиновая гостиная», она же и «штатсъ-дамская». Комната эта обита малиновымъ штофомъ, убрана зеркалами и разными золочеными украшеніями. Въ этой гостиной находится на мраморномъ пьедесталѣ бронзовая модель памятника Мих. Петр. Лазареву со слѣпка профессора Пименова. Въ гостиной, извѣстной подъ именемъ «аудіенцъ-камеры», замѣчателенъ плафонъ съ изображеніемъ Діаны на охотѣ, писанный въ 1755 году художникомъ Балерини, нарочно вызваннымъ для этой работы изъ Италіи [200]). Изъ этой комнаты выходъ въ «большой бѣлый петергофскій залъ»; здѣсь превосходный гобеленъ съ изображеніемъ Петра на Ладожскомъ озерѣ; затѣмъ картины Гакерта, изображающія пораженіе турецкаго флота при Чесмѣ, въ 1770 г. Объ этомъ боѣ кстати приведемъ весьма характерное письмо самого героя, графа А. Г. Орлова, къ своему брату, графу Ивану Григорьевичу, писанное имъ въ Москву «изъ подъ острова Хіо, изъ

канала, что между Анатоліею»: «Государь братецъ, здраствуй! Скажу тебѣ немного о нашемъ плаваніи. Морею принуждены были оставить. Зажегши вездѣ огонь, съ флотомъ за непріятелемъ пошли, до него дошли, къ нему подошли, схватились, сразились, разбили, побѣдили, поломали, потопили, сожгли и въ пепелъ обратили. А я, вашъ слуга, здоровъ и братъ мой также, чего вамъ оба желаемъ, и остаюсь графъ А. Орловъ. P. S. Со всѣмъ вышеописаннымъ васъ поздравляю, а что впередъ Богъ дастъ, не знаю. Вотъ этотъ камышекъ у меня на шеѣ былъ, о которомъ я къ вамъ изъ Италіи прежде писалъ шутя. Мнѣ стало полегче, какъ онъ у меня свалился. Не знаю, каково-то теперь тебѣ» [201]).

ГЛАВА XIV.

Отзывы о цесаревнѣ Елисаветѣ императрицы Екатерины II и другихъ современниковъ. — Дворъ Елисаветы въ первые годы царствованія.—Жизнь цесаревны въ покровскомъ.—Алексѣй Яковлевичъ Шубинъ.—Несчастная судьба этого любимца цесаревны.—Штатъ придворный цесаревны.—Чины лейбъ-кампаніи.—Приговоръ надъ вельможами прежняго царствованія.— Нелюбовь солдатъ къ иноземцамъ. — Указъ Елисаветы относительно церквей иноземцевъ.—Жизнь придворныхъ при Елисаветѣ.— Первые герберги въ столицѣ.—Театральныя представленія.—«Нѣмецкая комедія».— Композиторъ Францискъ Арайя.—Первая драма «Сила любви и ненависти».—Первые пѣвцы и пѣвицы.—Первые балетмейстеры.—Первые танцоры и танцовщицы.— Графъ Левенвольдъ. — Бѣдствія иноземныхъ артистовъ. — Первая французская труппа. — Представленія итальянской оперы. — Первые театры въ Петербургѣ. — Петергофскій театръ. — Первые русскіе спектакли и первые актеры и актрисы.— Русская опера.—Большіе спектакли.—Ораніенбаумскій театръ.—Камергеръ П. С. Сумароковъ.—Верхній садъ Петергофа при Елисаветѣ.—Іорданъ на прудѣ.—Наводненіе въ Петергофѣ.—Знаменская церковь и другая придворная церковь.

ЕСЬМА характерны отзывы о царствованіи Елисаветы Петровны людей того времени. Графъ Н. Панинъ, въ докладѣ Екатеринѣ II, такъ характеризовалъ это царствованіе: «Сей эпокъ заслуживаетъ особое примѣчаніе: въ немъ все было жертвовано настоящему времени, хотѣніямъ припадочныхъ людей и всякимъ постороннимъ малымъ приключеніямъ въ дѣлахъ».

Императрица Екатерина II, царствованіе Елисаветы опредѣляетъ такъ: «На штатсъ-конторѣ было семнадцать милліоновъ долгу. Ни единый человѣкъ въ государствѣ не то чтобъ зналъ, сколько казнѣ было дохода, ниже не вѣдалъ званій доходовъ разныхъ. Повсюду народъ приносилъ жалобу на лихоимство, взятки, притѣсненія и неправосудія разныхъ правительствъ, а наипаче приказныхъ служителей».

Графъ Никита Панинъ, въ томъ же докладѣ къ императрицѣ, говоритъ: «всегда злоключительный общему благу интервалъ между государя и «правительства». Минихъ представлялъ Елисаветѣ Петровнѣ даже «проектъ генеральнаго придворнаго регламента», «въ которомъ говорилось о добродѣтельномъ житіи, о необходимости благочестиваго примѣра вышнихъ и знатнѣйшихъ придворныхъ чиновъ и т. д.». Иностранецъ-современникъ такъ выражается о придворныхъ Елисаветинскаго времени: «Вообще надо сказать, что люди, которыми была окружена императрица, были, къ несчастью, мало образованы и отличались дурными правилами, которыя крѣпостное право вселило въ эту націю; были злы, не имѣли никакой честности и были расположены только къ тѣмъ, кто старался удовлетворять ихъ жадность къ подаркамъ». А каковы были нравы въ военной службѣ маіоръ Даниловъ приводитъ множество свидѣтельствъ о страшномъ взяточничествѣ, объ отсутствіи дисциплины и т. д. Такъ, полковой секретарь отпускалъ зятя Данилова «въ годовые отпуски за малые деревенскіе гостинцы. Секретарь доволенъ былъ, когда за пашпортъ получитъ душекъ двѣнадцать мужскаго пола съ женами и съ дѣтьми». Даниловъ прибавляетъ: «случалось мнѣ и то видѣть самому при самомъ уже его въ отпускъ отъѣздѣ изъ полку, не оставятъ у него писаря полковые и ротные постели и подушекъ, хотя онъ даже сидѣлъ въ кибиткѣ и то вытаскивали изъ-подъ него и дѣлили по себѣ, какъ завоеванную добычу. Странное поведеніе было сихъ безстыдныхъ подлецовъ. Полковой писарь гораздо былъ совѣстнѣе секретаря своего — онъ бралъ только по одному человѣку за пашпортъ».

Въ первые годы царствованія Елисаветы Петровны, дворъ императрицы въ Петергофѣ отличался празднествами. Государыня прежде любила только миръ, тишину и въ бытность цесаревной, когда жила въ слободѣ Покровской, теперь вошедшей въ составъ города Москвы, она проводила время запросто съ слободскими дѣвушками, въ лѣтніе вечера водила съ ними на лугу хороводы, метала изъ окна дворца пригоршнями деньги и любовалась, какъ ихъ поднимали нарасхватъ, пѣла пѣсни и даже сочиняла ихъ.

Преданіе приписываетъ Елисаветѣ слѣдующую народную пѣсню:

Во селѣ, селѣ Покровскомъ,
Середь улицы Большой,
Расплясались, разскакались
Красны дѣвки межъ собой.

Цесаревна сама была прекрасная, голосистая пѣвица; запѣвалой у ней была извѣстная въ то время по слободѣ пѣвица Мареа Чегаиха (потомство ея до сихъ поръ, по словамъ Н. С. Стромилова [202]), проживаетъ въ г. Александровѣ). За пѣсни царевна пѣвицъ угощала разными лакомствами и сластями: пряниками-жмычками, цареградскими стручками, калеными орѣхами, маковой избойной и другими вкусными заѣдками. Царевна иногда тутъ съ ними на посидкахъ, когда онѣ работали, занималась рукодѣльями, пряла шелкъ, ткала холстъ, зимою же объ святкахъ собирались къ ней ряженые слободскіе парни и дѣвки и тутъ разливался простодушный разгулъ: начинались пляски, присядки, веселья и удалыя пѣсни, гаданья съ подблюднымъ припѣвомъ. Подъ вліяніемъ бархатнаго пивца, да сладкаго медку, да праздничной бражки, весело плясалось на этихъ праздникахъ; сама царевна до нихъ во всю жизнь большая была охотница. На масляницѣ у своего дворца (противъ церкви Рождества), собирала слободскихъ дѣвушекъ и парней кататься на салазкахъ, связанныхъ ремнями, съ горы, названной по дворцу царевнину — Царевною, съ которыми и сама каталась первая. На житномъ дворѣ въ слободѣ (около Староконюшенной, гдѣ теперь домъ купца Зубова), хранились долго длинныя сани, на четыре человѣка, царевны Елисаветы Петровны. Той же широкой масляницей вдругъ вихремъ мчится по улицамъ ликующей слободы тройка удалая; лѣвая кольцомъ, правая еле духъ переводитъ, а коренная на всѣхъ рысяхъ съ пѣной у рта: то тѣшится любезная матушка-хозяйка слободы, покрикивая удалому гвардейцу, возницѣ, русскую охотничью присказку:

— Машу не кнутомъ, а голицей.

Любимою потѣхою цесаревны, по примѣру царствующихъ особъ тогдашней Европы, была охота. Ей она посвящала все свое время въ слободѣ, будучи въ душѣ страстной охотницей до псовой охоты за зайцами. Статная красавица, она выѣзжала верхомъ въ мужскомъ платьѣ и на соколиную охоту; для этой забавы въ слободѣ имѣли охотный дворъ на окраинѣ слободы къ лугу, по рѣкѣ Сѣрой, который до сего времени называется Охотнымъ. Здѣсь тѣшилась цесаревна напускомъ соколовъ въ вышитыхъ золотомъ, серебромъ и шелками бархатныхъ клобучкахъ, съ бубенчиками на шейкахъ, мигомъ слетавшихъ съ кляпышей, прикрѣпленныхъ къ пальцамъ ловчихъ, сокольничихъ, подсокольничихъ и кречетниковъ, жившихъ на томъ охотномъ дворѣ, гдѣ и содержались принаровленные соколы, нарядные

сибирскіе кречеты и ученые ястребы, такъ что этотъ охотный дворъ былъ скорѣе сокольней. Около него стояла Конюшенная слобода, съ жившими въ ней стадными конюхами.

Цесаревна была страстная охотница травить зайцевъ и предпочитала это невинное удовольствіе всѣмъ прочимъ охотничьимъ. «Атту его! Атту его!» съ пронзительнымъ свистомъ, дикимъ гиканьемъ, звучнымъ тявканьемъ гончихъ, вытянувшихся въ струну рѣзвыхъ борзыхъ и оглушительнымъ грохотомъ арапника мчалась, съ замираніемъ сердца, шумная ватага рьяныхъ охотниковъ, оглашая затишье дворцовыхъ волостей слободы, представлявшихъ широкій разгулъ для утѣхи цесаревны, скакавшей на ретивомъ конѣ, всегда съ неустрашимою рѣзвостью впереди всѣхъ; рядомъ несся любимый ея стремянной, Гаврило Извольскій, а за нимъ доѣзжачіе, стаешники со сворами борзыхъ и гончихъ въ причудливыхъ ошейникахъ, далѣе кречетники, сокольники, ястребинники съ своей птичьей охотой, всѣ на горскихъ коняхъ, со всѣмъ охотничьимъ нарядомъ по росписи: ястребами, соколами и кречетами.

Охотничій мундиръ охотниковъ былъ: мундиръ сукна зеленаго съ подбоемъ стамеднымъ, а для полевой ѣзды изъ сермяжнаго сукна, лосиныя по локоть рукавицы, у каждаго на груди перекрещивались два перевяза черезъ плечо; на смычкахъ одной егозили собаки, а на другой, смотря по званію, если волторнистъ, то висѣлъ серебряный голосистый рогъ, а если былъ по егерской охотѣ, то пищаль или ружье, если же изъ птичьей охоты, то на кляпышахъ держалъ нарядную сибирскую пернатую тварь.

Всю эту шумную вереницу гульливаго люда, среди котораго блистали красавецъ Шубинъ [203]), весельчакъ Лестокъ, замыкалъ длиннымъ хвостомъ фурманскій обозъ съ вьючниками.

Такъ полевала около своего дворца цесаревна. Псовую охоту она предпочитала выѣздамъ на шалаши или чучела, словомъ, птичьей или такъ называемой ружейной.

При дворѣ цесаревны не было почти никого изъ знатныхъ людей. Такое сближеніе съ простолюдинами обратило подозрительное вниманіе большого двора, Елисавету потребовали въ Петербургъ, гдѣ она и помѣстилась въ домѣ, называемомъ «Смольнымъ», находившемся въ концѣ нынѣшней Воскресенской улицы.

Существуетъ преданіе, что нерѣдко, прячась за садовомъ тыномъ, въ нарядѣ простого нѣмецкаго ремесленника самъ Биронъ слѣдилъ за цесаревной.

Цесаревна была рѣдкой красоты; портретъ ея въ галлереѣ Гатчинскаго дворца свидѣтельствуетъ, какъ красива, какъ привлекательна была она во время своей молодости. Она была сама грація и приводила всѣхъ знавшихъ ее въ восхищеніе. Веселый, беззаботный характеръ и сердечная доброта отражались на нѣжныхъ чертахъ миловиднаго лица бѣлокурой цесаревны. Елисавета была сирота въ полномъ смыслѣ этого слова: ни отца, ни матери, ни добраго руководителя не было у этой доброй дѣвушки, готовой на всякія пожертвованія.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, цесаревна пріобрѣла тотчасъ большую популярность въ средѣ гвардейскихъ солдатъ, вступила съ ними въ такія же отношенія, въ какихъ находилась прежде съ слобожанами Покровской слободы: крестила у нихъ дѣтей, бывала на ихъ свадьбахъ; солдатъ именинникъ приходилъ къ ней, по старому обычаю, съ именинным пирогомъ и получалъ отъ нея подарки и чарку анисовки, которую, какъ хозяйка, Елисавета и сама выпивала за здоровье именинника.

Гвардейскіе солдаты полюбили добрую и доступную цесаревну и стали называть ее «матушкой» и говорили между собой, что ей, дочери Петра Великаго, «не сиротой плакаться», а слѣдовало бы на престолѣ сидѣть.

Въ числѣ преданныхъ людей цесаревны былъ молодой прапорщикъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, Алексѣй Яковлевичъ Шубинъ, чрезвычайно красивый собой, ловкій, расторопный, рѣшительный и энергичный, онъ предался цесаревнѣ со всѣмъ пыломъ молодости и, какъ говорило преданіе, цесаревна была не прочь сочетаться съ Шубинымъ тайнымъ бракомъ. Примѣръ такого брака царевны съ подданнымъ уже существовалъ: родная сестра императрицы Анны, царевна Прасковья, была замужемъ за Ив. Ив. Дмитріевымъ-Мамоновымъ.

Но, не дождавшись брачнаго вѣнца, Шубинъ былъ арестованъ по повелѣнію императрицы Анны, долго томился въ оковахъ, въ такъ называемомъ «каменномъ мѣшкѣ», гдѣ нельзя было ни сѣсть, ни лечь и, наконецъ, отправленъ въ Камчатку и обвѣнчанъ тамъ, противъ воли, съ камчадалкой. Бантышъ-Каменскій [204]) говоритъ, что Елисавета очень страдала по Шубинѣ и выражала чувства свои въ стихахъ, обращенныхъ къ нему. Вотъ одна строфа этихъ стиховъ:

Я не въ своей мочи огонь утушить,
Сердцемъ болѣю, да чѣмъ пособить?
Что всегда разлучно и безъ тебя скучно—
Легче бъ тя не знати, нежели такъ страдати—
Всегда по тебѣ.

Вступивъ на престолъ, Елисавета вспомнила о своемъ любимцѣ, сосланномъ за нее въ дальнюю Камчатку. Съ великимъ трудомъ отыскали его тамъ, въ 1742 году, въ одномъ камчадальскомъ чуму. Посланный искалъ его всюду, но никакъ не могъ его найти. Когда его ссылали, то не объявили его имени, а самому ему запрещено было называть себя кому бы то ни было подъ страхомъ смертной казни. Въ одной юртѣ посланный, отыскивая ссыльнаго, спрашивалъ нѣсколько бывшихъ тутъ арестантовъ, не слыхали ли они чего нибудь про Шубина; никто не далъ положительнато отвѣта. Потомъ, разговорясь съ арестантами, посланный упомянулъ имя Елисаветы Петровны.

— Развѣ Елисавета царствуетъ? спросилъ тогда одинъ изъ ссыльныхъ.

— Да, вотъ ужъ другой годъ какъ Елисавета Петровна восприяла родительскій престолъ, отвѣчалъ посланный.

— Но чѣмъ вы удостовѣрите въ истинѣ? спросилъ ссыльный.

Офицеръ показалъ ему подорожную и другія бумаги, въ которыхъ было написано имя императрицы.

— Въ такомъ случаѣ, Шубинъ, котораго вы отыскиваете, передъ вами, отвѣчалъ арестантъ.

Его привезли въ Петербургъ, гдѣ, 2-го марта 1743 года, онъ былъ произведенъ «за невинное претерпѣніе» прямо въ генералъ-маіоры и лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка въ маіоры и получилъ александровскую ленту. Императрица пожаловала ему богатыя вотчины, въ томъ числѣ село Работки на Волгѣ, что въ нынѣшнемъ Макарьевскомъ уѣздѣ, Нижегородской губерніи [205]). Шубинъ недолго оставался при дворѣ. Камчатская ссылка совершенно разстроила его здоровье, онъ предался набожности, дошедшей до аскетизма, и позднѣе уже въ чинѣ генералъ-поручика, когда особенно сильно было вліяніе на императрицу Разумовскаго, просилъ увольненія отъ службы.

Получивъ отставку, Шубинъ поселился въ пожалованныхъ ему Работкахъ, гдѣ и умеръ. На прощаньи императрица Елисавета подарила ему драгоцѣнный образъ Спасителя и часть ризы Господней. То и другое и теперь сохраняется въ церкви села Работокъ. Въ этомъ селѣ передается изъ поколѣнія въ поколѣніе преданіе о милостяхъ императрицы Елисаветы Петровны къ бывшему тамошнему помѣщику.

До восшествія на престолъ, какъ мы уже говорили, цесаревна Елисавета жила скромно, уединенно, среди своего маленькаго двора. Елисавета была опальная цесаревна; она знала, что за

ней строго наблюдали. Минихъ, по порученію императрицы, помѣстилъ въ домъ къ ней урядника Щегловитаго въ качествѣ смотрителя за домомъ, и Щегловитый доносилъ, кто бывалъ у цесаревны и куда она выѣзжала; чтобы слѣдить за нею по городу, онъ нанималъ особыхъ извозчиковъ [206]).

Развлеченіемъ для Елисаветы служили одни хозяйственныя занятія: она должна была содержать свой дворъ доходами съ имѣній, находившихся въ разныхъ мѣстностяхъ — доходы эти были незначительны и цесаревна очень нуждалась.

Вступая на престолъ, Елисавета первымъ дѣломъ сложила съ подушнаго оклада по 10 копѣекъ съ души на 1742 и 1743 гг., что составляло болѣе милліона рублей, но продолжавшаяся въ то время война показала, что денегъ у государства врядъ ли на веденіе послѣдней хватитъ, и государыня прибѣгла къ средству своего отца, которое онъ употреблялъ въ крайнихъ случаяхъ: она повелѣла вычитать изъ жалованья духовныхъ, военныхъ, статскихъ и придворныхъ чиновъ: у архіереевъ и генераловъ по 20 копѣекъ съ рубля, у штабъ-офицеровъ и архимандритовъ по 15, у оберъ-офицеровъ и игумновъ по 10, у оберъ-офицеровъ гарнизонныхъ, статскихъ, придворныхъ и мастеровыхъ, не имѣющихъ ранговъ и духовныхъ нижнихъ чиновъ, по 5.

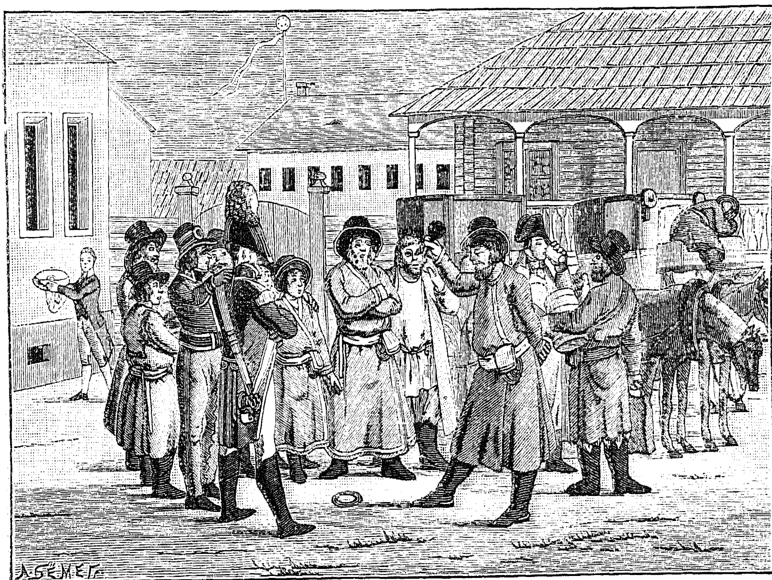
Въ этотъ же день государыня подписала указъ, чтобъ никто не носилъ золота и серебра. Какъ мы выше говорили, до этого дня государыня въ сенатѣ приказала, въ видахъ тоже экономіи, что фейерверку быть только въ день коронаціи, а въ другіе дни быть одной иллюминаціи. Вступленіе на престолъ Елисаветы также ознаменовалось многими милостями. Государыня возвратила изъ ссылки многихъ посланныхъ въ прошедшее царствованіе; затѣмъ наградила чинами, орденами и имѣніями многихъ близкихъ своихъ людей: Румянцева, Чернышева, Левашева, Бестужева-Рюмина, Куракина, Головина, Петра и Александра Шуваловыхъ, Воронцова, Разумовскаго, Лестока и другихъ. Многимъ полкамъ была дана денежная награда, напримѣръ, солдаты Преображенскаго полка получили 12,000 руб., Семеновскій и Измайловскій по 9,000 руб., Конный 6,000 руб., Ингерманландскій и Астраханскій по 3,000 руб., гренадерская рота Преображенскаго полка получила названіе «лейбъ-кампаніи», капитаномъ которой была сама императрица; капитанъ-поручикъ въ этой ротѣ равнялся полному генералу, два поручика — генералъ-лейтенантамъ, два подпоручика — генералъ-маіорамъ,

прапорщикъ — полковнику, сержанты — подполковникамъ, капралы—капитанамъ. Унтеръ-офицеры, капралы и рядовые были пожалованы въ потомственные дворяне; въ гербы ихъ внесена надпись: «за ревность и вѣрность», всѣ они получили деревни и нѣкоторые съ очень значительнымъ числомъ душъ, какъ, напримѣръ, Грюнштейнъ [207]) 927 душъ; 258 человѣкъ рядовыхъ получили каждый по 29 душъ. Солдаты лейбъ-кампаніи получили деревни изъ отписныхъ имѣній тѣхъ лицъ, которыя были арестованы въ ночь восшествія Елисаветы на престолъ. Главные такіе были нѣмцы: Минихъ и Остерманъ; этимъ обоимъ также не мало досталось побоевъ отъ солдатъ во время арестованія, особенно перваго за что-то не любили солдаты. Надъ слугами павшаго правительства вскорѣ былъ наряженъ судъ и 17-го января утромъ по всѣмъ петербургскимъ улицамъ съ барабаннымъ боемъ было объявлено, что на слѣдующій день, въ 10 часовъ утра, будетъ совершена публичная казнь «надъ врагами императрицы и нарушителями государственнаго порядка». Съ ранняго утра толпа народа стала собираться на Васильевскомъ островѣ, на площади передъ зданіемъ коллегій, гдѣ теперь университетъ; здѣсь Астраханскій полкъ окружалъ эшафотъ, на которомъ виднѣлась плаха. Арестанты рано утромъ изъ крѣпости были приведены въ зданіе коллегій; въ десять часовъ ихъ стали выводить на площадь; первымъ показался Остерманъ, котораго, по причинѣ болѣзни въ ногахъ, везли на извозчичьихъ саняхъ въ одну лошадь; на немъ былъ небольшой парикъ, черная бархатная фуражка и старая короткая лисья шубка, въ которой онъ обыкновенно сидѣлъ у себя дома. За Остерманомъ шли: Минихъ, Головкинъ, Менгденъ, Левенвольдъ и Темирязевъ. Когда они всѣ поставлены были въ кружокъ одинъ подлѣ другого, четыре солдата подняли Остермана и внесли на эшафотъ на стулѣ; ему былъ прочитанъ приговоръ, который онъ долженъ былъ слушать съ обнаженною головой. Онъ обвинялся въ утайкѣ духовной Екатерины I, обвинялся еще въ томъ, что хотѣлъ Елисавету выдать замужъ за чужестраннаго убогаго принца.

Послѣ прочтенія приговора солдаты положили Остермана на полъ лицомъ внизъ, палачи обнажили ему шею, положили его на плаху, одинъ держалъ голову за волосы, другой вынималъ изъ мѣшка топоръ. Въ эту минуту подходитъ къ осужденному тотъ же читавшій секретарь, вынимаетъ другую бумагу и читаетъ: «Богъ и государыня даруютъ тебѣ жизнь». При этихъ

словахъ солдаты и палачи подняли его и отнесли въ сани, въ которыхъ онъ и оставался все время, какъ объявляли другимъ приговоръ. Миниху читали, что онъ не защищалъ духовной Екатерины I и больше всѣхъ хлопоталъ о возведеніи Бирона въ регенты. Головкинъ, Левенвольдъ и Менгденъ были обвинены въ стараніяхъ въ пользу принцессы Анны; Тимирязевъ укорялся въ такихъ же дѣяніяхъ. Всѣмъ этимъ лицамъ объявлено было помилованіе безъ возведенія на эшафотъ.

Въ Остерманѣ послѣ помилованія не замѣтили никакой перемѣны, кромѣ дрожанія рукъ. Минихъ велъ себя во все время

Игра въ свайку.

мужественно-гордо. Левенвольдъ тоже спокойно. Только Головкинъ и Менгденъ выказали малодушіе. Когда народъ увидѣлъ, что ненавистныхъ нѣмцевъ прежняго царствованія не казнили, «то встало волненіе, которое должны были усмирить солдаты». Избавленные отъ смерти были посланы въ ссылку. Остерманъ въ Березовъ, Минихъ въ Пелымъ, только Левенвольдъ въ Соликамскъ. Отношенія народа и солдатъ къ иноземцамъ въ то время были крайне острыми. Иностранные министры то-и-дѣло писали къ своимъ дворамъ, что русскіе позволяютъ себѣ насиліе противъ нѣмцевъ.

Вотъ одно столкновеніе солдатъ и народа съ иноземцами, бывшее въ Петербургѣ 18-го апрѣля 1742 года: «на гуляньи подъ качелями на Адмиралтейской площади, солдаты Семеновскаго полка подрались съ разносчикомъ, который продалъ имъ гнилыя яйца. Армейскіе офицеры изъ иностранцевъ: Розъ, Миллеръ, Гейкинъ и Зитманъ, бывшіе подлѣ въ билліардномъ домѣ, вышли разнимать ихъ; когда одинъ изъ солдатъ сталъ ихъ ругать, то одинъ изъ офицеровъ ударилъ его, тогда солдаты толкнули офицеровъ и пошла драка; офицеры кинулись назадъ въ билліардный домъ, солдаты за ними, и на крыльцѣ завязалась новая драка; офицеръ одинъ обнажилъ шпагу и ранилъ солдата въ ладонь; увидѣвъ кровь, солдаты кинулись съ новою яростью, причемъ еще двое изъ нихъ были ранены. Офицеры, видя бѣду, заперли за собою двери, но солдаты разломали ихъ; тогда офицеры скрылись на чердакъ, другіе ушли на крышу, солдаты сбросили двухъ изъ нихъ внизъ и избили лекаря Фусади и хозяина билліарднаго дома Берлара. Народъ, видя побоище снизу, кричалъ: «надобно иноземцевъ всѣхъ уходить». Но дѣло кончилось одними криками, и драчуновъ схватили, затѣмъ судили. Елисавета приговорила четверыхъ главныхъ драчуновъ сослать на сибирскіе заводы въ вѣчную работу, остальныхъ отправить въ дальніе гарнизоны». Нелюбовь къ иноземцамъ въ то время настолько была сильна, что государынѣ показалось неприличнымъ, что церкви иностранныхъ исповѣданій находятся въ Петербургѣ на самомъ видномъ мѣстѣ на Невской пришпективѣ. Императрица приказала пріискать для нихъ другія, болѣе отдаленныя мѣста. Мѣста были пріисканы, составлены планы и смѣты, но прежде рѣшили доложить государынѣ, не соизволитъ ли указать оставить кирки до будущаго времени на прежнихъ мѣстахъ, потому что по смѣтѣ на строеніе новыхъ денежной казны надобна сумма немалая, а въ настоящее время деньги потребны на самонужнѣйшіе расходы.

Съ воцареніемъ Елисаветы жизнь двора стала отличаться празднествами. Особы первыхъ двухъ классовъ давали маскарады у себя въ домахъ и на приморскихъ дачахъ: на праздникахъ этихъ присутствовала сама императрица. На балы и маскарады собирались въ шесть часовъ, играли въ карты и танцовали до десяти, когда императрица, съ избранными вельможами, садилась ужинать; остальные ужинали стоя. Послѣ ужина опять танцовали до часу или двухъ пополуночи; хозяинъ не встрѣчалъ и не провожалъ никого, даже императрицу; кто сидѣлъ за кар-

тами, тѣ не вставали для нея. Для средняго сословія въ Петербургѣ открылись герберги или трактирные дома; въ столицѣ такихъ герберговъ было двадцать пять, съ квартирами и постелями, столомъ, кофе, чаемъ, «чекулатомъ», билліардомъ, табакомъ курительнымъ, виноградными винами и водками, заморскимъ эльбиромъ и полпивомъ легкимъ, петербургскаго варенья, которое употреблялось вмѣсто квасу. Въ 1746 году сенатъ далъ указъ: если кто изъ русскихъ купцовъ пожелаетъ содержать герберги съ платежемъ акциза, то явились бы въ камеръ-контору. Кромѣ герберговъ, съ ихъ полпивомъ и чекулатомъ, въ столицѣ публика приглашалась еще къ другимъ удовольствіямъ. Въ январѣ 1754 года въ «Вѣдомостяхъ» встрѣчаемъ слѣдующее объявленіе: «Сегодня, пополудни, въ началѣ 6-го часа, въ Морской, недалеко отъ Синяго моста, начнутъ играть комедію съ выпускными куклами и оная въ каждой недѣлѣ по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ продолжаться имѣетъ». Въ августѣ встрѣчаемъ другое объявленіе: «Сего мѣсяца, 5-го числа, начнется нѣмецкая комедія и по вся дни впредь продолжаться будетъ».

Театральныя представленія при дворѣ вошли въ моду еще при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ; король Августъ прислалъ императрицѣ изъ Дрездена, къ ея коронаціи, славившихся тамъ актеровъ, послѣдніе и давали «итальянскія интермедіи» при дворѣ. Изъ присланныхъ артистовъ отличались актриса Казанова, мать извѣстнаго авантюриста, и комикъ-пѣвецъ Педрилло. Впослѣдствіи, въ 1735 году, была выписана уже полная итальянская труппа подъ дирекціей композитора Франциска Арайя. Представленія давались во дворцѣ и въ деревянномъ театрѣ близь Лѣтняго сада. Мѣста посѣтителямъ раздавались безденежно, по чинамъ и по званію зрителей. Въ слѣдующемъ году здѣсь шла новая пьеса «Сила любви и ненависти», драма въ трехъ дѣйствіяхъ, переведенная съ итальянскаго, но не имѣла успѣха. Въ этомъ же году тамъ же исполнялась сказка въ лицахъ «О Ягѣ-бабѣ», въ которой главную роль игралъ оберъ-гофмаршалъ Дмитрій Андреевичъ Шепелевъ[208]). Въ этой опереткѣ участвовали придворные пѣвчіе, набранные въ Малороссіи; изъ нихъ отличался прекраснымъ голосомъ и искуснымъ пѣніемъ Виноградскій: онъ, какъ увѣряли, тогда «удивлялъ самихъ итальянцевъ». Изъ исполнявшихъ въ это время на театрѣ артистовъ извѣстны были пѣвцы: Германо, Константини, Вулкано и Пино; лучшія пѣвицы были: Изабелла и Розина.

Императрица, желая разнообразить спектакли, поручила танцмейстеру Ланде, служившему при сухопутномъ шляхетномъ корпусѣ танцовальнымъ учителемъ, составлять изъ кадетъ балеты. Изъ кадетъ лучшимъ танцовщикомъ считался Чеглоковъ, впослѣдствіи камергеръ. Какъ уже мы выше говорили, дѣятельное участіе въ придворныхъ спектакляхъ принималъ вступившій въ русскую службу, придворнымъ капельмейстеромъ, тогдашняя европейская извѣстность Франческо Арайя; послѣдній вызвалъ въ Россію также одного изъ отличнѣйшихъ въ то время живописцевъ Жероломо Боно. Стараніемъ этихъ артистовъ съ 1737 года на придворномъ театрѣ была поставлена первая большая опера или лирическая драма, съ неизвѣстнымъ до этого времени совершенствомъ и роскошью; она называлась Abiasjare. Опера произвела громадный фуроръ. Вслѣдъ за ней Арайя поставилъ вторую свою оперу: Semiramide ol finto Nino; успѣхъ этой оперы былъ еще значительнѣе: въ теченіе двухъ лѣтъ ее играли почти каждую недѣлю. Въ балетахъ въ это время отличались балетмейстеръ Фузано, танцовщики Теси и Джузеппе, изъ женщинъ—жена послѣдняго—солистка Джуліа, Тонина или Антонина Константини, дочь названнаго выше итальянскаго пѣвца. Въ 1737 г. Фузано чѣмъ-то не угодилъ Бирону и принужденъ былъ выйти въ отставку; въ отмщеніе послѣднему онъ сманилъ и остальныхъ итальянскихъ танцовщиковъ и вмѣстѣ съ ними отправился сперва въ Парижъ, потомъ въ Лондонъ. На мѣсто Фузано былъ принятъ на службу прежній танцовщикъ Ланде, успѣвшій уже составить балетъ изъ учениковъ и ученицъ своей школы. Назначенъ былъ дебютъ, и русскій балетъ понравился двору лучше итальянскаго. Между танцовщиками Ланде были превосходные таланты, какъ, напримѣръ, молодой французъ Лебрень, изъ русскихъ Тимошка Бубликовъ; танцовщицы: Аксинья Сергѣева, Елисавета Зорина, Авдотья Тимоѳеева и еще нѣкоторые другіе. Ланде былъ осыпанъ богатыми подарками императрицы и вельможъ. Школа его была увеличена двѣнадцатью хорошенькими дѣвочками, которыхъ сама императрица выбрала изъ дочерей придворныхъ служителей, и двѣнадцатью мальчиками; всѣ воспитанники поступили на казенное содержаніе. Изъ учениковъ этой школы вскорѣ явилось два прекрасныхъ солиста: Аѳанасій Топорковъ и Андрей Нестеровъ.

Въ 1739 году въ Петербургъ ко двору выписана тайно отъ императрицы герцогомъ Бирономъ превосходная нѣмецкая труппа, подъ директорствомъ Нейберга. Лучшіе въ ней актеры были:

Нейбергъ, Кохъ и Фабриціусъ; актрисы: г-жа Нейбергъ и Бухнеръ. Государыня была обрадована сюрпризомъ, артисты ей очень понравились, и она приказала ихъ зачислить придворными и дать хорошее жалованье.

Послѣднія разыгрывали комедіи и фарсы; представленія ихъ стали давать между итальянскими операми и интермедіями. Спектакли нѣмцевъ очень нравились государынѣ и она совсѣмъ охладѣла къ итальянцамъ и балетамъ. Примѣръ ея имѣлъ вліяніе и на придворныхъ. Это дало поводъ къ разнымъ дворцовымъ интригамъ: тогдашній оберъ-гофмаршалъ, графъ Левенвольдъ, съ негодованіемъ взглянулъ на успѣхъ нѣмцевъ. Онъ, какъ носились сплетни, былъ очень неравнодушенъ къ одной изъ итальянскихъ пѣвицъ. Левенвольдъ сталъ притѣснять нѣмцевъ: онъ не давалъ имъ хорошаго гардероба, отказывалъ въ самыхъ необходимыхъ бутафорскихъ вещахъ, не очищали сцены для репетицій и, наконецъ, что всего хуже, сталъ задерживать ихъ жалованье. Бѣднымъ нѣмецкимъ артистамъ часто приходилось играть съ тощимъ желудкомъ. Жалобы нѣмецкихъ актеровъ дошли до вліятельныхъ лицъ курляндскаго герцогскаго двора, во главѣ котораго стоялъ графъ Линаръ. Какъ министръ саксонскій, онъ обязанъ былъ защищать подданныхъ своего короля. Между Линаромъ и Левенвольдомъ произошелъ разрывъ, который отразился дурно и на другихъ дѣлахъ, гораздо важнѣе театра. Биронъ снизошелъ на просьбу перваго, и нѣмцевъ-актеровъ удержалъ до самой кончины императрицы Анны. Но едва только, въ 1740 году, Анна Леопольдовна приняла бразды правленія, какъ нѣмецкая труппа была изгнана изъ дворца; при отпускѣ не только бѣднымъ актерамъ не выдали заслуженнаго ими жалованья, но нѣкоторыхъ чуть-чуть не наказали тѣлесно и не запрятали въ тюрьму. Только Линаръ успѣлъ, по личному представительству управительницы, спасти ихъ отъ неминуемой бѣды и выпроводить заграницу. Левенвольдъ уговорилъ правительницу выписать французскихъ актеровъ и новый балетъ и для ангажированія новыхъ труппъ были посланы заграницу Арайя и Ланде. Но вскорѣ правительница была отрѣшена, а Левенвольдъ тоже палъ не дождавшись французской труппы. Съ воцареніемъ императрицы Елисаветы Петровны прибыла изъ Касселя французская труппа актеровъ вмѣстѣ съ Ланде. Первое представленіе этой труппы было дано въ Москвѣ, во время коронаціи государыни; шла большая итальянская опера «Титово милосердіе» («La clemanza di Tito», съ прологомъ: «La Russia aflita et vi

consolate»); играна также была «Евдокія», «Демофонтъ» и комическія: «Serva pardona», «Dgiocatore» и проч. Пѣвицы Нунціато и Манфредини, пѣвцы Корестини, Солетти и Буфъ-Компаси восхищали зрителей. По возвращеніи въ Петербургъ, кассельскіе актеры прибыли вмѣстѣ съ дворомъ. Директоръ его Серенги взялъ за содержаніе труппы по договору двадцать пять тысячъ рублей въ годъ, обязуясь представлять два раза въ недѣлю трагедію или комедію. У него славились трагики: Бельмонъ, Белуа, Рокуръ и самъ директоръ Сериньи.

Театры, на которыхъ играли, были одинъ близь Казанской церкви, передѣланный изъ манежа герцога Курляндскаго, другой—у Лѣтняго сада, и затѣмъ большой деревянный въ Петергофѣ [209]) придворный, выстроенный еще при императрицѣ Аннѣ, но въ царствованіе Елисаветы значительно увеличенный. Позднѣе на Петергофскомъ театрѣ были играны въ первый разъ пьесы Сумарокова: 29-го іюля 1750 г., «Синавъ и Труворъ» и въ октябрѣ того же года „Артистона". Предшествовавшія русскимъ, итальянскія пьесы здѣсь давались слѣдующія: въ 1747 г.— комедія „Новый Свѣтъ»; затѣмъ въ томъ же году „Метридатъ" и въ день праздника коронаціи, 25-го апрѣля, представлена была итальянская опера „Прибѣжище мира". Въ это время прибыла сюда труппа извѣстнаго актера Аккермана. На итальянскомъ театрѣ капельмейстеромъ былъ Арайя, придворнымъ піитой докторъ Бонеки, актрисы: Жоржъ, Массани и Горани, актеры: Солети, Жоржъ, Компосси и Марко Полторацкій, даровитый малороссъ, съ большимъ успѣхомъ игравшій во всѣхъ итальянскихъ операхъ; декораторомъ состоялъ Валеріани и балетмейстеромъ — Фузано. Петергофскій театръ назначался также для французскихъ спектаклей и итальянскихъ интермедій во время пребыванія двора лѣтомъ. Елисавета любила французскій языкъ и говорила на немъ съ рѣдкимъ совершенствомъ—вскорѣ этотъ языкъ при дворѣ государыни сталъ моднымъ — при такихъ обстоятельствахъ французскій театръ явился кстати. Комедіи Корнеля и Расина и комедіи Мольера стали давать еженедѣльно, произведенія этихъ драматурговъ имѣли огромный успѣхъ; придворные выучивали ихъ наизусть, декламировали изъ нихъ цѣлыя тирады въ обществѣ и приводили стихи Расина и Вольтера даже въ простомъ разговорѣ, кстати и некстати.

Но что важнѣе всего, въ вѣкъ Елисаветы родился русскій театръ. Кадеты сухопутнаго кадетскаго корпуса: Бекетовъ, Остервальдъ, Мелиссино и Свистуновъ, зная хорошо француз-

скій языкъ, разучили монологи изъ «Расина и Корнеля» и декламировали въ кругу товарищей. Наконецъ, имъ пришла мысль во время святокъ, въ одномъ изъ дортуаровъ, разыграть цѣлую трагедію Корнеля. Молодые актеры-любители представляли передъ своими родственниками и корпусными офицерами. Успѣхъ былъ полный. Похвалы зрителей подѣйствовали на самолюбіе актеровъ. Въ то время Ломоносовъ и Сумароковъ сочиняли уже русскія трагедіи по образцу французскихъ и произведенія ихъ ходили по рукамъ читателей. И вотъ Свистуновъ и Мелиссино, прочитавъ трагедію Сумарокова «Семиру», рѣшились ее разучить и сыграть. Сумароковъ былъ восхищенъ идеей молодыхъ артистовъ, охотно сталъ помогать имъ, обучая ихъ мало знакомой тогда русской декламаціи. Наконецъ, трагедія была поставлена, артисты и авторъ были осыпаны похвалами. На второй спектакль Сумароковъ пригласилъ графа А. Г. Разумовскаго; послѣднему русскій спектакль до того понравился, что онъ расхвалилъ его императрицѣ. Государыня повелѣла кадетъ привести во дворецъ и тамъ на малой сценѣ они продекламировали передъ нею «Семиру» и заслужили особенное ея благоволеніе. Вслѣдъ за первымъ спектаклемъ ими были разучены и прочитаны передъ императрицею трагедіи: «Артистона» и «Синавъ и Труворъ»—Сумарокова. Мы не будемъ здѣсь говорить, какъ родился русскій театръ въ Москвѣ и Ярославлѣ и не будемъ исчислять всѣхъ подробностей, сопровождавшихъ это важное событіе въ области русскаго искусства, но скажемъ нѣсколько словъ о первыхъ придворныхъ русскихъ актерахъ, выписанныхъ изъ Ярославля, которые представляли передъ императрицей Елисаветой въ ея загородномъ дворцѣ. Лучшими пьесами репертуара первыхъ русскихъ артистовъ были: «Титово милосердіе» и «Евдокія вѣнчанная», «Хоревъ» и др. Съ прибытіемъ актеровъ въ Петербургъ, первый назначенный имъ спектакль былъ «Хоревъ»—трагедія Сумарокова; роли распредѣлены были между ними слѣдующимъ образомъ: Кія игралъ Волковъ, Хорева—Поповъ, а Оснельду—Нарыковъ. Преданіе говоритъ, что актеры были привезены тайкомъ. Императрица хотѣла сдѣлать сюрпризъ для двора. Придворные, приглашенные на первый спектакль, были вполнѣ увѣрены, что увидятъ итальянскую интермедію. Государыня сама входила во всѣ подробности спектакля, она приказала артистамъ, игравшимъ женскія роли, выдать изъ гардероба свои богатыя платья. Елисавета сама наряжала Нарыкова, наколола ему на голову богатую діадему. Прелестная на-

ружность молодого семинариста очень нравилась всѣмъ; государыня нашла, что фамилія Нарыковъ для театра не благозвучна. Необыкновенное его сходство съ польскимъ графомъ Дмитревскимъ поражало императрицу.

— Нѣтъ, говорила она, любуясь юной Оснельдой,—ты не долженъ носить имени Нарыкова, будь Дмитревскимъ; онъ былъ графомъ въ Польшѣ, ты будешь графомъ на русской сценѣ.

Съ этихъ поръ Нарыковъ въ третій разъ перемѣнилъ свою фамилію и сталъ называться Дмитревскимъ [210]). Успѣхъ перваго представленія на русскомъ языкѣ былъ блистательный и эти спектакли рѣшили окончательно участь русскаго театра, и 30-го августа 1756 года состоялся указъ объ учрежденіи въ Петербургѣ русскаго опернаго и драматическаго театра. На сцену были приняты и женщины: дѣвица Пушкина, дочь музыканта Елисавета Бѣлоградская, танцовщицы Зорина и знаменитая Авдотья Тимоѳеева и двѣ офицерскія дочери, Марья и Ольга Ананьины, изъ которыхъ первая вышла замужъ за Григорія Волкова, а вторая за Шумскаго; Пушкина тоже вскорѣ послѣдовала ихъ примѣру и вышла за Дмитревскаго. Мужской персоналъ также пополнился; на русскую сцену поступили: придворный пѣвчій Сѣчкаревъ и пѣвчіе графа Разумовскаго: Гаврилушка (Марцинкевичъ), превосходный теноръ, Степанъ Рожевскій, Николай Клутаревъ и Степанъ Евстафьевъ. При такомъ составѣ русская труппа вскорѣ могла дать на русскомъ языкѣ первую оперу „Цефалъ и Прокрисъ“ Сумарокова, музыка Арайя, а декораціи и машины создалъ Валерьяни, получившій пышный титулъ „перваго историческаго живописца, перспективы профессора и театральной архитектуры инженера при императорскомъ россійскомъ дворѣ“. Въ этой оперѣ особенно отличались Марцинкевичъ и Бѣлоградская. Авторъ и композиторъ отъ государыни получили по богатой собольей шубѣ, а всѣ актеры—по парѣ новаго платья. Вслѣдъ за обнародованіемъ указа, былъ открытъ и театръ публичный для публики. Такія народныя представленія давались въ деревянномъ театрѣ на Царицыномъ лугу, близь Лѣтняго сада, на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ прежде стоялъ памятникъ Суворову [211]). Затѣмъ публичные спектакли исполнялись русской труппой въ зданіи, примыкающемъ къ лѣтнему дворцу императрицы у Полицейскаго моста (гдѣ теперь домъ Елисѣева); театръ этотъ былъ связанъ корридоромъ съ внутренними покоями двора и государыня почти каждый вечеръ приходила прямо въ свою ложу и личнымъ своимъ присутствіемъ

поощряла старанія русскихъ артистовъ. На этомъ театрѣ особенный успѣхъ имѣли комедіи Мольера: „Тартюфъ или лицемѣръ“ и „Дворянющійся купецъ“ (Мѣщанинъ во дворянствѣ); первый тогдашній директоръ театра посвятилъ даже этой пьесѣ слѣдующее двоестишіе:

Мольеровъ лицемѣръ до тѣхъ поръ не падетъ
Въ трехъ первыхъ дѣйствіяхъ, доколь пробудетъ свѣтъ.

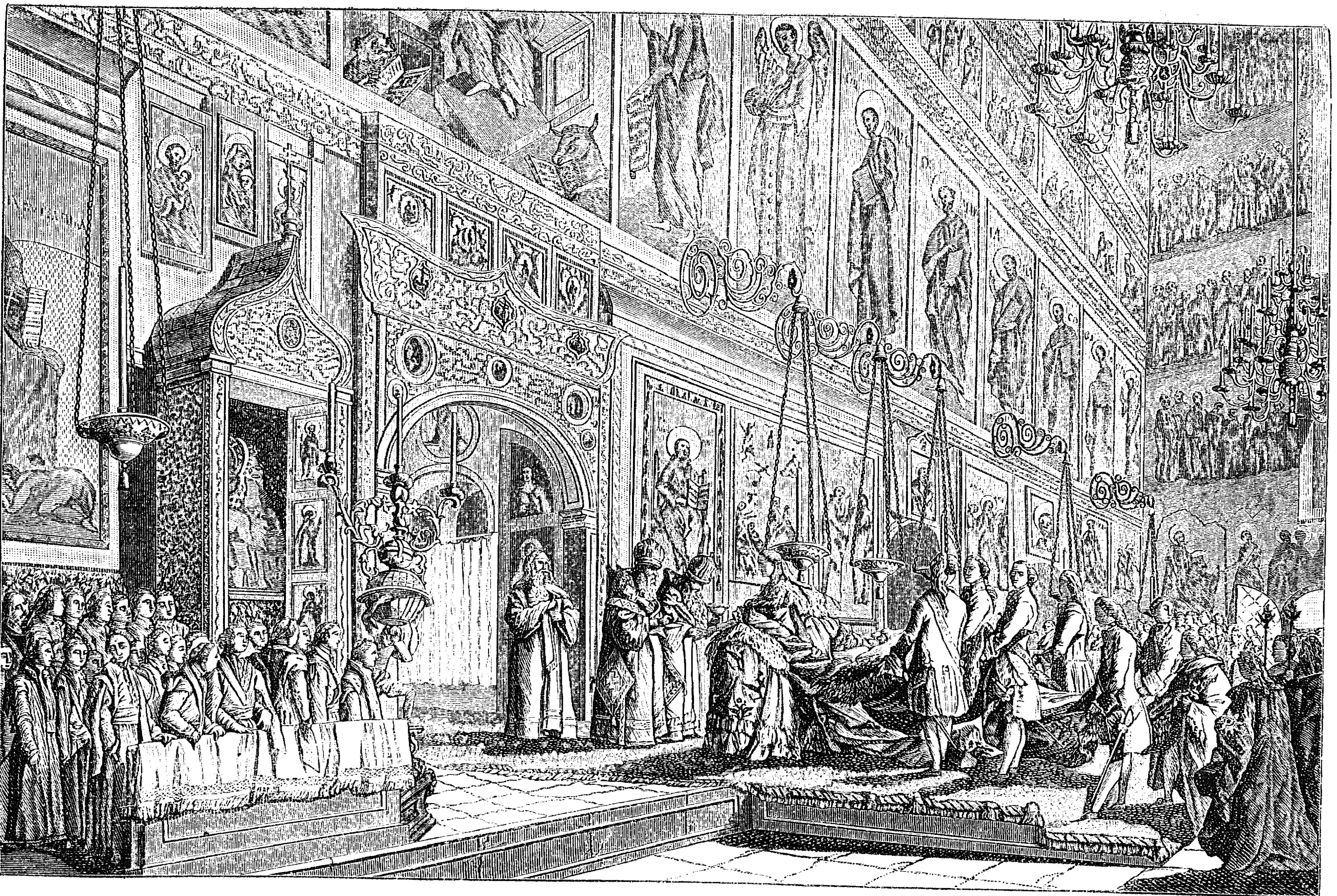
Эта пьеса обставлялась необыкновенно парадно и стоила значительныхъ издержекъ по тогдашнему времени; объ этомъ даже извѣщала и афиша, гласившая слѣдующее: „Во время представленія сея комедіи, сочиненной господиномъ Моліеромъ, славнымъ французскаго театра комикомъ, въ разсужденіи большого спектакля, великаго числа людей, какъ-то пѣвцовъ, пѣвицъ, музыкантовъ, танцовщиковъ и танцовщицъ, поваровъ, портныхъ, подмастерьевъ и другихъ дѣйствующихъ въ интермедіяхъ лицедѣевъ, балетовъ и богатыхъ декорацій, на театрахъ за входъ была двойная противъ обыкновеннаго цѣна“.

Во время празднествъ въ день рожденія Павла Петровича (20-го сентября 1754 года), русскою труппою былъ данъ въ первый разъ „Гамлетъ“ Шекспира, въ переводѣ Сумарокова; послѣдній, впрочемъ, эту трагедію назвалъ „собственнымъ своимъ сочиненіемъ“: тогда еще драматурги не знали слова передѣлка на русскіе нравы. Пять лѣтъ спустя, въ 1759 году, въ Ораніенбаумѣ былъ построенъ еще новый театръ и открытъ новою оперою „Метастазія и Арая“, переведенною на русскій языкъ подъ названіемъ: „Александръ въ Индіи“. Ораніенбаумскій театръ былъ тоже деревянный, очень красивой архитектуры; впослѣдствіи, при императорѣ Александрѣ I, онъ былъ перевезенъ графомъ Милорадовичемъ къ Чернышеву мосту въ Петербургѣ, гдѣ вскорѣ послѣ первыхъ представленій и сгорѣлъ отъ газа, какъ тогда полагали—это было первое въ Петербургѣ зданіе, которое освѣщалось газомъ—извѣстнымъ заводчикомъ Бердомъ.

Театръ же Петергофскій былъ устроенъ сперва въ зданіи манежа. Государыня указомъ отъ 5-го іюня 1745 года объявила о томъ своему оберъ-гофмейстеру графу Миниху; всѣми работами по устройству театра распоряжался камергеръ Петръ Спиридоновичъ Сумароковъ, помощниками при немъ состояли: театральный мастеръ Жироламо-Бонь и машинистъ Карло-Жибелли. Строитель этого театра былъ близкій родственникъ извѣстнаго драматурга и сатирика эпохи Елисаветы и Екатерины — Александра Петровича Сумарокова. Петръ Спиридоновичъ Сумаро-

ковъ; онъ былъ камеръ-юнкеръ Голштинскаго герцога и началъ свою карьеру при императрицѣ Аннѣ; его тайно послалъ Ягужинскій въ Митаву, къ курляндской герцогинѣ съ извѣщеніемъ о ея избраніи. Въ инструкціи, данной Сумарокову, Ягужинскій убѣждалъ курляндскую герцогиню вѣрить не всему, что станутъ представлять депутаты: князь В. Л. Долгорукій и которые съ нимъ поѣхали, и завѣрялъ ее, что истину она узнаетъ только тогда, когда сама изволитъ прибыть въ Москву. Сумароковъ пріѣхалъ въ Митаву позднѣе прибывшихъ депутатовъ нѣсколькими часами. Князь Долгорукій, узнавъ, что пріѣзжалъ изъ Москвы въ Митаву посланный и имѣлъ свиданіе съ императрицей до депутатовъ, приказалъ розыскать его и, узнавъ, что онъ уѣхалъ уже обратно, послалъ за нимъ погоню; засадилъ его въ тюрьму въ Митавѣ и чуть ли не билъ батогами. Не смотря на свое усердіе къ императрицѣ Аннѣ, Сумароковъ не пользовался ея милостями и все время ея царствованія жилъ въ нищетѣ. Нерасположеніе къ нему Анны Іоанновны объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что Сумароковъ былъ камеръ-юнкеръ ненавистнаго ей голштинскаго двора. При императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ онъ вошелъ въ милость и былъ назначенъ камергеромъ къ наслѣднику престола Петру Ѳеодоровичу, затѣмъ производится шталмейстеромъ и послѣ оберъ-шталмейстеромъ и, кромѣ того, состоитъ директоромъ шляхетнаго кадетскаго корпуса. При императрицѣ Екатеринѣ II Сумароковъ, вслѣдствіе ссоры съ Орловыми, выходитъ въ отставку и переселяется на жительство въ Москву. Сумароковъ умеръ 12-го декабря 1786 г. въ чинѣ генералъ-аншефа и кавалеромъ орденовъ андреевскаго и александровскаго. Судя по портрету, имѣющемуся въ картинной галлереѣ генерала В. П. Асташева, Сумароковъ былъ атлетическаго роста и отличался красотой суроваго лица.

При Елисаветѣ Петровнѣ, въ 1754 году, верхній садъ Петергофа былъ обнесенъ каменною оградою и поставлены большія желѣзныя ворота. Также при этой государынѣ въ томъ же году повелѣно было къ ея прибытію изъ Царскаго Села сюда сдѣлать къ 1-му августа Іордань въ верхнемъ саду, «гдѣ-бъ и напредь сего имѣлось». Іордань устроили передъ среднею частію дворца за газонами, въ бассейнѣ, гдѣ бьетъ фонтанъ съ четырьмя дельфинами, выбрасывающими воду. У этого фонтана ежегодно 1-го августа устанавливается Іордань, гдѣ совершается водосвятіе и окропляютъ святою водою знамена всѣхъ частей войскъ, расположенныхъ въ Петергофѣ. Передъ Іорданью раски-

Коронованіе Екатерины II.

дывается богатый царскій шатеръ для императорской фамиліи. До того времени существовала Іордань со временъ Петра Великаго въ Монплезирѣ. Наводненіе, бывшее въ октябрѣ 1752 г. и продолжавшееся нѣсколько дней сряду, разрушило эту Іордань вмѣстѣ съ монплезировскою пристанью. Во время царствованія Елисаветы, въ Петергофѣ построена церковь во имя Знаменія Пресвятой Богородицы [212]); построенная церковь была деревянная. Если вѣрить преданію, что „алмазная мельница“ была устроена еще Петромъ Великимъ и затѣмъ вскорѣ сгорѣла, то можно полагать, что вмѣстѣ съ мельницей сгорѣла и первоначальная деревянная церковь, находившаяся, вѣроятно, вблизи мельницы, тамъ, гдѣ была построена вновь деревянная Знаменская церковь. Нынѣшняя каменная Знаменская церковь освящена въ 1776 году; до 1839 года она была приходская, но въ этомъ году она перешла въ гвардейское вѣдомство. Дворцовая же церковь въ Петергофѣ во имя Апостоловъ Петра и Павла помѣщается во второмъ этажѣ восточной оконечности большого дворца. Церковь сперва была построена деревянная въ 1711 г., каменная же пятиглавая устроена императрицей Елисаветой въ 1748 году и освящена 10-го сентября 1751 года. Въ этой церкви хранится двѣнадцать золотыхъ ключей (цѣною до 7 тысячъ рублей), поднесенныхъ жителями Ташкента Государю Императору въ 1866 году; при нихъ сдаточная грамота Ташкентской крѣпости.

Другая придворная церковь Воздвиженія устроена для богослуженія въ зимнее время, такъ какъ Петропавловская церковь холодная; помѣщается эта церковь въ каменномъ одноэтажномъ кавалерскомъ домѣ подъ башнею, передѣланною въ колокольню. Живопись въ этой церкви очень хорошей работы прошлаго столѣтія.

Императрица Елисавета жила каждое лѣто въ Петергофѣ для поправленія своего здоровья, но здоровье государыни видимо все слабѣло: каждый мѣсяцъ съ ней дѣлались припадки, послѣ которыхъ она впадала въ такую слабость, что не могла говорить, цѣлый день спала, какъ въ летаргіи. Въ исходѣ лѣта 1761 года, когда она собиралась выѣзжать изъ Петергофа въ городъ, въ то время, когда она хотѣла садиться въ карету, съ ней сдѣлался припадокъ, который принудилъ ее остаться еще въ Петергофѣ. Получивъ облегченіе, государыня возвратилась въ Петербургъ, гдѣ уже болѣе здоровье императрицы не возвращалось. Елисавета скончалась 25-го декабря 1761 года на 53-мъ году отъ рожденія.

Въ двадцатилѣтнее царствованіе этой государыни было сдѣлано много такого, на чемъ съ благодарностью останавливается вниманіе признательнаго потомства. Въ годы царствованія Елисаветы нравы много потеряли своей грубости и, надо сказать, въ этомъ смягченіи много участвовалъ личный характеръ доброй государыни. Въ народной памяти по сейчасъ удержалась главная отличительная черта дочери Петра Великаго — кротость и привѣтливость. Европа также привыкла въ ней видѣть государыню, исполненную доброты и гуманности, великодушную и щедрую.

Послѣдніе два года своей жизни государыня всего два раза показывалась въ публикѣ: въ день св. Андрея Первозваннаго и въ день св. Пасхи. Существуетъ преданіе, что послѣ четырехъ лѣтъ своего царствованія Елисавета имѣла намѣреніе передать бразды правленія своему племяннику, великому князю Петру Θеодоровичу, а сама окончить дни свои въ монастырѣ. Для этого она повелѣла, въ 1744 году, строить на берегу Невы Воскресенскій дѣвичій монастырь. Мысль государыни была приведена въ исполненіе императрицею Екатериною II въ 1764 году. Зданіе это теперь извѣстно подъ именемъ «Смольнаго монастыря».

ГЛАВА XV.

Петергофъ въ царствованіе Петра III.—Жизнь императрицы Екатерины II въ Монплезирѣ.—Постройки фонтановъ, «лабиринтъ», сельскій домикъ, архитекторъ Гваренги.—Фазанное заведеніе.—«Золотой шатеръ».—Шотландецъ Камеронъ.—Клериссо.—Описаніе большого праздника въ саду.—День государыни въ Петергофѣ.—Празднованіе Петрова дня и раздача наградъ.—Княжна Любомирская.—Придворные корреспонденты XVIII столѣтія.—Разсказъ Гримма о первой аудіенціи у императрицы.—Милости императора Павла къ Гримму.—Англійскій садъ и Англійскій дворецъ.—Домъ дурачествъ.—Рѣдкости дворцовъ Петергофа.—Улучшенія въ Петергофѣ при императорѣ Павлѣ I.—Петергофъ при Александрѣ I.—Работы профессора А. Н. Воронихина.—Петергофскія гулянья.—Петергофъ при императорѣ Николаѣ I.—Павильонъ Озерки.—Первое представленіе балета «Наяда и рыбакъ».—Мельница.—Альбомъ.—Руины греческаго храма.—Бельведеръ.—«Бабигоны».—Закладка церкви во имя царицы Александры.—Царицынъ островъ.—Историческій дубъ.—Павильонъ на Ольгиномъ островѣ.—Слободы: Старая и Новая.—Церковь Петра и Павла.—Петергофскій театръ.

Въ КРАТКОВРЕМЕННОЕ царствованіе императора Петра III дворъ съ государемъ жилъ въ Ораніенбаумѣ, императрица же Екатерина II избрала своимъ лѣтнимъ пребываніемъ скромный уголокъ Петергофскаго сада, павильонъ Монплезира. Здѣсь государыня въ тихомъ уединеніи развивала свои богатыя способности чтеніемъ и наблюденіемъ ко всему выходящему изъ ряда вещей обыкновенныхъ. Государыня, читая Монтескье «Esprit de Loi», дѣлала на поляхъ замѣтки; въ этихъ замѣткахъ и помаркахъ ею выражены взгляды по поводу необходимости женскаго образованія, о значеніи дворянства въ государствѣ, объ отмѣнѣ крѣпостного права и т. д. Чтеніе это, такъ сказать, послужило подготовленіемъ къ будущей государственной дѣятельности монархини. Въ замѣткахъ государыни находимъ отрывки слѣдующаго содержанія:

«Желаю и хочу только блага странѣ, въ которую привелъ меня Господь. Слава ея — дѣлаетъ меня славною. Вотъ мое правило и я буду счастлива, если мои мысли могутъ въ томъ содѣйствовать. Изобиліе должно царствовать въ домахъ, а не подложная роскошь, основанная на неоплатныхъ долгахъ, такъ какъ тогда, вмѣсто величія, высказывается потѣшное тщеславіе. Я хочу, чтобы страна и подданные были богаты—вотъ начало, отъ котораго я отправляюсь: чрезъ разумное сбереженіе они этого достигнутъ».

Другимъ плодотворнымъ источникомъ обогащенія ума Екатерины были для нея и устные разсказы. Въ этомъ отношеніи особенную пользу ей оказала бывшая при ней камеръ-юнгфера Прасковья Никитишна Владиславлева [213]), теща главнаго приказчика графа Бестужева, совѣтника Пуговичникова, женщина высокаго роста, съ пріятными пріемами и умною, привлекательною физіономіею. Камердинеръ Тимоѳей Евреиновъ, пользовавшійся довѣріемъ Екатерины, сказалъ ей, что это не глупая и веселая, но очень хитрая особа, съ которою сначала надо держать себя осторожно. Ей были извѣстны всѣ анекдоты прошлаго и настоящаго времени; она знала четыре или пять поколѣній каждой фамиліи и твердо помнила родословную всѣхъ отцовъ, матерей, дѣдушекъ, бабушекъ и предковъ по мужской и женской линіи. Вдобавокъ она была общительна, словоохотлива и умѣла разсказывать. Великая княгиня, въ минуты досуга или скуки, заставляла ее говорить, и такимъ образомъ никому столько, какъ ей, не была обязана знакомствомъ со всѣмъ, что происходило въ Россіи въ послѣднія сто лѣтъ.

При императрицѣ Екатеринѣ II Петергофъ уже живетъ своей царственной жизнью: сады ею поддерживаются, дворецъ тоже обогащается рѣдкостными картинами и мебелью. Государыня съ 1762 г. по 1768 г. на поддержаніе его выдаетъ сто восемьдесятъ тысячъ рублей, въ числѣ которыхъ платитъ двадцать тысячъ за однѣ желѣзныя трубы [214]).

Поэтъ Екатерины, вдохновленный роскошью приморскаго уединеннаго уголка природы, пѣлъ:

Прохладная страна! Мѣста преузорочны!
Гдѣ съ шумомъ въ воздухъ бьютъ стремленья водоточны,
Гдѣ роскоши своей весна имѣетъ тронъ,
Гдѣ всюды слышится поющихъ птичекъ тонъ.
Гдѣ спорятъ межъ собой искусство и природа,
Въ лѣсахъ, въ цвѣтахъ, въ водахъ, въ небесномъ блескѣ свода,
И словомъ, кто эдемъ захочетъ знать каковъ,
Приди и посмотри приморскій домъ Петровъ.

При императрицѣ Екатеринѣ II Петергофъ поддерживался очень старательно. Помимо передѣланныхъ многихъ фонтановъ, при этой государынѣ была устроена купальня близь Монплезира и сооруженъ «пирамидный фонтанъ», представляющій водяную пирамиду, имѣющую въ основаніи $6^1/_4$ аршинъ; пирамида эта образуется изъ воды, бьющей изъ 505 трубокъ, расположенныхъ въ семи вставленныхъ одинъ въ другой квадратахъ, уменьшающихся къ центру пирамиды до одной, находящейся въ ней, трубки, выкидывающей воду на вершину такъ, что сила воды трубокъ въ уменьшенныхъ квадратахъ, увеличиваясь пропорціонально уменьшенію квадратовъ, въ которые вставлены трубки, находится въ обратномъ отношеніи къ большимъ квадратамъ, почему, при дѣйствіи этихъ трубокъ, вода изъ нихъ, къ центру возвышаясь постепенно уступами, образуетъ водяную пирамиду, вышиною въ двадцать футовъ, падая внизъ на всѣ четыре стороны по сдѣланнымъ отъ фонтана мраморнымъ уступамъ, находящимся въ основаніи фонтана, въ устроенный вокругъ его квадратный бассейнъ, обнесенный мраморнымъ балюстрадомъ, украшенный по тумбамъ мраморными вазами; накопляющійся же въ немъ избытокъ воды вытекаетъ изъ него также съ четырехъ сторонъ чрезъ устроенные мраморные каскады въ канавы, чрезъ которые перекинуты къ бассейну восемь мостиковъ съ мраморными перилами.

Въ концѣ «Нижняго сада», къ морю, находится «лабиринтъ», устроенный тоже при Екатеринѣ II въ видѣ садика. Посерединѣ лабиринта былъ прежде прудъ и фонтанъ, къ которому вода была проведена отъ пирамидальнаго фонтана. Лабиринтъ этотъ въ настоящее время забытъ.

Въ Англійскомъ саду возвышается роскошный дворецъ съ собраніемъ замѣчательныхъ картинъ и другихъ драгоцѣнностей; дворецъ построенъ Екатериною II въ 1782 году, архитекторомъ Гваренги [215]), на мѣстѣ, бывшемъ прежде подъ звѣринцемъ; садъ же, начатый тоже Екатериною II съ устройствомъ въ немъ, въ 1780—1782 годахъ, оранжерей и дома для садоваго мастера, разведенъ окончательно при Александрѣ I въ 1818 году; садъ этотъ разбитъ въ видѣ парка, съ обширными прудами, извилистыми дорожками, не такъ какъ Нижній и Верхній сады въ Петергофѣ. Чрезъ него проходитъ желѣзная дорога въ Ораніенбаумъ. При императорѣ Николаѣ I въ этомъ саду было устроено фазанное заведеніе; послѣднее теперь передѣлано въ красивую дачу.

На мѣстѣ, гдѣ теперь находится бельведеръ при императрицѣ Елисаветѣ существовалъ въ 1750 годахъ фруктовый садъ. При императорѣ Павлѣ I здѣсь раскинутъ былъ нѣкоторое время «золотой шатеръ»; присланъ послѣднiй былъ шахомъ персидскимъ императору въ подарокъ. По преданiю, шатеръ отличался сказочною роскошью, онъ былъ подаренъ шахомъ при вступленiи Павла на престолъ.

При императрицѣ Екатеринѣ II многiе фонтаны были передѣланы изъ свинцовыхъ на мѣдные. Всѣми работами въ царствованiе этой государыни завѣдывалъ фонтанный мастеръ Кейзеръ.

Страсть къ постройкамъ у императрицы Екатерины доходила до слабости; въ письмахъ своихъ къ Гримму она говоритъ: «Знайте, между прочимъ, что моя строительная страсть сильнѣе чѣмъ когда либо, и никакое землетрясенiе не истребило еще столько зданiй, сколько мы воздвигаемъ. Стройка — вещь заколдованная: она пожираетъ деньги, и чѣмъ болѣе строишь, тѣмъ болѣе хочется строить. Это болѣзнь, какъ пьянство, или также родъ привычки». Полюбивъ постройки, государыня нуждалась въ архитекторахъ и писала тому же Гримму, чтобъ онъ прiискалъ ей двухъ хорошихъ архитекторовъ, итальянцевъ родомъ, искусныхъ въ своемъ дѣлѣ и, пригласивъ ихъ къ ней на службу по контракту, прислалъ ихъ изъ Рима въ Петербургъ, какъ тюкъ съ инструментами. Далѣе Екатерина шутливо говоритъ въ письмѣ: «не сулите имъ миллiоновъ, но дайте разумное и приличное жалованье, выберите честныхъ и разумныхъ, не такiя головы какъ Фальконетъ, людей, ходящихъ по землѣ, а не летающихъ по воздуху; адресуйте ихъ ко мнѣ или къ барону Фридрихсу, или къ графу Брюсу, или къ Эку, или къ Безбородкѣ, или къ сатанѣ и его бабушкѣ, только бы я ихъ имѣла, потому что всѣ мои либо ужъ слишкомъ стары, либо слѣпы, либо медлительны, либо лѣнивы, либо слишкомъ молоды, либо слишкомъ праздны, либо черезчуръ важные господа, или слишкомъ богаты, то слишкомъ тяжеловѣсны, то слишкомъ легкомысленны,—однимъ словомъ, все, что угодно, только не то, что мнѣ нужно».

О французскихъ архитекторахъ императрица была не высокаго мнѣнiя. „У меня есть французы, говорила она, которые слишкомъ много знаютъ и строятъ дома дрянные и внутри и снаружи, и все оттого, что слишкомъ много знаютъ“. Выборъ государыни палъ на двухъ итальянцевъ: Джакомо Тромбаро, родомъ изъ Пармы, и изъ Бергамо—Iеронимо Кваренги или Гваренги, какъ у насъ его болѣе называли. Государыня ждала ихъ

съ нетерпѣніемъ изъ-за границы. Особенно послѣдній изъ нихъ оказался очень полезенъ и дѣятеленъ и она очень часто хвалила его. Онъ сперва былъ ученикомъ Рафаэля Менгса въ Римѣ, но впослѣдствіи пристрастился къ архитектурѣ. Государыня о немъ отзывалась такъ: „Гваренги не тратитъ здѣсь время попустому: онъ работаетъ какъ лошадь".

„Этотъ Гваренги дѣлаетъ намъ прелестныя вещи, весь городъ полонъ его постройками. Онъ строитъ банкъ, биржу, множество магазиновъ, лавокъ и партикулярныхъ домовъ. Онъ сдѣлалъ мнѣ въ Эрмитажѣ театръ, который вмѣщаетъ человѣкъ триста, однако, никакъ не болѣе, но и этого черезчуръ довольно для Эрмитажа". Рафаэлевская галлерея и установка ложъ были произведены имъ же. Гваренги выстроилъ также англійскій дворецъ въ Петергофѣ. Но еще до пріѣзда этихъ итальянцевъ у ней былъ еще талантливый исполнитель ея строительныхъ замысловъ, работавшій преимущественно въ Царскомъ Селѣ. Это былъ шотландецъ Камеронъ. Про него она говорила: „я завладѣла Камерономъ—шотландцемъ по рожденію, якобинцемъ по профессіи, великимъ рисовальщикомъ, который напитанъ изученіемъ древнихъ и извѣстенъ своею книгой «О древнихъ баняхъ». Это — голова, и голова воспламеняющая, большой поклонникъ Клериссо". Клериссо, о которомъ упоминала императрица, былъ французскій живописецъ и архитекторъ, долго работавшій въ Римѣ и прославившійся воспроизведеніемъ памятниковъ древняго зодчества. Екатерина II черезъ Фальконета заказала Клериссо рисунокъ бесѣдки для царскосельскаго сада (Maison antique), но вмѣсто того Клериссо начертилъ планъ огромнаго зданія, за который требовалъ значительной суммы [216]).

Возникли недоразумѣнія, заставившія императрицу отказаться отъ дальнѣйшихъ сношеній съ этимъ художникомъ. Однако, позднѣе государыня просила Гримма передать ему заказъ сдѣлать модель воротъ при въѣздѣ съ московской дороги въ Петербургъ. „Черезъ эти ворота,—говоритъ Екатерина,—я проѣхала, чтобъ принять корону; черезъ нихъ же я въѣзжала послѣ коронаціи. Не то, чтобъ я желала видѣть на нихъ барельефы, изображающіе все это, но нужно дать понять хорошей головѣ, какъ Клериссо, что черезъ ворота, ведущія изъ одной столицы въ другую, случается проѣзжать во многихъ торжественныхъ случаяхъ". Тутъ же императрица заказываетъ ему сдѣлать фасадъ дворца и прибавляетъ: „ибо возбужденіе фантазіи рисунками Клериссо очень велико".

Модель воротъ Клериссо поручено было распаковать архитектору Гваренги. Съ нею были привезены и нѣкоторыя его картины, которыя императрица очень хвалитъ. При разсчетахъ съ Клериссо вышли новыя недоразумѣнія, и онъ даже позволилъ себѣ жаловаться на государыню принцу Ангальтъ-Дессаускому,

Баронъ Гриммъ.

который, при собственноручномъ письмѣ препроводилъ къ Екатеринѣ эту жалобу, что очень ее оскорбило. Императрица, въ письмѣ къ Гримму, приказала послѣднему „поскорѣе заплатить все, что я могу быть ему должна по прежнимъ и новѣйшимъ счетамъ и попросите его, для избѣжанія новыхъ недоразумѣній, не присылать мнѣ своихъ работъ“. Принцу же Дессаускому

императрица отвѣчала иронически, что она очень радуется случаю, который доставилъ ей удовольствіе въ первый разъ получить письмо отъ его высочества и т. д. Какъ любила императрица архитектуру, тому мы безпрестанно видимъ доказательства въ ея письмахъ. Такъ, въ одномъ изъ писемъ къ Гримму она говоритъ: „Присылка книгъ доставитъ мнѣ большое удовольствіе; я съ ума схожу отъ архитектурныхъ книгъ; вся комната моя ими завалена, а мнѣ все еще не довольно“. Императрица Екатерина II была великая цѣнительница искусства и неутомимо слѣдила за всѣмъ, что являлось прекраснаго въ этой области искусства.

Постоянныя празднества лѣтомъ на воздухѣ при дворѣ происходили во все время царствованія Екатерины II. Государыня разсказываетъ въ своихъ письмахъ, что всѣ наперерывъ другъ передъ другомъ давали обѣды, балы, маскарады, устраивали иллюминаціи и фейерверки, самые лучшіе, какіе было можно. Вотъ описаніе одного изъ такихъ праздниковъ, устроенныхъ самой Екатериной, когда она еще была царевной. На этотъ праздникъ, не смотря на ограниченныя средства государыни (она получала тогда содержанія въ годъ всего тридцать тысячъ), она не пожалѣла издержекъ, и онъ обошелся ей въ 15 тысячъ рублей. Екатерина приказала своему тогдашнему архитектору итальянцу Антонію Ринальди сдѣлать изъ дерева большую колесницу, такъ чтобы на ней могъ помѣститься оркестръ, человѣкъ въ шестьдесятъ музыкантовъ и пѣвцовъ; стихи были заказаны тоже придворному поэту итальянцу; музыка тоже итальянцу капельмейстеру Арайѣ. Въ саду, въ большой аллеѣ, устроена была иллюминованная декорація съ занавѣсью; напротивъ разставлены столы для ужина; послѣ перваго блюда за ужиномъ занавѣсъ, закрывавшая большую аллею, поднялась, вдали показался подвижной оркестръ, который везли двадцать быковъ, убранныхъ гирляндами; оркестръ окружали танцоры и танцовщицы. Аллея была ярко иллюминована, оркестръ, подвигаясь, исполнялъ симфонію; какъ скоро послѣдняя окончилась, занавѣсъ опустилась; всѣ усѣлись опять къ столу; во время второго блюда послышались опять трубы и литавры, явился скоморохъ и началъ кричать:

— Милостивые государи и милостивыя государыни! Пожалуйте ко мнѣ, въ моихъ лавочкахъ будетъ даровая лоттерея.

Въ это время по обѣимъ сторонамъ декораціи поднялись небольшія занавѣси и открылись двѣ маленькія, ярко освѣщен-

ныя лавочки, изъ которыхъ въ одной находился фарфоръ, а въ другой—цвѣты, ленты, вѣера, гребенки, гарусъ, перчатки, портупеи и тому подобныя вещи. Послѣ раздачи вещей всѣ отправились за дессертомъ, потомъ начались танцы.

Императрица Екатерина II распредѣляла свой день, живя въ Петергофѣ, слѣдующимъ образомъ: вставала она въ шесть часовъ и уже въ семь часовъ утра дѣлала свою любимую утреннюю прогулку по саду; послѣ восьми часовъ пила свой кофе на террасѣ или прямо въ саду; сюда собирались къ ней придворные; въ девять часовъ она уходила къ занятіямъ; послѣ двѣнадцати часовъ всѣ собирались къ обѣду въ столовой, куда приходила императрица, и ровно въ часъ садилась за обѣдъ. Затѣмъ придворные сходились ко двору въ шесть часовъ, при хорошей погодѣ гуляли по саду, забавлялись играми. День оканчивался ужиномъ въ десять часовъ вечера, если же бывали концерты, спектакли или публичные маскарады, то государыня отходила ко сну гораздо позднѣе обыкновеннаго часа.

Государыня ежегодно съ пышностью праздновала въ Петергофѣ Петровъ день. Императрица, по обыкновенію, пользовалась этимъ торжественнымъ случаемъ, чтобы изливать милости на своихъ приближенныхъ. Извѣстно, что въ этотъ день государыня подарила Безбородкѣ 4,000 душъ, графу Воронцову 50,000 руб. и т. д. Во все свое царствованіе каждое лѣто государыня предпринимала поѣздки по окрестностямъ Петербурга. Екатерина то возвращается неожиданно въ городъ, то ѣдетъ въ Петергофъ, то обѣдаетъ на дачахъ у своихъ царедворцевъ, то предпринимаетъ экспромтомъ поѣздку въ Москву. При ея подвижности и частыхъ лѣтнихъ переѣздахъ, ей случалось останавливаться и даже проживать цѣлыя недѣли и мѣсяцы въ самыхъ скромныхъ помѣщеніяхъ.

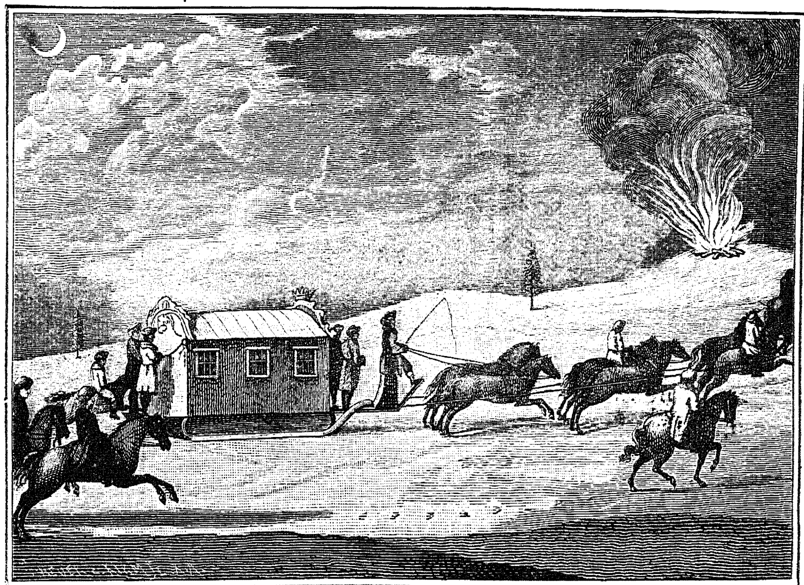
«Я возвратилась въ городъ вчера»,—пишетъ она 20-го августа 1785 года изъ Петербурга, — «такъ же какъ и въ прошломъ году неожиданно. Я нахожу его прелестнымъ, никто меня не провожаетъ, никто меня не принимаетъ. Я проскальзываю какъ котъ, такъ что никто и не замѣтитъ меня, а когда я уже пріѣду, то цѣлыя сутки всѣ повторяютъ: она пріѣхала неожиданно! И вотъ пустые мечтатели и политиканы отыскиваютъ на то причины до того тонкія и скрытыя, что ихъ можно продѣть сквозь игольное ушко. А ваша покорная слуга покамѣсть бѣгаетъ по эрмитажу, осматриваетъ картины, играетъ со своей обезьяной, любуется на своихъ голубей, своихъ попугаевъ, своихъ американскихъ пта-

шекъ голубого, краснаго и желтаго цвѣта и предоставляетъ всякому свободно толковать, подобно городу Москвѣ». Въ жизни государыни день былъ строго распредѣленъ: трудъ въ немъ умно и гармонически чередовался съ удовольствіемъ. Вотъ какъ въ другомъ мѣстѣ государыня говоритъ о своихъ занятіяхъ: Сегодня я обѣдала въ эрмитажѣ, а завтра въ своемъ присутствіи очищаю адмиралтейскія верфи; это значитъ, что будутъ спускать военный 74-хъ-пушечный корабль, послѣ чего я сейчасъ бѣгу въ Петергофъ.

Изъ Петергофа Екатерина пишетъ: «Хотите знать, что я дѣлала въ день пріѣзда сюда? Я рыскала по-цыгански (comme un basque), именно: въ одиннадцать часовъ утра, такъ какъ это было воскресенье, я была у обѣдни, потомъ принимала въ аудіенціи, потомъ пробѣжалась за своимъ обѣдомъ пѣшкомъ вдоль сада и набережной къ Бецкому. Послѣ обѣда я ѣздила въ лодочкѣ въ адмиралтейство: тамъ я полила дегтемъ и ударила три раза молоткомъ каждый изъ трехъ новыхъ стопушечныхъ кораблей, которые велѣла построить; оттуда я перешла на 74-хъ-пушечный корабль, который, по приказанію моему, спущенъ въ воду; пока я сама находилась на немъ, онъ довезъ насъ до Невскаго моста; тамъ бросили якорь, мы сошли съ него и на лодкѣ возвратились въ адмиралтейство, чрезъ которое прошли пѣшкомъ, чтобъ сѣсть въ карету и проѣхать оттуда на дачу оберъ-шталмейстера Нарышкина, гдѣ, исходивъ вдоль и поперегъ его рощи и гулянья, мы поужинали и въ $12^1/_2$ час. пріѣхали сюда».

Представитель роскошнаго барства вѣка Екатерины, Левъ Нарышкинъ, о которомъ упоминаетъ Екатерина II, хотя и не пользовался ея довѣріемъ, но былъ у нея въ большой милости. Нарышкинъ былъ веселаго характера, необыкновенно радушенъ и чрезвычайно страненъ. Екатеринѣ казались забавными его странности, шутки и разсѣянная жизнь. Онъ никому не мѣшалъ, оттого ему все прощалось и онъ могъ дѣлать и говорить многое, что другимъ не прошло бы даромъ. Существуетъ разсказъ, что однажды, въ бытность Екатерины еще великою княгиней, она застала его въ своемъ кабинетѣ; онъ разлегся на диванѣ и распѣвалъ какую-то пѣсню, въ которой не было человѣческаго смысла. Видя такую невѣжливость, великая княгиня вышла изъ кабинета, заперла за собою дверь и отправилась къ его невѣсткѣ, которой сказала, что непремѣнно слѣдуетъ достать порядочный пучокъ крапивы, высѣчь этого человѣка за его сумасбродное поведеніе и выучить его уважать женщинъ.

Нарышкина охотно согласилась, велѣла принести розогъ, обвязанныхъ крапивою, взяла съ собою одну изъ женщинъ, вдову Татьяну Юрьевну, и пошла въ кабинетъ: Нарышкинъ лежалъ на прежнемъ мѣстѣ и во все горло распѣвалъ свою пѣсню. Увидавъ вошедшихъ, онъ хотѣлъ убѣжать; но онѣ успѣли настрекать ему руки, ноги и лицо, такъ что онъ дня два или три долженъ былъ оставаться въ своей комнатѣ, не смѣя даже никому сказывать, что съ нимъ случилось, при этомъ наказавши, его увѣрили, что при малѣйшей его невѣжливости, при малѣй-

Дорожный возокъ Екатерины II.

шей непріятности, которую онъ еще разъ сдѣлаетъ, будетъ возобновлено такое наказаніе, такъ какъ иначе съ нимъ не было никакихъ средствъ. Все это дѣлано было какъ будто шутя и вовсе безъ злобы; но тѣмъ не менѣе Нарышкинъ былъ проученъ, по крайней мѣрѣ онъ сдѣлался тише прежняго.

Графъ Сегюръ про домъ этого вельможи говоритъ: съ утра до вечера тамъ слышались веселый говоръ, хохотъ, звуки музыки, шумъ пира: тамъ ѣли, смѣялись, пѣли и танцовали цѣлый день; туда приходили безъ приглашеній и уходили безъ поклоновъ; тамъ царствовала свобода. Это былъ пріютъ веселья и,

можно сказать, мѣсто свиданія всѣхъ влюбленныхъ. Здѣсь, среди веселой и шумной толпы, скорѣе можно было тайкомъ пошептаться, чѣмъ на балахъ и въ обществахъ, связанныхъ этикетомъ.

Въ другихъ домахъ нельзя было избавиться отъ вниманія присутствующихъ; у Нарышкина же, за шумомъ, нельзя было ни наблюдать, ни осуждать, и толпа служила покровомъ тайнѣ. У Нарышкина часто бывалъ Потемкинъ, который къ другимъ никогда не выѣзжалъ. Только здѣсь онъ не чувствовалъ себя связаннымъ и самъ никого не безпокоилъ. Онъ былъ влюбленъ въ одну изъ дочерей Нарышкина, Марью Львовну, которая потомъ была замужемъ за княземъ Любомирскимъ. Нарышкина была превосходная музыкантша, она играла на арфѣ и пѣла. Державинъ посвятилъ ей свое стихотвореніе къ «Евтерпѣ»:

Пой, Евтерпа дорогая!
Въ струны арфы ударяй!
Ты, поколь весна младая,
Пой, пляши и восклицай.

Державинъ слышалъ игру и пѣніе Нарышкиной на дачѣ Шувалова [217]). Что Потемкинъ былъ влюбленъ въ молодую Нарышкину никто не сомнѣвался, онъ всегда съ ней сидѣлъ вдвоемъ и всегда гдѣ нибудь въ уединеніи отъ всѣхъ. За ужиномъ онъ тоже не любилъ быть за общимъ столомъ, со всѣми гостями, ему накрывали столъ въ особой комнатѣ, куда онъ приглашалъ человѣкъ пять или шесть изъ своихъ знакомыхъ.

Возвращаясь опять къ пребыванію императрицы Екатерины II въ Петергофѣ, мы находимъ часто въ письмахъ государыни къ Гримму, что Екатерина часто и роптала на Петергофъ. Такъ, въ одномъ мѣстѣ она говоритъ: «одна изъ причинъ, почему я не люблю этого мѣста, та, что я здѣсь сплю какъ сурокъ и не имѣю ни времени, ни охоты писать: я пишу здѣсь только письма императорскія, королевскія и полукоролевскія; за то я знатно услаждаю свою лѣнь, пока нахожусь здѣсь». Ни съ кѣмъ государыня такъ не переписывалась много и постоянно [218]), какъ съ Гриммомъ. Письма ея къ Гримму похожи на дневникъ, въ которомъ авторъ отдаетъ отчетъ въ переживаемыхъ имъ событіяхъ, впечатлѣніяхъ и занятіяхъ, высказываетъ свои взгляды на лица и дѣла, свои житейскія и политическія правила, свои намѣренія и надежды. Иное письмо къ Гримму государыни тянулось недѣли и даже мѣсяцы, или, лучше сказать, оно составлялось изъ цѣлаго ряда писемъ [219]). Фридрихъ Мельхіоръ баронъ

Гриммъ былъ корреспондентомъ многихъ владѣтельныхъ особъ. Въ XVIII вѣкѣ журналистика была далека отъ теперешняго ея развитія; лица, интересовавшіяся событіями французской литературной и политической жизни, имѣли въ Парижѣ корреспондентовъ, постоянно сообщавшихъ имъ новости. Гриммъ и Дидеро были въ числѣ такихъ придворныхъ корреспондентовъ.

Наталья Алексѣевна.

Ландграфиня Гессенъ-Дармштадтская, женщина большого ума и высокаго образованія, принадлежала къ числу лицъ, получавшихъ письма Гримма, пріѣхавъ въ Россію по случаю бракосочетанія дочери ея, великой княгини Натальи Алексѣевны съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ. Гриммъ былъ другомъ Д'Аламберта, Мармонтелля, Руссо, Дидро, Гольбаха. Гриммъ

пріѣзжалъ въ Петербургъ два раза; родился онъ въ 1723 году въ Регенсбургѣ; онъ былъ сынъ пастора. Литературная извѣстность Гримма началась въ то время, когда въ парижскомъ обществѣ шла война между приверженцами старинной музыки и любителями новой, представителями которой былъ Глюкъ, вывезенный изъ Вѣны Маріею Антуанетою; Гриммъ издалъ въ защиту своей партіи брошюру подъ названіемъ Маленькій пророкъ, обратившую на него всеобщее вниманіе.

Гриммъ служилъ чтецомъ у герцога Саксенъ-Готскаго, затѣмъ былъ аккредитованъ послѣднимъ при версальскомъ дворѣ. Гриммъ очень образованный, ловкій человѣкъ, обладавшій острымъ умомъ, къ которому еще присоединялся талантъ его къ музыкѣ; въ рукахъ послѣдняго, по словамъ его біографа, литературныя занятія давали не одну славу, но и другія, болѣе вещественныя выгоды. Въ первый разъ Гриммъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ сентябрѣ 1773 года и былъ принятъ императрицею очень милостиво; во время празднествъ, сопровождавшихъ бракосочетаніе, государыня не переставала разговаривать съ нимъ, и къ концу торжествъ, графъ Владиміръ Орловъ, отъ имени государыни, спросилъ его, чего онъ желаетъ. Гриммъ отвѣчалъ, что ежели угодно императрицѣ будетъ назначить ему пятиминутную аудіенцію, только не на придворномъ собраніи, а въ ея кабинетѣ, то онъ всецѣло откроется предъ государыней. «На слѣдующій день», — какъ онъ пишетъ въ своей исторической запискѣ, — «я былъ позванъ къ императрицѣ, только что удалившейся послѣ вечерняго собранія во внутренніе покои. Войдя въ комнату, я увидѣлъ государыню съ тѣмъ величавымъ выраженіемъ достоинства, которое въ ней было такъ естественно, не имѣло ничего строгаго, а между тѣмъ меня смутило.

«— Ну, что же, — сказала она: — вы желали переговорить со мною; что имѣете вы сказать?

«— Если, ваше величество, — отвѣчалъ я, — сохраните этотъ взглядъ, то я долженъ буду удалиться, потому что чувствую, что голова моя не будетъ свободна, а что, слѣдовательно, напрасно было бы злоупотреблять минутами, которыми вамъ угодно мнѣ пожертвовать.

«Улыбка просіяла на лицѣ ея.

«— Садитесь, — сказала она мнѣ, — и потолкуемъ о нашихъ дѣлахъ».

Государыня ранѣе еще, черезъ генерала Бауера, предлагала Гримму вступить къ ней на службу. При свиданіи съ госуда-

рыней, Гриммъ сказалъ Екатеринѣ, что еслибы онъ безусловно тотчасъ согласился принять сдѣланное ему предложеніе, то доказалъ бы этимъ лишь готовность во что бы то ни стало воспользоваться счастіемъ; что подобнаго рода людей, какъ онъ, у государыни найдется много, что предложеніе это вскружило бы голову и покрѣпче, чѣмъ его. Но тѣмъ не менѣе оно заставило его серьезно призадуматься, какъ бы онъ ни былъ счастливъ, — посвятить ея службѣ остатокъ дней своихъ. Въ числѣ доводовъ своихъ, Гриммъ представилъ императрицѣ, что ему 50 лѣтъ и что онъ не вправѣ надѣяться изучить русскій языкъ, и что, по его убѣжденію, нельзя быть полезнымъ дѣятелемъ, не зная языка того края, которому служишь. Императрица на это выразила ему, что ея дѣло дать ему службу, на которой онъ бы могъ быть полезнымъ. Пятиминутная аудіенція продлилась болѣе полутора часа; императрица осыпала его милостями и отпустила его окончательно разстроеннымъ. Съ этого дня государыня часто призывала Гримма послѣ карточной игры, когда занималась какимъ либо рукодѣльемъ, и вела съ нимъ бесѣды подолгу. Такія бесѣды вела государыня съ Гриммомъ до 1774 года; въ это время онъ захворалъ сильно лихорадкой и пролежалъ болѣе двухъ мѣсяцевъ. Доктора нашли, что Гримму нужно перемѣнить воздухъ и онъ уѣхалъ, обласканный императрицей, въ Италію, и вмѣстѣ съ тѣмъ государыня потребовала, чтобы онъ письменно извѣщалъ ее о себѣ, въ силу чего онъ и велъ самую оживленную переписку съ государыней изъ-за границы. Во второй пріѣздъ его въ Петербургъ, въ 1777 году, государыня приняла его на службу съ жалованьемъ 2,000 руб. Въ этомъ году король шведскій, Густавъ III, пріѣзжалъ въ Петербургъ, Гриммъ зналъ его еще во Франціи, и король взялъ съ него слово — побывать у него, когда онъ отправится во Францію. Вслѣдъ за отъѣздомъ короля и Гриммъ покинулъ Россію, и чрезъ Финляндію отправился въ Швецію. «Отрываясь отъ стопъ императрицы»,—говоритъ Гриммъ,— «я, казалось, отрывался отъ собственнаго своего существованія». Не видѣть ее болѣе, не слышать ея голоса, представлялось для него большимъ несчастіемъ.

Связи и знакомства Гримма приковали его въ Парижѣ до 1792 года, и только революція заставила его возвратиться въ Германію. Гетнеръ [220]) считаетъ Гримма за это время тайнымъ политическимъ агентомъ разныхъ правительствъ. Но это подозрѣніе очень ярко отклоняетъ вся его обнародованная теперь литературная переписка. Фридрихъ II, который лично зналъ

Гримма и также велъ съ нимъ откровенную переписку, говорилъ, что немногіе въ такой степени, какъ онъ, обладаютъ умѣньемъ обращаться съ знатными и снискивать ихъ расположеніе, не жертвуя свободою мысли и независимостью характера. Во время революціи все имущество Гримма было расхищено въ пользу республики, въ домѣ его найдены были нѣсколько портретовъ, которые и были съ торжествомъ уничтожены. Узнавъ о потерѣ Гриммомъ имущества, Екатерина II отправила къ нему вексель въ двадцать тысячъ и предлагала ему еще 10 тыс., если онъ хочетъ переселиться въ Россію. Въ 1795 г. Гриммъ занимаетъ постъ русскаго посланника въ Готѣ. Потомъ, въ августѣ 1796 г., императрица сообщила ему, что она назначаетъ его въ Гамбургъ на мѣсто умершаго тамъ резидента Гроса. Но пока онъ готовился къ переселенію въ Гамбургъ, внезапно пришло извѣстіе о кончинѣ его царственной благодѣтельницы. Гримма эта роковая вѣсть поразила жестоко. Оправившись отъ перваго грустнаго впечатлѣнія, онъ обратился къ императору Павлу съ письмомъ, въ которомъ, вмѣстѣ съ чувствомъ глубокой скорби, выразилъ свою безграничную приверженность къ преемнику Екатерины. Императоръ отвѣтилъ ему милостиво и утвердилъ его въ новой должности. Гриммъ отправлялъ ее, пока болѣзнь не сокрушила его; лишившись одного глаза, онъ вскорѣ умеръ, 19-го декабря 1807 года. Въ послѣдніе годы своей жизни Гриммъ чувствовалъ, что пережилъ самого себя и часто говорилъ:

— Я пропустилъ время дать похоронить себя.

Академикъ Гротъ весьма вѣрно замѣчаетъ, что особенность писемъ Екатерины къ Гримму — это шутливый тонъ ихъ. Но, несмотря на ничтожность нѣкоторыхъ изъ нихъ, она часто высказываетъ самыя серьезныя мысли. Государыня къ Гримму была такъ внимательна, что всегда имѣла передъ собой послѣднія письма, отъ него полученныя. Она обращалась къ нему сперва со словами: monsieur или monsieur le philosophe, но вскорѣ отбросила формы учтивости и надъ ними шутила, и обыкновенно называла его не иначе, какъ souffre-douleur, намекая тѣмъ на трудность его положенія, какъ корреспондента и комиссіонера столькихъ коронованныхъ особъ. Государыня часто подсмѣивалась также надъ жалобами Гримма на его слабое здоровье и называла его boyaux félés. Также нерѣдко государыня смѣялась и надъ его слабостью къ германскимъ принцамъ и принцессамъ. Въ концѣ ея писемъ къ Гримму нѣтъ обычной подписи Екатерины. Съ тѣхъ

поръ какъ письма посылались не по почтѣ, государыня своей рукой подписывала на нихъ адресъ: à M-r M-r le baron de Grimm, chevalier de l'odre de St. Wladimir [221]).

Возвращаясь опять къ большому Петергофскому дворцу, въ большой Бѣлой залѣ находимъ слѣдующія достопримѣчательности: по стѣнамъ и надъ окнами помѣщены портреты царскихъ особъ: портретъ Петра Великаго въ ростъ, императрицы Екатерины I, царевны Натальи, принцессы Шарлоты, царевича Алексѣя, императрицы Анны, Елисаветы, царевны Софьи Алексѣевны, патріарха Филарета Никитича, инокини Мароы Іоанновны, царевны Екатерины Іоанновны; многіе изъ этихъ портретовъ работы Бухгольца, другіе же неизвѣстныхъ художниковъ. Живописные экраны передъ каминами въ этомъ дворцѣ написаны художникомъ Эрландомъ въ 1754 году, девять же картинъ надъ зеркалами, называемые «десюдепорты» исполнены въ 1752 году. Изъ этой залы входъ въ пикетную комнату; здѣсь имѣется также нѣсколько картинъ, изображающихъ «Чесменскую битву», работы Фрпхта. Плафонъ въ залѣ съ изображеніемъ Цереры и принадлежащихъ ей атрибутовъ. Слѣдующій, Купеческій, залъ, хотя и реставрированный въ 1866 году, но остался въ томъ же видѣ, какъ онъ былъ въ царствованіе Елисаветы Петровны, тутъ на стѣнахъ медальоны съ миоологическими сюжетами, а на плафонѣ залы представленъ Аполлонъ съ девятью музами; примыкающая къ этому залу парадная лѣстница, сохраняетъ тотъ же характеръ Елисаветинскаго времени.

Въ другой половинѣ дворца, изъ портретнаго зала входъ въ китайскую комнату; стѣны въ ней отдѣланы золотомъ по черному фону въ китайскомъ вкусѣ. За этой комнатой слѣдуютъ «гостиная», кабинетъ, штандартная и пріемныя комнаты государыни императрицы. Въ гостиной государыни находятся портреты воспитанницъ, выпущенныхъ изъ Общества благородныхъ дѣвицъ 1776 года; въ кабинетѣ портретъ императрицы Елисаветы Петровны, работы графа де-Ротари, затѣмъ еще другой — работы Сорокина, изображающій государыню въ черномъ платьѣ съ маскою. Государыня, Елисавета Петровна какъ извѣстно, очень любила веселиться и заставляла веселиться и придворныхъ.

При Елисаветѣ должностныя лица обязывались подпискою бывать на театральныхъ представленіяхъ. Когда на французскую комедію являлось мало зрителей, посылался къ отсутствующимъ грозный вопросъ, подкрѣпляемый обѣщаніемъ штрафа въ 50 руб. Маскарады при ней давались два раза въ недѣлю—

одинъ изъ маскарадовъ былъ для придворныхъ и знатныхъ особъ и для военныхъ, не ниже чина полковника; иногда на эти маскарады позволялось пріѣзжать всѣмъ дворянамъ и даже почетному купечеству. Число находившихся на этихъ маскарадахъ не превышало двухсотъ человѣкъ. На маскарадахъ же для всѣхъ число доходило до 800 человѣкъ. Также не разъ государыня приказала быть въ маскарадѣ мужчинамъ въ женскомъ платьѣ и уборѣ, безъ масокъ, а женщинамъ—въ мужскомъ платьѣ; самой государынѣ болѣе всѣхъ шло мужское платье. Въ бытность еще царевной, Елисавета любила ходить въ мужской одеждѣ, а также и въ простомъ сарафанѣ; шилъ на нее одежду посадскій житель слободы, извѣстный портной, искусникъ по своему мастерству и вмѣстѣ съ тѣмъ пьяница горькій, Алексѣй Ѳедоровъ Санковъ, и когда онъ приходилъ снимать съ нея мѣрку, то робѣлъ и руки дрожали, а цесаревна приговаривала: «Не робей, не робей!» Елизавета танцовала превосходно. Разъ на одномъ изъ маскарадовъ, одѣтая въ мужское платье, протанцовавъ менуэтъ, Елисавета подошла къ великой княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ; послѣдняя сказала императрицѣ, что, къ счастію женщинъ, ея величество не мужчина, и что даже ея портретъ въ мужскомъ платьѣ могъ бы многимъ вскружить головы. Императрица ей отвѣтила, что еслибъ была мужчиною, то отдала бы ей яблоко. Государыня не любила роскоши въ одеждѣ, особенно золота и серебра. При ней вышелъ даже указъ, чтобы никто изъ господъ или служителей не носилъ золота и серебра, кромѣ военныхъ и чужестранцевъ, пріѣхавшихъ въ Россію для поступленія на службу. Позволено было только донашивать старое платье, и чтобы не могли заказывать такого новаго, она повелѣла, у кого есть богатыя платья, то онъ обязанъ предъявлять ихъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ въ полиціймейстерскую канцелярію, а въ губерніяхъ—въ губернскія и воинскія канцеляріи для наложенія тамъ клеймъ на фалдахъ или въ такихъ мѣстахъ, гдѣ ихъ не видно, сургучною печатью. Кто же вновь сдѣлаетъ или не предъявитъ стараго къ клейменію, съ таковыхъ, если они чиновники, брать штрафу за годъ жалованья, а съ неимѣющихъ чиновъ приказано взыскивать деньгами, сколько стоило платье. Повелѣно же было носить платье суконное и шелковое по классамъ: первымъ пяти—не выше четырехъ рублей аршинъ, шестому, седьмому и восьмому—не свыше трехъ рублей, а прочимъ нижнимъ чинамъ носить шелковыя матеріи не свыше двухъ рублей. Женамъ приказано было носить шелковое платье по чинамъ ихъ мужей—за-

прещено было даже дѣлать въ Россіи золотыя и серебряныя парчевыя матеріи, а уже сдѣланныя изъ лавокъ купцовъ приказано черезъ коммерцъ-коллегію запечатать и продавать только на церковныя ризы. Иностранцамъ, имѣвшимъ для продажи такія иностранныя парчи, приказано было вывезти изъ Россіи безпошлинно. Кружева, и то положенной мѣры, позволено было носить только первымъ пяти классамъ, кружева же другой мѣры безусловно приказано было запретить въ продажу. Въ Елисаветинское время никто не смѣлъ одѣваться и причесываться такъ же, какъ императрица. Въ 1748 году было повелѣно, чтобы дамы волосы убирали попрежнему: «заднихъ отъ затылка не подгибали вверхъ, а ежели когда надлежитъ быть въ робахъ, тогда дамы имѣютъ задніе отъ затылка волосы подгибать кверху». Но, къ сожалѣнію, всѣ эти указы о бережливости и преграды расточительности очень мирно при дворѣ уживались съ безумною роскошью сановниковъ.

При императрицѣ Екатеринѣ II, какъ мы уже упомянули, было начато разведеніе Англійскаго сада, въ Петергофѣ по имени котораго названъ и дворецъ. Садъ этотъ въ одной верстѣ отъ Верхняго и занимаетъ до четырехъ квадратныхъ верстъ въ сѣверо-западной части Петергофа. Положеніе сада холмисто, съ прудами, очень живописно. На одной изъ возвышенностей стоитъ здѣсь трехъ-этажный дворецъ, довольно обширный по помѣщенію. Дворецъ очень простой, незатѣйливой архитектуры. Изъ второго этажа дворца ведетъ прямо къ пруду широкая гранитная лѣстница. На каждомъ шагу въ этомъ дворцѣ встрѣтишь память о Екатеринѣ II, хотя постройка этого дворца и окончена при императорѣ Александрѣ I. Во дворцѣ этомъ портретовъ Екатерины II, какъ оригинальныхъ, такъ и въ копіяхъ, наберется болѣе десятка. Тамъ же замѣчателенъ портретъ императрицы Елисаветы со скороходомъ-негромъ впереди. Между ними есть изображеніе государыни на конѣ въ томъ костюмѣ, въ которомъ она явилась передъ войскомъ и народомъ 28-го іюня 1762 года, въ день восшествія на престолъ. Въ этотъ дворецъ также поступила цѣлая коллекція портретовъ современныхъ Екатеринѣ Второй властителей Европы и членовъ ихъ семействъ. Портреты эти были получены черезъ посредство нашихъ посольствъ отъ всѣхъ дворовъ, по желанію сѣверной Минервы, въ семидесятыхъ годахъ XVIII столѣтія. Прежде эти портреты помѣщались въ Чесменскомъ дворцѣ и были расположены по группамъ и по странамъ, такъ что члены одного дома соединены были въ одной

залѣ, напримѣръ, Бурбоны французскіе—въ залѣ французской, савойскій домъ—въ сардинской, семья Маріи Терезіи—въ соединеніи съ тосканскими владѣтелями, Испанія и Португалія—съ Наполеономъ и т. д. Ко времени же Екатерины II относится въ Петергофѣ постройка небольшого бревенчатаго, въ семь саженъ длины, деревенскаго дома, которому снаружи придана была крайняя степень разрушенія и неряшества, такъ что самыя оконныя отверстія завѣшены были рогожами, дверь едва держалась и кровля готова была рухнуть. Подъ этою непривлекательною наружностью скрывалась затѣя поразить неожиданностью. Внутренность лачуги состояла изъ шести маленькихъ комнатъ, стѣны которыхъ были зеркальныя, увеличивающія пространство. Казалось, что лабиринтъ переходовъ во всѣ стороны тянется до безконечности. Такую избу приготовлялъ втайнѣ, чтобы пріятно изумить великую государыню, одинъ изъ царедворцевъ временъ Елисаветы. Когда все было окончено, вельможа отправился звать свою государыню, но вмѣсто всемилостивѣйшей улыбки получилъ намекъ, что не его дѣло распоряжаться въ царскихъ садахъ, и отказъ пріѣхать смотрѣть его затѣю. Дѣло, впрочемъ, тѣмъ и кончилось. Самая же постройка при дворѣ Екатерины носила названіе «дома дурачества» (Maison de la folie), но самъ ли строитель назвалъ такъ его или кто другой — такъ и неизвѣстно.

Въ числѣ рѣдкихъ и художественныхъ вещей вѣка Екатерины, хранящихся во дворцахъ Петергофа, достойны вниманія въ Монплезирѣ: рельефъ изъ бѣлаго мрамора, изображающій апофеозу императора Петра I. Императоръ, въ древне-римскомъ одѣяніи, занимаетъ средину; слѣва женская фигура въ вѣнцѣ подноситъ ему лавровую вѣтвь; по сторонамъ аллегорическія изображенія милосердія и религіи; у ногъ императора группа амуровъ съ аттрибутами искусствъ и наукъ; надъ его головой въ облакахъ Минерва и Меркурій (мудрость и торговля). Вокругъ рельефа обходитъ рамка изъ лавровъ и цвѣтовъ. Въ кабинетѣ «моды и страсти», гдѣ, какъ мы уже говорили, висятъ головки молодыхъ дѣвушекъ кисти графа Ротари, пріобрѣтенныхъ императрицей отъ наслѣдниковъ художника, стояли нѣкогда вазы изъ ляписа, украшенныя бронзовыми ручками съ орлиными головами, держащими въ клювѣ гирлянду; двѣ другія вазы, прямой усѣченной формы, съ ручками à la grecque и крышками плоской формы, украшенными гранатой и цвѣтами изъ золоченой бронзы. Гирлянды лавровъ, проходя между ручками, огибаютъ верхнюю часть

туловища; нижняя часть вазы во вкусѣ рококо, съ пояскомъ изъ лавровъ; вазы французской работы. Тамъ же хранятся старыя работы гранильной фабрики временъ Екатерины: яшмовое плато, издѣліе петергофской гранильни 1788 года, назначенное для употребленія при столѣ царицы въ день св. Андрея Первозваннаго. Въ англійскомъ дворцѣ находятся нѣсколько хорошихъ столовъ работы XVII вѣка; изъ нихъ недурны три деревянныхъ рѣзныхъ: верхняя доска на нихъ одна изъ зеленаго серпентина, другая изъ темнокраснаго мушчатаго порфира.

Императоръ Павелъ I также очень заботливо относился къ Петергофу; при немъ прежнія деревянныя вызолоченныя украшенія при фронтонахъ замѣнены бронзовыми мраморными. Въ его же время построены въ Нижнемъ саду противъ террасы, на которой стоитъ дворецъ, двѣ коллонады изъ пудожскаго камня, на гранитномъ фундаментѣ; на обѣихъ концахъ каждой изъ нихъ находятся вызолоченные куполы съ птицами, изъ которыхъ бьетъ вода, орошающая куполы и потомъ низвергающаяся въ бассейнъ.

При императорѣ Александрѣ I въ Петергофѣ были построены профессоромъ А. Н. Воронихинымъ двѣ колоннады и четыре пирамиды. Первая, какъ говоритъ А. Гейротъ, стоитъ по обѣимъ сторонамъ Самсоніевскаго ковша, при началѣ Гаваньскаго канала. Коллонады мраморныя съ вызолоченными куполами. Вода, проведенная къ вершинѣ куполовъ, при дѣйствіи фонтановъ, сливаясь по золотому куполу, падаетъ стеклянною пеленою во всю ширину венеціанскихъ оконъ. Надъ колоннадами имѣются также фонтаны въ видѣ небольшихъ вазъ. Колоннады облицованы мраморомъ при императорѣ Николаѣ I. Что же касается до пирамидъ, то они служили нѣкогда для означенія верстъ, какъ это передавалъ одинъ изъ петергофскихъ старожиловъ потомку строителя, извѣстному петербургскому доктору Н. Воронихину. Два изъ этихъ обелисковъ теперь разсыпались, уцѣлѣвшіе же стоятъ на Бабьегонахъ.

Также многими украшеніями Петергофъ обязанъ императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ. Государыня всегда избирала его мѣстомъ празднованія своего тезоименитства, 22-го іюля [222]). Этого дня, въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, каждый изъ петербургскихъ жителей ожидалъ съ нетерпѣніемъ. Еще за нѣсколько недѣль до наступленія этого дня петергофское гулянье было для всѣхъ предметомъ разговора. Вотъ какъ описываетъ этотъ день фельетонистъ того времени: «содержательницы модныхъ магази-

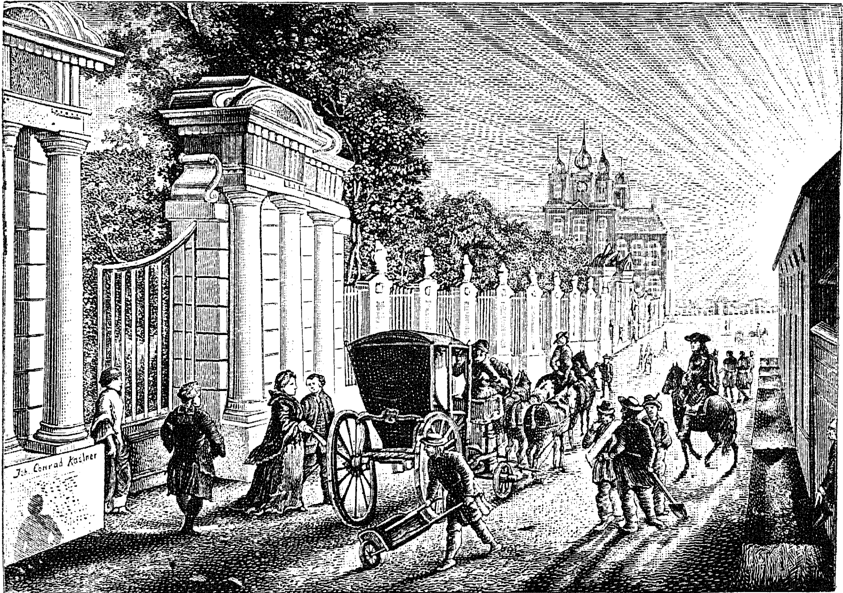
новъ скачутъ по дачамъ и улицамъ съ огромными картонами; гонцы и посыльные спѣшатъ въ Петергофѣ для заблаговременнаго занятія квартиръ, которыя къ тому времени такъ подымались въ цѣнѣ, что за двѣ комнаты на улицу платили по двѣсти рублей и болѣе. Наканунѣ, особенно вечеромъ, уже менѣе слышно шуму на главныхъ улицахъ столицы и менѣе примѣтно движенія; но, при наступленіи утра, повсюду встрѣчаются экипажи разнаго рода, заложенные по дорожному, цугомъ и въ одиночку; отъ заставы уже начинается неразрывная цѣпь экипажей, изъ которыхъ многіе спѣшатъ обогнать другъ друга, такъ что иногда по три рядомъ скачутъ вмѣстѣ и запружаютъ широкую дорогу. Здѣсь вы видите на дрожкахъ тѣснятся нѣсколько человѣкъ и охотно переносятъ тряску и безпокойство; тамъ въ чухонской фурѣ помѣщается цѣлое семейство, съ большими запасами провизіи всякаго рода, и всѣ они терпѣливо глотаютъ густую пыль, которая, столпомъ подымаясь отъ колесъ каретъ и колясокъ, совершенно покрываетъ лицо ихъ и платье. Сверхъ того по обѣимъ сторонамъ дороги идутъ многіе пѣшеходы, у которыхъ охота и крѣпость ногъ пересиливаютъ легкость кошелька; разнозчики разныхъ фруктъ, ягодъ и тѣ тоже спѣшатъ въ Петергофъ, въ надеждѣ на барышъ и водку. Бердова пристань представляетъ тоже оживленную картину, здѣсь тысячи народу тѣснятся и спѣшатъ попасть на пароходъ»...

Въ этотъ день, 22-го іюля, весь садъ Петергофа былъ залитъ разноцвѣтными огнями, и представлялъ волшебный садъ фей. По окончаніи обѣда во дворцѣ, толпа придворныхъ и гвардейскихъ офицеровъ выходила въ садъ въ домино и маскахъ и прогуливались такъ по саду, гдѣ всегда назначался придворный маскарадъ. Другое общество верхомъ въ придворныхъ линейкахъ и своихъ экипажахъ каталось кавалькадою по саду. Это катанье, по словамъ очевидцевъ, представляло необыкновенно оживленную картину тысячи разнообразныхъ костюмовъ, говоръ почти всѣхъ нарѣчій, все это уносило въ какую-то невѣдомую страну или на сцену театра.

Въ царствованіе императора Николая I въ Петергофѣ гулянье происходило еще и 1-го іюля. Въ день рожденія Александры Ѳеодоровны, въ этотъ день тоже садъ переполнялся публикою и представлялъ великолѣпное зрѣлище, съ военными парадами и иллюминаціею, которая въ 10 часовъ вечера, по сигналу ракетами, зажигалась въ одно мгновеніе. И стоящіе на петергофскомъ рейдѣ, передъ дворцомъ фрегаты, яхты и

пароходы, украшенные днемъ разноцвѣтными флагами, съ наступленіемъ сумерекъ, также въ одно время съ садами иллюминовались фальшфейерами и разноцвѣтными огнями. Повсюду гремѣли оркестры военной музыки, раздавались крики ура и т. д.

Императоръ Николай I въ теченіе тридцатилѣтняго своего царствованія успѣлъ въ Петергофѣ на мѣстѣ болотъ образовать озера, пруды, всѣ незанятыя постройками мѣста обратить въ куртины и клумбы, настроить кавалерскихъ домовъ, дворцовъ, павильоновъ, а изъ запущеннаго, такъ называемаго, звѣринца

Отъѣздъ изъ Петергофа Екатерины II въ день восшествія на престолъ.

сдѣлать роскошный паркъ. За англійскимъ садомъ на южной сторонѣ, по извилистой дорогѣ вверхъ по рѣчкѣ около восточной стороны сада, императоръ Николай I собственно для себя построилъ двухъ-этажный деревянный сельскій домъ, названный имъ Никольскимъ; онъ съ бревенчатыми стѣнами и простою мебелью; окруженъ съ двухъ сторонъ большими прудами, постоянно шумящимъ каскадомъ, чрезъ который вода проходитъ въ англійскіе пруды, на гранильную фабрику, къ золотой горѣ и въ Верхній садъ. Императоръ Николай здѣсь на новосельи устроилъ сюрпризъ императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ; вышелъ

къ ней навстрѣчу съ хлѣбомъ и солью, одѣтый унтеръ-офицеромъ Измайловскаго полка. Еще недавно посѣтителямъ показывали шинель съ нашивками, которая была на императорѣ, игравшемъ роль ветерана-привратника, при принятіи своей супруги. Домикъ этотъ всегда охраняемъ настоящимъ отставнымъ унтеръ-офицеромъ Измайловскаго полка. За этимъ сельскимъ домикомъ на Сампсоніевскомъ каналѣ, находится павильонъ Сампсоніевскій или Озерки, устроенный по проекту архитектора Штакеншнейдера, также при Николаѣ I, и получившій свое названіе отъ окружавшихъ его озерковъ и прудовъ.

Въ числѣ многихъ украшеній въ павильонѣ и около него заслуживаетъ вниманія превосходная мраморная статуя и поставленная еще за прудомъ на большомъ пьедесталѣ изъ сердобольскаго гранита бронзовая колоссальная фигура, изображающая рѣку Нилъ съ аттрибутами, работы Гамбургера, по античной модели, доставленной изъ Рима въ подарокъ отъ папы Пія IX императору Николаю. Постройка начата въ 1845 году и окончена въ три года. Главный бассейнъ за этимъ павильономъ былъ устроенъ еще при Петрѣ I и на мѣстѣ павильона стояла деревянная караулка для матросовъ. У входа въ павильонъ поставлены бронзовые центавры, у павильона, къ сторонѣ бассейна, находится шестнадцать термъ сердобольскаго гранита, работы художника Теребенева, которыя поддерживаютъ массивное перголо.

11-го іюля 1851 года передъ этимъ павильономъ, по случаю дня тезоименитства великой княгини Ольги Николаевны на помостѣ, устроенномъ вровень съ водою, представленъ былъ въ первый разъ балетъ «Наяда и рыбакъ», поставленный собственно для этого случая балетмейстеромъ Перро. Эфектъ этого балета былъ поразителенъ: наяды, дѣйствительно, подплывали по озеру къ сценѣ въ небольшихъ лодкахъ, устроенныхъ въ видѣ раковинъ; декораціями для сцены служили мѣстныя вѣковыя деревья, обставленныя тропическими растеніями. Вправо на дальнемъ планѣ виднѣлись деревни Бабьяго-гона, иллюминованныя по всѣмъ главнымъ архитектурнымъ линіямъ, такъ что очертаніе каждой избы ясно было видно издали. Погода въ этотъ день вполнѣ благопріятствовала постановкѣ балета подъ открытымъ воздухомъ и, къ довершенію полнаго эфекта, во время самаго представленія всплывшая на небосклонѣ луна отражалась и въ водахъ озера за сценой, и въ каждой блесткѣ газовыхъ тюникъ и украшеній наядъ. Въ этотъ вечеръ вся иллюминація Петергофа была раскинута на пятиверстномъ разстояніи, деревья и кусты и всѣ

газоны были унизаны цвѣтными фонарями и лампами. На полянѣ между деревьями въ одномъ мѣстѣ была представлена живая картина «Цыганскій таборъ», освѣщенная бенгальскими огнями. Въ заключеніе празднества былъ сожженъ надъ Драконовою горою великолѣпный фейерверкъ. Государь императоръ и все августѣйшее семейство со всѣми приглашенными лицами изволилъ послѣ балета отправиться параднымъ поѣздомъ къ Монплезиру; во время проѣзда вся дорога освѣщена была бенгальскими огнями.

Невдалекѣ отъ павильона Озерки находится мукомольная мельница въ швейцарскомъ вкусѣ, съ нѣсколькими комнатами и садикомъ; въ одной изъ этихъ комнатъ находится альбомъ, въ который иногда записываютъ свои имена посѣтители; здѣсь на одной страницѣ виднѣются слѣдующія слова: «Любилъ, люблю, не разлюблю». Слова эти начертаны собственною рукою того монарха, который, дѣйствительно, любилъ Петергофъ, и, вѣроятно, будутъ сохраняться для послѣдняго драгоцѣннымъ памятникомъ.

Вблизи этой мельницы, въ роскошнѣйшемъ, примыкающемъ къ нему паркѣ, въ одномъ мѣстѣ виднѣются руины греческаго храма. Въ сторонѣ на скатѣ горъ, вблизи Бабьегонской дороги, на большомъ камнѣ, поставленъ Николаемъ большой бронзовый двуглавый орелъ съ надписью: «подвигамъ лейбъ-гвардіи сапернаго батальона», располагающагося тамъ лагеремъ. На Бабьегонскихъ высотахъ возвышается каменный съ монолитными колоннами изъ гранита въ греческомъ стилѣ, бельведеръ, построенный Николаемъ I въ 1854 году,—дворецъ этотъ заключаетъ въ себѣ два большихъ зала, изъ которыхъ одна въ нижнемъ этажѣ украшено 10-ю монолитными же изъ бѣлаго каррарскаго мрамора колоннами съ базами и капителями и мозаическимъ изъ цвѣтныхъ мраморовъ поломъ, и сверхъ того 12 разной величины комнатъ въ верхнемъ этажѣ съ двумя лѣстницами и одною туда же подъемною машиною. Дворецъ этотъ возвышается надъ уровнемъ Финскаго залива на 200 футъ и представляетъ самые восхитительные виды на окрестности Петергофа, Кронштадта и даже сѣверныхъ береговъ Финляндіи.

Съ балконовъ описанной нами мельницы открывается роскошный видъ на Бабигонскія высоты. Названіе «Бабигонъ» — есть испорченное финское Паппигонту, т. е. пасторскій холмъ. Съ этимъ названіемъ и объясненіемъ финновъ, какъ говорятъ старожилы, будто бы познакомился императоръ Николай I, однажды проѣзжавшій здѣсь. Онъ пожелалъ построить здѣсь церковь, какъ

мѣсто воспитанія и пастырства для словесныхъ овецъ. Повелѣніе о постройкѣ церкви дано императоромъ 1-го апрѣля 1851 года [223]); проектъ постройки, составленный профессоромъ Штакеншнейдеромъ, былъ утвержденъ въ іюлѣ того же года и 11-го августа происходила закладка церкви, на которой присутствовалъ императоръ со всѣмъ августѣйшимъ семействомъ. При закладкѣ въ плитную чашу положены были золотыя и серебряныя монеты [224]), и на вызолоченной крышѣ чаши сдѣлана слѣдующая надпись: «Повелѣніемъ императора Николая I заложена церковь на Бабигонѣ, близь Петергофа, во имя св. благовѣрной царицы Александры, лѣта 1851, августа 11-го»; при заложеніи храма былъ употребленъ камень, нарочно для этого привезенный съ береговъ Іордана [225]). Постройка церкви окончена лѣтомъ 1854 года; на освященіи храма присутствовалъ императоръ со всѣмъ царствующимъ домомъ. Церковь построена въ византійскомъ стилѣ, о пяти главахъ; окружность ея сорокъ четыре сажени, высота средняго купола 13 саж. и одинъ аршинъ. Внутренность храма украшена иконостасомъ, перенесеннымъ, по повелѣнію Николая I, изъ бывшаго въ Сестрорѣцкѣ Дубковскаго дворца Петра Великаго. Иконостасъ окрашенъ бѣлою краскою съ позолотою. Церковь вмѣщаетъ въ себѣ до 500 человѣкъ. Она была любимымъ храмомъ молитвъ государыни Александры Θеодоровны, которая ее посѣщала каждогодно лѣтомъ, во время присутствія своего въ Петергофѣ и передъ отъѣздомъ изъ него осенью. Достопримѣчательности этого храма состоятъ въ слѣдующемъ: прекрасная по рисунку, работѣ и цѣнности церковная утварь, какъ-то: дарохранительница съ ковчегомъ, основаніе которой сдѣлано изъ зеленой, а восемь колоннъ изъ красной сибирской яшмы, вѣсомъ она 71 фунтъ 75 золотниковъ. Какъ украшенія на Евангеліи, такъ потиръ, крестъ, дискосъ съ звѣздою и прочія вещи сдѣланы изъ слитковъ сибирскаго серебра и частію съ алагирскихъ кавказскихъ заводовъ. Ризница вся — изъ вещей, бывшихъ при погребеніи императора Николая I и бывшихъ также на украшеніяхъ при погребеніи и императрицы Александры Θеодоровны; всѣ эти ризы съ вензелевыми изображеніями именъ ихъ. На постройку церкви израсходовано было 66,188 рублей, въ число которыхъ пошло тысячу червонцевъ, оставшихся отъ расходовъ по путешествію императора заграницу. Этотъ храмъ былъ послѣдній изъ построенныхъ императоромъ Николаемъ I.

Далѣе за Бабигонскими высотами, южнѣе на отрогѣ горъ, стоитъ образцовый сельскій приказъ, а вдали на плоской низ-

менной равнинѣ виднѣется устроенный Петромъ Великимъ петергофскій водопроводъ съ шинкарскимъ резервуаромъ и шлюзомъ. Резервуаръ этотъ, принимающій всѣ воды источниковъ, впадающихъ въ водопроводъ, снабжаетъ Петергофъ, гранильную фабрику и фонтаны водою, давая ея въ одну секунду $57^1/_2$, а въ сутки 4.968,000 кубич. футъ [226]) и этимъ доставляетъ возможность дѣйствовать каждый день фонтанамъ и каскадамъ отъ 4-хъ до 5-ти и даже болѣе часовъ безпрерывно. Резервуаръ съ шлюзами

Голштинскія войска.

получилъ названіе «шинкарскаго» отъ Петра Великаго, при проведеніи имъ водопровода, у котораго вблизи резервуара былъ шинокъ.

Въ числѣ созданныхъ императоромъ Николаемъ построекъ въ Петергофѣ стоятъ также на первомъ планѣ два павильона: одинъ на Царицыномъ островѣ, другой—на Ольгиномъ островѣ. Вся мѣстность, которая теперь называется Царицынымъ островомъ, до 1837 года представляла одно болото съ оврагами. По повелѣнію императора Николая, въ этомъ году были начаты здѣсь земляныя работы и для того, чтобы образовать озеро, нѣкоторыя

мѣста были углублены и вынутою землею была возвышена остальная мѣстность; работы были окончены черезъ годъ и на двухъ островкахъ новаго озера построены два павильона. Постройка Царицына павильона была начата въ 1842 году и окончена въ 1844 году, а павильонъ Ольгинъ окончательно устроенъ въ 1847 году. Царицынъ павильонъ построенъ архитекторомъ Штакеншнейдеромъ, въ итальянскомъ вкусѣ, внутренняя отдѣлка съ мозаикой въ помпейскомъ вкусѣ. На островѣ масса художественныхъ изваяній изъ мрамора, работъ нашихъ художниковъ: В. Ставасера, А. Степанова, Климченки, Пименова и другихъ, и нѣсколькихъ иностранныхъ художниковъ. Замѣчательна здѣсь также стеклянная колоннада на мраморномъ пьедесталѣ. Колоннада эта состоитъ изъ бѣлыхъ и голубыхъ хрустальныхъ трубочекъ; украшенія колонны позолочены и на капители поставлена статуя Ганимеда, кормящаго орла виноградомъ. Колонна эта подарена въ 1854 году императору Николаю прусскимъ королемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ IV. Въ покояхъ этого дворца множество художественныхъ вещей, въ числѣ ихъ античный бюстъ Юпитера на пьедесталѣ изъ окаменѣлаго дерева. Въ столовой комнатѣ этого павильона помѣщался мраморный бюстъ англійской королевы Викторіи и много другихъ изваяній. На Царицыномъ островѣ ростетъ красивый дубъ, на бронзовой дощечкѣ котораго виситъ надпись: «Вложенный желудь снятъ съ дуба, осѣняющаго могилу незабвеннаго Вашингтона, и поднесенъ въ знакъ величайшаго уваженія его величеству императору всероссійскому. Американцы». Дубовый желудь этотъ посаженъ былъ императоромъ Николаемъ I въ 1842 году. Со смертью государя, вокругъ разросшагося изъ желудя дуба устанавливается ежегодно лѣтомъ золоченая корзинка съ незабудками.

Павильонъ на Ольгиномъ островѣ построенъ въ честь великой княгини Ольги Николаевны, королевы виртембергской; работы по постройкѣ этого павильона, какъ предположено было, должны быть окончены ко дню пріѣзда королевы въ Россію; послѣ ея замужества спѣшная работа этого павильона продолжалась около мѣсяца, но, какъ ни спѣшили, все-таки успѣть никакъ не могли. Ко времени пріѣзда королевы, чтобы придать павильону оконченный видъ, принуждены были внутреннія стѣны временно обтянуть холстомъ, а полы обить паркетной клеенкой. Окончательно же павильонъ былъ отдѣланъ спустя годъ. Для присмотра за этимъ павильономъ былъ назначенъ въ слѣдую-

щемъ году унтеръ-офицеръ гусарскаго ея высочества Ольги Николаевны полка, который въ битвѣ съ венгерцами, геройски защищая знамя своего полка, лишился правой руки. Ольгинъ павильонъ — трехъ-этажное зданіе итальянской архитектуры. На средней площадкѣ здѣсь поставлены: замѣчательная по художественной красотѣ бронзовая женская фигура, работы Витали, а по другую сторону павильона установлена, въ уровень съ водою, «русалка», работы Ставассера. Второй павильонъ на Ольгиномъ островѣ устроенъ во время пребыванія императрицы въ Палермо, по образцу находящагося тамъ домика, и, по возвращеніи государыни въ Петергофъ, представленъ былъ ей императоромъ Николаемъ I — сюрпризомъ. Островъ сообщается посредствомъ парома, на озерѣ есть венеціанскія гондолы и другія легкія суда для катанья царскихъ особъ. Во всѣхъ садахъ Петергофа, въ паркахъ, встрѣчаются красивые караульные домики, въ швейцарскомъ и другихъ стиляхъ, гдѣ помѣщаются солдаты-ветераны въ должностяхъ караульныхъ.

До императора Николая I Петергофъ представлялъ весьма заурядный видъ уѣзднаго города и состоялъ изъ двухъ слободъ — старой и новой, заключавшихъ въ себѣ съ небольшимъ 150 дворовъ, съ деревянными старыми домами, немощеными улицами; находившіяся между слободами болота, поросшія кустарникомъ и камышемъ, кишѣли однѣми дикими утками. По словамъ Шарудина [227]), онъ сталъ улучшаться съ 1826 года; въ этотъ годъ многіе обывательскіе дома были перестроены на счетъ казны, и стали возводиться, на отведенныхъ частнымъ лицамъ мѣстахъ, красивыя постройки по планамъ, разсмотрѣннымъ и утвержденнымъ самимъ государемъ. Въ 1831 году марта 12-го былъ утвержденъ и гербъ городу. Въ 1848 году окончены постройки присутственныхъ мѣстъ и повелѣно перенесть уѣздное управленіе изъ Ораніенбаума, и уѣздъ изъ Ораніенбаумскаго переименовать въ Петергофскій. Петергофъ въ эти года былъ раздѣленъ на два: Петербургскій (Новый Петергофъ) и Ораніенбаумскій (Старый Петергофъ). До 1848 года форштадты Петергофа назывались: Ораніенбаумскій — Старою или Большою, а Петербургскій — Новою или Малою слободами, потому что при основаніи Петергофа застраивалась прежде старая слобода, въ которой и была первая Благовѣщенская церковь, гдѣ теперь находится «Знаменская», а въ Новой или Малой слободѣ строились сперва только одни дворцовыя зданія, потомъ уже постройки частныхъ лицъ. Въ этой мѣстности императоромъ Николаемъ

была построена церковь Петра и Павла въ византійскомъ вкусѣ, по плану архитектора Тона. Въ этомъ храмѣ достопримѣчательности: осьмиконечный серебряный напрестольный крестъ, съ 38 частицами св. мощей. Крестъ этотъ перенесенъ изъ Знаменской церкви. Затѣмъ образъ на деревѣ — истязанія Спасителя, присланный изъ Эрмитажа въ 1839 году, на оборотѣ надпись: «№ 7 Сезаре де-Сесто, изъ коллекціи, пріобрѣтенной отъ генералъ-адъютанта князя Лобанова-Ростовскаго. Высочайше назначена для церкви Петра и Павла въ Петергофѣ: придворная контора ордеромъ отъ 15-го апрѣля 1836 года предписываетъ хранить эту картину въ кладовой Эрмитажа до отстройки церкви». Въ этомъ же году были выстроены обширныя придворныя конюшни въ готическомъ вкусѣ по проекту Бенуа.

Затѣмъ открытъ въ іюнѣ мѣсяцѣ 1837 года Петергофскій театръ, построенный на мѣстѣ конно-гренадерскаго манежа. Первый театръ существовалъ въ Петергофѣ еще въ 1745 году. При императорѣ Павлѣ I, какъ мы уже говорили, театральныя представленія давались во дворцѣ. Представленія въ Петергофскомъ театрѣ даются въ лѣтнее время во время пребыванія здѣсь двора и съ благотворительною цѣлью.

При императорѣ Николаѣ I въ Петергофѣ устроены шоссейныя дороги, коихъ считается до 17-ти верстъ; также вмѣсто стараго, построеннаго 1796 года, гостинаго двора, выстроенъ новый, и вмѣсто деревянныхъ казармъ конно-гренадерскаго полка построены каменныя.

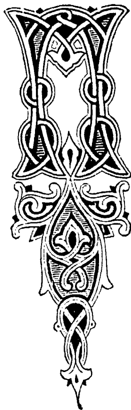
При императорѣ Александрѣ II въ Петергофѣ перестроенъ вновь большой петергофскій гротъ, передѣланъ заново пришедшій въ ветхость Никольскій домикъ у Запаснаго пруда, выстроенъ каменный официантскій домъ, передѣланъ заново кавалерійскій домъ за Гербомъ, фонтанныя трубы Драконовой горы замѣнены трубами новой системы; въ Монплезирѣ на мѣстѣ ветхаго флигеля, гдѣ была ванна, построена каменная ванна для ея величества. 21-го іюля 1857 года открыта для публики петергофская желѣзная дорога, устроенная барономъ Штиглицомъ на собственный его счетъ; строителями дороги были: генералъ-маіоръ С. Кербедзъ, академикъ В. И. Бурда и профессоры-архитекторы А. И. Кракау и Н. Л. Бенуа. Стоимость дороги отъ Петербурга до Петергофа обошлась около двухъ милліоновъ рублей.

ГЛАВА XVI.

Ораніенбаумъ. — Загородный дворецъ князя А. Д. Меншикова. — Богатство и знатность этого вельможи.— Пышная свита Меншикова.— Ораніенбаумъ при Петрѣ II.— Опала и ссылка Меншикова. — Жизнь его въ Березовѣ. — Могила Меншикова.— Постройки въ Ораніенбаумѣ при императрицѣ Елисаветѣ. — Оперный домъ. — Жизнь въ Ораніенбаумѣ при Петрѣ III. — Голштинскій отрядъ. — Крѣпость Петерштадтъ. — Комендантскій домъ; арсеналъ; эрмитажъ; кунсткамера.— Китайскій домикъ великой княгини. — Коллекція фарфоровыхъ фигуръ. — Катальная гора. — Колоннада. — Сансуси. — Садовникъ-чернокнижникъ. — Отъѣздъ Петра III изъ Ораніенбаума. — Ораніенбаумъ при императрицѣ Екатеринѣ II. — Церкви. — Стеклярусный заводъ М. В. Ломоносова.

О ЗАВОЕВАНІИ Ингерманландіи, Петръ Великій, какъ мы уже говорили, почти всѣ лучшія земли роздалъ своимъ приближеннымъ; любимецъ его, князь Ал. Дан. Меншиковъ, получилъ самую большую часть, почти одну одиннадцатую всей завоеванной земли; въ эту часть входили два города Ямбургъ и Копорье и множество мызъ, въ числѣ которыхъ одна небольшая финская деревушка, напротивъ Кронштадта, на берегу Финскаго залива при рѣкѣ Каростѣ [228]). Возвышенное положеніе, на которомъ стояла деревушка, плѣнило Меншикова и въ 1714 году онъ здѣсь заложилъ загородный домъ, развелъ при немъ большой садъ съ фонтанами, водопадами, оранжереями, звѣринцемъ, назвавъ усадьбу Ораніенбаумомъ.

Есть преданіе, что при первомъ прибытіи сюда русскихъ было найдено оранжевое дерево. Здѣшняя мѣстность была обитаема или посѣщаема еще за 1,000 лѣтъ до настоящаго времени— это свидѣтельствуетъ археологическая находка, найденная, въ 1846 году, въ окрестностяхъ Ораніенбаума; при распахиваніи поля отрытъ былъ замѣчательный кладъ, состоящій изъ 400

монетъ англо-саксонскихъ и халифскихъ, относящихся къ IX и X столѣтіямъ [229]).

Дворецъ Меншикова стоялъ на возвышенной террасѣ, каменныя палаты князя состояли изъ главнаго корпуса и двухъ павильоновъ, соединенныхъ съ нимъ полукруглыми крутыми колоннадами; по другимъ разсказамъ, павильоновъ не было; въ одномъ изъ павильоновъ была домовая церковь, другой носилъ названіе японской залы. Зала, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, построена въ 1756 году, а церковь, какъ увѣряютъ, еще позже. Внизу лежали болота, поросшія ольхой и камышемъ; сообщенія

Ораніенбаумскій дворецъ въ XVIII столѣтіи.

съ моремъ не было, низменный болотистый, покрытый высокой травой берегъ тянулся на версту.

Для отвращенія этого неудобства Меншиковъ прорылъ каналъ къ морю длиною въ 222 сажени и шириною 5 саженъ. Существуетъ преданіе, что какъ заложеніе усадьбы, такъ и прорытіе канала было сдѣлано княземъ по просьбѣ Екатерины I. Императоръ Петръ Великій, любя морскія прогулки, часто въ небольшомъ суднѣ пускался въ Кронштадтъ въ бурную погоду; разстояніе послѣдняго отъ Петербурга, какъ извѣстно, не близкое. Государыня, имѣя въ виду опасность отъ такихъ частыхъ прогулокъ, упросила Меншикова построить домъ на пути къ

Кронштадту, зная, что Петръ не преминетъ заѣзжать къ своему любимцу и отъ него уже будетъ возвращаться берегомъ на лошадяхъ.

Каналъ, по преданію, сдѣланъ въ три дня, въ работахъ участвовало болѣе девяти тысячъ крѣпостныхъ крестьянъ Меншикова. Когда государь по немъ проѣхалъ, то сказалъ: «Дѣло знатное, хотя должно быть немного и коштовато». По преданію, ижорскій князь не любилъ скупиться, когда дѣло требовало издержекъ. Императоръ самъ не любилъ роскоши, но любилъ блескъ и пышность у другихъ и поощрялъ эту страсть.

Въ частной своей жизни царь былъ образецъ строжайшей умѣренности, одежда его обыкновенно была самая простая: лѣтомъ кафтанъ изъ толстаго сукна, темнаго цвѣта, фабрики купца Серикова, тафтяной камзолъ, цвѣтные шерстяные чулки, башмаки на толстыхъ подошвахъ и высокихъ каблукахъ съ мѣдными или стальными пряжками, на головѣ треугольная поярковая шляпа, или черный бархатный картузъ. Зимою тотъ же нарядъ, на мѣсто только бархатнаго картуза носилъ онъ шапку изъ калмыцкихъ барашковъ; вмѣсто суконнаго кафтана надѣвалъ другой изъ красной матеріи, переднія полы этого кафтана были подбиты соболями, а спинка и рукава бѣличьимъ мѣхомъ; вмѣсто сапогъ носилъ мѣхомъ вверхъ мягкія, шитыя изъ сѣвернаго оленя ищеки.

Царь неохотно мѣнялъ свой костюмъ и даже въ бытность свою въ Парижѣ, при пышномъ дворѣ молодого Людовика XV, не измѣнилъ наряда. Петръ, пріѣхавъ туда, заказалъ себѣ только новый парадный парикъ, и когда ему принесли его, то онъ обрѣзалъ парикъ на половину, по мѣркѣ своего стараго. Нарядъ Петра послѣ его отъѣзда изъ Парижа вошелъ у парижанъ въ моду подъ названіемъ: habit du tzar или habit du farouche. Государь любилъ одѣваться парадно только при спускахъ кораблей; на этихъ торжествахъ царь былъ въ богатомъ, шитомъ золотомъ, адмиральскомъ мундирѣ и въ андреевской лентѣ. Когда въ день коронаціи Екатерины, послѣдняя поднесла царю голубой гродетуровый кафтанъ, шитый серебромъ, царь взялъ его въ руку и слегка тряхнулъ имъ, отчего нѣсколько канители осыпалось на полъ.

— Смотри, Катенька,—сказалъ онъ ей, указывая на упавшія блестки; слуга смететъ это вмѣстѣ съ соромъ, а вѣдь здѣсь слишкомъ дневное жалованье солдата.

Петръ ѣздилъ лѣтомъ въ длинной одноколкѣ, выкрашенной въ красную краску, на низкихъ колесахъ, парою; зимою—въ са-

няхъ въ одну лошадь, съ двумя деньщиками. Ѣлъ царь очень мало и не былъ разборчивъ на пищу; любимыя блюда его были: каша, щи, студень, ветчина, жареная утка, молодой редисъ. Петръ не терпѣлъ многочисленной прислуги, лакеевъ онъ называлъ шпіонами, которые худо слышатъ, еще хуже пересказываютъ. Царь говорилъ Ивану Неплюеву опредѣляя его во флотъ:

— Трудиться надобно, братецъ, я и царь вашъ, а у меня на рукахъ мозоли! Кто изъ васъ хочетъ быть первымъ, тотъ будь всѣмъ слуга!

И точно, Петръ Великій былъ для всѣхъ слуга для самаго послѣдняго изъ подданныхъ: онъ тонетъ, самъ царь бросается его спасать; у него болитъ зубъ, царь самъ выдергиваетъ его и лечитъ; по сейчасъ въ музеѣ Императорской Академіи Наукъ сохраняется цѣлый мѣшокъ зубовъ, вырванныхъ самимъ государемъ. Петръ Великій не терпѣлъ церемоніальныхъ пріемовъ и возложилъ на Меншикова угощеніе вельможъ своихъ и министровъ иностранныхъ.

Такіе обѣды Меншикова въ торжественные дни состояли изъ двухъ сотъ кушаньевъ, которыя приготовлялись лучшими французскими поварами и подавались на золотомъ сервизѣ. Меншиковъ имѣлъ своихъ камергеровъ, камеръ-юнкеровъ и пажей изъ дворянъ, послѣдніе числились гвардіи сержантами. Меншиковъ ѣздилъ въ городѣ съ необыкновенною пышностью, въ золотой каретѣ, сдѣланной на подобіе вѣера, на низкихъ колесахъ, съ золотыми гербами на дверцахъ и большою княжескою короною на имперіалѣ, запряженной шестью лошадьми, сбруя ихъ состояла изъ малиноваго бархата съ золотыми и серебряными украшеніями. Впереди шли скороходы и лакеи въ богатыхъ ливреяхъ, потомъ ѣхали музыканты и пажи верхами въ синихъ суконныхъ и бархатныхъ кафтанахъ съ золотыми позументами по швамъ; у кареты шли шесть камеръ-юнкеровъ, изъ которыхъ одинъ держался за ручку дверецъ; отрядомъ драгунъ заключалось княжеское шествіе.

Меншиковъ ѣздилъ въ лодкѣ, обитой внутри зеленымъ бархатомъ, а снаружи золотой. Въ его домѣ на Васильевскомъ островѣ, гдѣ теперь кадетскій корпусъ, въ комнатахъ были обои штофные и гобеленовые, подаренные Петру въ Парижѣ; большія венеціанскія зеркала, въ золоченыхъ рамахъ, ковры персидскіе, люстры изъ цвѣтного хрусталя, съ золотыми и серебряными украшеніями, стулья, диваны, съ высокими спинками, на которыхъ былъ изображенъ гербъ съ княжеской короной, столы

Встрѣча Петра съ Людовикомъ XV.

съ инкрустаціями на вызолоченныхъ ножкахъ. По словамъ Бассевича, когда, въ 1725 году, Петръ отнялъ у своего любимца главныя средства къ непозволительному обогащенію и заставилъ его заплатить двѣсти тысячъ рублей штрафа, то вдругъ исчезли всѣ убранства изъ дома его, и на стѣнахъ явились простыя обои! Государь, увидѣвъ такую перемѣну, изумился и потребовалъ объясненія.

— Я принужденъ былъ, — отвѣчалъ Меншиковъ, — продать свои гобелены и штофы, чтобы хотя нѣсколько удовлетворить казенныя взысканія!

— Прощай,—сказалъ Петръ съ гнѣвомъ.— Въ первый пріемный день твой, если я найду здѣсь такую же бѣдность, не соотвѣтствующую твоему званію, то заставлю тебя заплатить еще двѣсти тысячъ рублей.

Царь сдержалъ свое слово; зайдя къ Меншикову вскорѣ, онъ нашелъ все попрежнему, любовался богатою мебелью и не сказалъ ни слова о прошедшемъ.

Ораніенбаумъ былъ любимымъ загороднымъ дворцомъ Меншикова,—здѣсь, въ эпоху своего могущества, онъ давалъ великолѣпныя празднества для двора.

Но особенно часты празднества были въ Ораніенбаумѣ въ дни царствованія юнаго Петра II, въ это время пѣстунъ-вельможа увеселялъ молодого царя богатыми охотами и травлями звѣрей. Петръ II очень любилъ это удовольствіе, а ораніенбаумскіе лѣса изобиловали всякою дичью и красными звѣрями; въ то отдаленное время въ ораніенбаумскихъ лѣсахъ водились рѣдкіе голубые песцы, находимые теперь только въ Норвегіи и въ Архангельской губерніи, за шестьсотъ верстъ отъ Ораніенбаума. Петръ II, лѣтомъ 1727 года, провелъ нѣсколько недѣль въ Ораніенбаумѣ. Въ сентябрѣ того же года Меншиковъ подпалъ подъ гнѣвъ своего государя. 3-го сентября онъ задумалъ освященіе выстроенной имъ церкви въ Ораніенбаумѣ во имя св. Пантелеймона цѣлителя, и вмѣсто того, чтобы лично просить къ себѣ императора, осмѣлился послать къ нему приглашеніе. Государь, сердитый уже ранѣе на Меншикова, справедливо счелъ этотъ поступокъ неуважительнымъ.

На освященіи храма Меншиковъ стоялъ на тронѣ, приготовленномъ для императора; пушечная пальба цѣлый день въ Ораніенбаумѣ не умолкала. Все это впослѣдствіи усугубило вины свѣтлѣйшаго князя и ровно черезъ годъ Меншиковъ встрѣчалъ этотъ день уже въ холодныхъ тундрахъ Сибири, по словамъ

историка, повторяя слова псалмопѣвца Давида: «Благо мнѣ Господи, яко смирилъ мя еси!» Черезъ два года (22-го октября 1729 года) три аршина мерзлой земли приняли прахъ царедворца. Меншиковъ умеръ 56-ти лѣтъ, похороненъ онъ былъ у алтаря сооруженной имъ церкви, въ десяти саженяхъ отъ берега рѣки Сосвы. Могила Меншикова осталась забытою до 1825 года. Въ этомъ году извѣстный авторъ словаря, Бантышъ-Каменскій, бывшій тогда тобольскимъ губернаторомъ, препоручилъ открыть березовскому городничему могилу князя и этотъ городничій отыскалъ въ землѣ, на глубинѣ трехъ аршинъ съ четвертью, какой-то гробъ длиною въ сажень, обитый краснымъ сукномъ съ серебрянымъ позументомъ въ видѣ креста на крышѣ. Когда гробъ открыли и сняли ледъ, покрывавшій на вершокъ тѣло усопшаго, и приподняли шелковое одѣяло, то взорамъ предсталъ лежавшій въ гробу мужчина, высокаго роста, сухопарый, съ бритою бородой, безволосый, имѣвшій густыя брови, всѣ зубы сохранившіеся, какъ будто покоился въ объятіяхъ глубокаго сна, въ халатѣ, въ стеганой шапочкѣ, подъ которою голова была обернута платкомъ, а наверху находился вѣнчикъ, въ зеленыхъ остроконечныхъ туфляхъ на ногахъ съ огромными каблуками, узкими внизу... но былъ ли Меншиковъ, это послѣ не подтвердилось. Позднѣе, въ сороковыхъ годахъ, былъ найденъ кажется настоящій гробъ Меншикова; отыскивали его тобольскій врачъ Е — въ съ какимъ то горнымъ чиновникомъ; гробъ былъ выкопанъ тайно, ночью. Послѣ на открывателей былъ доносъ съ извѣтомъ, будто одинъ изъ нихъ вырѣзалъ часть щеки у усопшаго князя. Судебное дѣло должно быть цѣло въ тобольскомъ архивѣ—пишущій эти строки слышалъ въ Тобольскѣ объ этомъ происшествіи отъ одного березовскаго сторожила.

Послѣ ссылки Меншикова, въ декабрѣ 1727 г., послѣдовалъ указъ: всѣ вотчины и помѣстья князя отписать на его императорское величество и вѣдать землями канцеляріи строеній. Ораніенбаумъ десять лѣтъ оставался подъ наблюденіемъ этой канцеляріи, затѣмъ былъ отданъ въ вѣдомство адмиралтейства, гдѣ и состоялъ до 1745 г. Во время управленія Ораніенбаума адмиралтействомъ изъ частей нѣкоторыхъ построекъ Меншикова былъ устроенъ морской госпиталь, пробывшій въ цѣлости до 1843 года [230]). Въ этомъ году онъ за ветхостью сломанъ.

При императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ была открыта почтовая дорога между Петербургомъ и Ораніенбаумомъ.

Елисавета приказала графу Растрелли къ каменнымъ па-

латамъ Меншикова пристроить два флигеля съ башнями: съ правой стороны «фрейлинскій», а съ лѣвой—«кухонный». Между башнями была проведена рѣшетка съ золочеными украшеніями, среди которой были сдѣланы великолѣпныя въѣздныя ворота на главный дворъ; двое другихъ сводчатыхъ воротъ отдѣляли флигеля отъ церкви и павильона фарфоровой или японской башни. Первыя названы были церковными, вторыя — китайскими воротами. Въ это же время построены всѣ нынѣшнія дворцовыя каменныя службы. Позднѣе Елисавета Петровна, по просьбѣ своего наслѣдника, приказала построить въ Ораніенбаумѣ «концертную залу и оперный домъ или театръ-комедію». Въ первомъ изъ этихъ зданій разъ въ недѣлю давались концерты, въ которыхъ игралъ на скрипкѣ самъ Петръ Ѳеодоровичъ. Скрипка у него была итальянская, работы Лаврентія Гваданини. Впослѣдствіи Екатерина подарила скрипку Ланскому, отъ котораго она перешла въ родъ гг. Мацневыхъ. На этихъ концертахъ императрица не разъ присутствовала. Концертная зала цѣла по сейчасъ, но бывшіе возлѣ нея деревянные флигеля или такъ называемыя маскарадныя залы, служившія долгое время для лѣтняго помѣщенія больныхъ ораніенбаумскаго военнаго госпиталя, въ 40-хъ годахъ сломаны.

Ораніенбаумскій театръ помѣщался у рѣшетки нижняго дворцоваго сада, по дорогѣ, ведущей въ Троицкую слободу. Мѣсто, гдѣ онъ стоялъ, еще замѣтно по сейчасъ, кое-гдѣ выглядываетъ изъ-подъ земли кирпичный его фундаментъ. Театръ или «оперный домъ» былъ построенъ въ 1755 г. архитекторомъ Патономъ. Въ дворцовой описи 1762 года о немъ говорится слѣдующее: «Деревянный, на каменномъ фундаментѣ, оперный домъ со всѣмъ приборомъ, при немъ зала императорская и къ ней три комнаты, да въ боку театра въ два этажа по три комнаты; къ оному оперному дому сзади для поклажи придѣлка въ трехъ стѣнахъ по бокамъ, по три комнаты въ два этажа». Всѣ эти комнаты были обиты живописною изъ фламандскаго полотна холстиною, которую расписывалъ живописецъ Градицій. На плафонѣ былъ изображенъ Аполлонъ и девять музъ. Въ каждомъ этажѣ было по 12 ложъ; въ императорской стѣны были обиты шелковою малиновою матеріей: партеръ состоялъ изъ 22-хъ креселъ, 22-хъ стульевъ и 22-хъ скамей.

Въ 1824 г. этотъ театръ былъ отданъ въ вѣдомство театральной дирекціи и перевезенъ въ Петербургъ и поставленъ на площади у Чернышева моста, противъ зданія министерства вну-

треннихъ дѣлъ. На масляницѣ открыли театръ, а на первой недѣлѣ поста онъ сгорѣлъ. Пожаръ, какъ слѣдствіе показало, начался отъ треснувшей печки; но ранѣе слѣдствія думали, что отъ газа, который здѣсь былъ въ первый разъ примѣненъ.

Недалеко отъ опернаго дома былъ каменный картинный домъ, гдѣ помѣщались библіотека и картинная галлерея.

Въ 1745 г. государыня отдала Ораніенбаумъ наслѣднику престола, Петру Ѳеодоровичу, повелѣвъ приписать къ нему 2,545 душъ крестьянъ. Новое владѣніе очень понравилось цесаревичу, здѣсь онъ съ особенною страстью занялся военнымъ дѣломъ и разными постройками. Императрица Екатерина II говоритъ въ своихъ письмахъ: «одно время великій князь мечталъ выстроить близь Ораніенбаума увеселительный домъ на манеръ капуцинскаго монастыря. Въ этомъ монастырѣ, не исключая великаго князя и великой княгини, и весь дворъ долженъ былъ ходить въ капуцинскомъ платьѣ и у каждаго долженъ былъ быть свой осликъ для того, чтобы поочередно ѣздить за водою и привозить приказы въ такъ называемый монастырь».

По переѣздѣ въ Ораніенбаумъ, Петръ Ѳеодоровичъ выписалъ сюда отрядъ голштинцевъ. Послѣдній былъ сформированъ заграницей при помощи нѣкоего голштинца Брокдорфа. Этотъ Брокдорфъ въ то время служилъ при великомъ князѣ въ качествѣ камергера, до этого онъ, ранѣе, нѣсколько разъ пріѣзжалъ въ Россію, то подъ видомъ егеря, то стекольщика; Брокдорфъ былъ извѣстенъ съ весьма дурной стороны. Онъ былъ чуть ли не шпіонъ Фридриха Великаго.

Голштинцы оффиціально носили названіе: «отряда голштинскихъ военныхъ людей». При видѣ ихъ солдаты Ингерманландскаго и Астраханскаго полковъ, занимавшіе караулы въ Ораніенбаумѣ, говорили:

— Эти проклятые нѣмцы всѣ преданы прусскому королю; это все измѣнники, которыхъ приводятъ въ Россію.

Но Петръ III былъ въ восторгѣ отъ всего прусскаго. Существуетъ слѣдующій анекдотъ, что, по вступленіи на престолъ, императоръ поставилъ въ своей комнатѣ портретъ Фридриха II и этотъ день праздновалъ пышнымъ обѣдомъ.

Петръ Ѳеодоровичъ лично занялся обученіемъ своего отряда: одѣлъ его въ прусскіе мундиры и ввелъ такой же порядокъ службы, какъ у прусскаго короля. Государь, до этого носившій только украдкой въ своихъ комнатахъ голштинскій мундиръ, съ этого времени съ нимъ не разставался. Въ апрѣлѣ 1757

года онъ заложилъ на восточной сторонѣ дворцоваго пруда маленькую крѣпость о пяти бастіонахъ, вооружилъ ее двѣнадцатью чугунными пушками и назвалъ «Петерштадтомъ», впослѣдствіи императоръ думалъ называть и Ораніенбаумъ этимъ именемъ. Земляныя работы этой крѣпостцы производилъ новгородскій ямщикъ Самсонъ Бобылевъ за 750 руб.

Форма.

На крѣпостномъ прудѣ Петръ завелъ потѣшный флотъ, послѣдній состоялъ изъ четырехъ судовъ: корабля «Ораніенбаумъ», фрегата «Андрей» и галеръ «Елисавета» и «Екатерина»; на первомъ находилось двадцать мѣдныхъ однофунтовыхъ пушекъ, а на послѣдней по двадцати чугунныхъ полуфунтовыхъ. Каюты судовъ были украшены великолѣпно. Флотомъ командовалъ до самаго его уничтоженія сержантъ Елинъ.

Въ срединѣ крѣпости стоялъ двухъ-этажный дворецъ, въ каждомъ этажѣ было по пяти комнатъ, верхній этажъ былъ отдѣланъ роскошно; всѣ стѣны были обложены лакированными досками, росписанными въ китайскомъ вкусѣ, съ изображеніемъ птицъ, деревьевъ и разныхъ сценъ изъ домашняго быта, полы были штучные, потолки лѣпной работы, мебель золотая съ серебромъ, двери рѣзной работы, и т. д.

Голштинская церковь.

Въ этомъ дворцѣ императоръ Петръ III подписалъ знаменитый указъ 18-го февраля 1762 года, которымъ дарованы русскому дворянству преимущества, какихъ оно не имѣло прежде. Въ крѣпости были и другія небольшія постройки, комендантскій домъ, арсеналъ, казначейство, лютеранская кирка, офицерскіе домики, казематы и пороховой погребъ. Возлѣ крѣпости были расположены деревянные домики, въ которыхъ жили голштинскіе солдаты.

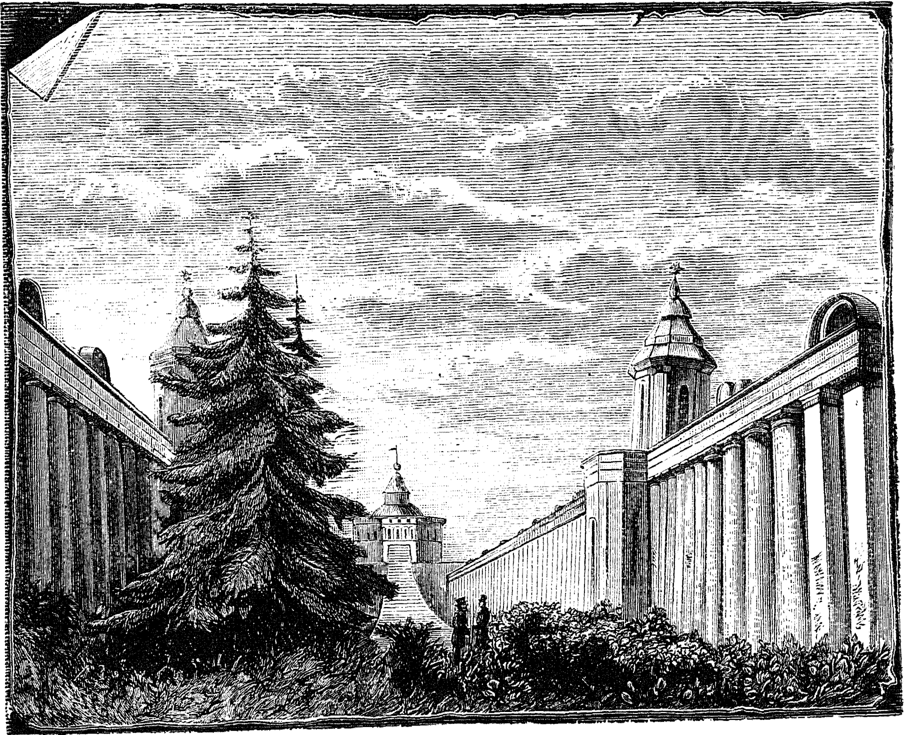
Въ 1792 году послѣдовалъ указъ, по которому Ораніенбаумскій дворецъ и Петерштадтская крѣпость поступили въ вѣдѣніе морского кадетскаго корпуса; въ это время какъ крѣпость, такъ и дворецъ лишились всѣхъ своихъ украшеній. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія всѣ деревянныя строенія бывшей крѣпости были сломаны; въ воспоминаніе крѣпости теперь остались три каменныя зданія: дворецъ Петра III, главныя въѣздныя ворота и каменная кордегардія.

Любимое мѣсто Екатерины II въ Ораніенбаумѣ.

Внизу у крѣпости, при рѣчкѣ Каростѣ, стояло двухъ-этажное зданіе Эрмитажа, въ Эрмитажѣ помѣщалась кунсткамера, въ ней хранились монстры человѣческіе, въ родѣ скелета, съ двумя головами, тремя руками, двумя спинами и двумя ногами; ребенокъ съ лицомъ «лягушачьяго образа», скелетъ урода съ четырьмя ногами, «три пальца канонера въ спиртѣ», ремень человѣческой кожи, и т. д. Затѣмъ множество чучелъ звѣрей, птицъ, змѣи, масса китайскихъ вещей, математическіе инстру-

менты, различныя окаменѣлости, и т. д. Близь Эрмитажа была «Менажерія», гдѣ содержались звѣри и птицы. Въ арсеналѣ крѣпости хранились знамена голштинскаго отряда, шитыя по оранжевому гродетуру разноцвѣтными шелками, лежалъ также прусскій мундиръ голубой, съ бѣлыми лацканами, великаго князя Петра Ѳеодоровича, и хранился еще образъ Господа Саваоѳа, шитый Екатериною Алексѣевною шелками по желтому бархату.

Ораніенбаумская катальная гора.

Затѣмъ у верховнаго шлюза былъ домикъ о двухъ этажахъ, называемый «китайскимъ». Въ этомъ домикѣ любила проводить свое время великая княгиня; домикъ былъ отдѣланъ съ большимъ вкусомъ: какъ стѣны, такъ и простѣнки этого домика были испещрены самыми прихотливыми арабесками, на потолкахъ были написаны миѳологическія картины, полъ былъ сдѣланъ изъ каменныхъ плитъ подъ мраморъ; въ одной изъ комнатъ стояло старинное бюро, въ немъ хранились фарфоровыя куколки, изображавшія голштинскія войска. Всѣхъ такихъ фигуръ было 85

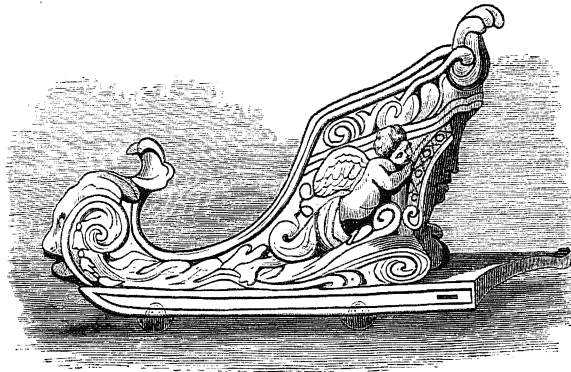
штукъ, ранѣе эта коллекція стояла въ кабинетѣ императора Петра III. Помимо этихъ фигуръ было еще нѣсколько саксонскихъ, съ изображеніемъ пяти частей свѣта.

Затѣмъ была еще другая комната «миѳологическая»; въ послѣдней, на позолоченныхъ подставкахъ, были размѣщены также всевозможныя старинныя саксонскія фигуры, съ изображеніемъ боговъ древней Греціи — эта коллекція была прислана Петру королемъ саксонскимъ Августомъ II. Помимо стараго фарфора, была здѣсь еще коллекція, купленная уже императрицею Екатериною II; въ числѣ послѣднихъ вещей здѣсь былъ Меркурій, вырѣзывающій на мраморной доскѣ слѣдующія слова: Victoire remportée sur la flotte turque à Chesme и т. д. Изъ верхняго этажа этого домика былъ лучшій видъ на окрестности. Въ 1792 году, когда громъ шведскихъ пушекъ достигалъ до Ораніенбаума, приказано было всѣ украшенія изъ дворца увезти въ Петербургъ и сдать: огромныя зеркала — въ конногвардейскій домъ покойнаго князя Потемкина (Таврическій дворецъ); мебель, обои, ковры, бѣлье и фарфоръ—въ камеръ-шталмейстерскую; серебряную и другую посуду — въ придворную контору; картины и библіотеку — въ Эрмитажъ; кунсткамерскія вещи — въ Академію наукъ; арсеналъ голштинскихъ вещей — въ арсеналъ петербургскій, а артиллерійскія и потѣшныя вещи флота отправить въ Кронштадтъ.

Щекатовъ говоритъ [231]): «Въ Ораніенбаумѣ есть наипреимущественнѣйшая въ своемъ родѣ катальная гора», она начата по повелѣнію императрицы Елисаветы Петровны и окончена въ 1762 году. Катальная гора построена графомъ Растрелли; она представляетъ павильонъ или круглую, четырехъ-ярусную башню въ десять саженъ вышиною, къ которой съ трехъ сторонъ примыкаютъ квадратные трехъ-этажные выступы; отъ выступа на сѣверъ на полверсты тянулся отлогій скатъ. По обѣимъ сторонамъ ската устроена крытая колоннада тосканскаго ордена. Верхъ павильона имѣлъ конусообразный куполъ, крытый жестью съ позолоченнымъ на немъ яблокомъ. Павильонъ съ выступами образуетъ трехъ-этажный домикъ, извѣстный подъ названіемъ увеселительнаго домика при катальной горѣ. Есть преданіе, что государыня Екатерина II со всѣмъ своимъ блестящимъ дворомъ не разъ посѣщала его, и послѣ лѣтнихъ катаній угощала всѣхъ придворныхъ запросто чаемъ.

По обѣимъ сторонамъ ската тянулись крытыя колоннады тосканскаго ордена, вверху и внизу которыхъ прогуливалась публика во

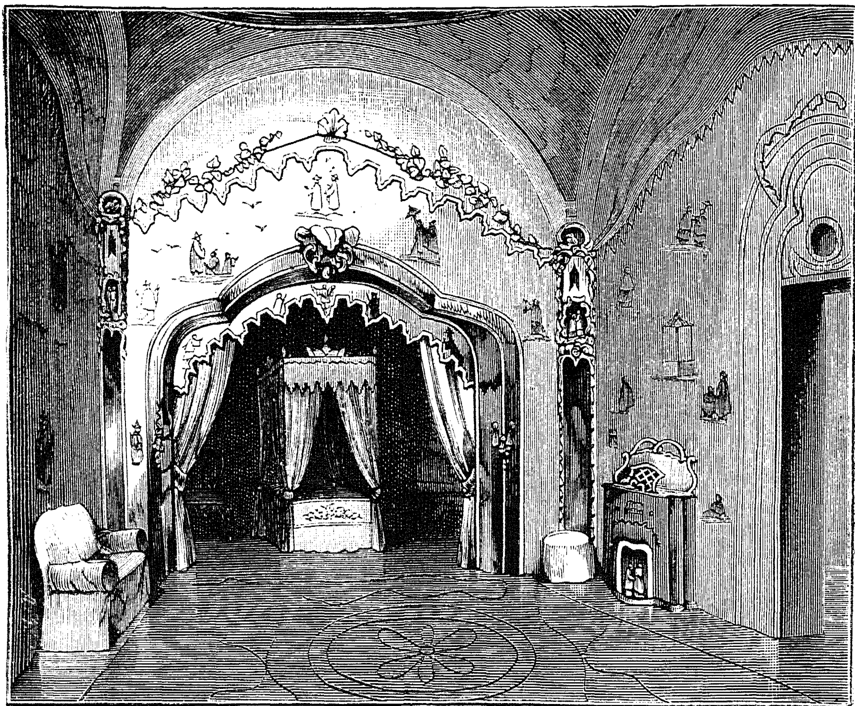
время катанья; въ срединѣ каждой колоннады сдѣланы были сводчатыя ворота, надъ которыми возвышаются мрачныя башни. При концѣ ската колоннады своимъ соединеніемъ образуютъ полукругъ. Эта величественная колоннада теперь представляетъ одну развалину [232]). Послѣднее катанье было при императорѣ Павлѣ. Посѣтивъ Ораніенбаумъ для встрѣчи войскъ, возвратившихся изъ Голландіи и высадившихся у Красной горки, императоръ вздумалъ возобновить забытое увеселеніе, но, замѣтивъ ветхость помоста, запретилъ катанье и на будущее время. Императоръ Александръ I, въ 1817 году, приказалъ выдать 50,000 р. на поправку павильона этой горы. Катальныя колясочки, позолоченныя и украшенныя богатой рѣзьбою, имѣли видъ древнихъ

Колясочка.

колесницъ, гондолъ, осѣдланныхъ львовъ, медвѣдей и т. д. Императоръ Александръ I подарилъ нѣсколько такихъ графу Аракчееву, въ имѣніи котораго, въ селѣ Грузинѣ, онѣ цѣлы по сейчасъ. По разсказамъ современниковъ, за постройкой катальной горы великая княгиня сама слѣдила и почти ежедневно обходила работы; за ней всегда шелъ управляющій съ мѣшкомъ мелкихъ серебряныхъ денегъ, которыми Екатерина и надѣляла рабочихъ. Есть преданіе, что Екатерина въ Ораніенбаумѣ очень скучала, и чтобы какъ нибудь убить время, ей пришло на мысль построить себѣ отдѣльно небольшой домикъ и развести тамъ садъ; она купила небольшой клочекъ земли у князя Голицына и устроила здѣсь дачу Санзанюи, т. е. безъ скуки. Въ помощники себѣ по устройству этой мызы государыня взяла садовника Ламберти, раньше служившаго въ Царскомъ Селѣ у императрицы,

но удаленнаго оттуда за то, что Елисавета Петровна боялась его. Ламберти занимался хиромантіей и предсказаніями. Этотъ Ламберти тоже не разъ предсказывалъ и Екатеринѣ, что она будетъ самодержавною императрицею, проживетъ очень долго, увидитъ сыновей, внуковъ и правнуковъ. Екатерина II говорила, что онъ опредѣлилъ годъ восшествія ея на престолъ, но только шестью годами ранѣе. Санзанюи, со всѣмъ внутреннимъ его

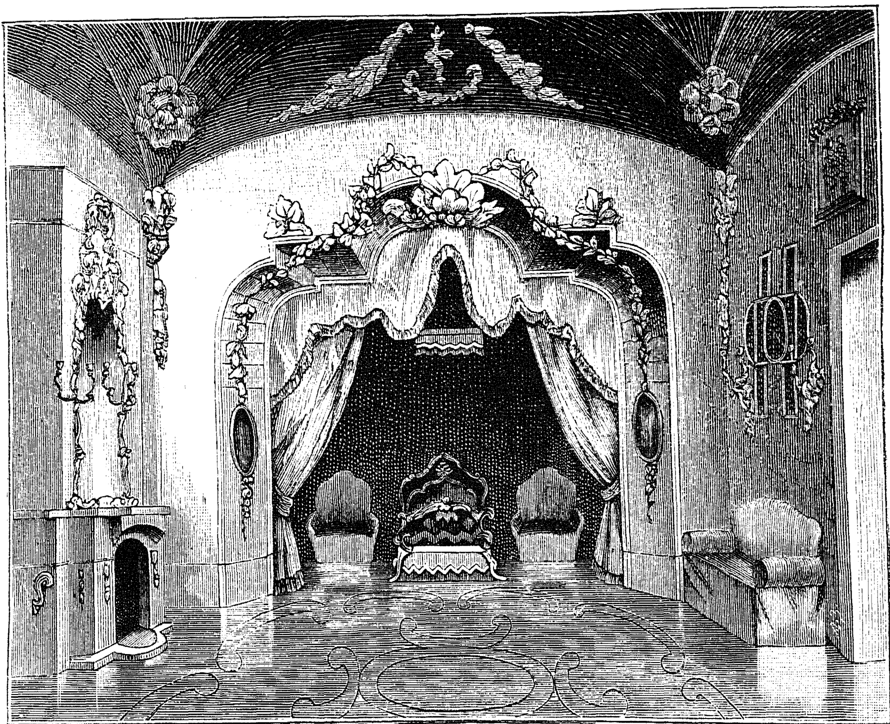

Спальня Екатерины II въ Ораніенбаумскомъ дворцѣ.

убранствомъ, государыня впослѣдствіи подарила адмиралу Грейгу; въ роду послѣдняго это имѣніе по сейчасъ сохраняется въ цѣлости.

1762 года, 29-го іюня, въ Ораніенбаумѣ окончилъ свое царствованіе императоръ Петръ III: его арестовали гг. Григорій Орловъ и генералъ-маіоръ Измайловъ, и въ 1-мъ часу они привезли его въ Петергофъ въ каретѣ и высадили въ правомъ дворцовомъ флигелѣ. Здѣсь онъ изъявилъ согласіе на все, что отъ него потребовали. Подъ вечеръ его отправили въ Ропшу. Въ

4 часа, въ тотъ же день, въ Ораніенбаумъ прибыли генералъ-адъютанты В. И. Суворовъ и Ад. В. Олсуфьевъ съ отрядомъ гусаръ и конной гвардіи. Голштинскій генералитетъ со всѣми оберъ- и унтеръ-офицерами и прочими войсками отдали имъ свои шпаги и тесаки, послѣ чего ихъ объявили плѣнными и заключили въ крѣпость.

Спальня Петра III въ Ораніенбаумскомъ дворцѣ.

На другой день генералъ Суворовъ дѣлаетъ общую перекличку всѣмъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ. Изъ нихъ русскіе, малороссіяне, лифляндцы приводятся къ присягѣ, а голштинцевъ и другихъ иноземцевъ сажаютъ на суда и перевозятъ въ Кронштадтъ; 1-го іюля всѣ оставшіяся въ Ораніенбаумѣ войска препровождаются, подъ прикрытіемъ, сперва въ Петергофъ, а затѣмъ въ Петербургъ.

По восшествіи на престолъ Екатерины II, препоручили И. П. Елагину достроить и исправить многія строенія въ Ораніен-

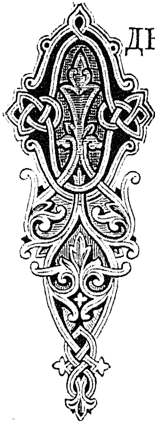
баумѣ; въ январѣ 1780 года государыня приказала слободу Ораніенбаума переименовать въ городъ [233]). Новому городу былъ данъ гербъ: въ серебряномъ полѣ оранжевое дерево. Первый городничій здѣсь былъ Дубровскій, первые горожане были здѣшніе старожилы, извѣстные подъ названіемъ сурковъ [234]), переведенные изъ имѣнія А. Разумовскаго «Гостилицы»; вмѣсто городскихъ повинностей горожане доставляли натурой фуражъ для лейбъ-гвардіи коннаго полка и для содержанія почтовыхъ лошадей по Нарвскому тракту. Всѣхъ обывательскихъ домовъ въ городѣ было шестьдесятъ, въ Ораніенбаумѣ всѣхъ церквей четыре и пятая — нѣмецкая кирка, послѣдняя построена Екатериной въ 1785 году для лютеранъ, придворныхъ служителей; въ этой церкви есть сосудъ 1757 года и напрестольная церковная пелена голубого бархата съ золотыми кистями, съ вензелемъ Петра III; обѣ эти вещи поступили изъ старой крѣпостной нѣмецкой кирки. Изъ православныхъ церквей здѣсь самая старая дворцовая, во имя св. Пантелеймона; построена она еще Меншиковымъ въ 1727 году, освящена она 3-го сентября того же года Ѳеофаномъ Прокоповичемъ. Въ церкви есть икона Казанской Божіей Матери; по преданію, этой иконой благословила Анна Іоанновна императрицу Елисавету Петровну.

Другая церковь св. Троицы, на кладбищѣ, основана въ 1757 году, прежде она стояла противъ оранжерей и катальной горы; императрица Елисавета не могла видѣть никакого кладбища и потому велѣла перенести его на другое мѣсто, ближе къ берегу, гдѣ она теперь стоитъ. Церковь эта была нѣсколько разъ передѣлана. На томъ мѣстѣ, гдѣ стояла церковь встарину, при постройкѣ зданія для роты, въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, находили кости и даже цѣлые гробы съ покойниками, которые и были перенесены на кладбище. Въ Петергофскомъ уѣздѣ, въ с. Опольѣ, болѣе, впрочемъ, называемомъ «Ломоносовымъ», нѣкогда существовала фабрика для дѣланія изобрѣтенныхъ В. М. Ломоносовымъ разноцвѣтныхъ стеколъ и изъ нихъ бисера, стекляруса, пронизокъ и другихъ галантерейныхъ вещей. На постройку этой фабрики сенатомъ было выдано Ломоносову 4,000 рублей. Въ окрестностяхъ Ораніенбаума, въ колонистскомъ населеніи, въ киркѣ имѣется склепъ съ нетлѣнными тѣлами погребенныхъ покойниковъ еще въ прошедшемъ столѣтіи.

ГЛАВА XVII.

Мыза Гостилицы. — Новгородецъ Калитинъ и графъ Минихъ. — Историческія находки въ Гостилицахъ. — Старыя постройки. — Графъ Разумовскій. — Охота императрицы Елисаветы Петровны. — Посѣщеніе Гостилицъ Екатериною II. — Провалъ дома. — Послѣднія свиданія Екатерины II въ Гостилицахъ съ императоромъ Петромъ III. — Уцѣлѣвшія постройки въ Гостилицахъ, временъ Разумовскаго. — Т. Б. Потемкина. — Дворецъ и церковь. — Баронъ Ф. Е. Врангель. — Сосѣднія деревни: Медуши, Дятлицы и Глобицы. — «Копорье», описаніе крѣпости. — Ропша. — Князь Кесарь Ромодановскій. — Графиня Головкина. — Постройка дворца въ Ропшѣ при Елисаветѣ. — Описаніе сада и другихъ построекъ. — Отъѣздъ императора въ Ропшу. — Г. Г. Орловъ. — Покупка этого имѣнія банкиромъ Лазаревымъ. — Богатая реставрація этого имѣнія. — Покупка Ропши императоромъ Павломъ I. — Церковь въ Ропшѣ. — Ропшинскіе туфы.

ДНА изъ древнѣйшихъ мызъ въ нынѣшнемъ Петергофскомъ уѣздѣ была мыза Гостилицы [235]). Еще во время владычества шведовъ она принадлежала новгородцу Никитѣ Калитину, — послѣднему была пожалована шведскимъ королемъ Густавомъ-Адольфомъ. По завоеваніи края, мыза была подарена Петромъ фельдмаршалу Миниху.

Въ первое время жители этой мѣстности были племя «водь», по-русски называемое «чудью». Съ переходомъ этого имѣнія въ помѣщичьи руки, сюда были выселены крестьяне изъ великороссійскихъ губерній. Объ исторической жизни этого мѣста свидѣтельствуютъ часто находимые въ землѣ кресты, высѣченные изъ известковаго камня, величиною отъ одного до двухъ аршинъ, затѣмъ множество человѣческихъ костей при копаніи канавъ на мызѣ.

Въ сороковыхъ годахъ, когда въ большой паводокъ ушелъ одинъ изъ большихъ прудовъ, то на днѣ обмелѣвшаго пруда былъ найденъ мельничный жерновъ, на которомъ высѣченъ былъ вензель Миниха, кромѣ того буква М., надъ нею корона, а внизу 1741 г. По преданію, этотъ жерновъ былъ опущенъ Минихомъ въ день конфискаціи его имѣнія въ казну. Жерновъ въ настоящее время находится на пьедесталѣ, на берегу пруда. Мѣстность около Гостилицъ, особенно близь деревни Перелѣсья, имѣетъ нѣсколько кургановъ; въ одномъ изъ нихъ, въ 1858 году, былъ найденъ мѣдный кувшинъ съ 150-ю серебряными монетами.

Гостилицы нѣкогда были большимъ селомъ, къ которому примыкалъ небольшой поселокъ «Медвѣжій конецъ», названный за то этимъ именемъ, что вблизи его стоялъ густой лѣсъ, въ которомъ водилось много медвѣдей. Гостилицы представляютъ мѣстность необыкновенно живописную, со множествомъ ручьевъ, холмовъ и прудами, вырытыми еще первымъ владѣльцемъ—Минихомъ. Всѣ воды Гостилицъ богаты превосходными форелями.

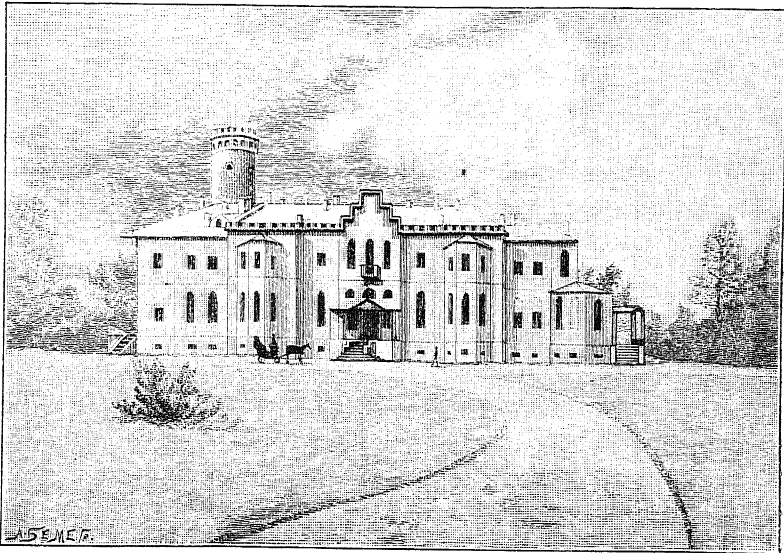
Изъ Гостилицъ виденъ Финскій заливъ и Петербургъ: въ окрестностяхъ Гостилицъ есть гора Глѣбова, на верху которой сохранились остатки жилья; старожилы разсказываютъ, что нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ здѣсь жилъ какой-то пустынникъ, который ежедневно вечеромъ скрипомъ своихъ воротъ давалъ знать крестьянамъ о своемъ существованіи.

Помимо этой горы есть гора «Долгая», заросшая вѣковымъ лѣсомъ, затѣмъ еще другая гора — «Колокольная», омываемая рѣками Черной и Лизиной; здѣсь, во время Разумовскаго, была построена колокольня, о времени звона на которой давалось знать пономарю посредствомъ флага, поставленнаго у церкви. На этой горѣ Потемкинымъ, въ 1830 году, построена башня, отсюда видно море съ финляндскими берегами; по разсказамъ, при Минихѣ здѣсь стояла небольшая крѣпость съ пушками. Между селеніями Большимъ и Малымъ Горловымъ, на берегу рѣчки Черной, стоитъ курганъ, на вершинѣ котораго часовня и по сторонамъ кладбище; на самомъ же верху горы устроена площадка для обзора красивой мѣстности.

Мыза Гостилицы вмѣстѣ съ другими отписными землями отъ фельдмаршала Миниха, отошла «со всѣми угодьями и съ красильнымъ заводомъ», 7-го октября 1743 года, во владѣніе любимца Елисаветы Петровны, Алек. Григ. Разумовскаго. Этотъ первѣйшій вельможа временъ Елисаветы жилъ здѣсь по-царски, давая праздники почти ежедневно. Разумовскій былъ внутренно

прекрасный человѣкъ, чуждался гордости, ненавидѣлъ коварство, былъ ласковъ, привѣтливъ и снисходителенъ въ обращенiи съ младшими, до слабости любилъ карты; играя въ банкъ, нарочно проигрывалъ деньги нуждавшимся въ послѣднихъ.

Порошинъ въ своихъ Запискахъ приводитъ характеристическiй разсказъ Н. И. Панина и Чернышева о Разумовскомъ. Этотъ разсказъ дорогъ для исторiи нравовъ высшаго общества. «Панинъ передавалъ о банкахъ, которые Разумовскiй дѣлывалъ и нарочно проигрывалъ; какъ у него Настасья Михайловна

Видъ дома въ Гостилицахъ.

Измайлова и другiе изъ банку крадывали деньги и послѣ щедроты его въ надлежащемъ мѣстѣ выхваливали, да не только такiе, но и люди не совсѣмъ безважные притомъ пользовались. За княземъ Иваномъ Васильевичемъ Одоевскимъ одинъ разъ подмѣтили, что тысячи полторы въ шляпѣ перетаскалъ, и въ сѣняхъ отдавалъ слугѣ своему». Графъ Гр. Ив. разсказывалъ, въ какой чрезвычайной силѣ былъ тогда графъ Разумовскiй. Графъ П. И. Шуваловъ всегда ѣзжалъ съ нимъ въ Москву на охоту, и графиня Мавра Егоровна молебны пѣвала по возвращенiи ихъ, что Петръ Ив. батожьемъ отъ него не сѣченъ. Разумовскiй всегда неспокоенъ бывалъ во хмѣлю.

Про Разумовскаго и его брата существуетъ много анекдотовъ. Разъ Разумовскiй подписалъ свою фамилiю подъ бумагой

очень криво, притомъ замѣтивъ, что его товарищи покривили душой, такъ ему можно покривить хоть почеркомъ.

Однажды Екатерина II предложила выпить за здоровье честныхъ людей. Разумовскій не выпилъ.

— Боюсь, матушка, чтобы моръ не былъ! замѣтилъ онъ.

Митрополитъ Платонъ, говоря проповѣдь передъ гробницею Петра, сказалъ:

— Возстань и посмотри на плодъ, какое принесло посаженное тобою сѣмя.

— Чего винъ (онъ) его кличе,—замѣтилъ Разумовскій стоявшимъ близь него: —яко встане, то всѣмъ намъ достанется!

Князь Щербатовъ говоритъ, что Разумовскій первый сталъ носить брилліантовыя пуговицы, звѣзду, ордена и эполеты».

На мызѣ своей Гостилицы графъ Разумовскій устраивалъ для Елисаветы Петровны довольно часто охоту на лосей и оленей. Изъ дворцовыхъ дѣлъ того времени видно, что Разумовскій, въ началѣ царствованія императрицы, пригналъ къ ней въ Село Царское изъ своей мызы 16 оленей; государыня была большая любительница до охоты на звѣрей.

Елисавета всегда охотилась въ большомъ обществѣ придворныхъ, и при удачной охотѣ щедро награждала деньгами и половинною порціею своихъ егерей, которые обязаны были подгонять тетеревовъ къ будкѣ царицы, не обижая, впрочемъ, другихъ охотниковъ и охотницъ отгономъ дичи отъ ихъ будокъ. Такихъ егерей у царицы было четыре, изъ крестьянъ кузминскихъ и одного маймиста. Эти охотники были освобождены отъ всякихъ повинностей, получали отъ казны ружья, порохъ, дробь или свинецъ—они были обязаны ежедневно снабжать дворцовый столъ дичью.

Изъ записокъ Екатерины II видно, что въ бытность ея великой княгиней, она неоднократно, вмѣстѣ съ мужемъ, посѣщала имѣніе графа Разумовскаго—Гостилицы.

Лѣтомъ 1748 года Екатерину здѣсь чуть не постигло большое несчастіе: разъ въ маѣ мѣсяцѣ, поздно вечеромъ, послѣ ужина, всѣ разошлись по своимъ комнатамъ, а она съ мужемъ отправилась въ особый домикъ, который имъ былъ отведенъ, потому что мѣстоположеніе его очень имъ нравилось; они въ немъ жили прошлую зиму, когда императрица пріѣзжала къ графу на именины. Въ эту ночь по какому-то дѣлу пріѣхалъ изъ Ораніенбаума сержантъ гвардіи Левашевъ и, найдя въ Гостилицахъ всѣхъ спящими, сѣлъ возлѣ дома у караульнаго.

Вдругъ онъ услышалъ трескъ и въ то же время замѣтилъ, что снизу каменная кладка дома разваливается. Левашевъ бросился въ домъ и далъ знать объ угрожавшей опасности; такъ какъ двери всѣ были заперты, то ихъ выломали. Великій князь только успѣлъ надѣть свой шлафрокъ и выйти изъ дому. Екатерина побѣжала въ комнату, чтобы разбудить г-жу Крузе, помогла ей коекакъ одѣться и съ нею вышла. Только что она успѣла переступить порогъ залы, какъ зданіе рухнуло съ страшнымъ трескомъ. Екатерина и Крузе упали на полъ. Левашевъ въ это время вбѣжалъ въ комнату, схватилъ Екатерину на руки и кинулся къ лѣстницѣ, но не нашелъ ея, лѣстница провалилась. Тогда нѣсколькимъ изъ людей удалось вскарабкаться по развалинамъ и они, передавая Екатерину съ рукъ на руки, благополучно вынесли ее на лугъ. Многіе изъ придворныхъ были ушиблены, въ числѣ ихъ и княжна Гагарина. Въ нижнемъ этажѣ было убито три человѣка и спавшіе возлѣ дома шестнадцать человѣкъ рабочихъ были раздавлены тоже на-смерть.

Домъ упалъ отъ слѣдующей причины: построенъ онъ былъ осенью, на-скоро. Архитекторъ въ сѣняхъ, вмѣсто столбовъ, приказалъ поставить 12 бревенъ, сказавъ, чтобъ до нихъ никто не смѣлъ дотрогиваться; но управляющій, узнавъ, что въ Гостилицы пріѣдетъ великій князь, велѣлъ срубить бревна, чтобы они не обезображивали сѣней. Государыня отдѣлалась легкимъ ушибомъ и испугомъ, изъ-за котораго ей пустили кровь. Разумовскій былъ въ отчаяніи и даже хотѣлъ застрѣлиться, но, какъ иронически замѣчаетъ Екатерина II, «вѣроятно ему помѣшали, потому что онъ ничего надъ собой не сдѣлалъ».

Императоръ Петръ III часто посѣщалъ Гостилицы; 27-го іюня 1762 года графъ Разумовскій давалъ въ честь посѣщенія государя и государыни великолѣпный праздникъ. Въ Гостилицахъ въ этотъ вечеръ Петръ III и Екатерина видѣлись въ послѣдній разъ.

Гостилицы долго принадлежали роду графовъ Разумовскихъ. Три поколѣнія Разумовскихъ владѣли этой мызой. Изъ построекъ, созданныхъ однимъ изъ первыхъ владѣльцевъ Гостилицъ, цѣлъ по сейчасъ такъ называемый «Чайный павильонъ», по преданію выстроенный извѣстнымъ зодчимъ, графомъ Растрелли.

Затѣмъ уцѣлѣли еще каменные дома временъ первыхъ построекъ, извѣстные въ усадьбѣ подъ кличкой «кавалерскіе дома»; на одномъ изъ нихъ виднѣется старинный гербъ Разумовскихъ и во внутреннихъ покояхъ замѣтны старыя фрески. Въ 1824 году

Гостилицы куплены за 900,000 рублей Алек. Мих. Потемкинымъ, мужемъ извѣстной благотворительницы Татьяны Борисовны. Князь П. А. Вяземскій въ своихъ мемуарахъ приводитъ нѣсколько анекдотовъ о ней. Вяземскій называетъ ее христіанской Кориной; онъ говоритъ, что Потемкина была слишкомъ доступна ко всѣмъ искательствамъ и просьбамъ меньшей братіи, особенно изъ духовнаго званія. Она никому не отказывала въ своемъ посредничествѣ и ходатайствѣ, неутомимо, смѣло и безъ оглядки обращалась ко всѣмъ предержащимъ властямъ и щедро передавала имъ памятныя и докладныя записки.

Нѣсколько такихъ записокъ вручила она и покойному митрополиту Никанору. Однажды она была у него въ гостяхъ; въ разговорѣ, между прочимъ, сказалъ онъ ей:

— А вы, матушка, Татьяна Борисовна, не извольте безпокоиться о просьбахъ, что вы мнѣ дали: онѣ всѣ порѣшены!

— Не знаю, какъ и благодарить ваше высокопреосвященство за милостивое вниманіе ваше.

— Благодарить нечего,—продолжалъ владыко,—всѣмъ отказано.

Князь Вяземскій разсказываетъ, что въ Гостилицахъ былъ священникъ, которому Потемкина очень покровительствовала. Выпросивъ у императора Николая Павловича разъ позволеніе представить его, она предувѣдомила о томъ пастыря. Онъ, съ радости или со страха, черезчуръ подкуражилъ себя и предсталъ предъ царскія очи не совсѣмъ натощакъ. Князь А. Н. Голицынъ, который былъ свидѣтелемъ этой сцены, очень забавлялся ею и долго трунилъ надъ пріятельницею своею Потемкиной за неудачное представленіе ея.

При послѣднемъ изъ Разумовскихъ, графѣ Петрѣ Кирилловичѣ, крестьяне, выведенные притѣснительнымъ управленіемъ приказчика изъ терпѣнія, взбунтовались. По этому дѣлу шестьдесятъ изъ нихъ были сосланы въ Сибирь. Послѣ покупки имѣнія Потемкиной, послѣдняя исходатайствовала имъ возвращеніе на родину. Это переселеніе не обошлось безъ нѣкоторыхъ драматическихъ столкновеній. Долговременное отсутствіе мужей и непредвидѣнное появленіе ихъ къ домашнему очагу, иногда разстраиваетъ семейную обстановку женъ, покорившихся условіямъ невольнаго вдовства своего.

По словамъ Татьяны Борисовны, особенно одна изъ крестьянокъ, которая не послѣдовала за мужемъ своимъ въ Сибирь и голосистѣе другихъ оплакивала свое разставаніе съ нимъ, вовсе

была не рада возвращенію и эта брачная реставрація ежедневно праздновалась домашними ссорами и драками.

При Потемкинѣ въ Гостилицахъ была заведена Ланкастерская школа, смотрителемъ которой былъ крѣпостной человѣкъ, по словамъ князя Вяземскаго, также вышедшій изъ острога. Потемкина выхлопотала освобожденіе этого человѣка изъ тюрьмы, выкупила его у прежняго помѣщика и либерально произвела бывшаго арестанта въ учителя и надзиратели Ланкастерской школы.

Князь Вяземскій передаетъ, что во время посѣщенія императоромъ Николаемъ помѣстья Гостилицъ, Потемкина спросила государя, не смотритъ ли онъ неодобрительно на существованіе въ селѣ ея Ланкастерской школы. Извѣстно, что въ послѣдніе годы царствованія императора, эти школы подвергались строгимъ правительственнымъ мѣрамъ.

— Нисколько,—отвѣчалъ императоръ Николай,—и мнѣ жаль, что вы можете быть обо мнѣ такого худого мнѣнія.

Въ 1845 году Потемкина построила превосходный каменный домъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ деревянный дворецъ императрицы Елисаветы Петровны и отдѣлала въ саду старый домикъ «Эрмитажъ», гдѣ останавливались у ней посѣщавшіе ее архіереи и здѣсь же жила также извѣстная игуменья Митрофанія. Домикъ этотъ носитъ тоже названіе архіерейскаго.

Изъ древнихъ построекъ въ Гостилицахъ упомянемъ о церкви во имя св. Троицы. Храмъ построенъ графомъ Кирилломъ Григорьевичемъ. Годъ созданія храма неизвѣстенъ, но полагаютъ, что гораздо ранѣе 1755 года. Этотъ годъ выставленъ на одной церковной книгѣ церкви. Первая церковь была деревянная, стояла она въ саду, въ 120-ти саженяхъ отъ нынѣшней церкви.

Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, на этомъ мѣстѣ стоялъ столбъ съ крестомъ, потомъ здѣсь была выстроена бесѣдка; лѣтъ тридцать какъ и эта бесѣдка не существуетъ, теперь на мѣстѣ древней церкви, площадка съ цвѣтникомъ. Церковь отъ барской усадьбы въ 20-ти саженяхъ, между храмомъ и селомъ находится прудъ съ ключевой водой, на немъ совершается водосвятіе 6-го января и 1-го августа. Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ въ Гостилицкой церкви существовалъ у крестьянъ особенный обычай, посреди храма стояло шесть деревянныхъ полокъ, на которыя прихожане ставили свои иконы и предъ ними зажигали свѣчи, и молились каждый у своей иконы. Полки были уничтожены благочиннымъ прихода.

Въ этомъ храмѣ очень любила молиться покойная великая княгиня Марія Николаевна, герцогиня Лейхтенбергская.

Послѣ смерти Потемкиной, Гостилицы по наслѣдству достались князю Голицыну. Послѣдній не жилъ въ нихъ и всѣ старинныя вещи, какъ и превосходную библіотеку, распродалъ за безцѣнокъ; первыя купили продавцы съ Апраксина, вторая попала на бумажную фабрику.

Въ настоящее время «Гостилицы» принадлежатъ извѣстному сельскому хозяину барону Ѳедору Егоровичу Врангелю. Въ рукахъ послѣдняго это превосходное имѣнье опять получило свою милліонную цѣнность. Владѣльцемъ приведены въ порядокъ какъ хозяйственныя поля, такъ и всѣ усадебныя постройки. Въ роскошномъ старомъ домѣ Гостилицъ, барономъ собраны въ главномъ залѣ портреты всѣхъ прежнихъ владѣльцевъ этой исторической усадьбы.

Отъ Гостилицъ недалеко лежитъ имѣніе «Медуши», принадлежавшее въ концѣ прошлаго столѣтія графу Роману Воронцову. Графъ имѣніе это завѣщалъ своему побочному сыну, бригадиру Алек. Ром. Ранцову, который здѣсь построилъ, въ 1789 году, церковь во имя св. Троицы.

Въ этомъ храмѣ погребено нѣсколько мѣстныхъ помѣщиковъ, въ числѣ которыхъ строитель Ранцовъ, гардеробмейстеръ императора Павла I и тайный камергеръ 5-го класса Василій Кисловъ.

Въ числѣ достопримѣчательностей этой церкви имѣется образъ страшнаго суда, съ подробнымъ описаніемъ и изображеніемъ разныхъ мукъ. Въ церковной библіотекѣ хранится рукопись: «Лѣтописецъ келейный» преосвященнаго Димитрія, митрополита ростовскаго. Книга эта нѣкогда принадлежала графинѣ М. А. Румянцевой.

Во времена Петра этимъ имѣніемъ владѣлъ П. И. Бутурлинъ, послѣдній здѣсь выстроилъ деревянную церковь св. Николая чудотворца, церковь эта стояла на горѣ, впослѣдствіи она пришла въ ветхость и была разобрана.

Другое село, вблизи Гостилицъ, носитъ названіе «Дятлицы», здѣсь еще въ 1731 году стояла церковь Рождества Богородицы, нынѣшній же храмъ построенъ графомъ Кир. Григ. Разумовскимъ.

Въ старое время въ Гостилицахъ приходской церкви не было, а была одна домовая гр. Разумовскаго, и всѣ крестьяне гостилицкіе были прихожане въ эту церковь. За селомъ есть здѣсь два старинныхъ кладбища; на одномъ изъ нихъ стоитъ старый

каменный крестъ; въ церкви этой деревни хранится серебряный ковшъ, съ надписью, что онъ построенъ въ 1731 г.

При императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ существовала богатая усадьба помѣщицы Варв. Алек. Шереметевой на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь село Глобицы; отъ этой усадьбы теперь не уцѣлѣло и слѣдовъ. Въ этомъ селѣ была построена Шереметевой деревянная церковь во имя Спаса Нерукотвореннаго образа. По словамъ протоіерея Георгіевскаго [236]), въ предѣлахъ нынѣшняго Петергофскаго уѣзда уже при Петрѣ Великомъ было до десяти самостоятельныхъ приходскихъ церквей.

Къ древностямъ здѣшняго уѣзда относится множество кургановъ, называемыхъ народомъ: «коломищами» или «шведовыми могилами». Въ двухъ такихъ курганахъ, въ Бѣгуницкомъ приходѣ, лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, были найдены въ сидячемъ положеніи и съ оружіемъ въ рукахъ литовцы. Въ самомъ большомъ изъ такихъ кургановъ, въ деревнѣ Ранковицахъ, находили встарину сабли, ружейные стволы и другія оружія.

Къ древнѣйшимъ поселкамъ здѣшняго края надо отнести село Копорье, нѣкогда, во время войнъ Россіи съ Литвою и шведами, важную крѣпость.

Теперь эта крѣпость лежитъ въ 12-ти верстахъ отъ Финскаго залива, но существуетъ преданіе, что 300 лѣтъ тому назадъ Финскій заливъ простирался до этой крѣпости. Село Ивановское, лежащее тоже теперь далеко отъ залива, въ народѣ по сейчасъ еще называется «Гаванью», на томъ основаніи, что тутъ нѣкогда была гавань. Крѣпость «Копорье» была основана литовцами въ 1240 году. Александръ Невскій, отнявъ край отъ литовцевъ, разорилъ крѣпость. Но вскорѣ ее снова возстановили новгородцы, какъ защиту отъ шведовъ, нѣмцевъ и литовцевъ. Въ 1703 году ее взялъ у шведовъ Шереметевъ.

Копорская крѣпость, съ четырьмя башнями, находится во рвѣ; послѣдній, окружая крѣпость, дѣлаетъ ее какъ бы островомъ. Крѣпость сдѣлана изъ плиты, связанной известью и алебастромъ; башни отстоятъ одна отъ другой на три сажени, между башнями ворота въ крѣпость, сдѣланныя аркою; ширина послѣднихъ четыре аршина, высота полторы сажени. Воротъ въ крѣпости было трое, отъ которыхъ теперь остались однѣ рамки въ видѣ желѣзныхъ обручей.

Въ крѣпости еще сохранились старинныя темницы съ массивными желѣзными крюками въ стѣнѣ, есть узкіе ходы со сводами, ходы, подземелья, подвалы, раскаты и другіе средневѣ-

ковые ужасы. На одномъ изъ скатовъ крѣпостного рва бьетъ цѣлебный ключъ, называемый «Абрамовымъ». Въ день Успенія здѣсь совершается молебствіе. Въ крѣпости была старинная русская церковь, сожженная шведами. По взятіи опять русскими крѣпости, въ 1715 году, вновь выстроена деревянная церковь во имя «Успенія». Въ крѣпости существуетъ еще соборъ во имя «Преображенія Господня», въ немъ хранились до пожара, бывшаго въ 1864 г., священническія ризы, вышитыя рукою императрицы Елисаветы Петровны въ память посѣщенія ею Копорья.

Нѣкогда крѣпость Копорье была главнымъ городомъ Ингерманландіи. Съ постройкой Петергофа она стала именоваться уже селомъ, а не городомъ. Петръ Великій, по завоеваніи края, подарилъ ее вмѣстѣ съ окрестными деревнями губернатору новаго края князю А. Д. Меншикову. По ссылкѣ въ Березовъ Меншикова, Копорье, указомъ Петра II, въ 1731 году, отошло къ Ораніенбаумскому дворцу. Императрица Елисавета Петровна подарила мызы и вотчины Копорье графу А. Разумовскому. Въ настоящее время Копорье принадлежитъ г. Зиновьеву. Крѣпость Копорье теперь представляетъ одну руину, стѣны ея покрыты мхомъ и дерномъ и все болѣе и болѣе приходятъ въ ветхость. Къ числу историческихъ мѣстъ здѣшняго края надо отнести и Ропшинскій дворецъ.

Во время шведскаго владычества, Ропша принадлежала генералу Гасферу. Петръ Великій, завоевавъ Ингерманландію, построилъ на этомъ мѣстѣ дворецъ въ голландскомъ вкусѣ и рядомъ съ нимъ церковь. Дворецъ этотъ существовалъ до 1780 года и многія изъ дворцовыхъ украшеній Петровскаго времени долго здѣсь сохранялись въ цѣлости; теперь отъ этого дворца остались два возвышенія, въ видѣ подъѣздовъ, развалины фундамента, да еще въ саду невысокій валъ съ двумя каналами. Царь, вскорѣ послѣ постройки здѣсь дворца, подарилъ это имѣніе князю Ромодановскому, извѣстному князю Кесарю, начальнику страшнаго преображенскаго приказа. Преданіе гласитъ, что тамъ часто лилась кровь невинныхъ! Ромодановскій былъ человѣкъ нрава жестокаго, одинъ видъ, взглядъ и голосъ его вселялъ во всѣхъ ужасъ. У него въ домѣ, по разсказамъ, содержались преступники подъ карауломъ ручной медвѣдицы: она не дѣлала имъ никакого вреда, только не выпускала ихъ ни на шагъ изъ темницы. Карамзинъ говоритъ: «Я видѣлъ глубокія ямы, гдѣ сидѣли несчастные; видѣлъ желѣзныя рѣшетки въ маленькихъ окнахъ, сквозь которыя проходилъ воздухъ и свѣтъ.

Петръ воздавалъ Ромодановскому царскія почести, величая его въ письмахъ и на словахъ «величествомъ». Ромодановскій возводилъ царя во всѣ чины, какъ генералиссимусъ всѣхъ потѣшныхъ и регулярныхъ войскъ. Петръ, зная его строгую честность, терпѣлъ и сносилъ отъ него всякія непріятности. Вотъ что писалъ про него царь въ 1713 году къ графу Апраксину: «Съ дѣдушкомъ нашимъ, какъ съ чортомъ вожуся, а не знаю, что дѣлать. Богъ знаетъ какой человѣкъ! Онъ казнилъ множество воровъ и убійцъ, но видя, что злодѣянія продолжаются,

Ромодановскій.

велѣлъ повѣсить за ребра двѣсти преступниковъ». Никто не смѣлъ въѣхать къ нему на дворъ. Самъ царь оставлялъ свою одноколку у воротъ его; не садился съ нимъ рядомъ въ каретѣ, а всегда напереди. Въ обществѣ всѣ стояли передъ нимъ; приходившіе же къ нему, какого бы они званія ни были, должны, прежде поклона хозяину, осушить большой кубокъ простого вина, приправленнаго перцемъ, подносимый на золотомъ блюдѣ ручнымъ медвѣдемъ. Если кто отказывался отъ этого напитка, медвѣдь тому вцѣплялся въ волосы и раздиралъ платье.

Ромодановскій придерживался старыхъ обычаевъ, носилъ русскій кафтанъ, отороченный узенькимъ золотымъ позументомъ,

и отпускалъ большіе усы; простыя щи, пирогъ съ угремъ, разварная стерлядь, буженина изъ баранины съ чеснокомъ были его кушанья, столѣтніе меды — его питьемъ. Осенью онъ выѣзжалъ на охоту какъ владѣтельный князь; свита его доходила до пятисотъ человѣкъ и охота оканчивалась всегда шумной общей попойкой. Князь Ромодановскій отдалъ Ропшу въ приданое дочери своей, выданной за несчастнаго графа Головкина, извѣстнаго приверженца правительницы, сосланнаго въ Сибирь по восшествіи на престолъ императрицы Елисаветы. Головкинъ, больной, положенъ былъ, вмѣстѣ съ постелью, въ сани и отправленъ въ Березовъ, гдѣ и провелъ четырнадцать лѣтъ. Послѣ ссылки Головкина, Ропша была обращена въ собственность казны.

Императрица Елисавета избрала ее мѣстомъ отдохновенія во время своего пути изъ Петергофа въ Царское Село. Государыня велѣла вновь отдѣлать и увеличить каменный домъ, выстроенный Головкинымъ. Домъ имѣлъ 40 саженъ длины и 5 ширины. Въ числѣ комнатъ здѣсь была большая свѣтлая зала, освѣщавшаяся сверху, затѣмъ подъ всѣмъ зданіемъ погреба. Елисавета приказала по обѣимъ сторонамъ дворца выстроить галлереи въ двѣнадцать саженъ длины и четыре ширины; затѣмъ, отступивъ двѣ сажени въ линію, пристроены на одномъ концѣ крестообразная церковь, а на другомъ, въ симметрію, павильонъ съ «криденстафелемъ», т. е. со столомъ, на которомъ подаются блюда и тарелки съ кушаньями и пр., при помощи машины, въ родѣ того стола, который уже существовалъ въ одной бесѣдкѣ въ Царскомъ Селѣ. Но половина этихъ зданій осталась только въ проектѣ; семилѣтняя война разрушила всѣ планы. Выстроены были только службы или флигеля.

Передъ дворцомъ въ то время былъ большой дворъ, окруженный также жилыми строеніями; на дворѣ росли бѣлыя ели, обрѣзанныя пирамидами еще при Головкинѣ. По обѣимъ сторонамъ двора былъ разбитъ плодовый садъ, въ которомъ росли модныя въ то время наливныя яблоки. Другая часть сада была разбита въ старомъ французскомъ вкусѣ, съ звѣздообразными аллеями изъ липъ. Передъ дворцомъ была устроена земляная терраса въ четыре аршина вышины, съ каменными лѣстницами.

Весь садъ былъ длиною въ сто двадцать саженъ и шириною въ сто, съ сѣвера онъ былъ окруженъ каналомъ, а съ южной стороны оранжереями и парниками. Неподалеку отъ нихъ былъ большой прудъ со множествомъ форелей, карасей и карповъ; на

берегу пруда стояли два павильона: въ одномъ хранились разныя рыболовныя снасти, а изъ другого императрица любовалась на рыбную ловлю.

Впослѣдствіи Ропшу императрица Елисавета Петровна подарила своему наслѣднику Петру Ѳеодоровичу. «По вступленіи на престолъ Екатерины II, — говоритъ Державинъ въ своихъ Запискахъ,—послѣ обѣда, часу въ пятомъ, увидѣли большую четырехмѣстную карету, запряженную больше нежели въ шесть лошадей, съ завѣшенными гардинами, у которой на запяткахъ, на козлахъ и на подножкахъ были гренадеры во всемъ вооруженіи, а за ними конный конвой, которые, какъ послѣ всѣмъ извѣстно стало, отвезли отрекшагося отъ правленія императора въ Ропшу».

Екатерина II писала къ Понятовскому [237]): «Я отправила низложеннаго императора подъ предводительствомъ Алексѣя Орлова, въ сопровожденіи избранныхъ офицеровъ [238]) и отряда надежныхъ и смирныхъ солдатъ, въ уединенное, но очень пріятное мѣсто, называемое Ропшей, пока приготовляли приличныя комнаты въ Шлиссельбургѣ и заготовляли для него лошадей на почтовыхъ станціяхъ. Но Богъ рѣшилъ иначе: страхъ причинилъ ему діарею, которая продолжалась три дня и остановилась на четвертый. Онъ ужасно много пилъ въ этотъ день. Онъ, впрочемъ, просилъ у меня только свою собаку, негра и скрипку; я послала ему эти три вещи. Гемороидальная колика возобновилась опять съ воспаленіемъ въ мозгу, два дня онъ былъ въ этомъ положеніи, за которымъ послѣдовала чрезмѣрная слабость и, не смотря на помощь докторовъ, онъ скончался, прося лютеранскаго священника. Я боялась: не отравили ли его офицеры, и велѣла вскрыть тѣло, но не оказалось ни малѣйшаго слѣда яда: желудокъ его былъ совершенно здоровъ, но нашли воспаленіе въ кишкахъ, апоплексическій ударъ убилъ его, сердце его было чрезвычайно мало и поражено (flétri). Петръ III окончилъ жизнь 6-го іюля 1762 года». 7-го іюля 1762 года было объявлено о его кончинѣ и повелѣно всѣмъ жителямъ столицы «послѣднее учинить прощаніе и о спасеніи души покойнаго императора усердныя къ Богу принести молитвы, нечаянное въ смерти его Божіе опредѣленіе принимая за промыселъ божественный, ведущій отечество путями неисповѣдимыми».

Екатерина II, вскорѣ по вступленіи на престолъ, подарила Ропшу, вмѣстѣ съ Шунгуровскимъ и Гатчинскимъ округомъ, князю Гр. Гр. Орлову. Послѣдній не залюбилъ это имѣніе и

забросилъ какъ домъ, такъ и сады; при немъ вскорѣ пруды заросли травой и наполнились иломъ, садъ заглохъ и зданія превратились въ развалины. Въ такомъ видѣ это имѣніе купилъ армянинъ Лазаревъ [239]) отъ наслѣдниковъ Орлова съ 1,000 душъ крестьянъ и 12,000 десятинъ земли за 12,000 руб. Въ 1785 году Лазаревъ пригласилъ въ это имѣніе молодого инженера Энгельмана, только-что возвратившагося изъ Германіи. Энгельманъ быстро принялся за дѣло. Ранѣе всего онъ отдѣлалъ одинъ флигель для пріѣзда Лазарева, затѣмъ другой—для гостей, соединилъ ихъ прекраснымъ зимнимъ садомъ, вскорѣ перестроилъ большой домъ по плану придворнаго архитектора де-Лапорта, снаружи украсилъ его портиками съ колоннами іоническаго ордена, а внутренность расположилъ удобно и хорошо.

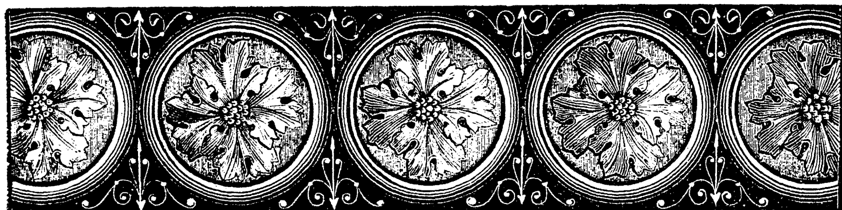
Мѣстоположеніе Ропши состоитъ изъ двухъ обширныхъ плоскостей, возвышающихся болѣе тридцати футъ одна надъ другою. Обильные источники чистой, быстро текущей воды. Энгельманъ собралъ въ озеро, излучистые ручьи превратилъ въ шумные водопады, насадилъ деревья, кое гдѣ прорубилъ старыя и создалъ множество прелестнѣйшихъ ландшафтовъ. Сады обнесъ каменнымъ валомъ, въ пруды насажалъ стерлядей, форелей, для крестьянъ развелъ фруктовые сады, выстроилъ бумажную фабрику. Зданіе построено Сер. Берниковымъ, по плану архитектора Фельтена. На устройство всего имѣнія Лазаревъ затратилъ около 300,000 рублей.

Императоръ Павелъ I купилъ у Лазарева Ропшу за 400,000 рублей, сверхъ того онъ положилъ ему пенсію въ 4,000 рублей въ годъ и пожаловалъ ему чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и далъ много льготъ, вмѣстѣ съ землею, его землякамъ — нахичеванскимъ армянамъ. Императоръ Павелъ, по покупкѣ Ропши у Лазарева, хотѣлъ было назвать ее «Кровавымъ полемъ» [240]), но Ропша сохранила свое старое названіе, хотя и перешла въ казну. Императоръ Николай Павловичъ подарилъ Ропшу супругѣ своей, императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ.

Церковь въ Ропшѣ существуетъ со временъ Петра Великаго. Первоначально она построена безъ купола, изъ бутовой плиты; въ 1781 году князь Орловъ надстроилъ деревянный куполъ и пристроилъ каменную колокольню. Въ 1788 году Лазаревъ, противъ священническаго дома, построилъ крестообразный храмъ во имя св. апостоловъ Петра и Павла и довелъ уже постройку до куполовъ, но когда имѣніе перешло въ казну, изъ недоконченнаго храма, въ 1816 году, сдѣланъ манежъ [241]). Нигдѣ въ

окрестностяхъ Петербурга не ростутъ такъ хорошо деревья, какъ въ Ропшѣ. Почти всѣ крестьяне здѣсь изстари занимаются садоводствомъ и разведеніемъ огородныхъ овощей. Подъ Ропшей добываются болотные туфы (т. е. известковые осадки на мхахъ и дернѣ болотъ въ видѣ ноздреватыхъ глыбъ) и продаются для украшенія каскадовъ, гротовъ, цвѣтниковъ, и т. д.

ГЛАВА XVIII.

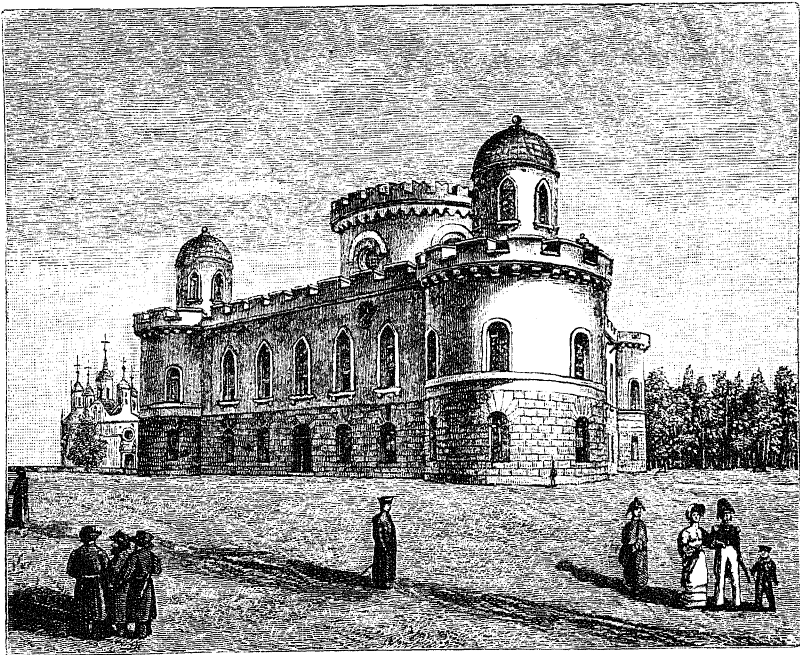
Московское шоссе. — Тріумфальныя ворота. — Чесменская богадѣльня. — Описаніе Чесменской битвы. — Жизнь Чесменскаго героя. — Дары Екатерины II. — Смерть и похороны графа.—Самозванка Тараканова.—Пособники графа при поимкѣ Таракановой. — Дача Кикерико. — Исторія постройки Чесменскаго зâмка. — Закладка церкви дворца.—Король шведскій Густавъ III.—Балы у придворныхъ въ честь его.—Имянины Ив. Ив. Бецкаго. — Благородный спектакль. — Достопримѣчательности церкви Чесменскаго дворца.—Древній иконостасъ.—Парадныя комнаты дворца.—Гулянье въ Ивановъ день.—Поѣздка Екатерины II зимой въ Чесменскій дворецъ.—Печальныя воспоминанія о Чесменскомъ дворцѣ.—Николаевская богадѣльня.

ЕРТУ города съ московской стороны прежде составлялъ загородный или обводный каналъ (начатый въ 1805 году генераломъ Герардомъ и оконченный въ 1834 году генераломъ Базеномъ). Зданіемъ скотопригоннаго двора оканчивалось городское строеніе; здѣсь начиналось Московское шоссе, усаженное до Пулковской горы липами; въ зеленой перспективѣ послѣднихъ при выѣздѣ изъ города виднѣлись вдали тріумфальныя чугунныя ворота, окрашенныя подъ бронзу, воздвигнутыя «побѣдоноснымъ россійскимъ войскамъ, въ память подвиговъ въ Персіи, Турціи и при усмиреніи Польши, въ 1826 — 31 годахъ». Всѣ части ихъ вылиты изъ чугуна на Александровскомъ чугунно - литейномъ заводѣ по проекту архитектора Стасова; открыты ворота 16-го октября 1838 года. Онѣ сооружены у Лиговскаго канала въ видѣ портика изъ двѣнадцати колоннъ, поставленныхъ въ два ряда. За ними прежде тянулись дачи купцовъ, теперь по большей части

стоятъ фабрики. На пятой верстѣ отъ воротъ изъ-за густой зелени показывается зданіе Чесменской богадѣльни, прежній Чесменскій увеселительный дворецъ. Побѣда наша надъ турками при Чесмѣ настолько памятна, что мы считаемъ не лишнимъ здѣсь описать ее вкратцѣ.

Сраженіе при Чесмѣ было произведено въ слѣдующемъ порядкѣ: самъ графъ А. Г. Орловъ занялъ середину, передовымъ отрядомъ командовалъ Спиридовъ, арріергардомъ Ельфистонъ.

Чесменскій дворецъ въ первоначальномъ видѣ.

За отлучкой на берегъ капитанъ-паши, турецкими кораблями предводительствовалъ храбрый Гассанъ-бей, сказавшій султану въ Константинополѣ: «Флотъ нашъ многочисленнѣе русскаго; чтобы истребить враговъ, мы должны сцѣпляться съ ихъ кораблями и взлетать на воздухъ». Турки при Чесмѣ заняли весьма невыгодное положеніе: лѣвое крыло ихъ примыкало къ каменистому острову, правое—къ отмели, и такимъ образомъ корабли не могли свободно поворачиваться. Огонь открылся съ обѣихъ сторонъ ужасный; подъ густыми облаками дыма, подъ тучею ядеръ и пуль, сцѣпившіеся корабли представляли почти

рукопашный бой. Корабль Спиридова и капитана-паши взлетѣли на воздухъ.

Графъ Орловъ ворвался въ средину непріятельскаго флота. Турки пустились въ бѣгство къ Чесменскому заливу, русскіе рѣшились запереть ихъ и сжечь въ пепелъ весь турецкій флотъ. Неустрашимый Ильинъ первый приплылъ къ одному кораблю и, положивъ брандскугель, возвратился назадъ, въ виду обоихъ

Медаль въ память Чесменскаго дѣла.

флотовъ. Загорѣвшіеся корабли, тѣсня другъ друга, увеличивали пламя и съ трескомъ взлетали на воздухъ. Отъ взрывовъ море колыхалось до Смирны, отстоящей отъ Чесмы на двѣнадцать миль. Все погибло въ нѣсколько часовъ и только одинъ корабль достался въ плѣнъ русскимъ.

Знаменитый герой чесменскій, графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ (1737—1808), по словамъ современниковъ, любилъ простую русскую жизнь, пѣсни, пляски и всѣ другія простонародныя забавы и удовольствія. У него были богатѣйшія конскій заводъ, псовая охота, а также графъ держалъ и птичью охоту;

породы его голубей, канареекъ и бойцевыхъ гусей, кажется, еще по сейчасъ ведутся между этого рода охотниками.

При манежѣ его московскаго дома находились искусные берейторы [242]) и производилась верховая ѣзда, въ которой участвовало высшее московское общество. Графиня Анна Алексѣевна, дочь его, отлично ѣздила на бѣломъ жеребцѣ «Брилліантѣ» высшей школы. С. П. Жихаревъ въ своихъ запискахъ говоритъ, между прочимъ, что тамъ еще ѣздили княжны Щербатовы и

Медаль въ память Чесменскаго дѣла.

Екатерина Андреевна Карамзина съ мужемъ и прибавляетъ, что «сей послѣдній ѣздитъ ежедневно по утрамъ для моціона». Извѣстно, что починъ кровнаго коннозаводства тѣсно связанъ съ именемъ графа Орлова; онъ не только выписывалъ первоклассныхъ скакуновъ изъ Англіи, но и первый завелъ въ Москвѣ публичныя скачки на призы въ 1785 году. Около него сгруппировались замѣчательныя личности того времени и по его примѣру участвовали съ нимъ въ скачкахъ на выписанныхъ изъ Англіи скакунахъ. Соперникомъ графа по коннозаводству, какъ

говоритъ В. И. Коптевъ, былъ также проживавшій тогда въ Москвѣ царственный плѣнникъ, крымскій ханъ Сагинъ Гирей, но кровные скакуны графа всегда обскакивали степныхъ скакуновъ хана. Скачки въ Москвѣ продолжались до самой смерти графа; происходили онѣ по четвергамъ весь май и іюнь мѣсяцы; въ нихъ участвовали: Д. М. Полторацкій, Муравьевъ, бригадиръ Чемодановъ, братья Мосоловы, Савеловы, Загряжскій, Д. Н. Лопухинъ, Тимирязевъ, братья Всеволожскіе, К. И. Воейковъ и другіе. Графъ чрезъ посредство нашего посла въ Лондонѣ, графа С. Р. Воронцова, выписывалъ знаменитѣйшихъ скакуновъ Англіи, сыновей «Эклипса», «Акута» и «Гоннаудера», также взявшаго въ Англіи призъ Дерби, Дедалюса и призъ Лежеръ, Тартара, а всего 38 жеребцовъ и 53 кобылы, которые и внесли элементы въ созданныя имъ породы верховую и рысистую. Пріобрѣтеніе же арабскихъ лошадей было произведено имъ во время командованія флотомъ въ турецкую войну съ 1770 по 1774 годъ и по заключеніи мира, при содѣйствіи турецкаго правительства и въ особенности благодарнаго ему паши Гассанъ-бея, за человѣколюбивое обращеніе съ его семействомъ, взятымъ въ плѣнъ. Императрица Екатерина II въ письмѣ своемъ къ Вольтеру называла это обращеніе графа Орлова съ плѣнными рыцарскимъ.

Въ другомъ своемъ письмѣ къ Вольтеру (17-го декабря 1769 года) Екатерина сравнивала «храбраго, великодушнаго Орлова съ героями древнихъ римлянъ», самъ Вольтеръ называлъ Орлова «Ѳемистокломъ». Графъ Чесменскій отличался широкою благотворительностью; по словамъ его современника, «онъ полагалъ первѣйшимъ своимъ удовольствіемъ даже предупреждать просьбы ищущихъ его покровительства»; съ своими крѣпостными людьми онъ былъ гуманнѣйшій помѣщикъ. Дабы очертить симпатичную и любезную сердцамъ москвичей личность графа, приведемъ впечатлѣніе того же Жихарева, которое онъ испыталъ при встрѣчѣ съ графомъ: «Вдругъ толпа зашевелилась и радостный крикъ: «ѣдетъ, ѣдетъ!» пронесся по окрестности, и вотъ началось шествіе необыкновеннаго торжественнаго поѣзда, безъ котораго, говорили, гулянье 1-го мая было бы не гулянье народу. Впереди, на статномъ фаворитномъ конѣ своемъ, «Свирѣпомъ», какъ его называли, ѣхалъ графъ Орловъ, въ парадномъ мундирѣ и обвѣшанный орденами. Азіатская сбруя, сѣдло, мундштукъ и чепракъ были буквально залиты золотомъ и украшены драгоцѣнными каменьями. Немного поодаль, на прекраснѣйшихъ сѣрыхъ лошадяхъ, ѣхали дочь его и нѣсколько дамъ, ко-

торыхъ сопровождали А. А. Чесменскій [243]), А. В. Новосильцевъ, князь М. П. Хилковъ, Д. М. Полторацкій и множество другихъ особъ. За ними слѣдовали берейторы и конюшіе графа, не менѣе сорока человѣкъ, изъ которыхъ многіе имѣли въ поводу по заводной лошади въ нарядныхъ попонахъ и богатой сбруѣ. Наконецъ потянулись и графскіе экипажи, запряженные цугами и четверками одномастныхъ лошадей. Этотъ поѣздъ графа, богатаго, знатнаго, тучнаго и могучаго вельможи, съ такою блестящею свитой, съ такимъ количествомъ нарядныхъ служителей, съ такимъ множествомъ прекрасныхъ лошадей и разнородныхъ экипажей, представляетъ точно необыкновенно великолѣпное зрѣлище и не можетъ не дѣйствовать на толпу народную». Далѣе Жихаревъ говоритъ, что гр. Орловъ не однимъ своимъ богатствомъ и великолѣпіемъ снискалъ любовь и уваженіе москвичей, что онъ доступенъ, радушенъ, и какъ настоящій русскій баринъ, пользуясь любимыми своими увеселеніями — скачками, бѣгами, кулачными боями, цыганскими пѣснями, плясками и прочимъ, обращаетъ ихъ также въ потѣху народа, и какъ будто раздѣляетъ съ нимъ преимущества, судьбой ему предоставленныя.

Про А. Орлова пѣлъ Державинъ:

... Великолѣпнымъ цугомъ
Въ каретѣ англійской златой,
Съ собакой, шутомъ или другомъ
Или съ красавицей какой
Я подъ качелями гуляю,
Въ шинки пить меду заѣзжаю;
Или какъ то наскучитъ мнѣ,
По склонности моей къ премѣнѣ,
Имѣю шапку на бекренѣ,
Лечу на рѣзвомъ бѣгунѣ
Или музыкой и пѣвцами,
Органомъ и волынкой вдругъ,
Или кулачными бойцами
И пляской веселю мой духъ,
Или, о всѣхъ дѣлахъ заботу
Оставя, ѣзжу на охоту
И забавляюсь лаемъ псовъ...

Графъ имѣлъ псовую охоту въ селѣ Островѣ, въ 18-ти верстахъ отъ Москвы. Охота его состояла изъ сорока гончихъ и сорока борзыхъ собакъ подъ управленіемъ ловчаго Кузьмы Дементьева, перешедшаго къ графу изъ охоты Лопухина, тестя графа. На охоту графъ самъ не ѣздилъ, но держалъ ее для увеселенія гостей, устраивая садки. Тѣмъ не менѣе графъ самъ велъ родословныя книги своихъ собакъ (студъ-бухъ), строго придерживаясь веденія породъ въ чистотѣ.

Графъ Орловъ обладалъ необыкновенною тѣлесною силою. Онъ могъ удерживать шесть лошадей, скачущихъ во весь опоръ въ колесницѣ, схвативъ послѣднюю за колесо. Онъ спасъ Екатерину отъ неизбѣжной смерти, когда на устроенныхъ въ Царскомъ Селѣ высокихъ деревянныхъ горахъ она катилась въ колесницѣ и мѣдное колесо выскочило изъ колеи. Графъ Орловъ, стоя на запяткахъ, на всемъ раскатѣ спустилъ ногу на ту сторону, гдѣ была опасность, а рукой схватился за перила и такимъ образомъ удержалъ колесницу. Графъ Орловъ свертывалъ желѣзную кочергу въ кольцо и ломалъ подковы шутя, какъ морковь.

По воскресеньямъ у графа обѣдало отъ 150 до 300 человѣкъ. Ежедневно къ обѣду графа могли пріѣзжать всѣ находившіеся въ Москвѣ дворяне, хотя бы съ нимъ и незнакомые, но для этого они должны были быть въ дворянскомъ мундирѣ. Если же пріѣхавшій незнакомый былъ въ партикулярномъ платьѣ, тогда графъ спрашивалъ у него: «Отъ кого вы, батюшка, присланы?» и когда незнакомецъ называлъ себя, тогда графъ извинялся, что онъ не разглядѣлъ, ибо по старости уже плохо видитъ. Этимъ графъ давалъ понять, что всякій, но только русскій дворянинъ, имѣетъ право на его хлѣбосольство. У графа Орлова былъ шутъ, который не отходилъ отъ него ни на шагъ и часто позволялъ себѣ выходки колкія и злыя. Герой чесменскій доживалъ свой громкій славой вѣкъ въ Москвѣ. Біографъ его говоритъ: «какое-то очарованіе окружало богатыря Великой Екатерины, отдыхавшаго на лаврахъ въ простотѣ частной жизни, и привлекало къ нему любовь народную.

«Неограниченно было уваженіе къ нему всѣхъ сословій Москвы и это общее уваженіе было данью не сану богатаго вельможи, но личнымъ качествамъ; едва графъ показывался на улицахъ Москвы, какъ молва въ полголоса бѣжала: «ѣдетъ, ѣдетъ», всѣ головы оборачивались въ сторону къ графу и всѣ жители всякаго званія и лѣтъ разомъ скидывали шапки долой съ головы. Графъ Орловъ былъ типомъ русскаго человѣка; могучій крѣпостью тѣла, могучій силой духа и воли, онъ съ тѣмъ вмѣстѣ былъ доступенъ, радушенъ, доброжелателенъ, справедливъ. Современники говорили о немъ, что онъ былъ «надеждою несчастнаго, кошелькомъ бѣднаго, посохомъ хромого, глазомъ ослѣпшаго, покоищемъ израненнаго воина и врачемъ больного».

Бантышъ-Каменскій говоритъ объ Орловѣ: «Военную службу считалъ онъ своею стихіей и, будучи кавалергардомъ, превосхо-

Орловъ Чесменскій.

дилъ товарищей мужественною красотою; спокойная важность въ лицѣ, прекрасные глаза, умная улыбка, лаконическая пріятная рѣчь, колоссальный видъ являли въ немъ человѣка удивительнаго, долженствовавшаго выдти изъ ряда обыкновенныхъ... Императрица Екатерина II за военныя заслуги пожаловала ему шпагу, украшенную алмазами, столовый серебряный сервизъ [244]) и увѣковѣчила его дѣла сооруженіемъ въ Царскомъ Селѣ памятника изъ цѣльнаго уральскаго мрамора вѣсомъ въ 1,950 пудовъ и въ честь его построила зȧмокъ или дворецъ въ азіатскомъ вкусѣ, назвавъ его «Чесменскимъ дворцомъ» а въ память дня побѣды надъ турками, въ 24-й день іюня, построила тамъ церковь во имя Рождества Іоанна Крестителя.

При императорѣ Павлѣ I, по волѣ монарха, гр. Орловъ жилъ заграницей въ Дрезденѣ; здѣсь любимымъ его занятіемъ была ѣзда на рысакахъ — тамъ съ нимъ были двѣ лучшія кобылы, «Арфа» и «Амазонка»; между наѣздниками съ нимъ были три Семена, которыхъ въ отличку графъ называлъ: одного—бѣлымъ, другого—чернымъ и третьяго—дрезденскимъ.

При императорѣ Александрѣ I графъ пріѣхалъ въ Россію, и во время всеобщаго ополченія, въ 1806 и 1807 годахъ, былъ начальникомъ пятой области земскаго войска. Императоръ за труды и пожертвованія наградилъ его орденомъ св. Владиміра первой степени. Орловъ умеръ въ Москвѣ послѣ кратковременной болѣзни на семьдесятъ второмъ году отъ рожденія. Большой домъ графа не могъ помѣстить всѣхъ съѣзжавшихся отдать ему послѣдній долгъ. Отпѣваніе тѣла происходило близь Донского монастыря, въ церкви Положенія Ризъ Господнихъ. По совершеніи заупокойной литургіи, тѣло было перевезено въ село «Отраду», близь Москвы, гдѣ схоронены всѣ пять братьевъ Орловыхъ. Впослѣдствіи уже дочь графа перенесла останки его въ соборъ св. Георгія въ Новгородскую Юрьевскую обитель. При погребеніи тѣла графа случилось слѣдующее происшествіе. Сержантъ Изотовъ, находившійся съ графомъ при Чесмѣ, въ день похоронъ явился къ гробу въ мундирѣ Екатерининскихъ временъ съ медалями на груди и сталъ съ прочими у гроба, чтобы нести его черезъ комнаты на колесницу. Вельможи, считая Изотова слишкомъ слабымъ, совѣтовали ему оставить трудъ не по силамъ; 80-тилѣтній старецъ, обливаясь слезами, отвѣчалъ, что въ немъ еще достанетъ силъ отдать послѣдній долгъ начальнику. Онъ присоединился къ сановникамъ, которые несли гробъ и неутѣшно плакалъ и рыдалъ. На лѣстницѣ онъ напрягалъ всѣ свои силы

подъ тяжестью гроба и когда поставили послѣдній на колесницу, Изотовъ простился съ усопшимъ, сказавъ: «думалъ ли я, что переживу тебя»—и съ этими словами упалъ и черезъ нѣсколько минутъ скончался.

Въ жизни знаменитаго чесменскаго героя есть некрасивая страница—это самозванка Тараканова. Преданіе говоритъ, что подъ конецъ своей жизни графъ томился въ тоскѣ и ему по ночамъ въ видѣніи являлась эта несчастная женщина, которую онъ обольстилъ. По разсказамъ, послѣ привоза Таракановой [245]) изъ-за границы, графъ хотя и былъ принимаемъ императрицею чрезвычайно милостиво, но съ замѣтною холодностію; государыня, какъ женщина, не могла не оцѣнить достойно поступка честолюбца, предавшаго полюбившую его женщину и изъ холоднаго разсчета поправшаго чувство любви. Орловъ, по разсказамъ современниковъ, живя въ Москвѣ, никогда не ѣздилъ мимо Ивановскаго монастыря, гдѣ жила настоящая княжна Тараканова [246]); онъ думалъ, что тамъ томится въ заключеніи его жертва, нѣкогда любившая его страстно, предавшаяся ему беззавѣтно и такъ ужасно обманутая его притворною любовью.

Возвращаемся опять къ описанію Чесменскаго дворца. У Рубана и Георги [247]) мы находимъ, что встарину на мѣстѣ нынѣшняго дворца стояла деревянная дача, подъ названіемъ Кикерейскино [248]) или Кикерико. На этой дачѣ останавливался дворъ и важныя особы при проѣздахъ въ Москву. Георги говоритъ, что эта дача стояла по лѣвой сторонѣ дороги отъ Петербурга въ Царское Село, на седьмой верстѣ, на плоскомъ мѣстѣ, покрытомъ кустарникомъ и дикимъ лѣсомъ, близь большой дороги, отъ которой два главные входа ведутъ къ за̀мку. Императрица Екатерина II, желая сохранить воспоминаніе о побѣдѣ, одержанной 24-го іюня 1770 года русскимъ флотомъ надъ турецкимъ подъ Чесмою, повелѣла архитектору Фельтену въ томъ же году соорудить этотъ дворецъ, который и былъ выстроенъ по его плану въ азіатскомъ стилѣ, по образцу существующихъ за̀мковъ, находящихся на берегахъ Босфора и Дарданеллъ.

При главныхъ входахъ на обоихъ концахъ рощи находились, въ родѣ тріумфальныхъ воротъ, два готическихъ каменныхъ строенія съ двумя башнями, назначенныя для сторожей. Дороги, ведущія по лѣсу къ за̀мку, имѣли по обѣимъ сторонамъ глубокіе рвы и были уставлены деревянными тумбами.

Главное, небольшое каменное, зданіе на возвышенномъ лугу, окруженное рвомъ и землянымъ валомъ, обросшимъ травою, пред-

ставляло форму треугольника, въ два этажа вышины, съ узкими закругленными окошками сверху крыши; зданіе имѣло посрединѣ большую отсѣченную башню съ круглыми окнами и на каждомъ концѣ небольшія башни съ возвышенными куполами и продолговатыми окнами.

Съ западной стороны находился главный подъѣздъ дворца, отъ котораго былъ ходъ черезъ длинную комнату, по парадной лѣстницѣ, въ покои второго этажа.

На востокъ отъ зàмка отдѣльно была построена церковь, небольшая, но высокая, въ готическомъ вкусѣ; церковь была заложена, въ 1777 году, во имя св. Предтечи и Крестителя Іоанна, въ день его памяти, 24-го іюня, въ пятнадцатое лѣто царствованія Екатерины II. На закладкѣ присутствовала сама императрица и король шведскій Густавъ III, бывшій въ то время въ Петербургѣ подъ именемъ графа Готландскаго. О пребываніи короля въ Петербургѣ находимъ подробныя свѣдѣнія въ тогдашней академической газетѣ.

Король пріѣхалъ 5-го іюля, нов. стиля, въ 8 час. утра и прожилъ въ Петербургѣ ровно мѣсяцъ. Слухъ о его пріѣздѣ быстро разнесся по городу и передъ домомъ шведскаго посланника, гдѣ король остановился, собралась большая толпа народа. Въ 11 час. царственный путешественникъ, вмѣстѣ съ барономъ Нолькеномъ, отправился къ графу Панину и пробылъ у него часъ. При выходѣ изъ его кабинета, шведскій посланникъ пригласилъ Никиту Ив. Панина къ себѣ отобѣдать съ графомъ Готландскимъ.

Послѣ обѣда, въ 5 час., король поѣхалъ въ Царское Село и былъ введенъ къ императрицѣ граф. Панинымъ въ особый кабинетъ, гдѣ она ожидала его и куда вскорѣ вошелъ также великій князь Павелъ Петровичъ съ супругою. Свиданіе ихъ, какъ говоритъ газета, «происходило съ изъявленіемъ взаимныхъ горячихъ родственническихъ чувствованій». Густавъ III ужиналъ тамъ и возвратился домой только въ 3 часа ночи. Между тѣмъ, въ этотъ же день, вечеромъ, петербургскіе жители, надѣясь увидѣть короля въ Лѣтнемъ саду, собрались туда въ необыкновенномъ множествѣ: «Не запомнитъ никто,—говоритъ газета,—такой тѣсноты, какова была въ понедѣльникъ ввечеру въ придворномъ Лѣтнемъ саду; но графъ Готландскій посѣтилъ его только на другой день, въ ранніе часы, когда еще публики тамъ не бываетъ.

На другой день, 6-го іюля по нов. ст., какъ мы уже говорили, Густавъ III присутствовалъ на закладкѣ церкви въ память

Густавъ III, король шведскій.

славной побѣды русскихъ и въ основаніе храма самъ положилъ камень. Здѣсь государынѣ были представлены графомъ Панинымъ главныя лица королевской свиты, которыя удостоились и обѣдать за ея столомъ во дворцѣ. Послѣ обѣда Густавъ III возвратился въ городъ, былъ въ придворномъ спектаклѣ и ужиналъ у графа Панина. 9-го іюля король былъ въ Царскомъ Селѣ; по возвращеніи былъ на французскомъ спектаклѣ и ужиналъ у графа И. Г. Чернышева. Въ слѣдующій день императрица изъ Царскаго переѣхала на лѣтнее пребываніе въ Петергофъ. На пути, въ полдень, она остановилась на дачѣ Л. А. Нарышкина и тамъ кушала; въ числѣ 35-ти гостей былъ и шведскій король. Въ воскресенье, 11-го, Густавъ III принималъ визиты, въ 6-мъ часу поѣхалъ въ Лѣтній дворецъ (гдѣ теперь Михайловскій замокъ), послѣ отправился гулять въ Лѣтній садъ, гдѣ знаменитаго гостя тѣснила со всѣхъ сторонъ большая толпа народа; 12-го іюля посѣтилъ Академію Художествъ, потомъ ѣздилъ въ Петергофъ; 14-го ужиналъ въ Ораніенбаумѣ; 16-го присутствовалъ въ Смольномъ при раздачѣ дѣвицамъ наградъ, вечеромъ же былъ въ придворномъ театрѣ на представленіи славившейся въ то время волшебной комической оперы Мармонтеля — «Земира и Азоръ»; въ субботу ѣздилъ съ визитами, въ воскресенье былъ на придворномъ балѣ въ Петергофѣ. 21-го числа государыня угощала короля въ городѣ обѣдомъ въ Эрмитажѣ. Поутру, въ этотъ день, онъ былъ въ Невскомъ монастырѣ у обѣдни и потомъ посѣтилъ тамъ митрополита Гавріила, а оттуда ѣздилъ на фарфоровый заводъ, гдѣ въ его присутствіи производились разныя работы и поднесены были ему нѣкоторыя издѣлія этой фабрики. 22-го онъ былъ въ Сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, на слѣдующій день, вмѣстѣ съ Потемкинымъ и Румянцевымъ, посѣтилъ монетный дворъ, затѣмъ поѣхалъ въ лодкѣ въ Горное училище, гдѣ извѣстный Нартовъ поднесъ ему рѣдкія русскія минералы. 23-го посѣтилъ Академію Наукъ, гдѣ ему представлены были всѣ академики, былъ въ Кунсткамерѣ, гдѣ разсматривалъ восковую фигуру Петра Великаго.

Затѣмъ, по крутой и узкой лѣстницѣ, всходилъ на крышу обсерваторіи. Послѣ всего этого король пожелалъ видѣть знаменитый готторпскій глобусъ, внутренность котораго, какъ извѣстно, составляла цѣлую комнату со столомъ вокругъ оси для 12-ти человѣкъ. Этотъ глобусъ внезапно распахнулся передъ Густавомъ и въ немъ, посреди цвѣтовъ и зелени, подъ гербомъ графа Готландскаго, сплетеннаго изъ розъ, приготовленъ былъ

завтракъ. 24-го, послѣ обѣда, король съ императрицею съѣхались въ Смольномъ, гдѣ праздновались въ этотъ день именины начальника, И. И. Бецкаго, и были разыграны разныя представленія въ комнатахъ и въ саду, причемъ дѣвица Хрущова представляла безобразнаго Азора на сценѣ изъ извѣстной оперы и, принявъ свой настоящій видъ при магическомъ дѣйствіи имени Екатерины, невольно заплакала при произнесеніи стиховъ въ честь своей благодѣтельницы.

За ужиномъ Густавъ сидѣлъ между дѣвицами. 27-го, въ день полтавской битвы, императрица сочла приличнымъ отмѣнить обычное празднество. Въ слѣдующіе два дня были царскіе праздники и король наканунѣ, вечеромъ, отправился въ Петергофъ. 29-го, въ день тезоименитства великаго князя, былъ при дворѣ публичный маскарадъ, и изъ города съѣхалось такое множество лицъ, что собраніе не могло бы помѣститься, еслибъ не петергофскій садъ, «гдѣ большая часть масокъ находила себѣ убѣжище». Замѣчательно, что на этомъ придворномъ маскарадѣ парадная лѣстница не была освѣщена. Это показалось иностраннымъ гостямъ болѣе чѣмъ страннымъ при извѣстномъ расточительномъ придворномъ хозяйствѣ Екатерины II. 30-го императрица ѣздила съ королемъ въ Ораніенбаумъ, гдѣ опять была играна опера «Земира и Азоръ». 1-го іюля Густавъ былъ у Нарышкина на дачѣ, гдѣ императрица играла въ карты; Густавъ пріѣзжалъ поклониться императрицѣ и сдѣлать визитъ хозяевамъ. 2-го Густавъ былъ на придворномъ городскомъ театрѣ, на представленіи итальянской оперы «Нитети»; а 3-го поѣхалъ въ Гатчино, а потомъ въ Петергофъ, съ тѣмъ, чтобы уже прямо отправиться въ Швецію. По словамъ газеты, Густавъ оставилъ здѣсь по себѣ пріятнѣйшее впечатлѣніе, произведенное его качествами, а также знаки своего благорасположенія къ тѣмъ, кои имѣли честь быть съ нимъ въ какомъ либо сношеніи и оказать ему услуги.

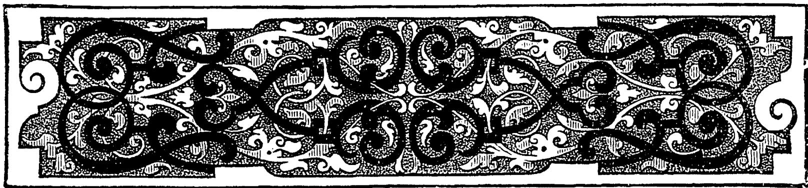
Чесменская церковь, на закладкѣ которой присутствовалъ Густавъ, освящена была въ 1780 г.; кромѣ государыни, присутствовалъ римскій императоръ Іосифъ II, прибывшій сюда подъ именемъ графа Фалькенштейна. Церковь эта названа была также — церковью ордена св. Георгія; въ этомъ храмѣ, направо отъ входа, находится царское мѣсто Екатерины II; иконы въ иконостасѣ превосходной итальянской работы; изъ нихъ замѣчательны старыя: Распятіе, Умовеніе ногъ и икона св. Димитрія Царевича съ его страданіями. Въ мартѣ 1812 года, въ нижнемъ этажѣ Чесменскаго дворца была устроена зимняя церковь Ро-

ждества Христова; въ этомъ году сюда перенесены были изъ Зимняго дворца утварь бывшей походной церкви царя Алексѣя Михайловича и императора Петра Великаго. Иконы въ иконостасѣ вышиты, въ 1590 году, золотомъ, серебромъ и разноцвѣтными шелками. Съ правой стороны царскихъ вратъ помѣщены иконы св. Троицы и Рождества; на южныхъ вратахъ: св. Ѳеодоръ Стратилатъ и св. великомученица Ирина; на лѣвой сторонѣ — иконы Тихвинской Божіей Матери; на сѣверныхъ вратахъ—благоразумный разбойникъ Рафъ [249]) (?). Надъ иконостасомъ находится слѣдующая шитая надпись: «лѣта 1590 г. благодатію св. Духа и святыя Троицы, повелѣніемъ благовѣрнаго и христолюбиваго государя и великаго князя Ѳеодора Ивановича, всея Руси самодержца и его благовѣрныя царицы великія княгини Ирины, сдѣлана святыя церкви живоначальныя Троицы, въ осьмое лѣто государства его, при святѣйшемъ патріархѣ Іовѣ всея Русіи». Въ алтарѣ помѣщается древняя, превосходной работы, плащаница съ греческою и грузинскою надписью; затѣмъ образъ Іерусалимской Божіей Матери, присланный Екатеринѣ II изъ Іерусалима, и образъ апостола Павла и Маріи Магдалины, шитый золотомъ и серебромъ — трудъ императрицы Маріи Ѳеодоровны.

При императрицѣ Екатеринѣ II въ этомъ дворцѣ, въ круглой залѣ второго этажа, собиралась кавалерская дума военнаго ордена св. Георгія, учрежденнаго 26-го ноября 1769 года. Государыня сама нерѣдко присутствовала на этомъ засѣданіи. Напротивъ главнаго входа, передъ портретомъ ея, находился тронъ; передъ трономъ стоялъ столъ, покрытый краснымъ бархатомъ, на которомъ лежалъ небольшой кусокъ парчи съ вышитою золотомъ турецкою надписью и числомъ 1687 годъ [250]). На столѣ стояла эмальированная чернильница, сдѣланная по рисунку Мальи. Она сперва сохранялась въ Эрмитажѣ, потомъ была подарена Екатериной II кавалерской думѣ, стоила она 23,000 руб. Комнаты вокругъ этой залы составляли галлерею портретовъ царствующихъ особъ Европы въ 1775 году. Каждый годъ въ Ивановъ день здѣсь было гулянье и ярмарка. Государыня сама посѣщала ее со всѣмъ своимъ дворомъ и закупала на нѣсколько тысячъ рублей фарфора, ткани и модныя бездѣлки, которыя тутъ же раздаривала своимъ придворнымъ. Этого же правила придерживались и всѣ вельможи, покупая и раздавая вещи и сласти народу и дѣтямъ. При Екатеринѣ также ежегодно, на масляницѣ, изъ города въ этотъ дворецъ устраива-

лось катанье въ большихъ саняхъ, богато разукрашенныхъ; къ нимъ привязывали еще сзади нѣсколько паръ небольшихъ саней для придворныхъ дамъ и кавалеровъ, и всѣ здѣсь были по пріѣздѣ угощаемы обѣденнымъ столомъ. По кончинѣ государыни, Чесменскій дворецъ былъ необитаемъ долго. Императоръ Павелъ, указомъ 12-го іюля 1799 года, велѣлъ сдать его капитулу ордена св. Іоанна Іерусалимскаго для устройства въ немъ больницы. Въ 1826 году въ церковь Чесменскаго дворца были привезены останки скончавшагося въ Таганрогѣ императора Александра Благословеннаго и стояли съ 5-го на 6-е марта, а 11-го іюля того же года привезено было тѣло императрицы Елисаветы Алексѣевны, умершей въ городѣ Бѣлевѣ, Тульской губ., и 13-го іюля торжественно перевезено въ С.-Петербургъ для погребенія въ Петропавловскомъ соборѣ. Впослѣдствіи здѣсь стояли останки великой княжны Маріи Михаиловны, скончавшейся въ Вѣнѣ, и великаго князя Михаила Павловича, скончавшагося въ Варшавѣ. Въ 1827 и 1828 годахъ въ Чесмѣ обитали юныя воспитанницы Елисаветинскаго института, по случаю перестройки занимаемаго ими дома, на Васильевскомъ островѣ. 21-го апрѣля 1830 года, въ день тезоименитства императрицы Александры Θеодоровны, послѣдовалъ указъ — зданіе дворца обратить въ богадѣльню, которая и была открыта въ 1836 году; съ того времени Чесма сдѣлалась пріютомъ престарѣлыхъ и увѣчныхъ воиновъ; по утвержденному высочайшему положенію, помѣщалось въ ней 16 офицеровъ и 400 воинскихъ нижнихъ чиновъ. День торжественнаго открытія богадѣльни состоялся въ день воспоминанія побѣды надъ шведами подъ Полтавою. Каждый годъ, въ день св. Іоанна Крестителя, 24-го іюня, бываетъ въ Николаевской Чесменской богадѣльнѣ празднество, утромъ совершается торжественная обѣдня съ крестнымъ ходомъ и послѣ обѣда начинается гулянье по рощѣ.

ГЛАВА XIX.

Ср еднерогатскій дворецъ.—Станція Четыре Руки.— Глазова харчевня.— Дудергофскія горы.— Птичники фазановъ.— Памятники древнихъ временъ.—Анекдотъ про императора Петра I.— Соколиная охота. — Пулково. — Постройка обсерваторіи.— Описаніе зданія. — Подвижныя башни.— Церковь Смоленской Божіей Матери. — Достопримѣчательности храма.— Рѣчка Дудергофка.— Красное Село.— Красносельскій театръ.—Первый директоръ его, полковникъ Н. П. Синельниковъ.—Постройка театра и внутренняя его отдѣлка. — Открытіе театра.— Первый спектакль.— Публика.— Музыканты и актеры.— Поѣздки артистовъ.— Обѣды и ужины въ дни спектаклей.— Передѣлка и перестройка театра.— Устройство красносельскаго лагеря.— Красносельскій дворецъ.— Слободы Браташинская и Коломенская.— Промышленность красносельскихъ крестьянъ.

Ъ ДВУХЪ съ небольшимъ верстахъ отъ Чесменскаго дворца находился встарину дворецъ «Среднерогатскій». Первоначально, въ 1714 году, онъ былъ построенъ деревяннымъ въ одинъ этажъ, позднѣе, въ 1751 году, здѣсь былъ выстроенъ каменный, существующаго по сейчасъ вида, въ пятнадцать комнатъ. Въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны здѣсь жила всегда придворная прислуга, взятая изъ царскосельскаго дворца, съ достаточнымъ количествомъ разной живности и разныхъ питій для пріѣзда двора.

Современныя того времени питейныя вѣдомости показываютъ, какъ много горячительныхъ напитковъ выносило крѣпкое сложеніе тогдашнихъ придворныхъ людей. Изъ имѣющихся росписей этого рода видно, что ежедневно выносилось къ поставу государыни и выдавалось лицамъ, составляющимъ дворъ: водки 6 ведеръ, пива по 8 ведеръ, вина по 5 ве-

деръ и т. д. Получали водку ковшами даже «мадамы», состоящія въ придворномъ штатѣ, но особенно много шло на пѣвчихъ. Императрица Елисавета очень часто останавливалась въ этомъ путевомъ дворцѣ.

Среднерогатскимъ дворецъ названъ оттого, что приставленные здѣсь для караула матросы «Царскосельскую перспективу» закладывали рогатками; такихъ рогатокъ на пути находилось три: первая у городской заставы, вторая—близь здѣшняго дворца и третья—на прудовой мельничной плотинѣ подъ Пулковской горою. Деревянный дворецъ былъ сломанъ только въ 1791 году, 25-го іюня, и мѣсто, гдѣ онъ стоялъ, очищено и выровнено. Каменнымъ Среднерогатскимъ дворцомъ въ Екатериненское время завѣдывалъ стряпчій Хабаровъ, получая жалованья по 60 руб. въ годъ.

Въ это время для императрицы былъ удержанъ только къ ея пріѣзду одинъ флигель съ четырьмя комнатами, остальныя комнаты отдавались подъ трактиръ съ платою въ годъ по 55 рублей. Дворецъ по убранству не былъ роскошенъ: стѣны въ немъ были обиты набивными бумажными обоями, печи голландскія росписныя, два три зеркала, да разныхъ стульевъ 63, столовъ 32, во всякой комнатѣ затѣмъ впсѣли стѣнные бронзовые подсвѣчники. Позднѣе, при императорѣ Павлѣ, этотъ путевой дворецъ былъ упраздненъ и изъ него сдѣлана почтовая станція на московскомъ шоссѣ. Станція эта, помимо Средней Рогатки, носила названіе «Четырехъ Рукъ». Прозвище это произошло отъ почтоваго столба съ изображеніемъ четырехъ рукъ, указывающихъ раздѣленіе дороги: направо—въ Петергофъ, прямо—въ Царское Село, назадъ — въ Петербургъ, а налѣво — въ Москву. Сперва московскій трактатъ шелъ въ Ижору чрезъ Пулково и Кузьмино на Царское Село, но эта дорога была восьмью верстами длиннѣе противъ настоящей. По послѣдней встарину было запрещено всѣмъ ѣздить, кромѣ придворныхъ чиновниковъ, посылаемыхъ нарочныхъ и имѣющихъ на проѣздъ билеты отъ царскосельскаго начальства. Всѣ же остальные, съ возами и т. д., должны были ѣздить по первой, чрезъ Коеровскія пустоши и Вологодскую ямскую, чтобы не разбивать и не портить перспективы.

Недалеко отъ средней рогатки нѣкогда стояла «Глазова харчевня». Это послѣдняя остановка обозовъ и извозчиковъ на пути къ Петербургу. Отъ этой мѣстности видны двѣ высокія горы: одна покрытая лѣсомъ, а другая безлѣсная съ церковью — обѣ носятъ названія «Дудергофскихъ».

Съ вершинъ обѣихъ горъ, въ ясную погоду, видно, даже простымъ глазомъ: Кронштадтъ, Ораніенбаумъ, Петергофъ, Стрѣльна, Село Красное и весь почти Петербургъ. Другая гора, лежащая при Красномъ Селѣ и покрытая лѣсомъ, представляетъ хорошую растительную долину, съ садовыми плодовыми деревьями; на верху горы колодезь съ превосходною мягкою холодною водою. Въ прежнее время въ этихъ садахъ содержалось множество фазановъ. Императоръ Петръ очень любилъ эту мѣстность и часто посѣщалъ ее. Уже въ 1707 году встрѣчаются письма его, въ которыхъ онъ говоритъ объ этой горѣ.

При шведскомъ владычествѣ здѣсь жилъ баронъ Дудергофъ. Гора эта поднимается надъ уровнемъ моря на 82 саж., она выше Петропавловской крѣпости на 26 саж. и Исаакіевскаго собора—на 30 саж. На этой горѣ встрѣчаются многія дикорастущія растенія, не свойственныя петербургской флорѣ. Здѣсь въ прошедшемъ столѣтіи былъ устроенъ ботаническій разсадникъ. По обѣимъ сторонамъ дороги здѣсь поселились, въ 1767 году, нѣмецкіе колонисты.

Что же касается до Пулкова, то еще до покоренія Петромъ Ингерманландіи, при шведскомъ владычествѣ здѣсь была мыза и шла большая дорога, по которой ѣздили изъ Копорья въ Ладогу. Къ этой мызѣ принадлежали десять деревень.

Всю эту мѣстность Петръ Великій подарилъ супругѣ своей императрицѣ Екатеринѣ. Позднѣе императоръ Петръ II отдалъ всѣ эти мѣста цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Остаткомъ отъ Петровскихъ временъ, а можетъ быть до-Петровскихъ, здѣсь сохраняется каменная горка изъ крупнаго булыжника, на которой, вѣроятно, заброшенное вѣтромъ сѣмя березы пустило корень и выросло въ теченіе многихъ лѣтъ въ высокое дерево.

На этомъ мѣстѣ, какъ говоритъ преданіе, послѣ наводненія въ Петербургскомъ краѣ, Петръ шутя сказалъ: «Пулкову не угрожаетъ вода», но когда на его слова жившій, будто бы, на мызѣ чухонецъ отвѣтилъ царю, что старый дѣдъ его помнилъ наводненіе, въ которое вода доходила до вѣтви дуба, стоявшаго неподалеку отсюда, близь подошвы горы, то Петръ сошелъ къ тому дубу и топоромъ отсѣкъ его вѣтвь.

Начало устройства Пулкова надо считать съ 1714 года; въ этомъ году приступлено было къ застройкѣ нѣкоторыхъ сосѣднихъ мѣстъ съ Царскимъ Селомъ. Въ 1719 году здѣсь на самой горѣ въ саду былъ построенъ дворецъ. Во дворцѣ этомъ давались не разъ праздники—императоръ очень любилъ новый

дворецъ и по долгу любовался видами изъ него на окрестности Петербурга и здѣсь охотился съ собаками.

При императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ здѣсь содержались соколы, съ которыми государыня любила охотиться; но особенно Пулково стало извѣстно съ 1839 года, когда тамъ была построена обсерваторія. Это великолѣпное зданіе, расположенное и созданое по всѣмъ требованіямъ современной науки, заложено въ іюнѣ 1835 года. Въ обсерваторіи имѣется полный приборъ обсерваціонныхъ инструментовъ, совершеннѣйшихъ въ механическомъ и оптическомъ отношеніяхъ, устроены подвижныя кровли, деревянныя башни и вообще всѣ удобства, ставящія Пулковскую обсерваторію на степень первыхъ учрежденій подобнаго рода

Собаки Петра Великаго.

въ свѣтѣ. Зданіе состоитъ изъ трехъ частей: главной башни для наблюденій, гдѣ помѣщается гигантскій телескопъ, и двухъ боковыхъ башень, расположенныхъ симметрически по обѣимъ сторонамъ главной.

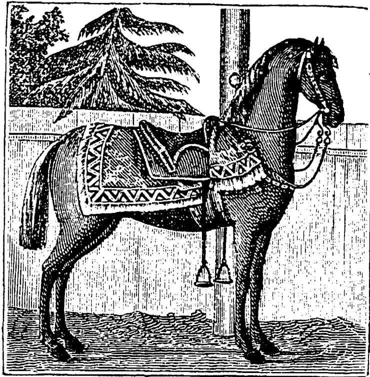
Къ обсерваторіи примыкаютъ съ запада и востока флигеля, занимаемые служащими. Главный корпусъ имѣетъ длины отъ востока къ западу 230 футовъ и отъ сѣвера къ югу 172 фута; ему сообщенъ видъ креста, котораго стороны обращены къ четыремъ странамъ свѣта. Цоколь, изъ плиты, возвышается на $6^1/_2$ футовъ, а высота зданія главной башни простирается на 64 фута отъ цоколя. Главный входъ украшенъ порталомъ, обращеннымъ къ Петербургу; ведущая къ нему лѣстница сдѣлана изъ темнаго гранита, а колонны и прочее — изъ тесанаго черницкаго камня. На порталѣ начертанъ годъ открытія обсерва-

торіи. Въ нишахъ подъ боковыми башнями поставлены статуи. Съ портала, имѣщаго девять саженей, открывается обширная перспектива около двадцати верстъ.

Построена обсерваторія по проекту и подъ руководствомъ А. П. Брюлова. Пулковская обсерваторія занимаетъ одну изъ самыхъ высшихъ точекъ ближайшихъ окрестностей С.-Петербурга; основаніе ея подымается надъ уровнемъ моря на 252 фута, почти на одну высоту съ вершиною адмиралтейскаго шпица и нижней оконечности купола Исаакіевскаго собора, а высшая точка зданія находится десятью саженями ниже креста колокольни собора св. Петра и Павла въ крѣпости. Выборъ мѣста для обсерваторіи—единственный въ окрестности столицы и удовлетворяетъ вполнѣ всѣмъ требованіямъ астронома-наблюдателя. Воздухъ здѣсь чистъ, ни дыму, ни пыли, ни вредныхъ водяныхъ испареній, носящихся надъ городами, здѣсь нѣтъ. Вотъ краткое описаніе внутреннихъ залъ въ день открытія обсерваторіи, почти пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Входъ въ обсерваторію открывается круглою залою со сводами и колоннами; зала назначена для пріема посѣтителей и храненія нѣкоторыхъ астрономическихъ инструментовъ; изъ этой залы ведутъ три двери въ главныя астрономическія залы: южную, восточную и западную, которыя—деревянныя, одна изъ нихъ съ разрѣзомъ отъ востока къ западу, соотвѣтствующимъ пассажной трубѣ Репсольда, утвержденной здѣсь перпендикулярно къ меридіану обсерваторіи. Другія двѣ залы меридіанныя, каждая съ двумя разрѣзами отъ сѣвера къ югу. Въ восточной помѣщены два полуденные круга, изъ коихъ большій состоитъ изъ трубы длиною въ семь футъ, теодолитъ и универсальный снарядъ репсольдовой же работы; а въ западной — пассажная труба и астрономическій кругъ Эртеля. Прочія комнаты назначены для библіотеки, ученыхъ собраній, провѣрки часовъ и т. д.

Поверхъ зданія устроены для наблюденія всѣхъ точекъ видимаго неба три круглыя деревянныя башни, также съ разрѣзами. Средняя, расположенная на круглой залѣ, имѣетъ 32 фута въ діаметрѣ и заключаетъ въ себѣ огромный рефракторъ, сдѣланный въ мюнхенскомъ оптическомъ заведеніи механикомъ Мерцомъ. Онъ увеличиваетъ наблюдаемые предметы въ 1,700 разъ. Еслибы поверхность земли была не выпуклая, а прямолинейная, то наблюдателю съ Пулковской горы въ рефракторъ Мерца Москва показалась бы въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ. Боковыя башни имѣютъ въ діаметрѣ 20 фут., въ западной находится ге-

ліометръ для наблюденія солнца, а восточная опредѣлена для діалетической трубы Пласселя. Всѣ эти астрономическіе снаряды утверждены на гранитныхъ массахъ. Ставни въ разрѣзахъ залъ и башенъ, нагрѣваемыхъ духовыми печами, открываются и закрываются съ чрезвычайною легкостью, а подвижные почти въ вышину комнаты деревянные навѣсы, подъ которыми въ боковыхъ залахъ сохраняются важнѣйшіе инструменты, можно сдвинуть съ мѣста одною рукою. Верхніе ярусы башенъ также вертятся кругомъ несравненно легче, чѣмъ вертится ручка простой кофейной мельницы. Механизмъ вертящихся башенъ построенъ крѣпко, со вкусомъ, механикомъ Тибо. На Пулковской горѣ имѣются два фонтана, построенные въ 1806 году извѣстнымъ нашимъ професоромъ архитектуры А. Н. Воронинымъ.

Лошадь Петра Великаго.

Церковь въ селѣ Пулковѣ во имя Смоленской Божіей Матери считается одною изъ старѣйшихъ въ окрестностяхъ Петербурга, видомъ она четыреугольная, каменная, съ полукружіемъ для алтаря и двумя четыреугольными башнями. Въ книгѣ И. Яковкина [251]) о ней сказано слѣдующее: духовникъ императрицы Елисаветы Петровны, іерей Ѳеодоръ Дубянскій, увѣдомилъ управляющаго Царскимъ Селомъ бригадира Григорьева, декабря 6-го дня 1755 г., что ея величество повелѣть соизволила: употребить всевозможныя старанія къ окончанію строенія въ Пулковѣ, дабы оная, сколько возможно, въ непродолжительномъ времени могла быть совершенно отдѣлкою приведена къ концу. Иконостасъ для церкви повелѣно взять изъ Никольскаго прихода царскосельской приходской церкви, но такъ какъ иконостасъ не при-

ходился въ мѣру новой церкви, то вмѣсто него присланы отъ духовника 6 мѣстныхъ образовъ: образъ Смоленской Божіей Матери «съ чудами», Тайная Вечеря, царскія врата, два архидіакона на лѣвыя двери, вся церковная утварь, сребропозлащенные священные сосуды вѣсомъ въ 2 фунта 83¼ золотн., оловянный ковчегъ для запасныхъ даровъ, ризница, церковныя книги, четыре мѣдные колокола, изъ коихъ самый большой въ девять пудовъ. Все это доставлено изъ придворной конторы Царскаго Села. Храмъ освященъ преосвященнымъ Сильвестромъ 1757 года, іюля 28-го дня.

На возвышенномъ мѣстѣ, образуемомъ Дудергофскими горами, лежитъ и Красное Село. До 1811 года село это называлось въ офиціальныхъ бумагахъ «дворцовымъ селомъ Краснымъ»; названіе «Красное», вѣроятно, произошло отъ красиваго положенія этой мѣстности. Существованіе дворца въ селѣ надо отнести къ временамъ Екатерины I; въ эти же года построена здѣсь была и деревянная церковь во имя св. Екатерины [252]). Въ 1733 году былъ данъ указъ изъ духовнаго правленія строить въ Красномъ Селѣ церковь каменную во имя св. Троицы, съ придѣломъ великомученицы Екатерины. Дѣло о постройкѣ каменной церкви, вмѣсто обветшалой деревянной, возникло вслѣдствіе того, что государыня пожертвовала на каменную церковь 350 рублей, какъ объ этомъ доносилъ въ петербургскую дворцовую контору извѣстный строитель Сергіевской пустыни, духовникъ императрицы Анны Іоанновны архимандритъ Варлаамъ.

Постройка каменной церкви производилась до 1735 года по плану архитектора Бланки и подъ наблюденіемъ управителя Краснаго Села, Дмитрія Парѳеніева, причта и прихожанъ. Церковь освящена была 20-го іюля 1735 года. Главный алтарь посвященъ св. Троицѣ: правый—Екатеринѣ, лѣвый, пристроенный въ 1738 году—св. Николаю, Никольскій придѣлъ освященъ въ 1761 году. Въ 1822 году, съ южной стороны, устроенъ зимній придѣлъ во имя Симеона и Анны. Въ 1854 году церковь возобновлена по плану архитектора Рязанова. Въ числѣ достопримѣчательностей храма тамъ священные сосуды и Евангеліе принесены въ даръ Веніаминомъ, епископомъ архангельскимъ и олонецкимъ въ 1782 году. При присылкѣ этихъ вещей Веніаминъ прислалъ къ священнику села Краснаго, своему родному брату, слѣдующее письмо: «Государь мой братецъ! Евангеліе моимъ коштомъ состроенное, вознамѣрился я положить въ церковь Живоначальныя Троицы, гдѣ и родители наши почиваютъ, и при которой

мы взросли и воспитаны. Чего ради оное при семъ и посылаю и прошу васъ внесть сіе въ церковь и употреблять во славу Божію. Веніаминъ епископъ». Этотъ Веніаминъ, въ мірѣ Василій Краснопѣвцевъ, былъ наставникомъ С.-Петербургской духовной академіи, въ первые годы по открытіи ея. Въ этой церкви также замѣчателенъ образъ св. Симеона Богопріимца съ предвѣчнымъ младенцемъ, поступившій сюда по повелѣнію императора Павла I, въ 1800 году; императрица Марія Θеодоровна пожаловала для украшенія этого образа свой брилліантовый перстень. Затѣмъ также здѣсь заслуживаетъ вниманіе паникадило мѣдное, литое, позолоченное. Подъ створомъ его шаръ съ слѣдующею надписью: «сіе паникадило ея императорскаго величества, всепресвѣтлѣйшей, самодержавнѣйшей великой государыни императрицы Елисаветы Алексѣевны, всея Россіи, Копорскаго уѣзда, въ село Красное, къ церкви св. Живоначальныя Троицы, выписано изъ Стокгольма 1750 году, вывезено на кораблѣ с.-петербургскаго купца Ивана Чиркина».

Подъ склономъ Краснаго Села протекаетъ рѣчка Дудергофка, которая вмѣстѣ съ другими водами собирающимися, въ эту низменность, образуетъ три озера, изъ этихъ озеръ вытекаетъ рѣчка Лиговка.

На озерахъ устроены бумажныя фабрики и находится такъ называемое Фабрикантское селеніе. За селеніемъ и фабриками простирается мѣсто, гдѣ обыкновенно стоятъ лагеремъ войска гвардейскаго корпуса. Первый такой лагерь войскъ состоялся въ царствованіе императрицы Екатерины II въ 1765 году, затѣмъ сюда выводились на мѣсяцъ войска для маневровъ въ 1819, 1820 и 1823 годахъ, а съ 1824 года Красное Село стало дѣлаться постояннымъ лагернымъ расположеніемъ гвардейскихъ войскъ.

Въ 1851 году, по мысли великаго князя Михаила Павловича, въ долинѣ у Безъименнаго озера воздвигнутъ былъ Красносельскій театръ. Поводомъ къ его основанію, какъ разсказываетъ актеръ Максимовъ въ своихъ воспоминаніяхъ [253]), послужило слѣдующее обстоятельство: 6-е августа, день Преображенія Господня, считается праздникомъ всѣхъ гвардейскихъ корпусовъ; въ 1850 году въ этотъ день въ лагерѣ находились иностранные царственные гости; дежурный штабъ-офицеръ полковникъ Н. П. Синельниковъ вечеромъ на озерѣ, гдѣ находится офицерская ванна, сжегъ сюрпризомъ блистательный фейерверкъ, вслѣдствіе котораго на берегахъ озера устроилось импровизированное гулянье, на которомъ присутствовалъ и самъ императоръ Николай Павло-

вичъ съ августѣйшимъ семействомъ. Гулянье вышло оживленное и веселое, за которое, по его окончаніи, государь милостиво поблагодарилъ Синельникова и выразилъ ему свое желаніе, нельзя ли что нибудь придумать, чтобы могло постоянно доставлять ему развлеченіе, такъ чтобы офицеры не скучали во время лагерей? Синельниковъ, думая, остановился на театрѣ, получивъ своей идеѣ всемилостивѣйшее одобреніе государя наслѣдника, вмѣстѣ съ разрѣшеніемъ употребить на ея осуществленіе деньги изъ экономическихъ суммъ. Н. П. Синельниковъ приступилъ позднею осенью, въ 1850 году, къ постройкѣ театра, а въ маѣ мѣсяцѣ слѣдующаго года, недалеко отъ озера, на бывшемъ до того времени чистомъ полѣ, возникъ не только театръ, но и довольно обширный паркъ, простиравшійся до озера [254]), на берегу котораго былъ построенъ просторный и красивый павильонъ, а противъ него на озерѣ находилась большая ванна.

Театръ, не смотря на неимовѣрно быструю постройку, оказался весьма прочнымъ и болѣе десятка лѣтъ не требовалъ ремонта: впослѣдствіи уже къ нему прибавленъ былъ еще ярусъ ложъ. Театръ былъ построенъ архитекторомъ Сарычевымъ, на каменномъ фундаментѣ и подъ желѣзною крышею; наружный видъ его не отличался ничѣмъ особеннымъ; во внутренней же отдѣлкѣ онъ былъ очень эфектенъ и красивъ. Стѣны зала были покрыты бѣлыми подъ мраморъ обоями, съ золотыми украшеніями на барьерахъ ложъ, изображающихъ военныя арматуры; особенный эфектъ производила люстра, въ видѣ парящаго орла, держащаго когтями на цѣпяхъ большой лавровый вѣнокъ, въ которомъ помѣщались лампы. Зало, кромѣ партера, имѣло бенуары и одинъ ярусъ ложъ, посреди котораго помѣщалась императорская ложа, устроенная мебельщикомъ Туромъ, по образцу ложи Михайловскаго театра. На передней занавѣси изображенъ былъ красносельскій лагерь раннимъ утромъ, съ восходящимъ солнцемъ надъ ставкою государя императора. Видъ былъ взятъ съ штабной горы изъ Краснаго Села и исполненъ съ натуры художникомъ, машинистомъ и декораторомъ Большого театра, г. Роллеромъ. Постройка театра обошлась всего въ девять тысячъ рублей. По словамъ артистовъ, ни въ одномъ изъ императорскихъ театровъ не бывало такого порядка за кулисами, какой царилъ въ Красносельскомъ театрѣ: перемѣна декорацій, уборка сцены производилась быстро, безъ всякой суеты, въ глубочайшей тишинѣ и все это дѣлалось одними солдатами, по командѣ. 2-го іюля 1851 года наслѣдникъ цесаревичъ осма-

тривалъ театръ, зрительная зала была освѣщена, какъ въ день представленія; при входѣ наслѣдника оркестръ исполнилъ гимнъ «Боже Царя храни». Его высочество остался очень доволенъ устройствомъ театра.

На другой день, 3-го іюля, состоялось первое представленіе въ присутствіи императора Николая Павловича и лицъ императорской фамиліи. Государь, войдя въ свою ложу и увидѣвъ театръ, наполненный исключительно гвардейскими офицерами, при эфектномъ украшеніи зала, былъ пріятно изумленъ. Оркестръ привѣтствовалъ монарха гимномъ, а всѣ присутствующіе—восторженными криками «ура!» Императоръ смотрѣлъ представленіе, сидя въ креслахъ, въ партерѣ.

По окончаніи первой пьесы, государь осматривалъ сцену и перемѣну декорацій, совершающуюся безъ всякаго замѣшательства и разговоровъ пріученною къ театральному дѣлу командою нижнихъ чиновъ и изволилъ обратить на это вниманіе бывшаго тутъ директора театровъ А. М. Гедеонова. Въ концѣ спектакля актеръ П. И. Григорьевъ пропѣлъ сочиненные имъ на случай открытія театра стихи, которые кончались такъ:

Для лагерей жизнь—радость наступила,
Такъ пусть твердитъ здѣсь каждый офицеръ;
Да здравствуетъ преемникъ Михаила,
Нашъ корпусный начальникъ-кавалеръ!

Каждый спектакль Красносельскаго театра по составу зрителей, наполнявшихъ залъ, казался какимъ-то торжественнымъ спектаклемъ: въ ложахъ помѣщались дамы, а въ первыхъ рядахъ креселъ лица, преимущественно въ генеральскихъ эполетахъ.

Посѣтители театра состояли единственно изъ гг. военныхъ и ихъ семействъ, посторонніе зрители не допускались; извѣстный въ то время милліонеръ-театралъ Пр. Ив. П—въ, предлагалъ за кресло, чтобы абонироваться, 3,000 рублей, но ему было отказано. Спектакли здѣсь въ первое время давались очень часто, по три, по четыре раза въ недѣлю. Сборы всегда были полные, всѣ мѣста абонировались. Дирекція Императорскихъ театровъ для постановки спектаклей на Красносельскомъ театрѣ откомандировала режиссера А. А. Краюшкина съ предписаніемъ рекомендовать тамошнему директору всѣ лучшія пьесы. Первоначально оркестръ былъ здѣсь составленъ изъ полковыхъ музыкантовъ, подъ управленіемъ главнаго капельмейстера всѣхъ гвардейскихъ корпусовъ, г. Чапіевскаго, но позднѣе къ полковымъ

музыкантамъ прибавлялись музыканты Александринскаго театра, и въ водевиляхъ оркестромъ управлялъ дирижеръ того же театра, В. М. Кажинскій.

Поѣздки актеровъ въ Красное Село, по разсказамъ послѣднихъ, были какъ бы загородною прогулкою или поѣздкою на дачу въ гости къ радушному и хлѣбосольному хозяину.

Въ день спектакля, къ девяти часамъ утра всѣ собирались къ Александринскому театру, гдѣ ихъ ожидали большіе съ имперіалами дилижансы, запряженные шестерикомъ. Поѣздъ отправлялся по Нарвской дорогѣ, у «Соломеннаго кабачка» перемѣняли лошадей, откуда поѣздъ слѣдовалъ уже до мѣста. По пріѣздѣ въ Красное Село, актерамъ былъ подаваемъ роскошный завтракъ въ павильонѣ, на озерѣ, или въ самомъ театрѣ, позади сцены. Послѣ завтрака обыкновенно дѣлались репетиціи спектакля. Затѣмъ артисты отправлялись на прогулку по окрестностямъ, дамы—въ придворныхъ линейкахъ, мужчины—верхами. По возвращеніи съ прогулки, актеры садились за превосходно приготовленный обѣдъ, иногда въ павильонѣ, а болѣе въ театральномъ фойэ. За обѣдомъ, кромѣ прочихъ винъ, подавалось шампанское въ неограниченномъ количествѣ. Послѣ обѣда шли въ уборныя на отдыхъ. По окончаніи обѣда до начала спектакля игралъ хоръ военной музыки. Въ 8 часовъ начинался спектакль, во время котораго на сцену подавался чай. По окончаніи спектакля, ужинали въ павильонѣ. Иногда, если спектакли въ Красномъ Селѣ назначались два дня сряду, актеры, участвующіе въ обоихъ, оставались ночевать въ театрѣ, для чего въ уборныхъ приготовлялась для каждаго офицерская кровать.

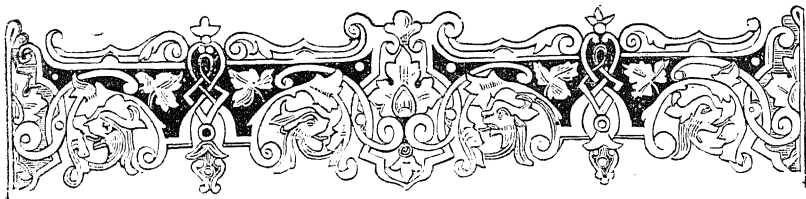
Поутру каждый посылалъ въ ресторанъ за чаемъ или кофе. По окончаніи сезона артисты вознаграждались разовыми въ размѣрѣ болѣе того, что получали отъ дирекціи; исполнявшіе мелкія роли получали по пяти рублей. Трудъ режиссера—по десяти рублей за спектакль и т. д. Кромѣ того, многіе изъ первыхъ актеровъ удостоивались подарковъ отъ Государя Императора и Государя Наслѣдника. Красносельскій театръ, въ 1860 году, на собственныя Государя Императора суммы былъ исправленъ, а въ 1868 году, вмѣсто этого театра, по ходатайству великаго князя Николая Николаевича Старшаго, построенъ на суммы военнаго вѣдомства новый театръ, причемъ былъ значительно увеличенъ и паркъ. Одновременно съ этимъ устроены были прекрасныя шоссейныя дороги по лагерю. Лагерь подъ Краснымъ Селомъ встарину представлялъ довольно красивую

картину: кавалерія обыкновенно располагалась въ деревнѣ, а пѣхота въ палаткахъ, покрывающихъ все видимое пространство.

Солдатскія палатки разставлялись по одной линіи въ три ряда одна за другою; за ними, отступя немного, слѣдовали офицерскія палатки, потомъ, съ такимъ же уступомъ—штабъ-офицерскія, далѣе—полкового командира, которая всегда посрединѣ полка. Палатки бригадныхъ командировъ въ срединѣ бригады, за ними палатка дивизіоннаго генерала. За палаткою полкового командира ставили палатки для его адъютанта и поодоль—для канцеляріи и музыкантовъ. Все это придавало Красному Селу какой-то необыкновенный видъ и привлекало массу посѣтителей изъ города.

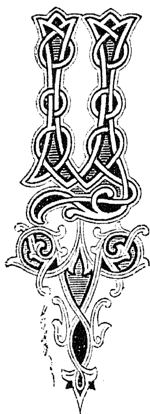
Также и ежегодно бывающія въ Красномъ Селѣ офицерскія скачки въ этотъ день вносятъ много жизни и оживленія. Своей наружной красотой Красное Село много обязано двумъ начальникамъ петербургскаго военнаго округа—это бывшему графу Павлу Андреевичу Шувалову и нынѣшнему Н. И. Бобрикову. Въ царствованіе Екатерины II въ Красномъ Селѣ былъ построенъ дворецъ для лѣтняго пребыванія. Позднѣе, на высотахъ Дудергофскихъ императоръ Николай Павловичъ, выстроилъ новый, на подобіе крестьянской большой избы. Къ Красному Селу принадлежатъ двѣ слободы: Братошинская и Коломенская. Крестьяне этихъ деревень на покатостяхъ горъ развели фруктовые сады, которые и составляютъ главный предметъ ихъ дохода. До 1796 года красносельскіе крестьяне, вмѣстѣ съ приписанными къ нимъ деревнями, состояли въ вѣдомствѣ правленія города Павловска, а потомъ поступили въ управленіе красносельской удѣльной конторы.

ГЛАВА XX.

Царское Село. — Мыза Саари. — Возвышенность этой мѣстности. — Исторія постройки села. — Усадьба императрицы Екатерины I. — Звѣринецъ. — Характеристика Екатерины I. — Постройки и улучшенія въ Царскомъ Селѣ при Петрѣ I. — Церкви Царскаго Села.—Село Царское, помѣстье цесаревны Елисаветы Петровны.— Конюшня цесаревны и герцога Бирона. — Первыя розы. — Первые садовники-иностранцы и первыя оранжереи въ Россіи.—Огородъ на «большомъ лугу», древесный питомникъ графа П. М. Апраксина. — Коронаціонныя торжества въ Москвѣ. —Маскарадъ. — Хоры въ оперѣ съ участіемъ придворныхъ пѣвчихъ. — Буря въ Царскомъ Селѣ. — Соколиная дорога. — Монбежъ. — Парадная придворная охота. — Празднества въ Царскомъ Селѣ по пріѣздѣ императрицы изъ Москвы.—Постройка большого дворца съ пристройками.— Великолѣпіе наружное дворца. — Отзывъ иностранцевъ о дворцѣ. — Внутренняя отдѣлка комнатъ. — Янтарная комната. — Замѣчательныя драгоцѣнности и историческія вещи церкви дворца.— Спальня Екатерины II.—Пожаръ Царскосельскаго дворца. — Эрмитажъ.— Таинственный столъ. — Послѣдній ужинъ въ Эрмитажѣ. — «Водостокъ».—Гротъ. — Утренняя зала.

ЦАРСКОЕ СЕЛО получило начало отъ чухонской деревни, называвшейся Сарскою или Saari-mojs, что значитъ «возвышенная или верхняя мыза»; существуетъ разсказъ, будто мыза эта называлась прежде Сарской отъ владѣтельницы ея, какой-то г-жи Сарры, къ которой заѣзжалъ Петръ I прохлаждаться молокомъ. Такое словопроизводство, по всей вѣроятности, сочинено досужими мѣстными этимологами; на самомъ же дѣлѣ, какъ мы уже сказали, названіе происходитъ отъ слова Saari, т. е. возвышенность, что и свидѣтельствуетъ замѣтное возвышенное положеніе Царскаго Села надъ окрестностями Петербурга.

По документамъ извѣстно, что указомъ отъ 31-го мая 1708 г. Петръ I мызу эту съ пятью другими: Пурколово (нынѣ Подгор-

ное Пулково), Славянскою, Антель (нынѣ Колпино), Коноповскою и Мозинскою и со всѣми зависѣвшими отъ нихъ во время шведскаго владѣнія деревнями, пустошами и угодьями, по прежнимъ шведскимъ окладамъ, приказалъ «приписать къ комнатѣ ея царскаго величества».

Это обстоятельство послужило къ передѣлкѣ прежняго, созвучнаго названія мызы въ село Царское, утвердившееся за нимъ офиціально еще съ 1725 года, не смотря на то, что нѣкоторое время оно называлось и писалось «Благовѣщенскимъ», по имени церкви, построенной въ 1724 году и вскорѣ затѣмъ сгорѣвшей (теперь на ея мѣстѣ стоитъ церковь Знаменская).

Исторія села Царскаго [255]) есть по преимуществу исторія строенія Императорскихъ дворцовъ, потому что на самомъ дѣлѣ это мѣсто весьма долгое время имѣло значеніе лишь загороднаго дворца. При всемъ томъ еще при Петрѣ I водворено было въ окрестностяхъ села до 200 семействъ русскихъ крестьянъ, преимущественно разныхъ мастеровыхъ и ямщиковъ; но населеніе собственно села состояло только изъ церковнаго причта, караульныхъ солдатъ и придворныхъ служителей.

Въ 1713 году на мызѣ Сарской были открыты первые кирпичные заводы [256]) позади мельничнаго пруда и въ слѣдующемъ году было повелѣно московскому приказу выслать сюда плотниковъ и уже въ 1715 году присланы сюда переведенцы, 200 дворовъ изъ «семьянистыхъ и зажиточныхъ».

Въ 1710 году построены деревянныя хоромы о четырнадцати окнахъ съ шестью свѣтлицами, въ которыхъ «ихъ царскія величества, въ прибытія свои, изволили имѣть пребываніе». Въ это же время выстроены двѣ особыя деревянныя свѣтлицы и службы для придворныхъ дамъ и положено основаніе сада, названнаго послѣ «Старымъ». Тогда былъ разведенъ Англійскій и Новый, на сто саженъ длины и ширины, по восточную сторону деревянныхъ хоромъ, затѣмъ также была выстроена деревянная оранжерея для иностранныхъ плодовыхъ деревъ.

Лѣтомъ 1718 года были заложены въ Царскомъ каменныя палаты въ два этажа, длиною на 15, шириною на 9 саженъ— эта постройка теперь занимаетъ самую середину всего дворцоваго зданія. Затѣмъ въ этомъ же году на мѣсто обвѣтшавшихъ деревянныхъ покоевъ былъ заложенъ дворецъ на самой Пулковской горѣ и положено начало звѣринца (нынѣшній паркъ), почти на квадратной верстѣ, и выстроенъ каменный погребъ съ бесѣдкою, и на самой срединѣ парка сдѣланы «пле-

зиры» (просѣки) къ воротамъ и угламъ, гдѣ послѣ выстроенъ нынѣшній «монбежъ», или, правильнѣе, mon bijou.

Въ слѣдующемъ году Екатерина уже принимала императора въ саду и угощала обѣденнымъ столомъ въ новомъ деревянномъ дворцѣ. Петръ I остался очень доволенъ угощеніемъ и постройкой, любовался видами изъ дворца; обѣдъ тоже вышелъ на славу. Иностранные гости, бывшіе на немъ, нашли много вкуса съ изяществомъ въ домѣ Екатерины,—послѣдняя всячески угождала царю, въ разговорѣ она называла его батюшкою. Петръ не могъ обойтись безъ Екатерины. Куда ѣхалъ онъ, туда и она. Государыня въ походахъ царя переносила всѣ невзгоды; такъ, во время персидскаго похода она должна была за сильными жарами сбрить волосы (у государыни были бѣлокурые волосы, она красила ихъ въ черную краску) и носить теплую мѣховую шапку, защищавшую ее отъ солнечнаго зноя.

Въ походахъ Екатерина ѣхала отдѣльно отъ царя. Поѣздъ царя отличался простотою, Екатерины — пышностью [257]). Петръ любилъ окружать Екатерину роскошью и блескомъ. Екатерина образовала себѣ дворъ, на которомъ отражалось тогдашнее переходное время Россіи. Штатъ государыни состоялъ изъ шестидесяти придворныхъ дамъ и отряда изъ шестидесяти человѣкъ лейбъ-гвардіи императрицы, давшаго впослѣдствіи начало Кавалергардскому полку. Сначала въ этомъ отрядѣ было лишь 60 всадниковъ—все офицеры; командиромъ надъ ними былъ расторопный «глазъ» Петра, генералъ-прокуроръ Павелъ Ягужинскій.

Августѣйшей хозяйкѣ было тогда 33 года отъ роду; природа государыню надѣлила статною, здоровою внѣшностью. Пріятныя черты лица ея представляли что-то особенное: онѣ были неуловимы для кисти художника, и съ нея нельзя было снять хорошаго портрета [258]). Она была прекрасная наѣздница и хорошая танцорка, хотя танцовала впослѣдствіи лишь съ Петромъ, очень любившимъ потанцовать въ молодости, а съ другими лишь ходила [259]). Характеръ ея представлялъ смѣсь замѣчательной женственности и почти мужской отваги. Обходительная, любезная съ окружающими, ласкою и кроткимъ словомъ смягчающая порывы нрава Петра, она при видѣ опасности не боялась стать лицомъ къ лицу съ нею.

Когда къ Ревелю подступили съ враждебными цѣлями англійскіе и датскіе корабли, императрица сама хотѣла вести свой флотъ на непріятеля. Незадолго до смерти ея, какъ разсказы-

ваетъ Веберъ, однажды, когда она производила смотръ гвардейскимъ полкамъ, при построеніи Семеновскаго полка въ каре, пуля, пущенная неизвѣстною рукою, убила на поваль бывшаго вблизи императрицы знатнаго русскаго купца, пролетѣвъ въ самомъ незначительномъ разстояніи отъ нея. Государыня не смутилась, и какъ будто ничего не случилось, продолжала смотръ. Екатерина очень любила своего супруга; она сорокъ дней оста-

Екатерина II въ Царскосельскомъ саду.

вляетъ тѣло умершаго императора не погребеннымъ и ежедневно утромъ и вечеромъ по получасу плачетъ надъ нимъ. Вильбоа разсказываетъ, что, смотря на слезы Екатерины, онъ растрогивался какъ на представленіи «Андромахи» и что всѣ придворные дивились, откуда у императрицы берется столько слезъ. Два англичанина нарочно ходили ежедневно ко гробу Петра, чтобы смотрѣть на эти слезы, какъ на диковинку. Екатерина недолго пережила любимаго супруга.

Екатерина была немного суевѣрна и вѣрила въ сны, которые всегда сама истолковывала вѣрно. Такъ передъ смертью ей приснился сонъ, что она сидитъ за столомъ, окруженная придворными. Вдругъ появляется тѣнь Петра, одѣтая, какъ одѣвались древніе римляне. Петръ манитъ къ себѣ Екатерину. Она идетъ къ нему и онъ уносится съ нею подъ облака. Государыня бросаетъ взоръ на землю и видитъ тамъ своихъ дѣтей, окруженныхъ толпою, составленною изъ всѣхъ націй, шумно споровшихъ между собою. Государыня истолковала этотъ сонъ такъ: что она должна скоро умереть и что по смерти ея въ государствѣ будутъ смуты.

Другой сонъ Екатерина видѣла за двѣ недѣли до ареста Монса. Она видѣла, что постель ея внезапно покрылась змѣями, ползавшими во всѣхъ направленіяхъ. Одна изъ нихъ, самая большая, бросилась на нее, обвила кольцами ей всѣ члены и стала душить ее. Екатерина защищается, борется со змѣей и, наконецъ, задушаетъ ее. Тогда всѣ прочія, мелкія змѣи, поспѣшно скатываются съ ея постели. Екатерина объяснила этотъ сонъ такъ, что ей будутъ грозить большія опасности, и что выйдетъ изъ нихъ невредима. Обстоятельства подтвердили истолкованіе.

Императрица обладала физической силой: она одною вытянутою рукою поднимала маршальскій жезлъ Петра, на свадьбѣ Головкина, котораго не поднять было такимъ же образомъ деньщику Петра молодому Бутурлину и котораго такъ прямо не могъ поднять и австрійскій посланникъ графъ Кинскій.

По поводу постройки каменныхъ палатъ Екатериной I въ Царскомъ Селѣ, мы имѣемъ слѣдующія данныя: бутовой камень или булыжникъ собирали на поляхъ въ окрестностяхъ Царскаго, сѣрую известь жгли тамъ же, платя по 25 копѣекъ съ двадцати пудовой бочки; кирпичъ для постройки дѣлали на мѣстѣ и подрядомъ цѣною по 25 копѣекъ съ тысячи. Каменьщики при кладкѣ получали по три копѣйки въ день, кирпичъ клали по договору съ тысячи 1 р. 50 к. Печи въ палатахъ расписывались бывшимъ кафельнымъ мастеромъ, иноземцемъ Угонтомъ; получалъ послѣдній жалованья по 100 р. въ годъ.

По имѣющемуся инвентарю каменныхъ палатъ ко времени вступленія императора Петра II на престолъ, видно, что дворецъ, каменныя палаты, въ 1727 году былъ въ два этажа, имѣлъ 58 оконъ съ двойными переплетами и бемскими стеклами. Палаты были крыты гонтомъ и выкрашены сурикомъ.

Въ числѣ вещей во дворцѣ было: во второй комнатѣ рѣдкіе шкафы, персидской работы и орѣховой шафировкой, съ зеркалами изъ конфискованнаго дома Шафирова, съ оправою мѣдною на ящикахъ; два зеркала персидскихъ; въ спальнѣ кровать и постель со всемъ приборомъ объяринная полосатая, шлафрокъ новый, штофа василькеваго, и другой штофный съ подбоемъ байбаретоваго цвѣта. 14 стульевъ плетеныхъ, старыхъ стульевъ дубовыхъ кожаныхъ двѣ дюжины, два стола китайской работы съ мѣднымъ на ящикахъ приборомъ покрыты бархатными коврами и одинъ изъ нихъ вышитъ золотомъ съ золотою бахромою, а другой шитъ серебромъ безъ бахромы, подбиты желтымъ мухояромъ, на обоихъ столахъ плиты мраморныя. Въ верхнемъ этажѣ: кровать малиноваго бархата, подбитая желтою тафтою и вышитая золотомъ, перина штофная васильковая, съ красными травами; 6 зеркалъ, 13 картинъ, нѣсколько дюжинъ стульевъ красныхъ, шкафъ дубовый съ стеклянными затворами и венеціанскою посудою; шкафъ дубовый съ хрустальной посудой, шкафъ орѣховый съ бѣльемъ, 9 картинъ старыхъ, польской работы, два шлафрока императора Петра I, штофные разноцвѣтные подбитые тафтою; подъ кроватью двои туфли его же.

Передъ освященіемъ Благовѣщенской церкви, въ 1724 году, и прибытіемъ всего придворнаго штата, прислано изъ Петербурга для убранства комнатъ каменныхъ палатъ: два портрета ихъ величествъ, одинъ изъ Лѣтняго дома, другой же изъ Шафировскаго, два зеркала въ золоченыхъ рамахъ изъ Соловьевскихъ; изъ присылки князя В. Л. Долгорукова шесть штукъ шпалеровъ; изъ дома царевны Натальи Алексѣевны портретъ короля польскаго, другой его королевы, портреты цезаря Іосифа, другой королевы французской, зеркала и проч. вещи.

Въ 1721 г. въ Царскомъ, въ саду сдѣланы два уступа, раздѣляющихъ садъ на верхній и нижній, затѣмъ вырыты два поперечныхъ канала отъ большого пруда; въ слѣдующее лѣто въ саду устроены по аллеямъ бесѣдки, углубленъ прудъ и дно обдѣлано булыжникомъ, берега укрѣплены сваями. Въ 1723 г., кромѣ того, что былъ достроенъ каменный дворецъ, еще была поставлена на островѣ большого пруда деревянная осьмиугольная галлерея, въ ней были четыре свѣтлыя двери, съ гамбургскими стеклами. Въ галлерею переправлялись на двухвесельной шлюпкѣ, а потомъ на плоту, который ходилъ по веревкѣ. Въ прудъ посажены были гольцы и караси, потомъ садили туда въ большомъ количествѣ стерлядей, язей и лещей, но эта рыба во

множествѣ заснула, по случаю затхлой воды. Это обстоятельство понудило государыню вызвать сюда опытныхъ рыбаковъ, которые объявили, что здѣсь жить рыба не можетъ, и что надо провести проточную воду [260]).

Императрица предполагала провести каналомъ воду изъ Невы, чтобы ей возможно было ѣздить на шлюпкѣ изъ Петербурга. Эту мысль лелѣяла и императрица Елисавета, повелѣвъ, въ 1749 году, инженеру Декену нивеллировать и представить на планѣ мѣстоположеніе и высоту земли отъ Села Царскаго до рѣчки Славянки и сею рѣчкою водяное сообщеніе до Невы.

Въ 1724 году начальство стало отводить желающимъ здѣсь строиться мѣста: по улицѣ десять саженъ, а въ глубину пятнадцать. Первая улица въ Царскомъ была «Служительская» нынѣшняя Средняя или Большая улица. 6-го августа этого же года была освящена деревянная на каменномъ фундаментѣ церковь во имя «Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы». Отъ этой церкви долгое время Село Царское называлось «Благовѣщенскимъ». Первая церковь въ Царскомъ Селѣ была «походная или крестовая» во дворцѣ Екатерины I. Впослѣдствіи, съ постройкой здѣсь отдѣльныхъ церквей, она была передана въ богадѣльню, при которой и по сейчасъ находится иконостасъ ея въ часовнѣ-усыпальницѣ [261]). Первая отдѣльная церковь во имя Успенія въ Царскомъ была начата въ 1714 г. вблизи дворца, по сѣверную сторону такъ называемыхъ «Большихъ березъ», въ нѣсколькихъ саженяхъ на востокъ отъ нынѣшней Знаменской, среди лицейскаго сада. Церковь эта была освящена 2-го ноября 1716 г., въ присутствіи высочайшей фамиліи [262]). Позднѣе, когда она оказалась тѣсною, тогда, въ 1717 году, повелѣно было построить новую Благовѣщенскую. Освященіе послѣдней церкви отличалось необыкновенною торжественностью. Въ служеніи участвовали три архіерея, два архимандрита и нѣсколько священниковъ; пѣли придворные пѣвчіе; торжество сопровождалось пушечною пальбою. Благовѣщенская церковь, 24-го іюня 1728 г., сгорѣла до основанія отъ удара молніи. По повелѣнію цесаревны Елисаветы Петровны, владѣтельницы села Царскаго; на мѣстѣ, гдѣ стояла Благовѣщенская церковь, въ половинѣ мая 1734 года, была заложена Знаменская церковь. Закладка отличалась большею торжественностью, на ней присутствовала сама цесаревна и множество придворныхъ; при кладкѣ камней происходила пушечная пальба. Мысль построить церковь во имя иконы Знаменія Божіей Матери, по словамъ протоіерея І. Цванева [263]),

возникла у цесаревны не случайно. По преданію извѣстно, что здѣшняя храмовая икона съ древнихъ временъ составляла собственность цареградскихъ патріарховъ, и одинъ изъ нихъ, святый Аѳанасій, посѣтившій въ 1652 году царя Алексѣя Михайловича въ Москвѣ, поднесъ ему эту икону и она съ тѣхъ поръ находилась во дворцѣ, благоговѣйно почитаемая и называвшаяся фамильною. Она переходила отъ вѣнценосныхъ родителей къ ихъ наслѣдникамъ, какъ драгоцѣнный знакъ родительскаго благословленія. Елисавета Петровна испытала на себѣ особенныя милости чрезъ сію икону и прославила ее какъ чудотворную. Въ честь этой иконы и основала она каменную церковь. Послѣдняя была освящена въ 1747 г., когда Елисавета уже была императрицею. Освященіе храма было очень торжественно, икона была сюда перенесена изъ Петербургскаго дворца съ крестнымъ ходомъ, въ которомъ участвовала сама императрица. Кромѣ главнаго алтаря во имя Знаменія, были здѣсь придѣлы: правый—во имя св. Екатерины и лѣвый—Захарія и Елисаветы. По словамъ Яковкина [264]), съ западной стороны Благовѣщенской церкви, при Екатеринѣ II, здѣсь былъ пристроенъ «балконъ» и устроены четыре крыльца въ 1773 году. Базы мраморныя и колонны съ архитравомъ, фризомъ и карнизомъ сдѣланы при конторѣ строенія Исаакіевской церкви, а на постановку балкона и желѣзной рѣшетки съ вензелемъ императрицы отпущено 1,911 руб.

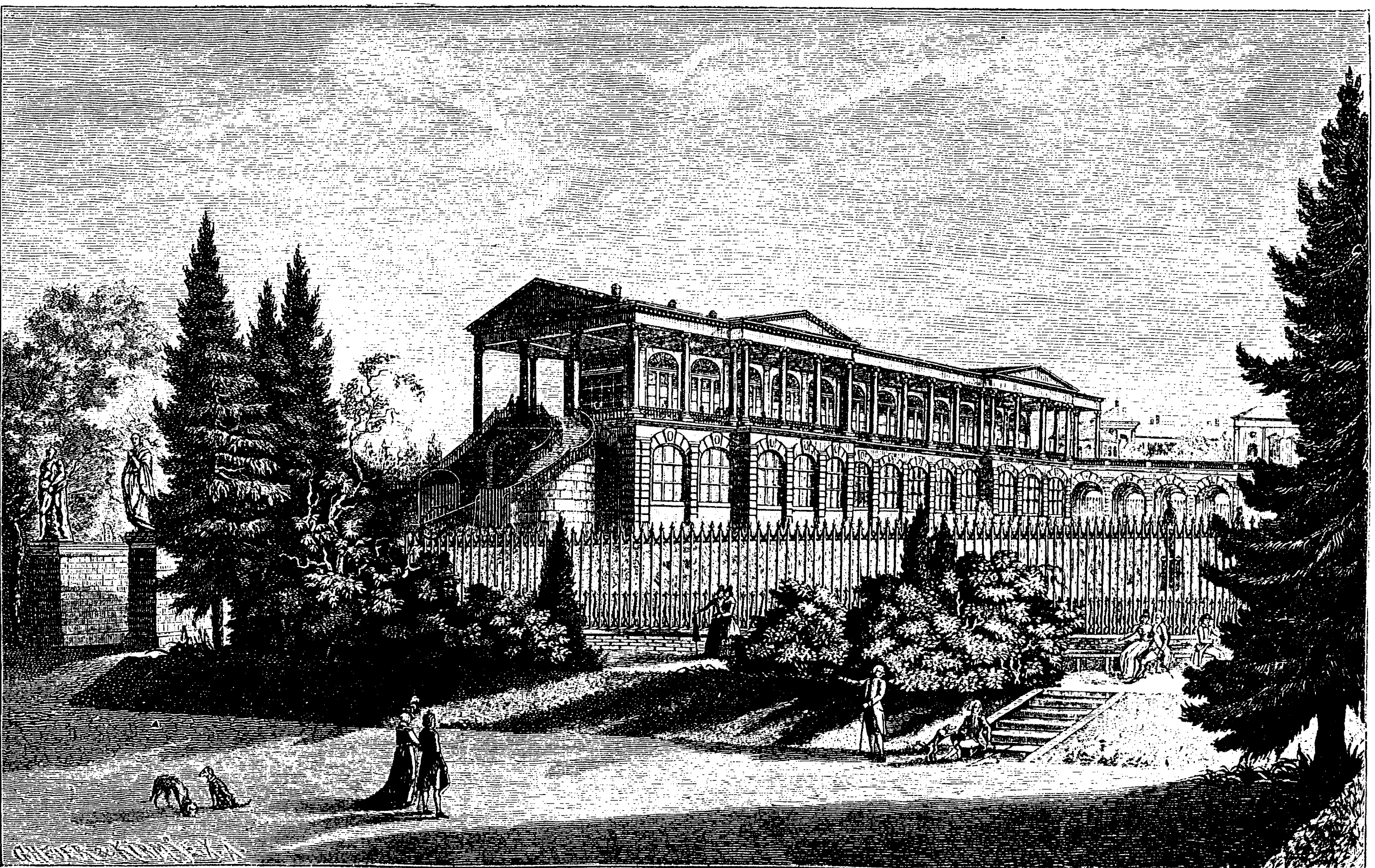
Церковь эта была, въ 1784 году, обнесена желѣзными рѣшетками между каменными столбами, въ видѣ неправильнаго пятиугольника, четырьмя воротами. По учрежденіи въ Царскомъ Императорскаго лицея, прежняя ограда была отнесена на нынѣшнее мѣсто для увеличенія лицейскаго сада. При императрицѣ Екатеринѣ II придѣлъ во имя св. великомученицы Екатерины сдѣланъ теплымъ. Также при этой императрицѣ въ верхній, третій придѣлъ во имя св. чудотворца Николая была сдѣлана лѣстница на подобіе существовавшей лѣстницы въ лѣтнемъ деревянномъ дворцѣ на Фонтанкѣ. Для перехода изъ дворца въ эту церковь въ то время существовалъ помостъ. Государыня ежегодно 9-го мая бывала въ этомъ храмѣ и, за тѣснотою въ церкви, для нея приставлялся особенный балконъ, гдѣ она и слушала литургію, и по окончаніи службы являлась народу. Придѣлъ во имя св. Николая на хорахъ простоялъ до 1865 года, затѣмъ онъ былъ закрытъ, и престолъ и иконостасъ его перенесены въ Павловскъ въ полковую церковь. Церковь была построена по плану архитектора Бланка.

Въ Знаменской церкви достопримѣчательности слѣдующія: чудотворная икона Знаменія Богородицы; на ней сперва были только лики Богоматери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ и два огневидныхъ херувима, парящіе у главы Богородицы. Но Елисавета Петровна приказала изобразить на ней лики: Алексѣя человѣка Божія, апостола Петра и праведныхъ Захарія и Елисаветы. Въ 1856 году сюда еще присоединены лики святителя Николая и мученицы Александры, въ память Николая I и Александры Өеодоровны. Сперва икона не имѣла украшеній, Елисавета, вступивъ на престолъ, повелѣла украсить икону золотою массивною ризою, съ такими же вѣнцами. Риза сдѣлана изъ червоннаго золота и вѣситъ 27½ фунтовъ. Въ такомъ видѣ икона была перенесена въ церковь и поставлена надъ Тайной Вечерею. Здѣсь икона стояла до 1831 года, но когда свирѣпствовала холера, жители упросили икону снять и поставить среди церкви; когда холера миновала городъ, получено было высочайше соизволеніе на вѣчныя времена оставить икону на этомъ мѣстѣ, чтобы вѣрующіе не только могли молиться, но и прикладываться и ставить свѣчи. Послѣ холеры икона была украшена драгоцѣнными камнями и среди нихъ поставленъ огнистый сердцеобразный топазъ, на которомъ вырѣзаны 1831 и 1848 годы. Всѣ драгоцѣнности на иконѣ по церковнымъ документамъ оцѣниваются въ 28,000 рублей.

Другая историческая драгоцѣнность этого храма — напрестольный серебряный крестъ очень древній, имѣющій четыре конца, каждый въ видѣ трехъ полукруговъ, соединенныхъ между собою. Въ крестѣ находятся многія частички мощей святыхъ. Крестъ этотъ принадлежалъ Петру Великому, отъ него перешелъ къ Елисаветѣ Петровнѣ, а ею пожертвованъ сюда передъ освященіемъ храма.

Съ 1725 года мыза Сарская въ бумагахъ оффиціально называется «Царскимъ Селомъ», въ слѣдующемъ году здѣсь построенъ новый кирпичный заводъ и устроенъ третій уступъ въ саду позади лѣса къ малому каналу и нижнему или мельничному пруду.

Въ 1728 году, по именному указу Петра II, Царское Село поступило во владѣніе цесаревны Елисаветы Петровны. Первая постройка, возведенная здѣсь Елисаветой,—деревянныя конюшни, ниже ручья Вангиза, противъ сада. На этотъ конюшенный дворъ были присланы шесть человѣкъ матросовъ для караула, чтобъ никого безъ билета не пропускать проѣзжать по «царскосельской перспективной дорогѣ» отъ Среднихъ Рогатокъ.

Камерановская галлерея въ Царскомъ Селѣ.

Въ тѣ времена однимъ изъ самыхъ важныхъ отдѣловъ придворнаго хозяйства была конюшня. Изъ документовъ тѣхъ годовъ видимъ, что число лошадей у нашихъ царственныхъ особъ и главныхъ сановниковъ было весьма значительно. Такъ, у одного герцога Бирона ихъ было болѣе 379 на конюшнѣ, кромѣ того на дворѣ у него стояло до девяти верблюдовъ. Что же касается до экипажей, то при дворѣ, въ 1741 г., ихъ числилось: каретъ 27, берлиновъ 6, колясокъ городскихъ одноперсонныхъ и двухперсонныхъ 23, колясокъ четырехмѣстныхъ 13, ягдвагеновъ 1, колясочекъ огородныхъ 6, одноколокъ 7, линей лѣтнихъ 17, и одна зимняя, возковъ 8. Зимнихъ экипажей мы здѣсь не упоминаемъ, ихъ было гораздо больше лѣтнихъ. Особенно парадны были выѣздныя кареты. Напримѣръ, въ то время существовали: «цесарская малая», берлинская одноперсонная, парижская большая, новая, подвезенная герцогская, шафировская, «Короскопея»—общая малиновая бархатная съ золотымъ позументомъ, «бондевская», карета съ золотыми полями и рѣзьбою, обитая малиновымъ бархатомъ съ шелковыми желтаго цвѣта бахрамою и тесьмою и карета «саксонская» двухперсонная.

Въ 1728 году, 24-го іюля, какъ мы выше уже говорили, въ Царскомъ Селѣ сгорѣла отъ молніи Благовѣщенская церковь.

Въ слѣдующемъ году, за отъѣздомъ цесаревны Елисаветы Петровны въ Москву, Царскосельскій садъ со всѣми плодами и ягодами былъ отданъ на откупъ за 50 рублей, а Пулковскіе оба, верхній на горѣ, и полевой нижній, со всѣми плодами, за 47 рублей.

До Петра Великаго у насъ хорошихъ садовъ не было. Олеарій говоритъ, что у русскихъ въ садахъ росли яблоки, какъ бы дикіе. Въ первой половинѣ семнадцатаго и даже восемнадцатаго столѣтія русскіе весьма мало знали существующія въ Европѣ растенія.

По свидѣтельству Герберштейна, въ Москвѣ не было никакихъ хорошихъ овощей. Маржеретъ говоритъ, что тамъ были только орѣхи, малина и другія ягоды; груши же и сливы были весьма рѣдки. Корбъ, впрочемъ, уже описываетъ московскіе наливныя яблоки, которые, какъ полагаетъ Германъ, были выписаны изъ Китая. Въ бытность Олеарія въ Москвѣ, повѣренный въ дѣлахъ датскаго короля и герцога Голштинскаго, Петръ Маркеллъ, выписалъ въ Москву первыя садовыя или махровыя розы, которыхъ до того времени наши предки не знали, а довольствовались однимъ дикимъ шиповникомъ. Даже во времена Бирона

въ садахъ русскихъ не было никакихъ цвѣтовъ, а украшеніемъ въ нихъ служили одни рыбные пруды. По возвращеніи Петра I изъ-за границы, послѣ его путешествія по Европѣ, были выписаны первые иностранцы-садовники и устроены первыя оранжереи.

Деревья, цвѣты и сѣмена при Петрѣ I для дворцовыхъ садовъ выписывались изъ «за моря» канцеляріей отъ строеній. При Петрѣ II этими дѣлами завѣдывала «садовая контора». Изъ документовъ Анненскаго времени видно, что въ Петербургѣ произростали слѣдующія растенія: базилика, габервурцель, капуста (красная, бѣлая, федоркова, сафойкова, броункова), лукъ паррей и шарлотенъ, марковь, майоранъ рѣпа, пастернакъ, селдерей салатъ: латукъ, кресъ, цикорій, свекла, тартуфель (?), чаберъ, кервель, огурцы, спаржа; изъ луковичныхъ растеній: тюльпаны дюкъ Антоль (дюкъ ванъ Толль), гіацинты двойныя, жонкили двойныя, тацетенъ, бѣлый и желтый ранункулей, анемоніи, и разводились въ «ранжереяхъ» левкои разныхъ коллеровъ, розмарина, бункжболь, деревья лавровыя, лимонныя, померанцевыя. Изъ садовниковъ въ Елисаветинское время былъ извѣстенъ итальянецъ Михель Ангелло Массе, изъ русскихъ подмастерьевъ садоваго дѣла: Ладыженскій и Илья Сурминъ. Послѣдній при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ устроилъ огородъ близь Лѣтняго сада на «большомъ лугу», для котораго и бралъ «пристойныя деревья», какъ напримѣръ липовыя штамбовыя деревья изъ саду графа Петра Матвѣевича Апраксина, что при его домѣ на Фонтанной рѣчкѣ.

Какъ жила цесаревна Елисавета до своего вступленія на престолъ въ селѣ Царскомъ, мы находимъ нѣсколько подробностей о ея жизни въ разсказахъ Ил. Яковкина [265]). Такъ, здѣсь цесаревна заботилась о разведеніи фруктовыхъ деревьевъ въ своихъ садахъ, сажала въ пруды разную рыбу, устроила звѣринецъ для забѣглыхъ оленей; послѣднихъ цесаревна ловила живыхъ и била лосей, оленей съ своими придворными и въ окрестностяхъ Царскаго. Елисавета забавлялась тетеревиною на чучела охотою: на двухъ брусьяхъ, сдѣланныхъ въ родѣ полозьевъ, ставили будки, снаружи ихъ убирали ельникомъ, внутри ставили печку, потолокъ, стѣны и полъ обивали войлокомъ и выбѣленною холстиною. Будки перевозились съ мѣста на мѣсто и ставились тамъ, гдѣ было болѣе тетеревовъ. Елисавета Петровна любила жизнь тихую, мирную, вдали отъ двора и столицы; въ молодые свои годы цесаревна проводила время слѣдующимъ образомъ: почти

ежедневно слушала заутреню, обѣдню и вечерню въ церкви, дома занималась чтеніемъ духовныхъ книгъ, иногда выѣзжала въ поле забавляться соколиною охотою, объ масляницѣ коротала время на простыхъ деревенскихъ посидѣлкахъ, слушала простонародныя пѣсни, лѣтомъ любила кататься въ лодкѣ по прудамъ своего Александровскаго, въ которыхъ нѣкогда Иванъ Грозный топилъ опальныхъ; теперь на мѣстѣ этихъ прудовъ луговина.

По вступленіи на престолъ, императрица Елисавета Петровна указомъ отъ февраля 19-го дня 1742 года освободила приписныхъ къ селу Царскому крестьянъ на два года отъ всякихъ работъ и повинностей. 22-го февраля [266]) государыня изъ Царскаго Села отбыла въ Москву для коронованія. 26-го числа, въ пятомъ часу пополудни, пріѣхала въ село Всесвятское, въ семи верстахъ отъ Москвы. Здѣсь государыня отдыхала 27-го числа; 28-го числа состоялся торжественный въѣздъ въ столицу государыни: въ пять часовъ пополуночи на Красной площади раздалось девять пушечныхъ выстрѣловъ и начался благовѣстъ въ большой ивановскій колоколъ. Въ десятомъ часу императрица пріѣхала изъ Всесвятскаго въ Тверскую ямскую слободу, гдѣ пересѣла въ парадную карету и начался въѣздъ въ порядкѣ, мало измѣнившемся до нашихъ временъ. Когда въ Успенскомъ соборѣ Елисавета стала на императорскомъ мѣстѣ, то архіепископъ новгородскій Амвросій сказалъ рѣчь: «Пріиде, о Россія, твоего благополучія твердое и непоколебимое основаніе; пріиде крайнее частыхъ и весьма вредительныхъ перемѣнъ твоихъ окончаніе и разореніе; пріиде тишина твоя, благосостоянія и прочихъ желаній твоихъ несомнѣнная надежа...» и т. д.

Послѣ посѣщенія соборовъ Архангельскаго и Благовѣщенскаго, императрица опять сѣла въ парадную карету и тѣмъ же порядкомъ отправилась къ зимнему своему дому, что на Яузѣ; когда она подъѣхала къ тріумфальнымъ синодальнымъ воротамъ, то встрѣтили ее сорокъ воспитанниковъ славяно-греко-латинской академіи въ бѣломъ платьѣ, съ вѣнцами на головахъ, съ лавровыми вѣтвями въ рукахъ и пропѣли кантату:

Приспѣ день красный,
Возсіяло ведро,
Милость Россіи
Небеса прещедро
Давно желанну
Зрѣти показали;
Ни одно, ни два,

Но многая лѣта
Все дождь проливалъ
И не было свѣта... и проч.

До коронаціи время государыня проводила въ своемъ селѣ Покровскомъ. Здѣсь она со своимъ придворнымъ штатомъ встрѣтила Свѣтлое Христово Воскресенье въ церкви, выстроенной по ея указу въ шесть недѣль. 23-го апрѣля «со всею помпою» возвѣстили герольды жителямъ столицы о днѣ коронаціи. Въ тотъ же день государыня переѣхала въ кремлевскій императорскій домъ и «резидировала» въ покояхъ потѣшнаго двора. Между тѣмъ, ко дню коронованія въ Успенскомъ соборѣ были убираемы мѣста для императрицы, герцога, министровъ, именитаго духовенства и галлереи для высокихъ чиновныхъ особъ обоего пола. На издержки эти было отпущено сперва 30,000 рублей, затѣмъ еще 20,000 рублей. Для дѣланія балдахина былъ выписанъ французъ мастеръ Рошабота [267]), а также придворныя мастерицы. Парчи, бархаты, позументы, бахромы и все прочее было приказано покупать съ русскихъ фабрикъ въ Москвѣ и изъ рядовъ; если же чего готоваго не сыщется, велѣть на фабрикахъ сдѣлать вновь, а чего сдѣлать не могутъ, о томъ писать въ сенатъ. 25-го апрѣля, въ пять часовъ, данъ сигналъ изъ двадцати одной пушки для сбора войскъ и участвовавшихъ въ процессіи: лейбъ-кампанцы вытянулись шеренгами отъ внутреннихъ покоевъ государыни, по Красному крыльцу, до церковныхъ дверей; въ шесть часовъ начала съѣзжаться вся знать, участвовавшая въ церемоніалѣ; въ церковь пускались всѣ по билетамъ и становились по нумерамъ. Въ восьмомъ часу были принесены императорскія регаліи и, по первому удару въ колоколъ, въ соборъ собралось все знатное духовенство. Государыня явилась въ соборъ подъ балдахиномъ, шлейфъ императрицы несли двѣнадцать человѣкъ попарно на довольномъ разстояніи другъ отъ друга, впереди, по бокамъ и сзади въ строгомъ порядкѣ шли придворные депутаты и представители разныхъ областей, городовъ и сословій. Архіепископъ Амвросій и епископъ псковскій Стефанъ кадили ѳиміамъ, кропили священною водою. Обрядъ коронованія совершался по общепринятому порядку. Въ день коронаціи Амвросій говорилъ императрицѣ поздравленіе, въ которомъ, между прочимъ, прославлялъ подвигъ 25-го ноября: «И кое-жъ большее можетъ быть великодушіе, какъ сіе: забыть деликатность своего пола, пойти въ малой компаніи на очевидное здравія своего опасеніе, не жалѣть за цѣлость вѣры и отечества по-

слѣдней капли крови, быть вождемъ и кавалеромъ воинства, собирать вѣрное солдатство, заводить шеренги, идти грудью противъ непріятеля и сидящихъ въ гнѣздѣ орла россійскаго ночныхъ совъ и нетопырей, мыслящихъ злое государству, прочь вынуждать коварныхъ разорителей отечества, побороть и наслѣдіе Петра Великаго изъ рукъ чужихъ вырвать и сыновъ россійскихъ изъ неволи высвободить и до перваго привѣсть благополучія—нѣсть ли убо сіе всему свѣту удивительно?»

По окончаніи обряда коронованія, въ народъ бросали золотые и серебряные жетоны. Иллюминація, по примѣру прежнихъ лѣтъ, была восемь дней. По поводу коронаціи былъ объявленъ длинный листъ наградъ и пожалованій. Народу предъ грановитой палатой на двухъ высокихъ рундукахъ поставлены были жареные быки, начиненные разными жареными птицами, здѣсь же были выставлены фонтаны бѣлаго и краснаго вина. Публичные обѣды и балы тянулись нѣсколько дней, съ 8-го мая начались придворные маскарады; билетовъ на таковые выдано было до 900. 29-го мая шла при дворѣ итальянская опера, зрители были въ маскарадныхъ платьяхъ—шла пьеса «Милосердіе Тита», слова Метастазія, музыка славнаго Гассе, съ музыкальнымъ прологомъ, сочиненнымъ Доменико-Даллогліо, подъ названіемъ: «Россія опечаленная и утѣшенная»; текстъ былъ написанъ академикомъ аллегорій Штеллинымъ. Въ этомъ прологѣ одну арію пѣла олицетворенная Россія: «Ato mici figli», и ее императрица выслушала со слезами. Для этой оперы, противъ императорскаго дворца, на большой площади, была построена обширная зала, въ которой помѣщалось 5,000 зрителей. Главныя роли исполняли: г-жа Жіоржи и ея мужъ и затѣмъ пѣвцы: Розина Бонъ и Екатерина Массони и теноръ Критчи. Хоры исполняли множество пѣвчихъ, причемъ впервые были употреблены и придворные пѣвчіе. Штеллинъ разсказываетъ: чтобы видѣть это представленіе, публика собралась въ залу за шесть часовъ до начала представленія. Коронаціонныя празднества окончились 7-го іюня великолѣпной иллюминаціей всей Москвы. Дворъ послѣ коронаціи оставался въ Москвѣ до конца года.

Въ іюлѣ, когда царица была еще въ Москвѣ, Царское Село постигли слѣдующія невзгоды: въ началѣ этого мѣсяца свирѣпствовалъ здѣсь большой скотскій падежъ, отъ котораго погибли всѣ лошади и коровы, и затѣмъ, къ довершенію бѣдствія, 21-го іюля, по садамъ, полямъ и огородамъ прошла ужасная буря, съ сильнымъ неслыханно крупнымъ градомъ. Въ слѣдующемъ году

Царское Село стало украшаться многими новыми зданіями. Такъ, въ январѣ была заново отдѣлана «катальная гора», въ нижнемъ этажѣ, подъ горою, былъ выстланъ полъ сибирскими плитами, бѣлыми и черными; въ верхнемъ этажѣ были поставлены изразцовыя печи, сдѣланы новыя машины съ колесами, канатами и прочими приспособленіями и восемь новыхъ колясокъ двухмѣстныхъ и одномѣстныхъ, обитыхъ зеленымъ сукномъ, шелковою тесьмою и золотымъ позументомъ; нѣкоторыя коляски были выкрашены красною краскою и обиты алымъ сукномъ съ золотымъ позументомъ. Коляски эти зимою ставились на дубовые полозки. Гора эта была вновь передѣлана въ 1754 году. Въ 1780 году, во время пребыванія въ Царскомъ Селѣ графа Фалькенштейна (римскаго императора Іосифа II), въ числѣ многихъ украшеній этого сада, графу очень понравилась каменная катальная гора и онъ просилъ у императрицы Екатерины плана горы. Императрица приказала Бецкому сдѣлать для графа большую модель катальной горы. Въ 1743 году, въ царскосельскій звѣринецъ было пригнано сорокъ два оленя изъ Олонецкой губерніи и четыре—отъ графа А. Г. Разумовскаго. Первые такіе олени и лоси сюда были насажены еще въ 1721 году, затѣмъ сюда были привезены во множествѣ русаки и сайгаки (дикія козы) изъ Саратова и нѣсколько дикихъ кабановъ изъ Астраханской губерніи. Въ 1756 году звѣринецъ былъ обнесенъ каменною стѣною съ четырьмя рѣшетчатыми воротами на каменныхъ столбахъ: одни ворота выходили противъ самаго средняго дома; другія были на южной сторонѣ для выѣзда на «соколиную», теперь большую дорогу; третьи—для проѣзда прямо сквозь звѣринецъ на соколиную дорогу и въ пулковскій дворецъ; а четвертыя—для выѣзда на Кузминское поле. Всѣ эти дороги шли по просѣкамъ, называемымъ въ то время «плезирами», посрединѣ, гдѣ стоялъ «Монбежъ» (mon bijou), построенный на мѣстѣ прежняго каменнаго погреба. Эти просѣки съ углами замѣтны и по сейчасъ въ паркѣ, какъ видны и слѣды стоявшихъ нѣкогда, въ концѣ каждаго просѣка, сараевъ, въ которые на ночь загоняли звѣрей.

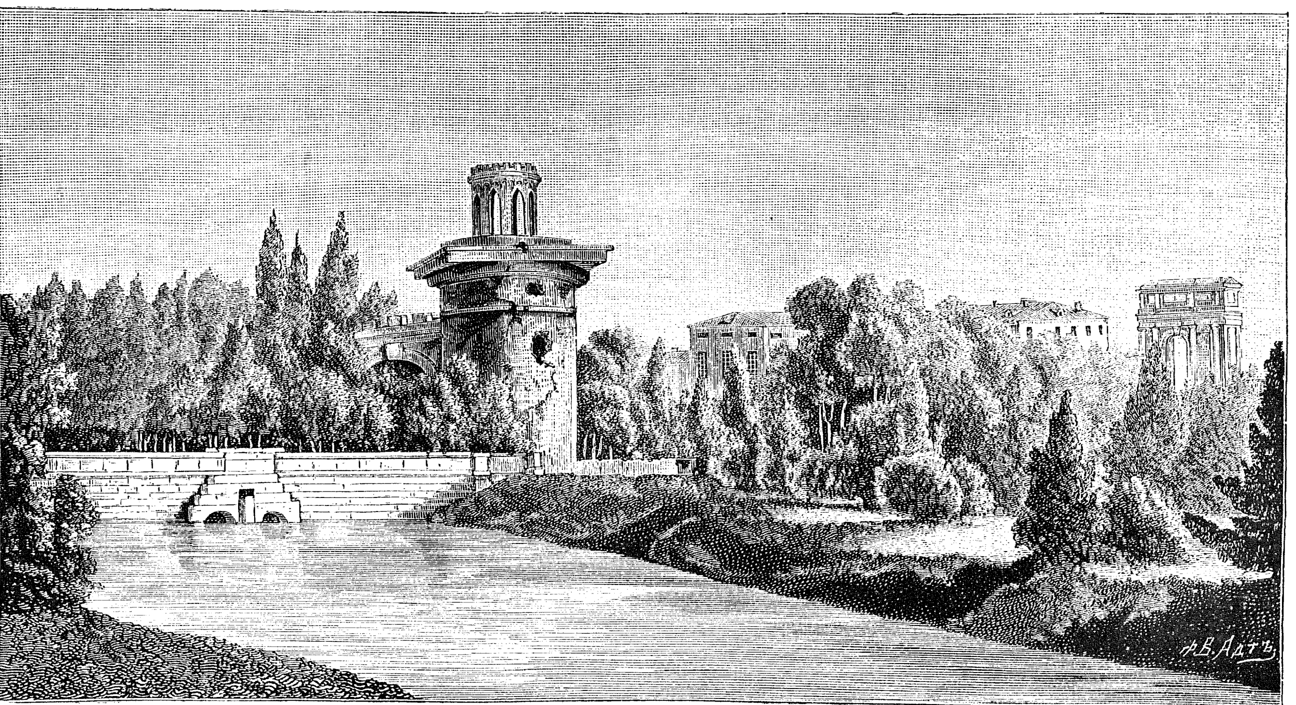
Каменную стѣну звѣринца, какъ и всѣ постройки вмѣстѣ съ двумя бастіонами, императоръ Александръ I, въ 1818 году, приказалъ разобрать и весь звѣринецъ превратить въ паркъ. Насколько пышны и великолѣпны были въ то время царскія охоты, намъ даетъ понятіе сохранившееся описаніе одной изъ такихъ охотъ, бывшей 4-го октября 1751 года, въ окрестностяхъ

Царскаго Села. На этой охотѣ находился великій князь Петръ Ѳеодоровичъ, цесарскій посолъ баронъ Претлахъ и графъ Колоредо. Кромѣ этихъ лицъ, въ охотѣ участвовало болѣе тридцати знатнѣйшихъ особъ обоего пола, одѣтыхъ въ одинаковое платье, въ бирюзоваго цвѣта черкескахъ и въ алыхъ кафтанахъ, обшитыхъ золотыми галунами. Охота началась въ двѣнадцатомъ часу и кончилась въ шестомъ вечера. При прибытіи императрицы Елисаветы на сборное мѣсто, стояло тамъ до семидесяти егерей въ черкесскомъ платьѣ, въ алыхъ суконныхъ кафтанахъ и въ зеленыхъ камзолахъ съ золотыми позументами; при нихъ было болѣе трехсотъ гончихъ и борзыхъ собакъ. Охота началась по звуку призывныхъ роговъ. Охотничье платье егерей стоило болѣе 20,000 рублей.

Великолѣпіе этого охотничьяго праздника увеличивалось еще болѣе участіемъ богато одѣтыхъ слугъ придворныхъ особъ. Лошади всадниковъ блестѣли драгоцѣнной сбруей. По возвращеніи съ охоты, былъ предложенъ въ великолѣпной палаткѣ роскошный обѣдъ; во время стола играла музыка. Императрица возвратилась въ Петербургъ съ этого праздника въ три часа ночи.

Императрица Елисавета послѣ коронаціи изъ Москвы прибыла въ Царское Село 3-го февраля 1743 года; въ этотъ день въ Царскомъ состоялось большое празднество, и вечеромъ была зажжена роскошная иллюминація. Въ этомъ же году начата пристройка праваго и лѣваго флигеля и другихъ пристроекъ ко дворцу. Собственно указъ о построеніи большого дворца былъ данъ графу Растрелли императрицей Елисаветой въ 1744 году, въ январѣ мѣсяцѣ, и уже позднѣе, въ царствованіе Екатерины II, дворецъ обогатился новыми пристройками, которыя рѣзко отличаются архитектурою этого времени, т. е. колоннами и пилястрами коринѳскаго ордена, окна убраны арабесками и фестонами, а въ нижнемъ этажѣ они отдѣляются одно отъ другого каріатидами. При императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ на всемъ дворцовомъ зданіи устроена была довольно высокая баллюстрада съ тумбами, на которыхъ поставлены были вазы, статуи деревянныя позолоченныя.

Зданіе дворца, которое поручила Елисавета построить графу де-Растрелли, должно быть построено въ три этажа, длиною въ 140 саженъ, шириною въ девять [268]) и вышиною до семи—дворецъ со всѣмъ блескомъ украшеній, приличный жилищу владѣтельницы обширной имперіи.

«Руина» въ Царскомъ Селѣ.

Искусный зодчій сдѣлалъ все, чего требовала изысканная роскошь того времени: на одни наружныя украшенія каріатидъ до баллюстрада, вазъ и статуй на крышѣ, какъ видно изъ счетовъ 1746—1766 гг., употреблено было шесть пудовъ 17 фунтовъ и два золотника червоннаго золота. По разсказамъ современниковъ, прежде, при яркомъ солнечномъ сіяніи, на дворецъ открытыми глазами никакъ и смотрѣть было невозможно. Кровля дворца не была обложена, какъ увѣряютъ нѣкоторые, листовымъ червоннымъ золотомъ, но весь дворецъ былъ покрытъ бѣлымъ луженымъ демидовскимъ желѣзомъ. Позднѣе крыша при Екатеринѣ II была выкрашена желтою краскою, такъ же какъ и всѣ наружныя украшенія всего дворца. По поводу этой перекраски существуетъ будто бы слѣдующее преданіе: подрядчики до перекраски предлагали 60,000 р. за позволеніе собрать оставшееся на украшеніяхъ золото, но Екатерина II приказала имъ сказать, что она не продаетъ своихъ обносковъ [269]).

Въ первое время по постройкѣ дворца всѣ украшенія дворца какъ жаръ горѣли — и когда императрица Елисавета пріѣхала со всѣмъ дворомъ и иностранными министрами осматривать его, то всѣ были поражены его великолѣпіемъ и каждый изъ придворныхъ спѣшилъ выразить свое изумленіе; одинъ только французскій посолъ стоялъ въ глубокомъ молчаніи и когда на вопросъ Елисаветы, почему онъ ничего не говоритъ о новомъ дворцѣ, развѣ находитъ, что чего либо еще не сдѣлано? отвѣтилъ, что, по его мнѣнію, «недостаетъ футляра на эту драгоцѣнность». Тонко льстивая фраза, впрочемъ, оправдалась впослѣдствіи непредвидѣнно и уже при Екатеринѣ II эта позолота испортилась и, какъ мы выше уже говорили, всѣ украшенія пришлось закрасить желтою краскою.

Роскошь и убранство дворцовыхъ залъ равнялись пышной наружности зданія. Такъ, одна изъ пріемныхъ залъ была одѣта вся янтаремъ, другая покрыта большими цѣльными зеркалами, многія были убраны одними картинами, перламутромъ, ляписъ-лазурью, мозаикой, китайскими лакированными досками съ изображеніями, яшмою, агатомъ и т. д. Также на стѣнахъ висѣли драгоцѣнные гобелены, бронзовыя украшенія стиля Людовика XIV, полы украшены превосходною деревянною и каменною мозаикой и т. д. Плафоны комнатъ расписаны лучшими художниками того времени, особенно прекрасно сохранившіеся до нашихъ дней, писанные художникомъ Градаци; въ нѣкоторыхъ комнатахъ была желѣзная мебель съ художественною золотою насѣчкою, работы

казенныхъ тульскихъ оружейныхъ заводовъ 1746 года. Нѣсколько такихъ стульевъ теперь стоятъ въ Камероновой галлереѣ; подобный стулъ, только съ вензелемъ королевы французской, былъ проданъ въ Парижѣ архитекторомъ Монфераномъ за 15,000 франковъ.

Самою замѣчательнѣйшею комнатою во дворцѣ, дивившею современниковъ, была, безспорно, янтарная комната. По свидѣтельству Георги [270]), она была прислана императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ прусскимъ королемъ; вотъ что онъ говоритъ про нее: «Знатная комната обита вмѣсто обоевъ янтарными дощечками и украшена четырьмя досками, на которыхъ пять чувствъ изображены мозаическою работой. Король прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ I подарилъ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ сіи янтарныя дощечки, а императрица ему обратно восемьдесятъ большихъ рекрутъ».

Старшій архиваріусъ К. Щученко провѣрялъ указаніе Георги относительно янтарной комнаты и нашелъ, что оно не вѣрно. «Янтарная камора» прислана января 13-го 1717 года въ даръ государю Петру I прусскимъ королемъ. Французскій мастеръ, дѣлавшій ее, жилъ въ Данцигѣ, фамилія его Гофринъ Тусо. Янтарная комната первоначально устроена была въ маломъ Зимнемъ дворцѣ, въ которомъ жилъ и скончался Петръ Великій, гдѣ теперь эрмитажный театръ, у Зимней канавки. Перенесена она была въ Царское Село архитекторомъ графомъ Растрелли. У Яковкина имѣется свидѣтельство, что 1-го августа 1755 года начата уборка янтаремъ одной комнаты, которая названа потомъ янтарной [271]). Императоръ Петръ I отправилъ къ королю за эту комнату съ камеръ-юнкеромъ Толстымъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ 1718 года, не 80, а 55 самыхъ великорослыхъ солдатъ.

Къ замѣчательнымъ палатамъ внутри зданія дворца надо причислить и церковь Воскресенія Христова — она окрашена была подъ лакъ лазуревымъ кобальтомъ, на густомъ фонѣ котораго ярко выступали золотые орнаменты стиля «рокайль», рѣзные густо золоченые. Живописецъ Каравакъ и послѣ него Гротъ и Веберъ написали образа въ характерѣ той архитектуры. Церковь построена оберъ-архитекторомъ Растрелли. Начало церкви хотя и совпадаетъ съ основаніемъ дворца, но, по офиціальнымъ свѣдѣніямъ [272]), закладка самой церкви совершена была 8-го августа 1746 года.

Послѣдняя совершилась съ особенною торжественностью, въ присутствіи императрицы и наслѣдника великаго князя Петра

Θеодоровича съ супругою его Екатериною Алексѣевною. Обрядъ совершалъ преосвященный Сильвестръ, архіепископъ с.-петербургскій и шлиссельбургскій. Объ этомъ сохранилась слѣдующая современная запись: «по совершеніи строенія и всего чуднаго внутри украшенія, освященъ сей храмъ преосвященнымъ Сильвестромъ, архіепископомъ с.-петербургскимъ и шлиссельбургскимъ въ присутствіи той же христолюбивой монархини, Елисаветы Петровны, при многочисленномъ собраніи всякаго рода людей, духовныхъ и свѣтскихъ, 1756 года іюля 30-го, ровно чрезъ десять лѣтъ». Такъ написано золотыми буквами на мѣдной доскѣ, которая, во время бывшаго, 12-го мая 1820 года, въ церкви пожара найдена была на горнемъ мѣстѣ въ стѣнѣ, за образомъ Вседержителя. Послѣ пожара доска положена на прежнее мѣсто и остается здѣсь по сейчасъ.

Въ храмѣ всѣхъ святыхъ иконъ 114; онѣ какъ бы врѣзаны въ стѣну и края ихъ закрыты золочеными рамами; поэтому каждая икона всегда остается на своемъ мѣстѣ. Иконы не имѣютъ ризъ, но за то отличаются изяществомъ и живостью; не малымъ украшеніемъ для иконъ служитъ яркая и густая позолота рамъ, пилястръ и колоннъ. Въ церкви хранятся слѣдующія достопримѣчательности: напрестольный серебряный крестъ, устроенный въ 1703 году мая 10-го, по обѣщанію Ферапонта Петрова Цыганова, да жены его Акилины, какъ написано внизу, на оборотѣ; въ крестъ вложено до 39 частицъ мощей; затѣмъ въ церкви хранятся: святая чаша (потиръ) изъ золота съ ликами двухъ ангеловъ, вѣсомъ до двадцати фунтовъ, большого размѣра; такой же величины дискосъ съ принадлежностями; по массивности и тяжести эти священные сосуды не употребляются; тамъ же имѣются другіе священные сосуды изъ золота, изящной работы, вѣсомъ до десяти фунтовъ; полированная поверхность ихъ покрыта матовою сѣткою, въ видѣ мелкихъ кружевъ, прикрѣпленныхъ къ сосудамъ звѣздочками. На потирѣ изображены Тайная Вечеря и Снятіе со Креста. Въ храмѣ имѣется большое напрестольное Евангеліе, обложенное золотыми досками и обтянутое золотою сѣткою въ видѣ, кружевъ; иконы Вознесенія и четырехъ евангелистовъ сдѣланы изъ финифти, вѣсу въ Евангеліи двадцать фунтовъ. Затѣмъ въ церкви есть еще старинная серебряная дарохранительница, вѣсомъ въ 33 фунта и 66 золотниковъ. Всѣ эти драгоцѣнности, какъ полагаютъ, пожертвованы императрицей Елисаветой Петровной. Въ 1757 году въ церковь были присланы изъ адмиралтейства десять колоколовъ, построенныхъ въ

мелодическую гамму. Звонъ послѣднихъ государынѣ очень нравился и она подолгу приходила ихъ слушать.

Въ старомъ Царскосельскомъ дворцѣ замѣчательны также слѣдующія комнаты: «Ліонская», получившая названіе отъ шелковыхъ обоевъ, издѣлія мануфактуръ города Ліона; наборный полъ съ перламутровою инкрустаціею, а карнизы, плинтусы и панели изъ лазореваго камня, дѣйствительно, съ немногими залами во дворцахъ Европы могутъ идти въ сравненіи по цѣнности.

Въ XVIII вѣкѣ были въ большой модѣ китайскія украшенія, и въ это время въ глазахъ многихъ современниковъ даже хорошая картинная галлерея ничего не значила.

Въ Царскосельскомъ дворцѣ есть одна зала, гдѣ эти курьезы китайскаго ремесла выставлены во множествѣ и даже всѣ стѣны украшены изображеніями быта китайцевъ и видами мѣстностей Срединнаго государства.

Что касается до китайскаго фарфора, то здѣшняя коллекція можетъ считаться почти единственной въ Европѣ. Особенно прекрасны различныя блюда самыхъ яркихъ, почти невозможныхъ колеровъ при нынѣшнемъ состояніи фарфороваго дѣла. Не менѣе драгоцѣнны здѣсь, въ одной изъ залъ дворца, чаша изъ огнеупорной глины, гравированная въ массѣ, залитой стекловидной поливой, цвѣта селадоноваго. Затѣмъ замѣчательные также одни видѣнные нами часы работы Каффьери, стиля рокайль.

Въ числѣ роскошныхъ комнатъ дворца оригинальны и драгоцѣнны два яшмовыхъ и порфирныхъ кабинета, извѣстные подъ именемъ «агатовыхъ комнатъ». Въ эти аппартаменты императрица Екатерина II удалялась въ знойные лѣтніе дни; есть преданіе, что здѣсь государыня писала свой наказъ. Недалеко отъ этихъ комнатъ была и спальня государыни, очень простая по украшеніямъ; на толстомъ стеклѣ окна опочивальни Екатерины II нѣкогда виднѣлось четко вырѣзанное алмазомъ, можетъ быть рукою самой императрицы, 21-го мая 1786 года [273]). Что означало это загадочное число, мы пока не нашли разгадки.

Въ маѣ 1820 года Царскосельскій дворецъ загорѣлся. Большая опасность угрожала этому роскошному памятнику XVIII вѣка. Но пожарные успѣли отстоять половину дворца и пожаръ ограничился церковью и двѣнадцатью прилежащими къ ней залами. Послѣ пожара въ царскосельскую дворцовую церковь былъ написанъ профессоромъ Шебуевымъ громадный плафонъ, пользующійся заслуженною славою.

Царское Село еще при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ не переставало украшаться новыми постройками. Такъ, въ 1745 году начата постройка «Пустыньки» или Эрмитажа по плану архитектора графа Растрелли; послѣдній въ первое время былъ окруженъ каналомъ съ каменной баллюстрадой, за которой все пространство до зданія устлано было шахматными бѣлыми и синими мраморными плитами, берега и дно канала были выложены сперва деревомъ, а потомъ камнемъ, черезъ каналъ были красивые подъемные мостики. Императрица Екатерина II, въ 1777 году, велѣла каналъ засыпать, камень вынуть, баллюстраду и плиты мраморныя отобрать и заровнять все мѣсто. Здѣсь нѣкогда всѣ наружныя украшенія, какъ и на большомъ дворцѣ, были густо вызолочены, все зданіе построено крестообразно. Въ залахъ эрмитажа былъ любопытенъ столъ, устроенный въ верхнемъ этажѣ такимъ образомъ, что тарелки и бутылки поднимаются и опускаются посредствомъ особеннаго механизма, будто по волшебству. Въ этой залѣ можно было обѣдать безъ всякой прислуги: стоитъ только написать, что желаешь, на аспидной доскѣ грифелемъ, положить на тарелку, дернуть за веревочку, зазвонить колокольчикомъ, тарелка быстро опускается и почти мгновенно представляетъ требуемое вами. Посреди этого зданія есть колодезь съ превосходной студеной водою, вода въ немъ всегда находится на одинаковой высотѣ, посредствомъ особаго механизма. Послѣднее угощеніе въ этомъ эрмитажѣ было въ 1817 году, въ день празднованія бракосочетанія императора Николая I.

Изъ средней залы Эрмитажа переходы называются по старинному «галлерейками», а боковыя четыре комнаты — корпусами. Сначала эти постройки были деревянныя, но потомъ уже сдѣланы каменныя. Здѣсь всюду были составныя зеркала; цѣльныхъ большихъ зеркалъ въ то время было очень мало, ихъ нарочно выписывали изъ-за границы. Первыя большія цѣльныя зеркала у насъ стали дѣлать на хрустальномъ Озерскомъ заводѣ (нынѣшній Стеклянный) свѣтлѣйшаго князя Потемкина, около 1780 года, когда перестраивали и убирали здѣсь во дворцѣ половины государыни и ихъ высочествъ.

Въ Эрмитажѣ всѣхъ столовъ подъемныхъ пять и тридцать пять трубъ, по которымъ подымаются тарелки.

Въ 1745 году въ царскосельскую Знаменскую церковь былъ доставленъ иконостасъ, бывшій на Петербургской сторонѣ, въ Троицкомъ соборѣ, подлѣ домика Петра I.

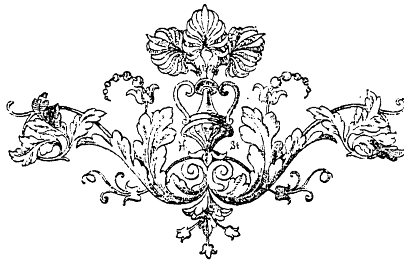
Въ 1748 году построены были въ звѣринцѣ павильоны и люстьгаузы. На мѣстѣ одного изъ нихъ, въ 1788 году, построенъ театръ или «оперный домъ». Въ томъ же 1748 году построены два одно-этажные корпуса каменные, отъ концовъ дворцоваго строенія къ циркумференціи. Ноября 7 того же года начато копаніе въ Виттелевѣ водоскопа [274]) бассейна, при самыхъ обильнѣйшихъ водою ключахъ и канала по сдѣланному просѣку прямому къ Царскому Селу въ садовый большой прудъ. За все это время на постройки въ Царскомъ употреблено 299,072 р. 68 к. Для работъ было наряжаемо ежегодно изъ полевыхъ полковъ съ однимъ штабомъ и нѣсколькими оберъ-офицерами по три тысячи человѣкъ для земляныхъ и другихъ всякихъ работъ съ платою, сверхъ солдатскаго содержанія и аммуниціи, каждому по 4 копѣйки. Первая виттелевская вода была пущена изъ канала въ пруды 15-го ноября 1749 года. Въ 1751 году были пущены изъ Ропшинскихъ прудовъ форели въ Царскосельскіе пруды. Въ 1752 году марта 17-го было пригнано въ звѣринецъ изъ Мезенскаго уѣзда сто оленей; для присмотра за ними присланы самоѣды. Лѣтомъ привезены первыя половыя сибирскія плиты. Въ 1756 г. была уборка раковинами вновь построеннаго на берегу главнаго пруда грота и утренняго зала; раковины были выписаны изъ Колы и Баку; впослѣдствіи эти раковины были всѣ сняты. Затѣмъ въ гротѣ были поставлены: бронзовое изображеніе Людовика XIV на лошади; бюсты: императора Іосифа II, Монтезумы, послѣдняго мексиканскаго государя; султана Солимана и любимой его жены, съ полузакрытымъ лицомъ; двѣ вазы изъ сѣроватой колыванской бреччіи; ваза изъ синеватой яшмы и проч.

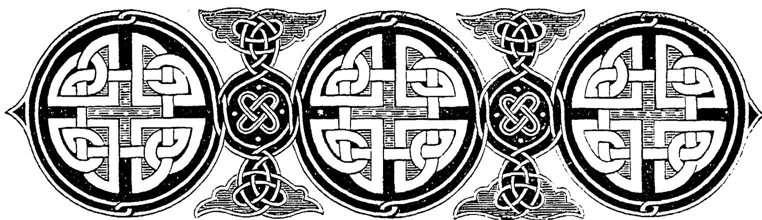
Императрица Екатерина II любила въ этомъ гротѣ заниматься дѣлами, по утрамъ, почему гротъ въ ея царствованіе и названъ «утреннею залою»; Державинъ, описывая жизнь Екатерины, говоритъ:

Здѣсь, въ полдень, уходила въ гроты,
Покоилась прохладь въ тѣни,
А тутъ Амуры и Эроты
Уединялись съ ней одни.

Императрица Екатерина II, въ одномъ изъ писемъ къ Гримму, говоритъ про эту залу такъ: «Статуя Вольтера, сдѣланная Гудономъ, поставлена въ утренней залѣ; тамъ она окружена Антиноемъ, Аполлономъ Бельведерскимъ и множествомъ другихъ статуй, которыхъ формы привезены изъ Рима, а отлиты онѣ

здѣсь. Когда входишь въ эту залу, то, право, духъ захватываетъ и — о, чудо! статуя Вольтера нисколько не теряетъ отъ всего ея окружающаго. Вольтеръ прекрасно стоитъ тамъ; онъ любуется на лучшія статуи античныя и современныя. Эта зала имѣетъ дверь, выходящую на озеро, другая выходитъ на очень густую аллею; съ тѣхъ поръ какъ тамъ стоитъ Вольтеръ, смотрѣть утреннюю залу ходятъ караванами». Помимо статуй здѣсь были и другія драгоцѣнныя вещи изъ порфира и мозаичной работы, послѣднія художественныя произведенія были сдѣланы на Петергофской гранильной фабрикѣ. Въ началѣ царствованія императора Павла, въ 1797 году, большая часть этихъ драгоцѣнныхъ украшеній была взята оттуда, по его повелѣнію въ разныя мѣста архитекторомъ Бренномъ и Шуазелемъ Гуфье. Во время занятій императрицы въ этомъ залѣ входъ въ садъ былъ запрещенъ всѣмъ постороннимъ лицамъ.

ГЛАВА XXI.

Жизнь императрицы Елисаветы въ послѣдній годъ ея царствованія.— Болѣзнь и кончина Елисаветы.— Царское Село при императорѣ Петрѣ III и императрицѣ Екатеринѣ II.— Кабинеты Екатерины II.— Камеронова галлерея.— Розовое поле.— Памятники, воздвигнутые Екатериною II въ Царскомъ Селѣ.— Тріумфальный въѣздъ князя Таврическаго.— Памятникъ графу Румянцеву-Задунайскому.— Могила царскихъ собакъ и лошадей.—Городъ Софія.— Церковь во имя св. Софіи.— Крещальня.— Ярмарка въ Царскомъ Селѣ.— Уничтоженіе города Софіи.— Пріѣздъ въ Царское Село графа Фалькенштейна.— Постоялый дворъ для высокаго гостя.— Отдѣлка комнатъ въ Царскосельскомъ дворцѣ.— Фольгяная комната.—Китайская деревенька.— Царскосельскій садъ.—Капризъ.— Парнасъ.— Большой праздникъ.— Представленіе оперы Паизіелло.—Нелюбовь Екатерины II къ музыкѣ.— Страсть императора Петра III къ скрипкѣ.— Пріѣздъ принца Генриха въ Петербургъ.

Ъ ПОСЛѢДНІЙ годъ своего царствованія императрица Елисавета Петровна жила всю осень въ Царскомъ Селѣ, гдѣ почти ежедневно ходила изъ дворца пѣшкомъ въ приходскую церковь. Въ одинъ изъ такихъ дней, восьмого сентября, въ день Рождества Богородицы, когда государыня была въ церкви и только что началась служба, съ ней произошелъ слѣдующій печальный случай: она почувствовала себя дурно, вышла изъ храма, сошла по крыльцу, которое ведетъ наискось во дворецъ и, дошедши до угла церкви, упала безъ чувствъ на траву. Ее обступила толпа народу, сошедшагося изъ окрестныхъ деревень на праздникъ къ обѣднѣ. Когда она вышла изъ церкви, съ ней никого не было изъ свиты; извѣщенныя дамы и другіе ея приближенные тотчасъ прибѣжали на по-

мощь и нашли императрицу безъ движенія и безъ сознанія посреди народа, который глядѣлъ на нее, не смѣя къ ней приблизиться. Государыня, какъ извѣстно, была большого роста и довольно тучна и, упавши, ушиблась довольно сильно. Императрицу покрыли бѣлымъ платкомъ и послали за докторомъ и хирургомъ; послѣдній, французскій эмигрантъ Фузабье, явился первымъ и немедленно пустилъ ей кровь, тутъ же на травѣ, посреди и на глазахъ всего народа, но государыня не приходила въ себя. Лейбъ-медика же императрицы, Кондоиди, долго ждали, онъ самъ былъ боленъ и не могъ ходить; принуждены были принести его на креслѣ. Наконецъ, вынесли изъ дворца ширмы и кушетку, на которую положили императрицу и съ помощью разныхъ средствъ ее привели немного въ чувство; но, открывши глаза, она никого не узнала и едва внятнымъ голосомъ спросила гдѣ она. Все это продолжалось слишкомъ два часа, по прошествіи которыхъ рѣшились перенесть императрицу на кушеткѣ во дворецъ. Можно себѣ представить, какой переполохъ и смущеніе произвелъ этотъ несчастный случай между придворными.

Государыня въ теченіе нѣсколькихъ дней оставалась безъ свободнаго употребленія языка, и съ этихъ поръ императрица стала говорить не особенно внятно. Въ томъ же году, декабря 24-го, государыня скончалась.

Въ короткое царствованіе императора Петра III въ Царскомъ Селѣ никакихъ улучшеній не было сдѣлано. Въ царствованіе императрицы Екатерины II для Царскаго наступила новая блистательная эра. Для императрицы Царское Село было любимымъ мѣстопребываніемъ, для него она потрудилась очень много; здѣсь развернулся ея геній и изящество вкуса. Она восхищалась и справедливо гордилась имъ, какъ своимъ созданіемъ. Она наслаждалась полной жизнью среди его величественныхъ парковъ и пышной растительности. Въ одномъ изъ писемъ къ Гримму вотъ какъ она описываетъ это мѣсто: «Царскосельскій садъ, по словамъ англичанъ, разныхъ путешественниковъ изо всѣхъ странъ и нашихъ, становится единственнымъ въ своемъ родѣ. Не говорю о комнатахъ, но Гваренги говоритъ, что онѣ столь же прекрасны, какъ и своеобразны, и что кто не видалъ ихъ, тотъ не можетъ составить себѣ о нихъ понятія. Напримѣръ, я пишу вамъ въ кабинетѣ изъ массивнаго серебра, отчеканеннаго съ узоромъ изъ красныхъ листьевъ; четыре колонны съ тѣмъ же узоромъ поддерживаютъ зеркало, служащее балдахиномъ дивану, обитому яркой зеленой матеріей съ серебромъ московскаго издѣ-

лія; стѣны состоятъ изъ зеркалъ, которымъ серебряные пилястры съ красными же листьями служатъ рамами. Балконъ выходитъ въ садъ, дверь образуетъ два зеркала, такъ что она всегда кажется раскрытою, хотя бы была затворена. Этотъ кабинетъ очень роскошенъ, блестящъ, веселъ, не обремененъ тяжелыми украшеніями и очень пріятенъ. У меня есть другой, на которомъ, какъ на табакеркѣ, соединены бѣлый и голубой цвѣтъ съ бронзою, бѣлое и голубое стекло, а узоръ по нимъ изъ арабесковъ»...

Государыня въ этомъ письмѣ описываетъ свои комнаты во флигелѣ, примыкающемъ къ знаменитой колоннадѣ.

Камеронова галлерея или колоннада построена по плану архитектора шотландца Камерона въ 1783 году; Камеронъ былъ талантливый исполнитель строительныхъ замысловъ императрицы, преимущественно работавшій въ Царскомъ Селѣ. Государыня такъ охарактеризовала его въ одномъ изъ своихъ писемъ: «Теперь я завладѣла мистеромъ Камерономъ, шотландцемъ по рожденію, якобинцемъ по профессіи, великимъ рисовальщикомъ, который напитанъ изученіемъ древнихъ и извѣстенъ своею книгой «О древнихъ баняхъ». Мы съ нимъ мастеримъ здѣсь, въ Царскомъ Селѣ, садъ съ террасами, съ банями внизу и съ галлереей наверху. Это будетъ прелесть!»

Построенная колоннада была на возвышеніи, имѣетъ въ длину 39, а въ ширину 7 саженъ и отличается легкостью архитектуры. Въ нижнемъ этажѣ жилыя комнаты съ антресолями; верхній же этажъ состоитъ изъ ряда колоннъ, обнимающаго все зданіе, между ними вставлены рамы со стеклами, отчего галлерея кажется какъ бы прозрачною. Между колоннами статуи и бюсты. Императрица Екатерина описываетъ эту колоннаду такъ: «Сидя на колоннадѣ, я вижу предъ собою Пелу [275]), хотя отсюда до нея по крайней мѣрѣ 35 верстъ и, кромѣ Пелы, мнѣ видно около ста верстъ вокругъ. Эта колоннада тѣмъ особенно пріятна, что въ холодъ у нея есть всегда одна сторона, гдѣ онъ менѣе чувствителенъ. Средина моей колоннады стеклянная, внизу и возлѣ— цвѣточный садъ, низъ моей колоннады занятъ приближенными мнѣ дамами, которыя тамъ какъ нимфы между цвѣтовъ. На моей колоннадѣ стоятъ бронзовые бюсты великихъ людей древности, какъ-то: Гомера, Демосѳена, Платона и проч. Есть нѣсколько другихъ статуй. Геркулесъ Фарнезскій и Флора украшаютъ лѣстницу колоннады, ведущую отъ террасы къ озеру. Послѣднія двѣ отлиты профессоромъ Гордѣевымъ въ С.-петербургской Академіи

Художествъ. Изъ числа рѣдкихъ и прекрасныхъ: статуя Венеры, двѣ статуи музъ, колоссальная голова Юноны и многія другія».

Въ нижнемъ этажѣ галлереи устроенъ гротъ, въ которомъ на невысокомъ пьедесталѣ представлена Клеопатра, умирающая отъ ужаленія змѣи. Позднѣе, во времена Александра I, въ этой галлереѣ между антиками сидѣла взятая изъ грота, съ злою улыбкою на старческомъ лицѣ, мраморная статуя «циника посѣдѣлаго, умовъ и моды вождя» Вольтера, рѣзца Гудона [276]).

Императрица Екатерина II прогуливалась по этой галлереѣ въ воскресные дни, когда сады Царскаго Села кишѣли пріѣзжей публикой изъ Петербурга. Въ послѣдніе годы своей жизни государыня приказала устроить изъ второго этажа дворца въ старый садъ къ террасѣ пологій спускъ на семи аркахъ. По немъ сходила прогуливаться по саду монархиня.

Про нея пѣлъ Державинъ:

Зеленымъ свѣсомъ покровенна,
Во внутрь святилища вела.
Вотъ здѣсь хранилися кумиры,
Дымились жертвой алтари,
Сбирались на молитвы міры
И били ей челомъ цари.

Послѣ колоннады былъ прелестный цвѣтной садикъ, огороженный желѣзной рѣшеткой; поэтъ вѣка государыни описываетъ его такъ:

Тутъ былъ Эдемъ ея прелестный
Наполненъ межъ купинъ цвѣтовъ.

Другимъ любимымъ мѣстомъ Екатерины II въ Царскомъ Селѣ было «Розовое поле». Про это мѣсто говоритъ Державинъ:

Въ прогулку, съ легкимъ посошкомъ
Ходила по лугамъ, долинамъ,
По мягкой муравѣ, близь водъ,
По желтымъ среди розъ тропинамъ.

«Розовое поле» находилось между нынѣшней террасой и орловскими воротами, напротивъ дубовой рощи. Это мѣсто было усажено вдоль дорожекъ грунтовыми розовыми кустами. Послѣ Екатерины II тамъ перестали сажать розы, но названіе мѣста оставалось еще долго въ употребленіи; его помнятъ первые воспитанники лицея, которыхъ въ свободные часы водили туда за неимѣніемъ въ то время особеннаго сада при заведеніи. Баронъ М. Корфъ въ своихъ запискахъ говоритъ: «На Розовомъ полѣ, помнится, и мы еще застали розы, да и теперь еще ростетъ шиповникъ. Запрещеніе ходить по травѣ существовало въ Цар-

Генералъ Фельдмаршалъ
Графъ Петръ Александровичь
Румянцовъ Задунайскій.
Родился 1725 г: Генваря 4 дня, скончался 1796 г: Декабря 8 д:
Сыну Его Оберъ Гофмейстеру
Всепокорнѣйшее приношение
отъ преданнѣйшаго слуги
Жамеса Вайкера.
General Feild Marshall
Count Peter Alexandrovitsh
Romansoff Zadounaiski.
Born January 4. 1725. Died December 8. 1796.
To his Son the Grand Maitre de la Cour
This plate is humbly inscribed
by his devoted Servant
James Walker.

Румянцовъ.

скомъ Селѣ и при насъ, и потому Александръ Павловичъ велѣлъ отвести намъ, въ видѣ исключенія, не только собственно Розовое поле, но и весь обширный лугъ, стелющійся оттуда до Большого Каприза».

Въ Царскомъ Селѣ каждая тропинка, каждый камень дышетъ воспоминаніемъ объ Екатеринѣ II. Государыня украсила царскосельскій садъ разными памятниками и говорила въ одномъ изъ своихъ писемъ: «Когда война сія (первая турецкая) продлится, то царскосельскій мой садъ будетъ походить на игрушечку. Послѣ каждаго воинскаго дѣянія воздвигается въ немъ приличный памятникъ». Такихъ памятниковъ здѣсь разбросано въ саду нѣсколько. По времени постройки первый—это «Руина», или развалины готическаго зáмка, построенная архитекторомъ Фельтеномъ въ память войны 1762 г. съ турками. Развалины эти состоятъ изъ высокой башни, въ видѣ колонны, съ зубцами, въ срединѣ которой устроенъ ходъ, ведущій наверхъ. Подъ карнизомъ начертаны слова: «На память войны, объявленной турками Россіи, сей камень поставленъ 1768 года». Стоимость этого памятника обошлась въ 16,155 руб. 13¼ коп. При входѣ на земляную насыпь, ведущую къ этимъ развалинамъ, поставлены чугунныя готическія ворота, отлитыя тоже по рисунку Фельтена на екатеринбургскихъ уральскихъ Демидовскихъ заводахъ въ 1780 году.

Гатчинскія мраморныя ворота, построенныя для тріумфальнаго въѣзда графа Гр. Гр. Орлова, который, въ 1771 году, благоразумными мѣрами прекратилъ моровую язву, свирѣпствовавшую въ Москвѣ, и возстановилъ въ встревоженной столицѣ порядокъ и тишину. Они поставлены на дорогѣ изъ Гатчины и сдѣланы изъ разноцвѣтныхъ мраморовъ, съ колоннадами, по чертежу архитектора Ринальда. Со стороны дороги на нихъ начертана лаконическая надпись: «Орловымъ отъ бѣды избавлена Москва», а со стороны сада: «когда, въ 1771 году, на Москвѣ былъ моръ на людей и народное неустройство, генералъ-фельдцейхмейстеръ Григорій Орловъ, по его просьбѣ, получивъ повелѣніе, туда поѣхалъ. Установилъ порядокъ и послушаніе, и свирѣпство язвы пресѣкъ добрыми своими учрежденіями».

Во время чумы 1771 года въ Царскомъ Селѣ были приняты строгія мѣры отъ заразы и по высочайшему указу велѣно на пути изъ Москвы двѣ дороги — одна называемая «Славянская» отъ Славянской мызы графа Скавронскаго, а другая изъ села Царскаго на московскую перспективную дорогу къ деревнѣ

Славянкѣ — перекопать поперегъ широкимъ рвомъ, черезъ который сдѣлать мостъ изъ досокъ, у котораго поставить поперегъ всей дороги рогатки, а у нея поставить рогаточника и не пропускать никого проѣзжаго или прохожаго изъ-за заставъ Тосниинскихъ и Ижорскихъ, кто не имѣетъ вида отъ офицеровъ, поставленныхъ на послѣднихъ заставахъ, что онъ самъ и люди, и вещи, при немъ находящіяся, выдержали предписанный карантинъ. Для того рогаточнику всѣхъ окликать: 1) кто идетъ; 2) откуда; 3) есть ли у него видъ отъ заставныхъ офицеровъ, что онъ выдержалъ карантинъ, и ежели кто имѣетъ, то рогаточнику дать ему жестяную бляшку и пропустить чрезъ отворенную рогатку, бляшку потомъ надобно отдавать въ съѣзжую избу. Отъ 7 же часовъ вечера до 7 часовъ утра никого не пропускать и рогатку запирать замкомъ. То же учинить на гатчинской и вителевской дорогахъ.

Въ каждой деревнѣ царскосельскаго вѣдомства, при входѣ и выходѣ изъ деревни, перекопать дорогу рвомъ и сдѣлать мостъ и рогатку, поставить рогаточника, малыя же поперечныя дороги около деревень завалить. Ворота и двери у Царскосельскаго дворца и садовъ держать запертыми, а излишнія отъ улицы завалить и никого черезъ дворъ, сады, а особливо чрезъ самый дворецъ и его службы отнюдь не пропускать, также въ дворцовыя церкви постороннихъ людей не пускать, дабы, отъ чего Боже сохрани! не заразился бы дворецъ какимъ-нибудь нечаяннымъ случаемъ.

Въ городѣ тоже были приняты строгія мѣры, и дворы были крѣпко затворены и обывателямъ и всѣмъ окрестнымъ крестьянамъ было подтверждено, чтобы никто изъ нихъ не «отваживался покупать» у проѣзжающихъ подозрительныхъ маркитантовъ и щепетильщиковъ, подъ жесточайшимъ штрафомъ и наказаніемъ, сукна, шубъ, шапокъ, шляпъ, рукавицъ, чулковъ, сапоговъ, холста, шерсти, льну, пеньки, выдѣланныхъ и невыдѣланныхъ кожъ, дабы чрезъ оныя вещи не могла приключиться прилипчивая болѣзнь. Если же кто свѣдаетъ впредь о покупкѣ упомянутыхъ запрещенныхъ вещей и при доносѣ докажетъ, такому выдать изъ казны въ награжденіе пять рублей, а покупщикъ накажется жесточайшимъ образомъ, яко нерадящій о собственномъ и общемъ благѣ.

Позднѣе ворота, построенныя въ честь Орлова, служили еще для другого тріумфальнаго въѣзда, въ январѣ 1789 года, когда въ Петербургъ ожидали изъ Молдавіи князя Потемкина-Таври-

ческаго, командовавшаго тамъ россійскою арміею. До постройки тріумфальныхъ воротъ на этомъ мѣстѣ стояли большія ворота деревянныя, постройка которыхъ при тогдашнихъ дешевыхъ цѣнахъ стоила 1,262 р. $88^3/_4$ к.

Во время проѣзда Потемкина было повелѣно архитектору Неѣлову устроить «огромную иллюминацію» по дорогѣ и саду ко дворцу; ворота же были убраны и освѣщены особенно и на прозрачныхъ картинахъ было отъ дороги написано: «Ты въ плескахъ внидешь въ храмъ Софіи». А на другой сторонѣ изъ сада виднѣлись слѣдующіе стихи:

О! пали, пали съ звукомъ, съ трескомъ
Пѣшецъ и всадникъ, конь и флотъ,
И самъ со громкимъ вѣрнымъ плескомъ
Очаковъ, силы ихъ оплотъ [277]).
Расторглись крѣпи здѣсь заклепны;
Вамъ, Бугъ и Днѣпръ хвалу рекутъ;
Струи Днѣпра великолѣпны
Шумнѣе въ море потекутъ.

Другой побѣдный памятникъ въ Царскомъ, это обелискъ гр. Румянцову-Задунайскому, воздвигнутый, въ 1771 г., въ память кагульскаго сраженія; онъ сооруженъ изъ синяго, съ бѣлыми прожилками, мрамора. На сторонѣ, обращенной къ дворцу, вдѣлана бронзовая доска съ надписью: «Въ память побѣды при рѣкѣ Кагулѣ, въ Молдавіи, іюля 21-го дня 1770 года, подъ предводительствомъ генерала графа Румянцова — россійское воинство, числомъ семнадцать тысячъ, обратило въ бѣгство до рѣки Дуная турецкаго визиря Галиль-бея съ силою полутораста-тысячною».

Позади этого обелиска, нѣсколько влѣво, на мраморномъ пьедесталѣ былъ другой, небольшой, также четвероугольный обелискъ съ мраморными досками и украшеніями, посвященный, какъ видно, чьимъ-то заслугамъ. Здѣсь нѣкогда существовала бронзовая доска (теперь она украдена) со слѣдующею надписью: «Коль велико удовольствіе честнымъ душамъ — видѣть добродѣтели и заслуги — общими похвалами достойно вѣнчаемыя». Ни о времени постановки памятника, никому онъ былъ посвященъ — извѣстій въ архивѣ Царскаго Села не имѣется. Отъ обелиска сохранилась только одна тумба.

Посреди пруда, въ виду Адмиралтейства, возвышается изъ воды ростральная [278]) мраморная колонна въ память побѣдъ графа А. Г. Орлова-Чесменскаго, украшенная корабельными носами; вверху колонны паритъ золотой одноглавый орелъ. Въ каждой изъ четырехъ сторонъ пьедестала утверждены бронзо-

выя литыя доски; три изъ нихъ изображаютъ событія этой достопамятной войны: на восточной—рельефно представлено хіосское сраженіе; на сѣверной — сожженіе турецкаго флота въ Чесменскомъ заливѣ; на западной — взятіе острова Митилены и сожженіе двухъ кораблей; на четвертой доскѣ, южной — слѣдующая надпись: «Въ память морскихъ побѣдъ, одержанныхъ въ Архипелагѣ. Первая, между Асіею и островомъ Хіо, 24-го іюня 1776 г., подъ предводительствомъ генерала графа Алексія Орлова и адмирала Григорія Спиридова; десять россійскихъ военныхъ кораблей и седмь фрегатовъ разбили и обратили въ бѣгство турецкаго капитанъ-пашу, Жефиръ-бея, съ шестнадцатью линейными кораблями, фрегатовъ, галеръ, бригантинъ и мелкихъ судовъ было болѣе ста. «Вторая, того же іюня 26-го числа сожженъ весь флотъ въ Чесменскомъ портѣ контръ-адмираломъ Грейгомъ, отряженною эскадрою побѣдительнаго флота. Третья, ноября отъ 2-го до 4-го 1770 года, въ присутствіи россійскихъ въ Средиземномъ морѣ войскъ вождя генерала графа Орлова, по высаженіи войскъ на островъ Митилену, по обращеніи въ бѣгство непріятеля, по овладѣніи предмѣстіемъ, адмиралтействомъ и окрестными мѣстами, сожженъ былъ остатокъ морскихъ силъ турецкихъ, два линейные корабля семидесятипушечные, и хранилища разныхъ припасовъ и снастей морскихъ».

Основаніе всей колонны поверхъ воды на обѣ сажени состоитъ изъ семи съ рустиками сѣраго полированнаго гранита рядовъ до цоколя, каждый почти въ три четверти аршина, и полтора вершка база изъ краснаго мрамора, а подножіе изъ синяго полосатаго. При основаніи колонны положены по бокамъ якоря. Всѣ работы по постановкѣ этого памятника казнѣ обошлись въ 13,141 руб. 80 коп. Колонна была поставлена въ 1775 году.

На этомъ же пруду, на островѣ, находится зала для концертовъ, построенная еще при императрицѣ Елисаветѣ. Первоначально она была деревянная осмиугольная, но въ 1746 году императрица приказала соорудить ее каменной. Зала эта большая, съ высокими нишами, полъ въ ней штучный, потолокъ убранъ лѣпною работой, карнизъ и рамы позолочены, ниши убраны столярною работой. На острову же, по близости ея, находилась небольшая каменная кухня для разогрѣванія кушанья. Для сообщенія между островомъ и берегомъ нѣкогда ходила по канату красивая верейка, позднѣе былъ устроенъ плотъ.

Кромѣ описанныхъ нами памятниковъ, сооруженныхъ въ Царскомъ Селѣ императрицей Екатериной II, императоръ Але-

ксандръ Благословенный поставилъ также нѣсколько такихъ, въ изъявленіе признательности сподвижникамъ его въ отечественную войну. Въ числѣ сооруженій подобнаго рода онъ построилъ на такъ называемомъ «Розовомъ полѣ» круглую открытую гранитную бесѣдку, пять саженъ въ поперечникѣ, въ память своихъ сподвижниковъ; и затѣмъ то же высокое чувство признательности выражено императоромъ Александромъ I на чугунныхъ дорическаго ордена воротахъ, близь дачи великаго князя Николая Николаевича; на воротахъ виднѣется слѣдующая лаконическая надпись: «Любезнымъ моимъ сослуживцамъ» на одной сторонѣ, а на другой: «A mes chers compagnes d'armes».

Не одни герои удостоились памятниковъ въ Царскомъ Селѣ, но и любимыя лошади и даже собаки императрицы Екатерины II. Тонкій царедворецъ Сегюръ писалъ эпитафіи собакамъ государыни, полныя живой игривости, свойственной его тонкому уму, и льстивыхъ любезностей самой императрицѣ.

«Когда я пріѣхалъ въ Царское Село,—говоритъ въ одномъ мѣстѣ своихъ мемуаровъ графъ Сегюръ,—императрица была такъ добра, что сама показывала мнѣ всѣ красоты своего великолѣпнаго загороднаго дворца. Свѣтлыя воды, тѣнистая зелень, изящныя бесѣдки, величественныя зданія, драгоцѣнная мебель, комнаты, покрытыя порфиромъ, лазоревымъ камнемъ и малахитомъ, все это представляло волшебное зрѣлище и напоминало удивленному путешественнику дворцы и сады Армиды. При совершенной свободѣ, веселой бесѣдѣ и полномъ отсутствіи скуки и принужденія одинъ только величественный дворецъ напоминалъ мнѣ, что я не просто на дачѣ у самой любезной свѣтской женщины. Императрица свободно говорила обо всемъ, исключая политики; она любила слушать разсказы, любила сама разсказывать. Если бесѣда случайно умолкала, то оберъ-шталмейстеръ Л. А. Нарышкинъ своими шутками непремѣнно вызывалъ на смѣхъ и остроты. Почти цѣлое утро государыня занималась и каждый изъ насъ могъ въ это время читать, писать, гулять,—однимъ словомъ, дѣлать что̀ ему угодно. Обѣдъ, за которымъ бывало немного блюдъ, былъ вкусенъ, простъ, безъ роскоши; послѣобѣденное время употреблялось на игру или на бесѣду; вечеромъ императрица уходила довольно рано и мы собирались у кого нибудь изъ приближенныхъ императрицы. Однажды императрица сказала мнѣ, что у нея околѣла маленькая левретка «Земира», которую она очень любила и для которой желала имѣть эпитафію. Я отвѣ-

чалъ ей, что мнѣ невозможно воспѣть «Земиру», не зная ея происхожденія, свойствъ и недостатковъ.

«— Я полагаю, что вамъ достаточно будетъ знать,—возразила императрица,—что она родилась отъ двухъ англійскихъ собакъ «Тома» и «Леди», что она имѣла много достоинствъ и только иногда бывала немножко зла.

Гр. Сегюръ.

«Этого мнѣ было довольно и я исполнилъ желаніе императрицы и написалъ слѣдующіе стихи, которыя она чрезвычайно расхвалила:

«Ici mourut Zemire, et les Graces en deuil
Doivent jeter des fleurs sur son cercueil...» etc.

Приводимъ эту эпитафію въ переводѣ:

«Здѣсь пала «Земпра» и опечаленныя Граціи должны набросать цвѣтовъ на ея могилу. Какъ «Томъ», ея предокъ, какъ «Леди», ея мать, она была постоянна въ своихъ склонностяхъ, легка на бѣгу и имѣла одинъ только недостатокъ—была немножко сердита, но сердце ея было доброе. Когда любишь, всего опасаешься, а «Земпра» такъ любила ту, которую весь свѣтъ любитъ, какъ она! Можно ли быть спокойною при соперничествѣ такого множества народовъ? Боги, свидѣтели ея нѣжности, должны были бы наградить ее за вѣрность безсмертіемъ, чтобы она могла находиться неотлучно при своей повелительницѣ».

Надпись эта и теперь еще видна, хотя неявственно, на каменной плитѣ за пирамидальнымъ мавзолеемъ, окруженнымъ черными мраморными столбами и лиственницами. Этотъ пригорокъ въ саду государыня часто посѣщала и здѣсь любила отдыхать во время своихъ прогулокъ по саду.

Въ Царскомъ Селѣ, близь конюшеннаго зданія, имѣется и другое оригинальное кладбище. Здѣсь есть нѣсколько могилъ съ надгробными памятниками; изъ такихъ надгробій лошадей виднѣются: «L'ami», лошадь, бывшая съ императоромъ Александромъ Благословеннымъ въ Парижѣ, въ 1814 году; «Флора», лошадь императора Александра, служившая впослѣдствіи государю Николаю Павловичу подъ Варною въ 1828 году; «Бьюте», бывшая у ихъ величествъ двадцать четыре года; «Камилла», служившая императрицамъ Елисаветѣ Алексѣевнѣ и Александрѣ Θеодоровнѣ шестнадцать лѣтъ, и «Пашка», принадлежавшая шестнадцать лѣтъ покойному императору Александру Николаевичу, въ бытность его наслѣдникомъ престола.

Въ январѣ 1780 года императрица Екатерина II приказала при Селѣ Царскомъ, по правую сторону дороги Новгородской, а по лѣвую—къ Порхову идущей, устроить городъ подъ названіемъ «Софія» и вмѣстѣ съ тѣмъ учредить Софійскій уѣздъ [279]. Императрица издавна лелѣяла мысль о покореніи Константинополя и объ изгнаніи турокъ изъ Европы. «Ты въ плескахъ внидешь въ храмъ Софіи», сказалъ поэтъ про царицу. Слова эти казались государынѣ пророческими. Мысль о возрожденіи грековъ и славянъ и затмѣніи Блистательной Порты такъ преслѣдовала Екатерину II, что она не только завѣщала новое имя дому Романовыхъ, окрестя одного изъ внуковъ своихъ Константиномъ, при которомъ съ дѣтства его находились гречанка—няня и грекъ—камердинеръ (впослѣдствіи графъ Курута), но

учредила и греческій кадетскій корпусъ и новую епархію херсонскую, которую поручила архіепископу Евгенію Булгару, и даже приготовила медали на завоеваніе Турціи: на одной сторонѣ—было изображеніе государыни и вокругъ надпись Б. М. (Божіею милостью) Екатерина II императрица и самодержица всероссійская, заступница вѣрныхъ: и внизу имя рѣзчика, «Тимоѳей Ивановъ». На другой сторонѣ: морскія волны, Константинополь, пожаръ, разрушеніе мечети, верхняя часть минарета

Любимая собака Екатерины II.

падаетъ, а надъ нимъ сіяетъ крестъ въ облакахъ. По сторонамъ надпись: «Потщитеся и низринется», внизу: «Поборнику православія» [280]).

Екатерина выстроила въ Царскомъ Селѣ церковь во имя св. Софіи, Премудрости Божіей; заложенъ храмъ былъ въ 1782 г. іюля 30-го и освященъ мая 20-го 1788 г., въ присутствіи императрицы Екатерины II и всего августѣйшаго дома. Соборъ былъ построенъ по плану Камерона; при постройкѣ примѣнялись къ Софійскому храму въ Константинополѣ, обращенному теперь въ

мечеть. Сходство здѣшняго храма съ Цареградскимъ находятъ въ томъ, что какъ тамъ, такъ и здѣсь устроена крещальня, для крещенія оглашенныхъ. При постройкѣ храма было приказано, для доставленія во всѣ мѣста воды, провести подземныя трубы изъ Боуерскаго канала; въ томъ числѣ одна труба проведена подъ соборомъ и сдѣланы были, какъ внѣ, такъ и снаружи церкви, два колодца, покрытые рѣшетками. При возобновленіи собора, въ 1849 году, эти колодцы уничтожены [281]). Въ соборѣ былъ сперва одинъ престолъ, Софіи Премудрости Божіей, и храмовымъ праздникомъ былъ день Вознесенія Господня. Въ 1849 году устроены придѣлы: Александра Невскаго и равноапостольныхъ царей Константина и Елены. Въ день послѣднихъ святыхъ въ Царскомъ Селѣ встарину была большая ярмарка, особенно послѣдняя процвѣтала во времена Екатерины II. Эта государыня сама всегда здѣсь дѣлала большія закупки разныхъ товаровъ на нѣсколько тысячъ рублей.

Въ храмѣ Софіи замѣчательны: 1) гранитный ковчегъ, бывшій подъ главнымъ престоломъ и вынутый при возобновленіи собора въ 1849 году; въ немъ хранится другой ковчегъ изъ бѣлаго мрамора, въ которомъ въ серебряномъ ящикѣ часть св. мощей. Тамъ же лежатъ шесть серебряныхъ монетъ съ изображеніемъ Екатерины II. На ковчегѣ серебряная вызолоченая доска съ надписью: «Сія соборная церковь, во имя Софіи Премудрости Божіей, заложена Петербургской губерніи, въ городѣ Софіи, іюля 30-го, въ лѣто отъ созданія міра 7990, отъ Рождества Христова 1782, царствованія же благочестивѣйшей императрицы Екатерины II двадцать первое, при наслѣдникѣ цесаревичѣ Павлѣ Петровичѣ, супругѣ его Маріи Өеодоровнѣ и благовѣрныхъ государяхъ великихъ князьяхъ: Александрѣ Павловичѣ и Константинѣ Павловичѣ». Затѣмъ въ этомъ храмѣ множество иконъ художественной работы, изъ числа которыхъ наиболѣе прекрасны: запрестольный образъ Введенія во храмъ Богородицы, работы Соколова, въ 1788 году; Воскресенія Христова и Вознесенія, работы Бѣльскаго, въ 1791 году, — этого художника есть въ одной изъ залъ Царскосельскаго большого дворца экранъ, который по сюжету и манерѣ письма ничѣмъ не отличается отъ работъ извѣстнаго Робера,—затѣмъ Преображенія (1792 г.) работы Евстаөія меньшого, Сошествія Св. Духа и Срѣтенія Господня, 1796 г., работы Георгія Скливоса, Благовѣщеніе, 1792 г.— Михаила Воинова, Рождества Христова, 1791 г.—Петра Дрождина, Крещеніе Господне, 1793 г. — Ивана Бѣльскаго, Явленіе

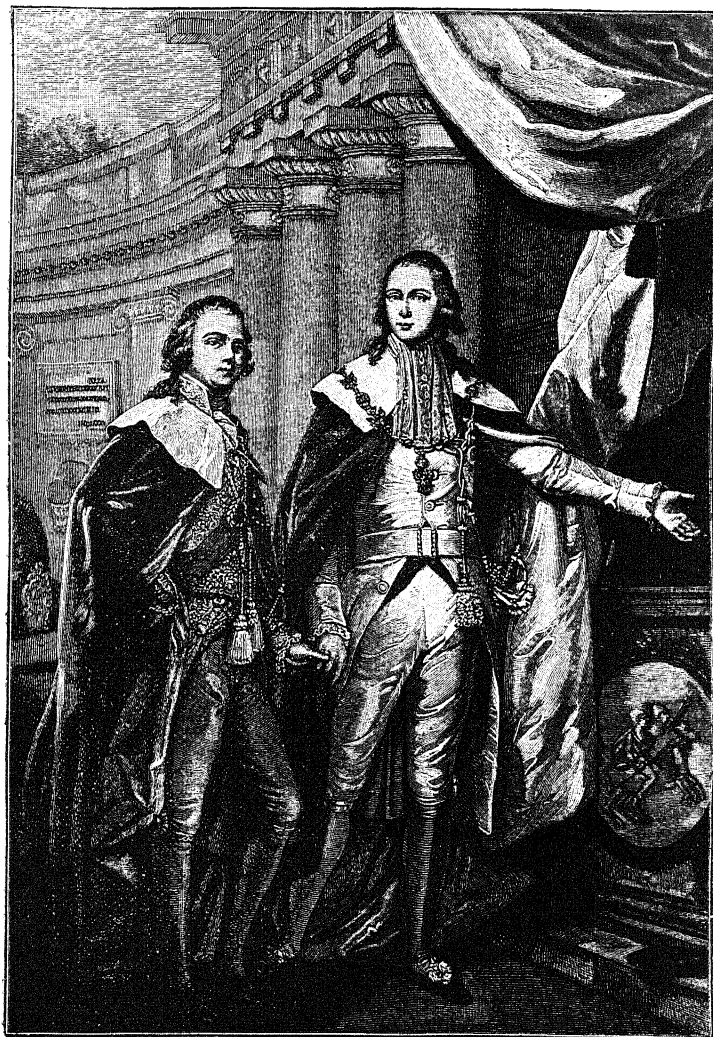
Іисуса Христа апостоламъ по воскресеніи, 1795 г.— Угрюмова; Рождество Богородицы, 1793 г. — Пустынина; Успеніе Божіей Матери 1792 г. — Дрожина. Затѣмъ въ этомъ храмѣ есть нѣсколько серебряныхъ церковныхъ вещей, пожертвованныхъ офицерами лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка и затѣмъ такія же историческія, принесенныя въ даръ императрицею Екатериною II. Изъ послѣднихъ серебряное паникадило, вѣсомъ 5 пуд. 13 фун. Наверху, на яблокѣ, литера Е, подъ яблокомъ на ободкѣ—надпись: «Factum in Fabr. Buchag, sog Petersbourg anno 1780»; потомъ два большихъ серебряныхъ подсвѣчника, въ видѣ цвѣтка: оба вѣсомъ 2 пуда 38 фун., четыре серебряныхъ лампады, двѣ изъ нихъ вѣсомъ въ 22 фун. 12 зол. и двѣ 18 фун. 72 зол. Затѣмъ серебряные молотокъ и лопатка, съ ручками слоновой кости, употребленные при закладкѣ храма. До 1812 года здѣсь было много драгоцѣнныхъ предметовъ церковной утвари, какъ-то: священные сосуды, евангеліе, подсвѣчники, чаша водосвятная «кубчанъ» (?) и вѣнцы вѣнчальные. Все это въ тяжкія годины отечественной войны передано на храненіе въ дворцовое вѣдомство. Въ описи церковнаго имущества Софійскаго собора 1788 г., подъ означенными вещами сказано: «По сей описи золотая утварь въ царскосельскую придворную церковь мною вся отдана на сбереженіе, по Высочайшему повелѣнію; Софійскаго собора ключарь протоіерей Григорій Гомзинъ. Оную золотую утварь по описи принялъ въ цѣлости протоіерей Павелъ Сергѣевъ. Сентября 16-го 1812 года». Послѣ 1812 года вещи не были возвращены. Софійская церковь считается полковою Гусарскаго полка. Теперь эта церковь стоитъ почти въ полѣ, потому что жители города Софіи въ 1813—14 годахъ переселены въ Царское Село, а потомъ и самое названіе Софіи вышло изъ употребленія въ оффиціальныхъ бумагахъ. Первымъ протоіереемъ въ этомъ храмѣ былъ извѣстный наставникъ ихъ высочествъ Самборскій. Этотъ храмъ долго считался капитуломъ ордена св. Владиміра.

Въ 1780 году, въ Царскомъ Селѣ гостилъ у императрицы въ гостяхъ графъ Фалькенштейнъ (римскій императоръ Іосифъ II). Государыня до личнаго знакомства съ императоромъ Іосифомъ II была не высокаго о немъ мнѣнія и называла его человѣкомъ съ двойной физіономіей или лицомъ Януса. Вотъ что писала она въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Гримму: «Я до смерти боюсь, чтобъ онъ не былъ похожъ на нашихъ епископовъ. Кто-то находилъ ихъ очень любезными, побесѣдовавъ съ ними часа два,

и спрашивалъ, отчего ихъ не видимъ чаще въ обществѣ и они избѣгаютъ случая быть съ нами. Другой отвѣчалъ ему: потому что имъ стоитъ много труда быть любезными. Эту физіономію они не могутъ сохранить болѣе двухъ часовъ». При началѣ спора о баварскомъ наслѣдствѣ, государыня говоритъ объ Іосифѣ: «Надо сознаться, что человѣкъ съ двойной физіономіей немножко жаденъ (goulu): у кого есть глаза, можетъ это видѣть; у кого есть уши — слышать». И далѣе: «Если жадность будетъ наказана несвареніемъ желудка, это будетъ подѣломъ...»

До пріѣзда графа Фалькенштейна въ Царское Село, было сдѣлано относительно его пребыванія тамъ слѣдующее оригинальное распоряженіе: Бригадиръ Безбородко, 1780 г., мая 26-го дня, предувѣдомилъ генерала Кашкина, что графъ Фалькенштейнъ прибудетъ въ Царское Село не прежде 20-го іюня; а какъ онъ нигдѣ, кромѣ трактировъ, не останавливается, и этого обычая ни почему никогда не мѣнялъ, то потому ея величеству угодно, чтобы въ новой банѣ (въ мыльнѣ ихъ высочествъ) запереть комнату, гдѣ поставлены вишни, изготовя всѣ потребныя мебели, назвать сіе зданіе «постоялымъ или вольнымъ домомъ», поставить наверху «вывѣску», подобную изображенной на присланномъ тогда пакетѣ, и чтобъ вся прислуга была по обыкновенію трактирному; комнату, гдѣ ванна, покрыть поломъ, дабы и она могла служить комнатою для графа; баню запереть, а садовникъ Бушъ [272]), въ видѣ содержателя трактира, чтобы получше приготовился сыграть сію роль, ему назначенную.

Графъ прибылъ въ Царское Село 20-го числа іюня и пробылъ въ изготовленномъ для него трактирѣ пять дней; Іосифу II очень понравился царскосельскій садъ и всѣ въ немъ постройки. Какъ мы выше уже говорили, онъ заказалъ себѣ по образцу существовавшей тогда тамъ каменной катальной горы у себя такую же. О путешествіи императора Іосифа II въ Россію для свиданій съ Екатериною II, намъ оставилъ любопытное письмо Францъ Колотай, походный суперіоръ императора и бывшій гросварденскій епископъ. Вотъ краткое извлеченіе всего замѣчательнаго изъ этого письма. Свита ѣхала съ императоромъ въ семи каретахъ и вся состояла изъ 27 человѣкъ. Въ Бродахъ она получила слѣдующее повелѣніе: 1) Чтобы по переѣздѣ черезъ границу никто не титуловалъ меня императоромъ или величествомъ, а просто графомъ фонъ-Фалькенштейномъ; 2) чтобы никто не входилъ въ продолжительный разговоръ съ посторонними; 3) не принимать ни отъ кого приглашенія къ столу безъ моего имен-

Великіе князья Александръ и Константинъ Павловичи.

ного позволенія; 4) платить за все покупаемое, не слишкомъ торгуясь; 5) не позволять себѣ ни малѣйшей брани съ посторонними и никого не бить; 6) не торопить ямщиковъ и безропотно допускать повозкамъ ѣхать намъ навстрѣчу. На русской границѣ встрѣтилъ путешественниковъ извѣстный своею любезностью графъ Румянцевъ, съ большою военною почестью, не смотря на то, что Іосифъ не хотѣлъ ни свиты, ни путеводителей, ни стражи, даже въ мѣстахъ не совсѣмъ безопасныхъ.

Вся дорога, начиная съ польской границы, была выровнена нѣсколькими тысячами рукъ, украшена деревьями и тріумфальными воротами; села и города, чрезъ которые императоръ ѣхалъ ночью, были освѣщены; улицы устланы дерномъ и цвѣтами, и вездѣ множество народа привѣтствовало высокаго путешественника радостными кликами. Колотай присовокупляетъ: такъ какъ никакой государь и въ собственной землѣ не могъ ожидать большаго радушія. Послѣ трехдневнаго пребыванія въ Кіевѣ, Іосифъ узналъ, что ѣдетъ императрица. Дабы поспѣть въ Могилевъ прежде ея, свита съ государемъ ѣхала день и ночь и прибыла 2-го іюня. Императрица же пріѣхала 4-го около десяти часовъ утра, при громѣ пушекъ и звонѣ колоколовъ. Карета императрицы была запряжена десятью почтовыми лошадьми; съ императрицею сидѣла фрейлина фонъ-Энгельгардтъ, князь Потемкинъ и трое изъ ея свиты. Передъ каретою и по сторонамъ ѣхало нѣсколько вельможъ, польскихъ дворянъ съ прислугою и около ста всадниковъ. Свита, противъ обыкновенія, весьма малочисленная, вѣроятно, изъ подражанія скромности римскаго императора.

Первое, что посѣтила государыня въ городѣ, это была церковь, гдѣ она пробыла цѣлый часъ; потомъ императрица прибыла во вновь отстроенный деревянный домъ, гдѣ и посѣтилъ ее римскій императоръ; послѣдній былъ одѣтъ весьма просто, безъ всякихъ внѣшнихъ украшеній; его сопровождали: генералъ Браунъ и два штабъ-офицера, составлявшіе его свиту. «Какъ ни велико было желаніе императрицы видѣть нашего государя, говоритъ Колотай, но оно не могло сравниться съ радушіемъ ея пріема». Около вечера императоръ возвращался въ гостинницу, гдѣ щедро платилъ за все, не желая ни жить въ приготовленномъ ему и свитѣ его помѣщеніи, ни быть кому либо въ тягость или вводить кого въ издержки. Чтобы достойнымъ образомъ занять высокаго гостя, ежедневно назначались балы, спектакли смѣнялись иллюминаціями, фейерверками и т. д. «Хотя

императрицѣ Екатеринѣ II,—пишетъ Колотай,—уже 51 годъ, однакожъ, она еще бодра и полна жизни, опирается на легкую трость и черты ея еще носятъ отпечатокъ прежней красоты. Величіе, смягчаемое кротостью, выражается въ ея взорѣ»... Государыня разъ въ Могилевѣ со всею своею свитою присутствовала на торжественномъ богослуженіи въ костелѣ іезуитскомъ.

Подарки, розданные свитѣ Іосифа императрицею, нельзя было назвать чрезвычайно богатыми: какъ замѣчаетъ Колотай, они состояли только изъ двухъ перстней, двоихъ часовъ и нѣсколькихъ табакерокъ. 9-го іюня высокіе путешественники выѣхали изъ Могилева въ Смоленскъ. Императоръ и императрица сидѣли въ одной каретѣ, кучеръ императрицы, имѣвшій титулъ и чинъ полковника (?), похвалился тѣмъ, что двѣ вѣнценосныя главы, знаменитѣйшія въ свѣтѣ, поручили свое благосостояніе его ловкости; за это императоръ наградилъ 1,000 червонцами, а императрица—6,000 рублей. Пробывъ здѣсь три дня, императрица отправилась въ Петербургъ, а Іосифъ II—въ Москву, куда онъ пріѣхалъ при безчисленномъ стеченіи ликовавшаго народа. Въ продолженіе недѣльнаго пребыванія, Іосифъ II успѣлъ осмотрѣть всѣ достопримѣчательности Москвы, въ честь его въ дворцовомъ саду дано было два маскарада. Изъ уваженія къ императору былъ выданъ указъ, чтобы въ маскарадъ никто не являлся въ духовной капуцинской одеждѣ. Императоръ Іосифъ II часто и подолгу въ Москвѣ бесѣдовалъ съ архіепископомъ Платономъ. 24-го ноября Іосифъ выѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ, ѣхалъ онъ день и ночь по очень дурной дорогѣ, большею частью выложенной бревешками. Императрица ожидала монарха въ своемъ великолѣпномъ увеселительномъ царскосельскомъ дворцѣ. Пробывши здѣсь нѣкоторое время, Іосифъ отправился въ Петергофъ, гдѣ было назначено празднованіе дня св. Петра и Павла, въ который торжествуется и коронованіе императрицы. Нечего сказать, праздникъ былъ великолѣпный: истинно царскій садъ съ безчисленными плошками, горѣвшими во всю ночь; высокіе фонтаны, каналъ, проведенный въ море, горѣвшій какъ огненный, шесть освѣщенныхъ кораблей, изъ которыхъ вылетали ракеты и потѣшные огни, музыка, пѣвцы, пѣвицы и т. д., все это вмѣстѣ представляло очаровательное единственное зрѣлище. Про Петербургъ Колотай говоритъ слѣдующее: столица расположена въ болотистой, безплодной мѣстности, на дальнемъ разстояніи въ окружности не видать ни плодоносныхъ полей, ни плодовитыхъ деревьевъ, такъ что пара вишень стоитъ тамъ

иногда рубль, климатъ суровъ и перемѣнчивъ. Затѣмъ, добавляетъ онъ, когда осмотришь великолѣпные дворцы и другія постройки города, то нельзя его не причислить къ первѣйшимъ изъ городовъ въ Европѣ. Іосифъ II, пробывъ въ Петербургѣ три недѣли, уѣхалъ заграницу чрезъ Финляндію.

Съ 1779 по 1780 г. въ Царскомъ Селѣ императрицею сдѣланы слѣдующія постройки: ко дворцу былъ пристроенъ второй флигель отъ придворной церкви къ циркумференціи по набережной Садовой улицы, во дворцѣ сдѣлана новая китайская зала на мѣстѣ бывшей парадной лѣстницы и затѣмъ получено было съ монетнаго двора серебро для убранства во дворцѣ «фольгяной комнаты», или краснаго кабинета. Затѣмъ въ Царское привезены изъ Рима на корабляхъ статуи, колонны, базы, капители, вазы и проч., да еще съ сибирскихъ заводовъ готическія чугунныя ворота и на мѣсто бывшей въ серединѣ дворцоваго строенія китайской залы устроено большое парадное крыльцо. Въ это время за работами въ царскосельскомъ дворцѣ досматривалъ архитекторъ Камеронъ [283]). Начата также, въ 1780 году, постройка деревяннаго дворца въ Бабиловѣ. Въ слѣдующемъ 1781 г. въ Царскомъ Селѣ шли постройки еще прилежнѣе, въ январѣ послѣдовалъ указъ отпускать на содержаніе Села Царскаго штатной суммы ежегодно по 50,000 р. изъ кабинета.

Внутреннее убранство и украшеніе комнатъ также продолжалось. Въ этотъ годъ былъ высочайше утвержденъ докладъ «объ убраніи» половины ихъ высочествъ, также на половинѣ ея величества арабесковой, ліонской, купальной, пальмовой или зеркальной, принцевскихъ покоевъ, почивальной, уборной, фольгяной и новой китайской залы. Построена также была холодная баня и штатъ придворныхъ служителей былъ прибавленъ. И въ это же время Дудергофская гора съ дворцомъ, садомъ и «фазанареей» поступила въ царскосельское вѣдомство. Въ маѣ вышло запрещеніе гуляющимъ въ садахъ пугать птицъ, ловить рыбу, ломать деревья, рвать цвѣты и проч., подъ опасеніемъ взысканія одного рубля въ пользу садоваго ученика, «подсмотрѣвшаго оное», какъ это было выписано на доскахъ, поставленныхъ по саду. Затѣмъ была перестроена «пирамидальная бесѣдка».

Въ 1782 году начата была Камерономъ постройка «Китайской деревеньки», которая продолжалась по 1-е января 1786 года; на постройку употреблено было 420,092 руб. 69 коп.

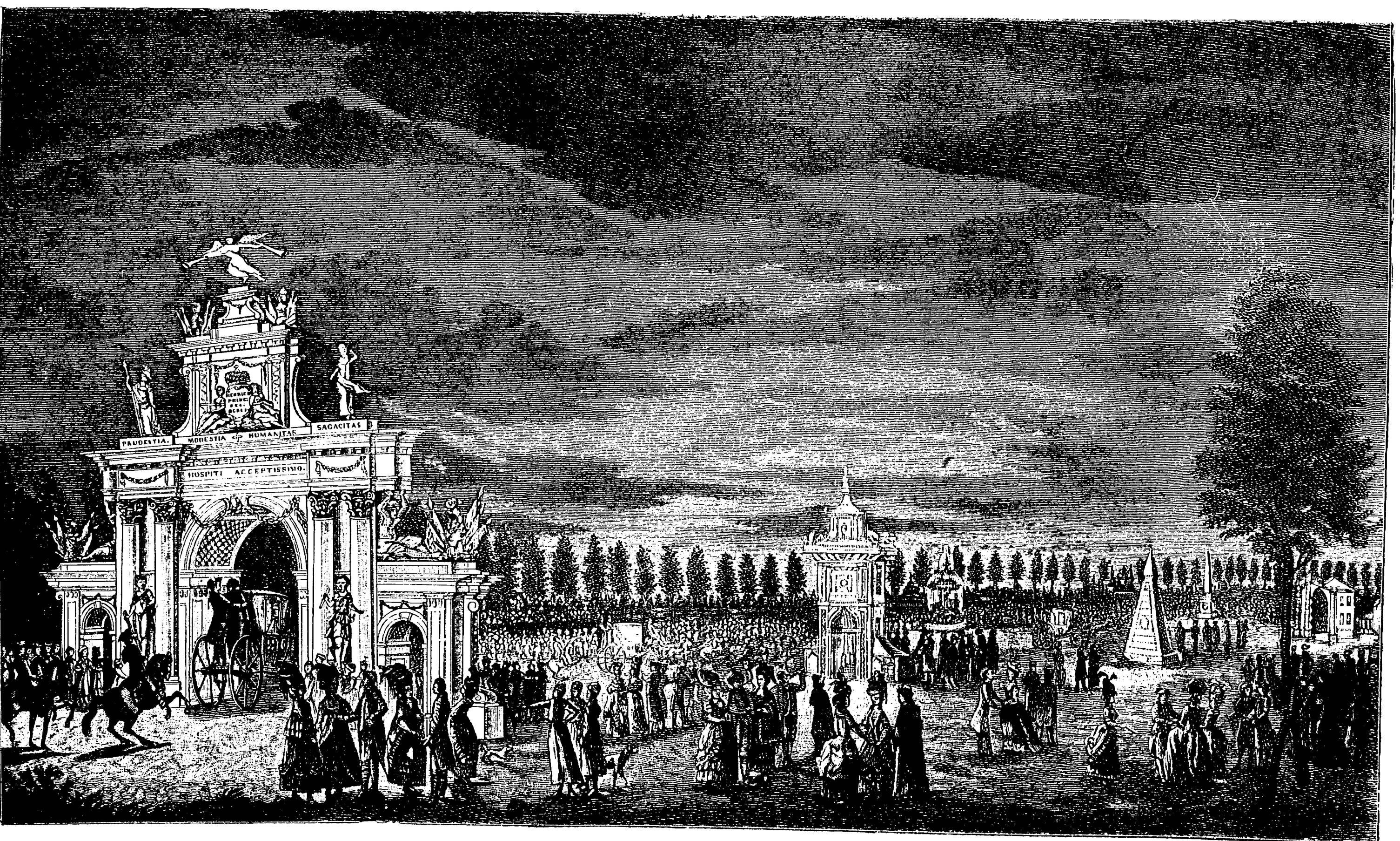
Первоначально всѣ девятнадцать домиковъ наружно были обиты фаянсовыми плитками, но вскорѣ послѣдовало высочайшее повелѣніе плитки эти снять и всѣ 19 домиковъ, выштукатуривъ, выкрасить альфреско различными цвѣтами по вкусу китайскому; для этихъ работъ былъ подряженъ за 10,950 рублей лучшій такого художества мастеръ, Рудольфъ. Домики эти назначались для придворныхъ императрицы. Храповицкій, въ 1789 году, потребовалъ изъ придворной конторы, чрезъ нарочно посланнаго, извѣщеніе для донесенія императрицѣ, сколько готовыхъ домиковъ, не сыры ли они и таковы ли, чтобъ въ нихъ жить было можно. На это требованіе генералъ Кашкинъ донесъ, что хотя отдѣлано уже 10 домиковъ, но всѣ работы совершенно еще не окончены и по несовершенной отдѣлкѣ жить въ нихъ еще не можно. Обитаемы въ Екатерининское время были только четыре домика. При домикахъ были разбиты миловидные миніатюрные садики. Государыня предполагала построить здѣсь еще пагоду или башню о восьми ярусахъ, къ кровлѣ каждаго яруса привѣсить колокольчики, которые отъ вѣтра бы звенѣли; пагода должна быть построена по плану существующей такой кумирни въ Нанкинѣ. Камеронъ на постройку потребовалъ 48,007 руб. 60 коп. и за колоннаду, которая предполагалась у домиковъ, 41,490 руб. 90 коп. Но эти предположенія не были приведены въ исполненіе, и только тротуаръ у домиковъ былъ выстланъ сясьскими плитами.

Какъ мы уже говорили, царскосельскій садъ обязанъ своею красотою императрицѣ Екатеринѣ II; она приказала садовнику Бушу и позднѣе Лямину заняться его передѣлкой и изъ правильнаго скучнаго, въ голландскомъ вкусѣ, разбить въ ландшафтный лѣсъ, гдѣ стоитъ памятникъ Ѳедору Орлову, служащій какъ бы пограничнымъ столбомъ вѣка Екатерины и временъ Елисаветы. Ниже кончается англійскій и начинается правильный садъ, совершенная противоположность перваго. На ровномъ, выглаженномъ пространствѣ, проведены стриженыя липовыя аллеи, длинныя свѣтлыя канавы, съ горбатыми мостами. Геометрическія площадки, съ статуями на серединѣ, расположены довольно однообразно. Между ними, въ систематическомъ порядкѣ, попадаются бассейны, храмы и купальни. Большая средняя аллея, начинаясь отъ парадного крыльца дворца, упирается въ Эрмитажъ. Любопытна въ саду одна аллея вдоль по каналу изъ сибирскихъ деревъ, насаженныхъ Петромъ Великимъ.

Императрицей же Екатериной II въ царскосельскомъ саду устроены, такъ называемые, «большой и малый капризъ»—это собственно два высокихъ земляныхъ свода (перемычки, перекинутыя черезъ проѣзжую дорогу), для соединенія двухъ садовъ.

Названіе «капризовъ» дано императрицею вотъ по какому случаю: когда ей представили смѣту, что будетъ стоить устройство этихъ садовъ,—смѣту довольно огромную, то она сперва призадумалась и хотѣла уже не осуществлять свою идею. Но потомъ передумала и сказала: «быть такъ; это мой капризъ!» Бесѣдка въ большомъ капризѣ имѣетъ очень оригинальную архитектуру; здѣсь соединены всѣ рода зодчества, собраны всѣ вкусы, видъ изъ нея самый живописный на всю окрестность. Такъ называемый «новый садъ» начали разбивать еще въ 1747 году и продолжали устраивать его почти во все царствованіе Екатерины II; окончательной отдѣлкѣ его мѣшали производимыя въ немъ постройки «офернаго дома», китайской деревеньки и новаго александровскаго дворца.

По словамъ Яковкина, ближайшія къ нему дорожки еще отдѣлывали въ 1809 году. Вначалѣ предположено было обдѣлать въ саду только четыре квадрата; въ первомъ изъ этихъ квадратовъ построенъ театръ; во второмъ, противъ его, къ дворцу, устроенъ искусственный возвышенный амфитеатръ, съ особеннымъ расположеніемъ насаженныхъ деревьевъ; въ третьемъ квадратѣ, противъ театра, сдѣлана была искусственная гора Парнасъ [284]); и въ четвертомъ прудъ съ островками. Въ 1796 году возлѣ александровскаго дворца былъ разбитъ садъ; собственно здѣсь былъ такъ называемый «цвѣтной садикъ», послѣдній обнесенъ на плитномъ цоколѣ чугунною рѣшеткою; въ садикѣ были посажены самые рѣдчайшіе по тому времени цвѣты и кустарники. Противъ этого садика за рѣшетчатымъ заборомъ существовалъ такъ называемый «собственный плодовой садикъ»: въ 1823 году, во время суровой зимы, онъ почти весь вымерзъ и въ слѣдующемъ году деревья были вновь тамъ насажены. Затѣмъ еще въ дворцовыхъ спискахъ существовалъ «верхній садикъ», онъ устроенъ надъ арками и открытъ всѣмъ непогодамъ лѣтомъ и зимой. Въ этомъ садикѣ, въ 1790 году, поселились пчелы и во все лѣто не давали никому проходу по немъ. Такъ какъ это случилось во время шведской войны, то въ этомъ видѣли хорошее предзнаменованіе и ихъ не трогали; но, по отъѣздѣ двора изъ Села Царскаго, этихъ незваныхъ гостей переселили въ обыкновенный улей, взломавъ полъ подъ аркою.

Иллюминація отъ Пулковой горы до Царскаго, во время пріѣзда принца Генриха.

Оранжереи, теплицы и зимницы или холодныя закрытыя оранжереи построены въ 1785 году. Императрица Екатерина II приказала академику Палласу [285]) составить описаніе съ рисунками россійской флоры, европейской и азіатской, и собственноручно дала изъ нея выписку садовнику Бушу о посѣвѣ деревьевъ «и какъ сѣмена приготовлять, въ какое время снимать, въ какое сѣять, какъ черезъ зиму сѣмена сберегать» и т. д. Начало разведенія англійскаго большого сада надо отнести къ 1776 году. Въ этомъ же году въ Царскомъ Селѣ состоялось большое гулянье для дворянства и купечества, для одной иллюминаціи было отпущено изъ кабинета 17,000 рублей. Иллюминація должна была начаться отъ въѣзда въ Пулковскую гору до села Царскаго; плошекъ сначала было куплено 40,000 штукъ, но послѣ еще прибавлено нѣсколько тысячъ. Разноцвѣтныхъ фонарей тоже было сдѣлано нѣсколько тысячъ. Для храненія плошекъ и фонарей, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ дороги, было построено 12 досчатыхъ сараевъ, до самой дороги пять домиковъ, свѣтло иллюминованныхъ. Для развѣшиванія фонарей и плошекъ и для зажиганія было употреблено 1,490 человѣкъ солдатъ и крестьянъ подъ надзоромъ двѣнадцати чиновниковъ.

Празднество было назначено 28-го октября. Во дворцѣ къ этому дню были вставлены зимнія рамы и всѣ покои были протапливаемы. На этотъ праздникъ былъ приглашенъ прусскій принцъ Генрихъ [286]), находившійся въ то время при русскомъ дворѣ. Императрица съ цесаревичемъ, принцемъ прусскимъ и со всѣмъ дворомъ отправилась изъ Петербурга въ пять часовъ, въ Царскомъ Селѣ уже находилось собравшееся по билетамъ дворянство и купечество къ маскараду и вечернему столу. При проѣздѣ отъ Пулковской горы, императрица замѣтила, что до самаго лѣса иллюминація зажжена была весьма слабо и повелѣла конторѣ изслѣдовать, отчего это произошло.

Причины оказались: большой вѣтеръ, а главное и то, что приставленные къ зажиганію перепились въ выставленныхъ отъ винныхъ откупщиковъ близь дороги многихъ питейныхъ шатрахъ. Маскарадъ же и балъ во дворцѣ удался какъ нельзя больше. На праздникѣ былъ данъ какой-то отрывокъ изъ оперы Паизіелло [287]), самъ композиторъ его ставилъ. По поводу Паизіелло кстати приведемъ характерное сужденіе государыни объ итальянской музыкѣ оперы-буффъ и о французской.

«Знаете ли,—писала она къ Гримму,—что опера Паизіелло была прелестна? Я была вся слухъ въ этой оперѣ, не смотря на

природную нечувствительность моего слухового органа къ музыкѣ; я ставлю Паизіелло на ряду съ Галуппи. Пріѣхалъ комическій актеръ, который уморителенъ, музыка, которую онъ поетъ, смѣшитъ меня: Богъ знаетъ, какъ это придумано. Слушайте, вы человѣкъ развитія, развейте-ка мнѣ слѣдующій вопросъ: отчего музыка этого буффона смѣшитъ меня, тогда какъ музыка французскихъ комическихъ оперъ внушаетъ мнѣ негодованіе и презрѣніе, мнѣ, которая не любитъ и вовсе не знаетъ музыки?»

Императрица находила, что Паизіелло можетъ заставить смѣяться и плакать, что онъ влагаетъ въ душу, умъ и сердце какое чувство захочетъ, и называетъ его волшебникомъ, а иногда великимъ Паизіелло. Она удивляется, какъ онъ умѣетъ примѣнять тоны и звуки такъ, что самые нечувствительные къ музыкѣ органы воспринимаютъ его музыку. «Когда я ухожу съ его представленія, голова моя полна музыки. Я узнаю и даже сама напѣваю его аріи». Въ одномъ изъ своихъ писемъ она говоритъ, какъ разъ въ маскарадѣ она подошла къ Паизіелло, напѣвая ему его арію изъ оперетты «Le Philosophe ridicule ou le faux savant», чѣмъ онъ не преминулъ похвастаться передъ своими знакомыми. Успѣхи Паизіелло часто доставляли его женѣ брилліантовыя вещи, а ему шубы и табакерки.

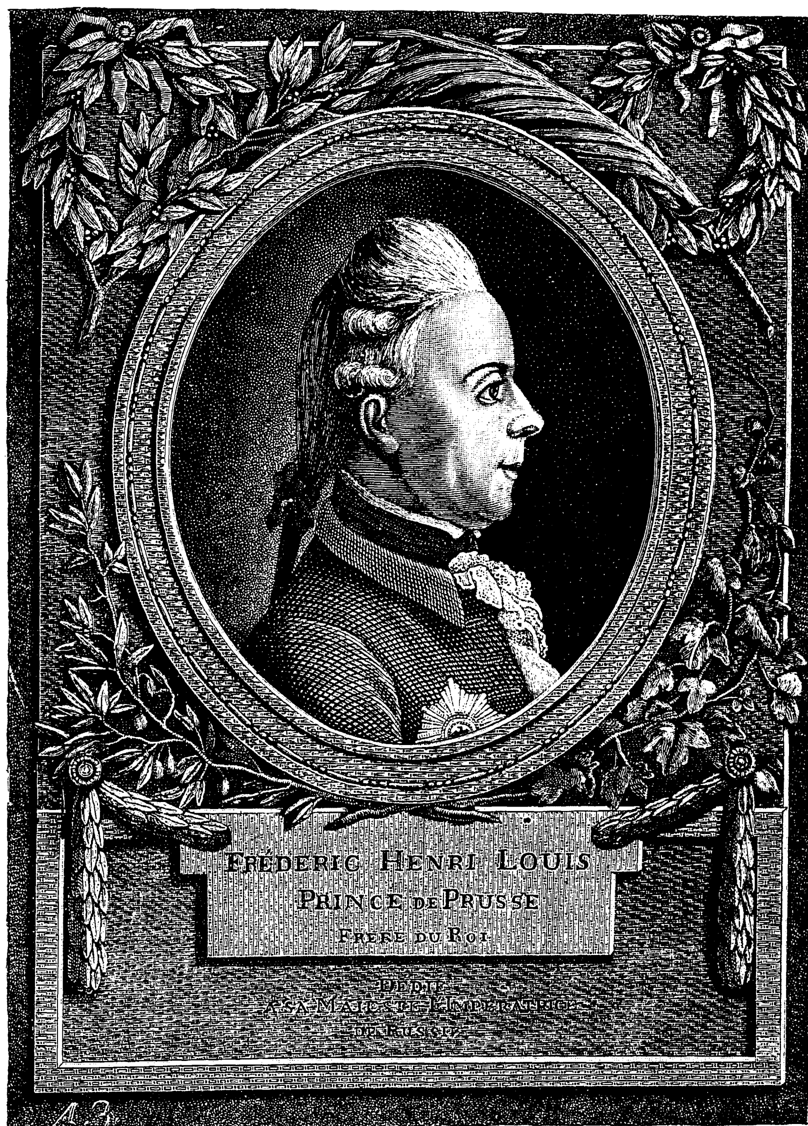
Въ 1784 году Паизіелло покинулъ Петербургъ; вотъ что говоритъ о его отъѣздѣ государыня: «Паизіелло насъ покидаетъ, онъ поссорился съ новой дирекціей, или эта послѣдняя съ нимъ». Въ другомъ письмѣ къ Гримму Екатерина говоритъ и о дирекціи, увѣдомляя послѣдняго объ успѣшномъ ходатайствѣ своемъ у г. директора за Паизіелло, который просилъ увеличенія содержанія; она вмѣстѣ съ тѣмъ извѣщаетъ, что Елагинъ внезапно потребовалъ отставки и былъ тотчасъ же замѣненъ Бибиковымъ. Новому директору императрица, конечно, внушила, чтобъ онъ избѣгалъ всего того, чѣмъ она была недовольна въ управленіи Елагина, и по собственнымъ ея словамъ, дающимъ намъ понятіе о тогдашнемъ состояніи театра, ему, при опредѣленіи его, было положительно запрещено «сочинять или представлять галиматью въ формѣ программы для балетовъ, оперъ, комедій или прологовъ», запрещено, кромѣ того, употреблять аллегорію и заставлять танцовать гнилую горячку (la fièvre putride), запрещено зажигать ночники вмѣсто солнца, также давать по нѣскольку разъ публикѣ то, что ей не нравится, хотя бы дѣло шло о возлюбленной г. директора.

Государыня любила театръ, и особенно веселую оперу, комедію и фарсъ, какъ отдохновеніе ума отъ серьезныхъ заботъ и дѣловыхъ обязанностей. Она не любила только серьезной музыки и откровенно сознавалась въ томъ. Такъ, во время возвышенія Корсакова, который былъ большой музыкантъ и отличный виртуозъ на скрипкѣ, императрица, касаясь его искусства, говоритъ: «Въ моей организаціи есть недостатки; до смерти хотѣлось бы мнѣ слушать и любить музыку, но что я ни дѣлаю—для меня это шумъ и больше ничего. Мнѣ хочется послать въ наше новое медицинское общество премію въ пользу того, кто изобрѣтетъ дѣйствительное средство отъ нечувствительности слуха къ гармоніи звуковъ».

Императоръ Петръ III, напротивъ, былъ большой знатокъ и любитель серьезной музыки. По словамъ А. Т. Болотова, онъ самъ игралъ на скрипкѣ «довольно хорошо и бѣгло». Бывши еще наслѣдникомъ престола, онъ содержалъ при своемъ придворномъ оркестрѣ нѣсколько извѣстныхъ итальянскихъ и нѣмецкихъ музыкантовъ. Онъ устраивалъ у себя почти ежедневно концерты, гдѣ постоянно игралъ первую скрипку. Въ этомъ любительскомъ оркестрѣ участвовали и многіе офицеры изъ его свиты; оркестръ государя доходилъ до сорока человѣкъ. У Петра III-го были лучшія въ то время скрипки — нѣсколько Страдиваріусовъ, Руджіери, Амати и другія. По словамъ В. П. Лопухина, Петръ III, сдѣлавшись императоромъ, не переставалъ участвовать съ музыкантами на придворныхъ куртагахъ. Императоръ въ Ораніенбаумѣ устроилъ музыкальную школу изъ дѣтей придворныхъ служителей. Замѣчательными артистами его школы вышли братья Василій и Дмитрій Каратыгины.

Принцъ Генрихъ, о которомъ мы выше говорили, встрѣтилъ пріемъ при русскомъ дворѣ не особенно любезный. Лордъ Мальмсбюри, въ депешахъ въ Лондонъ къ лорду Стормонгу, говоритъ объ этомъ пріемѣ слѣдующее: «Принцъ прусскій пріѣхалъ сюда въ среду вечеромъ, въ сопровожденіи графа Герца и Фитингофа. Свиданіе, происходившее между нимъ и императрицею вчера утромъ, съ величайшей церемоніей и этикетомъ, кажется, мало удовлетворило обоихъ. Онъ не понравился ей своей угловатостью, сдержанностью и неловкостью, а ея пріемъ показался ему холоднымъ, форменнымъ и ничего не обѣщающимъ.

Въ теченіе вечера дѣла не поправились и императрица, не смотря на то, что находилась въ Эрмитажѣ, гдѣ обыкновенно бываетъ весьма разговорчива, обращала на него не болѣе вни-

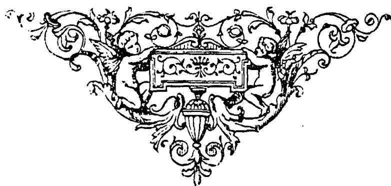

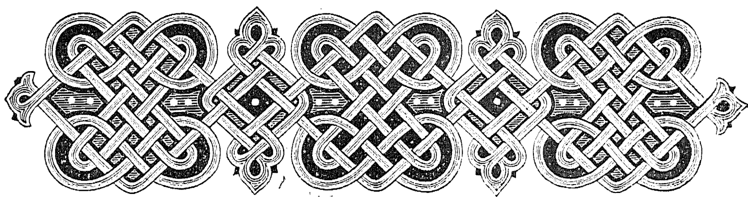
Генрихъ Прусскій.

манія, чѣмъ того требовало приличіе». Далѣе онъ же пишетъ: «Императрица всячески ему намекала, что ей было бы весьма пріятно, еслибы онъ поскорѣе назначилъ день своего отъѣзда и, наконецъ, приказала своему частному секретарю прямо объявить графу Панину, что онъ долженъ стараться выпроводить отсюда принца какъ можно скорѣе, такъ какъ она чувствовала, что въ случаѣ, если его пребываніе продлится, она не выдержитъ, чтобы не сказать ему что нибудь жесткое.

Въ день отъѣзда принца императрица была въ своихъ подаркахъ менѣе щедра, чѣмъ обыкновенно. Она подарила ему вещи не болѣе цѣною въ 8,000 р., четыре куска золотой и серебряной парчи, сорокъ фунтовъ ревеню и столько же чаю».

До самаго отъѣзда прусскаго принца, въ поведеніи императрицы не произошло ни малѣйшей перемѣны. Она попрежнему выражала отвращеніе и скуку всякій разъ, какъ появлялся этотъ высокій гость и, говоря о немъ, всегда ставила его таланты и способности на самую низкую степень. Не смотря на могущественныхъ друзей и союзниковъ, пріобрѣтенныхъ здѣсь его партіей, онъ не достигъ успѣха ни въ чемъ и только себя поколебалъ и усилилъ высокое мнѣніе императрицы насчетъ графа Фалькенштейна. Принцъ уронилъ интересы своего дяди еще ниже прежняго, вмѣсто того, чтобы ихъ возвысить.

ГЛАВА XXII.

Царскосельскіе птичники, первые австралійскіе лебеди.— Адмиралтейство, яхты ботики.—Монъ-Бижу.—Царскосельскій арсеналъ.—Первая постройка Монбежа.—Баурскій каналъ и Бабаловскій дворецъ.—Оперный домъ.—Башня.—Первыя ассигнаціи.—Ферма.—Звѣринецъ.—Графъ Ланской.—Царскосельское кладбище.—Историческія вещи, хранимыя въ церквахъ Царскаго Села.—Богадѣльня.—Александровскій дворецъ.—Заботливость Екатерины II о воспитаніи внука.—Празднества по случаю рожденія Александра I.—Свѣтлѣйшій прислужникъ «Азоръ».—Пышность праздника.—Эпитафія императрицы Екатерины II, написанная ею самой.—Стоимость постройки Александровскаго дворца.—Убранство дворца.—Молельня.—Капелла въ Царскомъ.—Мраморная статуя Христа.—Преданіе объ этомъ изваяніи.—Описаніе зданія капеллы.—Терраса.—Фонтанъ.—Молочница.—Царскосельскій лицей.—Первый директоръ лицея.—Пожаръ.—Первый выпускъ воспитанниковъ.—Желѣзная дорога.—Первый поѣздъ.—Катастрофа.

Ъ 1774 ГОДУ Екатерина II приказала выстроить въ Царскомъ Селѣ «два птичные корпуса» для содержанія разнаго рода птицъ въ саду и на прудахъ для увеселенія. Такіе же птичные корпуса были устроены для капскихъ утокъ, и при императорѣ Александрѣ I въ это время сюда были привезены первые въ Россію, числомъ шесть, австралійскіе черные лебеди, потомки которыхъ, кажется, по сейчасъ еще живутъ на царскосельскихъ прудахъ.

Затѣмъ къ постройкамъ, возобновленнымъ императрицею Екатериною, надо отнести и Адмиралтейство, которое прежде было деревянное; стояло оно на уступахъ каруселя и катальныхъ горъ и представляло весьма невзрачную картину. Императрица, въ 1773 году, приказала построить каменный шлюбочный сарай съ круглыми двумя по сторонамъ башнями для входа, съ находящи-

мися въ нихъ лѣстницами въ верхнюю залу. Въ этомъ зданіи въ первое время очень красиво были расположены фигурами разныя принадлежности мореходства и здѣсь же помѣщалась модель семидесятипушечнаго корабля «Лейпцигъ» и изъ одного дерева сдѣланная байдара или пирòга; по приказанію Екатерины полы здѣсь настланы красными плитками, а стѣны покрыты плитками бѣлаго глазура.

Строеніе это прежде называлось «голландскимъ». У гранитной пристани были поставлены суда, двухвесельные ялики и трешкоуты, по пруду разгуливали на канатахъ ботъ и яхта о двѣнадцати маленькихъ пушкахъ, яхта эта назначалась для плаванія великой княгини Екатерины Павловны въ Тверь и обратно въ Петербургъ. По отъѣздѣ изъ Россіи, великая княгиня подарила ее императору Александру I, который въ воспоминаніе и повелѣлъ перевести ее сюда. Въ верхнемъ этажѣ этого зданія находится довольно обширная комната, украшенная по стѣнамъ оригинальными картинами, между которыми особенно примѣчательны восемь видовъ Царскаго Села, писанныхъ Захаровымъ.

Изъ замѣчательныхъ построекъ на водахъ Царскаго Села достойны вниманія: плотина въ видѣ мостика, съ двумя будочками, также устроенный черезъ прудъ мостикъ, сдѣланный изъ сибирскаго мрамора въ видѣ галлереи, въ Екатеринбургѣ изъ горнощитскаго синяго мрамора по рисункамъ знаменитаго Палладія. Для установки этого мостика въ Царскомъ былъ присланъ, въ 1775 году, изъ Екатеринбурга скульпторъ Торторій; колонны — въ высокомъ іоническомъ стилѣ, потолокъ украшенъ живописью.

Монъ-Бижу, бывшій охотничій павильонъ императрицы Елисаветы Петровны, при императорѣ Александрѣ I былъ перестроенъ англійскимъ архитекторомъ Менеласомъ и получилъ нынѣшній видъ четырехбашеннаго зàмка, не выдержаннаго романскаго стиля. Императоръ Николай I въ немъ устроилъ музей своего оружія. Любовь къ собиранію оружія у императора Николая I проявилась еще въ юношескихъ годахъ. Персидская и турецкія войны, закупки въ Калькуттѣ и Дели, и коллекція конскихъ уборовъ, хранившихся при Екатеринѣ II на конюшенномъ дворѣ и дорогіе экземпляры восточныхъ кинжаловъ, принадлежавшихъ Петру Великому, послужили богатымъ матеріаломъ для составленія царскосельскаго арсенала. Всѣхъ вещей тамъ числилось болѣе 5,000 штукъ [288]).

Составлять свой арсеналъ императоръ сталъ въ 1811 году. Государь неоднократно въ своихъ разсказахъ приближеннымъ

упоминалъ, что родоначальницей этого музея была турецкая сабля, взятая, въ 1811 году, у одного паши на Дунаѣ. Въ собраніе музея также поступила колекція оружія великаго князя Михаила Павловича, завѣщанная имъ императору Николаю. Также заграницей было куплено великолѣпное полное вооруженіе рыцаря на конѣ, тяжеловѣсная турнирная броня и много другихъ боевыхъ доспѣховъ, нѣкогда сохранявшихся въ Люнебургскомъ зàмкѣ и въ другихъ мѣстахъ Франконіи, древняго Пфальца и проч., гдѣ они покоились около трехъ столѣтій. Затѣмъ еще въ Петербургѣ былъ купленъ кабинетъ живописца Орловскаго, заключающій прекрасное оружіе русское и польское XVI и XVII вѣковъ.

Также много оружія перешло изъ Польши послѣ событій 1831 года, а въ 1840 году значительное число шведскихъ латъ и касокъ XVI и XVII столѣтія было прислано изъ города Нарвы. Бывшій посолъ въ Вѣнѣ Д. И. Татищевъ тоже завѣщалъ весь свой музей этому арсеналу. Нѣсколько историческихъ предметовъ, какъ напримѣръ, щитъ венеціанскаго дожа Августина Барбарига и полное вооруженіе его было собрано въ Италіи, въ 1844 году, и поднесено императору Николаю I.

Въ 1842 году, 23-го мая, императоръ Николай осуществилъ мысль каруселя, въ которомъ участвовали 16 кавалеровъ и ихъ дамы. Послѣднія были одѣты въ средневѣковые костюмы, а кавалеры покрыты доспѣхами шестнадцатаго вѣка, принадлежащими царскосельскому арсеналу. Императоръ и цесаревичъ были одѣты въ брони временъ Максимиліана, а младшіе великіе князья пажами тогдашняго времени. Рыцарскій кортежъ, предшествуемый музыкою и герольдами, выступилъ изъ арсенала и, проѣхавъ черезъ паркъ, выстроился на площадкѣ передъ Александровскимъ дворцомъ, гдѣ начались эволюціонныя кадрили.

Прекрасная погода благопріятствовала этому празднику, но только лошади очень пугались своихъ всадниковъ, не привыкши видѣть такихъ сѣдоковъ. Спустя нѣсколько лѣтъ императоръ Николай пожелалъ увѣковѣчить это событіе, приказавъ Горасу Верне написать картину въ тотъ моментъ, когда шествіе уже двинулось отъ арсенала. Императоръ изображенъ, имѣя по сторонамъ императрицу Александру Ѳеодоровну, великихъ княгинь Ольгу и Александру Николаевенъ, государя цесаревича, великихъ князей: Константина, Николая и Михаила Николаевичей и герцога Лейхтенбергскаго. Картина эта находится въ Гатчинскомъ дворцѣ.

Изъ вещей этого арсенала примѣчательны слѣдующія: при входѣ въ арсеналъ подъ навѣсами главнаго подъѣзда стоятъ желѣзныя пушки XV столѣтія, найденныя на днѣ морскомъ у датскихъ береговъ; пушки эти были присланы въ подарокъ императору датскимъ королемъ Фридрихомъ VII. Каждая изъ этихъ пушекъ состоитъ изъ длиннаго дула, выкованнаго изъ листового желѣза и связаннаго для большей крѣпости огромными желѣзными кольцами. Въ верхней части ствола или дула находится коробка, помѣщавшая порохъ и запираемая втулкою. Стволъ и коробка соединялись передъ выстрѣломъ посредствомъ желѣзной скобы и укрѣплялись помощью желѣзныхъ клиньевъ. Дуло самой большой изъ этихъ пушекъ вставлено въ выдолбленное дубовое бревно, представляющее собою нѣчто въ родѣ лафета. Находящаяся въ арсеналѣ кулеврина (coulevrine) Карла Смѣлаго такого же устройства.

Въ музеѣ хранились боевая броня вѣсомъ въ 95 фунтовъ, могущая противостать огнестрѣльному оружію, средній вѣсъ боевыхъ доспѣховъ XVI столѣтія простирался отъ 50 до 65 фунтовъ; шлемъ вѣсилъ отъ 5 до 12 фунтовъ, кольчуга отъ 12 до 19 фунтовъ, щитъ отъ 8 до 15 фунтовъ, мечъ отъ 3 до 7 фунтовъ. Въ сложности все вооруженіе вѣсило отъ 73 фунтовъ до $2^1/_2$ пудовъ. Чтобы выдержать тяжесть этихъ доспѣховъ и дѣйствовать подобнымъ оружіемъ въ продолженіе многихъ часовъ, нужны были люди съ необыкновенными мышцами.

Въ кабинетѣ музея хранилось лучшее оружіе изъ всего собранія. Здѣсь лежалъ на столѣ итальянскій кортикъ (dague) во вкусѣ временъ Возрожденія; рукоятка его агатовая, въ серебряной золоченой оправѣ, съ разными украшеніями. Превосходное исполненіе миніатюрныхъ сюжетовъ и украшеній заставляетъ предполагать, что надъ нимъ трудился Бенвенуто-Челлини; кортикъ этотъ принадлежалъ Петру Великому; онъ хранился прежде въ музеѣ Академіи Наукъ. Здѣсь же хранилось и огнестрѣльное оружіе работы Лоренцо Лазарини и Лазарино Комминацо; произведенія этихъ мастеровъ пріобрѣли громкую извѣстность какъ достоинствомъ и тониною стволовъ, такъ и изящностью отдѣлки; про пистолеты этихъ мастеровъ говорятъ, какъ бы ни были ихъ нѣжные стволы помяты, но отъ выстрѣла они выпрямлялись.

Изъ числа интереснаго оружія здѣсь имѣлись испанскіе кинжалы для лѣвой руки; клинокъ этого оружія состоялъ изъ тройного лезвія, которое пружиною распускалось въ случаѣ на-

добности для задержанія шпаги противника. Изъ числа старинныхъ мечей здѣсь хранились польскій королевскій мечъ, пожалованный папою Инокентіемъ XI королю Іоанну Собіескому въ память славной побѣды, одержанной имъ надъ турками при Хотинѣ. Мечъ этотъ былъ употребляемъ въ Варшавѣ при торжествѣ коронованія императоровъ Александра I и Николая I царями польскими. Тамъ же хранился другой польскій небольшой мечъ, принадлежавшій Костюшкѣ. На мечѣ были выгравированы вызолоченныя украшенія Божіей Матери съ младенцемъ Іисусомъ, св. Георгія и друг. Этотъ мечъ былъ при Костюшкѣ во время мацеевицскаго сраженія, когда разбитый графомъ Ферзеномъ и раненый онъ былъ взятъ въ плѣнъ. Екатерина II пожаловала этотъ мечъ графу Валеріану Зубову, отъ котораго онъ перешелъ къ барону Розену; послѣдній поднесъ его императору Николаю I. Затѣмъ здѣсь же была и сабля Костюшки, поднесенная ему польскими полками, находившимися въ составѣ французской арміи; во время итальянскихъ войнъ она была найдена въ Лоретѣ, въ тамошнемъ соборномъ храмѣ Пресвятой Богородицы, и принадлежала нѣкогда Іоанну Собіескому. Сабля подарена Костюшкой генералу Домбровскому.

Въ этомъ же отдѣленіи хранились палаши воеводъ XVII вѣка, богатѣйшей отдѣлки, и сабельныя полосы Стефана Баторія, также и жезлы гофмаршаловъ польскаго двора въ богатой золотой оправѣ, украшенные бриллiантами и другими драгоцѣнными камнями. Затѣмъ сѣкиры и палицы Шамиля. Эти сѣкиры не что иное, какъ древніе русскіе бердыши XV вѣка. Когда, въ 1859 году, Шамиль посѣтилъ царскосельскій арсеналъ, онъ видимо былъ пораженъ богатствомъ здѣшняго оружія. Увидѣвъ свое оружіе, онъ сказалъ: «это мое оружіе, взятое у меня въ такомъ-то дѣлѣ». И онъ остался очень доволенъ, что государю императору было угодно помѣстить его въ такомъ почетномъ собраніи.

Въ арсеналѣ имѣются и такія рѣдкости (или были, такъ какъ теперь онъ частію перенесенъ въ Петербургъ въ Эрмитажъ), возбуждающія воспоминанія о прошломъ, какъ напримѣръ, каменная трость, съ которою обыкновенно прогуливалась по садамъ Царскаго Села великая строительница послѣднихъ. Затѣмъ табакерка, которую носилъ въ карманѣ Фридрихъ Великій; бумажникъ Наполеона, служившій ему въ войну 1812 г., серебряный его приборъ, взятый при ватерлооской битвѣ, тутъ же и письмо Бертье, начальника штаба Наполеона, извѣщающее князя Экмюльскаго объ отступленіи французовъ изъ Москвы; не-

большой крестъ Почетнаго Легіона, принадлежавшій Наполеону, и т. д. У подъема лѣстницы, съ обѣихъ сторонъ баллюстрады, поставлены были 15 копій, служившихъ на турнирѣ, данномъ императрицею Екатериною II. На древкѣ каждаго написано имя участвовавшаго въ ристалищѣ рыцаря, такъ напримѣръ, Апраксина, Бибикова (котораго императрица шутя называла испанскимъ грандомъ, потому что онъ былъ очень малаго роста), князя Гагарина, Талызина, Ребердара, Расякова (sic), графа Ферзена и друг.

Достигнувъ упомянутой лѣстницы, можно отворить дверь на крышу арсенала и пройти въ другія три башни. Въ средніе вѣка каждый зàмокъ имѣлъ свои сокровенные ходы и тайники. И въ зданіи арсенала подъ крышею есть такіе таинственные затворы, куда заключены, какъ преступники, всѣ фальшивые экземпляры оружія, случайно попавшіе въ собраніе арсенала. Въ числѣ крайне любопытныхъ вещей арсенала находилась желѣзная маска съ замкомъ, служившая, вѣроятно, несчастному государственному преступнику, приговоренному къ вѣчному молчанію. Къ маскѣ на цѣпочкѣ привѣшено орудіе пытки, встрѣчающееся очень рѣдко, хотя названіе его довольно извѣстно въ Западной Европѣ, это желѣзная груша (poire d'angoisse), состоящая изъ четырехъ раздвигающихся на пружинѣ частей; она вкладывалась въ ротъ несчастнаго, приговореннаго къ пыткѣ. Пружина приводилась въ дѣйствіе ключемъ, стѣнки груши постепенно расширялись и растянутый до-нельзя ротъ становился страшною зіяющею пастью. Интересенъ также тамъ замокъ іерусалимскій, вѣсомъ въ 38 ф. Этотъ любопытный замокъ найденъ во рву въ 1839 году, гдѣ лежалъ болѣе семи столѣтій, ключъ этого замка вѣситъ 5 фунтовъ. Не менѣе любопытенъ ковшъ Томилы Луговскаго, воеводы царя Михаила Ѳеодоровича, пожалованный ему царемъ въ память того, что въ Вербное воскресенье 1629 года онъ велъ подъ уздцы осла во время церковнаго шествія, совершавшагося въ воспоминаніе входа Іисуса Христа въ Іерусалимъ.

Въ арсеналѣ имѣется простой деревянный крестъ, обложенный свинцовыми листами, съ вырѣзанными буквами Н. М. А. Этотъ крестъ, быть можетъ, былъ свидѣтелемъ всѣхъ ужасовъ страшной борьбы съ голодною смертью. Вотъ его исторія: въ 1809 году морская команда, посланная Гедерштромомъ на судахъ въ Ледовитое море, между 75° и 77° восточной широты, нашла на берегу неизвѣстную могилу, разрытую, вѣроятно, бѣлыми медвѣдями. Въ ней лежалъ человѣческій остовъ, котелокъ, немного угля, нѣсколько концовъ желѣзныхъ стрѣлъ, желѣзная

форма для литья пуль, части кожаной обуви и помянутый крестъ. Нѣсколько верстъ далѣе, моряки нашли на берегу остатки разбитой лодки, почему и можно предполагать, что лодка эта была выброшена на берегъ бурею, гдѣ послѣдній изъ несчастныхъ пловцовъ, оставшійся въ живыхъ, вырылъ могилу одному изъ своихъ товарищей.

Въ числѣ рѣдкихъ вещей тамъ же хранилась сабля малороссійскаго гетмана Мазепы. Сабельная полоса кривая, покрыта гравировкою; съ правой стороны надпись: «На гибель супостата въ сиче дерзающему смерть 1687 г.». По лѣвой сторонѣ шла надпись: «Надежда въ Бозе, а крѣпость въ руцѣ правому дилу конецъ Мазепа». Черенъ рукоятки обтянутъ акуловою кожею; оправа серебряная, вызолоченая, обронной работы, въ польскомъ вкусѣ; рукоятка замкнута вмѣсто огнива цѣпочкою. Сабля поднесена императору Николаю I графомъ Л. Перовскимъ въ 1849 г.

Какъ уже мы выше говорили, Монбежъ или нынѣшній арсеналъ былъ выстроенъ императрицею Елисаветою въ 1745 г.; первая постройка этого зданія была крестообразная, длиною и шириною, съ башнями, по пятнадцати саженъ. Четыре крыльца со всѣхъ сторонъ прежде были дубовыя. Въ 1747 году зданіе это было совсѣмъ готово, постройка была великолѣпная, украшенная въ куполахъ и по стѣнамъ живописью; рисовалъ эти картины живописецъ Гротъ младшій.

На всѣхъ картинахъ были изображены виды и предметы, относящіеся до охоты. Какъ большая зала, такъ и четыре боковыя въ башенкахъ комнаты носили названіе «ягдъ-камеры». Вся внутренняя отдѣлка комнаты была деревянная, изъ ольховаго дерева подъ лакъ, и когда внутреннія деревянныя украшенія стали приходить въ ветхость, то всѣ картины были взяты оттуда въ большой дворецъ и оттуда уже, по приказу императора Павла I, перевезены въ гатчинскій дворецъ, гдѣ и по сейчасъ находятся. По близости Монбежа, съ восточной стороны, за каналомъ въ лѣску было небольшое каменное строеніе о трехъ комнатахъ, составлявшихъ службы во время высочайшихъ прибытій на охоту. Въ 1823 году домъ этотъ разобранъ и уничтоженъ.

Къ числу Екатерининскихъ построекъ въ Царскомъ надо отнести Баурскій каналъ и Бабаловскій дворецъ; первый построенъ для проведенія таицкой воды генералъ-квартирмейстеромъ Бауеромъ, въ 1774 году,—вода бѣжитъ по немъ изъ мызы гг. Демидовыхъ, «Таицы», на протяженіи болѣе пятнадцати верстъ [289]).

Еще императрица Елисавета Петровна мечтала объ осуществленіи «Таицкаго водопровода». Впослѣдствіи этотъ водопроводъ, въ 1795 году, былъ въ три года перестроенъ, сдѣланы на мѣсто деревянныхъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подземныя элиптическія каменныя трубы, подрядомъ 43 рубля съ каждой погонной сажени, шириною внутри $4^{1}/_{2}$, вышиною 6 футовъ.

Вода таицкая считается самою здоровою. Императрица Екатерина II другой никогда не пила, и во время ея путешествій ей доставлялась только эта вода для питья. Встарину изъ Петербурга ѣзжали любители попить хорошаго чаю на этой водѣ. Такіе любители останавливались у Бабаловскаго дворца, гдѣ инвалиды ставили самоваръ за прудомъ въ каменномъ домѣ и охотники до чая пили такой чай до седьмого пота. Бабаловскій дворецъ до императрицы Екатерины былъ деревянный; эта государыня приказала, въ 1782 году, построить новый каменный и устроить при немъ садикъ съ прудочками и англійскими дорожками и также поставить здѣсь мраморную ванну. Впослѣдствіи императоръ Александръ I, въ 1824 году, отдѣлалъ ее гранитомъ. Ванна помѣщается въ особомъ кругломъ покоѣ. Когда немного откроютъ правый шлюзъ у мостика, то вода быстро наполняетъ ванну.

Въ Бабаловскомъ дворцѣ всего семь комнатъ. Здѣсь нѣкогда лѣтомъ жилъ съ своимъ семействомъ австрійскій посланникъ графъ Эстергази. На пути открытаго бауерскаго водопровода, недалеко отъ гатчинскихъ воротъ, прежде стояла «Каменная бесѣдка пустынника», названная такъ по находящейся у ней на камнѣ статуѣ пустынника.

Замѣчателенъ также въ Царскосельскомъ саду такъ называемый «Оперный домъ» или театръ, построенный вчернѣ въ 1778 году. Зданіе въ китайскомъ вкусѣ, выведено съ островерхими окнами; все строеніе длиною 32, шириною 10 саженъ. Внутреннее убранство въ театрѣ тоже въ китайскомъ вкусѣ, ложи въ два яруса для придворныхъ, а партеръ для публики. Во времена императора Николая Павловича здѣсь очень часто лѣтомъ давались французскіе спектакли. Театръ этотъ построенъ по рисунку Камерона. Выше, описывая «Китайскую деревеньку», мы забыли сказать, что въ ней жилъ «Карамзинъ» и тамъ писалъ свою исторію. Къ нему сюда пріѣзжалъ изъ Москвы и гостилъ другъ его поэтъ Дмитріевъ.

Въ числѣ старинныхъ построекъ здѣсь существовала нѣкогда ванна, построенная для обученія великихъ князей, августѣйшихъ

внуковъ Екатерины, плаванію. Ванна эта впослѣдствіи была отдана Лицею. Затѣмъ «бастіонъ», на которомъ устроены разныя дѣтскія игры и возвышается красивая готическая башня, нѣкогда съ телеграфомъ. Такихъ бастіоновъ прежде было три по угламъ звѣринца, а на четвертомъ углу въ старину стояла церковь. Императрица Екатерина велѣла разобрать церковь, а изъ четырехъ бастіоновъ остался теперь только одинъ. Башня построена въ 1822 году.

Къ числу историческихъ построекъ въ Царскомъ надо причислить и «бумажную мельницу», созданую, въ 1784 году, генераломъ Бауеромъ для дѣланія гербовой и ассигнаціонной бумаги. Впослѣдствіи эту мельницу превратили въ Императорскую обойную бумажную фабрику. Изъ сельскохозяйственныхъ построекъ въ Царскомъ Селѣ процвѣтала нѣкогда «ферма», построенная въ 1819 году, поля которой воздѣлывали ижорскіе и фридентальскіе нѣмецкіе колонисты. На фермѣ нѣсколько образцовыхъ кладовыхъ для молочныхъ скоповъ, ледникъ и комнаты для пріѣзда августѣйшихъ гостей; въ послѣднихъ имѣются картины старинной фламандской школы и богатые старые фарфоровые сервизы—саксонскіе и китайскіе. Помимо крупнаго рогатаго скота, здѣсь были бараны и овцы мериносы. Въ звѣринцѣ Царскаго прежде содержались слоны и ламы, на которыхъ публика массами пріѣзжала смотрѣть изъ Петербурга.

Къ замѣчательнымъ памятникамъ старыхъ временъ въ Царскомъ Селѣ надо причислить кладбищенскую церковь Казанской Божіей Матери. Объ устроеніи царскосельскаго кладбища передаетъ священникъ Іоаннъ Смирницкій слѣдующее преданіе [290]:

«Извѣстный флигель-адъютантъ императрицы Екатерины II, графъ Алек. Дмитріевичъ Ланской, выѣхалъ однажды на охоту, и когда проѣзжалъ по здѣшней мѣстности, то выбѣжавшій изъ кустарниковъ заяцъ испугалъ его лошадь, которая сбила Ланского съ себя, и онъ, страшно ушибленный, вскорѣ скончался [291]); императрица, видѣвшая все это съ балкона своего дворца, распорядилась устроить тутъ церковь и кладбище. Ланской былъ сперва погребенъ близъ стараго дворца, въ садикѣ императрицы, а по освященіи церкви, прахъ его былъ перенесенъ сюда. Кладбище тогда же было обнесено оградою, фундаментъ которой изъ булыжника былъ, поверхъ земли, сглаженъ бутовою плитою; стѣны были выведены въ три кирпича, въ сажень вышины [1]).

На западной сторонѣ ограды, противъ церкви, устроена была колокольня въ два этажа. Кладбище это можетъ считаться но-

вымъ; прежнее, старое царскосельское находилось у ручья Вангази, гдѣ теперь дворецъ великаго князя Владиміра Александровича. На старомъ кладбищѣ была деревянная церковь Успенія Божіей Матери, построенная въ 1716 году. Когда 1724 г. Екатерина I устроила новую деревянную церковь, то прежняя перенесена была за ручей Вангази. Но такъ какъ кладбище находилось близь дворца и плачъ по умершимъ тревожилъ слухъ и сердце императрицы Елисаветы Петровны, то кладбище было закрыто; Успенская церковь перенесена въ Кузьмино и стали тамъ хоронить покойниковъ изъ Царскаго до 1783 года, когда было устроено нынѣшнее кладбище на мѣстѣ гибели Ланского, какъ говоритъ преданіе. Подъ церковью прежде погребались только родственники Ланского, отчего кладбище называлось «кладбищемъ Ланского», здѣсь въ подвалѣ устроена 21 ниша, въ два ряда.

На кладбищѣ, близь церкви, погребено много высокопоставленныхъ лицъ и ученыхъ, въ числѣ первыхъ — россійскій консулъ Г. Г. Нордъ, умершій въ Гилянѣ, въ Персіи, и, по обычаю персидскому, Нордъ погребенъ въ мундирѣ съ орденами, на которыхъ бриллiантовъ на 4,000 руб. и, кромѣ того, при немъ, какъ любителѣ охоты, положено ружье и всѣ принадлежности охоты, цѣною болѣе 400 руб. Нордъ скончался отъ черной оспы [292]). Затѣмъ здѣсь лежитъ профессоръ А. И. Чивилевъ, сгорѣвшій во время пожара дворца 16 сентября 1867 г. Онъ былъ впослѣдствіи вынутъ судебною комиссіею изъ могилы и было найдено, что онъ былъ задушенъ и затѣмъ уже сожженъ. Замѣчательный случай здѣсь еще былъ при погребеніи царскосельскаго частнаго пристава Берегова, тѣло котораго оставалось непогребеннымъ болѣе десяти дней, по отсутствіи на немъ признаковъ разложенія. На кладбищѣ до пяти часовень, изъ числа которыхъ одна отличается очень художественной отдѣлкой въ готическомъ стилѣ, въ два этажа, работы Юл. Ѳедор. Бруни, принадлежащая княгинѣ Е. М. Долгоруковой; внизу этой часовни, въ великолѣпномъ изъ бѣлаго мрамора саркофагѣ положено тѣло младенца Бориса. Въ одной изъ часовень, которая стоитъ внѣ ограды, находится родникъ чистой студеной воды, которую царскосельскіе жители считаютъ цѣлебною отъ глазной болѣзни. Что же касается до исторіи церкви, то по документамъ она заложена въ 1785 году и освящена въ 1796 году. За оградой этой церкви находятся кладбища католическое, протестантское, еврейское и магометанское.

Графъ А. Д. Ланской.

Въ числѣ замѣчательныхъ вещей прошедшаго столѣтія, хранимыхъ въ церквахъ Царскаго Села, имѣются въ церкви Рождества Богородицы при Николаевской гимназіи — престолъ изъ походной церкви Екатерины I, стоящій съ 1716 года въ первой постоянной церкви Царскаго Села Успенія Богородицы. Иконостасъ этой же первой церкви сохраняется по сейчасъ въ госпитальной часовнѣ царскосельской богадѣльни; послѣдняя еще существовала при Екатеринѣ I. Богадѣльня была одно-этажная, деревянная; когда она пришла въ ветхость, то при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ построена новая, сперва деревянная, а потомъ каменная, на сорокъ человѣкъ.

При императрицѣ Екатеринѣ II къ этому зданію сдѣланы пристройки. Зданіе это существуетъ посейчасъ, стоитъ оно вблизи придворной знаменской церкви; въ немъ живутъ казенные рабочіе. На нынѣшнее мѣсто богадѣльня переведена при Александрѣ I, при переселеніи жителей стараго города Софіи. Постройка богадѣльни съ церковью начата въ 1809 году, переведены же сюда престарѣлые и больные въ апрѣлѣ 1817 года. Нынѣшняя церковь построена въ ней въ 1852 году.

Въ 1792 году императрица Екатерина II заложила въ новомъ саду для перворожденнаго своего внука императора Александра I дворецъ, постройку котораго поручила архитектору Гваренги. Годъ рожденія внука былъ знаменательный для августѣйшей бабушки и она положила самую горячую нѣжность и заботливость о воспитаніи послѣдняго, не лишенную безсознательнаго вліянія вѣка и школы Руссо. Изъ переписки императрицы съ Гриммомъ мы видимъ, съ какою радостію она извѣщаетъ объ этомъ событіи. «Знаете ли вы Александра? Часто ли вы бываете въ Версали? Знаете ли вы приказчиковъ г. Александра, ну, по крайней мѣрѣ, того г. Александра, о которомъ столько говорится въ «Простодушномъ» Вольтера. Но я бьюсь объ закладъ, что вы вовсе не знаете того г. Александра, о которомъ я буду вамъ говорить. Это вовсе не Александръ Великій, а очень маленькій Александръ, который родился 12-го этого мѣсяца въ девять и три четверти часа утра. Все это, конечно, значитъ, что у великой княгини только-что родился сынъ, который въ честь св. Александра Невскаго получилъ великолѣпное имя Александра. Но, Боже мой, что-то выйдетъ изъ мальчика? Я утѣшаюсь съ Бэйлемъ и отцомъ Тристана Шанди, бывшими того мнѣнія, что имя оказываетъ вліяніе на того, кто его носитъ, а это имя знаменито. Его носили иногда матадоры, только бы

тузы не перешли въ эту компанію. Думаете ли вы, что семейные примѣры имѣютъ въ этомъ случаѣ значеніе? Иногда и затруднишься въ выборѣ. Примѣръ тутъ не причемъ. По слову Евангелія, знаменитаго пастора Вагнера[293]) природа—тутъ все, но ее-то гдѣ отыскать? Развѣ на днѣ мѣшка, именуемаго хорошимъ сложеніемъ? Это, кажется, здѣсь есть, лишь бы масса, тѣло, кости не поглотили летучаго вещества; все это теребитъ мысль то направо, то налѣво. Я пошлю это на обсужденіе вдовствующей шведской королевы; она это рѣшитъ лучше меня. Жаль, что волшебницы вышли изъ моды: онѣ одаряли ребенка чѣмъ хотѣли; я бы поднесла имъ богатые подарки и шепнула бы имъ на ухо: «сударыни, неиспорченной природы, поболѣе неиспорченной природы, а опытность додѣлаетъ все остальное». Академикъ Я. К. Гротъ, въ своихъ комментаріяхъ къ письмамъ Екатерины II къ Гримму, весьма вѣрно замѣчаетъ, что здѣсь, какъ и въ дальнѣйшей перепискѣ императрицы, проглядываетъ трогательная нѣжность бабушки и нѣчто простое и истинно-человѣчное среди блеска, и часто обманчиваго земного величія.

Существуетъ записка императрицы о рожденіи и воспитаніи великаго князя Александра Павловича. Эта записка написана была государыней къ шведскому королю Августу III, который обратился къ Екатеринѣ за совѣтомъ, какъ поступать ему относительно первоначальнаго воспитанія шведскаго кронпринца[294]). Вотъ сокращенная выписка изъ этого наставленія. «Тотчасъ же послѣ его рожденія я взяла ребенка на руки и послѣ того, какъ его обмыли, понесла его въ другую комнату, въ которой я его положила на подушку, покрывая его слегка, не дозволяя при этомъ пеленать его иначе, какъ показано на приложенной при семъ куклѣ[295]). Затѣмъ его положили въ корзину, въ которой находилась кукла; это сдѣлано съ тою цѣлью, чтобы болѣе не вздумали качать ребенка. Александръ былъ отданъ на попеченіе генеральши Бенкендорфъ. Его кормилица была жена работника-садовника. Особенно заботились о чистотѣ и свѣжемъ воздухѣ. Кровать Александра (онъ не знаетъ ни люльки, ни качанья) желѣзная, безъ занавѣсъ; лежитъ онъ на кожаномъ матрасѣ, на которомъ стелется одѣяло; у него не болѣе одной подушки и очень легкое англійское покрывало. Въ его комнатѣ всегда говорятъ громко, даже и когда онъ спитъ. Никакой шумъ надъ его комнатами или возлѣ нихъ не запрещенъ. Даже на бастіонѣ адмиралтейства, напротивъ его оконъ, стрѣляютъ изъ пушекъ (этимъ можно отчасти объяснить глухоту императора Александра Павловича).

и, вслѣдствіе всего того, онъ не боится никакого шума; температура въ его комнатахъ была отъ 14 до 15 градусовъ. Каждый день комнату освѣжали и ежедневно его купали. Сначала вода была теплая, позднѣе комнатной температуры; ребенокъ очень любилъ купанье. Какъ трудъ, такъ и сонъ ребенка были распредѣлены по часамъ.

«Какъ только позволила погода, Александра вынесли на воздухъ съ непокрытой головой и мало-по-малу стали пріучать къ воздуху и даже оставляли спать на воздухѣ въ хорошую погоду. Чулокъ онъ не зналъ, и когда ему было четыре мѣсяца, его перестали носить на рукахъ и дали ему коверъ, на который его клали на брюшко. Его одежда состояла изъ коротенькой рубашенки и изъ вязанаго широкаго корсетика. На воздухѣ къ этому еще прибавляется шерстяная или шелковая юбочка. Онъ ничего не знаетъ о простудахъ; большой, полный, свѣжій и веселый, любитъ прыгать и почти никогда не кричитъ».

Отъ 22-го декабря императрица пишетъ: «Г. Александръ былъ окрещенъ третьяго дня и всѣ здоровы». По случаю рожденія великаго князя было назначено нѣсколько праздниковъ. Въ одномъ изъ писемъ говорится, что около масляницы, за двѣ недѣли до великаго поста, предполагалось одиннадцать маскарадовъ, не считая тутъ обѣды и ужины, на которые приглашена была императрица.

Изъ всѣхъ придворныхъ праздниковъ, самый оригинальный и торжественный былъ «праздникъ Азора», данный во дворцѣ, въ комнатахъ музея, 13-го февраля 1778 года. Вотъ современное описаніе этого праздника въ сокращенномъ видѣ: «Во вторникъ ея императорское величество обѣденное кушанье изволила кушать во внутренней комнатѣ, гдѣ вещи бриліантовыя; къ столу приглашены были: князь Ѳ. С. Барятинскій и С. Г. Зоричъ. Въ столовой комнатѣ кушали гофъ-маршалъ и дежурные кавалеры—пять персонъ. Вечеромъ, въ 6-мъ часу, представлена была итальянская опера, называемая «Ахиллъ». Въ продолженіе этой оперы, находящійся при ея величествѣ арапчикъ Азоръ, представлявшій африканскаго вельможу и блюстителя всего свѣта сокровищъ, разносилъ знатнымъ особамъ обоего пола билеты, приглашая во внутренніе ея величества покои. Предъ окончаніемъ оперы, въ исходѣ восьмого часа, государыня изволила съ ихъ императорскими высочествами шествовать во внутреннія комнаты, куда и приглашенныя Азоромъ особы слѣдовали; гостямъ предоставлены были три стола карточные, на столахъ по-

ставлены были по ящику брилліантовъ, во всякомъ ящикѣ по 52 камня, а каждый камень вѣсомъ по одинъ каратъ; во время игры въ макао, у кого выходило девять, тотъ и бралъ изъ ящика одинъ камень.

Когда каменья были разыграны, просилъ помянутый Азоръ за столъ кушать, для чего было предоставлено въ двухъ комнатахъ три стола. Въ первой комнатѣ, которая убрана зеркальными стеклами, было два стола; за первымъ столомъ кушать изволили ихъ императорскія высочества, съ знатными обоего пола особами, а за другимъ кушали знатныя особы. Во второй комнатѣ, которая называлась турецкой, за круглымъ столомъ кушали однѣ мужского пола знатныя особы. Государыня кушать не изволила, а изволила какъ съ ихъ высочествами, такъ и съ засѣдающими персонами въ обѣихъ комнатахъ продолжать разговоры.

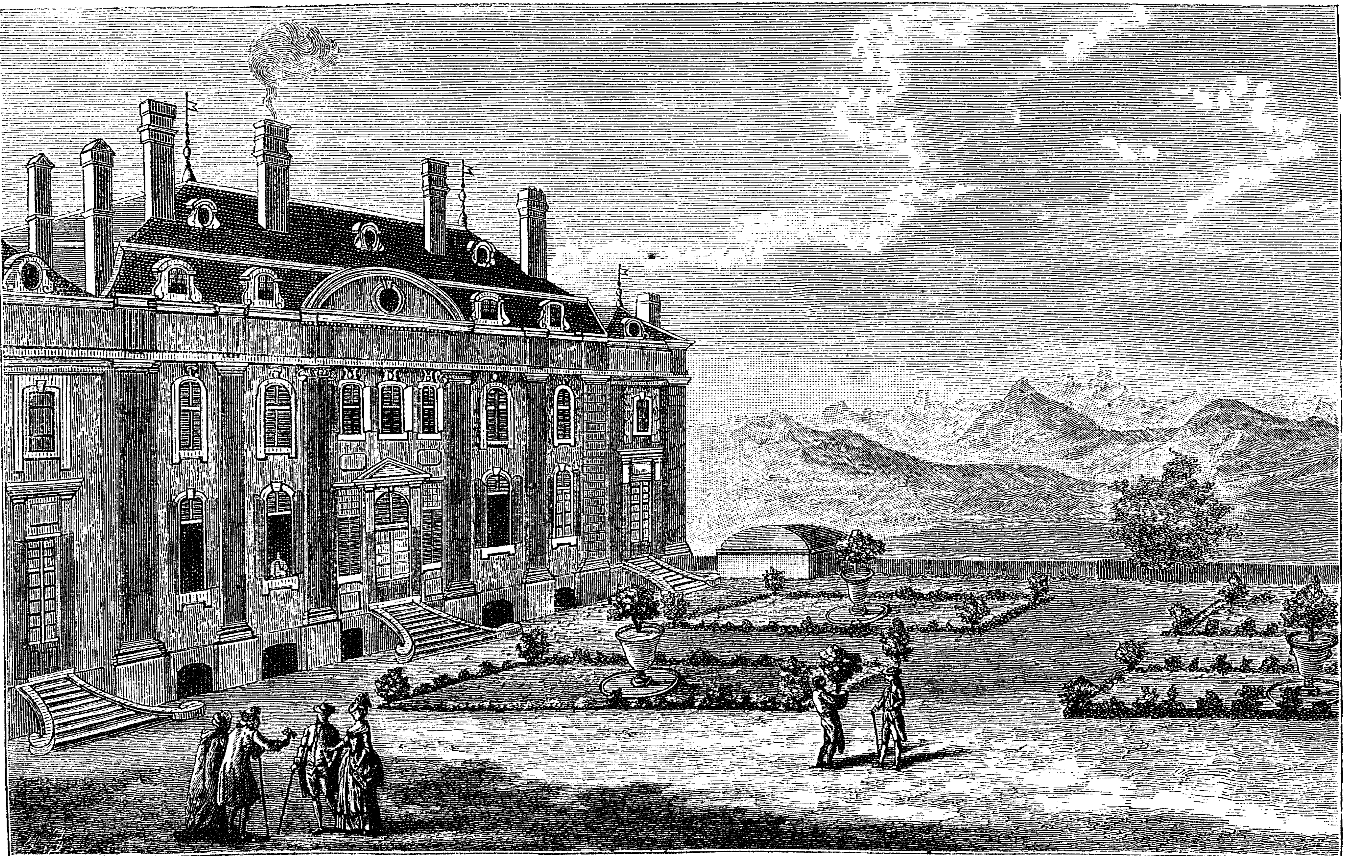
На столахъ, вмѣсто десертныхъ штукъ, поставлены были пирамиды, которыя на оный случай нарочно сдѣланы, представляющія разныя древности и украшенныя драгоцѣнными каменьями, какъ брилліантами, яхонтами, изумрудами, жемчугомъ, такъ и золотою рудою и разныхъ родовъ рѣдкими каменьями. Когда ихъ императорскія высочества изволили войти въ первую комнату, при самомъ ихъ вступленіи въ послѣднюю отдернутъ былъ у окошка занавѣсъ, и въ ту самую минуту блеснула въ глазахъ зрителей литера А, выложенная драгоцѣнными брилліантами; таковыя двѣ литеры на зеленомъ бархатѣ были убраны одна брилліантами, а другая—жемчугомъ крупнымъ. При тѣхъ столахъ ихъ императорскимъ высочествамъ и засѣдающимъ персонамъ служили пажи, которые одѣты были въ длинное платье, шитое нарочно вновь изъ золотого глазету; чрезъ плечи ихъ висѣли перевязки изъ голубого атласу, распущенные волосы завязаны были бѣлыми лентами. Столъ кончился въ 11-мъ часу и ихъ императорскія высочества изволили отбыть въ свои покои и прочія персоны разъѣхались. По многимъ соображеніямъ можно предположить, что подъ именемъ Азора являлся переодѣтымъ самъ великолѣпный князь Тавриды, который и былъ устроителемъ праздника. Академикъ Гротъ говоритъ, что на это указываетъ самое время безпрерывныхъ маскарадовъ, такъ что императрица самому Гримму выражаетъ сожалѣніе, что онъ не нарядился въ летучую мышь, чтобы явиться въ Петербургъ пополнить вереницу маскированныхъ.

Но еще болѣе утверждаетъ въ этомъ предположеніи одно изъ послѣдующихъ писемъ, гдѣ Екатерина говоритъ: «африканскаго

дворянина (т. е. настоящая фамилія ея негра, Азора) теперь зовутъ не иначе, какъ Григорій Александровичъ изъ Гваделупы, ибо имя Азора, кормильца черепахъ, сдѣлалось несноснымъ для его ушей». Въ самомъ описаніи императрицей, какъ гости поднялись по узенькой лѣстницѣ въ комнаты музея, какъ этой игрой въ брилліанты были поражены дипломаты, какъ послѣ полутора часовой игры гости подѣлили между собой оставшіеся брилліанты—во всемъ этомъ мы видимъ доказательство вѣрности высказаннаго выше предположенія—кому могли войти въ голову такія раскошныя затѣи и кто могъ исполнить ихъ сюрпризомъ императрицѣ и гостямъ, кромѣ всемогущаго Потемкина.

Всѣ эти шумныя пиршества такъ утомили императрицу, что она сдѣлала себѣ шуточную эпитафію, перефразируя ту, которую написала своей собачкѣ «Тому Андерсону». Вотъ эта эпитафія, писанная ея рукою и сохранившаяся въ ея бумагахъ: «Здѣсь покоится Екатерина II, родившаяся въ Штетинѣ, 21-го апрѣля 1729 года. Она переѣхала въ Россію въ 1744 году, чтобы выйти замужъ за Петра III. На четырнадцатилѣтнемъ возрастѣ она поставила себѣ тройную цѣль—понравиться своему мужу, Елисаветѣ и націи. Она ничего не упускала, чтобъ успѣть въ томъ. Восемнадцать лѣтъ скуки и уединенія заставили ее прочитать множество книгъ. Достигши россійскаго престола, она стремилась къ дѣлу и старалась доставить своимъ подданнымъ счастье, свободу и собственность. Она легко прощала и ни къ кому не питала ненависти. Снисходительная, уживчивая отъ природы, веселая, съ республиканской душой и добрымъ сердцемъ, она пріобрѣла друзей. Трудъ для нея былъ легокъ, общество и искусство ей нравились».

Императрица Екатерина II не была суевѣрна и часто говаривала о своей смерти. Такъ существуетъ и собственноручная ея записка на клочкѣ бумажки, написанная чернилами, о мѣстѣ, гдѣ ее похоронить. Вотъ слова, написанныя государыней: «Ежели умру въ городѣ, положите меня въ Александро-Невскомъ монастырѣ, въ соборной церкви, мною построенной; ежели въ Царскомъ Селѣ — на Софійскомъ кладбищѣ, у Казанской Богородицы; буде же въ Петергофѣ—въ Сергіевской пустынѣ; ежели на Москвѣ—въ Успенскомъ монастырѣ». Секретарь императрицы, Храповицкій, прочелъ эту записку на письменномъ столѣ государыни. П. Бартеневъ [296]) говоритъ, что эти мрачныя мысли императрицы находились въ связи съ полученнымъ незадолго

Видъ Фернейскаго замка, принадлежавшаго Вольтеру, въ концѣ XVIII столѣтія.

передъ тѣмъ извѣстіемъ о насильственной кончинѣ Густава III и съ умысломъ Басевича на жизнь Екатерины.

Есть преданіе, что дворецъ для своего внучка державная бабушка хотѣла построить въ Царскосельскомъ саду, въ видѣ Фернейскаго зȧмка. Она писала Гримму: «Пожалуйста, доставьте мнѣ фасадъ Фернейскаго зȧмка и, если можно, внутреній планъ комнатъ. Царскосельскій паркъ не долженъ существовать, если въ немъ не будетъ Фернейскаго зȧмка».

Императрица Екатерина помимо особеннаго попеченія о здоровьѣ державнаго внука, постоянно заботилась о его воспитаніи. Для первоначальнаго его чтенія она сама сочинила ему азбуку, послѣдняя разошлась въ количествѣ 40,000 экземпляровъ вскорѣ по ея напечатаніи; затѣмъ написала для него сказки «О царевичѣ Февсеѣ» и «О царевнѣ Хлорѣ» и сдѣлала собраніе русскихъ пословицъ. Главнымъ попечителемъ при немъ она назначила Н. И. Салтыкова и написала ему инструкцію, содержащую наставленія о сохраненіи здоровья воспитанника, объ укрѣпленіи въ немъ наклонности къ добру, объ учтивости, о познаніяхъ и т. д. Наставниками его были: законъ Божій преподавалъ протоіерей А. Самборскій, русскій языкъ, исторію и нравственность читалъ ему М. Н. Муравьевъ, математику и физику—академикъ Крафтъ, ботанику — знаменитый Палласъ. Что же касается художествъ и искусствъ, то въ инструкціи было сказано: «Виршамъ и музыкѣ учить не для чего: тѣмъ и другимъ много времени теряется, дабы достигнуть искусства».

Новый или Александровскій дворецъ былъ выстроенъ за 286,000 рублей, подрядчикомъ, армейскимъ прапорщикомъ Новиковымъ, постройка производилась подъ присмотромъ архитектора Неѣлова; въ «нужныхъ случаяхъ послѣдній долженъ былъ требовать изъясненій отъ архитектора Гваренги». Подрядчику позволено было по близости Царскаго Села выстроить два кирпичные завода, но съ тѣмъ только, чтобы, какъ содержатель ихъ, такъ и крестьяне, не рубили дровъ и не опустошали лѣсовъ, но покупали какъ дрова, такъ известь, по добровольной цѣнѣ отъ здѣшнихъ крестьянъ. Кирпичу на постройку дворца употреблено 6.600,000 штукъ. Затѣмъ два бугра земли на томъ мѣстѣ, гдѣ начинается новый дворецъ; строиться повелѣно, не свозя на другія мѣста, разровнять тутъ же и стараться поднять фундаментъ дворца выше такъ, чтобы отъ него во всѣ стороны былъ откосъ или отливъ.

Вынутую изъ фундамента и погребовъ землю велѣно тоже тутъ же разровнять и для отвращенія сырости подъ дворцомъ,

къ находящемуся передъ дворцомъ пруду, велѣно сдѣлать четыре каменныя трубы. Каменныя работы по фундаменту производили итальянскіе мастера Минчіаки и Джіовани; фундаментъ, по приказу императрицы, былъ освидѣтельствованъ архитекторами: Старовымъ и Волковымъ. Затѣмъ къ постройкѣ были присоединены еще прибавочныя работы, за которыя Новиковъ по договору получилъ: 1) за коринѳскаго ордена 22 колонны и 52 малыхъ сквозныхъ пилястръ 35,933 р. 75 к.; 2) въ большой галлереѣ, вновь колонны и пилястры съ хорами стоили 27,505 р. 60 к., и 3) прибавка къ обоимъ флигилемъ четырехнаугольныхъ покоевъ для разныхъ должностей въ оба этажа 10,995 р. 60 к.

Въ іюлѣ 1795 года послѣдовалъ указъ,—домъ великаго князя Александра Павловича стараться, какъ можно скорѣе, привести къ окончанію, такъ чтобы къ 1-му мая 1796 года въ ономъ жить его высочеству. Въ маѣ 1796 года послѣдовалъ новый «указъ государыни»—исполнять всѣ приказанія государя великаго князя Александра Павловича и вести всему особый счетъ, дабы послѣ ассигновать на всѣ таковыя работы потребную сумму. Въ это время въ новый дворецъ привезенъ изъ Таврическаго дворца большой мраморный итальянскій съ бронзою каминъ, въ трехъ штукахъ; изъ утренней залы два камина синяго порфира, изъ магазейна столъ мраморный, наборный; въ опочивальнѣ прибавлено на четверть мѣста для кровати. Цвѣтного садика прибавить, на колоннадѣ сдѣлана рѣшетка, для Шуваловой сдѣлана особенная лѣстница въ садикъ. Къ цвѣтному садику дворца по договору сдѣлана чугунная рѣшетка, по данному рисунку Гваренги—49 саж. $2^1/_2$ аршина, по 60 рублей за каждую сажень, на 2,990 рублей, колоннъ 59, по 30 руб. за каждую, на 1,770 руб., къ двумъ спускамъ рѣшетокъ 44 сажени, по 45 руб. Въ іюнѣ С генералъ Турчаниновъ увѣдомилъ управляющаго Царскимъ Селомъ, Изъѣдинова, что высочайше повелѣно инженеру Толю произвести со всевозможною поспѣшностью построеніе большой и двухъ малыхъ плотинъ у новыхъ прудовъ въ саду великаго князя, на что потребная сумма въ 16,556 р. 80 коп. ассигнована.

Новый Александровскій дворецъ вышелъ очень привлекательнымъ: особенно красива была Коринѳская колоннада, обращенная къ Петербургу и соединяющая оба флигеля; на подъѣздѣ поставлены бронзовыя статуи, изображающія русскія народныя игры — «Бабочника» и «Сваячника» — произведенія нашихъ скульпторовъ, Пименова и Логановскаго. Во дворцѣ картины

по большей части не старыхъ нашихъ художниковъ; изъ такихъ работъ много хранится въ такъ называемой «Голубой комнатѣ», кабинетѣ императора Александра I. Изъ замѣчательныхъ картинъ въ этомъ дворцѣ—«Парадъ», работы Крюгера. Въ молельной комнатѣ дворца, устроенной, въ 1845 году, въ воспоминаніе рано скончавшейся великой княгини Александры Николаевны, поставленъ образъ царицы Александры, писанный Карломъ Брюлловымъ. Близь пруда стоитъ памятникъ, въ видѣ часовни, великой княгинѣ, гдѣ поставлена статуя Александры Николаевны съ младенцемъ на рукахъ. Статуя работы профессора Витали.

Другой памятникъ александровскихъ временъ—это «капелла» или часовня, построенная въ 1825 году для постановки въ ней мраморнаго изваянія Спасителя. Императрица Марія Ѳеодоровна купила у извѣстнаго скульптора, Даннекера, за 100,000 р. это вполнѣ драгоцѣнное изваяніе, статую Іисуса Христа, и подарила ее императору Александру I. По преданію, скульпторъ Даннекеръ увидѣлъ однажды во снѣ Спасителя; съ того времени день и ночь этотъ образъ занималъ его до такой степени, что онъ началъ думать, будто его побуждаетъ къ работѣ сверхъестественная сила и послѣ восьмилѣтнихъ размышленій и попытокъ онъ произвелъ изваяніе Іисуса Христа. Когда статуя еще была въ модели, Даннекеръ привелъ къ себѣ въ студію семилѣтняго ребенка и спросилъ его: «Что это за статуя?»—Это Спаситель,—отвѣчалъ ребенокъ, и художникъ въ радостномъ восторгѣ обнялъ ребенка. Это удостовѣрило его, что онъ понялъ мысль свою такъ ясно, что даже дѣти понимаютъ ее. Первый эскизъ изваянія явился въ 1816 году, но самая статуя окончена только въ 1824 году. Изваяніе Христа полно грусти и божественной изящности. Спаситель стоитъ, тѣло его покрыто одеждой, которая падаетъ небрежно длинными складками, одна рука положена на сердце, другая—простерта. Даннекеръ, трудясь надъ ней, безпрестанно читалъ Евангеліе и Библію и едва только священное писаніе открывало ему какую нибудь характерную черту, онъ спѣшилъ поправлять статую. Произведеніе этого скульптора, помимо художественной красоты и духовнаго величія, носитъ еще печать благочестія.

Эта часовня у нашихъ массоновъ въ свое время пользовалась большимъ почтеніемъ и, по разсказамъ старожиловъ, здѣсь даже и въ ночное время можно было встрѣтить масоновъ и мистиковъ, молящихся или стоящихъ по часамъ въ духовномъ размышленіи: Вотъ какъ описываетъ эту часовню посѣтившій

ее, на второй годъ по постройкѣ, одинъ изъ писателей вѣка Александра Благословеннаго, Ив. Ив. Мартыновъ: «Зданіе построено въ готическомъ вкусѣ; въ главномъ зданіи или въ капеллѣ стѣны уже растрескались, какъ бы отъ древности, въ окнахъ синія стекла; пристроенная къ главному корпусу часть представляетъ полуобрушившіяся стѣны, въ иныхъ мѣстахъ выдавшіяся въ сторону и угрожающія паденіемъ; на сѣверной сторонѣ капеллы примыкаютъ къ ней стѣны, также обрушившіяся, и нѣсколько колоннъ или остатковъ отъ нихъ, поросшихъ сверху мохомъ. Осмотрѣвъ капеллу снаружи и не видя никого при ней, а двери видя запертыми, я хотѣлъ было уже воротиться назадъ, сожалѣя о напрасной моей поѣздкѣ, ибо увидѣть изваяніе Спасителя было важнѣйшимъ предметомъ оной. Къ счастью, я посмотрѣлъ въ главную стеклянную дверь и увидѣлъ солдата, шьющаго на полу сапоги.

— Можно ли видѣть Христа Спасителя?—спросилъ я.

— Какъ не можно, отвѣчалъ онъ и тотчасъ взялъ съ собою ключъ отъ храмины, повелъ меня между мнимо развалившихся стѣнъ по узкой лѣстницѣ въ средній ярусъ; передъ храминой находится площадка, съ которой и входъ въ капеллу.

Солдатъ отперъ двери. Храмина небольшая, четырехугольная, съ коническимъ куполомъ; въ каждомъ изъ четырехъ угловъ, при основаніи восходящаго вверхъ конуса, ангелы держатъ раскрытое Евангеліе. Изваяніе Спасителя, на четырехугольномъ пьедесталѣ краснаго зернистаго гранита, поставлено у южной стѣны, посрединѣ, лицомъ къ сѣверу. Спаситель высѣченъ изъ одного куска чистѣйшаго бѣлаго мрамора, впрочемъ, не безъ темноватыхъ двухъ или трехъ полосъ вдоль одежды. Очи Спасителя устремлены на зрителя и какъ бы говорятъ: «Мною ко Отцу»; слова эти по-латыни написаны подъ стопами Спасителя— «Per me ad Patrem». Изваяніе вышиною въ сажень безъ пьедестала. Съ разстроеннымъ сердцемъ, съ неизъяснимымъ чувствомъ кающагося грѣшника, предающаго себя ходатайству Спасителя, медленно вышелъ я изъ капеллы, говоритъ Мартыновъ.

Изъ числа построекъ, созданныхъ во время императора Александра I, надо отнести и «гранитную террасу», воздвигнутую въ 1809 году повелѣніемъ государя по рисунку архитектора Руско. Терраса эта стоитъ на мѣстѣ строившейся галлереи изъ пудожскаго камня. Не менѣе интересенъ здѣсь въ саду фонтанъ «Молочница», построенный скульпторомъ П. И. Соколовымъ въ 1810 году, подъ наблюденіемъ Бетанкура. Художникъ очень

удачно воспользовался текстомъ басни Лафонтена, въ изображеніи грусти крестьянской дѣвушки о потери разбившагося кувшина, по отломку котораго струится чистая вода.

Къ драгоцѣннымъ памятникамъ первыхъ годовъ царствованія Александра I принадлежитъ также учрежденный имъ Царскосельскій лицей.

Въ началѣ 1810 года, при вступленіи новаго министра народнаго просвѣщенія графа А. К. Разумовскаго, императоръ Александръ передалъ ему на разсмотрѣніе проектъ «образованія лицея», который предположено учредить въ Царскомъ Селѣ [297]) «съ цѣлью образованія юношества, особенно предназначеннаго къ важнымъ частямъ службы государственной и составляемаго изъ отличнѣйшихъ воспитанниковъ знатныхъ фамилій». Существуетъ преданіе, будто проектъ лицея былъ написанъ наставникомъ государя Лагарпомъ [298]). Предполагаютъ, что уставъ лицея былъ предначертанъ самимъ Александромъ I и изложенъ М. М. Сперанскимъ. До этого времени такихъ высшихъ учебныхъ заведеній въ Россіи было немного: въ Москвѣ—благородный московскій пансіонъ, а въ Петербургѣ—іезуитскій пансіонъ; въ послѣднемъ было до 500 воспитанниковъ, принадлежащихъ къ самымъ знатнѣйшимъ русскимъ фамиліямъ. Въ одно время съ утвержденіемъ устава отведенъ для помѣщенія лицея четырехъ-этажный новый флигель царскосельскаго дворца съ особымъ помѣщеніемъ подъ больницу, кухню и т. д. Съ зданіемъ передана въ собственность лицея мебель и всякая утварь, при нихъ бывшая. Первымъ директоромъ лицея назначенъ статскій совѣтникъ Малиновскій; въ іюнѣ мѣсяцѣ была сдѣлана публикація о принятіи въ лицей дѣтей на воспитаніе. Къ пріемнымъ экзаменамъ было допущено по просьбамъ родителей 36 учениковъ, изъ числа которыхъ и было принято въ число воспитанниковъ лицея 30 человѣкъ, лучше другихъ выдержавшихъ экзаменъ. Торжественный актъ состоялся 19-го октября, въ четвергъ. Къ торжеству были приглашены члены св. синода, государственнаго совѣта, министры, иностранные и другіе знатнѣйшіе сановники. На актѣ присутствовалъ самъ императоръ съ августѣйшимъ семействомъ. Императорскую грамату, дарованную лицею, читалъ директоръ министерства народнаго просвѣщенія И. И. Мартыновъ. На актѣ говорили рѣчи профессора Малиновскій и Куницынъ.

«Вы помните: когда возникъ лицей,
Какъ царь для насъ открылъ чертогъ царицынъ,
И мы пришли, и встрѣтилъ насъ Куницынъ,
Привѣтствіемъ межъ царственныхъ гостей»,—

сказалъ, спустя двадцать лѣтъ, геніальный ученикъ этого лицея. «Любимые сады Екатерины съ чертогами, столпами, гробницами друзей, кумирами боговъ и славой мраморныхъ екатерининыхъ орловъ» производили на молодыхъ воспитанниковъ глубокое впечатлѣніе.

Ученики были помѣщены, какъ мы уже говорили, въ самомъ дворцѣ, небольшая лишь галлерея отдѣляла комнаты ихъ отъ чертоговъ царскихъ. Флигель дворца, назначенный подъ лицей, служилъ до того времени мѣстомъ жилья великихъ князей и великихъ княженъ. Помѣщеніе воспитанниковъ состояло изъ четырехъ этажей. Кромѣ того, лицею отданы были три сосѣдніе каменные дома, называвшіеся пѣвческимъ и прачешнымъ флигелями. Затѣмъ, позднѣе, къ нимъ присоединенъ еще домъ, купленный у г. Сакера. Отданный лицею флигель, именовавшійся новымъ, носилъ названіе это по отношенію лишь къ большому дворцу и на самомъ дѣлѣ представлялъ такое зданіе, которое, по истеченіи десяти лѣтъ, уже требовало капитальныхъ исправленій: крыша протекла, потолокъ въ большой залѣ, вогнувшейся на 2¹/₂ вершка, угрожалъ опасностью. Но едва было сдѣлано представленіе объ исправленіи зданія, какъ происшедшій 12-го мая 1820 г., въ третьемъ часу дня, пожаръ въ главномъ дворцѣ надъ церковью охватилъ галлерею, а вслѣдъ затѣмъ и весь главный корпусъ лицея, который и выгорѣлъ совершенно. Воспитанники уцѣлѣли, какъ и казна, библіотека, кабинеты и проч. Всѣ спасенныя вещи отъ пожара были перенесены въ Эрмитажъ.

Первый выпускъ воспитанниковъ на государственную службу состоялся въ 1817 году: выпущено было 30 человѣкъ. 1844 годъ лицей началъ уже въ новомъ своемъ помѣщеніи на Петербургской сторонѣ, по Каменноостровскому проспекту, на углу Большой Монетной улицы, въ трехъ-этажномъ зданіи съ двумя небольшими по сторонамъ флигелями въ два этажа. Въ зданіи этомъ прежде находился Александровскій сиротскій институтъ, назначенный для воспитанія бѣдныхъ сиротъ разнаго званія; открытъ онъ былъ 23-го сентября 1834 г. По переводѣ сюда лицея, онъ былъ переименованъ въ Александровскій лицей. Въ годъ новоселья лицей совершилъ III выпускъ своихъ воспитанниковъ.

Царскосельскій лицей далъ Россіи нѣсколькихъ замѣчательныхъ людей на разныхъ поприщахъ. Но болѣе всего онъ привлекаетъ вниманіе потомства тѣмъ, что въ немъ началъ свое развитіе геніальный русскій поэтъ. Почтенный академикъ Яковъ Гротъ [299]) говоритъ: « Лицей былъ назначенъ для приготовленія

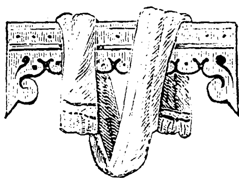
молодыхъ людей къ важнымъ частямъ государственной службы», но иронія судьбы устроила, что первымъ блестящимъ плодомъ его воспитанія былъ юноша, вовсе негодившійся для службы и однако же болѣе всѣхъ прославившій это заведеніе.

Пятьдесятъ два года тому назадъ въ Царское Село построена была первая желѣзная дорога въ Россіи. Строитель дороги былъ австрійскій инженеръ фонъ-Герснеръ, а главнымъ дѣятелемъ всего предпріятія графъ А. А. Бобринскій; разрѣшеніе на постройку было получено 21-го мая 1836 года, основной капиталъ былъ 3.000,000 р. ассигнаціями. Выпущено было 15,000 акцій, по 200 руб. каждая. Въ концѣ сентября того же года были положены рельсы и открыта линія между Павловскомъ и Царскимъ Селомъ. Мѣстность, по которой проведена дорога, составляетъ нечувствительно наклоненную площадь (по тригонометрическому нивеллированію Павловскъ выше Обухова моста на $11^1/_2$ саж.), слѣдовательно было не трудно удовлетворить главнымъ условіямъ посредствомъ насыпи въ $10^1/_2$ фут. средней высоты. Наибольшая высота достигаетъ на Волковскомъ полѣ, наименьшая— между Царскимъ Селомъ и Павловскомъ, а на станціи царскосельской идетъ въ уровень съ землею. Вся эта земляная работа простиралась до 70 тыс. кубич. саж. Дорога была открыта для ѣзды въ томъ же году 27-го сентября, но какъ тогда не были еще доставлены изъ Англіи паровозы, то первые опыты ѣзды по рельсамъ производились на лошадяхъ, паровозы же стали ходить только въ слѣдующемъ году съ 25-го сентября.

Торжественное же открытіе состоялось 31-го октября 1837 г., въ присутствіи всѣхъ министровъ, дипломатическаго корпуса и массы народа. Первый поѣздъ изъ восьми вагоновъ отправился изъ маленькаго деревяннаго вокзала, стоявшаго во дворѣ семеновскихъ казармъ; самъ строитель, еще больной, управлялъ поѣздомъ; пассажировъ на поѣздѣ было 256 человѣкъ и вмѣстѣ съ людьми стояли платформы съ рогатымъ скотомъ, бревнами и другими громоздкими вещами. Надъ вагонами развѣвались разноцвѣтные флаги. Вся ближайшая окрестность была усѣяна народомъ, зрители даже были на крышахъ домовъ. Въ простонародіи почему-то дорогу въ первое время прозвали «неблагословенной». Кто-то выпустилъ слухъ, что она не была благословлена митрополитомъ. Проѣздъ по дорогѣ въ первое время былъ крайне дешевъ: въ III классѣ платили по 25 коп., во второмъ— 40 коп. Четыре года спустя, на Царскосельской дорогѣ произошла страшная катастрофа: пьяный машинистъ Робертъ Максвель

забылъ приказаніе остановиться на Средней Рогаткѣ и на восьмой верстѣ встрѣтилъ встрѣчный поѣздъ. Столкновеніе произошло въ 1840 году, въ ночь съ 11-го на 12-е августа. Отъ столкновенія разбились вагоны въ дребезги и было убито нѣсколько десятковъ человѣкъ и нѣсколько ранено. Вблизи крушенія еще по сейчасъ виднѣется скромное кладбище. Эта катастрофа не была первою—до этого несчастнаго случая было еще столкновеніе, на которомъ былъ убитъ первый управляющій царскосельской дорогой.

Скоро исполнится полвѣка со дня существованія дороги и царскосельскаго скакового ипподрома, привлекающаго сюда такія массы публики въ августѣ мѣсяцѣ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Такія увеселительныя поѣздки по рѣкѣ впослѣдствіи были запрещены Александромъ I.

2) Самборскій служилъ священникомъ при царевнѣ Александрѣ Павловнѣ, бывшей замужемъ за палатиномъ венгерскимъ. Царевна была очень несчастна въ бракѣ; особенно ее преслѣдовала жена Франца II, злая, мстительная женщина, исполненная религіознаго фанатизма. Царевна терпѣла лишенія даже въ столѣ своемъ, такъ что духовный ея отецъ Самборскій самъ приносилъ ей съ рынка рыбу, которую ей потомъ готовила дочь его.

3) См. «Сѣверную Пчелу», 1857 г. № 37.

4) Другой пожаръ въ лабораторіи случился въ 1834 году, въ іюлѣ мѣсяцѣ. Отъ удара молніи загорѣлся сарай, въ которомъ хранилось до шести тысячъ конгревовыхъ ракетъ. На часахъ стоялъ рядовой Нейшлотскаго полка Иларіонъ Кулябинъ. Когда весь сарай былъ объятъ пламенемъ и даже загорѣлась будка, часовой не сошелъ съ поста, не смотря на приказанія генераловъ и офицеровъ, и подъ градомъ ракетъ простоялъ, пока не былъ снятъ карауломъ. Императоръ Николай I наградилъ его 300 рублями и перевелъ въ гвардію.

5) Въ это время сталъ входить въ моду магнетизмъ—жена извѣстнаго правителя канцеляріи Потемкина, М. И. Ковалинскаго, позволяла приходить къ себѣ всѣмъ, когда впадала въ таинственное усыпленіе; въ магнетическомъ трансѣ она предсказывала будущее, читала молитвы и проч. Около этого же времени пріѣхалъ въ Петербургъ и Каліостро и сталъ показывать свои чудеса по части цѣлебной; онъ увѣрялъ, что можетъ доставать ртуть изъ ноги подагрика, дѣлать золотую тинктуру и философскій камень. Есть преданіе, что Каліостро бывалъ у Строганова и затѣмъ, надѣлавъ всюду долги, скрывался въ погребѣ И. П. Елагина, гдѣ пилъ почти запоемъ. Отсюда Каліостро былъ потихоньку вывезенъ въ кибиткѣ со своей женою до Митавы,—въ провожатые ему былъ данъ Елагинымъ одинъ старый солдатъ.

6) См. «Записки о моей жизни», стр. 101.

7) По другимъ свѣдѣніямъ графъ заплатилъ Домашневу за гробницу 20,000 рублей. Подробности, какъ объ этой гробницѣ, такъ и о садѣ графа Строганова, имѣются въ «Иллюстраціи» 1847 г., откуда мы и заимствуемъ всѣ эти подробности.

8) Tinctura nervina Bestuscheffii, Tinctura aurea nervina tonica Lamotii. Капли эти изобрѣтены были въ 1720 г. графомъ Бестужевымъ, во время пребыванія его

въ Даніи россійскимъ резидентомъ при копенгагенскомъ дворѣ. Способъ приготовленія этого препарата онъ хранилъ въ тайнѣ. Въ 1728 году лаборантъ Бестужева Лембке продалъ эту тайну французскому бригадиру Ламоту, который выдавалъ эти капли за собственное изобрѣтеніе, подъ названіемъ Elixir d'or blanc de Lamotte. Въ 1748 г. графъ Бестужевъ сообщилъ способъ приготовленія аптекарю Маделю, у наслѣдниковъ котораго Екатерина и купила этотъ секретъ. Въ 1782 г. профессоръ Георгъ и баронъ Ашъ первые обнародовали приготовленіе бестужевскихъ капель.

9) Стихотвореніе начинается такъ:

«Оставя безпокойства въ градѣ
И все, смущаетъ что умы,
Въ простой пріятельской прохладѣ
Свое проводимъ время мы», и т. д.

10) Постановка такихъ памятниковъ у братьевъ масоновъ была тогда въ большой модѣ; мнѣ приходилось встрѣчать такіе въ имѣніи Лопухина, въ Кромскомъ уѣздѣ, въ с. «Ретижы» и въ саду у Поздѣева, въ Малоархангельскомъ уѣздѣ, въ Орловской губерніи.

11) См. его воспоминанія «Петерб. Листокъ» 1878, г. № 140.

12) Церковь въ Елагинскомъ дворцѣ, во имя св. Николая, освящена въ 1822 г., въ алтарѣ его замѣчателенъ запрестольный образъ Богородицы, вышитый руками императрицы Маріи Θеодоровны; остальные образа въ разное время поднесены императору Николаю, въ числѣ послѣднихъ есть образъ въ золотомъ окладѣ «четырехъ рождествъ», дарохранительница, очень цѣнная: изъ разныхъ яшмъ, съ моделью гроба Господня.

13) Извѣстны его книги: «Dianalogie», Дрезденъ, 1796 г.; «De la musique en Italie», Hague, 1778 г.; «Circée», Paris, 1792 г.; «Poésie francaise d'un prince etranger à Paris», 1789 г.

14) Строитель Крестовскаго князь А. М. Бѣлосельскій умеръ 26 декабря 1809 г. На Лазаревскомъ кладбищѣ жена его, Анна Григорьевна, поставила памятникъ, на которомъ извѣстный того времени поэтъ Дмитріевъ написалъ слѣдующую эпитафію:

«Пусть Кліо родъ его отъ Рюрика ведетъ;
Поэтъ, къ достоинству любовью привлеченный,
Съ благоговѣніемъ на камень сей кладетъ
Вѣнокъ, слезами музъ и дружбы орошенный».

Въ память князя Алек. Мих. на Крестовскомъ островѣ воздвигнута часовня.

15) Островъ носилъ имя Татарскаго, оттого что здѣсь прежде убивали лошадей татары.

16) Теперь Средне-Колымскъ.

17) Екатерина Ивановна Головкина была дочь князя-кесаря Ромодановскаго. См. Хмырова книгу того же названія.

18) См. соч. Держав., т. I, стр. 61.

19) Постройку и проекты дачъ утверждалъ самъ государь Александръ I, при немъ построены всѣ эти роскошныя дачи, плохихъ онъ здѣсь не допускалъ. Каменный островъ былъ его любимой резиденціей въ 1801 году.

20) См. «Годъ моей жизни въ Петербургѣ», соч. Александровой-Дуровой.

21) См. «Вечера на Карповкѣ», соч. Г-жи Жуковой.

22) Гудковы—родомъ выходцы изъ Голландіи.

23) См. рѣдкую теперь брошюрку Алекс. Томилина «Вѣковой домикъ», С.-Петербургъ, 1848 года.

24) Подробное описаніе сада и дворца. См. «Старый Петербургъ».

25) Императоръ Павелъ, вступивъ на престолъ, ввѣрилъ супругѣ своей управленіе Смольнымъ. Императрица немедленно занялась управленіемъ монастыря и изъ назначеннаго ежегоднаго дохода въ одинъ милліонъ рублей—опредѣлила 10,000 р. на перестройку зданія, расширила кругъ ихъ занятій и отмѣнила заведенныя въ монастырѣ театральныя представленія.

26) Бецкаго въ городѣ въ шутку всѣ звали «Бецкой, воспитатель дѣтской».

27) Бецкой жилъ по Невѣ, гдѣ Троицкій теперь мостъ и домъ англійскаго посольства. Бецкой первый ввелъ въ Петербургѣ висячіе сады. Большіе сады этого рода были въ собственномъ его домѣ и затѣмъ въ домѣ его побочной дочери Де-Рибасъ у Лѣтняго сада (домъ принца Ольденбургскаго), другая его дочь была замужемъ за извѣстнымъ оберъ-полиціймейстеромъ Петербурга И. С. Горголи. Дочери его носили до замужества фамиліи Соколовыхъ.

28) Въ числѣ причудъ Ганина была у него страсть писать драмы. Такихъ невозможныхъ пьесъ имъ было написано нѣсколько: «Любимъ» и «Валеріянъ», «Ельвира или Роза» и затѣмъ «Дононъ или Добродѣтельный Иванъ». Въ послѣдней дѣйствіе происходило на Антильскихъ островахъ, неподалеку отъ морского берега близь возвышенной горы, на степи Сахарѣ. Дѣйствующія лица были: городское правленіе, Прескотъ и львица.

29) Его сочин., т. I, стр. 254. Стихотвореніе начинается:

Бывали-ль вы когда у Ганина въ саду?
Неужли не бывали?
Такъ ничего вы не видали! и проч.

30) См. «Москвитянинъ» 1855, № 6.

31) См. соч. Державина, т. I, Я. Грота, стр. 674.

32) Первый стеклянный заводъ у насъ въ Россіи основанъ Петромъ Великимъ въ Москвѣ на Воробьевыхъ горахъ; мастера были выписаны изъ Англіи, имъ даны были ученики, молодые люди изъ солдатъ. Послѣ заводы были переведены въ Ямбургъ, оттуда, въ 1769 году, переведены въ Шлиссельбургскій уѣздъ, въ село Назне. Въ 1777 году заводъ стеклянный поступилъ въ полное распоряженіе князя Потемкина, который, въ 1779 году, и перевелъ его въ Петербургъ, на свою дачу «Озерки». Въ 1783 году онъ здѣсь устроилъ и зеркальный.

33) См. «Истор. стат. свѣд. Спб. епархіи, т. 8, стр. 91.

34) См. тамъ же, стр. 95.

35) Въ 1828 году вышло второе изданіе его стихотвореній. Въ 1830 году была напечатана его сельская поэма «Четыре времени года». Въ 1834 году изданы его «Новые досуги сельскато жителя» и въ 1840 году Академія Наукъ издала другую книжку новыхъ досуговъ Слѣпушкина.

36) Въ 1703 году учреждена была Ижорская канцелярія и нѣсколько этого ранѣе Меншиковъ былъ пожалованъ ижорскимъ княземъ.

37) См. «Истор. свѣд. Спб. епархіи».

38) См. «Исторія села Царскаго», Ив. Яковкина.

39) См. Словарь сравнительный всѣхъ языковъ и нарѣчій, собранный Высочайшею десницею императрицы Екатерины II, изд. Палласомъ, 2 т., 4°, Спб., 1780—1787 г.

40) См. «Пансальвинъ, князь тьмы», быль? не быль? однакожъ и не сказка. М., 1809 года. Книга эта не представляетъ теперь большой рѣдкости.

41) Въ журналѣ «Minerva» 1797 года объяснены вымышленныя имена романа и обнаруженъ его настоящій смыслъ. Объясненія эти не совсѣмъ вѣрны, болѣе вѣрныя мы находимъ въ замѣткѣ А. Афанасьева. Вотъ какъ онъ опредѣляетъ: Пан-

сальвинъ—Потемкинъ, графиня Маниль—жена гр. С. Р. Воронцова, бывшая любимой фрейлиной императрицы, г-жа Шпадиль—граф. Брюсъ, баронъ Понто—Елагинъ, баронетъ Пикинъ—А. С. Васильчиковъ, графъ Кервитъ—кн. Гр. Орловъ, Трефилія—Е. Н. Зиновьева, потомъ жена кн. Орлова, графъ Короди—гр. Н. И. Панинъ, фельдмаршалъ Басто—графъ Румянцевъ-Задунайскій, Неана—А. Н. Нарышкина, нѣкій мужъ, о которомъ упоминается на стр. 331—В. С. Поповъ, гдѣ же только рѣчь заходитъ о Мирандѣ (Екатерина II), авторъ говоритъ о ней съ величайшимъ уваженіемъ къ ея уму, сердцу и дарованіямъ и съ видимымъ сочувствіемъ къ ея правительственнымъ заботамъ, хотя въ то же время указываетъ и нѣкоторыя слабости этой государыни.

42) См. «Русск. Стар.» 1877 года, т. VIII, стр. 101.

43) См. Труды любителей русской словесности. 1818, IV., 311.

44) См. «Новое Ядро Росс. Истор.», т. III, стр. 123—124.

45) См. его «Voyage en Siberie Amsterdam» 1769.

46) См. Vie de Pierre III, стр. 226.

47) Подлинникъ этой рѣдкой рукописи, какъ мы слышали, хранится въ библіотекѣ Новгородской семинаріи.

48) При Екатеринѣ всѣмъ дворянамъ раздавались мѣста отъ правой стороны дороги до залива на 50 и 200 саженъ поперечнику, вслѣдствіе этого распоряженія всѣ болотныя мѣста были высушены новыми владѣльцами.

49) См. «XVIII вѣкъ», стр. 330.

50) См. Абевега русскихъ суевѣрій. Москва. 1786 г.

51) Обводный каналъ начатъ въ 1805 году генераломъ Герардомъ и оконченъ въ 1834 году генераломъ Базеномъ; длина его восемь верстъ, ширина десять саженъ.

52) А. Васильчиковъ въ своей ст. «Родъ Нарышкиныхъ» (См. «Русск. Арх.» 1871 г., стр. 1506) ошибочно говоритъ, что Нарышкина была дочь генеръ-маіора Никиты Ивановича Румянцева, отъ брака съ княжною Мещерской.

53) См. Грота. Соч. Держ., стр. 346, т. 3.

54) См. его «Описаніе столичнаго города С.-Петербурга», стр. 711.

55) См. Г. В. Есипова: «Красный кабачекъ».

56) Сильный въ то время Салтыковъ всячески придирался къ наслѣдникамъ. Онъ принуждалъ ихъ строиться на «подобіе знатныхъ людей, которымъ были розданы приморскія мѣста».

57) См. Лебедева: Графы П. и Н. Панины, стр. 116.

58) См. Анучина — Графъ Панинъ усмиритель пугачевщины.

59) См. Пушкина, т. VI, стр. 257.

60) См. Лебедева, Гр. Панинъ, стр. 95.

61) Державинъ на смерть Петра Панина написалъ слѣдующее стихотвореніе:

Прочь, врагъ отечества съ нахмуреннымъ челомъ!
Сему не прикасайся тлену.
Сокрытъ въ немъ на измѣну
И на неправду громъ.

Графъ Панинъ похороненъ въ Москвѣ, первая же жена его Анна Алекс., рожд. Татищева, скончавшаяся чрезъ маловременную чахотную болѣзнь 27-го октября 1784 г., похоронена вмѣстѣ съ мужемъ и дѣтьми на упраздненномъ кладбищѣ при церкви Воздвиженія Животворящаго Креста, въ Ямской.

62) См. Описаніе Петербурга, стр. 715.

63) См. Соч. Державина, т. VI, стр. 856.

64) См. Истор.-статист. свѣд. петербургской епархіи, т. VIII, стр. 149.

65) Графъ А. Бор. Бутурлинъ 1694 — 1767 г. былъ деньщикомъ Петра Великаго, получилъ графское достоинство за взятіе Берлина въ Семилѣтнюю войну.

66) См. его «Записки».

67) См. подробности «Старый Петербургъ», стр. 34.

68) См. «Ист. Спб. епархіи».

69) См. «Рус. Арх.» 1873. Гр. Орловъ.

70) См. «Соч. Державина».

71) См. «Рус. Арх.» 1873 г.

72) См. «Записки князя Щербатова».

73) См. П. Свиньина «Достопамятности Петербурга», т. 2, стр. 190.

76) Буксгевденъ родился въ 1750 году, умеръ въ 1811 году. Жена его Наталья была красавица, блондинка и славилась какъ превосходная жена. Всѣхъ побочныхъ дѣтей у Орлова было пять человѣкъ — три сына и двѣ дочери.

77) См. его словарь.

78) См. «Русскій Архивъ» 1883 г., т. III, стр. 69.

79) Этого Демидова въ то время величали барономъ, даже въ актахъ и бумагахъ онъ носилъ это званіе, на что на самомъ дѣлѣ не имѣлъ права.

80) См. «Новиковъ», стр. 351.

81) «Русскій Архивъ» 1877 г. Ч. II. «Историческіе анекдоты Толычевой».

82) Братъ двоюродный его, П. И. Репнинъ, тоже былъ масонъ. Онъ тратилъ свое громадное богатство, разъѣзжая по Европѣ, отыскивая истинное масонство.

83) См. «Соч. Вяземскаго», т. 9, стр. 79.

84) См. «Сынъ Отечества» 1812 г., № 11, стр. 224.

85) Ему въ то время было 18 лѣтъ; онъ родился 18 мая 1787 г.

86) Жилъ онъ на Исаакіевской площади; домъ его теперь принадлежитъ тоже Мятлевымъ. Въ Екатерининское время Мятлевы имѣли съ нимъ домъ рядомъ; отъ нихъ послѣдній былъ купленъ Екатериною для графа Зубова. Домъ Нарышкина славился хлѣбосольствомъ и весельемъ. Державинъ воспѣлъ его слѣдующими стихами:

Нарышкинъ! Коль и ты привѣтствомъ
Къ веселью всѣмъ твой домъ открылъ!..
Гдѣ скука и тоска забыта,
Семья учтива, не шумна,
Важна хозяйка домовита
Досужа, ласкова, умна,
Гдѣ лишь пріязнью, хлѣбосольствомъ
И взоромъ ищутъ угождать, и проч.

Жена Нарышкина была Марѳа Закревская, дочь простого казака, впослѣдствіи генеральнаго обознаго Ос. Лук. Закревскаго.

87) См. «Русскій Архивъ» 1871 г., стр. 1487.

88) Родилась 1772, умерла 1859 г.

89) Въ с. Порѣцкомъ, Алатырскаго уѣзда, Симбирской губерніи; село это нѣсколько лѣтъ тому назадъ поступило въ удѣльное вѣдомство.

90) См. его «Сенсаціи г-жи Курдюковой заграницею». Спб., 1840 г. «Коме-ражи». Спб., 1858 г. Полное собраніе его сочиненій вышло въ 1859 году.

91) См. «Соч. Вяземскаго», т. 8, стр. 245.

92) Батушка — любимое присловье графа Канкрина.

93) Этотъ анекдотъ разсказанъ въ «Русскомъ Архивѣ» 1886 г., № 10.

94) См. «Русскій Архивъ» 1863 г., стр. 493.

95) См. Осьмнадцатый вѣкъ, кн. I, стр. 101.

96) См. Русскіе писатели XVIII вѣка, стр. 646, ст. М. Н. Лонгинова «Русская Старина» 1870 г.

97) Т. е. соединены болѣе сердцами, чѣмъ узами крови.

98) См. полное собраніе сочиненій, т. VIII, стр. 134.

99) Помимо этихъ ничтожныхъ замѣтокъ, веденныхъ когда уже Мамоновъ былъ помѣшанъ въ умѣ, имѣются еще записки графа, которыя еще не могутъ быть изданы въ свѣтъ — отрывки изъ нихъ напечатаны въ «Русскомъ Архивѣ» 1877 г., т. III, стр. 389.

100) См. «Русскій Архивъ» 1868 г., стр. 967.

101) У Прасковьи Ѳедоровны были еще двѣ дочери: Марія и Ѳеодосія умершія младенцами.

102) См. «Чтен. Моск. Общ. Ист и Др. Рос.». 1878 г., кн. I, стр. 1—233.

103) См. «Ист. историко-стат. свѣд. спб. епархіи», т. 9, стр. 512. — Полный очеркъ исторіи Серг. пустыни приготовляетъ къ печати П. Яковлевъ.

104) 18-го марта 1730 года явился манифестъ, направленный противъ архіереевъ-нововводителей: въ этомъ манифестѣ императрица провозглашала, что она прилежное попеченіе имѣетъ о храненіи и защищеніи православнаго закона христіанской Восточной церкви и проч. преданій, славы ради и хвалы Божія учрежденныхъ.

105) См. «Ист.-стат. свѣд. Спб. епархіи», т. 2, стр. 214.

106) Дѣло предтеченской церкви, въ Ямской, священниковъ Ан. и Ефор. Ивановыхъ въ 1733 г., наказанныхъ плетьми и сосланныхъ въ Охотскій острогъ; дѣло свящ. П. Иванова, въ 1734 г. жестоко избитаго плетьми, за такой же проступокъ, и дѣло свящ. Ив. Никитина въ 1735 году, лишеннаго священства и наказаннаго такъ же. Затѣмъ извѣстно еще дѣло священника Гавріила Ѳомина, который вмѣсто обѣденъ правилъ часы, не ѣздилъ къ родильницамъ давать молитвъ, «а посылалъ ихъ въ шапкахъ». Императоръ Павелъ I уничтожилъ тѣлесное наказаніе духовенства, указомъ 3-го февраля 1796 года.

107) См. Полное собраніе законовъ № 5512.

108) С. Воспомин. И. М. Снигирева «Русскій Архивъ» 1866 г., стр. 537.

109) См. «Истор.-стат. свѣд. Спб. епархіи», т. X, стр. 518.

110) Пушкаревъ говоритъ, что эта церковь сооружена въ 1758 году и освящена въ 1758, но это не вѣрно, смотри ниже.

111) Въ санъ іеромонаха Платонъ былъ посвященъ въ Петербургѣ, въ церкви Троицкаго подворья. См. «Начерт. житія митрополита Платона», соч. И. С., ч. 1 стр. 18.

112) См. «Русскій Архивъ», 1872 г. стр. 458.

113) По разсказамъ Ѳ. П. Лубяновскаго, особенную силу имѣли проповѣди въ царствованіе Елисаветы. «Если надобно было дать одному щелчокъ, другого съ рукъ сбыть, то обращались къ проповѣднику! Тотъ съ каѳедры отправлялъ прямо въ геенну такого царя, въ которомъ милость не соглашалась съ правосудіемъ и оттого не скоро карала злодѣевъ. Иной приговоръ до проповѣди не одинъ годъ лежалъ на столѣ; послѣ проповѣди съ приложеніемъ руки сходилъ со стола».

114) Отобрано было у Московской лавры, вмѣстѣ съ 12-ю приписными къ ней монастырями, 150,961 душа, у монастырей: Кирилло-Бѣлозерскаго—35,000, ростовскихъ—38,389, тверскихъ—19,629, у домовъ архіерейскихъ епархій: вологодской—47,568, вятской—42,012 крестьянъ и т. д. Взамѣнъ положено было выдавать ежегодно изъ казны: новгородскому митрополиту съ Софійскимъ соборомъ — 10,031 р.

20 к., московскому съ Чудовымъ монастыремъ — 7,510 р. 85 к., петербургскому съ Александро-Невскою лаврою — 15,000 р., восьми архіерейскимъ домамъ второклассныхъ епархій по 5,500 р., въ томъ числѣ по 2,600 р. архіепископу лично; 15-ти архіерейскимъ домамъ третьеклассныхъ епархій по 4,232 р. 20 к., въ томъ числѣ по 1,800 р. лично епископу, двумъ викаріямъ—8,061 р. 60 к., Московской лаврѣ — 10,070 р., монастырямъ мужскимъ 1-го класса по 2,071 р. 50 к., 2-го класса по 1,311 р. 90 к. и 3-го класса по 806 р. 30 к. Всего на духовенство было опредѣлено—365,203 р. Сверхъ того, назначались архіерейскимъ домамъ и монастырямъ «рыбныя ловли, земли для сѣна и пастьбы лошадей и скота довольныя» и проч.

115) Въ монастырѣ, построенномъ Платономъ, «Виѳаніи», на искусственной горѣ «Ѳаворѣ», имѣется наверху очень замѣчательная комнатная икона несчастнаго французскаго короля Людовика XVI, передъ которой незадолго до своей печальной смерти онъ изливалъ свою душу.

116) См. его записки, стр. 135. Въ письмахъ къ Гримму Екатерины II объ этомъ печальномъ эпизодѣ находимъ другой варіантъ разсказа: По словамъ государыни, «Зубову расшибло ядромъ ногу вмѣстѣ съ его лошадью, съ которой онъ упалъ, хотѣлъ высвободиться, и тутъ только замѣтилъ, что у него сломана нога, потому что не могъ встать. Офицеры, бывшіе съ нимъ, тотчасъ унесли его за занавѣску, привели хирурга и раненый велѣлъ ему отрѣзать ногу на четыре пальца выше раны, что и было тотчасъ же исполнено, при громѣ непріятельскихъ пушекъ и подъ ядрами, которыхъ было такъ много, что два раза во время операціи пришлось перемѣнить мѣсто. Потомъ его положили на носилки и понесли мимо второй линіи нашихъ войскъ, наступавшихъ на непріятеля. Зубовъ говорилъ съ солдатами, шутилъ съ ними; многіе солдаты при видѣ его плакали; наконецъ его отнесли въ господскій домъ... Однимъ словомъ, онъ выказалъ себя героемъ... а герою было только 24 года. Его перевезли, по его желанію, въ Варшаву, и онъ начинаетъ ходить на костыляхъ».

Но и въ Варшавѣ, по разсказамъ современниковъ, В. Зубову непосчастливилось и чуть-чуть онъ не попалъ въ плѣнъ. Въ Варшавѣ, въ самый Великій четвергъ, открылся бунтъ, въ 4 часа утра. Наши, какъ говоритъ реляція, были «сюрпренированы», поляки заняли арсеналъ и не дали русскимъ батальонамъ собраться стрѣляя изъ оконъ, изъ пушекъ по улицамъ. Игельстромъ насилу спасся съ Апраксинымъ и графомъ Зубовымъ и 30 офицерами и 1,200 рядовыми. Въ этотъ день русскіе потеряли до 3 тысячъ человѣкъ.

117) См. соч. Державина «На покореніе Дербента», примѣчанія академика Як. Грота.

118) Истор.-статист. свѣд. Спб. епархіи, т. IX, стр. 515.

119) Отъ перваго ея брака сынъ князь Николай Борисовичъ, родился въ 1827 г.

120) Петръ Турчаниновъ перешелъ сюда изъ большого дворца, вслѣдствіе какой-то ссоры съ сакеларіемъ Левицкимъ, также переведеннымъ въ Казанскій соборъ. Турчаниновъ жилъ постоянно въ Петербургѣ и имѣлъ для служенія въ Стрѣльнѣ помощника.

121) См. Ист.-стат. свѣд. Спб. епархіи.

122) См. «Описаніе Петергофа» А. Гейрота.

123) См. Mémoires de Frederique-Sophie-Wilhelmine, margrave de Bareith. T. I, стр. 40—14.

124) Она прежде стояла въ кунсткамерѣ между еспонтонами царя, но впослѣдствіи была перенесена въ адмиралтейство, гдѣ и сгорѣла.

125) Росписана она была живописцемъ Фераромъ.

126) Въ 1801 и 1804 г. здѣсь построены на берегу пруда первыя казармы; въ 1805 году воздвигнута больница для военныхъ служителей. Въ 1807 году построенъ госпиталь и казармы для гвардейскихъ уланъ, и въ 1810 году по берегу Стрѣльны выстроены дворы для колонистовъ.

127) См. Исторія медицины, ч. 2, стр. 249. М., 1830 г.

128) См. его анекдоты о Петрѣ Великомъ.

129) Шепелевъ Дм. Андр. былъ путевымъ маршаломъ.

130) См. Н. Костомарова «Бытъ великорусскаго народа».

131) Шумахеръ состоялъ библіотекаремъ при кунтскамерѣ, на его обязанности лежало также, каждому посѣтителю объяснять и показывать всѣ диковинныя вещи.

135) См. Ас. Gordon hystori of Peter the Great. Ч. II, стр. 170.

136) См. M. Hassen. Wahre Staatsklugheit Peters des Grossen. Leipzig. 1739, стр. 238.

137) См. Büschings Magazin XXI, стр. 259.

138) Первый календарь въ Петербургѣ отпечатанъ въ 1713 г., онъ перепечатанъ съ такого же московскаго: въ первомъ календарѣ не было предсказаній, но въ слѣдующемъ году они опять появляются. Петръ писалъ, 23-го ноября 1714 г., къ Мусину-Пушкину, чтобы въ календаряхъ непечатать прогностику (см. «Дѣянія Петра», Голикова, ч. V, стр. 591).

139) Единственный полный экземпляръ этого календаря, по словамъ академика Пекарскаго, хранится въ Императорскомъ Эрмитажѣ, въ Публичной же Библіотекѣ экземпляръ не полный. Извѣстный же «Брюсовъ календарь», попадающійся въ продажѣ, изданъ въ царствованіе Екатерины II; извѣстна также и перепечатка съ него изданная въ 1860 годахъ въ Харьковѣ.

140) Петръ умеръ спустя десять лѣтъ послѣ кончины Брюса.

141) Симеонъ Полоцкій или Симеонъ Емельяновичъ Петровскій-Ситніановичъ родился въ 1628 году. Когда царь Алексѣй Михайловичъ присоединилъ къ своей державѣ Смоленскъ и Малороссію, то въ числѣ другихъ духовныхъ лицъ, и Симеонъ поселился въ Москвѣ. Царь препоручилъ ему воспитывать своего старшаго сына, царевича Ѳеодора Алексѣевича, и далъ ему мѣсто при дворѣ.

142) Чинъ этотъ онъ получилъ за участіе въ слѣдствіи въ дѣлѣ несчастнаго царевича Алексѣя Петровича.

143) См. «Ссылка въ Восточную Сибирь замѣчательныхъ лицъ», стр. 21, статья И. Сельскаго.

144) См. ту же статью «Ссылка въ Восточную Сибирь».

145) Первая нареченная его невѣста, княжна Гагарина, въ день свадьбы удалилась въ монастырь.

146) «Русская Старина» 1871, стр. 582, т. 4.

147) (къ стр. 237). Существующій теперь родъ графовъ Мусиныхъ-Пушкиныхъ идетъ отъ другой линіи; онъ считаетъ своимъ родоначальникомъ гр. Алексѣя Ивановича, пожалованнаго, въ 1797 г., въ это достоинство императоромъ Павломъ I. Графъ Алексѣй Ивановичъ родился 1744, умеръ 1817 года. Онъ управлялъ корпусомъ чужестранныхъ единовѣрцевъ и въ 1794 году былъ президентомъ Академіи Наукъ. Графъ А. Ив. Мусинъ-Пушкинъ былъ большой любитель отечественныхъ древностей и составилъ богатое собраніе старинныхъ рукописей, монетъ и другихъ рѣдкостей. Получилъ онъ страсть къ собиранію рѣдкостей слѣдующимъ образомъ: нечаянно онъ узналъ, что одинъ изъ книгопродавцевъ только лишь купилъ нѣсколько возовъ старинныхъ книгъ и бумагъ коммиссара Крекшина. Всѣ эти рѣдкости хранились въ амбарѣ у одного изъ наслѣдниковъ. Мусинъ-Пушкинъ зналъ, что Крекшинъ долго

служилъ при Петрѣ, собиралъ древнѣйшія рукописи, разныя грамоты и имѣлъ кабинетныя дѣла государевы; что онъ занимался историческими сочиненіями и составилъ 45 томовъ своихъ записокъ, въ томъ числѣ журналъ Петра Великаго въ 27 книгахъ. Всѣ эти рукописи были куплены книгопродавцемъ за 200 руб., графъ предложилъ ему 500 руб. и тотъ уступилъ ему съ благодарностью. Графомъ изданы слѣдующія книги: «Русская правда», «Книга большого чертежа», «Историческіе разсказы о времени крещенія великія княгины Ольги», «Историческое изслѣдованіе о мѣстоположеніи древняго Россійскаго Тмутараканскаго княженія», «Слово о полку Игоря», «Историческое замѣчаніе о мѣстоположеніи въ древности бывшаго на рѣкѣ Мологѣ Холопья города». Почти вся богатая библіотека графа погибла въ 1812 году, въ Москвѣ, вмѣстѣ съ его великолѣпнымъ домомъ. Графъ отличался необыкновенною добротою. Такъ, полученныя имъ тысячу душъ крестьянъ отъ императора Павла онъ раздѣлилъ между своими подчиненными. Когда онъ скончался, то по завѣщанію просилъ похоронить себя въ с. Иловнѣ Ярославской губерніи, лежащемъ отъ Москвы въ 280 верстахъ; узнавъ о смерти его, крестьяне, въ числѣ 400 человѣкъ, пришли въ Москву и на рукахъ отнесли его останки въ любимое имъ село.

147) (къ стр. 239). См. «Русскую Старину», т. XXIII, стр. 166, ст. П. В. Алабина—Ив. Ив. Бутурлинъ.

150) Анг. Эмануилъ Девіеръ былъ любимый генералъ и адъютантъ царя. По словамъ Берхгольца, онъ былъ родомъ итальянецъ, красавецъ собою, очень худой, на видъ очень моложавый. Сперва онъ служилъ скороходомъ, потомъ былъ деньщикомъ Петра. Девіеръ славился своею строгостію и быстротою въ исполненіи царскихъ приказаній, городскимъ же обывателямъ всѣхъ сословій онъ внушалъ такой страхъ, что они дрожали при одномъ его имени. По словамъ другого современника Девіера, профессора Мартини, императоръ Петръ вывезъ его изъ Англіи, Девіера подарилъ ему адмиралъ Михель, какъ хорошаго каютнаго служителя. Мартини говоритъ, Девіеръ былъ родомъ португалецъ. Петръ Великій принудилъ Меншикова выдать за Девіера свою сестру, чѣмъ Меншиковъ былъ крайне обиженъ. Это-то обстоятельство и дало Меншикову впослѣдствіи поводъ такъ жестоко отомстить Девіеру. Гельбигъ разсказываетъ въ своей книгѣ («Russische Günstlinge»), что Меншиковъ первое предложеніе Девіера отвергнулъ съ пренебреженіемъ, сестра же Меншикова не переставала быть благосклонною къ Девіеру и, по прошествіи нѣкотораго времени, сдѣлалась матерью. Девіеръ снова обратился къ Меншикову, но тотъ вмѣсто отвѣта велѣлъ наказать жестоко Девіера; дѣло дошло до государя, который и женилъ Девіера на сестрѣ Меншикова. Девіеръ былъ сосланъ въ Охотскъ. По словамъ охотскихъ старожиловъ, Девіеръ хотя былъ и ссыльный, но его крайне боялись тамъ, ибо изгнанникъ этотъ имѣлъ нравъ очень крутой и строптивый. Девіеръ былъ возвращенъ въ Россію императрицею Елисаветой Петровной.

151) Къ числу дѣлъ Миниха, о которыхъ нельзя упомянуть добромъ, надо отнести его неуваженіе къ русскимъ памятникамъ. Такъ, въ 1732 году, обнося старый Кіевъ валомъ, онъ засыпалъ землею и частію взорвалъ порохомъ такъ называемыя «Золотыя врата Ярославовы», остатки которыхъ были открыты ровно черезъ сто лѣтъ, въ 1832 году.

152) Взятой изъ рукописи, представленной П. А. Веньяминову, генералъ-губернатору Западной Сибири.

153) Всѣ дачи нашихъ вельможъ, лежавшія на берегу Финскаго залива, въ старое время назывались приморскими дачами или дворами.

154) См. Письмо ректора новгородской семинаріи Іосафа — съ присылкою къ его высографскому столу новгородской особливой рыбки, подборныхъ сто сиржей.

155) См. «Русская Старина», стр. 20, 1886 г. Октябрь.

156) См. его записки, стр. 72.

157) См. А. Васильчиковъ. «Семейство Разумовскихъ», т. I, стр. 466.

158) См. Mémoires de Catherine, 160—161.

159) Къ этому заводу было приписано 20,000 душъ крестьянъ, — впослѣдствіи этотъ заводъ за долги Шувалова былъ взятъ въ казну.

160) См. Карновича: «Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ».

161) См. ст. Д. Ѳ. Кобеко «Ученикъ Вольтера», «Р. Арх.» 1881. III.

162) См. «Москвитянинъ» 1853 г., № 3, стр. 21.

163) См. его Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг.

164) А. П. Мельгуновымъ въ Ярославлѣ была открыта масонская ложа.

165) См. Матеріалы для біографіи А. П. Мельгунова, «Ярославскія Губернскія Вѣдомости», № 9, 1865.

166) См. «Соч. Державина», пр. Я. Грота, ч. I, стр. 41.

167) См. вышеприведенную статью его «Матеріалы для біографіи А. П. Мельгунова.

168) См. его «Воцареніе императрицы Анны Іоанновны», Казань, 1880 г., стр. 25.

169) См. его «Царствованіе Анны».

170) По другимъ разсказамъ, разорвалъ актъ Семенъ Салтыковъ, который онъ читалъ, по приказанію императрицы.

171) См. «Княжна Екат. Долгорукая», ст. Сулоцкаго, стр. 8.

172) Не повторяя въ подробностяхъ уже извѣстныхъ всѣмъ фактовъ, за что несла кару фамилія Долгорукихъ, такъ могущественная въ царствованіе Петра II, считаемъ не лишнимъ упомянуть, что главная причина ихъ гибели была — составленіе подложнаго духовнаго завѣщанія, по которому императоръ передавалъ престолъ обрученной своей невѣстѣ, княжнѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ Долгоруковой. Мысль о составленіи этого духовнаго завѣщанія была положена на семейномъ совѣтѣ и главными руководителями его были князь Алексѣй Григорьевичъ и Василій Лукичъ. И по приказу князя Алексѣя Григорьевича сынъ его князь Иванъ подписалъ одну изъ этихъ духовныхъ именемъ Петра II «такимъ почеркомъ, какимъ его величество имя подписывалъ» (См. «Рус. Стар.», т. XXIII, стр. 738).

173) Въ этотъ монастырь послѣ княжны Долгорукой было прислано двадцать колодницъ квакерской ереси. Въ 1743 г. возвращены изъ ссылки и каторжной работы, сосланные изъ-за Долгорукихъ, березовскіе протоіерей, пять священниковъ и діаконъ и обдорскіе священникъ съ діакономъ. Жившія тогда въ Москвѣ княжны Долгорукія приглашали ихъ къ себѣ въ домовую церковь и въ свои имѣнія. Этимъ приглашеніемъ воспользовался одинъ обдорскій священникъ и діаконъ. Березовское же духовенство не пожелало разстаться со своею родиной и осталось доживать свой вѣкъ въ Березовѣ (см. «Опис. Березов. края» Абрамова, «Тобольск. Губ. Вѣдом.» 1858 г., № 225, стр. 409).

174) См. «Иркутскія Епарх. Вѣд.» 1868 г., № 27, стр. 334.

175) См. «Московскія Вѣдомости» 1862 годъ, № 246 ст., Р. Игнатова.

176) См. А. Гейрота «Описаніе Петергофа», стр. 115.

177) См. тамъ же, стр. 33.

178) Въ Москвѣ, на Потѣшномъ дворѣ, такихъ птицъ было гораздо больше. Здѣсь, напримѣръ, содержалось 25 кречетовъ, 12 челиговъ кречатьихъ, 24 сокола, 4 ястреба, 4 челига ястребиныхъ и одинъ балабанъ. При этомъ при птичьей охотѣ

состоялъ «клобушечный мастеръ», изготовлявшій для птицъ «клобучки» или «каблучки» и «обножи».

179) См. «Рус. Архивъ» 1873, стр. 1343.

180) Von Havens. Reise in Russland § 22.

181) Чистовичъ—Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время.

182) По сказаніямъ нѣкоторыхъ современниковъ; поводомъ его опалы была честолюбивая мысль этого архіепископа домогаться высокаго званія патріарха.

183) См. Воцареніе императрицы Анны Іоанновны.

184) Этотъ Адамъ былъ фактотумъ Ѳеофана; враги Ѳеофана считали его такимъ же лютераниномъ, какимъ, по ихъ понятію, былъ самъ Ѳеофанъ. Ѳеофилактъ Лопатинскій говоритъ про Адама, что онъ только для виду православный, все по лютеранскимъ домамъ бѣгаетъ и у Брюса, отъявленнаго атеиста, чуть не живетъ.

185) См. Чистовича «Ѳеофанъ Прокоповичъ», стр. 631.

186) См. Шерера—«Біографія Ѳеофана», написанная на латинскомъ языкѣ.

187) См. «Очерки Петергофа» Н. Шарубина.

188) Въ наше время такими полезными выпусками птицъ для поддержанія оскудѣвающей охоты подъ Петербургомъ занимается его высочество Николай Николаевичъ Младшій.

189) Послѣдняго Бергхольцъ не называетъ, но мы отыскали его имя: онъ былъ выписанъ по рекомендаціи Леблонда.

190) Юр. Мат. Фельтенъ (1730—1801), ученикъ графа Растрелли, архитекторъ дворцоваго вѣдомства. Изъ его работъ въ Петербургѣ извѣстны: старое зданіе ломбарда, церкви: армянская и св. Анны въ Кирочной улицѣ.

191) У Бюшинга находимъ (см. его «Magazins», ч. I, стр. 18): однажды Петръ II пришелъ къ сестрѣ своей Натальѣ Алексѣевнѣ и на колѣняхъ просилъ ее, чтобъ она воспрепятствовала его браку съ княжною Меншиковой, обѣщая ей за это подарить свои золотые карманные часы. Это разсказывалъ Бюшингу графъ Лестокъ бывшій свидѣтелемъ этого разговора.

192) См. Соловьева «Исторія Россіи», т. 19.

193) Супружеская жизнь Меншиковыхъ служила тогда всѣмъ добрымъ образцомъ. Находясь въ походахъ, Меншиковъ каждый день отправлялъ къ женѣ успокоительныя письма. Но такая любовь послѣдняго не препятствовала многочисленнымъ и грубымъ нарушеніямъ брачной вѣрности. Княгиня Меншикова, по преданію, отъ слезъ потеряла зрѣніе. Когда Меншиковъ былъ отправленъ въ ссылку въ Березовъ, то жена отъ горести скончалась на пути, въ селеніи Услонъ, на правомъ берегу Волги, въ виду города Казани.

194) См. № 48 за 1740 годъ.

195) См. «Отношенія Фридриха II» etc. См. «Древняя и Новая Россія» 1875 года. VIII.

196) См. «С.-Пет. Академ. Вѣдомости» 1740 года.

197) См. А. Гейротъ, стр. 64.

198) Изумруды, фенакиты, шерлы, александриты, сафиры, алмазы были найдены спустя сто лѣтъ на Уралѣ.

199) См. А. Гейротъ «Описаніе Петергофа», стр. 68.

200) Idem.

201) См. «Русскій Архивъ» 1878 года, III, стр. 436.

202) См. его «Цесаревна Елисавета Петровна въ Александровской слободѣ».

203) А. Я. Шубинъ, сынъ богатаго помѣщика Владимірской губерніи, былъ ближній сосѣдъ цесаревны по вотчинѣ своей матери. Онъ былъ страстный охот-

никъ, на охотѣ и познакомился съ цесаревной. Шубинъ служилъ въ Семеновскомъ полку. См. выше свѣдѣнія о немъ.

204) См. его «Словарь достопамятныхъ людей», т. III, стр. 550.

205) См. П. И. Мельникова. Нижегородская ярмарка.

206) См. Шетарди, стр. 294.

207) Грюнштейнъ былъ сынъ саксонскаго крещенаго еврея. Онъ пріѣхалъ въ Россію торговать, накопилъ деньги, отправился въ Персію, гдѣ прожилъ 11 лѣтъ, но, возвращаясь опять въ Россію съ значительнымъ состояніемъ, былъ ограбленъ въ степи, избитъ и оставленъ замертво двумя астраханскими купцами. Очнувшись, былъ взятъ въ плѣнъ татарами; освободившись отъ нихъ, пріѣхалъ опять въ Россію и началъ дѣло противъ ограбившихъ его купцовъ; но хлопоталъ понапрасну, противники его успѣвали всегда во-время задаривать судей. Въ отчаяніи Грюнштейнъ поступилъ рядовымъ въ Преображенскій полкъ и перешелъ изъ лютеранства въ православіе. Впослѣдствіи за дерзкія слова противъ императрицы Елисаветы былъ наказанъ тѣлесно и сосланъ въ свою деревню.

208) По словамъ Гельбига, этого Шепелева всѣ ненавидѣли за его грубость. Сынъ его женатъ былъ на племянницѣ князя Потемкина.

209) См. «Словарь древней и новой поэзіи», т. III, ст. 275.

210) Первая фамилія Ив. Аф. Дмитревскаго была Дьяконовъ, онъ былъ сынъ священника и готовился въ дьячки. Елисавета назначила Дмитревскому жалованья въ годъ 300 рублей.

211) Театръ этотъ простоялъ до царствованія императора Павла I. Разобранъ онъ былъ въ одну ночь полиціймейстеромъ Архаровымъ по приказу императора.

212) По другимъ сказаніямъ она выстроена была еще въ 1721 году.

213) См. «Великая княгиня Екатерина Алексѣевна до ея самодержавія». «Ист. Оч.» П. В. Дирина.

214) См. «Сборникъ Русскаго истор. общества», т. X, стр. 293.

215) См. «Очеркъ Петергофа» Н. Шарудина.

216) См. «Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ» ак. Я. К. Грота.

217) Загородный домъ И. И. Шувалова былъ на 8-й верстѣ по Петергофской дорогѣ, возлѣ митрополичьей дачи; впослѣдствіи это мѣсто принадлежало родной сестрѣ Шувалова, графинѣ Праск. Ник. Фредро.

218) Болѣе двадцати лѣтъ.

219) См. «Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ» акад. Я. К. Грота.

220) См. «Hettner. Literaturgeschichte des achtzehnten Jahrhunderts, т. II.

221) Гриммъ имѣлъ Владимірскую звѣзду; титулъ барона пожалованъ ему былъ въ 1775 г. вѣнскимъ дворомъ. Есть свидѣтельство, что Гриммъ былъ весьма неравнодушенъ ко всякимъ почестямъ.

222) Въ Петергофѣ Марія Ѳеодоровна послѣдній разъ праздновала 22-го іюля въ 1825 году.

223) См. «Истор.-стат. свѣд. Спб. епархіи», т. X, стр. 91.

224) Всѣхъ монетъ чекана 1851 года положено было: 20 золотыхъ имперіаловъ, 50 рублей, 30 полтинъ, 30 четвертаковъ, 80 двугривенныхъ, 100 гривенниковъ и пятачковъ 100 штукъ.

225) См. Шарудина «Очерки Петергофа», стр. 26.

226) Idem.

227) Idem.

228) Карость по-чухонски значитъ слободка.

229) См. И. Савельева «Мухамеданская нумизматика», стр. 157.

230) См. «Иллюстрацію» 1845 г., стр. 233.

231) См. его Географическій словарь.

232) См. «Иллюстрацію» 1847 года, стр. 88.

233) Въ 1849 году Ораніенбаумъ сдѣланъ заштатнымъ городомъ.

234) Сурками назывались крестьяне, опредѣленные для надзора за казенными прудами и рыболовными снастями.

235) Имя Гостилицы встрѣчается въ старыхъ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ XVII вѣка, произошло оно отъ слова «гостей», т. е. заѣзжихъ людей, посѣщавшихъ эту мѣстность встарину.

236) См. Истор.-статист. свѣд. Спб. епархіи, ч. X, стр. 9.

237) См. «Mémoires de Stanislas Auguste comte Poniatowski», стр. 28.

238) Эти офицеры были: капитанъ Пассекъ, князь Ѳ. Барятинскій, Баскаковъ и Шкуринъ.

239) Ив. Лазар. Лазаревъ—придворный банкиръ и ювелиръ, былъ родомъ жулфинецъ (въ Индіи), звали его по настоящему Іоганъ Агазаръ. Онъ продалъ князю Гр. Гр. Орлову большой алмазъ за 400,000 руб. Необычайная цѣна такой драгоцѣнности породила въ тогдашнемъ обществѣ много фантастическихъ выдумокъ, слуховъ и преданій о томъ, какъ достался алмазъ Лазареву. Одни утверждали, будто алмазъ выкраденъ изъ казнохранилища Надиръ-шаха, другіе — будто онъ пріобрѣтенъ Лазаревымъ за безцѣнокъ отъ какого-то, незнавшаго ему цѣны, человѣка; третьи—будто какой-то кавказскій житель, по порученію Лазарева, врѣзалъ драгоцѣнную вещь себѣ въ ногу и въ такомъ видѣ перенесъ ее изъ Индіи чрезъ Кавказскія горы и доставилъ въ Петербургъ и проч. Пока извѣстно только, что алмазъ этотъ въ 1761 году лежалъ въ амстердамскомъ банкѣ на храненіи подъ тремя печатями. Вмѣстѣ съ Лазаревымъ былъ собственникомъ этого камня его братъ Григорій Сафрасъ; послѣдній продалъ ему свою половинную часть за 125,000 рублей. Орловъ же купилъ въ семилѣтній срокъ платежа.

240) См. «Соч. Державина», изд. акад. Грота, ч. 9, стр. 224.

241) См. «Ист.-стат. свѣд. Спб. епархіи», т. X, стр. 86.

242) См. В. Коптева. Столѣтній юбилей Орлова-Чесменскаго.

243) Побочный сынъ графа, генералъ-маіоръ Александръ Алекс. Чесменскій—неизвѣстно кто была его мать. — Преданіе, говорящее, что онъ сынъ Таракановой, не имѣетъ никакого основанія. — Послѣдняя познакомилась съ Орловымъ въ 1774 году, а Чесменскій въ 1780 году былъ уже взрослымъ офицеромъ конной гвардіи. Многіе тогда полагали, что его ждетъ блестящая карьера придворнаго фаворита.

244) Въ царскосельскомъ дворцѣ, въ одной изъ залъ также хранится богатая фарфоровая ваза, работы петербургскаго фарфороваго завода, съ медальонами чесменскаго героя.

245) Пособники графа Орлова заграницей, при арестѣ Таракановой, были: Ос. Мих. де-Рибасъ и Иванъ Христинекъ; первый, сынъ кузнеца, явился къ Орлову въ Ливорно и былъ имъ опредѣленъ во флотъ, послѣ онъ былъ на службѣ въ кадетскомъ корпусѣ и затѣмъ былъ воспитателемъ молодого Бобринскаго; онъ женился на побочной дочери Бецкаго и сдѣлался клевретомъ Потемкина; во флотѣ, по его протекціи, онъ дослужился до адмирала. По его проекту основана Одесса. Онъ умеръ въ 1800 году отъ яда, даннаго ему по ошибкѣ докторомъ: его вынесли изъ кареты уже мертваго. Суворовъ говорилъ про Кутузова: «его и Рибасъ не проведетъ». Судьба Христинека мало извѣстна—только извѣстно, что онъ успѣлъ войти въ довѣренность Таракановой и снабжалъ ее деньгами.

246) Ивановскій монастырь во время нашествія Наполеона сгорѣлъ и былъ впослѣдствіи упраздненъ, церковь была обращена въ приходскую, а въ кельяхъ были помѣщены чиновники и рабочие синодальной типографіи. Въ 1859 году монастырь этотъ былъ вновь возстановленъ—и нѣкоторыя старыя зданія были сломаны, въ томъ числѣ и келья, гдѣ жила Тараканова, подъ именемъ монахини Досиѳеи. Эта таинственная монахиня, какъ разсказываютъ преданія, была нрава тихаго, послѣдніе годы она провела въ безмолвіи и считалась праведною; даже подъ старость она сохранила въ лицѣ рѣдкую красоту; роста она была средняго, худощава и чрезвычайно стройна. Въ церковь она ходила очень рѣдко и то въ сопровожденіи монахини. Корридоръ и крытая деревянная лѣстница отъ ея келіи вели прямо въ церковь, устроенную подъ святыми вратами. Тамъ духовникъ для нея одной совершалъ богослуженіе и въ это время церковныя двери запирались, чтобы не могъ зайти посторонній и увидѣть таинственную монахиню. Если къ окнамъ ея келіи, задернутымъ всегда занавѣсками, подходилъ кто нибудь, то его отгонялъ монастырскій стражъ. Привезена сюда Тараканова была по повелѣнію императрицы Екатерины II; по смерти этой государыни, Досиѳею стали посѣщать многіе сановные люди: такъ, напримѣръ, митрополитъ Платонъ пріѣзжалъ поздравлять ее по большимъ праздникамъ. Досиѳея скончалась 4-го февраля 1810 г. На пышныя ея похороны явилась вся знать Москвы въ лентахъ. Существуетъ преданіе, что Досиѳея послѣ свиданія съ Екатериной сама захотѣла удалиться отъ свѣта въ таинственное уединеніе, чтобы не сдѣлаться орудіемъ въ рукахъ честолюбцевъ. Досиѳея похоронена въ Новоспасскомъ монастырѣ.

247) См. ихъ Описаніе Петербурга.

248) Слово это тогда объясняли «лягушечье болото».

249) См. Истор.-стат. свѣд. Спб. епархіи, ст. 223, ч. 8.

250) См. Истор. опис. Николаевской Чесменской богадѣльни, В. Шклярскаго, стр. 7.

251) См. его исторію Царскаго Села.

252) См. Истор.-стат. свѣд. Спб. епархіи, т. VIII, стр. 412.

253) См. «Свѣтъ и тѣни».

254) Замѣчательно, что при посадкѣ этого парка были перевезены деревья большого роста, чуть ли не въ нѣсколько саженъ и, благодаря самому заботливому уходу, всѣ деревья принялись и очень скоро укрѣпились.

255) См. Городскія поселенія, т. I, стр. 538.

256) До этого времени за отпускомъ кирпича Екатерина обращалась къ оберъ-коммиссару Синявину.

257) См. 18 вѣкъ, ст. В. Андреева.

258) См. Villebois. Тет. 122—123.

259) См. Берхгольцъ, ч. 1, 202.

260) Въ 1773 году въ этотъ прудъ посажено было до 200 стерлядей, которыя въ посту подо льдомъ и заснули. Садовники-старики показали, что рыба здѣсь болѣе трехъ лѣтъ жить не могла; то же самое подтвердили и рыбаки, вызванные изъ Рыбачьей слободы.

261) См. «Ист.-стат. свѣд. Спб. епархіи», in 8.

262) Успенская церковь перенесена была въ 1742 г. за ручей Вангази (по-фински «старый», на немъ стоитъ Царское Село), на городское кладбище, а съ закрытіемъ кладбища ее перенесли въ Кузьмино, 1747 г. Съ построеніемъ каменной церкви, Успенская была за ветхостью окончательно разобрана.

263) См. его „Описаніе придворной царскосельской церкви.“

264) См. его: «Исторія Царскаго Села».

265) Напечатанныхъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», Свиньина.

266) Соловьевъ говоритъ, что императрица выѣхала изъ Петербурга 23-го февраля; день этотъ показанъ ошибочно: изъ бумагъ царскосельскаго архива видно, что государыня прибыла 22-го февраля въ Царское.

267) Троны въ Грановитой палатѣ и въ Успенскомъ соборѣ устраивалъ Иванъ Бланкъ, онъ же строилъ и тріумфальныя ворота.

268) Ширина дворца не вездѣ одинакова, по причинѣ сдѣланныхъ уступовъ.

269) Церковный куполъ надъ дворцомъ или вѣрнѣе пять его главъ сіяли золотомъ до пожара 1863 года.

270) См. Описаніе Петербурга.

271) См. Краткая лѣтопись о Селѣ Царскомъ. Спб., 1827 г., стр. 39.

272) См. Описаніе этой церкви протоіерея Іоанна Цвинева.

273) При передѣлкѣ оконныхъ рамъ это стекло было взято генераломъ Ребиндеромъ.

274) При копаніи Виттелева канала былъ найденъ въ землѣ кладъ, состоящій изъ 16 большихъ шведскихъ монетъ, именуемыхъ купферталерами, и 15 мелкихъ серебряныхъ монетъ.

275) Дворецъ императрицы на Невѣ.

276) Императоръ Александръ I отдалъ ее въ Эрмитажъ, гдѣ она стояла 14-ть лѣтъ, а Николай Павловичъ приказалъ эту статую убрать отсюда и отнести въ кладовыя Таврическаго дворца, гдѣ она долго сохранялась и затѣмъ уже передана была въ Императорскую Публичную Библіотеку. Про эту статую существуетъ цѣлая легенда.

277) Это стихотвореніе приписывается самой императрицѣ; оно было прислано ею Храповицкому.

278) Ростральная называется отъ латинскаго названія rostrum — носъ карабельный. Такой первый ростральный столбъ съ корабельными носами и кормами былъ поставленъ въ Римѣ консулу Дуиллію въ честь одержанной имъ первой морской славной побѣды надъ карѳагенскимъ флотомъ.

279) 1802 г., при образованіи Ораніенбаумскаго уѣзда, отъ Софійскаго уѣзда отошла одна часть уѣзда и присоединена къ нему другая отъ Лугскаго; въ 1808 г. повелѣно городъ Софію соединить съ Царскимъ Селомъ и сей соединенный городъ именовать Царское Село или Софія.

280) Эти медали нѣкогда принадлежали П. Ѳ. Карабанову, теперь хранятся въ оружейной палатѣ.

281) См. «Ист. ст. свѣд.». Спб. епархіи, т. XIII, стр. 359.

282) Извѣстный въ то время садовый мастеръ, разбившій царскосельскій садъ изъ голландскаго въ ландшафтный и уничтожившій всѣ прямыя дорожки.

283) Іюня 20-го 1780 г.

284) Гора Парнасъ усажена березками, рябинами, елями, орѣшникомъ и смородиною по огульному найму за 365 рублей.

285) Петръ Симонъ Палласъ, ординарный академикъ.

286) Племянникъ Фридриха II.

287) Джіованни Паизіелло (1741 — 1816), оперный композиторъ въ 1770 году былъ приглашенъ Екатериной въ Петербургъ, гдѣ пробылъ девять лѣтъ; къ этому времени относятся лучшія его произведенія. Послѣ былъ директоромъ парижской капеллы и позднѣе директоромъ консерваторіи въ Неаполѣ.

288) Часть этого музея теперь перевезена въ Эрмитажъ и часть хранится въ

царскосельскомъ дворцѣ, въ кабинетѣ покойнаго императора. Здѣсь устроена такъ называемая египетская комната. Новѣйшее оружіе также поступило въ арсеналъ Аничковскаго дворца.

289) Существующее преданіе, будто таицкой водопроводъ проведенъ на средства владѣльца мызы Таицъ, г-на Демидова, не имѣетъ основанія. Изъ дворцовыхъ документовъ видно, что стоила его постройка казнѣ.

290) Истор.-статист. свѣдѣнія Спб. епархіи, т. 8, стр. 350.

291) Преданіе это невѣрно. А. Д. Ланской (род. 1758 г., умер. 25-го іюня 1784 г.). Камергеръ генералъ-адъютантъ Екатерины II, пользовавшійся благоволеніемъ государыни, сильно опечаленной его раннею смертью, умеръ отъ слишкомъ сильнаго пріема секретнаго лекарства, извѣстнаго въ медицинѣ подъ именемъ «Aphrodisiacum».

292) См. Ист.-стат. свѣд. Спб. епархіи, т. 8, стр. 357.

293) Наставника императрицы.

294) См. «Рус. Арх.» 1871 г., статья А. Брикнера, изъ книги «Des Königs Gustav's III, nach gelagene Papiere. Hambourg, .1843 г.»

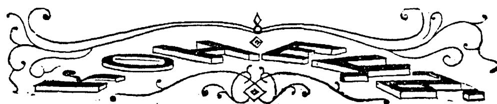
295) Екатерина II отправила къ Густаву III и куклу съ тою самою корзиною въ которой лежалъ въ первое время великій князь.

296) См. «Рус. Архивъ» 1870, стр. 150.

297) См. Историч. очеркъ императорскаго лицея, соч. И. Селезнева. Спб., 1861 г.

298) См. Отчетъ лицея 1849—50 г.

299) См. его книгу «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники». Спб., 1887 годъ.

УКАЗАТЕЛЬ
ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ,
УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ КНИГѢ
„ЗАБЫТОЕ ПРОШЛОЕ ОКРЕСТНОСТЕЙ ПЕТЕРБУРГА".

А.

Б.

В.

Г.

Ж.

З.

И.

І.

К.

Л.

Р.

УКАЗАТЕЛЬ
МѢСТНОСТЕЙ, УЧРЕЖДЕНІЙ, ЗДАНІЙ И ПРОЧ.
УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ КНИГѢ
„ЗАБЫТОЕ ПРОШЛОЕ ОКРЕСТНОСТЕЙ ПЕТЕРБУРГА“.

УКАЗАТЕЛЬ

ГРАВЮРЪ,

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ КНИГѢ

„ЗАБЫТОЕ ПРОШЛОЕ ОКРЕСТНОСТЕЙ ПЕТЕРБУРГА“.

Портреты:

Картины:

Виды мѣстностей и зданій:

Бытовые и другіе рисунки:

